Проф. В. Ф. Левитскій.

ИСТОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ

ХОЗЯЙСТВЕННАГО БЫТА.

Городская общественная
БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
имени Н. В. ГОГОЛЯ.

33
Л-76

ХАРЬКОВЪ.
Типографія фирмы „Адольфъ Дарре“, Московская ул., д. № 19.
1914.

Москва, 1934
[illegible]

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

227
31

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта представляетъ собою курсъ, который авторъ въ теченіе многихъ лѣтъ читалъ своимъ слушателямъ въ Харьковскомъ университетѣ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Курсъ этотъ многократно былъ издаваемъ студентами въ видѣ литографированныхъ записокъ. Въ 1907 году первая часть его была напечатана подъ заглавіемъ: «Исторія политической экономіи, въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта, I выпускъ. Греція, Римъ и средніе вѣка», скоро разошлась и давно уже не существуетъ въ продажѣ. Выпускъ этотъ, въ дополненномъ и исправленномъ видѣ, вошелъ въ предлагаемое изданіе. Но и въ настоящемъ изданіи курсъ мой невполнѣ законченъ, такъ какъ въ него не вошло изложеніе воззрѣній соціалистическихъ ревизіонистовъ и австрійской школы. Кромѣ того, въ немъ нѣтъ характеристики новыхъ теченій въ области методологіи политической экономіи.

При составленіи очерковъ античнаго хозяйства я пользовался любезными указаніями—профессора В. П. Бузескула по исторіи хозяйственнаго быта древней Греціи и профессора П. В. Нетушила по исторіи римскаго хозяйства. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь моимъ почтеннымъ коллегамъ свою глубокую благодарность.

Харьковъ.
1914 г., 18 Апрѣля.

В. Левитскій.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ настоящее время широкой спеціализаціи въ области научныхъ изслѣдованій изученіе народнаго хозяйства подѣлено между цѣлымъ рядомъ экономическихъ дисциплинъ. Среди нихъ теоретическая политическая экономія и статистика, каждая съ своей особой точки зрѣнія, изслѣдуютъ фактически существующія явленія народнаго хозяйства современнаго намъ историческаго періода. При чемъ теоретическая экономія изучаетъ экономическія явленія въ общихъ чертахъ, со стороны ихъ типическихъ формъ, а статистика со стороны ихъ индивидуальныхъ особенностей, зависящихъ отъ условій мѣста и времени. Прикладная политическая экономія, или экономическая политика, также изслѣдуетъ фактическія хозяйственныя отношенія, но въ связи съ тѣми измѣненіями въ народномъ хозяйствѣ, которыя желательны въ видахъ достиженія человѣческаго благосостоянія. Возможность такихъ измѣненій проистекаетъ изъ того, что человѣкъ своими волевыми дѣйствіями является однимъ изъ факторовъ преобразованія формъ и условій хозяйственной жизни и проведенія этическихъ началъ въ строй народнаго хозяйства. Наряду съ самодѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, расчитанною на усовершенствованіе хозяйственной жизни (выражающуюся, напр., въ улучшеніи техники производства, въ организаціи разныхъ видовъ кооперацій и т. п.), могущественнымъ органомъ преобразованій въ складѣ хозяйственныхъ отношеній является государство, насколько его дѣятельность проявляется въ экономическомъ законодательствѣ.

Кромѣ этихъ дисциплинъ, изслѣдованіемъ современнаго хозяйства занимается также наука о финансахъ. Изучая отмежеванную ей область государственнаго, земскаго и городского хозяйства, она является въ однѣхъ частяхъ теоретическою, а въ другихъ прикладною дисциплиною.

Въ противоположность съ названными дисциплинами, исторія народнаго хозяйства и исторія экономическихъ ученій имѣютъ своимъ предметомъ не современную, а прошлую хозяйственную жизнь народовъ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ она выразилась въ разныя историческія эпохи.

Въ чемъ же состоитъ задача исторіи народнаго хозяйства? Характеръ народнаго хозяйства измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ человѣческой культуры и общественности. Жизнь древнихъ народовъ создала особый складъ хозяйственныхъ отношеній, отличный отъ хозяйственныхъ условій средневѣковой и новой исторіи. Исторія народнаго хозяйства имѣетъ своею цѣлью выяснить характерныя черты хозяйственной жизни народовъ въ различные періоды исторіи. Слѣдя за смѣною формъ хозяйственной жизни въ порядкѣ ихъ исторической послѣдовательности, исторія народнаго хозяйства показываетъ, какъ совершался самый ходъ преобразованія однѣхъ формъ хозяйственной жизни въ другія и въ какомъ направленіи шелъ процессъ измѣненій, подготовившій современный намъ строй народнаго хозяйства.

Перейдемъ теперь къ предмету исторіи экономическихъ ученій или къ исторіи самой политической экономіи. Политическая экономія, какъ стройная система знаній о явленіяхъ и законахъ народнаго хозяйства, по происхожденію своему относится ко второй половинѣ 18-го вѣка. До этой эпохи, начиная съ древнѣйшихъ временъ, существовали отрывочныя и не систематизированныя экономическія ученія, обсуждавшія разныя явленія хозяйственной жизни. Исторія экономическихъ ученій, знакомя съ различными явленіями экономической литературы, въ порядкѣ ихъ развитія, въ то же время имѣетъ цѣлью показать, какъ постепенно слагалась и развивалась экономическая наука. Исторія экономическихъ ученій занимаетъ очень видное мѣсто въ изученіи политической экономіи. Дѣло въ томъ, что по многимъ вопросамъ народнаго хозяйства политическая экономія не дала еще опредѣленныхъ отвѣтовъ. Эти вопросы находятся въ состояніи критической разработки, и по нимъ мы имѣемъ весьма различныя ученія экономическихъ школъ. Поэтому къ исторіи политической экономіи, при современномъ положеніи экономическихъ знаній, въ особенности можетъ быть примѣнено выраженіе Гете: Die Geschichte der Wissenschaft

ist die Wissenschaft selbst (т. е. исторія науки есть сама наука). Особенную важность представляетъ въ этомъ отношеніи для политической экономіи изученіе экономическихъ ученій новаго времени: все современное содержаніе политической экономіи слагается изъ элементовъ знанія, составляющихъ достояніе отдѣльныхъ экономическихъ школъ. Почти каждая изъ экономическихъ школъ представляетъ плодъ небезуспѣшныхъ усилій къ уясненію явленій хозяйственной жизни народовъ. Но отсюда далѣе долженъ возникнуть цѣлый рядъ вопросовъ. Формируя систему знаній современной политической экономіи изъ результатовъ, добытыхъ отдѣльными школами, спрашивается, что же мы должны брать изъ содержимаго каждой изъ нихъ, что въ системѣ данной школы слѣдуетъ считать положительными истинами и что ошибками? Что каждая школа привнесла въ общую сумму экономическаго знанія и что слѣдуетъ отнести на счетъ случайныхъ заблужденій, вытекавшихъ изъ условій времени, господствующихъ вѣяній и настроеній вѣка? Только послѣ такой критической оцѣнки экономическихъ школъ возможно научное построеніе политической экономіи. Отвѣты на поставленные вопросы или, другими словами, уясненіе научнаго достоинства каждой изъ экономическихъ школъ должна намъ представить исторія политической экономіи; она должна намъ показать, въ какой мѣрѣ каждая школа своими трудами содѣйствовала прогрессу и усовершенствованію экономическихъ знаній, что и какимъ образомъ каждая изъ школъ прибавила къ суммѣ экономическихъ знаній.

Исторія экономическихъ ученій и исторія народнаго хозяйства представляютъ двѣ совершенно отличныя области экономической науки: одна изъ нихъ имѣетъ дѣло съ областью мысли, другая съ областью жизни. Но эти двѣ области явленій хозяйственной культуры находятся въ постоянномъ соприкосновеніи, при чемъ явленія хозяйственной жизни всегда вліяютъ на складъ хозяйственныхъ идей даннаго времени, а съ другой стороны, и самыя хозяйственныя воззрѣнія, въ свою очередь, вліяютъ на перемѣны въ хозяйственномъ быту: извѣстно, напр., что система экономическихъ ученій А. Смита имѣла огромное вліяніе на законодательство почти цѣлаго столѣтія послѣ ея появленія. Вслѣдствіе такого соприкосновенія этихъ двухъ областей жизни и мысли, и

науки, занимающіяся ими, т. е. исторія народнаго хозяйства и исторія экономическихъ ученій, имѣютъ тѣсную связь между собою. Эта тѣсная связь и взаимодѣйствіе между явленіями экономической жизни и мысли проявляется, какъ мы сейчасъ увидимъ, во всемъ процессѣ развитія экономическихъ ученій. Прежде всего замѣчается, что складъ общественно-хозяйственныхъ отношеній данной эпохи отражается на всемъ складѣ экономическихъ ученій. Дѣло въ томъ, что какою бы философскою независимостью, повидимому. не отличались экономическія ученія данной эпохи, но при ближайшемъ разсмотрѣніи непремѣнно можно открыть ихъ тѣсную органическую связь со всѣмъ строемъ народнаго хозяйства того времени. Если отбросить случайныя прибавки, то легко обнаружится цѣль, преслѣдуемая авторомъ даннаго экономическаго ученія, хотя бы онъ ее открыто и не формулировалъ, а именно, послѣ нѣкотораго предварительнаго анализа, всякое ученіе, занимающее извѣстное мѣсто въ исторіи экономической литературы, оказывается или защитой извѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденій своего времени, которыя старается идеализировать или, наоборотъ, въ немъ, въ болѣе или менѣе откровенной формѣ, заключается критика и осужденіе разныхъ сторонъ хозяйственныхъ состояній и учрежденій. При ближайшемъ разсмотрѣніи можно замѣтить, что экономическія нужды и потребности даннаго времени, вызывающія разные экономическіе вопросы, даютъ первый толчекъ развитію экономическихъ идей и указываютъ до нѣкоторой степени направленіе, въ которомъ принимается работать теоретическая мысль просвѣщенныхъ людей вѣка. Но и самыя экономическія нужды, какъ равно и очередные вопросы экономическаго быта даннаго времени, разными мыслителями сплошь и рядомъ истолковываются различно. Это и понятно. Вѣдь экономическая жизнь является борьбою часто противоположныхъ интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ. Поэтому и освѣщеніе экономическихъ явленій даннаго историческаго момента зависитъ отъ того, на сколько тотъ или другой мыслитель находился подъ вліяніемъ интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ или онъ сумѣлъ освободиться отъ подчиненія своихъ взглядовъ классовымъ интересамъ, имѣя въ виду нужды и потребности всего народа. Этимъ объясняется, что многіе экономисты, жившіе въ одно и то же время, рѣзко, различаются въ своихъ эко-

номическихъ воззрѣніяхъ, несмотря на то, что они были наблюдателями одной и той же исторической дѣйствительности. Но это различіе въ воззрѣніяхъ и направленіяхъ экономистовъ, являющихся современниками, можетъ имѣть и другія основанія, а именно въ различіи методовъ изслѣдованія и въ неодинаковомъ пониманіи наблюдаемого круга явленій, которое можетъ приводить мыслителей, одинаково преслѣдующихъ интересы научной истины—къ діаметрально противоположнымъ выводамъ. Приведенными двумя основаніями объясняется и то знаменательное для состоянія экономическихъ знаній явленіе, что современная политическая экономія характеризуется параллельнымъ господствомъ цѣлаго ряда школъ и направленій. Однако надо сказать, что, несмотря на существенныя различія между этими школами, всѣ онѣ носятъ на себѣ общій и несомнѣнный отпечатокъ современнаго хозяйственнаго быта, на истолкованіе котораго они расчитаны. Поэтому, въ конечномъ выводѣ, мы должны сказать, что тѣсная связь между экономическими ученіями и складомъ экономическихъ отношеній наблюдается во всѣ времена. Отсюда очевидно, что нельзя хорошо понять теорій прошлаго и правильно оцѣнить ихъ вѣрность, если не поставить ихъ въ связь съ тѣми явленіями дѣйствительности, которыя въ то время останавливали на себѣ вниманіе и участвовали въ процессѣ формированія и окраски идей. Экономическія теоріи, говоритъ Кейнесъ, можно разсматривать не только по отношенію къ ихъ абсолютной истинности, но и по отношенію къ тѣмъ хозяйственнымъ явленіямъ, которыя способствовали ихъ возникновенію, а также къ тѣмъ, возникновенію которыхъ способствовали они сами.

Тѣсная связь между явленіями хозяйственной жизни и хозяйственной мысли—съ одной стороны, и между исторіей народнаго хозяйства и исторіей хозяйственныхъ ученій—съ другой, даетъ основаніе экономистамъ при преподаваніи экономической науки излагать ихъ совмѣстно. Обыкновенно излагается исторія экономическихъ ученій, или исторія политической экономіи, въ связи съ исторіей развитія народнаго хозяйства или, наоборотъ, смотря по тому, имѣется ли въ виду посвятить преимущественное вниманіе тому или другому отдѣлу науки. Руководствуясь приведенными мотивами, и я въ своемъ курсѣ чтеній буду излагать исторію хозяйственныхъ ученій въ связи съ исторіей народнаго хозяйства.

При этомъ мы избираемъ предметомъ нашего преимущественнаго вниманія исторію хозяйственныхъ ученій, т. е. исторію политической экономіи, ограничиваясь въ области хозяйственной исторіи общими очерками характерныхъ чертъ народнаго хозяйства въ различныя историческія эпохи.

Періоды въ исторіи политической экономіи. Во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни, по выраженію Д. С. Милля, наука является гораздо позже практики. Предметъ изслѣдованія политической экономіи—хозяйство—всегда было однимъ изъ главныхъ практическихъ интересовъ человѣчества, иногда чрезмѣрно заслонявшихъ собою всѣ другіе интересы. Сама же наука, политическая экономія, явилась только очень недавно. Прежде чѣмъ стать наукой, политическая экономія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, оставалась на степени искусства. Люди долгое время удовлетворяли своимъ экономическимъ потребностямъ, хозяйничали, производили продукты, перевозили ихъ, обмѣнивали, не думая о причинахъ и законахъ различныхъ хозяйственныхъ явленій. Требовались вѣка для того, чтобы человѣчество успѣло, по требованію практической жизни, скопить извѣстный запасъ опыта и наблюденій надъ своею хозяйственною жизнью и изъ нихъ вывести правила хозяйственнаго искусства, которыми можно руководиться въ области отдѣльныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности, для болѣе успѣшнаго выполненія хозяйственныхъ задачъ. Находясь въ стадіи искусства, политическая экономія вырабатывала также тѣ начала, которыми должны руководствоваться государственные люди въ управленіи народнымъ хозяйствомъ. Изъ практическаго искусства политическая экономія постепенно становится наукой, т. е. системою знаній о законахъ общественно-хозяйственныхъ явленій.

Научное существованіе политической экономіи надо считать только со второй половины 18-го вѣка, а до того времени она представляла собою собраніе эмпирическихъ положеній и практическихъ совѣтовъ въ области хозяйственной жизни, сгруппированныхъ по разнымъ системамъ. Такой характеръ за рѣдкими исключеніями носили экономическія ученія античныхъ писателей, воззрѣнія отцовъ церкви, система меркантилистовъ и ученія ихъ ближайшихъ предшественниковъ. Можно задаться вопросомъ, въ чемъ заключаются причины столь поздняго, сравнительно, напримѣръ,

съ правомъ, возникновенія науки, затрагивающей существенные интересы общества? Есть ли это проявленіе простого каприза человѣческой любознательности, которая въ сферѣ обществовѣдѣнія прежде всего направилась на изученіе права, исторіи, оставивъ въ пренебреженіи область экономическихъ явленій? Вѣроятно, это явленіе имѣетъ другое объясненіе. Экономическія науки для своего появленія, такъ сказать, ждали того историческаго момента, когда въ области человѣческаго знанія и обществовѣдѣнія окрѣпли позитивные методы изслѣдованія. Для того, чтобы обосновались экономическія науки, необходимо было, чтобы предварительно явился Бекон съ своимъ методомъ индукціи, появилось естествознаніе, требовалось достиженіе извѣстной стадіи развитія наукъ политическихъ и философіи, давшихъ цѣлый рядъ основныхъ посылокъ для построенія системы экономическихъ знаній. Это не простая случайность, что основателями первыхъ научныхъ школъ въ экономическихъ наукахъ были—врачъ Франсуа Кене, инженеръ и математикъ Вобанъ, философы и обществовѣды, какъ Адамъ Смитъ и Юмъ.

Соотвѣтственно тѣмъ стадіямъ, которыя прошла въ своемъ развитіи политическая экономія, можно раздѣлить исторію экономическихъ ученій на четыре періода.

Первый періодъ обнимаетъ древніе и средніе вѣка. Политическая экономія этого времени состоитъ изъ отдѣльныхъ, отрывочныхъ ученій, которыя большею частью являются слитыми съ другими тогда существовавшими науками—исторіей, правомъ, философіей, а также религіей. Второй періодъ начинается съ новыхъ временъ, съ 15 вѣка, и продолжается до половины 18-го стол. Политическая экономія этой поры находится на степени искусства. Экономическія ученія этого времени имѣютъ своимъ предметомъ проектированіе разнаго рода мѣропріятій для увеличенія народнаго богатства и критику недостатковъ экономической политики государства. Третій періодъ, начинаясь съ половины 18-го столѣтія и до нашего времени, представляетъ эпоху научной разработки политической экономіи. Экономическая наука теперь уже является системой знаній, разсчитанныхъ на уясненіе причинной связи и законовъ экономическихъ явленій. Разработанная свойственными ей методами, политическая экономія этого періода заняла опредѣленное, признанное

мѣсто въ ряду другихъ общественныхъ наукъ, какъ самостоятельная отрасль знанія.

Наконецъ, можно отмѣтить и четвертый періодъ въ исторіи политической экономіи, который можно назвать методологической фазой въ развитіи политической экономіи. Это моментъ, когда въ этой наукѣ, достаточно переработавшей свой матеріалъ и уже сложившейся въ систему знаній, начинаютъ ставиться и разсматриваться вопросы о ея предѣлахъ, задачахъ и методахъ. Но и послѣ того, какъ политической экономіи удалось преодолѣть трудные методологическіе вопросы, развитіе ея этимъ, конечно, не заканчивается и не останавливается, она развивается непрерывно, по законамъ всего живого, такъ какъ ея объектъ—хозяйственная жизнь—въ процессѣ историческаго развитія непрерывно измѣняется, создавая все новыя и новыя формы общественно-хозяйственной организаціи и новыя комбинаціи экономическихъ явленій. Но съ этого момента политическая экономія обладаетъ уже извѣстнымъ готовымъ синтезомъ для болѣе точнаго ориентированія въ новомъ кругу экономическихъ явленій, выдвигаемыхъ непрерывной исторической эволюціей, а потому дальнѣйшее ея развитіе слѣдуетъ болѣе точнымъ путемъ, подъ контролемъ теоретически формулированныхъ законовъ методологіи и теоріи познанія. Хотя въ политической экономіи трудности разрѣшенія методологическихъ проблемъ не окончательно преодолѣны, но основные методологическіе вопросы получили правильную постановку, благодаря, съ одной стороны, трудамъ исторической школы, и, съ другой стороны,—англійской школѣ теоретиковъ съ Джономъ Стюартомъ Миллемъ во главѣ, а также школѣ австрійскихъ теоретиковъ, виднымъ представителемъ которыхъ является вѣнскій профессоръ Карлъ Менгеръ [1]).

Переходя теперь къ другой сторонѣ процесса историческаго развитія къ исторіи хозяйства, мы должны также, въ свою очередь, остановиться на вопросѣ—на какія же стадіи можетъ быть раздѣленъ весь ходъ исторіи хозяйственнаго быта народовъ, начиная съ

---

[1]) Приведенное нами разграниченіе періодовъ исторіи политической экономіи совпадаетъ съ дѣленіемъ, принятымъ въ извѣстномъ курсѣ Луиджи Косса, который называетъ первый періодъ фрагментарнымъ, второй—періодомъ монографій и эмпирическихъ системъ, третій—періодомъ научныхъ системъ и четвертый—періодомъ современной критики.

момента появленія на исторической аренѣ греческаго народа и до нашего времени.

Готовое рѣшеніе этого вопроса дано въ общепринятомъ хронологическомъ дѣленіи всей міровой исторіи на древнюю, среднюю и новую, въ рамкахъ котораго, конечно, должно вестись изложеніе исторіи народнаго хозяйства. Но экономисты, начиная со второй половины прошлаго столѣтія, вполнѣ основательно предъявляли къ дѣленію исторіи хозяйственнаго быта на періоды, кромѣ опредѣленныхъ хронологическихъ границъ и другіе критеріи схематизаціи, вытекающіе изъ особенностей экономическаго строя въ разныя историческія эпохи. Соціальная структура народнаго хозяйства, измѣняясь въ процессѣ развитія, представляетъ въ предѣлахъ широкихъ историческихъ періодовъ извѣстныя типическія формы. Поэтому, понятно стремленіе экономистовъ подмѣтить въ исторіи хозяйственнаго быта народовъ опредѣленную преемственность этихъ формъ и, такъ сказать, уложить весь ходъ хозяйственной исторіи въ опредѣленные экономическіе режимы и типы хозяйственныхъ отношеній.

Одною изъ наиболѣе раннихъ является схема ступеней хозяйственной исторіи, выставленная Фридрихомъ Листомъ, въ основу которой положено главное направленіе производства въ хозяйствѣ даннаго народа. Онъ различаетъ пять періодовъ, которые народы умѣреннаго климата переживаютъ въ исторіи своего хозяйственнаго развитія: 1) періодъ охотничій, 2) пастушескій, 3) періодъ земледѣльческій, 4) періодъ земледѣльческо-мануфактурный и 5) земледѣльческо-мануфактурно-торговый.

Другой экономистъ, Бруно-Гильдебрандъ, за основу своей схемы, принимаетъ степень развитія мѣнового оборота и поэтому онъ видитъ въ исторіи хозяйства народовъ преемственную смѣну трехъ типовъ: натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство. Симондъ де-Сисмонди, Родбертусъ и Карлъ Марксъ, характеризуя денежное капиталистическое хозяйство, какъ типъ хозяйства современнаго историческаго періода, постоянно противопоставляютъ ему натуральное хозяйство древнихъ народовъ, совершенно упуская изъ виду формы хозяйственнаго быта среднихъ вѣковъ.

Въ основу нашего курса положено дѣленіе исторіи хозяйственнаго быта на три преемственно слѣдовавшія стадіи развитія:

1) періодъ замкнутаго натуральнаго хозяйства, въ которомъ продукты потребляются въ предѣлахъ тѣхъ хозяйствъ, которыя ихъ производятъ. 2) періодъ городского хозяйства, отмѣченный появленіемъ городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли, въ противоположность деревнямъ, съ ихъ спеціально земледѣльческими занятіями, при чемъ въ области торговопромышленныхъ оборотовъ и сношеній господствующее положеніе занимаютъ городскіе классы, промышленные союзы (гильдіи и цехи), городскія управленія и союзы городовъ, какъ это было въ средніе вѣка въ Западной Европѣ. 3) наконецъ, періодъ народнаго хозяйства или, какъ его принято называть, періодъ денежнаго и капиталистическаго хозяйства. Характерными особенностями этого типа хозяйства являются общественно-хозяйственное раздѣленіе труда, спеціализація занятій, производство товаровъ не для собственнаго потребленія, а для сбыта, широкое развитіе мѣновыхъ оборотовъ, выходящихъ далеко за предѣлы отдѣльнаго государства, образованіе мирового хозяйства (Weltwirthschaft). Отличительная особенность этого періода заключается еще и въ томъ вліятельномъ положеніи, которое занимаетъ государство въ хозяйственной жизни страны, какъ органъ экономическаго законодательства и экономической политики. По вѣрному замѣчанію Карла Бюхера, само народное хозяйство, какъ продуктъ многовѣковой исторіи, появилось не ранѣе, чѣмъ современное государство [1]).

Пособія по исторіи политической экономіи. Julius Kantz. Die Geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomie und ihrer Lite-

---

[1]) Это дѣленіе исторіи хозяйственнаго быта на три періода опредѣлилось послѣ изслѣдованій по исторіи хозяйственной стороны феодализма, а также по исторіи городовъ и городскихъ сословій и организацій (гильдій и цеховъ) въ капитальныхъ трудахъ Фюстель де-Куланжа, Инама Штернега, Арнольда, Гегеля, Шмоллера и др. Это дѣленіе положено было мною въ основаніе моихъ лекцій съ 1885 года въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ (литографир. курсъ) и въ первомъ печатномъ выпускѣ этого курса 1907 г. Карлъ Бюхеръ въ своемъ „Die Entstehung der Volkswirtschaft“ (первое изд. 1893 и 6 е изд. 1898 г) впервые даетъ теоретическое обоснованіе для дѣленія исторіи хозяйства по тремъ исторически смѣнившимся экономическимъ режимамъ—натуральнаго, муниципальнаго и денежнаго хозяйства. Въ основу этого дѣленія хозяйственной исторіи народовъ на три стадіи онъ полагаетъ отношеніе производства продуктовъ къ ихъ потребленію. Въ натуральномъ хозяйствѣ продукты производятся и потребляются въ предѣлахъ одного и того же хозяйства, въ капиталистическомъ, народномъ хозяйствѣ, производство ведется для сбыта на рынкѣ, при чемъ потребители и производители суть разныя лица. Что касается періода городского хозяйства, то здѣсь, хотя производители и потребители разныя лица, но продукты изъ производящаго хозяйства переходятъ къ потребителямъ непосредственно“.

ratur. Wien. 1860 г. Blanqui. Histoire de l'économie politique en Europe. 2 vol. 1837. 4 édit. Paris. 1860, русскій перев. Бибикова. E. During. Kritische Geschichte der National-Oekonomie und des Socialismus. Berlin. 1871. 4 neubearbeitete Auflage. Leipzig. 1900 г. Морицъ Мейеръ. Главныя теченія въ современной политической экономіи, русскій перев. съ 4 изд. «Die neuere National-Oekonomie in ihre Hauptrichtungen». С.-Петербургъ 1891 г. H. Eisenhardt. Geschichte der Hationalökonomie, Jena 1881. I. K. Ingram A. History of political economiy. Edinburg. 1888, русскій перев. подъ ред. проф. Янжула, Москва 1891 г., есть 2-е изд. Luidgi Cossa. Histoire des doctrines économiques. Paris. 1899 г., перев. съ итальянск. Русскій перев. «Исторія экономич. ученій». Кіевъ. 1900 г. A. Espinas. Histoire des doctrines économiques. Paris. 1892. Н. Х. Бунге. Очерки политико-экономической литературы. С.-Петербургъ. 1895 г. А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи. Лекціи. М. 1892 г. Л. В. Ѳедоровичъ. Исторія политической экономіи Одесса. 1890 г. М. Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи (начиная съ А. Смита). С.-Петербургъ. 1903 г. И. И. Иванюковъ. Основныя положенія теоріи экономической политики съ А. Смита до настоящаго времени. С.-Петербургъ. 1894 г. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Charles Gide et Charles Rist. Histoire des doctrines economiques depuis les physiocrates jusqu'a nos jours. Paris. 1909.—Hector Denis. Histoire des systémes économiques et Socialistes. Paris. 1904—7. 2 vol.

Такимъ образомъ, Бюхеръ признаетъ характерною чертою мѣновыхъ сношеній въ періодъ муниципальнаго хозяйства натуральный обмѣнъ продуктовъ на продукты и отсутствіе торговаго посредничества въ сбытѣ товаровъ, что, если имѣть въ виду исторію городского хозяйства въ средніе вѣка, едва ли вѣрно Торговое посредничество въ средніе вѣка было широко развито торговыми союзами и гильдіями, въ особенности въ международной торговлѣ (Гамбургъ, Любекъ, Бременъ, Кельнъ и др. города въ ихъ иностранной торговлѣ) Если ремесленники и производили свои издѣлія по заказу потребителей, то земледѣльцы и сельскіе округа уже производили и на неопредѣленный рынокъ.

Намъ кажется, что было бы правильнѣе признать критеріями для дѣленія хозяйственной исторіи на три указанныя стадіи—характерныя особенности организаціи хозяйства даннаго историческаго періода, выражающіяся или въ полномъ отсутствіи или въ наличности извѣстной степени общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда. Въ натуральномъ хозяйствѣ общественно-хозяйственное раздѣленіе труда и товарный обмѣнъ не существуютъ Въ стадіи городского хозяйства общественно-хозяйственное раздѣленіе труда проявляется въ дѣленіи общества на классы земледѣльческій, промышленный и торговый, но это раздѣленіе труда стѣснено предѣлами городскихъ и феодальныхъ территорій, классовыми привиллегіями и феодальнымъ режимомъ. Въ пе-

ДРЕВНІЙ МІРЪ

очеркъ хозяйственнаго быта Греціи.

Наше изложеніе исторіи политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта народовъ, сотрудничавшихъ въ развитіи экономическихъ идей, мы должны начать съ античной Греціи. Въ этой странѣ впервые сформировалась научная мысль и научное творчество даровитаго греческаго народа коснулось всѣхъ отраслей знанія, обнимающихъ явленія внѣшней природы и человѣческой общественности. Въ области обществовѣденія геніальными греческими мыслителями положены были основанія философіи, исторіи и политическимъ наукамъ. Хотя то, что было сдѣлано греческими мыслителями въ отношеніи изученія хозяйственныхъ явленій, много уступаетъ по своему значенію ихъ изслѣдованіямъ въ области философіи и политическихъ наукъ, тѣмъ не менѣе экономическія ученія древнихъ грековъ имѣютъ свою научную цѣну, какъ сами по себѣ, такъ и по тому вліянію, которое они

ріодъ народнаго хозяйства общественно-хозяйственное раздѣленіе труда, находя свою опору въ свободѣ выбора занятій и въ экономической политикѣ государства, представляющей интересы всѣхъ классовъ общества, выходитъ далеко за предѣлы государства и ложится въ основу международнаго торговаго обмѣна и мирового хозяйства.

Таковы типическія формы, въ которыя укладываются основныя стадіи исторіи народнаго хозяйства. Каждый изъ современныхъ культурныхъ народовъ переживалъ, въ извѣстной мѣрѣ, въ послѣдовательной смѣнѣ эти формы хозяйственнаго быта. Въ общемъ въ той же послѣдовательности они повторяются въ мировой исторіи, не смотря на то, что народы и расы въ теченіе всего хода этой исторіи мѣняются. Но эти три формы хозяйственнаго строя не вполнѣ совпадаютъ съ тремя періодами всемірной исторіи—древней, средней и новой, такимъ образомъ, чтобы древній періодъ цѣликомъ отличался господствомъ натуральнаго хозяйства, средневѣковой—муниципальнаго, а новый—денежнаго и капиталистическаго. Уже въ античномъ мірѣ наблюдается развитіе муниципальнаго хозяйства, въ особенности въ Римѣ Въ древней Греціи денежное хозяйство получило широкое развитіе, начиная съ V вѣка. Наконецъ, средніе вѣка въ Западной Европѣ съ 5 до 11—12 вѣка, раньше чѣмъ вступить въ фазу городского хозяйства, пережили длинный періодъ натуральнаго хозяйства.

оказали на направленіе экономической мысли въ средніе вѣка и въ особенности въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ.

Но, прежде чѣмъ знакомиться съ кругомъ идей и воззрѣній древнихъ греческихъ мыслителей въ области хозяйственныхъ вопросовъ, мы должны предварительно охарактеризовать формы хозяйственнаго быта, пережитыя древней Греціей въ періодъ пребыванія ея на исторической аренѣ и, такимъ образомъ, уяснить себѣ ту почву, на которой возникли эти экономическія идеи. Въ современной литературѣ по исторіи древней Греціи можно считать безспорно установленнымъ тотъ фактъ, что Греція въ теченіе своего историческаго существованія пережила въ своемъ хозяйственномъ быту два періода—періодъ натуральнаго, замкнутаго, домашняго хозяйства и смѣнившій его затѣмъ періодъ торгово-промышленный. При этомъ расцвѣтъ политической и культурной жизни Аѳинъ, наукъ и искуствъ, тѣснѣйшимъ образомъ, связанъ съ тѣмъ развитіемъ промышленности и торговли, которымъ характеризуется хозяйственный бытъ Греціи этого второго періода. Гранью между этими двумя періодами надо считать время отъ половины 7-го до 6-го вѣка до Р. Х., при чемъ процессъ перехода отъ патріархальнаго, натуральнаго хозяйства къ мѣновому, торгово-промышленному хозяйству совершился въ разныхъ частяхъ Греціи далеко неодновременно.

Какъ извѣстно народы греческаго міра занимали не только Пелопоннезскій полуостровъ, Аттику и Ѳессалію, но они широко раскинулись на островахъ Малой Азіи и въ массѣ колоній по берегамъ Средиземнаго и Чернаго морей, число которыхъ простиралось до ста пятидесяти. По образному выраженію Платона, греки сидѣли вокругъ Средиземнаго моря, словно лягушки вокругъ пруда. Въ греческихъ колоніяхъ, и въ особенности на островахъ малоазійскаго побережья, процессъ гражданскаго и экономическаго развитія шелъ быстрѣе, чѣмъ на материкѣ. Вообще центръ тяжести греческой исторіи со второй половины VIII и до половины VI вѣка включительно, слѣдуетъ искать не у эллиновъ въ Европѣ, а на периферіи греческаго міра: полный, настоящій пульсъ жизни греческаго народа этого времени бьется въ іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи. До V вѣка это былъ центръ политической, умственной и художественной жизни Грековъ. Здѣсь то ранѣе, чѣмъ на континентѣ, расцвѣла торгово-промышленная жизнь и самое распро-

страненіе колоній объясано было уже развившейся промышленной предпріимчивости. Іонійскіе города проявили особенную иниціативу въ развитіи колоній. Одинъ городъ Милетъ основалъ до 80 колоній по берегамъ Чернаго и Средиземнаго морей. Но такими же насадителями колоній были и другіе города—Халкида, Эретрія, Спракузы и Мегары. Основывались центральные колоніи, и отъ нихъ шли концентрическими кругами дальнѣйшія поселенія. Греческія колоніи малоазійскихъ острововъ шли по слѣдамъ финикіянъ и замѣнили ихъ роль въ торговыхъ сношеніяхъ въ бассейнахъ Чернаго и Средиземнаго морей.

Греческое хозяйство патріархальнаго періода. Въ ряду тѣхъ культурныхъ связей, которыя соединяли разбросанныя греческія поселенія въ одинъ народъ, наиболѣе широко захватывала общность религіозныхъ вѣрованій. Всѣ народы Греціи тяготѣли къ опредѣленнымъ религіознымъ центрамъ, къ святилищамъ Олимпа и острова Делоса. Объединенные общностью религіознаго культа отдѣльные греческія народности, въ силу политическихъ интересовъ, соединились въ нѣсколько государствъ, постоянно соперничавшихъ между собою. Экономическая же связь, при господствѣ натуральнаго хозяйства, у народовъ древней Греціи, была уже, чѣмъ связь политическая, она замыкалась тѣсными рамками домашняго хозяйства.

Въ теченіе патріархальнаго періода въ Греціи господствовало натуральное хозяйство, при которомъ вся хозяйственная жизнь страны сосредоточивалась въ отдѣльныхъ семьяхъ и въ ихъ домашнемъ ойкосномъ, [1]) хозяйствѣ. Но хозяйственная дѣятельность семьи была только одною изъ разнообразныхъ функцій, которыя она выполняла въ строѣ общественной жизни древней Греціи. Для того, чтобы выяснить себѣ хозяйственную роль семьи, мы должны коснуться общаго положенія, которое занимала семья въ патріархальномъ строѣ древней Греціи. Патріархальная греческая семья состояла не изъ однихъ только лицъ, соединенныхъ кровною связью; въ ея составъ входили лица также свободные, а иногда и цѣлыя семьи, находящіяся подъ ея покровительствомъ (кліенты) и наконецъ рабы. Родовой союзъ—γένος—и домъ, οἶκος, совпадали между собою. Патріархальная семья—это въ то же время храмъ домашнихъ

[1]) Отъ греческаго слова οἶκος домъ.

боговъ, въ честь которыхъ теплится неугасаемый огонь на домашнемъ алтарѣ; если бы семья прекратилась, то и алтарь закрывается и божество оставляетъ самый домъ.

Во главѣ семьи стоялъ родоначальникъ или домовладыка, являющійся для своего рода жрецомъ и судьей, который также, какъ воинъ, принималъ непосредственное участіе въ защитѣ государства, а какъ гражданинъ являлся соправителемъ въ государственномъ управленіи. Въ то же время греческая семья, являлась основной ячейкою хозяйственнаго строя древней Греціи, представляя собою домашнее хозяйство. Глава въ этой патріархальной семьѣ, въ хозяйственномъ отношеніи, выступалъ въ роли управителя и землевладѣльца. На правѣ землевладѣнія основывалось право участія въ государственномъ управленіи и такового права не имѣли кліенты, лишенные земли и пользующіеся защитою и покровительствомъ патріархальной семьи.

Для образованія хозяйства, по словамъ греческаго поэта Гезіода, необходимо имѣть жену и рабочаго вола. Волъ же, по словамъ Аристотеля, можетъ замѣнить раба. Такая патріархальная семья въ хозяйственномъ отношеніи составляла самоудовлетворяющееся цѣлое, не нуждавшееся въ сосѣдствѣ себѣ подобныхъ союзовъ, потому что она сама изготовляла всѣ продукты своего собственнаго потребленія. Одни лишь предметы роскоши—дорогія матеріи и драгоцѣнные металлы и издѣлія изъ нихъ—пріобрѣтались путемъ обмѣна на домашнія произведенія. Производство для домашняго потребленія было правиломъ, а производство для обмѣна рѣдкимъ исключеніемъ. По выраженію Родбертуса, въ этой патріархальной семьѣ количество продуктовъ собственнаго производства по отношенію къ продуктамъ, получаемымъ путемъ обмѣна, выражалось отношеніемъ 100:1. Такой типъ хозяйства наблюдается у всѣхъ народовъ на раннихъ ступеняхъ развитія. Въ политической экономіи онъ получилъ очень опредѣленный терминъ: Oiken-Wirthschaft—ойкосное хозяйство. Говорить о хозяйственной дѣятельности этихъ самоудовлетворяющихся патріархальныхъ семействъ значитъ говорить о земледѣльческой промышленности и скотоводствѣ, такъ какъ земледѣліе составляло главный источникъ ихъ существованія. Существовали и ремесла, но они были въ зачаточномъ состояніи и размѣры ихъ производства не превышали размѣровъ домашняго потребле-

нія ремесленныхъ произведеній. Но и въ болѣе поздній періодъ греческой исторіи, въ вѣкъ Солона, когда обрабатывающая промышленность начала выдѣляться, какъ отдѣльная отрасль хозяйства, то эта промышленность возникала въ предѣлахъ домашняго хозяйства, составляя одну изъ его частей.

Весь хозяйственный трудъ въ ойкосѣ въ патріархальный періодъ греческой исторіи раздѣляли домохозяева со своими рабами, которыхъ тогда было не много. Ойкосъ былъ хозяйственной и административной самоуправляющей единицей: между нимъ и государствомъ не существовало никакого посредствующаго союза. И по Аристотелю, аттическое государство было только непосредственною связью отдѣльныхъ патріархальныхъ семействъ ойкосовъ. Каждая такая патріархальная семья представлялась, по словамъ Мэна, въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ безусловно независимой и автономной. Положеніе этихъ семей можно сравнить съ современными юридическими лицами, существующими независимо отъ измѣненія состава индивидуумовъ, представляющихъ юридическое лицо. Юридическія и экономическія отношенія между патріархальными союзами этого періода не носятъ характера живыхъ сношеній между лицами, но скорѣе имѣютъ значеніе международныхъ сдѣлокъ. Въ случаѣ преступленій, семья отвѣчаетъ за своихъ членовъ какъ политическій союзъ (круговая порука, родовая месть). Существовала, кромѣ семьи, община, но она произошла отъ разрастанія и дифференцированія семьи, т. е. это былъ союзъ механическій (Аристотель. Политика). Семья съ семьей имѣли между собою соприкосновеніе и отношеніе черезъ посредство государства.

Въ ряду патріархальныхъ семей возвышались отдѣльные роды, которые занимали господствующее положеніе, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Эти роды успѣвали поставить въ зависимое положеніе отъ себя окрестное населеніе — таковы цари гомеровской эпохи. Источникомъ матеріальнаго возвышенія для аристократическихъ родовъ было собственное хозяйство, которое велось при помощи рабовъ и кліентовъ, а также береговая торговля, которая сливалась съ военными походами, при чемъ пиратство и военные набѣги на сосѣдей предшествовали установленію мирныхъ торговыхъ сношеній. Соціальный строй гомеровскаго періода носитъ много чертъ феодальнаго быта, поэтому позднѣй-

Библиотека Московского Археологического Института

шіе изслѣдователи греческой исторіи называютъ гомеровское время, когда господствовало ойкосное, натуральное хозяйство, — греческимъ средневѣковьемъ. Въ гомеровское время гражданское положеніе личности опредѣлялось ея ролью и участіемъ въ войнѣ. Война на колесницахъ требовала лицъ атлетическаго сложенія, могущихъ носить тяжелое вооруженіе, править лошадьми и владѣть копьемъ, достаточно зажиточныхъ, чтобы нести расходы на дорогое боевое снаряженіе: лошадь, колесницу, шлемъ, щитъ, панцырь и копье. Атлетическое сложеніе, сила и ловкость давали преимущества въ пріобрѣтеніи богатства и рабовъ путемъ военной добычи. Самый методъ войны сплошь и рядомъ—рыцарскій поединокъ: въ такихъ формахъ ведется война у стѣнъ Трои. Въ походахъ Иліады такъ часто выдвигается мотивъ военной добычи. Гнѣвъ одного изъ героевъ, обдѣленнаго добычей, грозитъ сорвать весь походъ. Съ царемъ отправляются въ походъ и другіе знатные родовитые люди за свой счетъ и страхъ. Поэтому они участвуютъ въ военномъ совѣтѣ и въ народномъ собраніи съ рѣшающимъ голосомъ. Эти аристократы, получая свои доли добычи на войнѣ, умножаютъ свои земли, покупаютъ рабовъ и неуступаютъ царю въ знатности, богатствѣ и массѣ кліентовъ и домочадцевъ ими владѣемыхъ.

Отмѣченныя нами черты ойкоснаго хозяйства ярко выступаютъ въ описаніи домашняго хозяйства, которое даетъ намъ Одиссея Гомера. Одиссея рисуетъ намъ въ яркихъ поэтическихъ краскахъ характеръ домашняго хозяйства первобытной Греціи. Домъ Одиссея—это типичный *οἶκος*. Правда, это хозяйственный домъ самаго зажиточнаго домовладыки, царя, но въ его описаніи мы вездѣ имѣемъ указанія, что домъ и домашнее хозяйство Одиссея отличалось отъ другихъ, рядомъ съ ними существовавшихъ хозяйствъ, не качественно, но количественно. Такъ, жилище и постройки Одиссея больше по величинѣ и красивѣе другихъ, стада и виноградники у него несравненно обширнѣе, рабовъ больше, чѣмъ у его сосѣдей. Но разница не идетъ дальше этого. Въ домѣ Одиссея пріобрѣтались куплей: ядъ для отравленія стрѣлъ, оружіе, мѣдь, золото и дорогія ткани. Очень большое количество этихъ товаровъ привозитъ Одиссей изъ Ѳеакіи, по возвращеніи своемъ изъ странствій. За исключеніемъ этихъ предметовъ, домъ Одиссея, какъ и всѣ другіе аттическіе дома, довольствуется продуктами домашняго производства. Это въ особенности

видно изъ описанія пировъ жениховъ Пенелопы, въ отсутствіе Одиссея. Для этихъ пировъ пастухи Одиссея доставляютъ воловъ и свиней, домашняя ключница снабжаетъ виномъ и хлѣбомъ, добытыми изъ собственныхъ полей и виноградниковъ. Хозяйство Одиссея распадается, такъ сказать, на нѣсколько вѣдомствъ, каждое со своимъ штатомъ рабовъ и управителей. Въ самомъ домѣ хозяйничаетъ жена Одиссея и ея довѣренная служанка, завѣдующая кухнею, погребами, домашними работами. Изъ домашнихъ работъ женскія рукодѣлія занимаютъ видное мѣсто, такъ до 50-ти служанокъ занимаются подъ руководствомъ своей госпожи пряденіемъ шерсти и приготовленіемъ одежды, а 12 рабынь занимаются помоломъ хлѣба на ручныхъ мельницахъ. Въ поляхъ Одиссея—свое отдѣльное управленіе. Старикъ Лаэртъ, отецъ Одиссея, находитъ свой отдыхъ послѣ боевой жизни въ завѣдываніи виноградниками. По возвращеніи своемъ Одиссей застаетъ его въ саду занятымъ очисткою деревьевъ. Многочисленными стадами воловъ и свиней завѣдывалъ рабъ Эвмей, названный за свое, очевидно, по представленію грековъ, почетное занятіе, богоподобнымъ. Нужно быть очень свѣдущимъ хозяиномъ, располагать извѣстнымъ практическимъ умомъ для того, чтобы умѣть управлять всѣми этими разнообразными отраслями домашняго хозяйства, которое заключало въ себѣ значительное населеніе до 100 и 150 человѣкъ. Умѣніе управлять ойкосомъ высоко цѣнилось у грековъ. Быть господиномъ, говорится у Гезіода, не значитъ имѣть рабовъ, а означаетъ умѣть управлять ими.

Простота первобытныхъ отношеній мало еще нарушена въ Одиссеевомъ хозяйствѣ. Одиссей и Лаэртъ—греческіе цари—сами знаютъ всякую домашнюю работу: Лаэртъ—садовникъ, а Одиссей собственными руками дѣлаетъ кровати для дома и не затрудняется сдѣлать себѣ лодку и деревянный плотъ въ разныхъ трудныхъ положеніяхъ своего путешествія. Дочь феакійскаго царя ходитъ на рѣку мыть домашнее бѣлье вмѣстѣ со своими служанками, и даже Аѳина, богиня, не брезгаетъ помогать ей въ этомъ дѣлѣ. Хозяйственный трудъ въ эту патріархальную эпоху не успѣлъ еще сдѣлаться предметомъ пренебреженія высшихъ классовъ, какъ это имѣло мѣсто въ послѣдующій періодъ греческой исторіи.

Положеніе рабовъ въ этихъ патріархальныхъ семьяхъ, домахъ, близко походило на положеніе младшихъ членовъ семьи, домочад-

цевъ. По возвращеніи Одиссея въ свой домъ, его встрѣчаетъ весь штатъ прислуги и рабовъ, не какъ рабовладѣльца, державшаго ихъ въ неволѣ, а какъ домоправителя, который одинъ можетъ возстановить нарушенный въ домѣ порядокъ и поставить на настоящую ногу домашнее хозяйство. Они при этомъ изъявляютъ чувства непритворной привязанности и почтенія, и весь домъ сливается въ общей радости по случаю возвращенія Одиссея. За вѣрную, долгую службу рабовъ, господинъ надѣлялъ отдѣльныя семьи рабовъ участкомъ земли и позволялъ имъ вести свое самостоятельное домашнее хозяйство. Въ своихъ мечтахъ о возвращеніи Одиссея, Эвмей, пастухъ Одиссея, надѣется на такого рода награду за свою службу. Зажиточные рабы сами могли имѣть своихъ рабовъ. Эвмей, по возвращеніи Одиссея, представляетъ ему раба, купленнаго на собственныя деньги у ѳеакійскихъ купцовъ. Замѣчаніе Мэна,—что отношенія между патріархальными семьями близко напоминаютъ международныя отношенія, подтверждаются тѣмъ положеніемъ, которое заняли по отношенію къ дому Одиссея, во время его отсутствія, сосѣдніе домовладыки, выступившіе претендентами на руку Пенелопы. Поведеніе жениховъ Пенелопы въ домѣ Одиссея напоминаетъ реквизицію воюющаго народа въ непріятелькой странѣ: они считаютъ себя въ правѣ, какъ будто бы это было въ порядкѣ вещей, по цѣлымъ днямъ пировать въ домѣ Одиссея и распоряжаться его хозяйскимъ добромъ.

Въ Иліадѣ и Одиссеѣ встрѣчается много указаній на слабое развитіе обмѣна и торговыхъ сношеній въ патріархальный періодъ греческой исторіи. Такіе дальніе походы, какъ осада Трои на малоазіатскомъ берегу, морскія авантюры и странствованія Одиссея народному воображенію рисовались какъ исключительныя и героическія. Въ Одиссеѣ упоминается о томъ, что морскія сношенія самыхъ смѣлыхъ греческихъ мореплавателей доходили на западъ отъ Греціи только до острова Эвбеи. Тамъ же говорится и о такихъ греческихъ народахъ, которые не любятъ иностранцевъ и вовсе не знаютъ «радушнаго гостелюбія». На слабое развитіе торговыхъ оборотовъ указываетъ несовершенство мѣнового аппарата—орудій обмѣна. Въ гомеровскую эпоху мѣриломъ цѣнности служили драгоцѣнные сосуды, слитки мѣди, или желѣза, а чаще всего скотъ—быки и овцы. Въ Иліадѣ, напримѣръ, мѣдный треножникъ оцѣнивается въ 12 быковъ,

металлическое вооруженіе героевъ въ 9, рабыня опытная въ женскихъ работахъ въ 4 быка. Поэтъ, отмѣчая высокія качества распорядительности и хозяйственности ключницы въ домѣ Одиссея, упоминаетъ, что она въ молодости была куплена отцомъ Одиссея Лаэртомъ за 20 быковъ. Впослѣдствіи, единицы мѣры и вѣсовъ были заимствованы греками съ Востока, а въ началѣ VII вѣка въ Малой Азіи, тамъ, гдѣ міръ греческій соприкасается съ міромъ восточнымъ, въ Лидіи и въ Іоніи—въ Фокеѣ, Самосѣ и Милетѣ—стали чеканить монету.

Послѣ этой характеристики первоначальнаго типа хозяйства древней Греціи, еще разъ констатируемъ черты, отличающія его отъ современнаго хозяйства. Ойкосный типъ хозяйства древней Греціи характеризуется отсутствіемъ общественнаго раздѣленія промышленныхъ занятій. Обрабатывающая промышленность, торговля и земледѣліе не составляютъ занятія отдѣльныхъ классовъ общества. Всѣ эти занятія входили въ комплексъ одного и того же хозяйства—дома. Господинъ дома отряжалъ часть своихъ рабовъ для занятія земледѣліемъ, а другую заставлялъ обрабатывать сырыя произведенія собственнаго домашняго хозяйства, заниматься ремеслами. Самъ же, пользуясь досугомъ, ѣздилъ иногда за заморскими товарами. Продукты, производимые въ ойкосѣ, большею частью потреблялись на мѣстѣ членами этой патріархальной семьи.

Торгово-промышленный періодъ.

Развитіе ремеслъ и торговли, какъ самостоятельныхъ отраслей народнаго хозяйства Аттики. Патріархальное домашнее хозяйство сохранило наибольшую устойчивость въ Спартѣ, гдѣ его незыблемость охранялась всей конституціей государства, запрещавшей торговыя сношенія и денежныя обороты для своихъ гражданъ. Къ тому же владѣніе землей въ этой странѣ было закрѣплено въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій за опредѣленными аристократическими родами, что обусловливало господство земледѣльческаго класса въ странѣ и ея экономическую неподвижность. Зато въ другихъ государствахъ Греціи натуральное ойкосное хозяйство уже къ половинѣ VII вѣка существенно измѣняетъ свой характеръ. Къ этому

времени въ хозяйственномъ быту греческихъ народовъ видное мѣсто занимаетъ морская торговля и промыслы. Образуются города, которые становятся центрами торговли и промышленныхъ занятій. Таковы на Пелопоннесскомъ полуостровѣ Коринѳъ и Мегара, на островѣ Эгинѣ—Халкида и Эретрія. Во главѣ этого торгово-промышленнаго развитія выдвигаются Аѳины. Съ половины VI и до III в. до Р. Х. Аѳины вообще являются культурнымъ центромъ всего греческаго міра, въ которомъ сосредоточился расцвѣтъ—греческой образованности, политической жизни, наукъ и искусствъ, а также торговли и промышленности. По этому мы можемъ составить себѣ ясное представленіе о торгово-промышленномъ періодѣ греческой исторіи, если въ нашемъ изложеніи будемъ имѣть въ виду хозяйственный бытъ Аттики за указанный періодъ.

Существенныя измѣненія въ строѣ патріархальнаго хозяйства Аттики внесли три крупные факта въ исторію послѣдующаго періода: развитіе торговли, огромный ростъ класса рабовъ и выдѣленіе обрабатывающей промышленности, какъ самостоятельной отрасли хозяйства. Соціальный составъ аттическаго населенія послѣдующаго періода характеризуется образованіемъ среди него новыхъ элементовъ—полусвободныхъ и неполноправныхъ гражданъ-метековъ, значеніе которыхъ въ Аѳинскомъ государствѣ основывалось на томъ, что они обслуживали новыя отрасли народнаго хозяйства—торговлю и обрабатывающую промышленность.

Иностранная заморская торговля и обмѣнъ греческихъ произведеній на продукты иноземныхъ народовъ заняли видное мѣсто въ Греціи, начиная уже съ VII вѣка до Р. Х. Греція лежала на большой морской дорогѣ, по которой въ древности вели торговыя сношенія финикіяне, развозившіе, какъ извѣстно, свои товары по Средиземному морю до Египта и Гибралтарскаго пролива. Приморское положеніе Греціи, чрезвычайно извилистая береговая линія, съ глубоко вдающимися въ материкъ заливами, масса острововъ, разсѣянныхъ въ ея моряхъ, служившихъ удобными этапами для остановокъ при дальнихъ плаваніяхъ по Черному морю и къ Малой Азіи,—все это вмѣстѣ ставило Грецію въ весьма благопріятное положеніе для развитія иностранной торговли. На путь иностранныхъ торговыхъ сношеній прежде всего толкалъ Грецію недостатокъ собственныхъ естественныхъ произведеній для прокормленія народонасе-

ленія. Въ обыкновенное время она должна была ввозить отъ $^1/_3$ до $^2/_3$ хлѣба, необходимаго для потребленія ея населенія, въ годы же войны, когда значительная часть земель оставалась безъ обработки, а также при неурожаѣ, нужда въ привозимомъ хлѣбѣ еще болѣе увеличивалась. Въ свою очередь, Греція, являясь страною мало удобною для хлѣбопашества, въ изобиліи производила оливки, оливковое масло, разнообразные фрукты и въ особенности много фигъ, винограда и вина, которое, было въ Греціи очень дешево [1]). Кромѣ того, въ Греціи добывалось много металловъ, въ особенности серебра, процвѣтали керамическія издѣлія, начиная отъ простой домашней посуды и кончая художественными вазами. Всѣ эти товары были предметомъ вывоза въ обмѣнъ на хлѣбъ и предмеры роскоши восточныхъ народовъ. На широкое развитіе иностранной торговли указываетъ существованіе особыхъ учрежденій для надзора и регулированія торговыхъ оборотовъ (метрономы или наблюдатели за мѣрами и вѣсами, агрономы—смотрители за рынками и Пирейскою гаванью и т. п.). Развитіе торговыхъ сношеній повело къ образованію особаго класса торговцевъ, неизвѣстнаго патріархальному греческому хозяйству. Повидимому, первые купцы были иностранцы, пребываніе которыхъ на греческой территоріи было обставлено такою же опекою и надзоромъ, какіе практиковались въ средневѣковой Англіи (институтъ хозяевъ, надзоръ мэра и констеблей).

Изъ иностранцевъ и частью вольноотпущенниковъ впослѣдствіи сложился особый классъ «метековъ» или метойковъ, живущихъ вмѣстѣ, рядомъ съ гражданами (отсюда и самое названіе метековъ). Соціальное значеніе метековъ въ аѳинскомъ государствѣ всецѣло основывалось на ихъ занятіяхъ торгово-промышленною дѣятельностью. Иноземцы, проживавшіе въ Аѳинахъ дольше извѣстнаго срока, должны были записаться въ метеки. Метеки могли жить всюду, гдѣ хотѣли, особаго какого-либо квартала для нихъ не было отведено. Метекъ обязанъ былъ набрать себѣ простата, предстателя или патрона, который вносилъ метека въ списокъ или реестръ данной общины, или квартала. Во всякомъ случаѣ метеки не были кліентами отдѣльнаго лица; если ихъ можно, говоритъ профессоръ Буассюлъ, назвать кліентами, то только аѳинскаго народа, у котораго они находились подъ покровительствомъ и защитой. Съ ме-

[1]) Белохъ. Исторія Греціи. т. I, стр. 323.

тековъ взималась особая подать въ размѣрѣ 12 драхмъ съ мужчины и 6—съ женщины, если она была одинокая, вдова. Метеки привлекались къ военной службѣ; во флотъ они входили въ составъ экипажа и гребцовъ. Въ общемъ, въ отношеніи повинностей, ихъ положеніе было даже въ сущности выгоднѣе, чѣмъ положеніе гражданъ. Та подать, которую платили метеки, была невелика и скорѣе она служила лишь отличіемъ ихъ отъ гражданъ; при Солонѣ она была вовсе отмѣнена. Государство нуждалось въ метекахъ; безъ нихъ трудно было строить и снаряжать корабли и поддерживать флотъ на надлежащей высотѣ. Не пользуясь правами гражданства, метеки, по мѣрѣ роста ихъ достатка, фактически пріобрѣли прочную позицію и, въ эпоху самаго высокаго развитія аѳинской демократіи, они получили широкій доступъ въ народное собраніе; иногда все собраніе составлялось изъ бывшихъ метековъ и ремесленниковъ. Число ихъ во времена Солона достигло 10 тысячъ, а въ III вѣкѣ они въ два раза превышали число гражданъ [1]).

Для развитія ремеслъ и промысловъ большое значеніе имѣлъ ростъ количества рабовъ въ аѳинскомъ государствѣ. При постоянномъ отвлеченіи коренныхъ аѳинскихъ гражданъ отъ хозяйственныхъ занятій политическою дѣятельностью и военной службой, классъ рабовъ поставлялъ необходимый рабочій персоналъ для веденія хозяйства аѳинскихъ гражданъ и для промышленныхъ занятій. Ростъ рабства обусловливался развитіемъ промышленности и богатства, можно сказать, онъ былъ прямо пропорціоналенъ этому развитію. Промышленность требовала новыхъ рукъ. Свободные рабочіе, особенно сельскіе, оказывались мало подходящими. Болѣе удобными для работодателей являлись люди, съ малолѣтства привыкшіе къ неволѣ. Это были въ громадномъ большинствѣ «варвары» изъ Лидіи, Фригіи, Сиріи, Ѳракіи и особенно изъ Скиѳіи.

Происхожденіе и численный составъ рабовъ. Первоначальный контингентъ рабовъ образовался вслѣдствіе завоеванія пришлыми греческими племенами первоначальныхъ поселенцевъ Греціи. Эти аборигенты, обращенные въ рабство или крѣпостное состояніе, извѣстны были въ теченіе почти всей греческой исторіи подъ именемъ періэковъ и илотовъ. Составъ рабовъ пополнялся новыми элементами путемъ обращенія въ рабство военноплѣнныхъ и несо-

[1]) Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Alterthum. 1869, стр. 323.

стоятельныхъ должниковъ, попавшихъ въ кабалу къ своимъ заимодавцамъ. Кромѣ того, въ бассейнахъ Чернаго и Средиземнаго морей велась обширная торговля рабами, и главный рынокъ ея находился на островѣ Делосѣ. Начиная съ 6-го вѣка, въ этой торговлѣ значительное участіе принимали греки, покупавшіе массами рабовъ, трудъ которыхъ широко примѣнялся въ земледѣліи, ремесленныхъ мастерскихъ и въ рудникахъ. Мнѣнія ученыхъ о численности рабовъ въ Аѳинахъ вообще разнорѣчивы. Профессоръ Бэкъ (Böck) полагалъ, что въ аѳинскомъ государствѣ было до 365,000 рабовъ [1]). Позднѣйшіе историки (Белохъ, проф. В. П. Бузескулъ) находятъ эту цифру сильно преувеличенной и думаютъ, что ихъ было не болѣе 40—60 тысячъ. Въ общемъ, по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, составъ населенія всей Аттики, занимавшей площадь въ 2200 квад. верстъ, или прямоугольникъ въ 40 верстъ ширины и 50 верстъ длины, представляется въ такомъ видѣ: взрослыхъ гражданъ было всего 40—60 тысячъ и почти столько же рабовъ, а численность всего свободнаго населенія съ женами и дѣтьми достигала 150—160 тысячъ. Затѣмъ метековъ было до 10 тысячъ, а вмѣстѣ съ женами и дѣтьми до 45 тыс. лицъ. Все же населеніе аѳинскаго государства, включая женщинъ и дѣтей, простиралось до 250 тысячъ. Въ то же время во всей Греціи, не считая Эпира и Македоніи, жило $2^1/_2$ милліона душъ, въ томъ числѣ, какъ полагаютъ, было 850 тысячъ рабовъ, т. е. приходилось по одному рабу на менѣе, нежели трехъ свободныхъ лицъ.

Какими же отношеніями платили ораторствующіе, философствующіе и отдававшіеся политикѣ греческіе граждане этой многотысячной массѣ несвободныхъ, на которыхъ почти всею своею тяжестью ложился хозяйственный трудъ страны?

Судя по многочисленнымъ мѣстамъ Иліады и Одиссеи, положеніе рабовъ въ патріархальный періодъ греческой исторіи было не угнетенное. Гомеръ передаетъ только характерную черту греческихъ нравовъ, когда говоритъ, что всевѣдущій Зевсъ лишаетъ почета того господина, который обремѣняетъ раба излишнею работою. Въ томъ же смыслѣ характеризуетъ и другое изреченіе древняго греческаго поэта, что рабъ совершаетъ проступки только тогда, когда онъ бываетъ вынужденъ дурнымъ обращеніемъ господина.

[1]) August Boeckh. Die Staatshaushaltung der Athener т. I, стр. 40.

Хотя юридически рабъ считается вещью и полной собственностью господина, но въ дѣйствительности положеніе рабовъ смягчалось патріархальными нравами. Рабы находились на положеніи домочадцевъ и низшихъ членовъ семьи. Первобытная простота жилища, пищи и одежды сближала рабовъ съ господами, такъ какъ въ этихъ предметахъ довольствія послѣдніе мало чѣмъ отличались отъ рабовъ. Особенно хорошимъ положеніемъ пользовались рабы въ тѣхъ мѣстахъ Греціи, гдѣ никогда не было завоеванія, какъ, напримѣръ, въ Аркадіи, въ которой аристократическія семьи, стоявшія во главѣ ойкоса, сами обрабатывали свои участки, пользуясь рабами, какъ товарищами и помощниками.

Въ послѣдующій періодъ греческой исторіи, положеніе рабовъ ухудшалось, вмѣстѣ съ увеличеніемъ ихъ численности. Въ особенности тягостное положеніе рабовъ было въ рудникахъ частныхъ владѣльцевъ, а также принадлежавшихъ аѳинскому государству. Трудно также приходилось и тѣмъ рабамъ, которыхъ владѣльцы пріобрѣтали съ тѣмъ, чтобы, съ своей стороны, отдавать ихъ рабочую силу въ наемъ собственникамъ ремесленныхъ мастерскихъ или горныхъ копей. Въ эту пору сложилось то презрительное отношеніе къ ремесленному труду, которымъ проникнуты воззрѣнія почти всѣхъ греческихъ мыслителей. Но, начиная уже съ половины 5-го вѣка, замѣчается болѣе смягченное отношеніе къ рабамъ. Рабы пользовались матеріальнымъ достаткомъ и относительною свободою [1]). Историки Греціи справедливо ставятъ это явленіе въ связь съ ростомъ уваженія въ греческомъ обществѣ къ ремесленному труду, значеніе котораго было поднято, благодаря художе-

---

[1]) „Рабы и мѣщане (метеки), пишетъ Ксенофонтъ, пользуются въ Аѳинахъ крайней необузданностью; въ Аѳинахъ нельзя ударить раба, и онъ не уступитъ тебѣ дороги. Если бы былъ законъ, чтобы свободный билъ раба или метека, вольноотпущенника, то очень часто приходилось бы бить аѳинянина, принявъ его за раба, такъ какъ тамъ народъ носитъ платье ничуть не лучше, чѣмъ рабы или метеки, и по наружности они ничѣмъ не лучше. Если для кого удивительно это, что они дозволяютъ рабамъ роскошь и пышность, то окажется, что и это сдѣлано съ цѣлью. Тамъ, гдѣ сила заключается въ кораблях для полученія прибыли, нужно быть снисходительнымъ къ рабамъ и давать имъ свободу. Вотъ почему мы дали рабамъ право голоса наравнѣ съ свободными, метеками и горожанами. Городъ нуждается въ метекахъ, ихъ требуетъ флотъ и множество ремеслъ. Отсюда и равноправность". Сочиненія Ксенофонта, переводъ Янчевецкаго, изд. 2-е. Часть V, стр. 60. хотя эту часть сочиненія научная критика относитъ къ псевдо-Ксенофонту.

ственнымъ сооруженіямъ, предпринятымъ по иниціативѣ Перикла для украшенія Аѳинъ (постройка храмовъ, театровъ, статуй), когда, наряду съ рабами, работала масса свободныхъ рабочихъ. Эти художественныя работы для своего исполненія требовали помощи чисто ремесленнаго труда, вслѣдствіе того въ вѣкъ Перикла въ особенности поднялось значеніе ремеслъ въ глазахъ грековъ, и они перестали считаться позорными занятіями.

Кромѣ рабовъ, главный контингентъ ремесленниковъ составляли вольноотпущенники и метеки, т. е. національнизировавшіеся въ Аттикѣ иностранцы. Въ вѣкъ Перикла занятія ремеслами сдѣлались столь почетны, что они давали доступъ къ полной свободѣ, а нерѣдко вели за собою и дарованіе политическихъ правъ гражданства. Это уже многознаменательный фактъ, указывающій на значеніе, которое пріобрѣтаетъ обрабатывающая промышленность, начавшая выбиваться изъ-подъ ойкосной формы и постепенно дѣлаться самостоятельною отраслью въ системѣ народнаго хозяйства.

Характеръ экономическаго законодательства въ древней Греціи. Движеніе экономической жизни вело къ разложенію ойкоса, но, не смотря на это, ойкосное хозяйство продолжало оставаться въ теченіе всей исторіи аттическаго государства идеаломъ греческихъ законодателей и мыслителей. Ни въ чемъ, это послѣднее обстоятельство не проявляется съ такою ясностью, какъ въ реформахъ Солона. Около эпохи Солона не только замѣтно стали выдѣляться ремесла, фабрикація и торговля изъ состава ойкоснаго хозяйства, какъ самостоятельная функція отдѣльнаго, вновь образовавшагося класса торговцевъ и капиталистовъ, но эти отрасли промышленности, т. е. торговля и фабрикація начали сильно конкурировать съ ойкоснымъ хозяйствомъ. Эта конкуренція привела къ задолженности и полному подчиненію ростовщикамъ и классу торговому всего средняго и мелкаго землевладѣнія. Откуда же, спрашивается, могла произойти эта задолженность, вѣдь ойкосъ былъ хозяйствомъ, удовлетворявшимъ всѣмъ своимъ потребностямъ въ хозяйственныхъ благахъ, хозяйствомъ, не имѣвшимъ надобности въ мѣновыхъ знакахъ, въ монетѣ, или имѣвшимъ эту надобность въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Объясненіе этого факта не трудно, если посмотрѣть на общее экономическое положеніе аѳинскаго народа въ вѣкъ Солона. Въ

Аттикѣ въ эту пору существуетъ денежная аристократія, въ противоположность родовой знати, располагавшая значительной экономической силою, но не имѣвшая никакихъ политическихъ правъ. Этотъ богатый промышленный классъ образовался изъ вольноотпущенниковъ, выдѣлившихся изъ господскаго хозяйства и метековъ. Въ то время, какъ этотъ классъ трудился и создавалъ богатства, занимаясь торговлей, промысломъ и морскимъ транспортомъ, владѣльцы ойкосовъ, т. е. старая греческая земледѣльческая аристократія, отвлекаемая отъ хозяйственныхъ занятій войною и политикой, разстраивала свое домашнее хозяйство и прибѣгала къ ссудамъ у вольноотпущенниковъ и лицъ торговаго класса, нѣкогда бывшихъ въ ихъ зависимости. Къ займамъ прибѣгали и мелкіе землевладѣльцы въ моменты неурожая, голода и войнъ. Эти займы были такъ многочисленны, что тогда практика создала правильную систему ипотечныхъ займовъ, т. е. займовъ подъ залогъ земель. Нотаріальныхъ записей и крѣпостныхъ актовъ современнаго намъ типа тогда еще не выработалось, но однако, существовала аналогичная нашему нотаріату система залога, вполнѣ отвѣчавшая потребностямъ тогдашняго несложнаго хозяйственнаго быта. Наши нотаріальныя записи замѣняли столбы, которые ставились на задолженныхъ участкахъ, и на которыхъ были написаны: имя заимодавца, количество долга и срокъ уплаты.

Задолженности землевладѣнія очень много содѣйствовала высота античнаго %. Процентъ въ античную эпоху, по сравненію съ современнымъ, необычайно великъ—отъ 30% до 100% (по Беку и Бюксенштюцу). При такой высотѣ % ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что долги росли быстро и во время Солона вся Аттика была покрыта цѣлымъ лѣсомъ ипотечныхъ столбовъ. Это не единственный случай въ исторіи, когда знатная аристократія запутывается въ долги у торговаго и капиталистическаго класса. Этотъ фактъ многократно повторяется въ исторіи. То же самое было съ феодальной аристократіей въ средніе вѣка, когда она много задолжалась городскимъ общинамъ. Если черезмѣрная задолженность одного лица ведетъ къ нищетѣ и разоренію его, то безысходная задолженность цѣлаго класса ведетъ къ крупнымъ соціальнымъ перемѣнамъ. Феодальная аристократія должна была пасть и раствориться въ новомъ соціальномъ строѣ, болѣе соотвѣтствовавшемъ

тогдашнимъ измѣнившимся народнохозяйственнымъ условіямъ, а полная земельная собственность должна была перестать быть привилегіей одного класса и сдѣлаться доступной всѣмъ безъ исключенія классамъ общества.

Реформы Солона были въ высокой степени проникнуты національнымъ аттическимъ духомъ и глубоко консервативны. Законодательнымъ идеаломъ Солона было ойкосное хозяйство. Солоновскія реформы были разсчитаны на поддержаніе разлагающагося ойкоса и на сохраненіе привилегированнаго значенія за землевладѣніемъ. Но какъ было это сдѣлать въ виду, такъ сказать, стихійныхъ перемѣнъ въ экономическомъ быту, которыя вели къ разложенію стараго типа хозяйства и которыя пріостановить было не во власти человѣка, хотя бы даже такого геніальнаго, какимъ былъ Солонъ? Оставался путь компромисса. Нужно было поддержать старый ойкосъ, поставивъ въ то же время въ извѣстные предѣлы новыя отрасли хозяйства—торговлю и фабрикацію, которыхъ значеніе росло, поднимая въ то же время значеніе и новаго класса людей, занимавшихся ими. Солонъ ясно видѣлъ, что вольноотпущенники и весь классъ лицъ, лично свободныхъ, но непринадлежавшихъ къ древнимъ аристократическимъ родамъ, фактически пролагаетъ себѣ путь къ землевладѣнію путемъ ипотечныхъ ссудъ. Такіе задолженные участки должны были перейти въ ихъ собственность. Фактъ этотъ былъ уже въ глазахъ глубокаго ума Солона совершившимся. Но Солонъ все-таки старается оставить прежнее привилегированное значеніе за поземельною собственностью, за землевладѣніемъ. И въ реформѣ Солона землевладѣніе остается привилегированной отраслью хозяйства, дающею права полнаго гражданства. Всѣ землевладѣльцы по размѣрамъ своего дохода были раздѣлены на четыре класса. Это дѣленіе на классы произведено однако не съ цѣлью взиманія постояннаго подоходнаго налога, а только для того, чтобы государство въ критическія минуты могло знать, въ какой мѣрѣ оно можетъ потребовать жертвъ отъ каждаго землевладѣльца. Но въ этомъ самомъ кадастрѣ земли замѣчается уже новое экономическое явленіе, и притомъ громадной важности: земля и ея доходность исчисляется не натурою (количествомъ зерна), а деньгами. Не вполнѣ ясно какъ, именно, опредѣлялся доходъ. По Курціусу, онъ относился къ стоимости земли какъ 1:12,

такъ что доходъ съ земли въ 500, 300 и 150 мѣръ зерна указывалъ на цѣнность земли 6000, 3600 и 1800 драхмъ. (Одинъ четверикъ зерна—ячменя—стоилъ драхму).

Четвертый классъ, ѳетовъ, составляли всѣ, не имѣющіе поземельной собственности, которая одна давала гражданскія права. Тотъ, чье благосостояніе основывалось лишь на скопленныхъ деньгахъ, какъ бы ни былъ онъ богатъ, причислялся къ классу ѳетовъ. Изъ перваго класса выбирались архонты, изъ первыхъ трехъ классовъ состояла вооруженная сила государства и доходами ихъ имѣній покрывались государственные расходы на веденіе войны. Притомъ для первыхъ классовъ размѣръ ценза былъ таковъ, что въ составъ ихъ входили не одни только крупные землевладѣльцы. Затѣмъ важно было то, что ѳетамъ предоставлялось участіе въ народномъ собраніи и судѣ: они, прежде безправные и нерѣдко закабаленные, теперь, благодаря сисахѳіи и реформамъ Солона, дѣлаются людьми вполнѣ свободными, гражданами въ полномъ смыслѣ слова.

Реформами Солона вводились чрезвычайно важные принципы: во первыхъ, тотъ, что каждый имѣетъ право на участіе во власти, по мѣрѣ того, насколько онъ служитъ государству и обществу своимъ трудомъ и имуществомъ; во-вторыхъ, тотъ принципъ, что не происхожденіе, не знатность имѣетъ значеніе, а состояніе; человѣкомъ же состоятельнымъ могъ сдѣлаться всякій и незнатный, при энергіи, трудолюбіи и благопріятныхъ обстоятельствахъ, а слѣдовательно, даже высшія должности теперь уже перестали быть исключительнымъ достояніемъ родовой знати [1]). Итакъ, если нельзя было спасти привилегированное положеніе древнихъ аристократическихъ родовъ въ государствѣ, то оказалось возможнымъ сохранить и закрѣпить политическую привилегированность землевладѣнія. Солонъ въ своей реформѣ оставилъ политическія права за землевладѣльцами, но землевладѣніе сдѣлали доступнымъ для всѣхъ классовъ общества. И въ эту пору успѣли сдѣлаться землевладѣльцами многіе вольноотпущенники и метеки.

Вторая часть Солоновской реформы состояла въ устраненіи задолженности землевладѣнія. И въ этой части реформы, Солонъ

---

[1]) В Бузескулъ. Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V. в. Харьковъ. 1895 стр. 384.

вѣрный господствовавшему въ его время воззрѣнію, приноситъ въ жертву землевладѣльческому классу интересы другихъ уже ясно обозначившихся промышленныхъ сословій. Особымъ актомъ законодательства всѣ долги, которыми была обремѣнена земельная собственность, признаны уничтоженными. При этомъ Солонъ уничтожилъ долговыя обязательства землевладѣльцевъ, какъ по отношенію къ частнымъ лицамъ такъ и по отношенію къ государству. Эта мѣра называлась «сисахѳіей», т. е. снятіемъ или страхованіемъ долговъ. Солонъ былъ удовлетворенъ, повидимому, своею дѣятельностью въ этомъ направленіи, какъ видно изъ одного мѣста его сочиненій, гдѣ онъ говоритъ обращаясь къ землѣ: «Свидѣтельницей быть моихъ дѣяній зову тебя я, мать-земля; (тяжесть) столбовъ (т. е. гипотечныхъ знаковъ) тебя давившихъ, я многихъ, навѣки отнынѣ уничтожилъ; рабой была ты прежде,—свободна ты теперь».

Заимодавцами были по преимуществу торговцы и фабриканты, какъ люди, имѣвшіе дѣло съ обмѣномъ и обладавшіе значительнымъ количествомъ денегъ. Интересы всѣхъ этихъ лицъ были принесены Солономъ въ жертву интересамъ землевладѣнія и стараго ойкоснаго хозяйства. Съ законодательствомъ Солона связано также уничтоженіе кабалы, какъ способа обращенія свободныхъ, но обѣднѣвшихъ гражданъ въ рабство. Чтобы предотвратить и на будущее время экономическія неурядицы, Солонъ, однако, не рѣшался противодѣйствовать свободному развитію экономическаго оборота, т. е. ставить препятствія торговлѣ, обрабатывающей промышленности и росту капиталовъ, которые уже начинали завоевывать права гражданства въ Греціи. Напротивъ, послѣ указанныхъ ограниченій относительно существовавшихъ долговъ, онъ предоставилъ на будущее время полную свободу установленія процентовъ. Но, чтобы предотвратить скопленіе поземельной собственности въ однѣхъ рукахъ въ большомъ количествѣ, т. е. для устраненія землевладѣльческаго капитализма, онъ установилъ весьма радикальные законы, опредѣливъ максимальный размѣръ участковъ, которыми могла владѣть аѳинская семья и этотъ максимумъ запретилъ переступать подъ опасеніемъ штрафовъ. Солонъ былъ человѣкъ великаго государственнаго ума, но въ то же время человѣкъ великаго характера и такта. Какъ государственнаго человѣка, его имя мо-

жетъ быть поставлено наряду съ такими историческими именами, какъ Питтъ старшій и Линкольнъ. Солонъ ясно видѣлъ, что коренными причинами общихъ соціально-экономическихъ неурядицъ Греціи было рабство и охлократія. Но его терапевтическія средства не заходили такъ далеко, какъ его вѣрный діагнозъ. Онъ самъ говорилъ съ благородной откровенностью, что не абсолютно лучшіе законы далъ онъ аѳинянамъ, но лучшіе изъ тѣхъ, которые они могли согласиться принять [1]).

Солону также приписывается реформа денежной системы. Ко времени Солона желѣзныя деньги, повидимому, сохранились еще только въ Спартѣ, въ Аѳинахъ же и на островахъ мѣриломъ цѣнности служила золотая и серебряная монета. При этомъ высшей вѣсовой единицей монетной системы былъ талантъ; его шестидесятая доля называлась миной (отъ семитскаго слова «мна»—часть). Мина дѣлилась на 100 драхмъ по 6 оболовъ. Ранѣе золото и серебро употреблялись въ экономическомъ оборотѣ въ формѣ короткихъ и тонкихъ прутьевъ «вертеловъ»—отсюда произошло названіе монеты оболъ (ὀβολός значитъ вертель), а шесть такихъ вертеловъ составляли «горсть» или драхму. Въ Аѳинахъ издавна господствовала Эгинская денежная система, Солонъ замѣнилъ ее системой Эвбейской. Обѣ системы различались относительнымъ вѣсомъ своихъ денежныхъ единицъ: 73 эгинскихъ драхмы равнялись 100 драхмамъ Эвбейской системы. Значеніе этой реформы заключалось въ томъ, что Эвбейская система въ вѣкъ Солона была принята въ греческихъ колоніяхъ на островахъ Малой Азіи, въ Коринѳѣ, Халкидѣ и на крупныхъ торговыхъ рынкахъ по Средиземному морю. Введеніемъ этой системы Солонъ имѣлъ въ виду содѣйствовать развитію морской торговли Аѳинъ и тѣмъ способствовать поднятію благосостоянія малоплодородной Аттики.

Въ области права, господствующей чертой Солонова законодательства было освобожденіе личности, установленіе юридическаго равенства между гражданами; онъ далъ законы, равные для простого и благороднаго. Солонъ также предоставилъ каждому при бездѣтности завѣщать имущество по своему усмотрѣнію, тогда какъ прежде въ такомъ случаѣ состояніе должно было оставаться за ро-

[1]) Ernst Curtius Griechische Geschichte. Berlin. 1874. 4 Auflage, 1 Band, стр. 309—321.

домъ. Всѣмъ этимъ Солонъ наносилъ ударъ родовому праву и родовой знати [1]).

Послѣ смерти Солона Аттика все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ промышленной страны. Уже въ половинѣ V-го вѣка она занимала на морѣ своимъ торговымъ флотомъ положеніе, напоминавшее положеніе Англіи, какъ морской державы въ Европѣ въ началѣ 19-го столѣтія. Ея торговыя операціи развивались на протяженіи отъ Кавказа до Гибралтара. Промышленный характеръ страны выразился также въ развитіи обрабатывающей промышленности. Расцвѣтъ ея промышленности основывался на изобиліи рабскаго труда. Огромная масса рабовъ была примѣнена въ качествѣ двигательной силы, приводившей въ движеніе торговыя и военныя судна. Въ обрабатывающей промышленности ремесленникъ, работавшій одинъ или съ немногими подмастерьями, все болѣе и болѣе вытѣснялся крупнымъ производствомъ, основаннымъ на эксплоатаціи рабскаго труда. Въ Аѳинахъ въ эпоху Пелопоннесской войны (431—404 г. до Р. Х.) существовали фабрики, въ которыхъ работало до 120 человѣкъ. Мастерскія же съ 20—30 рабочими были весьма распространены. Характерно то, что съ презрѣніемъ къ мелкому ремесленному труду уживалось вполнѣ благосклонное отношеніе общественнаго мнѣнія къ веденію крупныхъ промышленныхъ фабрикъ и мастерскихъ. Этими занятіями не брезгали аѳинскіе аристократы. Въ числѣ владѣльцевъ крупныхъ фабрикъ были, между прочимъ, такія лица, какъ Клеонъ, Гиперболъ, Алкивіадъ, Демосѳенъ, имѣвшій фабрику оружія и щитовъ, и даже самъ Периклъ. Въ области производства для вывоза въ эту пору видное мѣсто занимали: посуда, ткани, кожи, оружіе, вазы, лампы, а для туземнаго потребленія—ткани, посуда, металлы. Страна ввозила при этомъ съ береговъ Чернаго моря рабовъ, лѣсъ для постройки судовъ, соленую рыбу (Τάραγος тарань), медъ, воскъ, деготь, смолу, шкуры животныхъ, шерсть, кожи. Изъ Фригіи и Милета привозились шерсть, ковры и т. п.[2]). Издѣлія греческихъ мастерскихъ импонировали

---

[1]) Аристотель въ своей Политіи (недавно открытой) раздѣляетъ государственную дѣятельность Солона на три акта: первый актъ—сисахѳія, второй—номоѳесія, изданія законовъ и наконецъ послѣдній—реформа монеты, мѣръ и вѣсовъ. В. Бузескулъ Аѳинская Политія Аристотеля. Харьковъ 1895, стр. 327.

[2]) Boeckh. т. II, стр. 47—51. Белохъ. т II, стр 277 и др. Buchsenschütz стр 322

изяществомъ, что указываетъ на то, что ремесла не цѣликомъ находились въ рукахъ рабовъ. Ремеслами занимались также свободныя женщины греческихъ гражданъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, а къ эпохѣ Перикла много свободныхъ гражданъ, въ особенности безземельныхъ, работало въ качествѣ наемныхъ рабочихъ въ мастерскихъ, на ряду съ рабами. Участіе свободныхъ гражданъ въ занятіяхъ въ области обрабатывающей промышленности постепенно измѣнило презрительное отношеніе къ ремесленному труду. Въ особенности значеніе ремесленнаго труда было поднято въ глазахъ общественнаго мнѣнія художественными постройками временъ Перикла. Художественныя зданія и храмы сооружались по большей части трудомъ свободныхъ людей. Но самую видную роль въ торгово-промышленной жизни Аѳинъ играли метеки. Метеки занимались разнообразными профессіями. Мы видимъ среди нихъ простыхъ рабочихъ и ремесленниковъ. Античная керамика не мало обязана своимъ развитіемъ и славой метекамъ. Среди этого класса были мелкіе торговцы и крупные коммерсанты, особенно по хлѣбной торговлѣ, находившейся большею частью въ рукахъ метековъ, капиталисты и банкиры, представители свободныхъ профессій, врачи, артисты, художники, поэты, ученые и ораторы. Видные представители этого класса стояли на высотѣ аѳинской образованности и сливались съ аѳинскими гражданами. У Платона его знаменитый діалогъ о государствѣ происходитъ въ домѣ метека Кефала, родомъ изъ Сиракузъ. Кефалу и его сыновьямъ принадлежало нѣсколько домовъ и большая фабрика щитовъ, на которой работало не менѣе 120 рабовъ.

Вообще надо отмѣтить, что ко времени Перикла въ Аѳинахъ образовался многочисленный торгово-промышленный классъ. Въ составѣ его были владѣльцы мастерскихъ и фабрикъ, судовладѣльцы, занимавшіеся морскимъ транспортомъ, собственники торговыхъ предпріятій и банкиры. Но, на ряду съ этими крупными предпринимателями, было также много и мелкихъ мастеровъ-ремесленниковъ, работавшихъ у себя на дому, по заказу, или же продававшихъ свои издѣлія на рынкѣ. Къ этому времени много гражданъ жило уже наемнымъ трудомъ въ качествѣ поденщиковъ, чернорабочихъ, ремесленниковъ и матросовъ. Обширный сбытъ издѣлій аѳинской индустріи, на ряду съ постоянными войнами и морскими экспедиціями, а также развитіемъ морского флота, создавалъ постоянный

спросъ на рабочія руки. Большинство гражданъ не оставляло своихъ полей; но въ морскихъ предпріятіяхъ, торговыхъ промыслахъ для небогатыхъ гражданъ открываются новые источники дохода. Въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ всегда можно было найти платное занятіе и выгодное дѣло. Развивается вкусъ къ морскимъ приключеніямъ. На значительное развитіе промысловъ указываетъ существованіе въ Аѳинахъ цѣлыхъ улицъ, населенныхъ ремесленниками; таковы улицы башмачниковъ, скульпторовъ; цѣлый кварталъ керамики былъ населенъ ремесленниками, занятыми выдѣлкою гончарныхъ издѣлій, художественныхъ вазъ и посуды, которые работали преимущественно для вывозной торговли за границу. Въ одномъ мѣстѣ Ксенофонтъ, желая подчеркнуть вліятельное положеніе, которое въ его время занимали ремесленники въ аѳинскомъ государствѣ, говоритъ: «Валяльщики, сапожники, плотники, кузнецы, земледѣльцы, купцы— вотъ изъ кого состоитъ народное собраніе».

Широкое примѣненіе рабскаго труда ставило въ трудное положеніе свободныхъ гражданъ, жившихъ наемнымъ трудомъ. Въ пору же расцвѣта аѳинской демократіи мы видимъ рабовъ всюду: въ домѣ, въ полѣ, въ лавкѣ, въ банкирской конторѣ, въ мастерскихъ, на тогдашнихъ фабрикахъ, на торговыхъ судахъ, въ качествѣ гребцовъ и особенно въ рудникахъ. Они—и чернорабочіе, и домашняя прислуга, и мастера, и надсмотрщики, управляющіе, писцы, счетчики, мелкіе служащіе, наконецъ—воспитатели, «педагоги». Рабскій трудъ конкурировалъ со свободнымъ и отнималъ хлѣбъ у представителей послѣдняго. Прежде всего содержаніе раба обходилось около 3 оболовъ (18 копѣекъ), много дешевле того, что̀ надо было платить въ видѣ заработной платы свободному работнику. Въ то же время нормальное жалованье мастера, архитектора и т. п. равнялось 7 оболамъ или 1 драхмѣ и 1 оболу, лучшее—1 драхмѣ и 3 оболамъ и самое высокое 2 драхмамъ. Философу за собесѣдованіе въ теченіе ночи платили 1 драхму. Впрочемъ, при простотѣ тогдашнихъ нравовъ, вкусовъ и потребностей, содержаніе воина обходилось государству въ 3 обола; даже высшіе сановники государства, архонты, получали на свое содержаніе по 4 обола въ день. На истмійскихъ играхъ содержаніе гостя стоило въ день 4 обола [1]).

---

[1]) Francott Henri. L'Industrie dans la Grèce ancienne. T. 1, стр. 339.

Вообще въ этотъ періодъ богатство націи базируется не на земледѣліи, а на индустріи и морской торговлѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ V-го столѣтія политическое и торговое могущество Аѳинъ достигло своего апогея. О значеніи морской торговли Аѳинъ свидѣтельствуютъ тѣ заботы, которыя прилагали всѣ видные государственные дѣятели къ устройству и оборудованію аѳинскихъ гаваней. Уже за 13 лѣтъ до Саламинской битвы (въ 480 г. до Р. Х.). Ѳемистоклъ принялся за устройство, вмѣсто открытаго Фалернскаго рейда, хорошо защищенной гавани въ Пиреѣ, засыпавъ болотистое пространство, отдѣлявшее этотъ бывшій островъ отъ материка. При Периклѣ Пирейская гавань была перестроена по плану извѣстнаго архитектора Гипподама. Въ Пиреѣ было устроено 372 дока, въ которыхъ наготовѣ стояли военныя судна. Самая гавань была, въ интересахъ военной защиты, соединена двумя рядами параллельныхъ стѣнъ съ городомъ. Усиленіе оборонительныхъ средствъ Аѳинъ шло рука объ руку съ покровительствомъ и соблюденіемъ ихъ торговыхъ интересовъ. Военная гавань отдѣлена отъ торговой: военные корабли не должны были мѣшать купеческимъ судамъ. На берегу торговой гавани тянулись 5 хлѣбныхъ магазиновъ, изъ которыхъ самый большой построенъ былъ Периклом. Имъ же построена была дейгма, своего рода биржа, гдѣ выставлены были образцы товаровъ [1]).

Производство продуктовъ для сбыта и широкое развитіе внутренней и иностранной торговли привело къ возникновенію въ Греціи разныхъ видовъ кредитныхъ и банковыхъ операцій. Первичныя формы банковыхъ операцій развились въ святилищахъ и храмахъ (на остр. Делосѣ, въ Олимпіи и друг.), куда стекались значительныя пожертвованія. Даже въ періоды самой сильной національной розни и вражды между греческими племенами храмы пользовались полною неприкосновенностью, поэтому частныя лица и государства отдавали свои деньги и сокровища на сохраненіе въ храмы. По этимъ вкладамъ владѣльцы ихъ не только не получали дохода, но сами еще должны были уплачивать храмамъ вознагражденіе за функцію храненія. Храмовыя же управленія иногда ссужали хранимыя ими суммы государству въ тяжелую годину войнъ и т. п., а позже стали отдавать эти деньги въ ростъ. Такъ, делос-

[1]) В. Бузескулъ. Исторія аѳинской демократіи. Спб. 1909 г., стр 169.

скій храмъ въ 377 году имѣлъ въ ссудахъ подъ проценты за государствами и частными лицами 47 талантовъ. Возрастающія потребности торговаго оборота начали привлекать къ банкирскому дѣлу и частныхъ лицъ, которыя принимали вклады, производили платежи за счетъ своихъ кліентовъ или давали имъ деньги взаймы и служили посредниками въ денежныхъ сдѣлкахъ съ другими мѣстами, производя переводныя операціи. Этими операціями занимались преимущественно мѣнялы въ Аѳинахъ, которые имѣли свои особые столы (τράπεζα) на рынкѣ, почему носили названіе трапезитовъ. Такъ какъ для веденія банковаго дѣла необходимы были крупные капиталы, то часто соединялись въ товарищество нѣсколько лицъ, которыя и вели банкъ (τράπεζα) на общій счетъ. Извѣстны имена двухъ крупнѣйшихъ аѳинскихъ банкировъ, преемственно представлявшихъ одну и ту же фирму (въ 394—210 г.г. до Р. Х.)— Пассіонъ и Форміонъ,—оба бывшіе рабы и вольноотпущенники. Банкъ ихъ является міровой фирмой той поры, оперировавшей капиталомъ въ 50 талантовъ, почти исключительно депозитныхъ денегъ, и пользовавшейся неограниченнымъ кредитомъ во всѣхъ торговыхъ пунктахъ Эллады. Белохъ называетъ Пассіона Ротшильдомъ греческаго міра. Путемъ банкирскихъ предпріятій Пассіонъ и Форміонъ возвысились отъ невольничества до виднаго общественнаго положенія и пріобрѣли права гражданства. Это была карьера, которая удавалась иногда рабамъ, а въ особенности метекамъ [1]).

Государственное хозяйство Аттики. Общая характеристика хозяйственнаго строя древней Греціи была бы не полной, если бы мы не привели при этомъ нѣсколько чертъ о положеніи аѳинскаго государственнаго хозяйства, такъ какъ личность греческаго гражданина сплеталась тѣсными узами съ жизнью государства. Каждый свободный гражданинъ отдавалъ, можно сказать, бо́льшую часть своего времени служенію государству, какъ воинъ и членъ разныхъ политическихъ учрежденій, неся безплатную службу и жертвуя своимъ имуществомъ. Но зато въ нуждѣ онъ обращался за помощью къ тому же государству, получая отъ него содержаніе (пансіонированіе въ пританеѣ) и даже средства для посѣщенія театровъ и публичныхъ зрѣлищъ. Въ патріархальный періодъ исторіи финансовыя функціи государства были крайне несложны.

[1]) Белохъ. Исторія Греціи. Т. II. 1899 г., стр. 278—281, и др.

Государство несло только необходимые расходы на содержаніе царя и жертвоприношенія богамъ. При простотѣ тогдашнихъ потребностей, эти издержки государства были небольшія и покрывались доходами съ государственныхъ имуществъ. Казна не запасалась даже особымъ фондомъ для содержанія войска. Служба въ войскѣ была почетною обязанностью, и граждане во время нахожденія въ войскѣ содержали себя на свои частныя средства. Но переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и спеціальныя особенности соціальнаго строя аѳинскаго государства, въ періодъ расцвѣта домократіи, вызвали не только чрезвычайное расширеніе финансовыхъ функцій государства, но на него возложены были еще сложныя и хлопотливыя обязанности по содержанію малосостоятельныхъ аѳинскихъ гражданъ и по устройству общественныхъ празднествъ и увеселеній. Это была своеобразная система государственнаго соціализма, по своимъ исходнымъ началамъ рѣзко отличающаяся отъ современныхъ формъ вмѣшательства въ сферу соціальныхъ отношеній. Прежде всего, со временемъ, государство должно было принять на себя огромные расходы по содержанію войска и флота. Въ первой половинѣ 4 вѣка содержаніе конницы обходилось въ 40 талантовъ, при этомъ государство должно было нести расходы по уплатѣ жалованья солдатамъ по 3 обола въ день, содержать на свой счетъ эскадры, въ которыхъ экипажъ иногда доходилъ до 40,000 человѣкъ, какъ напр. эскадра, отправленная въ Сицилію во время Пелопоннесской войны. Но, если не считать даже такихъ исключительныхъ случаевъ, то въ обыкновенное время, по утвержденію Аристотеля, въ Аѳинахъ на государственный счетъ, преимущественно на взносы союзниковъ, содержалось болѣе 20,000 человѣкъ. Такъ какъ общее число взрослыхъ аѳинскихъ гражданъ простиралось до 60,000 человѣкъ, то, значитъ, $^1/_3$ всѣхъ гражданъ содержалась на счетъ государства. Въ этомъ числѣ были гоплиты, матросы, стражи верфей, представители власти, 6,000 декастовъ, членовъ суда присяжныхъ (геліэя), бѣдныя лица изъ почетныхъ гражданъ, содержащіяся въ пританеѣ, сироты, тюремные сторожа и проч. Крупныхъ расходовъ требовали укрѣпленія, особенно такія огромныя сооруженія, какъ стѣна, возведенная Ѳемистокломъ вокругъ Пирея, а также стѣны, которыми Периклъ соединилъ Аѳины съ гаванью. Огромныя средства также тратились на художественныя

постройки, общественныя празднества и игры, которыхъ, по словамъ Ксенофонта, у аѳинянъ было вдвое болѣе, чѣмъ у другихъ эллиновъ. Ежегодныя храмовыя празднества—панаѳинеи, діонисіи, ифестіи и др.—требовали огромныхъ расходовъ со стороны государственной казны на содержаніе хоровъ. оркестровъ и покупку сосудовъ, ковровъ, тканей, а главнымъ образомъ, на кормленіе тысячъ народа, стекавшихся со всѣхъ концовъ Греціи, на принесеніе гекатомбъ. Правда, часть расходовъ по устройству празднествъ несли храмы, но и государство затрачивало съ своей стороны огромныя суммы (отъ 6 до 10 талантовъ) на устройство большихъ панаѳиней въ честь богини Аѳины, разъ въ четыре года. Затѣмъ требовали государственныхъ расходовъ и священныя игры—олимпійскія, истмійскія и др. Помимо извѣстныхъ затратъ на празднества, государство иногда на свой счетъ покупало дорогіе призы, наприм., золотые вѣнки въ 85 драхмъ золота. Кромѣ того, государство со времени Перикла платило за бѣдныхъ гражданъ входную плату на публичныя зрѣлища и въ театръ (Θεωρίκον). Плата эта выдавалась въ размѣрѣ 2 оболовъ на человѣка въ день; но такъ какъ въ дни большихъ праздниковъ число зрителей въ театрахъ достигало 30,000, то эта плата была очень обременительной для казны. Послѣ Пелопоннесской войны нѣкимъ Агиріемъ была также введена и плата за посѣщеніе народнаго собранія. Конечно, эти подачки народу росли параллельно съ развитіемъ нужды и, въ свою очередь, деморализовали народъ, заставляя его полагаться не на собственный трудъ и хозяйственную дѣятельность, а на заботы о себѣ государственной казны.

Для покрытія столь сложныхъ и огромныхъ расходовъ требовалось большое напряженіе финансовыхъ средствъ казны. Только самая небольшая часть этихъ средствъ поступала изъ доходовъ отъ государственныхъ рудниковъ и отъ сдачи казенныхъ земель въ аренду. Остальное приходилось добывать путемъ налоговъ. Государство получало доходъ отъ пошлинъ на ввозимые товары въ размѣрѣ 1—2% стоимости послѣднихъ. Приходилось также государству прибѣгать къ обложенію недвижимыхъ имуществъ, которое ко времени Демосѳена достигало 2%, а въ годы особенныхъ народныхъ бѣдствій и войнъ иногда доходило до 10% съ годового дохода. Часть дохода поступала въ формѣ натуральныхъ по-

винностей. Видное мѣсто въ ряду этихъ повинностей занималъ расходъ на содержаніе военныхъ кораблей. Первоначально эта повинность распредѣлялась такимъ образомъ, что каждые два богатые гражданина обязаны были поставить государству и содержать одно судно (трирему). Въ 357 г. эта повинность распредѣлялась на 1200 наиболѣе состоятельныхъ гражданъ, раздѣленныхъ на извѣстное число товариществъ, такъ называемыхъ «симморій», изъ которыхъ каждое должно было снаряжать одинъ или нѣсколько кораблей. Много приносили казнѣ косвенные налоги, сдававшіеся на откупъ частнымъ лицамъ, за пользованіе гаванями, рынками, а также таможенныя пошлины. Податями облагались нѣкоторыя профессіи, требующія полицейскаго надзора, какъ-то: занятія фокусниковъ, предсказателей и т. п.

Но, вѣроятно, главную тяжесть налоговъ на нужды государства несли покоренныя греческія племена на территоріи и прилегавшихъ островахъ, носившія, однако, почетное названіе союзниковъ. Всѣ они были обязаны ежегодно присылать въ аѳинскую казну большія суммы. Къ тому же вся система управленія провинціями, основанная на централизаціи, разсчитана была, по словамъ Ксенофонта, на эксплоатацію союзниковъ [1]). Такъ, для совершенія всѣхъ судебныхъ тяжбъ и исковъ союзные граждане должны были обращаться въ Аѳины и здѣсь нести массу расходовъ на судебныя издержки и свое содержаніе въ городѣ. Кромѣ того, часть территоріи союзниковъ экспропріировалась аѳинянами въ видѣ «клерухій» или колоній, раздававшихся бѣднымъ гражданамъ, которые часто даже не жили въ этихъ колоніяхъ, получая отъ нихъ доходъ, путемъ отдачи въ аренду. Государственная казна, которая должна была въ половинѣ V-го вѣка, въ періодъ расцвѣта демократіи, нести огромные расходы на чисто финансовыя нужды, всегда открытая для подачекъ и позаимствованій гражданъ, сплошь и рядомъ бывала пуста. Отсюда являлась большая неразборчивость въ средствахъ для ея пополненія. Форма судебнаго наказанія, примѣняемая за измѣну, соединеннаго съ конфискаціей имущества осужденнаго, сдѣлалась предметомъ жестокой эксплоатаціи. Сплошь

[1]) Въ союзныхъ городахъ, жалуется Ксенофонтъ, аѳиняне отличныхъ гражданъ лишаютъ правъ и отнимаютъ имущество, подвергаютъ изгнанію и ссылкѣ, а худыхъ гражданъ поддерживаютъ. Союзники оказываются въ нѣкоторомъ родѣ рабами аѳинянъ. Сочин., кн V, стр. 67.

и рядомъ достойные, богатые граждане подвергались конфискаціи только по тому мотиву, что иначе казнѣ не было бы чѣмъ оплатить трудъ присяжныхъ судей и участниковъ народнаго собранія. Темная сторона тогдашнихъ учрежденій и политическихъ нравовъ особенно обнаруживалась въ случаѣ недостатка денежныхъ средствъ въ государственныхъ кассахъ. По свидѣтельству оратора Лисія, аѳинскій совѣтъ, напримѣръ, поступаетъ вполнѣ безукоризненно, пока есть деньги для правленія, но какъ только является нужда въ деньгахъ, онъ принужденъ принимать доносы, конфисковать имущества и слушаться самыхъ дурныхъ ораторовъ.

Однимъ изъ звеньевъ финансовой системы аѳинскаго государства былъ институтъ сикофантства. Первоначально это были чиновники финансоваго вѣдомства, слѣдившіе за правильностью поступленія государственныхъ податей. Они обязаны были наблюдать за ввозомъ и вывозомъ товаровъ, съ тѣмъ чтобы не допускать утайки пошлинъ, доносить о вывозѣ нѣкоторыхъ предметовъ вопреки запрещенію правительства. Въ періодъ деморализаціи аѳинскаго демоса все стараніе сикофантовъ уходило на то, чтобы указывать правительству на богатыхъ гражданъ, скрывавшихъ свои состоянія, въ виду тяжелыхъ поборовъ, которымъ подвергались богатые; и при удобномъ случаѣ сикофанты привлекали такихъ гражданъ къ суду съ тѣмъ, чтобы конфисковать ихъ имущество въ казну. Впослѣдствіи сикофантство превратилось въ ремесло, къ которому прибѣгали и частные граждане, нуждавшіеся въ средствахъ для существованія. Естественно, что профессія сикофантовъ пользовалась дурною репутаціей: ихъ называли ищейками, ябедниками и клеветниками. Въ такой характеристикѣ сикофанты выводятся въ комедіяхъ Аристофана. Если въ обыкновенное время эта фанансовая система аѳинскаго государства еще кое-какъ держалась, то въ военное время она выводила казну изъ равновѣсія. Такъ, Пелопоннесская война потребовала расхода въ 12,000 талантовъ. Понятно, что такая финансовая система въ періодъ продолжительныхъ войнъ вносила жестокое разореніе въ странѣ, въ которой она не только не поддерживала предпріимчивости и частнаго труда, а, напротивъ, подрывала побужденія къ нимъ. На источники богатства, лежавшіе въ хозяйственномъ трудѣ и хозяйственной самодѣятельности гражданъ, въ такіе моменты странѣ нельзя было уже полагаться.

Отъ финансовой системы перейдемъ теперь къ отношеніямъ, существовавшимъ между общественными классами въ аѳинскомъ государствѣ.

Богатые и бѣдные и соціальный вопросъ въ аѳинскомъ государствѣ. Въ IV в. въ Греціи происходитъ процессъ соціальнаго разложенія и обостренія экономическихъ противоположностей. Средній зажиточный классъ приходитъ въ упадокъ и почти исчезаетъ: контрасты усиливаются: съ одной стороны, мы видимъ богачей, плутократію, торжество капитализма, съ другой—ихъ обычныхъ спутниковъ, увеличивающуюся бѣдность, пролетаріевъ. Были мѣстности, гдѣ пролетаріи составляли половину и даже болѣе—числа всѣхъ гражданъ. По свидѣтельству современниковъ, въ тогдашней Греціи было множество бездомныхъ, бродягъ и изгнанниковъ. По словамъ Исократа, изъ скитающихся внѣ родины легче набрать войско, чѣмъ изъ гражданъ въ городахъ. Пропасть между богатымъ меньшинствомъ и неимущимъ или малосостоятельнымъ большинствомъ увеличилась. Государство, по выраженію Платона, распалось какъ бы на двѣ половины—бѣдныхъ и богатыхъ, которые жили вмѣстѣ, но были враждебны другъ другу. Это были какъ бы два непріятельскихъ лагеря, и борьба общественныхъ классовъ достигла въ Греціи еще небывалаго ожесточенія. «Ни одинъ изъ гражданъ не живетъ пріятно и беззаботно; но городъ полонъ отчаянія,—говоритъ риторъ Исократъ: одни жалуются на бѣдность и нужду и голосятъ, другіе жалуются на множество распоряженій и повинностей, на бѣды отъ симморій и проч.—и это причиняетъ такое горе, что имѣющимъ состояніе хуже живется, чѣмъ тѣмъ, кто постоянно находится въ бѣдности». Аристофанъ, въ комедіи «Богатство» въ мрачныхъ краскахъ изображаетъ обстановку бѣдняковъ, которые отъ холода ищутъ убѣжища въ баняхъ, вмѣсто плаща имѣютъ лохмотья, вмѣсто постели—мѣшокъ съ соломой, вмѣсто подушки—камень подъ голову, вмѣсто хлѣба питаются стеблями мальвы, вмѣсто ячменной лепешки—завядшею зеленью рѣдки, вмѣсто скамьи имъ служитъ горло разбитаго кувшина, вмѣсто квашни—бокъ поломанной бочки [1]). Бѣдные смотрѣли на богатыхъ съ завистью и раздраженіемъ. По словамъ Аристотеля, равные въ одномъ отношеніи, именно, въ отношеніи свободы,

[1]) В. Бузескулъ. Исторія аѳинской демократіи, Спб 1909, стр. 423—424.

думали, что они должны быть равны и во всемъ: за политическимъ равенствомъ должно было слѣдовать и равенство соціальное.

Аѳинское государство, какъ мы видѣли раньше, въ своемъ стараніи оказать матеріальную поддержку неимущимъ гражданамъ доводило до крайняго напряженія финансовыя средства казны. Но оно исчерпывало средства, не успѣвая помочь всѣмъ, а, наоборотъ, своей соціальной политикой, поощряя гражданъ полагаться на помощь и подачки казны, оно убивало самодѣятельность и привычку къ хозяйственному труду.

Среди такихъ условій и настроенія легко могли возникнуть утопіи, мечты о совершенно иномъ, новомъ строѣ, о коренномъ измѣненіи общества на началахъ имущественнаго равенства и коммунизма. Но идеи коммунизма не только возникали въ головахъ отдѣльныхъ мыслителей, они существовали и въ аѳинской массѣ, какъ объ этомъ можно судить по комедіи Аристофона «Женское народное собраніе». Въ этой пьесѣ, какъ извѣстно, женщины берутъ въ свои руки управленіе государствомъ, которое устраивается на коммунистическихъ началахъ. Съ переходомъ правленія въ руки женщинъ все будетъ общимъ достояніемъ и каждый будетъ жить на общій счетъ, а не такъ, что одинъ богатѣетъ, а другой бѣдствуетъ, одинъ обрабатываетъ много земли, а у другого нѣтъ мѣста для погребенія, одинъ имѣетъ много рабовъ, а у другого нѣтъ ни одного. Жизнь для всѣхъ теперь будетъ общею и равною.

Прежде всего земля дѣлается общимъ достояніемъ, а затѣмъ и деньги и все, что у кого есть, сдается въ общую казну, на счетъ которой женщины будутъ кормить и содержать своихъ мужей расчетливо и благоразумно. Ни одинъ человѣкъ не будетъ работать теперь изъ бѣдности, ибо всѣ имѣютъ все:—хлѣбъ, соленую рыбу, ячменныя лепешки, одежду, вино, вѣнки, бобы. Поля будутъ обрабатывать рабы. Аѳинянамъ остается только пировать. Вводится общность и женъ. При новомъ порядкѣ не будетъ воровства, такъ какъ все вѣдь общее: кто же станетъ красть свое. Образъ жизни для всѣхъ будетъ общій, городъ самъ составитъ одинъ домъ. Судебныя мѣста и портики будутъ превращены въ общественные залы.

На ораторскихъ трибунахъ будутъ сосуды съ яствами и питьемъ, на площади, у статуи Гармодія,—урны съ жребіями, но не для избра-

нія судей или должностныхъ лицъ, а для распредѣленія пирующихъ по разнымъ помѣщеніямъ, сообразно вынутой изъ урны буквѣ. Въ этомъ изображеніи счастливой жизни послѣдніе эпизоды, повидимому, взяты изъ той картины, которую представляли собою общественныя пиршества, устраиваемыя аѳинскимъ государствомъ на разнаго рода празднествахъ, олимпійскихъ играхъ и т. п. Комедія Аристофана осмѣивала стремленія и мечты, имѣвшія мѣсто въ средѣ аѳинскаго населенія. Но что Аристофанъ не имѣлъ здѣсь въ виду коммунизмъ, развиваемый Платономъ въ его сочиненіи «О Государствѣ», то это очевидно, потому что сочиненіе Платона «О Государствѣ» появилось позже аристофановой комедіи [1]).

Предыдущій очеркъ показываетъ, что въ исторіи греческаго хозяйства наблюдается два періода. Античное, патріархальное хозяйство, къ половинѣ VI-го вѣка до Р. Х. смѣняется хозяйствомъ мѣновымъ, достигшимъ къ концу греческой исторіи широкаго развитія [2]). Конечно, въ этомъ мѣновомъ хозяйствѣ недоставало многихъ элементовъ, характеризующихъ современное намъ капиталистическое хозяйство. Въ Греціи прежде всего не существовало спеціальнаго класса свободныхъ наемныхъ работниковъ, который въ современномъ обществѣ является представителемъ отдѣльнаго фактора хозяйственной жизни—труда. Но уже въ древней Греціи, на ряду съ преобладаніемъ рабскаго труда, формировался этотъ классъ изъ обезземеленныхъ и обѣднѣвшихъ гражданъ. Кромѣ того, въ положеніе наемныхъ рабочихъ попадали вольноотпущенники изъ рабовъ и метеки. Далѣе, въ древней Греціи, во второй періодъ ея хозяйственной исторіи, рѣзко обозначилась противоположность между

---

[1]) В. Бузескулъ. Исторія аѳинской демократіи. Сбп. 1909, стр. 425—426

[2]) Въ особенности это различіе въ строѣ греческаго хозяйства античнаго, гомеровскаго, и новаго періода, временъ Солона и Перикла, рельефно выставляетъ Э. Мейеръ, оспаривающій возврѣнія Родбертуса и Бюхера о преобладаніи „ойкоснаго“ типа хозяйства въ теченіе всей греческой исторіи. Онъ утверждаетъ, что уже седьмое и шестое столѣтія въ греческой исторіи соотвѣтствуютъ въ развитіи новаго времени—четырнадцатому и пятнадцатому вѣку послѣ Р. Х., пятое—шестнадцатому. „Экономическое развитіе древняго міра“, М. 1898 г., стр. 45. Самое возникновеніе теоріи Бюхера и авторитетъ, которымъ она нѣкоторое время пользовалась, объясняются тѣмъ, что экономисты мало были знакомы съ новѣйшими изслѣдованіями по исторіи Греціи.

городомъ, какъ центромъ обрабатывающей и торговой промышленности, и деревней, исключительно занимающейся земледѣліемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней не такъ рѣзко обособились классы капиталистовъ, торговцевъ и промышленниковъ-предпринимателей, съ ихъ различными интересами, какъ это наблюдается въ современномъ обществѣ. Но въ древней Греціи второго періода общественно-хозяйственное раздѣленіе труда легло въ основу хозяйства страны, со спеціализаціей занятій по отдѣльнымъ хозяйственнымъ группамъ—торговцевъ, банкировъ, лицъ, ведущихъ предпріятія въ области обрабатывающей и горной промышленности, и землевладѣльцевъ. Только слабое развитіе техники, сравнительно съ новымъ временемъ міровой исторіи, въ примѣненіи къ мореходству, сухопутному транспорту и обрабатывающей промышленности, ставило это общественно-хозяйственное раздѣленіе труда въ узкія рамки ручного труда, эксплоатаціи силъ животныхъ, частью силы вѣтра, напр. въ пользованіи парусами на морскихъ суднахъ. Во всякомъ случаѣ хозяйственная жизнь Греціи этого періода представляла уже достаточно разнообразную почву для экономическихъ наблюденій и изслѣдованій и обильный матеріалъ для научнаго объясненія хозяйственныхъ явленій. И, дѣйствительно, мы видимъ, что многія стороны хозяйственнаго быта Греціи получили болѣе или менѣе яркую характеристику въ трудахъ Ксенофонта, Ѳукидида, Платона и Аристотеля. Въ сочиненіяхъ Аристотеля (его Этикѣ и Политикѣ) намѣчена уже теорія цѣнности, денегъ, раздѣленія труда; въ сочиненіяхъ Ксенофонта высказано много важныхъ положеній изъ области сельскохозяйственной экономіи. Платонъ, на почвѣ наблюденія и критики современнаго ему хозяйства, широко ставитъ и рѣшаетъ, съ античной точки зрѣнія, проблему обезпеченія экономическаго благосостоянія народа. Но, не смотря на геніальные штрихи греческой мысли, намѣченные въ области изученія экономіи общества, однако историческое наслѣдство, оставленное греками въ этой области, едва ли можетъ быть поставлено на уровнѣ того, что достигнуто греческою мыслью въ другихъ областяхъ знанія—въ философіи, исторіи, естествознаніи. Чѣмъ же объяснить то, что въ древней Аттикѣ, въ которой умственные интересы занимали очень видное мѣсто,—хозяйственная жизнь, какъ предметъ изученія, очень мало привлекала вниманіе ученыхъ грековъ?—Коренная

причина этого заключалась въ преобладаніи рабскаго труда, налагавшаго печать презрѣнія, въ глазахъ греческаго общества, на хозяйственный трудъ. Въ этомъ надо искать источникъ господствовавшаго въ теченіе почти всей греческой исторіи пренебрежительнаго отношенія къ физическому труду, къ хозяйственной дѣятельности, раздѣлявшагося лучшими людьми Греціи. Напримѣръ, такой мыслитель, какъ Аристотель, въ 1-й книгѣ своей «Политики» послѣ краткаго перечисленія главныхъ отраслей труда (γρημματιστική) говоритъ: «Входить въ подробности этого предмета, пожалуй, полезно для производства, но низменно останавливаться на этомъ». Даже Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ проектируетъ возложить весь хозяйственный трудъ на людей, повидимому, по своему соціальному положенію, приближающихся къ рабамъ. Если, несмотря на эти неблагопріятныя условія для развитія экономическихъ знаній, мы все-таки видимъ въ Греціи замѣчательныя явленія въ экономической литературѣ, то это объясняется необычайною даровитостью греческаго народа.

Литература по исторіи хозяйства Греціи. Одиссея и Иліада Гомера. A. Boeckh. Die Staatshaushaltung der Athener, vier Bücher. 2 Bande. Berlin. 1817. Buchsenschutz. Besitz und Erwerb im griechischen Alterthum. Halle. 1867. W. Roscher. Ueber das Verhaltniss der Nationaloconomie zum klassischen Alterthum. 1849. Его же—Ansichten der Volkswirthschaft. Leipzig. 1861. Родбертусъ-Ягетцовъ. Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. Переводъ извѣстныхъ его статей въ «Jahrbucher für Nationaloconomie und Statistik v. Bruno Hildebrand» подъ редакц. проф. Тарасова. Ярославль 1880—1887 г., въ 4-хъ выпускахъ. Ernst Curtius. Griechische Geschichte, 3 Bande. 3 Aufgabe. 1874. Есть русскій переводъ. Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Москва. 1899 г. Т. 1 и 2 русскій переводъ изд. Солдатенкова. Ed. Meyer. Geschichte des Alterthums. Stuttgart. 1893. I u. II B. Ed. Meyer. Die Sclaverei im Alterthum. 1898. Dresden. Его же—Экономическое развитіе древняго міра. Русскій переводъ. С.-Петерб. 1898 г. изд. Водовозовой.

Новѣйшія изслѣдованія по исторіи Греціи:—*В. Бузескулъ.* Исторія аѳинской демократіи. Спб. 1909. Его же. Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя

Аѳинъ до V вѣка. Харьковъ 1895. *Проф. Р. Виппперъ.* Лекціи по исторіи Греціи. Часть I., 2 изд. М. 1906. Ц. 1 р.

Francott Henri. L'Industrie dans la Grèce ancienne. T. I и II. Bruxelles. 1900—1. *Paul Guirard.* La main-d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. Paris. 1900. *Max von Weber.* Agrargeschichte (Alterthums). Hellas. Handwörterbuch der Staatswissenschaften v. Conrad etc. 3 Anflage. Н. И. Карѣевъ. Государство —городъ античнаго міра. Спб. 1905. 2 изд.

Экономическія ученія грековъ.

Зачатки экономическихъ воззрѣній встрѣчаются уже въ древнепоэтическихъ сочиненіяхъ грековъ, въ твореніяхъ Гезіода и Гомера, но мы остановимся только на писателяхъ исторической эпохи. У позднѣйшихъ греческихъ писателей сохранились названія сочиненій и имена авторовъ, не дошедшихъ до насъ: нѣкоего Аполлодора Лемносскаго «О горномъ дѣлѣ», Кареса Паросскаго «О земледѣліи» и Гіеро «О домашнемъ хозяйствѣ». Сочиненія эти указываютъ на существованіе между греческими философами споровъ по нѣкоторымъ экономическимъ вопросамъ. А изъ дошедшихъ до насъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ экономическіе вопросы занимаютъ видное мѣсто, значительнѣйшими величинами являются: Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Платонъ и Аристотель.

Ѳукидидъ (460—399 до Р. Х.), въ обширномъ сочиненіи о Пелопоннесской войнѣ, говоритъ объ условіяхъ поднятія благосостоянія народовъ, обсуждаетъ разныя стороны хозяйственнаго положенія Аѳинъ и предлагаетъ много хозяйственныхъ совѣтовъ и сентенцій. Въ этомъ же сочиненіи встрѣчаются цѣнныя свѣдѣнія о древней колонизаціи греческаго полуострова, а также по исторіи торговли Аѳинъ. Ѳукидидъ, между прочимъ, отмѣчаетъ, что морское пиратство было первою стадіей развитія торговыхъ сношеній Аѳинъ съ иноземными странами.

Въ очеркѣ древнѣйшей исторіи Греціи Ѳукидидъ придаетъ большое значеніе экономическимъ отношеніямъ и матеріальнымъ средствамъ. Накопленіе богатствъ у него является важнымъ факторомъ историческаго развитія. Такія явленія, какъ переселенія, завоеванія,

ростъ внѣшняго могущества народовъ, онъ ставитъ въ тѣсную связь съ бытовыми и хозяйственными условіями. Ѳукидидъ сознавалъ значеніе экономическихъ факторовъ въ исторіи. Онъ подмѣчаетъ аналогію между бытомъ и явленіями міра греческаго, на извѣстной ступени его развитія, и міра варварскаго. Его методъ обратнаго заключенія есть, въ то же время, и методъ сравнительный. Вильгельмъ Рошеръ придаетъ необычайное значеніе сочиненіямъ Ѳукидида. Рошеръ говоритъ, что у Ѳукидида онъ больше поучился, чѣмъ у кого-нибудь изъ современныхъ экономистовъ [1]). На Рошера произвели впечатлѣніе культурно-историческія познанія Ѳукидида о положеніи современной ему Греціи и стремленіе послѣдняго представить историческую правду. Онъ считаетъ Ѳукидида древнѣйшимъ представителемъ исторической школы въ политической экономіи.

Несравненно большее мѣсто обсужденіе экономическихъ вопросовъ занимаетъ у другого историка Греціи—*Ксенофонта* (444—354 до Р. Х.), автора многихъ историческихъ сочиненій и небольшихъ сочиненій: «О хозяйствѣ», «Объ охотѣ», «О доходахъ города Аѳинъ» и т. п. У него встрѣчаются опредѣленія разныхъ экономическихъ понятій. Богатствомъ онъ называетъ излишекъ блага надъ потребностями, а экономическими благами считаетъ всѣ полезныя для жизни вещи. Первенствующее значеніе въ экономіи общества Ксенофонтъ придаетъ земледѣлію. «Занятіе земледѣліемъ доставляетъ пріятность душѣ, умножаетъ домъ и упражняетъ тѣло, такъ что оно дѣлается способнымъ ко всему, что̀ требуется отъ свободнаго человѣка». «Какое занятіе,—восклицаетъ Ксенофонтъ,—милѣе для слугъ, пріятнѣе для жены, желательнѣе для дѣтей, любезнѣе для друзей?» «Хорошо сказалъ тотъ, кто земледѣліе назвалъ матерью и кормилицей всѣхъ искусствъ. Дѣйствительно, когда хорошо идетъ земледѣліе, тогда и всѣ прочія занятія процвѣтаютъ; гдѣ же земля принуждена оставаться невоздѣланною, тамъ, можно сказать, всѣ занятія падаютъ—и на морѣ, и на сушѣ». Развитіе земледѣлія, по Ксенофонту, создаетъ для государства устои его политической силы. «Земледѣльческое населеніе наиболѣе патріотично: оно больше другихъ классовъ страдаетъ отъ непріятельскаго нашествія, и оно же первое вызывается защищать страну. Земледѣліе побуждаетъ къ храбрости, въ виду того, что полевые плоды растутъ внѣ город-

[1]) W. Roscher, Ansichten der Volkswirthschaft, стр. 7.

скихъ укрѣпленій, тогда какъ ремесленники и торговцы при непріятельскомъ нашествіи менѣе страдаютъ и склонны отсиживаться за городскими стѣнами». По экономическимъ сочиненіямъ Ксенофонта можно заключить, что въ Греціи сдѣланы были большіе успѣхи въ земледѣльческой техникѣ, судя по тому, что тогда было уже хорошо извѣстно употребленіе навознаго и зеленаго удобренія, понято значеніе хорошей вспашки поля, было распространено умѣніе пользоваться почвенною влагою и канализаціей и пользованіе послѣдней для выщелачиванія солей изъ почвы. Садоводство и виноградарство также были усовершенствованы. Мысль о томъ, что растенія питаются элементами, заключающимися въ почвѣ, иллюстрируется въ совѣтѣ Ксенофонта—«давать менѣе сѣмянъ для болѣе слабой почвы, подобно тому какъ на всѣхъ слабыхъ нужно возлагать менѣе тяжести».

О ремесленныхъ занятіяхъ Ксенофонтъ думаетъ очень дурно. «Занятіе извѣстными ремеслами низко, и они, по справедливости, не пользуются уваженіемъ въ городахъ, такъ какъ разрушаютъ тѣло работающаго, заставляя его сидѣть и дышать комнатнымъ воздухомъ, иногда даже проводить цѣлые дни у огня; а если наносится вредъ тѣлу, то и душа дѣлается больною. Кромѣ того, ремесла особенно представляютъ недосугъ для заботъ о близкихъ людяхъ и о городѣ, такъ что ремесленники считаются плохими людьми и для дружескаго обращенія, и для помощи городу противъ непріятеля. Поэтому въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно въ городахъ, славящихся военнымъ дѣломъ, ни одинъ гражданинъ не имѣетъ права заниматься ремесломъ» [1]). Такъ было, между прочимъ, въ Спартѣ. Но, отрицая пользу ремесла, какъ спеціальной профессіи, Ксенофонтъ въ то же время очень высоко ставилъ занятіе ремесломъ въ домашнемъ хозяйствѣ для собственныхъ нуждъ, когда это занятіе соединено съ земледѣліемъ и является «кустарнымъ промысломъ». Преподавая наставленія, какъ должна вести себя хозяйка дома, онъ совѣтуетъ ей не сидѣть постоянно, какъ рабы, но, съ богами, стараться быть госпожей и, ставъ около ткацкаго станка, показать другимъ, что сама лучше знаетъ; а чего не знаетъ—научиться. Не рекомендуя спеціальнаго занятія ремесломъ

[1]) Сочиненія Ксенофонта. Перев. Ямчевецкаго Часть V, изд. 2-е. Ревель, 1895 г., стр. 85—95 и др.

для свободныхъ гражданъ, онъ считалъ крайне полезнымъ для государства ремесленный трудъ рабовъ и метековъ, участвовавшихъ въ сооруженіи флота, укрѣпленій и общественныхъ зданій, и даже онъ проектировалъ планъ поднятія государственныхъ финансовъ аѳинскаго государства путемъ организаціи государственныхъ фабрикъ и разработки рудниковъ, въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ это практиковалось въ Аѳинахъ, рекомендуя для этого покупку на государственный счетъ массы рабовъ.

Платонъ (348—229). Въ двухъ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ діалогической формѣ, «О Государствѣ» (Πολιτεία) и «О законахъ», Платонъ является не только мыслителемъ, который старается объяснить явленія политической и экономической жизни, но также выступаетъ съ планомъ соціальной реформы, при чемъ во второмъ изъ нихъ—сочиненіи «О законахъ»—требованія Платона не заходятъ такъ далеко, какъ въ первомъ, въ которомъ онъ предлагаетъ полнѣйшую реформу семьи, государства и экономическаго строя. Первое сочиненіе Платона проникнуто глубокимъ пессимизмомъ, такъ что его можно назвать Шопенгауэромъ греческаго міра. Этотъ пессимизмъ намъ явится очень понятнымъ, если обратить вниманіе на обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ которыхъ Платонъ писалъ свое сочиненіе «О Государствѣ». Къ отысканію новыхъ основаній и формъ государственной жизни Платонъ обратился, по сказанію его біографовъ, въ скоромъ времени послѣ казни его друга—Сократа. Несправедливость суда надъ Сократомъ, жестокость, совершенная надъ добродѣтельнѣйшимъ и полезнѣйшимъ гражданиномъ государства, равно и общая деморализація греческаго гражданства, проявлявшаяся въ судѣ надъ Сократомъ—привели Платона къ убѣжденію, что Аттика нуждается въ коренномъ и всестороннемъ преобразованіи общественнаго и государственнаго быта. Сочиненіе Платона о государствѣ принято считать утопіей за фантастичность плана предлагаемой имъ реформы. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи открывается много сходства между проектомъ реформы и извѣстными сторонами современной Платону греческой жизни, въ особенности соціальнаго строя Спарты. Первое слово въ проектѣ соціальной реформы, предлагаемой Платономъ,—это требованіе справедливости. Онъ излагаетъ планъ государственнаго устройства, основаннаго на справедливости.

Сократъ, отъ имени котораго ведется все разсужденіе о государствѣ, задаетъ своимъ собесѣдникамъ вопросъ:—что служитъ причиною соединенія людей въ союзъ государственный? И отвѣчаетъ на него такимъ образомъ:—городъ образовывается въ то время, когда оказывается, что одинъ человѣкъ не можетъ удовлетворить своимъ потребностямъ безъ помощи другихъ. Первая и самая главная изъ потребностей есть приготовленіе пищи, вторая—постройка жилища, третья—производство одежды и тому подобныхъ вещей. Государству удобнѣе будетъ производить все, что нужно для него, такимъ образомъ, чтобы въ составѣ его населенія одни были земледѣльцами, другіе каменщиками, третьи ткачами, четвертые кожевниками и т. д. Намѣтивъ нѣсколько другихъ спеціальныхъ профессій, необходимыхъ для обезпеченія хозяйственныхъ потребностей населенія, какъ-то: мѣдниковъ, столяровъ, волопасовъ, овчаровъ и т. п., Платонъ приходитъ, далѣе, къ заключенію, что почти невозможно поселить проектируемое государство въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не требовалось бы произведеній другихъ мѣстъ, а, въ то же время, въ этомъ государствѣ нѣкоторые предметы могутъ приготовляться въ количествѣ достаточномъ не только для себя, но и для другихъ городовъ, имѣющихъ въ нихъ нужду. Поэтому въ государствѣ должны быть промышленники для ввоза и вывоза всякихъ товаровъ, и, если торговля будетъ совершаться моремъ, то понадобится множество другихъ людей, умѣющихъ дѣйствовать на морѣ. Такъ какъ граждане будутъ обмѣниваться другъ съ другомъ тѣмъ, что каждый изъ нихъ производитъ, то поэтому государство должно также имѣть рынокъ и монету.

Итакъ, Платонъ въ основу проектируемаго имъ идеальнаго государства полагаетъ общественно-хозяйственное раздѣленіе труда. Въ хозяйственномъ отношеніи, какъ мы видѣли, общество у него расчленено на классы земледѣльцевъ, торговцевъ-промышленниковъ, при этомъ ремесламъ придана цеховая организація съ дробною спеціализацией занятій. Но изложенными хозяйственными занятіями не исчерпываются всѣ профессіи. Въ государствѣ необходимы еще воины и правители, которые должны составить особые классы общества. На постановкѣ этихъ классовъ въ государствѣ сосредоточено преимущественное вниманіе Платона. Но почему же требуется особый классъ воиновъ? Развѣ сами жители не въ состояніи сражаться? На этотъ вопросъ Платонъ отвѣчаетъ ссылкой на ранѣе развитое имъ положеніе,

что одному лицу нельзя успѣшно заниматься многими искусствами, а военное дѣло требуетъ особаго искусства. Мы не называемъ мастеромъ того, кто въ первый разъ взялся за какой-нибудь инструментъ; а оружіе, подобно всякому другому инструменту, требуетъ упражненія и навыка.

На воиновъ возлагается двѣ важнѣйшія обязанности—защита отъ непріятелей, а также поддержаніе законности, въ тѣхъ случаяхъ, если бы кто-либо изъ гражданъ не захотѣлъ повиноваться законамъ государства. Въ виду важности той роли, къ которой предназначены воины, Платонъ предлагаетъ цѣлую систему воспитанія, разсчитанную на то, чтобы воины были сильными, добрыми и справедливыми. Въ программу воспитанія воиновъ должны быть введены—гимнастика, музыка (подъ которой въ Греціи разумѣлась изящная литература) и религія. При этомъ Платонъ въ особенности выдвигаетъ въ качествѣ могущественнаго средства воспитанія — религію. Но для того, чтобы греческая религія отвѣчала этому своему назначенію, она, по мнѣнію Платона, должна быть очищена отъ всѣхъ элементовъ, противныхъ высшей морали и справедливости. По сказаніямъ греческихъ миѳовъ, боги ведутъ между собою войны, коварствуютъ другъ противъ друга и дерутся; будущіе же стражи государства должны считать дѣломъ постыднымъ легкомысленную ненависть боговъ одного къ другому. Поэтому все то, гдѣ говорится о злобѣ, мстительности и коварствѣ боговъ, должно быть выброшено изъ религіозныхъ сказаній. Богъ долженъ быть запечатлѣнъ въ умахъ воиновъ, какъ причина добра и справедливости.

Гимнастика должна сдѣлать воиновъ физически сильными и искусными спеціалистами своего дѣла, а наука и религія—справедливыми и добрыми. Тщательнымъ воспитаніемъ должно быть достигнуто, чтобы воины были кротки относительно своихъ гражданъ и страшны врагамъ, подобно собакамъ, какъ выражается Платонъ, которые ласкаются къ своимъ и кусаютъ чужихъ. Говоря о назначеніи стражей защищать государство отъ внѣшнихъ враговъ, Платонъ имѣлъ въ виду преимущественно варваровъ. Война съ греками, по словамъ Платона, не заслуживаетъ и имени войны, а скорѣе можетъ быть названа возмущеніемъ, ибо всѣ греки соединены между собою племеннымъ сродствомъ и потому должны щадить другъ друга; а варвары — враги по природѣ и противъ нихъ надобно

дѣйствовать неумолимо. Итакъ, если бы произошелъ раздоръ съ греками,---наши стражи удержатся отъ опустошенія полей, отъ пожаровъ, отъ жестокаго и безчеловѣчнаго насилія, которое въ отношеніи къ единоплеменникамъ беззаконно.

Управленіе государствомъ должно находиться въ рукахъ аристократіи ума и философовъ. Правители будутъ избираться изъ людей, прошедшихъ, также какъ и воины, особую школу воспитанія. Съ начала они будутъ воспитываться наравнѣ съ воинами, при чемъ для роли правителей будутъ отбираться тѣ изъ гражданъ, которые проявятъ особую любовь къ философіи. Послѣ своего обученія, которое будетъ заканчиваться около тридцатипятилѣтняго возраста, будущіе правители должны еще пройти практическую школу на службѣ государству, въ качествѣ военачальниковъ и должностныхъ лицъ низшаго ранга по общественному управленію. И только послѣ того, когда они будутъ умудрены знаніемъ и житейскимъ опытомъ и когда имъ исполнится 50 лѣтъ, они могутъ быть поставлены во главѣ управленія государствомъ.

Но Платонъ полагалъ, что, одной только системы воспитанія недостаточно, для того, чтобы обезпечить государству сильныхъ и безупречныхъ воиновъ и мудрыхъ правителей. Онъ идетъ дальше и старается такъ организовать государство, чтобы у воиновъ и правителей отнять всѣ практическія побужденія, отклоняющія ихъ отъ исполненія служебнаго долга. Онъ желаетъ устранить въ ихъ жизненной обстановкѣ всякіе поводы стремиться къ богатству, быть любостяжательными, въ то же время освободить ихъ отъ всѣхъ заботъ по содержанію семьи и отъ всякихъ хозяйственныхъ занятій. Въ этихъ цѣляхъ Платонъ и предполагаетъ въ своемъ государствѣ устранить для воиновъ частную собственность и индивидуальную семью, установивъ для нихъ своеобразную форму пользованія общимъ имуществомъ и общность женъ и дѣтей. Но это требуетъ болѣе подробнаго изложенія. «Во-первыхъ, никто изъ воиновъ не долженъ имѣть никакой собственности, кромѣ совершенно необходимаго. Во-вторыхъ, ни у кого изъ нихъ не должно быть ни жилья, ни кладовой, въ которую не могъ бы войти всякій желающій. А нужныя вещи, сколько ихъ требуется, надобно имъ, въ награду за охраненіе, получать отъ прочихъ гражданъ, опредѣливъ такое количество всего, какое было бы не велико и не мало на годъ. Они должны ходить

въ общественныя столовыя, какъ бы цѣлымъ лагеремъ, и жить въ общихъ помѣщеніяхъ. Въ обществѣ гражданъ одни воины не должны касаться золота и серебра и вообще не должны имѣть никакого дѣла съ монетою, ибо народная монета произвела много нечестиваго. Тогда только они спасутся сами и спасутъ городъ. А если пріобрѣтутъ собственную землю, дома и деньги, тогда вмѣсто стражей, сдѣлаются хозяевами и земледѣльцами, непріязненными господами и во всю свою жизнь будутъ ненавидѣть и находиться въ ненависти, коварствовать и подвергаться коварству,—будутъ гораздо болѣе боятся внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ непріятелей и, какъ сами, такъ и все государство, приблизятся къ гибели.

Жены и рождающіяся отъ нихъ дѣти у стражей должны быть общими. Сочетаніе супружескихъ паръ будетъ разсчитано на то, чтобы обезпечить рожденіе здороваго поколѣнія. Для легчайшаго успѣха въ этомъ все попеченіе о супружествахъ должно быть ввѣрено распорядительности мудраго правительства. Правители будутъ соединять бракомъ лучшихъ дѣвицъ съ лучшими, а худшихъ съ подобными имъ. Это должно совершаться по жребіямъ, для того, чтобы удалить поводъ къ оскорбленіямъ и досадѣ. Въ видахъ созданія здороваго и сильнаго населенія, Платонъ предполагаетъ ограничить періодъ дѣторожденія для мужчинъ отъ 30 до 50 лѣтъ, а для женщинъ отъ 20 до 40 лѣтъ. Дѣти, родившіеся отъ лучшихъ паръ, и вообще здоровыя дѣти будутъ отобраны правителями и получатъ образованіе на общественный счетъ, дѣтей же, родившихся съ тѣлесными недостатками, станутъ скрывать въ тайномъ мѣстѣ и оставлять ихъ безъ пищи. Вскармливать дѣтей будутъ допущены и матери, но при этомъ правители употребятъ всѣ старанія, чтобы ни одна изъ нихъ не узнала своего ребенка. Среди массы дѣтей невозможно будетъ отличать отцовъ, дѣтей и внуковъ; можно будетъ различать людей только по возрастамъ. Такое положеніе представляется для Платона вполнѣ желательнымъ, когда все населеніе вопновъ сольется какъ бы въ одну семью, когда всѣ люди одного возраста будутъ считать себя братьями, пожилые всѣхъ младшихъ называть дѣтьми, а старики—внуками. Платонъ полагаетъ, что этимъ онъ создалъ бы въ государствѣ силу и единство, и что, какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время, всѣ будутъ помогать другъ другу, какъ близкіе родственники.

Положеніе женщинъ въ государствѣ Платона представляетъ нѣсколько противорѣчій. Въ одномъ мѣстѣ (книга V) Платонъ, хотя и признаетъ, что женщина во всемъ слабѣе мужчины, но допускаетъ, что среди женщинъ встрѣчаются и такіе, которыя могутъ быть и врачами, и музыкантами, и воинами. Въ другихъ случаяхъ свободныя женщины трактуются имъ, какъ простыя рабыни, которыми правители будутъ надѣлять стражей государства, отличившихся своими подвигами на войнѣ.

Что касается остальныхъ гражданъ, то на нихъ возлагается вся тяжесть хозяйственнаго труда. Имъ предоставляется заниматься земледѣліемъ, торговлей и промыслами, а также доставлять содержаніе своимъ трудомъ воинамъ и правителямъ. Насколько Платонъ подробно изображаетъ положеніе воиновъ и правителей въ своемъ государствѣ, настолько же онъ кратко говоритъ о складѣ жизни хозяйственныхъ классовъ и положеніе ихъ въ государствѣ, какъ это еще было замѣчено Аристотелемъ (въ его Политикѣ, кн. II, глава III), очерчено недостаточно опредѣленно. Повидимому, на нихъ не распространяется реформа семьи и собственности. Они должны жить въ обычныхъ условіяхъ семейной жизни, работать и накоплять богатства, съ тѣмъ чтобы извѣстную часть этихъ богатствъ удѣлять на содержаніе воиновъ и правителей. Но зато земледѣльческому и торговому классамъ не отводится никакого мѣста въ управленіи страной и въ защитѣ отечества. Въ этомъ отношеніи въ идеальномъ государствѣ Платона положеніе этихъ классовъ значительно принижено, сравнительно съ современной Платону дѣйствительностью. Какъ извѣстно, въ аѳинскомъ государствѣ того времени весь народъ,— въ томъ числѣ ремесленники, торговцы и земледѣльцы—принимали широкое и непосредственное участіе въ управленіи государствомъ. Но вѣдь замыселъ Платона въ томъ и заключался, чтобы устранить простой народъ (демосъ) отъ участія въ управленіи и вручить высшее управленіе государствомъ мудрымъ философамъ.

Утопія Платона, изложенная въ его сочиненіи «О государствѣ», является смѣлымъ произведеніемъ древне-греческой мысли, въ которомъ Платонъ старался изобразить такой идеальный общественный строй, гдѣ не было бы мѣста недостаткамъ и отрицательнымъ сторонамъ современной ему аѳинской демократіи. Въ Греціи это сочиненіе не было единственнымъ въ этомъ родѣ. Какъ мы видѣли

выше при изображеніи хозяйственнаго быта Греціи (см. стр. 42), въ ней, повидимому, существовала цѣлая утопическая литература (напр., комедія Аристофана «Богатство», планъ государственнаго устройства, предложенный Ѳалесомъ Халкидонскимъ и т. п.), которая имѣла почву въ общественномъ настроеніи бѣднѣйшихъ элементовъ, и въ особенности, аѳинскаго населенія. А именно, въ IV вѣкѣ гражданское и политическое равенство всѣхъ слоевъ аѳинскаго населенія, за исключеніемъ, конечно, рабовъ, было осуществлено въ такой мѣрѣ, что весь народъ, черезъ посредство народнаго собранія, принималъ участіе въ управленіи государствомъ, а съ другой стороны, къ этому же времени въ Аѳинахъ опредѣлился рѣзкій контрастъ между крайней бѣдностью одной части населенія и огромнымъ богатствомъ другой его части, такъ что въ это время, населеніе страны, по выраженію современниковъ, представляло собою какъ бы два враждебные лагеря. Государство давно уже, со времени Перикла, вступило на путь соціальной политики, требовавшей огромныхъ матеріальныхъ средствъ, но которая вмѣсто ослабленія соціальныхъ конфликтовъ, еще болѣе развивала вражду бѣдныхъ къ богатымъ. Принимая на себя угощеніе народныхъ массъ на многочисленныхъ общественныхъ празднествахъ и публичныхъ играхъ, доставляя бѣднымъ плату за посѣщеніе театровъ, оплачивая также трудъ огромнаго количества гражданъ, находившихся на службѣ государства,—государство въ то же время, въ случаѣ недостатка финансовыхъ средствъ, не останавливалось передъ конфискаціей имущества болѣе зажиточныхъ гражданъ, привлекая ихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, къ суду черезъ своихъ сикофантовъ. Таковы были условія соціальной жизни въ аѳинскомъ государствѣ, на почвѣ которыхъ возникла утопія Платона.

Тщательно всматриваясь въ идеальное государство Платона, нельзя не замѣтить, что оно, не смотря на старанія Платона уйти мысленно отъ современнаго ему устройства аѳинскаго государства, которое многими своими сторонами ему такъ не нравилось, на самомъ дѣлѣ очень близко стоитъ, какъ къ его недостаткамъ, такъ и его здоровымъ сторонамъ. Утопія Платона въ нѣкоторыхъ частяхъ, а именно, въ тѣхъ, въ которыхъ онъ далъ просторъ своему воображенію, заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе крупные недостатки, сравнительно съ тѣмъ, что представляла собою сама аѳинская жизнь.

Платонъ многія черты для свого государства позаимствовалъ изъ конституціи современной ему Спарты. Въ Спартѣ управленіе государствомъ находилось въ рукахъ старѣйшинъ изъ родовой аристократіи. Платонъ въ своемъ государствѣ предполагаетъ вручить управленіе философамъ, умудреннымъ служебнымъ опытомъ и достигшимъ пятидесятилѣтняго возраста, при чемъ наслѣдственность замѣнена имъ выборнымъ началомъ. Въ Спартѣ и воины, и правители были свободны отъ хозяйственныхъ занятій (земли спартіатовъ обрабатывали илоты, крѣпостные и періэки—рабы). Это же Платонъ желаетъ осуществить и въ своемъ государствѣ. Мысль Платона о томъ, что государство должно принять принудительныя мѣры, гарантирующія образованіе здороваго и сильнаго народонаселенія, въ устахъ Платона также не оригинальна: онъ ее заимствуетъ изъ практики спартанскаго государства. Платонъ, воспользовавшись идеей, которая лежала въ основаніи спартанской конституціи, довелъ ее до крайнихъ логическихъ послѣдствій—до абсурда. Для Платона бракъ, по выраженію одного русскаго экономиста, есть учрежденіе въ родѣ государственнаго коннозаводства, его цѣль одна—полученіе здоровыхъ дѣтей. Онъ совершенно игнорируетъ всю психологію и моральную сторону брака. О сочувствіи людей, вступающихъ въ бракъ, о сходствѣ характеровъ, понятій—у него нѣтъ рѣчи. Бракъ у него является краткосрочнымъ сожитіемъ. Поэтому въ Платонѣ нельзя не узнать человѣка своего времени, когда самые выдающіеся люди собирались въ домѣ Аспазіи, въ обществѣ гетеръ. Лучшую критику реорганизаціи брака, въ смыслѣ Платоновскаго воззрѣнія, далъ другой великій мыслитель Греціи—Аристотель. Забота о созданіи безупречныхъ храбрыхъ воиновъ понятна въ человѣкѣ, который видѣлъ уже новыя сильныя нарождающіяся государства—Спарту и Македонію, угрожавшихъ могуществу Аѳинъ. Положеніе промышленнаго класса, которое проектируетъ Платонъ создать, все-таки мало отличается отъ положенія рабовъ въ Аѳинахъ. Правда, Платонъ не называетъ рабочій классъ унизительнымъ словомъ «рабы», а даетъ имъ титулъ плательщиковъ и кормильцевъ. Но онъ вовсе устраняетъ ихъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, предоставляя послѣднія вѣдѣнію правителей и воиновъ, т. е. онъ оставляетъ порядокъ вещей, очень близкій къ тому, какой существовалъ въ Аѳинахъ. Платонъ желаетъ

устранитъ бѣдность въ своемъ государствѣ введеніемъ общности имущества, но коммунизмъ у Платона не производительный, а потребительный. Сообща будутъ потреблять воины и правители то, что произведутъ промышленные классы, — порядокъ также близкій къ тому, который существовалъ въ современной Платону Спартѣ.

Самъ Платонъ въ послѣдніе годы жизни не вѣрилъ въ возможность осуществленія своего плана соціальной реформы, а можетъ быть, и разочаровался въ надеждѣ достигнуть осуществленіемъ его бо́льшаго счастія, потому что въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи «О законахъ» онъ стремится къ проведенію справедливости въ общественномъ строѣ уже совершенно другими средствами. Здѣсь также, прежде всего, онъ имѣетъ въ виду спокойствіе и безопасность государства, также старается основать ихъ на воспитаніи гражданъ, но уже не на принципѣ общности имущества, а на равенствѣ. Частная собственность на землю остается: онъ заботится только объ устраненіи неравномѣрнаго ея распредѣленія. Съ этой цѣлью участки земли не должны соединяться въ однѣхъ рукахъ, ни посредствомъ браковъ, ни путемъ наслѣдованія. Онъ предполагаетъ всю территорію государства раздѣлить на опредѣленное количество участковъ (5040), изъ которыхъ каждый участокъ будетъ предоставленъ въ наслѣдственное пользованіе отдѣльныхъ семействъ. Эти участки будутъ переходить, по выбору отца, по наслѣдству къ одному изъ сыновей, «котораго онъ самъ избиретъ, какъ преемника и исполнителя всѣхъ обязанностей относительно боговъ, къ отечеству, къ живущимъ и къ тѣмъ коихъ уже постигла смерть». У кого много дѣтей, тотъ долженъ выдавать своихъ дочерей замужъ, по закону, какой будетъ установленъ, сыновей же по взаимному согласію усыновить бездѣтнымъ гражданамъ. Бракъ является свободнымъ, но Платонъ совѣтуетъ во имя сохраненія имущественнаго равенства установить законъ, «чтобы богатый не искалъ супруги богатой, а человѣкъ сильный не бралъ невѣсты изъ дома сильнаго». И въ этомъ государствѣ Платонъ еще больше является грекомъ — онъ откровенно допускаетъ необходимость рабства.

Экономическія воззрѣнія Аристотеля (384—322 до Р. Х.). Экономическія ученія Аристотеля содержатся въ его сочиненіяхъ объ Этикѣ, Политикѣ, Экономикѣ и Аѳинскомъ государствѣ. Изъ

Экономики Аристотеля уцѣлѣлъ только одинъ небольшой фрагментъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ былъ распространенъ обширный трактатъ подъ именемъ Экономики, приписываемый Аристотелю; но, какъ показала современная ученая критика (Hildebrand), сочиненіе это не имѣетъ ничего общаго съ аристотелевскими сочиненіями, какъ по содержанію, такъ и по стилю. Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что Аристотелемъ былъ дѣйствительно написанъ отдѣльный обширный трактатъ по политической экономіи, который до насъ не дошелъ. Но, если собрать отдѣльныя экономическія воззрѣнія, разбросанныя въ его сочиненіяхъ о Политикѣ и Этикѣ, то изъ нихъ можно возстановить цѣлую систему экономическихъ ученій, объясняющихъ главнѣйшія стороны хозяйственной жизни грековъ. Въ этихъ отрывочныхъ воззрѣніяхъ Аристотеля на хозяйственную жизнь, если выбросить изъ нихъ все то, что обусловливалось заблужденіями его вѣка, надъ которыми не могъ возвыситься и геніальный умъ,—заключается много такихъ мыслей, передъ которыми съ удивленіемъ останавливаются современные экономисты. Въ своихъ ученіяхъ Аристотель соединяетъ необычайную силу абстракціи съ глубокою наблюдательностью современныхъ ему хозяйственныхъ явленій, т. е. онъ орудуетъ совмѣстно тѣми двумя методами научнаго изслѣдованія—индукціей и дедукціей,—благодаря которымъ политическая экономія сдѣлалась наукой.

Ученіе о хозяйственныхъ отношеніяхъ между людьми у Аристотеля сливается съ ученіемъ объ обществѣ. Человѣка онъ называетъ городскимъ или общественнымъ животнымъ—ζῶον πολιτικόν. Цѣль соединенія людей въ общество, по Аристотелю, заключается въ достиженіи возможно большаго человѣческаго счастья. Для осуществленія этой цѣли разсчитано существованіе такихъ общественныхъ группъ, какъ—община и государство. Семья является въ исторіи первой хозяйственной ассоціаціей. Для существованія семьи, какъ хозяйственной единицы, говоритъ Аристотель словами поэта Гезіода, «необходима женщина и рабъ, или же рабочій волъ, такъ какъ волъ у бѣдныхъ замѣняетъ раба». Семью Аристотель считаетъ хозяйственной ассоціаціей низшаго порядка, такъ какъ она возникаетъ изъ инстинктивнаго влеченія мужчины и женщины. Несравненно болѣе высокую форму общежитія, отличающую человѣческую природу отъ животнаго, въ глазахъ Аристотеля, какъ

истиннаго грека, является государство. Люди соединяются въ государство и общество въ силу моральныхъ стремленій высшаго порядка, а потому справедливость есть душа государства. Если человѣкъ и можетъ существовать безъ семьи, то онъ не можетъ существовать внѣ государства и общества. Внѣ всякой связи съ государствомъ и обществомъ живутъ только тѣ, которые по своей природѣ стоятъ или ниже человѣка, т. е. животные, или выше его, т. е. боги.

Самое названіе, данное Аристотелемъ хозяйственной наукѣ,—Οἰκονομια (отъ οἶκος домъ) указываетъ на то, что онъ центръ хозяйственной жизни видитъ въ домашнемъ или, лучше сказать, въ частномъ хозяйствѣ. Свою экономику, какъ науку о хозяйствѣ, Аристотель дѣлитъ на двѣ части—на домоводство и науку объ обогащеніи—хрематистику, но этому второму отдѣлу онъ отводитъ подчиненное мѣсто, къ нему отнесены явленія мѣнового хозяйства. Задача первой (т. е. экономики) производство для потребленія, а—второй (т. е. хрематистики)—увеличеніе денежнаго богатства. Обратимся къ содержанію 1-й части Аристотелевской экономики, т. е. науки о домоводствѣ. Дѣятельность, направленная на пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ, говоритъ Аристотель, насколько она естественна, есть часть домашняго хозяйства. Потому что для домашняго хозяйства необходимы всѣ тѣ удобные для сбереженія предметы, которые потребны въ жизни и полезны въ общественномъ быту, какъ въ гражданскомъ, такъ и семейномъ. Эти то предметы, повидимому, и составляютъ собою истинное богатство. Видное мѣсто въ его Экономикѣ занимаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, ученіе о рабахъ, отношеніи ихъ къ господамъ и т. п. Аристотель, какъ извѣстно, оправдываетъ рабство. Источникъ рабства, по Аристотелю, лежитъ въ низкой природѣ нѣкоторыхъ людей, въ ихъ ограниченныхъ дарованіяхъ. Такъ какъ въ домашнемъ хозяйствѣ существуетъ много занятій, требующихъ простого механическаго труда, то поэтому природа мудро распорядилась, создавши рабовъ. Если бы, говоритъ Аристотель, каждое орудіе, по приказанію или по собственному предусмотрѣнію, само могло исполнять свое дѣло, подобно тому какъ разсказываютъ о произведеніяхъ Дедала и треножникахъ Гефеста, которые, по словамъ поэта, сами катились въ сонмъ боговъ,—если бы челноки сами ткали, а плектры сами играли

на киѳарѣ, тогда бы мастерамъ не было никакой нужды въ слугахъ, а господамъ въ рабахъ. (Политика, гл. II). Самою природою одни люди предназначены для того, чтобы управлять, а другія, чтобы быть управляемыми. Въ положеніе раба можетъ попасть и свободный человѣкъ— человѣкъ съ извѣстными дарованіями, дѣлающими его способнымъ управлять другими, но это будетъ совершенная случайность. Рожденіе отъ раба, какъ и военный плѣнъ,—это случайныя причины рабства. Рабы это тѣ люди, которымъ, по самой ихъ психологической природѣ, выгодно быть рабами, выгодно, чтобы другіе ими управляли, такъ же, какъ этимъ—другимъ—выгодно быть управителями рабовъ. Поэтому достоинство господина проявляется не въ покупкѣ рабовъ, а въ умѣніи ими управлять. Такова психологическая основа рабства. Аристотель причисляетъ къ рабамъ всѣхъ варваровъ, т. е. не грековъ, такъ какъ всѣ эти варварскія нации находятся на низкой степени культуры.

Вторая, менѣе важная отрасль науки о хозяйствѣ, по Аристотелю—хримагистика, или наука объ обогащеніи. Подъ обогащеніемъ онъ разумѣетъ пріобрѣтеніе земель путемъ обмѣна продуктовъ, а также ссуды денегъ подъ проценты и проводить рѣзкую грань между этимъ способомъ пріобрѣтенія богатства и пріобрѣтеніемъ посредствомъ собственнаго производства необходимыхъ для жизни продуктовъ. Аристотель считаетъ естественнымъ и непредосудительнымъ только этотъ послѣдній способъ пріобрѣтенія благъ, посредствомъ земледѣлія и ремеслъ. Истиннымъ пріобрѣтеніемъ благъ Аристотель считаетъ такое, которое достигнуто кѣмъ-либо путемъ производства вещи и съ цѣлію ея потребленія. Естественное назначеніе хозяйственныхъ благъ, говоритъ онъ, заключается въ ихъ непосредственномъ потребленіи. Кто сшилъ обувь и самъ носитъ ее, тотъ даетъ обуви настоящее назначеніе, человѣкъ же, мѣняющій обувь на деньги или на хлѣбъ, тому, кто нуждается въ ней, не пользуется собственнымъ ея потребленіемъ, потому что обувь существуетъ не для мѣны. Что касается самой мѣны, то Аристотель вполнѣ оправдываетъ натуральный обмѣнъ продуктовъ на продукты, напримѣръ, обмѣнъ вина на хлѣбъ и т. п., насколько такой обмѣнъ обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что у людей нѣкоторыхъ предметовъ бываетъ больше, а нѣкоторыхъ меньше, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія ихъ потребностей. Но Аристотель

считаетъ противною природѣ вещей (противоестественной) профессіональную торговлю, разсчитанную не на пріобрѣтеніе предметовъ необходимыхъ для собственнаго потребленія самого торгорца, а на полученіе барышей и пріобрѣтеніе денегъ. Онъ поэтому не находитъ никакого оправданія для пріобрѣтенія богатства путемъ торговли и взиманія процентовъ по денежнымъ ссудамъ. Въ отличіе отъ экономической дѣятельности, цѣль которой добыть то, что нужно для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, Аристотель называетъ профессіональную торговлю—дѣятельностью барышническою; первая необходима, а вторая, состоящая въ одной мѣнѣ, справедливо подлежитъ осужденію, потому что она основана не на естественной потребности, а на взаимномъ барышѣ мѣняющихся. Посему, разсуждаетъ Аристотель, и ростовщичество, по всей справедливости, заслуживаетъ презрѣнія, такъ какъ прибыль получается здѣсь отъ самыхъ денегъ; слѣдовательно, деньги употребляются не на то, для чего онѣ изобрѣтены. Онѣ изобрѣтены только для удобства мѣны, а ростъ умножаетъ ихъ самихъ, откуда и самое названіе ростовщичества. Въ то время какъ экономическая дѣятельность, т. е. дѣятельность въ предѣлахъ домашняго хозяйства, имѣетъ для себя опредѣленныя границы въ тѣхъ насущныхъ потребностяхъ, на удовлетвореніе которыхъ она разсчитана,— дѣятельность, имѣющая въ виду пріобрѣтеніе денегъ, потому еще заслуживаетъ осужденія, что она не знаетъ предѣла.

Отсюда понятно и то презрѣніе, съ которымъ Аристотель относится къ купеческой профессіи, къ морской и сухопутной торговлѣ, раздѣляя въ этомъ случаѣ воззрѣнія многихъ греческихъ мыслителей (Платонъ, Ксенофонтъ и др.). Аристотель относится съ осужденіемъ къ денежному хозяйству еще и потому что при немъ расцѣниваются на деньги и являются источникомъ денежнаго дохода моральныя качества человѣка, его художественныя и умственныя дарованія. Такъ, напримѣръ, цѣль мужества не состоитъ, конечно, въ пріобрѣтеніи денегъ, но оно должно быть источникомъ смѣлаго подвига; равнымъ образомъ, деньги и не могутъ быть цѣлью воинскаго искусства, или искусства врачебнаго, но первое должно имѣть въ виду побѣду, а второе здоровье. Между тѣмъ есть люди, которые все это употребляютъ, какъ средство для пріобрѣтенія денегъ, потому что деньги для нихъ суть цѣль, а все естественно должно быть направлено къ цѣли.

Въ сочиненіяхъ Аристотеля, въ первый разъ, намѣчены нѣкоторыя важныя экономическія категоріи и понятія, о богатствѣ, о производствѣ, о деньгахъ, обмѣнѣ и капиталѣ. Изъ нихъ мы остановимся только на нѣкоторыхъ. Богатство, по ученію Аристотеля, есть сумма продуктовъ для потребленія семьи (дома) и государства. При чемъ богатство имѣетъ свои предѣлы, потому что никакое средство для удовлетворенія какой бы то ни было потребности не безпредѣльно, ни по числу, ни по мѣрѣ. Деньги служатъ для потребности обмѣна. Первоначально продукты обмѣнивались на продукты, но производители не всегда обмѣнивали продукты равной цѣнности, поэтому при обмѣнахъ приходилось прибѣгать къ доплатамъ металломъ, а эти доплаты связаны всякій разъ, при мѣновой сдѣлкѣ, съ кропотливою операціею взвѣшиванія металла. Для устраненія этого взвѣшиванія при всѣхъ сдѣлкахъ, стали налагать знаки и штемпеля на кускахъ металловъ опредѣленнаго вѣса и цѣнности,—такимъ образомъ и получились деньги. Деньги называются богатствомъ только въ извѣстномъ, искусственномъ смыслѣ. Для того, чтобы какой-нибудь предметъ можно было назвать богатствомъ, для этого онъ долженъ быть годнымъ къ потребленію—къ удовлетворенію физическихъ потребностей человѣка. Деньги же, по Аристотелю, этого свойства лишены. Можно обладать огромной суммой денегъ и умереть съ голоду, если никто не согласился бы обмѣнивать на нихъ продуктовъ необходимости. Такая участь, по сказанію одной легенды, постигла нѣкоего Мидаса. По просьбѣ Мидаса, Вакхъ сдѣлалъ такъ, что всѣ предметы, къ которымъ онъ касался, превращались въ золото. Это радовало Мидаса. Но когда онъ захотѣлъ ѣсть и пить, то пища и питье точно такъ же превратились въ золото и Мидасъ умеръ отъ голода на кучѣ металла.

Опредѣленіе производства у Аристотеля близко къ тому, которое даетъ намъ современный экономистъ Д. С. Милль. Милль говоритъ въ ученіи о производствѣ, что человѣкъ своимъ искусствомъ не можетъ создать ни одного атома матеріи; самая высокая техника производства продуктовъ не идетъ далѣе перемѣщенія частицъ матеріи и измѣненія ея формы. Милль разъясняетъ это на примѣрѣ производства ткани: матеріалъ для ткани человѣкъ получаетъ изъ природы и, перемѣщая его, переплетая, производитъ ткань. То же самое говоритъ и Аристотель: надо помнить, что матеріалъ для экономиче-

ской дѣятельности долженъ быть данъ самой природою. Подобно тому какъ политическая дѣятельность не рождаетъ людей, но пользуется ими въ томъ видѣ, какъ даетъ ихъ природа, такъ равно сама природа изъ нѣдръ земли, изъ глубины моря, или какимъ нибудь инымъ путемъ, должна дать человѣку все то, что составляетъ насущную потребность для его жизни, а задача экономической дѣятельности, т. е. производства, должна состоять лишь въ томъ, чтобы воспользоваться всѣмъ этимъ какъ слѣдуетъ. Такъ, напримѣръ, производство шерсти не есть дѣло ткачества, но его дѣло состоитъ лишь въ томъ, чтобы употреблять шерсть, притомъ зная, какая шерсть потребна и годна и какая негодна. У Аристотеля встрѣчается зародышъ правильной теоріи народонаселенія. Мудрый законодатель, по его мнѣнію, долженъ наблюдать строгое соотвѣтствіе численности населенія съ размѣрами государственной территоріи. Излишнее населеніе всегда является опаснымъ для внутренняго спокойствія и государственнаго порядка, а слишкомъ малое населеніе страны несовмѣстно съ ея политическою независимостью и хозяйственнымъ благосостояніемъ.

Въ вопросахъ соціальной политики видное мѣсто занимаетъ ученіе Аристотеля о собственности. Вопреки мнѣнію Платона, съ которымъ онъ полемизируетъ, онъ считаетъ частную собственность учрежденіемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ человѣческой натурѣ. Каждый человѣкъ нуждается въ извѣстномъ просторѣ для своей индивидуальной жизни. Онъ долженъ имѣть извѣстную сферу личной жизни, и эта сфера была бы сильно стѣснена съ уничтоженіемъ частной собственности. Человѣку свойственно чувство любви къ себѣ—чувство самосохраненія, которое, въ извѣстныхъ предѣлахъ, вполнѣ нравственно и законно, въ силу его человѣкъ испытываетъ высокое удовольствіе въ обладаніи собственностью. Законодательная политика должна быть направлена въ сторону лучшаго, равномѣрнаго распредѣленія частной собственности. Неблагопріятныя явленія, связанныя, повидимому, съ частною собственностью, какъ-то: постоянные поземельные процессы, кабала, долги и т. п.,—обусловливаются не сущностью этого института, но испорченностью и невоспитанностью человѣческой натуры. Вотъ почему всѣми силами ума Аристотель протестуетъ противъ общей собственности, общности сожитія, общности женъ (по проекту Платона). Извѣстно, говоритъ Аристотель, что

мы и легче всего и чаще всего ссоримся съ людьми, ближе всего къ намъ стоящими,—съ нашими домашними. Эти ссоры такъ же легко проходятъ, какъ и возникаютъ, не распространяясь за предѣлы узкаго домашняго круга. При сожитіи же въ большихъ общественныхъ группахъ ссоры эти распространялись бы на большую массу людей, во всякомъ случаѣ затрагивали бы интересы людей, далеко отъ насъ стоящихъ, и колебали бы спокойствіе всего общества. Противъ общности женъ и дѣтей Аристотель возражаетъ тѣмъ, что человѣкъ нуждается въ извѣстномъ интенсивномъ чувствѣ привязанности, которое могутъ доставить отношенія къ женѣ, сыну, отцу, брату. Общая совмѣстная жизнь семей растворитъ въ большой массѣ человѣческаго общества эти чувства и они такъ же будутъ не замѣтны въ немъ, какъ небольшое количество сладкаго вещества въ большомъ сосудѣ воды. Уничтоженіе семьи и соединеніе людей въ одну общественную группу, въ которой бы тонули и пропадали всѣ семейныя связи, вызываетъ еще и другія серьезныя возраженія. Разъ не будетъ существовать семьи, не будетъ и высшаго общественнаго союза—государства. Государство, ушедшее въ единство болѣе, чѣмъ сколько нужно,—уже не государство, потому что государство по природѣ своей—множество; слѣдовательно, будучи единствомъ болѣе, чѣмъ сколько нужно, оно изъ государства сдѣлается уже семьей, а изъ семьи однимъ человѣкомъ, потому что семья болѣе едина, чѣмъ государство, а одинъ человѣкъ единичнѣе самой семьи. Государство состоитъ не только изъ многихъ людей, но и изъ различныхъ; а изъ одинаковыхъ не образуется государство. Посему, хотя бы и можно было достигнуть крайняго единства государства, тѣмъ не менѣе къ этому не должно стремиться, потому что это рѣшительно уничтожитъ государство. (Политика, кн. II, гл. I, стр. 45). Государство, по мысли Аристотеля, должно соединять въ себѣ разнообразіе индивидуальныхъ группъ; разъ исчезаетъ эта индивидуальность и уничтожается существенное условіе для ея образованія, заключающееся въ существованіи семьи и частной собственности, то пропадаютъ и государство и человѣческое общество.

Экономическія ученія Аристотеля пользовались большимъ авторитетомъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ, до появленія первыхъ экономическихъ системъ новаго времени и въ наше время

нѣкоторые экономисты высоко ставятъ Аристотеля, какъ экономиста-теоретика. Большой поклонникъ Аристотеля, Отто Эфферцъ, въ своемъ обширномъ сочиненіи (Otto Effertz, Arbeit und Boden) далъ, между прочимъ, детальную сравнительную оцѣнку его экономическихъ воззрѣній по вопросу о цѣнности, цѣнѣ, народонаселеніи и т. п. Сопоставляя ихъ съ теоріями Карла Маркса и другихъ современныхъ экономистовъ, Эфферцъ склоненъ даже видѣть на сторонѣ Аристотеля преимущества въ точности теоретическаго анализа и правильности методологическихъ пріемовъ. Съ другой стороны, современная научная критика, въ лицѣ Эдуарда Майера, отмѣчаетъ характерный для Аристотеля анахронизмъ его экономическихъ воззрѣній, выражающійся въ безусловной симпатіи къ натуральному ойкосному хозяйству и нескрываемомъ презрѣніи ко всѣмъ проявленіямъ мѣнового и денежнаго хозяйствъ. Майеръ обращаетъ вниманіе на то, что Аристотель жилъ уже въ эпоху широкаго развитія у аѳинскаго народа мѣновыхъ оборотовъ, въ концѣ IV-го вѣка до Р. Х., но его предубѣжденія помѣшали ему дать болѣе подробное освѣщеніе этой сферы народнаго хозяйства современной ему Греціи.

Впрочемъ, на ряду съ Аристотелемъ и другіе мыслители, останавливавшіе свое вниманіе на экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ современной имъ Греціи—Ксенофонтъ, Платонъ и, по видимости, Сократъ, поэтъ и сатирикъ Анакреонъ—также отрицательно относились къ торгово-промышленному строю, къ денежному хозяйству, установившемуся въ аѳинскомъ государствѣ съ половины V вѣка. Отрицательное отношеніе къ денежному хозяйству у этихъ мыслителей сливалось съ ихъ недружелюбнымъ отношеніемъ къ темнымъ сторонамъ аѳинской демократіи, выросшей на почвѣ развитія морского транспорта, торговли и обрабатывающей промышленности. Извѣстные недостатки аѳинской демократіи, отмѣченные нами выше въ очеркѣ хозяйственнаго быта Греціи, вызывали протесты и осужденія названныхъ мыслителей. На этой почвѣ у нихъ создавались конфликты съ аѳинской демократіей, которые привели къ изгнанію изъ отечества Платона и Ксенофонта, а для Сократа закончились его смертью. Отношеніе греческихъ мыслителей къ мѣновому и денежному хозяйству представляетъ большую аналогію съ рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ школы соціалистовъ къ современному намъ капиталистическому, буржуазному, хозяйству.

Литература по исторіи экономическихъ ученій въ Греціи. Θукидидъ. Исторія Пелопоннесской войны въ 8 книгахъ, переводъ Θ. Г. Мищенка, М. 1887 г. Сочиненія Ксенофонта, русскій переводъ Янчевецкаго. Ревель. 1895 г., 2 изд. Сочиненія Платона, русск. перев. Карпова. Т. 1—4. С.-Пет. 1863 г. Аристотель. Политика, переводъ Скворцова, Москва 1893 г. 2-е изд. Нѣмецкій перев. Aristoteles Werke. Acht Bücher vom Staate, übersetzt von Schnitzer. Stuttgart. 1856. Herausg. von Ossiandere und Schwab. Rob. von Mohl. Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. T. I. Erlangen. 1855. Robert Pohlmann. Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. München. 1893—94. 2 тома. W. Onken. Die Staatslehre des Aristoteles. Leipzig. 1870—75 г. 2 тома. Otto Effertz. Arbeit und Boden. Grundlinien einer Ponophysiokratie. 2 Aufl. 1890—91. Putkammer und Muhlbrecht, Berlin. 3 Bände. Щегловъ. Исторія соціальныхъ системъ. Томъ I. С.-Петербургъ. 1891 г. изд. 2-е. Проф. В. Бузескулъ. Введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ 1903. Его же. Краткое введеніе въ исторію Греціи (исторіографія Греціи). Харьковъ. 1910 г.

Очеркъ хозяйственнаго быта римлянъ.

Общій характеръ римскаго хозяйства. Римъ въ теченіе всего времени пребыванія на исторической аренѣ оставался чисто земледѣльческою страною. Онъ начинаетъ свое существованіе какъ земледѣльческая община и заканчиваетъ свое историческое поприще послѣ глубокаго разстройства, внесеннаго въ область землевладѣнія господствомъ латифундій. Въ области землевладѣнія и земледѣлія брали свое начало основныя соціально-экономическія неустройства и бѣдствія, переживаемыя римскимъ народомъ. Патриціи и плебеи, пролетаріатъ и рѣзкая противоположность между богатыми и бѣдными—все это создавалось, благодаря преимущественно порядкамъ, господствовавшимъ въ римскомъ землевладѣніи.

Какъ во всѣхъ древнихъ государствахъ, рабство составляло коренную язву римскаго народнаго хозяйства, но, по количеству рабовъ, Римъ, вѣроятно, превзошелъ даже восточныя монархіи. Въ Римѣ было два источника рабства. На ряду съ обращеніемъ въ рабство значительной части завоеванныхъ народовъ, римскіе

магнаты являлись главными покупателями рабовъ на тогдашнемъ міровомъ рынкѣ. Эксплоатація рабскаго труда въ Римѣ была доведена до высокой степени тонкости и систематичности, сплошь и рядомъ соединявшихся съ циничною жестокостью. Объ управленіи рабами писались цѣлыя руководства, судя по сочиненію Катона старшаго. Наставленія, преподаваемыя Катономъ, объ обращеніи съ рабами, свидѣтельствуютъ, что положеніе рабовъ въ Римѣ было несравненно болѣе тяжелое, чѣмъ въ Греціи въ періодъ наибольшаго развитія рабства въ этой странѣ. Рабы сплошь и рядомъ работали на римскихъ поляхъ закованными въ цѣпи, изъ опасенія ихъ побѣга. Катонъ, между прочимъ, совѣтуетъ продавать рабовъ, ставшихъ неспособными къ работѣ, вслѣдствіе старости или болѣзни. Рабъ, по его мнѣнію, долженъ работать или спать. Для эксплоатаціи рабовъ онъ не останавливается даже передъ нарушеніемъ святости праздничныхъ дней, рекомендуя въ такіе дни плугъ оставлять въ покоѣ, но рабовъ заставлять неустанно заниматься другими прямо не запрещенными работами. Правда, такая жестокая эксплоатація рабовъ наступила уже въ республиканскій періодъ, а въ патріархальное время римской исторіи, когда рабовъ вообще было немного и когда, на ряду съ рабами, на поляхъ работали и ихъ владѣльцы, ихъ положеніе было довольно сносное.

Римскій народъ жилъ въ условіяхъ натуральнаго, ойкоснаго, хозяйства, съ преобладаніемъ въ немъ занятія земледѣліемъ, и этотъ характеръ хозяйства очень мало былъ поколебленъ даже въ періодъ мірового господства римскаго государства, когда торговые обороты въ Римѣ достигли широкаго развитія, а также появились обширныя ремесленныя заведенія. Дѣло въ томъ, что ни обрабатывающая промышленность, ни торговля, въ теченіе существованія Рима, не освободились отъ подчиненія земледѣлію и были пріурочены къ сельскому хозяйству. Занятіе торговлей сплошь и рядомъ являлось дополнительнымъ въ рукахъ ойкосныхъ магнатовъ. Располагая большимъ количествомъ сельскихъ продуктовъ, получаемыхъ изъ своихъ хозяйствъ, а также въ видѣ платы отъ своихъ арендаторовъ, крупные землевладѣльцы обзаводились барками для перевозки этихъ продуктовъ по рѣкамъ, тамъ, гдѣ географическое положеніе ихъ имѣній позволяло пользоваться этимъ способомъ транспорта. Такъ какъ они владѣли суднами, то въ ихъ руки

впослѣдствіи попала и заморская торговля [1]). Тѣ же крупные землевладѣльцы, возлагая на рабовъ сельскохозяйственныя работы, старались занять нѣкоторую часть своихъ рабовъ ремеслами и переработкою сырьевыхъ продуктовъ, производимыхъ въ своихъ имѣніяхъ. Такимъ образомъ, рабамъ одного и того же собственника поручалось производство сырья, его фабрикація и транспортировка произведеній, такъ что, по словамъ Родбертуса, продуктъ національнаго производства ни разу не мѣнялъ своего владѣльца въ теченіе всего процесса его производства [2]). Идеалъ ойкоснаго хозяйства запечатлѣнъ во всей римской литературѣ по сельскому хозяйству. Катонъ, Варронъ, Плиній, Колумелла часто повторяютъ, очевидно, господствующую въ Римѣ аксіому, что добрый хозяинъ долженъ вести дѣло такъ, чтобы по возможности нигдѣ ничего не покупать, а все производить у себя дома. Агрономъ Палладій совѣтуетъ держать и воспитывать рабовъ-ремесленниковъ внутри помѣстья, чтобы не нуждаться въ помощи города; Колумелла также совѣтуетъ производить у себя дома все нужное для обихода и всегда носилъ одежду только изъ ткани, выдѣланной въ своемъ хозяйствѣ. Симпатіей къ ойкосному земледѣльческому хозяйству проникнуты законодательные акты римскихъ цезарей, несмотря на силу историческихъ обстоятельствъ, клонившихся къ созданію мѣнового оборота. Вопреки этому историческому теченію, Юлій Цезарь издаетъ распоряженіе, по которому только одна строго опредѣленная часть имущества римскихъ гражданъ могла быть обращена въ движимость, остальное же должно быть помѣщено въ поземельное владѣніе. Юлій Цезарь, Траянъ и послѣдующіе императоры неоднократно повторяли постановленіе, по которому сенаторамъ дозволялось владѣть не болѣе, чѣмъ тремя кораблями. Въ этихъ ограниченіяхъ нельзя не видѣть, вмѣстѣ съ Родбертусомъ, указанія на то, что торговая промышленность и владѣніе движимыми капиталами оставались чуждыми кореннымъ традиціямъ римлянъ.

Въ послѣднія столѣтія римской исторіи, хотя и совершилось выдѣленіе торговли и обрабатывающей промышленности изъ состава

---

[1]) См Т. Моммзенъ. Римская исторія. М. 1887 г., изд Солдатенкова Томъ I, стр. 200, 201.

[2]) Родбертусъ. Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности Вып. I, стр. 64—65. Вып. II, стр. 71 и др.

земледѣльческаго хозяйства, но оно не шло дальше раздѣленія по мѣсту, и всѣ эти отрасли хозяйства попрежнему оставались въ рукахъ одного и того же римскаго землевладѣльца или арендатора. Въ эту пору обыкновенно владѣнія римскихъ магнатовъ распадались на двѣ части: сельскія имѣнія и городскія. Въ тѣхъ и другихъ велось тщательно организованное, основанное на спеціальномъ раздѣленіи занятій, хозяйство. Для веденія хозяйства въ сельскихъ имѣніяхъ магнатовъ существовалъ свой организованный составъ несвободныхъ рабочихъ, живущихъ на господскомъ дворѣ,— такъ называемая сельская фамилія (familia rustica); въ городахъ же (преимущественно въ самомъ Римѣ) такой же штатъ работниковъ, съ особымъ аппаратомъ управленія—городская фамилія (familia urbana). Въ составъ этихъ фамилій входили, прежде всего, въ большомъ количествѣ рабы, затѣмъ вольноотпущенники и клиенты. Въ сельскихъ имѣніяхъ велась культура хлѣба, оливковыхъ и виноградныхъ плантацій, плодовыхъ садовъ, на ряду съ сельскохозяйственной индустріей. Такъ, извѣстно, что въ латифундіарныхъ хозяйствахъ устраивались глиняные и кирпичные заводы (figlinae), ткацкія мастерскія (institutus histonas), въ которыхъ работали многочисленные ткачи (textores), а также и другія мастерскія. Въ городскихъ домахъ тѣхъ же магнатовъ фамилія была занята исключительно фабрикаціей и переработкой сырьевыхъ произведеній, при чемъ часто зданія и приспособленія для обрабатывающей промышленности и мастерскія устраивались не въ самомъ городѣ, а въ сосѣдствѣ городскихъ стѣнъ и все сырье для фабрикъ привозилось изъ сельскаго помѣстья того же владѣльца мастерскихъ. Самые города въ римскомъ государствѣ носили полусельскій характеръ: въ нихъ жили землевладѣльцы, управляющіе хозяйствами на поляхъ, прилегающихъ къ городу. Противоположности между селами и городами въ хозяйственномъ отношеніи не существовало. Города заселялись богатыми сельскими хозяевами съ ихъ слугами, а затѣмъ наполнялись толпой пролетаріевъ, не находившихъ работы.

Отмѣченное нами тяготѣніе Рима къ натуральному (домашнему) хозяйству не даетъ основанія заключать, что римское хозяйство не эволюціонировало въ теченіе тысячелѣтняго существованія римскаго государства. Въ періодъ отъ II вѣка до Р. Х. и до II вѣка

послѣ Р. Х. государственная жизнь Рима создала весьма благопріятныя условія для образованія широкаго экономическаго оборота, которыя должны были поколебать господство замкнутаго домашняго хозяйства. За это время, какъ извѣстно, Римъ соединилъ подъ своею властью огромную территорію, границы которой включали, кромѣ Аппенинскаго полуострова, Великобританію, Францію, Италію, Бельгію, Южную Германію, Египетъ и всѣ земли, прилегающія къ бассейнамъ Чернаго и Средиземнаго морей. Какая обширная сфера для международнаго торговаго обмѣна! Къ тому же со стороны Рима принимались мѣры для политическаго объединенія разнообразныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ римскаго государства. Прежде всего эти страны подводились подъ однообразный гражданскій порядокъ. Политика императорскаго режима въ первый періодъ его господства клонилась къ тому, чтобы упрочить имущественныя отношенія римскихъ подданныхъ, поставивъ ихъ подъ защиту общаго права, вмѣсто частнаго патроната богачей. Въ отношеніи провинцій и провинціальныхъ муниципій цезари проводили политику уравненія ихъ съ коренными римскими областями. Это освободительное движеніе, начавшееся при цезарѣ Августѣ, окончилось извѣстнымъ эдиктомъ Каракаллы, даровавшаго права римскаго гражданства всѣмъ свободнымъ подданнымъ императора. Римскіе цезари также прилагали огромныя старанія къ соединенію городовъ и римскихъ провинцій съ Римомъ удобными путями сообщенія, по которымъ даже была организована почтовая перевозка пассажировъ и грузовъ (via Appia). Хотя эти замѣчательно благоустроенныя римскія дороги приспособлены были преимущественно для военныхъ цѣлей и передвиженія войскъ, но онѣ предоставлялись и для частнаго пользованія. На ряду съ удобными путями сообщенія, развитіе коммерческаго оборота между отдѣльными областями Римской имперіи облегчалось распространеніемъ однообразныхъ римскихъ мѣръ, вѣсовъ и денежной системы, все болѣе входившихъ въ употребленіе среди подвластныхъ Риму народовъ или только испытывавшихъ на себѣ вліяніе римской культуры. «Римскій динарій, по словамъ Моммзена, не отстаетъ ни на шагъ отъ римскихъ легіоновъ». Во II в. до Р. Х. почти всѣ монетные дворы въ завоеванныхъ странахъ были закрыты римлянами и только нѣкоторымъ провинціямъ дозволялось чеканить мо-

нету, но непремѣнно по римскимъ образцамъ. Наконецъ, къ этому времени относится значительное развитіе на римской территоріи другого важнаго аппарата для совершенія торговыхъ оборотовъ— кредитныхъ учрежденій. Банкирскія конторы *(tensarii)* обосновались на римскомъ форумѣ и были разсѣяны по болѣе значительнымъ римскимъ городамъ. Какъ показали раскопки въ Помпеяхъ, римскіе банкиры принимали вклады денегъ на храненіе, производили операціи текущаго счета и перевода денегъ на другіе города. Извѣстно, что Цицеронъ, отправляя своего сына въ Аѳины, передалъ ему необходимую сумму денегъ переводомъ отъ римскаго банкира—аѳинскому (permutatio pecuniae). Формы веденія банкирскихъ счетовъ были нормированы преторскимъ эдиктомъ.

Всѣ эти явленія въ экономическомъ быту римлянъ должны были разлагающимъ образомъ дѣйствовать на ойкосную систему хозяйства и создать элементы для образованія народнаго хозяйства, съ общественно-хозяйственнымъ раздѣленіемъ занятій между отдѣльными хозяйственными классами. Если, однако, указанныя тенденціи хозяйственнаго развитія націи не привели къ упроченію мѣнового хозяйства, а оказались только временной реакціей противъ автономіи крупныхъ ойкосовъ римскихъ магнатовъ, то это объясняется цѣлымъ рядомъ причинъ.

Прежде всего надо сказать о римской торговлѣ, что хотя она возникла еще въ дореспубликанскій періодъ подъ могущественнымъ вліяніемъ Греціи [1]), а въ послѣдующее время была весьма значительна по размѣрамъ оборота, но она носила пассивный характеръ. Представляя огромный рынокъ для потребленія, Римъ самъ очень мало производитъ для иностраннаго сбыта. Скопивъ огромныя богатства путемъ завоеванія, военной добычи и жестокой эксплоатаціи покоренныхъ провинцій, римскіе магнаты предъявляли огромный спросъ, въ особенности на предметы роскоши, привозимые съ Востока и Греціи. Обычными предметами римскаго ввоза были: хлѣбъ, скотъ, сухія овощи, а затѣмъ—посуда, одѣяніе, жемчугъ, янтарь, слоновая кость, вообще всевозможныя драгоцѣнности и, наконецъ, цѣлыя массы рабовъ. Въ обмѣнъ на эти предметы Римъ почти ничего не могъ предложить для мірового оборота, расплачиваясь за ввозимые товары наличными деньгами.

[1]) Т. Моммзенъ. Римская исторія, т. I, стр. 843—844

Денежный мѣновой оборотъ сосредоточивался въ большихъ приморскихъ городахъ, а въ деревняхъ, въ широкихъ размѣрахъ, производился натуральный обмѣнъ продуктовъ на продукты, при чемъ деньги служили только номинальною счетною единицею. Насколько ограниченное мѣсто занимали деньги въ мѣновомъ оборотѣ, можно отчасти судить, напримѣръ, по тому, что еще въ 137 г. до Р. Х. изъ звонкой монеты, находящейся налицо въ римской государственной казнѣ, едва шестая часть состояла изъ чеканной монеты, а пять шестыхъ состояли изъ золота въ слиткахъ [1]). Въ Римѣ не замѣчается и отдѣльнаго, обособившагося и развитаго купеческаго класса. Societates publicanorum и collegia mercatorum—торговыя товарищества, напоминающія современныя акціонерныя общества—гораздо больше являлись административно-финансовыми учрежденіями, чѣмъ частными торговыми компаніями. Ихъ назначеніемъ преимущественно былъ пріемъ на откупъ казенныхъ монополій и налоговъ, они же брали на себя поставки для войскъ, вели хлѣбную торговлю для нуждъ столицы и частью мѣняльныя и банковыя операціи. Товарищества эти составляли часто тѣ же сенаторы и римскіе магнаты, эксплоатировавшіе государственную казну черезъ своихъ вольноотпущенниковъ. Вообще въ Римѣ торговлей занимались вольноотпущенники, въ предпріятіяхъ которыхъ главными пайщиками являлись ихъ патроны—латифундіарные собственники. Въ связи съ этимъ отпущеніе на волю у римлянъ часто было не столько дѣломъ великодушія, сколько выгодной промышленной спекуляціей и источникомъ обогащенія. Поэтому отпущеніе на волю становилось все болѣе и болѣе частымъ явленіемъ, по мѣрѣ того какъ усиливалась торговая дѣятельность римлянъ. Въ этой формѣ римская торговля сохраняла личную связь съ собственниками латифундій.

Въ Римѣ недоставало благопріятныхъ условій для развитія ремеслъ и обрабатывающей промышленности. Занятіе ремесломъ римляне считали недостойнымъ римскаго гражданина. Свободный римлянинъ, вынужденный обратиться къ ремесленному труду, стоялъ въ общественномъ мнѣніи не выше раба, и его дочь, какъ дочь раба, не могла быть весталкой. Уже при царяхъ, по свидѣтельству Діонисія, занятія ремеслами были дозволены только ра-

[1]) Т Моммзенъ Римская исторія, т I, стр. 843—844.

бамъ-иностранцамъ [1]). Къ тому же въ римскомъ правѣ трудъ, приложенный къ обработкѣ сырья, не получилъ достаточнаго признанія и защиты. Объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ сужденія, высказывавшіяся нѣкоторыми римскими юристами. По мнѣнію юриста Лабео, если на пурпурной фабрикѣ случайно, по ошибкѣ, будетъ обработана чужая шерсть, то для собственника шерсти это такъ же не имѣетъ значенія, какъ если бы эта шерсть упала въ грязь и вслѣдствіе этого измѣнила свой видъ [2]). Другими словами, римское право не признавало значенія той цѣнности, которая прибавлялась къ сырому матеріалу его фабричной обработкой и интересы собственниковъ сырья защищались въ ущербъ представителей ремесленнаго труда.

Основная причина, помѣшавшая образованію, въ предѣлахъ Римской имперіи, народнаго хозяйства на основѣ общественнаго хозяйственнаго раздѣленія труда, лежала въ измѣненіи политическаго режима римскаго государства. Начиная съ III вѣка по Р. Х. значеніе центральной власти падаетъ и параллельно съ этимъ растетъ сила и значеніе земледѣльческой знати, живущей въ своихъ латифундіарныхъ помѣстьяхъ. Въ качествѣ наслѣдственныхъ сенаторовъ, владѣльцы римскихъ латифундій освобождаются отъ обязанностей чиновничьей службы, не несутъ муниципальныхъ повинностей и, затѣмъ, основываясь на своей силѣ, произвольно не платятъ налоговъ, не повинуются судамъ и не идутъ на войну по призыву центральной власти. Мелкая и средняя собственность въ эту пору больше не существуетъ. Хозяйства магнатовъ преобразуются въ латифундіи—княжества, дѣйствующія разлагающимъ образомъ на Римскую имперію. Внутри римскаго общества уже въ III—IV в. сложилась въ соціальномъ отношеніи сеньорія феодальнаго характера. Политическая разобщенность латифундіарныхъ имѣній содѣйствовала возвращенію къ натуральному хозяйству и усиленію экономической замкнутости крупныхъ ойкосовъ, только нѣсколько поколебленной въ концѣ республиканскаго періода и въ первые вѣка императорскаго режима [3]).

---

[1]) А Гусаковъ. Деликты и договоры, какъ источники обязательствъ въ системѣ цивильнаго права древняго Рима. М. 1896 г., стр. 10—18.

[2]) Karl Hoffmeister. Die wirthschaftliche Entwicklung Roms. Wienn. 1899 г., стр. 31.

[3]) И М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во времена имперіи). Т. I. Спб., стр. 600—604, стр. 582 и др.

Положеніе землевладѣнія и аграрное законодательство въ Римѣ. Извѣстно, что уже въ патріархальный періодъ римской исторіи частная собственность получила всеобщее распространеніе и была распредѣлена очень равномѣрно. Изъ реформы Сервія Туллія видно, что бо́льшая часть поземельной собственности состояла изъ мелкихъ хуторовъ, достаточныхъ для содержанія одной семьи и необходимаго домашняго скота. Послѣ долгихъ споровъ о характерѣ древняго римскаго землевладѣнія, ученые согласились въ томъ, что римская семья этой поры владѣла двумя югерами усадебной земли, на которой, кромѣ домашнихъ построекъ, разбивался садъ, засаженный виноградомъ и масличными деревьями. Сверхъ этого, каждая семья владѣла участкомъ полевой земли для пашни. Обыкновенный размѣръ полнаго полевого надѣла былъ не менѣе 20 югеровъ; но въ этотъ счетъ не входили луга, лѣса и выпасы для скота, которыми члены общины пользовались въ размѣрѣ своихъ погребностей [1]). Болѣе богатые граждане, владѣвшіе большими пространствами земли, раздавали излишніе участки земли своимъ кліентамъ, т. е. семьямъ лицъ, зависимыхъ и находившихся подъ ихъ покровительствомъ. Кліенты, лишенные земли и пользующіеся ею по милости патрона, являлись источникомъ матеріальныхъ доходовъ патрона, но сомнительно, чтобы они были эксплоатируемы какъ простая рабочая сила. Источниками богатства для патриціанскихъ фамилій являлись земля, сельское хозяйство и обращенные въ рабство должники. Въ общемъ земля до 30 гектаровъ была среднимъ патриціанскимъ владѣніемъ, площадь обработки которой доставляла количество продуктовъ, достаточное для содержанія 60 взрослыхъ людей, или 20 малыхъ семействъ [2]) Это была та пора въ исторіи римскаго народа, когда Цинциннатъ былъ національнымъ идеаломъ римскаго гражданина. Римская община мирно занималась земледѣліемъ, и только случайныя пертурбаціи на внѣшней границѣ заставляли ея гражданъ временно браться за оружіе. Это уравновѣшенное состояніе землевладѣнія было нарушено съ того времени, какъ римскій народъ выступилъ на путь завоевательной политики. Какъ извѣстно, римляне, завоевывая новую территорію, отнимали у покоренныхъ жи-

[1]) 1 югеръ=1 прусскому моргену или 0,23 русской десятины. Моммзенъ. Римская исторія Изд Солдатенкова. Т. I, стр 182—191.

[2]) Max Weber. Agrargeschichte Alterthums. Handwörterbuch d Staatswissenschaften. Rome v. Conrad etc. 3 Auflage.

телей часть, а иногда и всю ихъ землю, обращая ее въ общественную собственность римскаго народа (ager publicus populi romani). Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ римское государство изъ небольшого союза сосѣднихъ общинъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ города Рима, вырастало въ обширный политическій организмъ, занявшій весь Аппенинскій полуостровъ, цѣлая масса мелкихъ собственниковъ присоединенныхъ территорій была обезземелена. На ряду съ этимъ, обращая территорію завоеванныхъ народовъ въ собственность римскаго народа, римское государство создавало новыя серіи мелкихъ землевладѣльцевъ, надѣляя участками завоеванной земли своихъ нуждавшихся въ землѣ гражданъ. Но такое надѣленіе отвоеванной землей римскихъ безземельныхъ гражданъ не всегда практиковалось, при чемъ самые порядки, установившіеся въ пользованіи общественными землями, служили источникомъ серьезныхъ осложненій въ области поземельныхъ отношеній. Въ прямой зависимости отъ нихъ находится образованіе крупныхъ латифундій, крайне неравномѣрное распредѣленіе поземельной собственности, создавшееся уже въ цвѣтущій періодъ римской исторіи (отъ II в. до Р. Х. до II в. по Р. Х), и, наконецъ, полное исчезновеніе мелкой собственности. Первоначально, вѣроятно, вся ager publicus распредѣлялась для пользованія между бѣднѣйшими римскими гражданами, за исключеніемъ плебеевъ, т. е. той части населенія, которая образовалась въ средѣ римскаго народа изъ ранѣе покоренныхъ народовъ и преимущественно жителей Лаціума. Впослѣдствіи государство распоряжалось вновь завоеванными землями слѣдующимъ образомъ. Одна часть ея отводилась, на правахъ частной собственности, римскимъ гражданамъ, колонизовавшимъ эти земли (agri divisi, agri assignati), часть сдавалась въ наслѣдственную аренду изъ 5—10% годового дохода (agri vectigalis), остальная земля объявлялась собственностью народа, но не римской казны (ager publicus populi romani), и была открыта для свободной занимки (occupatio) каждаго римскаго гражданина въ безсрочное пользованіе, за десятую часть урожая хлѣба и пятую часть масла и вина. Этою послѣднею категоріей земель римскіе граждане пользовались въ двухъ формахъ—для выпаса скота и частью обрабатывали подъ пашню. Плата за землю однако не взносилась и оккупаціи превращались въ наслѣдственныя владѣнія. Хотя эти земли предо-

ставлялись на одинаковыхъ правахъ для всѣхъ гражданъ, но фактически размѣръ владѣнія отдѣльной семьи опредѣлялся количествомъ сельскохозяйственнаго инвентаря, рабовъ и вообще матеріальныхъ средствъ, которыми она располагала. Поэтому богатые граждане дѣлали огромныя запашки и посылали на пастьбу большія стада. Такой порядокъ заимки общественныхъ земель приводилъ къ тому, что вся площадь ихъ была занята богатыми крупными землевладѣльцами, а для мелкихъ собственниковъ и вновь нарастающихъ ихъ поколѣній не оставалось свободной земли.

На ряду съ тѣмъ ущербомъ, который претерпѣвали мелкіе собственники, вслѣдствіе захвата общественныхъ земель римскими магнатами, шелъ процессъ обезземеленія старинныхъ мелкихъ пахарей, который придавалъ особенную остроту вопросу о землѣ среди народной массы. Въ римскомъ соціальномъ быту было много причинъ, которыя вели къ уничтоженію мелкихъ земледѣльцевъ. Въ болѣе раннюю эпоху мелкихъ собственниковъ разоряли ихъ заимодавцы. Старое законодательство двѣнадцати таблицъ безпощадно относилось къ должникамъ, отдавая ихъ имущество и личность во власть кредиторовъ. Обыкновеннымъ поводомъ для тягостныхъ займовъ было участіе мелкихъ собственниковъ въ военныхъ походахъ, во время которыхъ поля ихъ часто оставались безъ обработки. Единственными капиталистами, у которыхъ имъ приходилось дѣлать займы, были крупные землевладѣльцы, частныя тюрьмы которыхъ бывали переполнены несостоятельными должниками. Необычайно суровыя послѣдствія долговыхъ отношеній составляютъ общую черту въ первоначальномъ правѣ всѣхъ народовъ арійской вѣтви. Однако нигдѣ они не вели къ такимъ тягостнымъ послѣдствіямъ для должниковъ, какъ въ Римѣ, и это потому, что, вслѣдствіе особенностей римскаго соціальнаго строя, здѣсь долговое право исполняло спеціальную функцію: оно служило для патриціевъ средствомъ держать мелкое крестьянство и плебеевъ не только въ экономической, но и въ политической зависимости. Разореніе ростовщиками римскаго крестьянства продолжалось въ теченіе всего времени его существованія, но со II вѣка до Р. Х. угнетающее вліяніе на мелкія хозяйства оказывали порядки и способы хозяйства, усвоенные латифундіарными собственниками. Въ ихъ имѣніяхъ вся обработка пашни ведется массами рабовъ, по плантаторской системѣ, гораздо

ранѣе господствовавшей въ Карѳагенѣ и его сицилійскихъ колоніяхъ, съ которыми римляне находились въ постоянныхъ сношеніяхъ. Обработка полей, если не безусловно даровымъ трудомъ, такъ какъ сами рабы покупались на рынкѣ, то, несомнѣнно, самымъ дешевымъ, имѣла своимъ результатомъ крайнее обезцѣненіе хлѣба. Обыкновенно хлѣбъ въ эту пору продавался на римскомъ рынкѣ за полцѣны, сравнительно со стоимостью его производства въ мелкихъ хозяйствахъ трудомъ свободныхъ рабочихъ. Хлѣбъ, привозимый въ Римъ изъ Карѳагена, Сициліи, а также тотъ хлѣбъ, который получала казна въ видѣ даней отъ подвластныхъ провинцій, сбывая его откупщикамъ податныхъ сборовъ, продавался по цѣнамъ даже ниже италійскихъ. Приспособляясь къ новымъ условіямъ хозяйства, латифундіарные владѣльцы забрасываютъ культуру хлѣбныхъ растеній и обращаютъ свои обширныя поля въ пастбища для породистаго скота, отводя сравнительно большіе участки подъ садовыя культуры— виноградники и масличныя рощи. Размѣры мелкой собственности не допускали такого преобразованія въ формахъ хозяйства, и ихъ владѣльцы разорялись отъ конкуренціи дешеваго привознаго хлѣба. Хозяйство же римскихъ магнатовъ этой поры все больше проникается духомъ коммерческихъ спекуляцій. Латифундіарные владѣльцы участвуютъ въ торговыхъ товариществахъ, занимаются откупами казенныхъ податей и, какъ пайщики, получали львиную долю тѣхъ процентовъ, которые наживали римскіе ростовщики въ провинціяхъ и въ Италіи. Самъ Катонъ, этотъ блюститель чистоты римскихъ нравовъ республиканскаго періода, значительную часть своего состоянія помѣщалъ въ паяхъ разныхъ торговыхъ компаній. Могущество римскихъ магнатовъ, соединявшихъ въ своихъ рукахъ землевладѣніе, торговлю и кредитные обороты, по разнообразнымъ поводамъ давало себя чувствовать мелкому крестьянству. Округляя свои владѣнія, римская знать скупала цѣлыми массами участки мелкихъ пахарей. Нерѣдко могущество спекулянтовъ-помѣщиковъ переходило въ полное самовластіе. Если при покупкѣ мелкихъ участковъ владѣльцы ихъ оказывались несговорчивыми, то они просто захватывали ихъ владѣнія и безъ купчихъ крѣпостей, при чемъ не всегда кончалось дѣло мирно: самый обыкновенный въ этомъ случаѣ пріемъ заключался въ томъ, что, когда землепашецъ былъ въ полѣ на работѣ, капиталистъ выгонялъ его жену и дѣтей изъ дому и при-

нуждалъ его быть сговорчивымъ, опираясь на теорію совершившагося факта [1]). Всякая пядь земли, брошенная мелкимъ пахаремъ и присоединенная къ крупному имѣнію, поступала подъ рабскую обработку. Убыль мелкихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ становится замѣтной со второй половины II-го вѣка до Р. Х. Цензовые списки римскаго гражданства этого времени показываютъ постоянное сокращеніе ихъ числа. Въ цензѣ 159 г. насчитывалось 328,000 годныхъ для военной службы гражданъ, а затѣмъ въ 154 г.—324,000, въ 147 г. 322,000 и въ 131 г.— 319,000.—Лишившіеся своихъ участковъ мелкіе землевладѣльцы не могли найти занятія въ обширныхъ имѣніяхъ богатыхъ плантаторовъ, въ качествѣ арендаторовъ и наемныхъ рабочихъ, такъ какъ тамъ все хозяйство велось рабскимъ трудомъ. Они массами уходили въ Римъ и пополняли тамъ ряды городского пролетаріата [2]). На столичномъ рынкѣ въ эту пору уже слышались такія рѣчи, что у дикихъ звѣрей есть логовища, а у гражданъ не осталось ничего, кромѣ воздуха и солнечнаго свѣта, и что тѣ, кого называютъ властителями міра, не могутъ назвать ни одного клочка земли своею собственностью. А въ то же время сельская поземельная собственность концентрируется въ видѣ крупныхъ помѣстій въ 1000 и болѣе десятинъ, такъ что на пространствѣ, которое, при существованіи стариннаго мелкаго землевладѣнія, прокармливало отъ ста до ста пятидесяти крестьянскихъ семействъ, теперь жило только одно семейство свободныхъ людей и около пятидесяти, большею частью, не женатыхъ рабовъ.

Въ Римѣ никогда не было недостатка въ людяхъ съ широкимъ государственнымъ кругозоромъ, которые видѣли въ исчезновеніи въ римскомъ обществѣ класса свободныхъ мелкихъ пахарей и въ безпорядочномъ захватѣ общественныхъ земель (ager publicus) римскими магнатами глубокое зло, подтачивавшее силы государства. Обезземеленіе народныхъ массъ совершилось въ республиканскій періодъ римской исторіи и цѣликомъ обязано тому режиму, когда римскіе аристократы соединяли въ своихъ рукахъ, вмѣстѣ съ матеріальнымъ богатствомъ, и высшую правящую власть, пред-

---

[1]) Моммзенъ. Римская исторія, т. 2-й, стр 81.

[2]) Слово „пролетаріатъ“ отъ слова proles, обозначало людей, обладающихъ только потомствомъ и не имѣющихъ недвижимости Пролетаріи составляли одну изъ 193 центурій.

Городская библіотека-читальня имени Н. В. Гоголя.

ставляемую сенатомъ. Изъ этого же сословія выходятъ и новые аграрные реформаторы. Это были люди, занимавшіе видное положеніе въ государствѣ, которые брали подъ свою защиту интересы простого народа противъ собственнаго сословія и выносили тяжелую борьбу, большею частью заканчивающуюся смертью этихъ защитниковъ правильно понятыхъ интересовъ римскаго народа и государства. Такъ какъ надѣленіе общественными землями неимущихъ гражданъ прекратилось съ переходомъ отъ царскаго къ республиканскому періоду, уступая мѣсто безпорядочному захвату этихъ земель римскими магнатами, то планы поземельныхъ реформаторовъ неизмѣнно имѣли своимъ предметомъ предложеніе—подѣлить общественныя земли между нуждающимися безземельными гражданами и ограничить захватъ этихъ земель въ крупныхъ размѣрахъ римскими аристократами. Съ этимъ предложеніемъ впервые выступилъ Спурій Кассій, за нимъ черезъ нѣсколько лѣтъ Манлій Капитолійскій, который для примѣра предложилъ на продажу мелкимъ пахарямъ всѣ свои земли. Старанія обоихъ этихъ заслуженныхъ и весьма популярныхъ римскихъ гражданъ не привели къ существеннымъ результатамъ. Правда, послѣ смерти обоихъ этихъ поборниковъ земельной реформы, сенатъ находилъ непрактичнымъ совершенно отказать въ раздачѣ земель неимущимъ своимъ гражданамъ, но эта раздача производилась въ слишкомъ незначительныхъ размѣрахъ, сравнительно съ возрастающею потребностью въ землѣ и быстрымъ ростомъ класса безземельныхъ. Бѣдствія этого класса вызвали новую попытку реформы со стороны двухъ римскихъ трибуновъ, Гая Лициния Столона и Люція Секстія, которые имѣли своей задачей надѣленіе землей плебеевъ, раньше вовсе не допускавшихся къ пользованію общественными землями. Не рѣшаясь на полное уничтоженіе системы захвата общественныхъ земель, они предложили установить извѣстныя границы для оккупаціи этихъ земель отдѣльными гражданами. Въ силу сдѣланныхъ ими сенату предложеній, которыя стали затѣмъ закономъ (въ 367 г. до Р. Х.), было установлено, что ни одинъ гражданинъ не въ правѣ имѣть въ своемъ пользованіи болѣе 500 югеровъ, или около 125 десятинъ на нашу мѣру, общественныхъ земель. Остальная земля отбиралась государствомъ и должна быть обращена въ мелкіе надѣлы для плебеевъ. На будущее время было

постановлено, что, кто присвоитъ себѣ болѣе 500 югеровъ земли, тотъ не только теряетъ излишне захваченную землю, но еще уплачиваетъ извѣстный денежный штрафъ. Пользованіе общественными лугами также было нормировано: на этихъ лугахъ отдѣльной семьѣ запрещалось пасти болѣе 100 головъ рогатаго скота и 500 овецъ. Наконецъ, въ законахъ Лициція и Секстія сдѣлана попытка оказать защиту труду свободныхъ гражданъ въ той конкуренціи, которую онъ испытывалъ отъ наплыва рабовъ. Эти законы, между прочимъ, ставили въ обязанность крупнымъ землевладѣльцамъ употреблять для воздѣлыванія полей нѣкоторое число свободныхъ работниковъ, въ опредѣленной пропорціи къ числу занятыхъ въ ихъ имѣніяхъ рабовъ. Насколько эти законы, формально принятые сенатомъ, исполнялись, видно изъ того, что Гай Лицинній, одинъ изъ авторовъ законодательнаго проекта, самъ однимъ изъ первыхъ былъ оштрафованъ за превышеніе аграрнаго максимума. И эти законы, однако, оказали нѣкоторое дѣйствіе. Съ реформой Лициція и Секстія началось для Рима время могучаго преуспѣянія, самый славный періодъ римской исторіи. Въ счастливыхъ войнахъ разросло римское могущество, было достигнуто то, что итальянскіе народы, подъ владычествомъ римлянъ, соединились въ одно государственное цѣлое; въ упорныхъ войнахъ съ Карѳагеномъ Римъ достигъ положенія всемірнаго государства. Нельзя отрицать, что такой ростъ національнаго могущества римлянъ въ значительной мѣрѣ зависѣлъ отъ того притока матеріальнаго достатка въ народную массу, который былъ вызванъ надѣленіемъ землей нѣсколькихъ десятковъ тысячъ неимущихъ гражданъ, въ силу законовъ Лициція.

Предписанія Лициніевыхъ законовъ не вполнѣ и не долго соблюдались: черезъ нѣсколько десятилѣтій въ пользованіи общественными землями опять упрочилась система захватовъ, и вновь нарождавшіяся поколѣнія римскихъ бѣдняковъ не имѣли доступа къ землевладѣнію. Спустя еще два столѣтія со времени законовъ Лициція обезземеленіе римскаго крестьянства и нужда въ землѣ приняли необычайно острый характеръ, тѣмъ болѣе, что къ тому времени (150 л. до Р. Х.) возникли новыя затрудненія, удручавшія хозяйства мелкихъ собственниковъ, какъ то: скупка магнатами, нажившими крупныя состоянія въ провинціяхъ—итальянскихъ зе-

мель, конкуренція привозного хлѣба, продававшагося въ Римѣ за безцѣнокъ и, наконецъ, вытѣсненіе труда свободныхъ рабочихъ въ латифундіяхъ трудомъ массы рабовъ. Всѣ эти явленія, осложнявшія аграрный вопросъ въ Римѣ во II в до Р. Х., были нами отмѣчены раньше (стр. 76). Насколько земельная реформа теперь была настоятельна, настолько велики были и трудности для ея осуществленія при открытомъ нежеланіи со стороны аристократическаго правительства Рима сдѣлать какія-либо уступки въ жгучемъ вопросѣ о надѣленіи неимущихъ гражданъ участками изъ общественной земли.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ за дѣло аграрной реформы взялись два брата: Тиберій и Гай Гракхи, въ союзѣ со Сципіономъ Эмиліаномъ, пріемнымъ внукомъ Сципіона Африканскаго. Изъ аристократическаго класса за аграрную реформу стояли только отдѣльныя лица—Аппій Клавдій, Квинтъ Меттелъ, побѣдитель македонянъ и ахеянъ; къ реформѣ также относился сочувственно извѣстный юристъ Публій Сцевола; государственныя же учрежденія—сенатъ и трибунатъ—противились духу реформы. Сенатъ, бывшій законодательнымъ учрежденіемъ, въ которомъ вотировались законадательные проекты, состоялъ изъ богатыхъ людей, латифундіарныхъ владѣльцевъ, которымъ, такимъ образомъ, приходилось быть судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Трибунатъ былъ учрежденіемъ, выдвинутымъ для защиты народныхъ интересовъ, но одинъ изъ трибуновъ по закону выбирался изъ аристократическаго сословія и своими «veto» пресѣкалъ всякія реформы, клонившіяся къ ущербу патриціанскаго сословія. Было очевидно, что безъ нарушенія конституціи невозможно провести дѣло реформы. Это однако не остановило Тиберія Гракха по вступленіи въ должность трибуна (въ 134 году до Р. Х.) предложить свой полевой законъ, который былъ не что иное, какъ возобновленный Лициніо-Секстіевскій законъ 387 года. Согласно ему, всѣ оккупированныя и находящіяся въ безмездномъ пользованіи ихъ занимателей государственныя земли—до арендуемыхъ законъ не касался—должны быть отобраны въ казну, съ такимъ однако ограниченіемъ, что одинъ оккупантъ могъ удержать для себя 120 и для каждаго сына по 50, а въ общемъ итогѣ не болѣе 250 десятинъ, на нашу мѣру. Отобранныя государственныя земли должны

быть раздѣлены на участки въ $7^1/_2$ десятинъ и эти участки розданы частью гражданамъ, а частью италійскимъ союзникамъ, не въ качествѣ полной собственности, а какъ неотчуждаемая наслѣдственная аренда, владѣльцы которой обязывались воздѣлывать свой участокъ и платить за него въ казну умѣренную ренту. Коллегіи изъ трехъ лицъ, считаемыхъ постоянными чиновниками общины, избираемыхъ ежегодно народнымъ собраніемъ, ввѣрены отобраніе и раздѣлъ земли, къ чему позже прибавилась еще важная и затруднительная обязанность легальнаго опредѣленія: что̀ должно считать общественною землею римскаго народа и что̀ частною собственностью. Раздѣлъ, такимъ образомъ, предполагалось продолжить на неопредѣленное время, покуда очень обширныя и трудно опредѣлимыя государственныя земли въ Италіи будутъ приведены въ порядокъ. Гракховскій полевой законъ, между прочимъ, отличался отъ Лицинио-Секстіевскаго тѣмъ, что въ немъ для вновь создаваемыхъ участковъ было выговорено качество наслѣдственной аренды и неотчуждаемости. Кромѣ того, въ силу его, учреждалась постоянная исполнительная комиссія, отсутствіе которой въ старомъ законѣ и было главною причиною того, что онъ остался безъ дальнѣйшаго практическаго приложенія. Недостатокъ, и очень серьезный, Гракхова закона, создавшій большія трудности для его осуществленія, заключался въ томъ, что онъ не дѣлалъ никакого различія между оккупированными землями. Нѣкоторыя изъ нихъ были захвачены въ послѣднее десятилѣтіе, между тѣмъ какъ масса земель была оккупирована лѣтъ триста назадъ и эти земли отъ первоначальныхъ оккупаторовъ переходили къ другимъ лицамъ, уже на правахъ собственности, по завѣщанію и заемнымъ обязательствамъ. Владѣльцы общественныхъ земель, затрачивавшіе изъ поколѣнія въ поколѣніе капиталъ на приведеніе ихъ въ культурное состояніе, а также семьи, пріобрѣвшія земли отъ первоначальныхъ ея заемщиковъ, привыкли смотрѣть на нихъ не какъ на простое владѣніе (possessio), а какъ на свою полную собственность. Поправлять отнятіемъ этихъ земель старыя ошибки аграрной политики — значило совершать еще бо́льшую несправедливость.

Тиберій Гракхъ, взявши въ свои руки дѣло реформы, какъ и слѣдовало ожидать, потерпѣлъ неудачу со своимъ проектомъ и въ сенатѣ, и въ коллегіи трибуновъ. Тогда онъ прибѣгнулъ къ

крайней мѣрѣ—къ нарушенію одного изъ основныхъ законовъ страны—и въ народномъ собраніи потребовалъ удаленія трибуна, своего товарища, который враждебно относился къ полевому закону. Трибунъ былъ удаленъ до окончанія годичнаго срока службы, а это было коренным нарушеніемъ римской конституціи, по которой власть римскаго чиновника была неприкосновенна: онъ даже за преступленія по должности могъ быть судимъ не раньше окончанія службы. Послѣ этого законъ былъ принятъ во всемъ его составѣ. Но Тиберій Гракхъ долженъ былъ въ концѣ года подвергнуться суду за государственное преступленіе; тогда онъ для спасенія себя прибѣгнулъ ко вторичному нарушенію конституціи страны—онъ потребовалъ у народнаго собранія избранія себя на второй годъ сряду въ трибуны. Во время этой агитаціи римскіе аристократы составили заговоръ, и Тиберій Гракхъ былъ убитъ, вмѣстѣ съ тремястами его ближайшихъ сторонниковъ. Сенатъ однако не рѣшился уничтожить принятый въ народномъ собраніи полевой законъ. Комиссія изъ трехъ лицъ для приведенія въ исполненіе этого закона существовала и работала. Ей прежде всего приходилось преодолѣвать значительныя техническія препятствія. Регистраціи и кадастра государственныхъ земель въ Римѣ не существовало, а потому комиссіи нужно было опредѣлить, какія земли входятъ въ составъ ager publicus. Съ этою цѣлью комиссія выставила публичныя объявленія, приглашая всякаго, кому вѣдомо, сообщать ей свѣдѣнія о пространствѣ общественныхъ земель. Точныхъ свѣдѣній такимъ путемъ, конечно, трудно было добиться, и комиссія очень часто конфисковала, вмѣстѣ съ настоящими государственными землями, и такіе участки, которые въ дѣйствительности были частною собственностью отдѣльныхъ гражданъ—разобраться въ этихъ земляхъ было до крайности трудно. Сенатъ до времени терпѣлъ и не вмѣшивался. Но аграрная комиссія сдѣлала новый шагъ—она наложила руку на часть государственныхъ земель, находившихся въ наслѣдственномъ владѣніи латинскихъ гражданъ и союзниковъ. Это вызвало расколъ среди сторонниковъ Гракховыхъ законовъ. Протестъ, заявленный латинами въ сенатѣ, встрѣтилъ тамъ защитника ихъ интересовъ въ лицѣ Сципіона Эмиліана. Онъ исходатайствовалъ у сената постановленіе, по которому у аграрной комиссіи отнималась подсудность и право рѣшенія по вопросу,

что слѣдуетъ считать общественной землей и что частною собственностью—передавалось цензорамъ и консуламъ. Этимъ закономъ, проведеннымъ Сципіономъ Эмиліаномъ, была озлоблена партія реформы, и онъ былъ найденъ мертвымъ въ своей комнатѣ, какъ разъ наканунѣ дня, назначеннаго для доклада въ сенатѣ по дѣламъ латинянъ. Послѣ смерти Тиберія Гракха и Сципіона Эмиліана, Гай Гракхъ продолжалъ подвизаться за аграрное дѣло. Онъ, между прочимъ, положилъ начало заморскимъ колоніямъ въ Сициліи и Карѳагенѣ, куда пересылались массы безземельныхъ пролетаріевъ. Въ результатѣ Гракховыхъ законовъ почти вся государственная земля перешла въ частныя руки. Цензъ, опубликованный черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ основанія денежной комиссіи, показалъ увеличеніе мелкихъ свободныхъ пахарей на 76 тысячъ. Если бы законы, проведенные Гракхами, прилагались и впредь постоянно къ новозавоеваннымъ землямъ, то можно было ожидать, что въ Римѣ сложится окончательно классъ мелкихъ собственниковъ, который служитъ во всѣхъ обществахъ фундаментомъ прочнаго народнохозяйственнаго порядка. Къ сожалѣнію, законы Гракховъ примѣнялись только періодически, когда аграрную политику бралъ въ свои руки какой-нибудь вліятельный гражданинъ. Такъ, Сулла, наприм., выселилъ въ колоніи до 100,000 солдатъ-ветерановъ. Но вся римская земельная политика сложилась такимъ роковымъ образомъ, что римляне постоянно, такъ сказать, одною рукою обезземеливали цѣлыя массы населенія въ провинціи, а другою старались въ то же время, и довольно непослѣдовательно, создать мелкихъ собственниковъ. Характеризуя аграрную политику Рима этой поры, Моммзенъ говоритъ: «Если сосудъ пустѣетъ отъ постояннаго изъ него истока, то этому можно помочь, не вливая въ него по временамъ хотя бы и очень значительнаго количества жидкости, а только открывая съ другой стороны постоянный ея протокъ, и это не разъ пытались исполнить, но безуспѣшно». Особенно больное мѣсто всего аграрнаго законодательства была римская провинція:—по отношенію къ ней не дѣлалось ни малѣйшей попытки спасти мѣстное пахарство отъ вытѣсненія его черезъ скупку земель римскими спекуляторами. Нечего и говорить, что въ Римѣ ни разу не сдѣлано было предложенія о пріостановкѣ конфискаціи земель въ пользу государства во вновь завоеванныхъ провинціяхъ.

Со времени Гракховыхъ законовъ и до конца римской республики не дѣлалось уже больше серьезныхъ попытокъ аграрной реформы. Дѣйствіе Гракховыхъ законовъ черезъ 15 лѣтъ послѣ ихъ принятія было окончательно пріостановлено и закрыта разверстная комиссія, а вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльцамъ захваченныхъ общественныхъ земель были гарантированы права полной собственности на эти земли (законъ Тора 119 г. и законъ 111 г. до Р. Х.).

Послѣ Гракховъ отдѣльныя римскія партіи, въ періодъ республики, выступали съ проектами аграрной реформы, но въ основаніи этихъ проектовъ лежала несерьезная забота о судьбахъ римскаго землевладѣнія. Обыкновенно партія, предлагавшая новый проектъ аграрной реформы, руководилась постороннимъ дѣлу реформы намѣреніями, а именно: стремленіемъ къ политическому преобладанію надъ другими партіями. Голодной массѣ пролетаріевъ, достигшей уже грозной цифры 300—400 тысячъ человѣкъ, выдавали казенный хлѣбъ, а разные политическіе дѣятели, которые особенно хотѣли привлечь на свою сторону эту революціонную силу и тѣмъ достигнуть временнаго преобладанія надъ своими противниками, сулили ей еще какой-нибудь новый проектъ поземельной реформы. Словомъ, проекты аграрной реформы сдѣлались орудіемъ политической борьбы партій, изъ которыхъ каждая имѣла при этомъ въ виду не благо римскаго народа, а свои частныя выгоды. Поэтому нельзя придавать серьезнаго значенія аграрному закону Публія Сервилія Рулла (690 г. по основаніи Рима), предложеннаго съ заднею мыслью погубить популярность Помпея и добиться его паденія. Руллъ предлагалъ раздѣлить земли римской Кампаніи въ видѣ мелкихъ участковъ и поселить на нихъ безземельныхъ пролетаріевъ, а государственныя земли въ другихъ провинціяхъ продать—для образованія суммы, необходимой для первоначальнаго обзаведенія новыхъ колонистовъ въ Кампаніи. Въ сущности же Руллу желательно было добиться учрежденія на 5 лѣтъ комиссіи, съ неограниченными диктаторскими полномочіями, которая могла бы низвергнуть Помпея. Но самъ пролетаріатъ того времени настолько уже былъ деморализованъ, что и онъ очень недружелюбно встрѣтилъ этотъ проектъ переселенія, находя неудобнымъ мѣнять праздное времяпрепровожденіе и полученіе дарового хлѣба отъ государства—на трудовую жизнь землевладѣльца.

Дѣло аграрной реформы становится предметомъ серьезныхъ заботъ при Юліи Цезарѣ. Цезарь сокрушилъ политическое могущество родовой республиканской аристократіи, которая господствовала надъ массами, по преимуществу посредствомъ стариннаго римскаго учрежденія—сената. Сдѣлавшись фактически монархомъ, Цезарь однако не уничтожалъ ни сената, ни другихъ аристократическихъ учрежденій, но оставлялъ ихъ умирать медленною смертью, постоянно сокращая компетенцію старыхъ республиканскихъ учрежденій. Между прочимъ, съ тѣхъ поръ и всѣ нити хозяйственнаго управленія сосредоточились не въ сенатѣ, а въ кабинетѣ Цезаря. Цезарь, со свойственнымъ ему широкимъ кругозоромъ, не думалъ парализовать родовую аристократію посредствомъ нарождающейся денежной аристократіи и пролетаріата. Устраняя родовую аристократію, онъ въ то же время хотѣлъ избавить государство отъ всѣхъ паразитовъ, какъ низшаго, такъ и высшаго сословія. Поэтому и въ вопросахъ аграрной реформы онъ пошелъ по стопамъ Гракховъ. Прежде всего онъ постарался регулировать раздачу хлѣба, которая изъ пособія дѣйствительно неимущимъ обратилась въ поощреніе праздности. Еще въ силу закона Гая Гракха, всякій римскій гражданинъ, житель столицы, имѣлъ право на полученіе изъ казны хлѣба за половину средней его цѣны, и этотъ широкій доступъ къ государственнымъ житницамъ послужилъ причиною того, что около 320,000 гражданъ содержалось на счетъ государства. Цезарь нарядилъ ревизію имущественной состоятельности даровыхъ получателей хлѣба, и въ результатѣ этой ревизіи было исключено изъ списковъ до 170,000 гражданъ, оказавшихся людьми зажиточными. Послѣ этого Цезарь настаивалъ, чтобы максимальная цифра лицъ, находящихся на содержаніи государства, не превышала 150,000 и чтобы ревизіонная комиссія ежегодно пополняла убыль изъ этого числа, происходящую вслѣдствіе удаленія изъ города или смерти, новыми лицами изъ бѣднѣйшихъ соискателей. Такимъ образомъ Цезарь сдѣлалъ изъ даровой раздачи хлѣба, которою пользовались разные диктаторы для поощренія толпы къ революціоннымъ переворотамъ, правильное благотворительное учрежденіе. Сдѣлавъ точную регистрацію пролетаріата, Цезарь повелъ съ ними борьбу двумя средствами: съ одной стороны—обширною колонизаціею въ заморскія провинціи, куда онъ предпо-

лагалъ переселить безземельныя семьи, а съ другой стороны— строгими предписаніями противъ бродягъ. Цезарь организовалъ цѣлую комиссію, которая произвела ревизію всѣхъ актовъ на владѣніе частными землями въ Италіи и тѣмъ привела въ извѣстность пространство и границы государственныхъ земель въ самой Италіи. Онъ не остановился также передъ намѣреніемъ докупить земли на государственныя средства, если бы наличныхъ государственныхъ земель не хватило для поселенія всѣхъ безземельныхъ. При выборѣ поселенцевъ онъ давалъ преимущество выслужившимся солдатамъ, и старанія его были направлены на то, чтобы всякій рекрутъ, взятый изъ класса пролетаріевъ, былъ возвращаемъ на родину въ качествѣ крестьянина-собственника. Выполненіе обширнаго плана поземельнаго устройства, намѣченнаго Юліемъ Цезаремъ, было оборвано заговоромъ Бруга и Кассія. Ему удалось только двѣ тысячи бѣдныхъ семействъ надѣлить землею въ провинціи Капуѣ, поселивъ ихъ на государственныхъ доменахъ, раньше сдававшихся въ аренду. Но онъ не успѣлъ осуществить своего намѣренія—поселить до 80,000 семействъ римскихъ гражданъ въ заморскихъ провинціяхъ.

Послѣ Юлія Цезаря земельный запасный фондъ государства «ager publicus» исчезаетъ и надѣленіе землею неимущихъ гражданъ совершенно прекращается. Только отъ времени до времени римскіе императоры стараются надѣлить землями въ своихъ имѣніяхъ ветерановъ. Но и это надѣленіе землей выслужившихся солдатъ лишено всякой системы и правильности. Нерѣдко бывало такъ, что ветераны, поселенные Антоніемъ, сгонялись и на мѣсто ихъ устраивались ветераны Октавія Августа, которые, въ свою очередь, сгонялись съ насиженныхъ мѣстъ Траяномъ, замѣнявшимъ прежнихъ поселенцевъ ветеранами, отслужившими въ его легіонахъ.

Аграрнымъ законодательствомъ почти исчерпываются мѣры, какія предпринимало римское государство для исправленія недостатковъ хозяйственной жизни. На ряду съ аграрнымъ законодательствомъ, въ Римѣ можно еще подмѣтить зародыши протекціонистической политики. Сюда относятся очень часто повторявшіяся запрещенія ввоза иностраннаго вина, издававшіяся сенатомъ для поощренія туземнаго винодѣлія въ римскихъ латифундіяхъ, а также обложеніе пошлинами ввоза предметовъ роскоши. Правительство

римское также неоднократно обращало свое вниманіе на угнетеніе денежной аристократіей бѣднаго класса посредствомъ ростовщическихъ процентовъ. Систематическаго законодательства по этому предмету въ Римѣ не развилось; но отдѣльныя лица, стоявшія у кормила правленія, пытались сдержать чрезвычайное развитіе капиталистическаго класса, у котораго образовались привычки жить исключительно на счетъ огромныхъ лихвенныхъ процентовъ съ капиталовъ, ссужаемыхъ ими по большей части провинціальному населенію. За 85 лѣтъ до нашей эры консулъ Валерій Флакъ издалъ законъ (lex Valeria de aere alieno), которымъ предписывалось погашеніе долговъ четвертью занятой суммы. Хотя слабо и непослѣдовательно, но и римскій сенатъ вступался и за разоренныхъ ростовщиками жителей провинціи. Актами такой защиты ихъ интересовъ Римомъ были: законъ Габинія, запрещавшій заемныя сдѣлки съ провинціями заключать въ самомъ Римѣ, и неоднократно издававшіеся при Цезарѣ декреты о пониженіи долговъ до половины занятой суммы. Въ остальномъ же хозяйственная жизнь римлянъ была предоставлена собственному теченію. Послѣ Юлія Цезаря и до первыхъ постановленій о колонатѣ, начавшихся послѣ перенесенія столицы Римской имперіи въ Константинополь, не повторялись уже болѣе акты вмѣшательства государства въ поземельныя отношенія; вслѣдствіе этого и тѣ явленія, противъ которыхъ боролись римскіе аграрные реформаторы, продолжаютъ свободно развиваться.

Экономическое положеніе римскаго государства въ періодъ его мірового господства. Италія въ періодъ мірового господства римскаго государства, начиная съ половины I-го вѣка до Р. Х. и до III-го вѣка послѣ Р. Х., становится богатѣйшею страною. Городъ Римъ и Италія въ частности являлись притягательнымъ центромъ, къ которому стекались богатства всего тогдашняго міра. Въ какой же мѣрѣ въ созданіи этихъ богатствъ играли роль личныя хозяйственныя качества и торгово-промышленная предпріимчивость самихъ римлянъ?

Несомнѣнно, что еще до наступленія мірового господства римскаго государства римляне, судя хотя бы по сочиненіямъ Катона, отличались большою хозяйственностью, сдѣлали огромные успѣхи въ земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ, усвоивъ многіе пріемы земле-

дѣльческой техники, выработанные старою культурою Востока и Египта. Въ области морской торговли до пуническихъ войнъ римляне также проявили извѣстную дѣятельность, и самое столкновеніе съ Карѳагеномъ возникло на почвѣ коммерческаго соперничества съ этой въ то время самой могущественной торговой страной въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Уже одно то характерно, что во главѣ движенія противъ Карѳагена стоялъ Катонъ старшій, являвшійся представителемъ крупныхъ землевладѣльцевъ-промышленниковъ. Когда господство карѳагенской торговли въ бассейнѣ Средиземнаго моря было сломлено и самъ Карѳагенъ уничтоженъ, то Римъ не только оказался самой могущественной морской державой, но къ нему должна была прійти и гегемонія въ сферѣ морской торговли. Однако это торжество римлянъ надъ своимъ торговымъ соперникомъ не сдѣлало самый Римъ торгово-промышленной страной, не направило его на тотъ путь экономическаго развитія, по которому, какъ мы видѣли, слѣдовало аѳинское государство съ половины VI до III в. до Р. Х. Для этого въ Римѣ были свои причины, и прежде всего то, рѣшающаго значенія, обстоятельство, что весь дальнѣйшій ходъ хозяйственнаго быта страны завпсѣлъ отъ ея завоевательной политики, которая сдѣлалась, такъ сказать, основнымъ нервомъ всей римской государственности со II вѣка до Р. Х. и до II вѣка послѣ Р. Х. Послѣ пуническихъ войнъ главный притокъ богатства въ странѣ шелъ не отъ хозяйственной дѣятельности римскихъ гражданъ, а отъ ихъ военно-политической предпріимчивости, направленной на завоеваніе новыхъ странъ и на хозяйничанье въ завоеванныхъ провинціяхъ. Катонъ старшій и люди его ранга наживали средства, хозяйничая въ своихъ имѣніяхъ; но капиталъ для покупки рабовъ и пріобрѣтенія новыхъ имѣній пріобрѣтался на государственной службѣ и въ предпріятіяхъ, связанныхъ съ администрированіемъ и финансовымъ управленіемъ римскихъ провинцій. Для того чтобы пріобрѣсти состояніе, вѣрный путь заключался въ томъ, чтобы стать во главѣ военнаго отряда или получить мѣсто проконсула, пропретора или намѣстника завоеванной провинціи. Крупныя состоянія, которыми импонировали римскіе магнаты въ періодъ съ I в. до Р. Х. и до II в. послѣ Р. Х., по большей части, принадлежали лицамъ, которыя въ свое время предводительствовали римскими легіонами, совершавшими завоеванія въ

южной Европѣ, Африкѣ и Азіи. Въ первой очереди обогащались такіе римскіе полководцы и диктаторы, какъ Марій. Сулла, Сципіонъ Африканскій. Помпей, Крассъ, Лукуллъ, Антоній и Юлій Цезарь, а за ними и массы ихъ вліятельныхъ сторонниковъ. Къ нимъ переходили обширныя пространства завоеванныхъ территорій, имъ же доставалась и львиная доля контрибуціи. А затѣмъ эти же люди, по большей части, оставались управителями и безконтрольными хозяевами завоеванныхъ провинцій и городовъ, населеніе которыхъ они, въ то же время, часто опутывали долговыми обязательствами, являясь въ качествѣ банкировъ и ростовщиковъ. И въ этой роли они выжимали у завоеваннаго населенія послѣднія средства, которыя они не успѣвали взять изъ него въ качествѣ полководцевъ и завоевателей.

По слѣдамъ завоевателей въ римскія провинціи направлялись римскіе дѣловые люди, банкиры и коммерсанты. И администраторы провинцій, въ качествѣ ихъ хозяевъ, опирались на массы римскихъ коммерсантовъ и дѣльцовъ, которые рѣдко являлись въ провинціи въ одиночку, но обыкновенно развивали тамъ свои операціи, соединяясь въ организованные союзы и товарищества (societates). Послѣдніе были двухъ видовъ. Это были или товарищества частныхъ коммерсантовъ (collegium mercatorium), или товарищества откупщиковъ государственныхъ налоговъ и оброчныхъ статей (societates publicanorum). Частныя товарищества коммерсантовъ, открывая отдѣленія въ провинціяхъ, выдавали ссуды мѣстному населенію, арендовали оброчныя статьи на государственныхъ земляхъ. Въ ихъ рукахъ была эксплоатація рудниковъ въ Македоніи и Испаніи, обширныхъ плантацій въ Африкѣ и Сардиніи, они же брали подряды на поставки для войска и флота или снабженія хлѣбомъ казны для раздачи бѣднымъ и т. п. Компаніи откупщиковъ, развивая тѣ же операціи, пользовались еще крупною привилегіей сбора налоговъ и податей, сбора портовыхъ и пастбищныхъ денегъ въ разныхъ провинціяхъ и десятиннаго налога въ азіатскихъ областяхъ. Этотъ сборъ налоговъ ставилъ римскихъ откупщиковъ лицомъ къ лицу съ мѣстными муниципіями и городскими управленіями. Если города или отдѣльныя провинціи находились въ финансовомъ затрудненіи, то они открывали имъ кредитъ. Такимъ путемъ римскіе предприниматели получали возможность опутывать населеніе провинцій системой ссудъ и истощать ихъ средства долгами. Чисто денежныя операціи стояли, та-

кимъ образомъ, въ тѣсной связи съ откупами большихъ доходныхъ статей. Римскіе банкиры и ростовщики систематически разсаживались по округамъ и населеннымъ пунктамъ. Въ 69 году Цицеронъ говорилъ о римскомъ намѣстничествѣ въ южной Галліи: «Римскіе граждане-негоціаторы биткомъ наполнили Галлію; безъ посредства римлянъ ни одинъ галлъ не ведетъ дѣловыхъ сношеній; въ Галліи нѣтъ въ оборотѣ ни одной монеты, которая бы не прошла черезъ счетныя книги римскихъ гражданъ»[1]).

Товарищества римскихъ откупщиковъ и коммерсантовъ представляли собою мощныя капиталистическія организаціи. Эти компаніи имѣли свою детально разработанную и сложную организацію. Въ составѣ ихъ различались активные члены большихъ компаній и болѣе обширный кругъ пайщиковъ. Во главѣ компаніи стояли mancipes, т. е. отвѣтственные агенты, заключавшіе условія съ правительствомъ, входившіе въ непосредственныя сношенія съ оффиціальными лицами, цензорами, проконсулами, а съ другой стороны,—остальная группа капиталистовъ, такъ сказать, членовъ правленій, по аналогіи съ современными товариществами. Остальные участники (adfines, particeps) являлись въ роли пайщиковъ, участвовали своими долями въ предпріятіяхъ или разрѣшали своимъ банкирамъ, хранившимъ сбереженія, пускать деньги въ оборотъ. Среди прикосновенныхъ и причастныхъ этимъ компаніямъ лицъ постоянно упоминаются намѣстники, сановники, сенаторы—люди, которые, по своему сословному положенію, не имѣли права участвовать непосредственно въ кредитныхъ и откупныхъ операціяхъ, но могли помѣщать въ нихъ свои капиталы. Компаніи откупщиковъ, устраивая свои отдѣленія въ провинціи, имѣли центральное управленіе въ Римѣ. Повидимому, въ распоряженіи правленій компаній была цѣлая почтовая организація. По городамъ, не только крупнымъ, но и мелкимъ, были размѣщены рабы, скороходы для короткихъ разстояній и верховые для болѣе далекихъ. Этой почтой пользовались и правительственные чиновники. Свою связь съ Римомъ и вліятельными кругами центра товарищества поддерживали, между прочимъ, посредствомъ патроната. Подобно тому, какъ въ современныхъ парламентскихъ странахъ богатыя акціонерныя компаніи и синдикаты, устраивающіе желѣзнодорожныя и

[1]) Проф. Р Виппперъ. Очерки исторіи Римской имперіи. М. 1908, стр. 124.

горнопромышленныя предпріятія, стараются привлечь, въ качествѣ пайщиковъ, вліятельныхъ сановниковъ и парламентскихъ дѣятелей, которые оказывали бы имъ поддержку передъ правительствомъ, и въ римскихъ товариществахъ почетнымъ покровителемъ избирался крупный сановникъ или выдающійся членъ аристократіи.

Опираясь на римскихъ сановниковъ, проконсуловъ и намѣстниковъ, провинціальные откупщики дѣлали что хотѣли, наполняя провинціи произволомъ и преступленіемъ. Титъ Ливій говоритъ: «Гдѣ разъ появился откупщикъ, тамъ либо безсильно публичное право, либо союзники наши утрачиваютъ всякое подобіе свободы»[1]). Въ союзѣ съ римской аристократіей, они представляли собою грозную денежную аристократію. Азія въ особенности считалась золотымъ дномъ римскихъ откупщиковъ и негоціантовъ. Они кредитуютъ восточныхъ царей, римскихъ вассаловъ, города и муниципіи, нерѣдко принимая на себя за нихъ посредничество въ уплатѣ контрибуціи Риму, но взамѣнъ этой услуги получаютъ право неограниченнаго господства въ провинціяхъ. Во внѣшней политикѣ государства первой половины I-го в. до Р. Х. наблюдается преобладаніе денежной аристократіи. Завоеваніе Малой Азіи, Сиріи, береговъ Леванта до Египта было совершено не только по указанію коммерческихъ круговъ компаніи откупщиковъ и крупныхъ арендаторовъ, но и при непосредственномъ участіи ихъ капиталовъ и денежныхъ средствъ. Походы Помпея и Красса въ Азію финансировались римскими капиталистами.

На путь заморскихъ завоеваній Римъ выступилъ со свободнымъ капиталомъ зажиточныхъ римскихъ фамилій и съ вліятельнымъ классомъ откупщиковъ. Въ свою очередь, захватъ земель завоеванныхъ народовъ, огромный ростъ государственныхъ имуществъ и оброковъ съ подчиненныхъ народовъ—создали то могущество римскаго капитала и то необыкновенное положеніе денежныхъ людей, римскаго сословія всадниковъ, которое такъ характеризуетъ послѣднія столѣтія римской республики. Небывалое значеніе, какого достигъ этотъ общественный классъ въ Римѣ, коренилось въ характерѣ государственнаго строя и въ условіяхъ администраціи республики и архаической системы финансовъ, построенной не на государственномъ обложеніи, а на системѣ откуповъ, косвенныхъ

[1]) М. Ростовцевъ. Исторія государственнаго откупа въ Римской имперіи (отъ Августа до Діоклитіана) Спб. 1899, стр. 50 и другія

сборовъ, пошлинъ, взимаемыхъ въ портахъ, и на эксплоатаціи казенныхъ имуществъ. Если припомнить, что къ началу нашей эры римскія провинціи, по крайней мѣрѣ, въ 8 разъ превосходили по своему пространству территорію Италійскаго полуострова, то станетъ ясно, какая обширная сфера дѣятельности была открыта для дѣятельности римскихъ капиталистовъ и откупщиковъ. На ряду съ арендою оброчныхъ статей и государственныхъ налоговъ, сдаваемыхъ на откупъ товариществамъ римскихъ капиталистовъ, преобладающею формою помѣщенія ихъ капиталовъ были ссуды провинціямъ, городамъ, сельскимъ общинамъ и частнымъ лицамъ въ провинціяхъ. Такъ какъ эти ссуды давались не на производительныя цѣли, а или часто на уплату контрибуцій и налоговъ тому же римскому государству, при чемъ капиталисты эксплоатировали случаи крайней нужды, то поэтому проценты по ссудамъ были чрезвычайно высоки—иногда доходили до 48% (хотя оффиціально 12% роста считалось законнымъ процентомъ)—и римскія провинціи разорялись ростовщиками. Но и коренная Италія также страдала отъ ростовщичества. И римскіе правители отъ времени до времени выступали на защиту эксплоатируемаго ростовщиками населенія декретами о принудительномъ пониженіи долговъ.

Итакъ, капиталъ римскихъ магнатовъ направлялся только на непроизводительныя формы—откуповъ и ростовщичества, онъ не захватилъ индустріи и не пытался завоевать сельскія области крупнымъ сбытомъ; ремесло оставалось узкимъ мѣстнымъ производствомъ. Отъ завоеваній и отъ подвоза иностранныхъ товаровъ богатѣлъ только Римъ: издалека привозились сюда только предметы рѣдкости и предметы роскоши для немногихъ богатыхъ людей, остальная Италія, какъ была, такъ и осталась глухой деревней [1]). Въ этомъ отношеніи старое воззрѣніе Родбертуса, что Римъ въ цвѣтущій періодъ своей исторіи, несмотря на огромный ростъ капиталовъ въ странѣ, не выбился изъ рамокъ замкнутаго народнаго хозяйства, не дошелъ до формъ капиталистическаго хозяйства съ общественно-хозяйственнымъ раздѣленіемъ труда, находитъ новое подтвержденіе въ той оцѣнкѣ римскаго хозяйства отъ I вѣка до Р. Х. и до III в. послѣ Р. Х., которое даютъ намъ итальянскій историкъ Сальвіоли и русскій профессоръ Виппперъ.

[1]) Виппперъ. Очерки исторіи Римской имперіи, стр 32

Земледѣліе и сельское хозяйство въ латифундіяхъ. Если можетъ быть рѣчь о производительномъ примѣненіи римскихъ капиталовъ, то только въ одномъ земледѣліи. Земледѣліе и сельское хозяйство въ теченіе всей римской исторіи оставались традиціонными занятіями, въ которыя всѣми имущими людьми помѣщались капиталы. Приток богатствъ въ Римъ, начиная съ эпохи побѣдъ надъ Карѳагеномъ, сопровождался одновременно ростомъ крупныхъ состояній и лихорадочною скупкою земель римскими магнатами. Къ I-му вѣку по Р. Х. римскія латифундіи становятся по своимъ размѣрамъ настоящими княжествами. Достаточно нѣсколько примѣровъ. По свѣдѣніямъ Плинія старшаго, у Красса, одного изъ тріумвировъ, было около 200 милліоновъ сестерцій помѣщено въ земляхъ. Сторонникъ Помпея Домицій владѣлъ 15 тысячами гектаровъ земли. Шесть крупныхъ магнатовъ владѣли половиною римскихъ провинцій въ Африкѣ тогда, когда ихъ казнилъ Неронъ. Римскій императоръ въ то же время былъ самымъ крупнымъ собственникомъ въ странѣ; къ нему также перешли земли аристократическихъ фамилій Карѳагена и другихъ завоеванныхъ провинцій.

Образованіе крупныхъ помѣстій начинается уже со II в. до Р. Х., но латифундіи этого времени, по сравненію съ латифундіями I—II в. по Р. Х., являются имѣніями средняго типа. Такую латифундію представляло имѣніе Катона старшаго, описанное имъ въ сочиненіи «De re rustica» или «De agri cultura». Въ немъ 100 югеровъ, или 25 десятинъ, находились подъ виноградниками, 240 югеровъ, или 60 десятинъ, подъ оливковой плантаціей, а все имѣніе не превышало 300—500 десятинъ Правда, у одного магната, какъ и у Катона, могло быть нѣсколько такихъ имѣній въ разныхъ частяхъ Италійскаго полуострова. Латифундіи же I в. по Р. Х. обнимаютъ по нѣсколько тысячъ десятинъ. Онѣ, дѣйствительно, представляли не только по своему объему, но и по своему соціальному строю, самостоятельныя княжества. Здѣсь жилъ римскій магнатъ съ обширной свитой кліентовъ и зависимыхъ и облагодѣтельствованныхъ имъ людей. Но клиентура I в. рѣзко отличается отъ кліентуры патріархальнаго періода римской исторіи. Римскій магнатъ I в. по Р. Х. собираетъ постоянно около себя множество людей, окруженъ массой рабовъ, которые служили не только для услуженія, но и для блеска, для представительства. Эти рабы въ домѣ

составляли цѣлые отряды, которые при случаѣ можно было организовать на военную ногу. Но въ ближайшей средѣ, окружающей магната и его родъ, въ числѣ его сотрапезниковъ, спутниковъ, есть также множество свободныхъ людей, которые образуютъ цѣлую іерархію зависимыхъ отношеній. Ихъ общее обозначеніе—clientes. Они зовутся также amicii или familiares, convivae,—если получаютъ отъ него кровъ и пищу; comites,—если сопровождаютъ его въ прогулкахъ и путешествіяхъ. Эти люди всячески служатъ своему сеньору, исполняютъ его порученія, приносятъ ему по утрамъ поздравленія, вотируютъ за него и т. п. Характерны выраженія для этихъ отношеній лицъ, поступавшихъ въ клиенты къ знатному господину: они отдавались на вѣру (fidem dare), становились подъ его защиту и покровительство (se commendare),—очень близкія къ позднѣйшимъ средневѣковымъ обозначеніямъ вассалитета, закладыванія своей личности, состоянія въ свитѣ (esse hominem alicujus). Въ положеніи такихъ кліентовъ разныхъ римскихъ магнатовъ находились даже знаменитые римскіе поэты Лукрецій Каръ, Катуллъ и Цинна, грамматикъ Курцій и, наконецъ, Горацій. Горацій поддерживалъ свое положеніе въ обществѣ благодаря подаркамъ и милостямъ своего покровителя Мецената. Крупнѣйшимъ изъ этихъ подарковъ была пожалованная ему земля, сабинское помѣстье. Для характеристики положенія Горація очень важно, что передъ смертью своей Меценатъ поручилъ Горація Августу. Земельное имѣніе Горація было результатомъ милости Мецената, и въ оплату за него онъ вступилъ въ число кліентовъ богатаго патрона. Впослѣдствіи Горацій счелъ себя обязаннымъ завѣщать подаренное ему владѣніе тому лицу, къ которому перешли права на него, какъ зависимаго человѣка, т. е. Августа [1]).

Въ латифундіяхъ магнатовъ слагалась феодальная іерархія зависимыхъ людей, личная жизнь которыхъ связана была съ судьбою ихъ покровителя. Съ тѣхъ поръ какъ общественныя земли исчезли и были разобраны и государство не выступало болѣе съ проектами аграрной реформы, магнаты становятся настолько богаты, что лично отъ себя надѣляютъ землею своихъ кліентовъ, на условіяхъ личной зависимости послѣднихъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ, тѣ же магнаты выставляютъ отъ себя цѣлое ополченіе. Тотъ же

[1]) Виппперъ, стр. 155, 156.

Крассъ, о богатствѣ котораго мы выше упомянали, высказывалъ убѣжденіе, что богатымъ стóитъ признавать только того, кто можетъ на свой счетъ содержать войско.

Каково же было въ это время (I—III в. послѣ Р. Х.) положеніе остатковъ уцѣлѣвшаго крестьянства и разной деревенской мелкоты, когда люди такого виднаго общественнаго положенія, какъ Лукрецій Каръ и Горацій, должны были проситься въ кліенты знатныхъ личностей и въ этой формѣ искать для себя обезпеченія своей личности, имущества и спокойнаго существованія. Не только въ періоды гражданскихъ войнъ, напр., во времена Марія и Суллы, сторонниками диктаторовъ экспропріировались цѣлыя массы владѣній мелкихъ собственниковъ, но то же происходило, хотя въ меньшей мѣрѣ, и среди глубокаго мира. Перебирая тѣ средства, которыми въ Римѣ разбогатѣли очень видные люди, Цицеронъ, между прочимъ, упоминаетъ объ изгнаніи сосѣдей (expulsiones vicinorum) и о захватѣ полей (latrocinia in agris); эти слова онъ употребляетъ почти какъ техническія выраженія. Суды такъ много занимались дѣлами о захватахъ подобнаго рода, что рѣчи на тему о насиліяхъ, чинимыхъ крупными владѣльцами, сдѣлались предметомъ школьныхъ упражненій. Длинная рѣчь такого содержанія помѣщена Квинтиліаномъ въ его «Declamationes», образцахъ художественнаго краснорѣчія.

Но капиталы римскихъ магнатовъ не только помѣщались въ землевладѣніе: они также затрачивались на земледѣльческую культуру, которая была доведена въ Римѣ до высокой степени техническаго совершенства. Въ этотъ періодъ, при указанной соціальной обстановкѣ, римская жизнь выработала весьма опредѣленный типъ сельского хозяйства, осуществленный въ римской виллѣ.

Послѣ паденія Римской имперіи этотъ типъ земледѣльческаго хозяйства перешелъ, по традиціи, въ средніе вѣка и послужилъ прототипомъ господскаго двора и королевской виллы.

Посмотримъ, что̀ же представляла собою римская вилла.

Съ устройствомъ и порядками римской виллы насъ знакомятъ, прежде всего, писатели по сельскому хозяйству: Катонъ старшій, Варронъ и Колумелла. Такъ какъ эти писатели жили преемственно въ разное время, а именно—Катонъ за 2 столѣтія до Р. Х., Варронъ писалъ спустя 120 лѣтъ послѣ Катона, а

Колумелла въ 60-хъ годахъ I-го стол. по Р. Х.,—то поэтому, на основаніи сочиненій этихъ авторовъ, мы не только знакомимся съ устройствомъ римской виллы, но имѣемъ возможность, въ нѣкоторой степени, составить себѣ представленіе о томъ, какъ римское хозяйство эволюціонировало въ періодъ со II в. до Р. Х. и до I в. послѣ Р. Х., въ общемъ однако сохраняя свои основныя черты.

Хозяйство римской виллы распадалось на двѣ части: на одной изъ нихъ хозяйство велъ самъ собственникъ (господская экономія, villa dominicata), другая сдавалась въ аренду (villa rustica). Эта послѣдняя часть во времена Колумеллы занимала меньшую долю имѣнія, насколько можно судить по преподанному послѣднимъ совѣту сдавать въ аренду только болѣе отдаленные участки имѣнія, на которыхъ, въ виду ихъ отдаленности отъ центральной экономіи, трудно вести наблюденіе и контроль за рабочими. Въ той части земель, которая входила въ составъ господской экономіи, разбивались огороды, сады; очень видное мѣсто занимали плантаціи винограда и маслинъ для производства вина и оливковаго масла, велось на широкую ногу скотоводство, поэтому луга занимали видное мѣсто въ господскихъ хозяйствахъ римлянъ. Велось также лѣсное хозяйство, при чемъ различался лѣсъ дровяной, лѣсъ строевой и, наконецъ, дубовый, предназначавшійся для корма свиней желудями. Разводились также плантаціи ивняка, въ качествѣ матеріала для плетенія корзинъ и для подпорокъ винограда. Въ садахъ и огородахъ примѣнялось сплошь и рядомъ искусственное орошеніе. Основными доходными статьями имѣнія были вино и оливковое масло; они готовились на сбытъ, и прибыль отъ ихъ продажи предназначалась на погашеніе капиталовъ, вложенныхъ въ имѣніе. Старинный продуктъ Италіи—хлѣбъ—занимаетъ въ этомъ хозяйствѣ самое скромное мѣсто: онъ сѣется въ размѣрахъ, достаточныхъ для питанія рабовъ имѣнія, и продается только въ случаѣ, если останется излишекъ [1]). Ко времени Колумеллы и къ концу I вѣка нашей эры интенсивное хозяйство въ латифундіяхъ сдѣлало огромные успѣхи. Въ имѣніяхъ велось раціональное скотоводство, соединенное съ искусственнымъ травосѣяніемъ. У земельныхъ магнатовъ является погоня за усовершенствованными породами скота, муловъ, лошадей,ословъ, быковъ. За образцовые экземпляры этихъ

[1]) Тоже, стр. 24.

животныхъ платятъ десятки тысячъ сестерцій. Въ латифундіарныхъ хозяйствахъ ведется искусственное выкармливаніе птицы, рыбы, дичи, устраиваются птичьи дворы, рыбные садки, загоны и парки для дичи.

Переходъ къ такого рода интенсивнымъ культурамъ диктовался вкусами и потребностями самихъ магнатовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ обѣдахъ Лукулла; но массы этихъ продуктовъ разсчитаны были на сбытъ, и производство ихъ преимущественно обусловливалось требованіями рынка. Сильный притокъ населенія изъ всѣхъ прибрежныхъ странъ и огромное накопленіе богатствъ въ Италіи и Римѣ должны были вызвать иной спросъ на сельскохозяйственномъ рынкѣ, чѣмъ то было при менѣе значительномъ населеніи, меньшемъ богатствѣ и большей простотѣ нравовъ, до греческихъ и азіатскихъ завоеваній. Стали требоваться теперь въ гораздо большемъ количествѣ и лучшаго качества такіе продукты, которые прежде вовсе не имѣли сбыта или же сбытъ которыхъ былъ незначителенъ. Уже во времена Варрона разведеніе домашнихъ птицъ и другіе подобные промыслы давали огромный доходъ, значительно превышавшій ренту отъ хлѣбопашества. Уже тогда въ окрестностяхъ города находились обширные цвѣтники розъ, лилій, фіалокъ и не безъ выгоды занимались многимъ другимъ, что̀ требовалъ городъ. Овощи были въ такомъ большомъ спросѣ и предложеніи, какого не существуетъ еще у насъ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если съ простыми огородами, по словамъ Плинія, обращались такъ, какъ у насъ съ такъ называемыми холодными парниками. Во всей Италіи ко времени императоровъ сельскохозяйственная культура приняла характеръ садоводства, такъ что уже Варронъ говоритъ: «Не засажена ли Италія фруктовыми деревьями такъ, что представляетъ собою сплошной садъ [1])?».

Конечно, римское крупное хозяйство основывалось на широкомъ пользованіи дешевымъ трудомъ рабовъ. Но во времена Катона старшаго постоянныхъ рабочихъ было недостаточно, поэтому прибѣгали къ найму свободныхъ рабочихъ изъ мелкихъ крестьянъ-

[1]) Родбертусъ. Изслѣдованія въ области политической экономіи классической древности въ исторіи развитія поземельныхъ отношеній Рима во времена императоровъ. Ярославль 1880 г. Стр. 10 и др.

собственниковъ и безземельныхъ римскихъ гражданъ. Примѣненіе труда свободныхъ рабочихъ занимало видное мѣсто, судя по тому, что Катонъ въ своихъ хозяйственныхъ наставленіяхъ указываетъ на важность добрыхъ сосѣдскихъ отношеній съ окрестными крестьянами и совѣтуетъ съ ними жить въ мирѣ и добромъ согласіи. Въ извѣстныхъ случаяхъ землевладѣльцы сдавали сборъ жатвы, выжатіе масла изъ оливокъ особымъ съемщикамъ, являвшимся во главѣ цѣлой партіи рабочихъ. Было также принято иногда продавать весь урожай на корню особымъ предпринимателямъ (conductor).

Со второй половины II-го вѣка до Р. Х. и до конца I-го вѣка нашей эры рабскій трудъ вытѣснилъ совершенно свободныхъ рабочихъ и количество рабовъ, примѣняемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, достигло колоссальныхъ размѣровъ. Римское завоеваніе, съ его быстрыми успѣхами и тяжелымъ военнымъ правомъ, открывало возможность широко пользоваться физическою силой варварскихъ племенъ и техническимъ навыкомъ греческаго и азіатскаго рабочаго. Пользованіе массовымъ трудомъ рабовъ наложило свою печать на весь строй римской виллы. Цѣлыя массы рабовъ заняты были на плантаціяхъ римскихъ латифундій, въ ремесленныхъ мастерскихъ, на кирпичныхъ и глиняныхъ заводахъ, входившихъ въ составъ латифундій, а также въ рудникахъ. Подъ надзоромъ надсмотрщиковъ (villicus) рабы подчинялись чисто тюремному режиму. Самыя зданія виллы устраивались такимъ образомъ, чтобы наилучше обезпечить поддержаніе дисциплины среди рабовъ и устранить ихъ побѣги. Для надсмотрщика Колумелла совѣтуетъ устраивать жилище у самой входной двери помѣщенія рабовъ, чтобы онъ хорошо могъ видѣть всѣхъ входящихъ и выходящихъ, а управляющему надо дать помѣщеніе надъ дверью ради той же цѣли, но чтобы онъ поблизости могъ наблюдать и за надсмотрщикомъ. Рабамъ систематически мѣшали сноситься съ свободными и выходить за черту усадьбы. Жилища рабовъ на свободѣ и скованныхъ были отдѣлены и самый характеръ жизни тѣхъ и другихъ различенъ. Свободные собирались въ просторной кухнѣ и спали въ коморкахъ. Скованныхъ помѣщаютъ въ подземную тюрьму (ergastulum).

Со второго вѣка нашей эры, когда римскіе завоеванія, доставлявшія большой притокъ рабовъ, прекратились, цѣны на рабовъ

значительно поднялись. Поэтому и обезпеченіе латифундій рабочей силою требовало все бо́льшихъ и бо́льшихъ затратъ капитала, и въ концѣ концовъ сталъ чувствоваться сильный недостатокъ рабочей силы для сельского хозяйства. Въ связи съ этимъ наблюдается слѣдующее явленіе въ веденіи хозяйства латифиндій. Съ одной стороны, латифундіарные собственники прилагали своеобразные заботы къ сохраненію трудовой силы рабовъ и, съ другой стороны, изощряются въ способахъ безпощадной эксплоатаціи ея. Такъ какъ съ потерей рабочей силы раба безвозмездно погибалъ затраченный капиталъ, то о здоровьѣ невольника заботились больше, чѣмъ о судьбѣ вольнонаемнаго. Варронъ рекомендовалъ вмѣсто раба ставить свободнаго рабочаго во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ легко заболѣть и умереть. Въ то же время рабовладѣльцы старались не оставлять рабовъ безъ дѣла даже въ праздники.

Недостатокъ въ рабахъ послѣ II вѣка нашей эры отразился коренной перемѣной въ способахъ эксплоатаціи латифундіарныхъ имѣній, выразившейся въ томъ, что господская часть земель, на которой велось собственное хозяйство латифундіарнаго собственника, теперь уже составляетъ небольшую долю, сравнительно съ крѣпостными участками и участками, сдаваемыми въ аренду. Кромѣ того, большія пространства латифундіарныхъ земель находились подъ пастбищами или представляли необработанныя пустыри.

Отмѣченныя выше черты хозяйственной жизни древняго Рима въ періодъ его мірового господства позволяютъ намъ сдѣлать общее заключеніе о характерѣ римскаго капитализма и о тѣхъ особенностяхъ, которыя такъ рѣзко отличали промышленно-торговый періодъ римской жизни, сравнительно съ общимъ направленіемъ торгово-промышленнаго развитія аѳинскаго государства въ цвѣтущій періодъ его исторіи.

Развитіе римскаго капитализма находилось въ самой тѣсной связи съ завоевательной политикой государства, съ системой конфискаціи земель завоеванныхъ народовъ и эксплоатаціи послѣднихъ римскими правителями, откупщиками и коммерсантами. Частная иниціатива и самодѣятельность, внѣ этой связи коммерческихъ круговъ съ государствомъ, не играли замѣтной роли.

Одну изъ характерныхъ особенностей римской государственности представлялъ тотъ фактъ, что государство не выработало собственной

системы финансоваго управленія, а государственные финансы находились въ арендѣ и управленіи частныхъ компаній откупщиковъ. Самое положеніе римскихъ магнатовъ и богатыхъ классовъ въ государствѣ представляетъ полный контрастъ съ тѣмъ, что наблюдалось въ Аѳинахъ. Въ Римѣ аристократы и богатые классы занимали господствующее положеніе въ государствѣ и диктовали направленіе политики страны, тогда какъ въ Аѳинахъ эти элементы общества угнетались демосомъ и сплошь и рядомъ находились подъ угрозой конфискаціи ихъ имуществъ малосостоятельной демократіей и, во всякомъ случаѣ, несли на своихъ плечахъ всю тяжесть государственныхъ налоговъ и повинностей (симморій и т. п.).

Въ Аѳинахъ путь къ промышленному развитію страны проложенъ былъ зависимыми классами общества—метеками и вольноотпущенниками, которые впослѣдствіи образовали ядро средняго класса, завоевавшаго себѣ, на почвѣ хозяйственнаго преуспѣванія, личную свободу и права гражданства. Этотъ же классъ составилъ впослѣдствіи и существенный элементъ аѳинской демократіи. Все торгово-промышленное движеніе, приведшее къ расцвѣту экономической жизни Аѳинъ въ V—IV в.. создано частнымъ починомъ и самодѣятельностью предпріимчивыхъ группъ населенія На сторонѣ ихъ было много индивидуальнаго вкуса, творчества и дарованія, которые создали цѣлыя отрасли греческой индустріи въ области архитектуры, строительства, керамики, производства тканей, оружія, статуй и т. п., при чемъ большинство произведеній аѳинской индустріи, носившихъ художественный характеръ, являлось предметомъ обширнаго иностраннаго сбыта. Въ Римѣ же производство для иностраннаго сбыта никогда не занимало виднаго мѣста. Въ области архитектуры и скульптуры Римъ слѣдовалъ греческимъ образцамъ и вообще жилъ преимущественно тѣмъ, что было создано греческой культурой и греческими мастерами. Самая торговля въ Римѣ носила пассивный характеръ: за ввозимые иностранные продукты страна почти ничего не могла представить въ обмѣнъ изъ собственныхъ произведеній и расплачивалась наличными деньгами. Капиталистическое развитіе Рима вообще не демократизировало римскаго общества, не сломило основныхъ рамокъ и преградъ, не открыло широкихъ путей къ политической и соціальной роли людямъ всякаго званія, какъ это было въ Аѳинахъ. Римъ, правда,

обратился въ международную общину, но во главѣ ея остались прежнія, по большей части служилыя, фамиліи, которыя, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ власть, въ то же время, въ качествѣ управителей провинцій, латифундіарныхъ собственниковъ, откупщиковъ и просто дѣловыхъ коммерческихъ людей, завѣдывали всѣми хозяйственными отношеніями въ странѣ. Въ отличіе отъ буржуазіи современнаго намъ періода, представленной среднимъ классомъ, постоянно мобилизирующимся привходящими новыми элементами общества,—денежные и капиталистическіе круги римскаго общества представляли собою плутократическую олигрхію, которая, опираясь на весь механизмъ государственнаго управленія, составляла въ немъ видное звено.

Возрожденіе мелкаго землевладѣнія—колонатъ. Цвѣтущее состояніе римскаго землевладѣнія первыхъ двухъ вѣковъ императорскаго періода смѣнилось его упадкомъ. Съ конца третьяго вѣка по Р. Х. Италія вообще находилась въ состояніи глубокаго экономическаго упадка. Извѣстное предсказаніе Плинія старшаго, что латифундіи погубятъ Италію, а также и провинціи (Verumque confidentibus, latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias), начало сбываться. Господство латифундіарныхъ имѣній и невольничій пролетаріатъ разорили среднее земледѣльческое сословіе. Земледѣліе и хлѣбопашество, какъ основа народнаго хозяйства, при условіяхъ латифундіарнаго владѣнія, были заброшены, за исключеніемъ небольшихъ оазисовъ, занятыхъ роскошными виллами римскихъ магнатовъ, въ раіонѣ которыхъ заведены были для потребностей ихъ двора интенсивныя культуры утонченныхъ продуктовъ огороднаго и садоваго хозяйства, — остальныя обширныя пространства земель лежали впустѣ, безъ обработки, и только кое-гдѣ на нихъ паслись рѣдкія стада. Римъ уже замѣтно начиналъ сходить съ исторической сцены, уступая мѣсто болѣе молодымъ варварскимъ народамъ, только что начинавшимъ свою историческую жизнь.

Но, еще раньше завоеванія Италіи варварами, народное хозяйство Рима обнаружило признаки возрожденія. Это возрожденіе исходило уже не изъ античнаго общества, а изъ среды покоренныхъ народовъ—рабовъ и вольноотпущенниковъ. Оно начинается съ появленіемъ колоната. Что же такое былъ римскій колонатъ? Колонатъ являлся извѣстной формой крѣпостныхъ отношеній земле-

дѣльца, надѣленнаго землей, къ помѣщику, которыя характеризуютъ собою сельскохозяйственную жизнь конца III и послѣдующихъ вѣковъ по Р. Х. въ Римской имперіи. Тогда какъ предшествующая эпоха знала только мелкаго собственника, свободнаго арендатора и раба, теперь, на смѣну этимъ элементамъ земледѣльческаго класса, являются особаго вида зависимые наслѣдственные мелкіе арендаторы-земледѣльцы, въ руки которыхъ попадаетъ вся земледѣльческая культура. Во всякомъ случаѣ, колонатъ находился въ противорѣчіи съ принципами свободы и полноправія римскаго гражданства.

Первое появленіе колоната въ предѣлахъ Римской имперіи отмѣчается въ историческихъ свидѣтельствахъ съ I вѣка по Р. Х. въ римскихъ провинціяхъ Африки. Можно сказать, что, съ тѣхъ поръ, какъ доступъ къ владѣнію землей сталъ затрудняться для мелкихъ пахарей, получила развитіе форма наслѣдственной аренды извѣстная подъ названіемъ колоната. Юридическое положеніе колоновъ подробно обрисовано въ кодексѣ Юстиніана Великаго (VI в. по Р. Х.), въ которомъ собраны всѣ эдикты предшествующихъ императоровъ о колонатѣ, хотя и не въ хронологическомъ порядкѣ. Въ этихъ эдиктахъ рѣзко выступаютъ двѣ категоріи колоновъ— колоновъ лично свободныхъ и колоновъ рабовъ.

Положеніе свободныхъ колоновъ характеризуется слѣдующими чертами. Являясь классомъ свободныхъ лицъ, колоны обрабатывали земли крупныхъ собственниковъ на началахъ наслѣдственной аренды и были въ то же время прикрѣплены къ землѣ. Каждый колонъ владѣлъ опредѣленнымъ участкомъ земли, который изъ поколѣнія въ поколѣніе переходилъ по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ. Величина поземельныхъ платежей вотчиннику опредѣлялась установившимся въ каждомъ данномъ имѣніи обычаемъ, но землевладѣльцу запрещалось закономъ ихъ увеличивать. Фиксація земельныхъ платежей колоновъ—канона—впервые была установлена въ эдиктѣ Константина Великаго въ 325 г. Запрещеніе отдѣлять колоновъ отъ земли распространялось одинаково какъ противъ колоновъ, такъ и противъ ихъ господъ. Колонъ не могъ, по какой бы то ни было причинѣ, покидать участокъ или переходить къ другому собственнику, подъ угрозою штрафа, уплачиваемаго въ казну, кромѣ того, что онъ въ такомъ случаѣ возвращался обратно къ своему вотчиннику. Господину же запрещалось отчуждать участокъ отдѣльно

отъ обрабатывавшихъ его колоновъ. а равно принимать на свои земли чужихъ колоновъ. Господинъ не имѣлъ власти надъ личностью колона или онъ имѣлъ ее только посредственно, какъ собственникъ земли. Колонъ же, какъ лично свободный, пользовался гражданскою правоспособностью выступать противъ господина на судѣ по всѣмъ гражданскимъ искамъ. Въ то же время колонъ могъ пріобрѣтать недвижимую собственность, кромѣ той, которую онъ обрабатывалъ, какъ арендаторъ. Позднѣйшими постановленіями запрещалось: 1) перелагать на колоновъ уплату земельной подати, 2) обращать натуральную арендную плату въ денежную, 3) во время посѣвовъ и жатвы предписывалось освобождать ихъ отъ пѣшихъ и конныхъ работъ въ господскомъ хозяйствѣ. На основаніи послѣдняго постановленія должно сдѣлать тотъ выводъ, что въ условія наслѣдственной аренды колоновъ входило, кромѣ арендной платы, обязательство отработать извѣстное число дней въ году натурою и со своимъ скотомъ въ господской экономіи, во время посѣва, жатвы, свозки урожая и т. д. Въ Юстиніановскомъ кодексѣ, на ряду съ постановленіемъ о свободныхъ колонахъ, встрѣчаются весьма благопріятныя постановленія по отношенію къ рабамъ-колонамъ, которыя клонились къ тому, чтобы сблизить ихъ положеніе съ положеніемъ свободныхъ колоновъ. Рабы были прикрѣплены къ имѣніямъ ихъ собственниковъ подъ названіемъ инквилиновъ и адскриптиціевъ (inquilini et adscriptitii). Уже въ концѣ II вѣка, въ рескриптѣ Марка Аврелія говорилось, что, если кто завѣщаетъ инквилиновъ безъ недвижимой собственности, къ которой они принадлежатъ, то такой легатъ недѣйствителенъ. Постановленіями Константина Великаго сначала запрещалось отчуждать рабовъ-колоновъ изъ одной провинціи въ другую, а затѣмъ и вообще отдѣльно отъ имѣній, въ инвентарь которыхъ они были занесены. Семейныя права рабовъ также защищались уже закономъ отъ произвола владѣльцевъ. Въ постановленіи того же императора отъ 334 года запрещалось при раздѣлѣ имѣній продавать въ разныя руки рабовъ и колоновъ-рабовъ, соединенныхъ между собою родствомъ и свойствомъ. Въ 367 г., при императорахъ Валентѣ и Валентіанѣ, рабы были окончательно превращены въ крѣпостныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ положеніе постепенно сближалось съ положеніемъ свободныхъ колоновъ. По эдикту Юстиніана Великаго, въ началѣ VI вѣка, дѣти, роди-

вшіяся отъ свободной и адскриптиція, объявлялись свободными. Но между рабами и колонами все-таки сохранялась еще значительная разница. Рабы, во-1-хъ, не могли пріобрѣтать недвижимую собственность и могли имѣть собственность только въ видѣ «foenus» и «peculium»; затѣмъ, во-2-хъ, ихъ доля въ продуктѣ труда не была никогда нормирована законодательствомъ, тогда какъ по отношенію къ колонамъ законодательство гарантировало ихъ доходъ, сверхъ опредѣленной величины,—ежегодной ренты, уплачиваемой собственнику земли; въ-3-хъ, рабскіе колоны имѣли въ своемъ господинѣ—господина ихъ личности (dominus adscripti), свободные же колоны имѣли въ немъ только хозяина земли, носившаго названіе patronus или dominus terra; въ-4-хъ, первые могли выступать на судѣ противъ своего господина только при возвышеніи арендной платы и въ криминальныхъ случаяхъ, вторые же—по всѣмъ возможнымъ гражданскимъ случаямъ и, въ-5-хъ, первые, въ случаѣ бѣгства, наказывались какъ похитители своей личности, вторые только возвращались на родину. Въ законодательствѣ о колонатѣ правительство Западной Римской имперіи руководствовалось единственно финансовыми соображеніями. Для казны было убыточно, когда земли оставались безъ обработки, потому что владѣльцы такихъ земель были неисправными плательщиками государственныхъ податей. Въ прикрѣпленіи же къ землѣ рабочаго класса правительство нашло средство обезпечить себѣ постоянную податную способность земель и исправное поступленіе податей въ государственную казну. Приведенное здѣсь римское законодательство о колонатѣ не создало этого учрежденія, а только формулировало и взяло подъ свою защиту отношенія рабочаго класса къ землѣ, которыя сложились въ самой жизни.

Выясненію соціально-экономическихъ условій, вызвавшихъ возникновеніе въ римскомъ обществѣ класса мелкихъ землевладѣльцевъ особаго типа, подъ названіемъ колоната, посвященъ цѣлый рядъ капитальныхъ ученыхъ изслѣдованій. Родбертусъ видитъ причину происхожденія колоната во внутренемъ кризисѣ латифундіарной системы хозяйства. Во II—III вѣкѣ по Р. Х. явилась необходимость перейти къ интенсивной культурѣ; а такъ какъ выполненіе этой задачи было не подъ силу плантаторской сисгемѣ веденія хозяйства, съ ея низкопробнымъ рабскимъ трудомъ, то

для этого необходимо было обрабатывать латифундіи по системѣ мелкихъ хозяйствъ и мелкихъ арендъ, свободными работниками, болѣе, чѣмъ рабы, заинтересованными въ успѣхѣ работы и трудъ которыхъ былъ болѣе производителенъ. Такимъ классомъ землевладѣльцевъ и явились колоны. Вторая причина образованія колоната состояла въ измѣненіи рыночнаго спроса, который къ началу времени императоровъ сталъ требовать продуктовъ садоваго, огороднаго хозяйства и усовершенствованнаго скотоводства. Уже во время Варрона разведеніе домашнихъ птицъ и другіе подобные промыслы давали огромный доходъ, значительно превышавшій ренту отъ хлѣбопашества, а овощи и фрукты были въ большомъ спросѣ. Третья побудительная причина перехода отъ плантаторской системы хозяйства къ системѣ мелкой культуры и къ колонату заключалась въ измѣненіи обстановки жизни римлянъ, въ отсутствіи искусныхъ управителей (villici) и подходящихъ арендаторовъ для латифундіарнаго хозяйства, а въ особенности въ наступившемъ вздорожаніи рабочихъ рукъ, когда завоеванія римлянъ остановились и притокъ рабовъ—плѣнныхъ варваровъ—въ Римскую имперію поэтому значительно сократился. Причины же прикрѣпленія рабовъ онъ видитъ въ залоговомъ правѣ. При недостаткѣ рабочихъ рукъ имѣніе оказывалось обезцѣненнымъ; поэтому поземельные кредиторы этой поры при залогѣ имѣнія требовали обыкновенно и залога рабовъ, такъ какъ при этомъ они считали обезпеченными непрерывность обработки и цѣнность заложеннаго имѣнія. Въ этомъ случаѣ рабы настолько прикрѣплялись къ землѣ, что въ теченіе залогового срока они не могли быть отпущены на свободу, вообще не могли быть отчуждены, и перемѣна владѣльца была для нихъ или совсѣмъ невозможна, или же она могла произойти не иначе, какъ вмѣстѣ съ землей. Даже завѣщаніе не могло разорвать этой связи. Слѣдовательно, обыкновенныя залоговыя отношенія, по мнѣнію Родбертуса, могли вызвать такое закрѣпощеніе и, несомнѣнно, вызывали его много разъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ совпадали интересы владѣльца и кредитора [1]).

---

[1]) Родбертусъ-Ягетцовъ. Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. Къ исторіи развитія поземельныхъ отношеній Рима во времена императоровъ, или адскрипціи, иновилины и колоны. Русск. перев. подъ ред. И. Тарасова. Вып. I. Ярославль 1880 г., стр. 5—15, 25—26 и друг.

Гейстербергъ, вопреки мнѣнію Родбертуса, полагаетъ, что колонатъ первоначально возникъ не въ Италіи, а въ римскихъ провинціяхъ, въ связи съ податной системой: провинціальныя земли были обложены государственными налогами, поэтому не выгодно было оставлять безъ обработки поля, за которыя надо было нести платежи. Для обезпеченія платежеспособности земель владѣльцы латифундій прибѣгали къ сдачѣ ихъ въ вѣчно-наслѣдственную аренду. Въ Италіи для землевладѣльцевъ такого мотива не существовало; такъ какъ, по jus italicum, итальянскія земли пользовались привилегіей свободы отъ поземельныхъ налоговъ, то поэтому итальянскіе магнаты сохранили рутинный способъ рабскаго хозяйства.

По воззрѣнію Фюстель-де-Куланжа, институтъ колоната явился преобразованіемъ старинной римской аренды въ половничество. Обѣднѣвшіе и задолженные арендаторы, которые не въ состояніи были уплачивать арендную плату, вынуждены были безсрочно оставаться на однѣхъ и тѣхъ же земляхъ, а затѣмъ переходили въ положеніе половниковъ, уплачивающихъ, вмѣсто неизмѣнной арендной платы, разъ навсегда фиксированную долю урожая, напр. $^1/_{10}$, $^1/_5$. Выгода ихъ новаго положенія заключалась въ томъ, что они въ годы урожая платили вотчиннику больше, а въ годы неурожаевъ пропорціонально меньше. Взглядъ Фюстель-де-Куланжа на происхожденія колоната находитъ свое прямое подтвержденіе въ одномъ изъ писемъ Плинія младшаго, приведенномъ (на стр. 17) въ выше цитированномъ изслѣдованіи Родбертуса. Въ этомъ письмѣ сначала идетъ рѣчь о множествѣ арендаторовъ въ одномъ и томъ же имѣніи. Потомъ Плиній жалуется на то, «что въ послѣднее время, несмотря на значительныя послабленія, опять наросли недоимки по арендной платѣ, и прибавляетъ, что онъ видитъ противъ этого только одно средство: на будущее время отдавать въ аренду не за деньги, а за извѣстную часть урожая; хотя для этого требуются особые сборщики, особый уходъ за плодами и ему небезызвѣстно, насколько больше труда и расходовъ потребуетъ этотъ новый порядокъ, тѣмъ не менѣе должно испробовать и испытать всякія средства, какъ при застарѣлой болѣзни». Фюстель-де-Куланжъ выдвигаетъ значеніе и ряда другихъ факторовъ, приведшихъ большинство владѣльцевъ крупныхъ римскихъ имѣній въ III—IV вѣкѣ

къ замѣнѣ рабской системы хозяйства. господствовавшей въ эпоху римской республики, системой хозяйства при помощи мелкой наслѣдственной и притомъ натуральной аренды. А именно, причинами такого преобразованія являлись: 1) сокращеніе притока рабовъ, въ мирныхъ условіяхъ существованія Римской имперіи, и связанная съ этимъ невыгодность рабской плантаторской системы хозяйства; 2) обезлюденіе деревень, подъ вліяніемъ тягости податного обложенія, оставленіе большого количества земель безъ обработки и стремленіе латифундіарныхъ собственниковъ, путемъ прикрѣпленія къ землѣ, обезпечить себѣ рабочія руки; 3) «окаменѣніе» всѣхъ вообще отношеній послѣ III вѣка, оказавшееся во всѣхъ областяхъ государственной жизни, и въ возложеніи отвѣтственности за исправное поступленіе налоговъ, какъ культивируемыхъ, такъ и пустующихъ земель, на крупныхъ землевладѣльцевъ и муниципіи (принудительный декуріонатъ).

Въ послѣдніе годы вопросъ о римскомъ колонатѣ подвергся новому пересмотру, благодаря открытію новыхъ матеріаловъ, заключающихся въ найденныхъ въ Египтѣ папирусахъ, въ которыхъ оказалось много цѣнныхъ данныхъ для характеристики поземельныхъ отношеній въ африканскихъ и восточныхъ римскихъ провинціяхъ, эпохи императоровъ (I—V вѣка). Эти матеріалы использованы въ сочиненіи русскаго ученаго, проф. Ростовцева, и дали ему основаніе утверждать, что порядки, сложившіеся въ поземельномъ строѣ римскихъ провинцій, и въ особенности въ управленіи личныхъ имѣній императоровъ, оказали рѣшительное вліяніе какъ на образованіе римскаго колоната, такъ и на законодательное регулированіе его въ императорскихъ эдиктахъ. Оказывается, что въ африканскихъ провинціяхъ Рима, какъ на частныхъ земляхъ, такъ и на земляхъ римскихъ императоровъ, уже въ I вѣкѣ по Р. Х. мы застаемъ хозяйства, основанныя не на рабскомъ трудѣ, а на трудѣ колоновъ, свободныхъ арендаторовъ, обрабатывающихъ землю на условіяхъ уплаты части продукта и съ обязательствомъ помочи господскому хозяйству барщиной, распредѣленной по отдѣльнымъ моментамъ обработки земли (пахота, бороньба, жатва и т. п.).

Классъ колоновъ въ Африкѣ сначала сложился изъ сравнительно обездоленныхъ и мало познавшихъ греко-римскую гражданскую свободу элементовъ: мѣстные стипендіаріи-ветераны, бывшіе

сельскохозяйственные рабы, пролетаріатъ Италіи,—вотъ тѣ составныя части, изъ которыхъ онъ, вѣроятно, сложился. Основною причиною такой замѣны прежняго плантаторскаго хозяйства системой мелкой аренды было сокращеніе числа рабовъ и связанное съ этимъ вздорожаніе и недостатокъ рабочихъ рукъ. Но, рядомъ съ эмансипаціей прежнихъ рабовъ на частныхъ земляхъ, на земляхъ городскихъ и на земляхъ императорскихъ идетъ, однако, новое ихъ порабощеніе и притомъ двумя путями: экономически порабощаются прежде всего мелкіе арендаторы крупныхъ имѣній отдѣльныхъ богатыхъ капиталистовъ, поскольку аренда изъ краткосрочной дѣлается долгосрочной, а арендаторъ запутывается въ долговыя обязательства и гарантируетъ владѣльцу безсрочность своего пребыванія на землѣ; рядомъ съ этимъ мелкіе земельные собственники и арендаторы городскихъ земель попадаютъ въ зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, принимающую форму патроната. Какой-либо борьбы императорскаго правительства съ постепеннымъ образованіемъ зависимости сельскаго населенія отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ, мы не замѣчаемъ; отношенія складываются на чисто экономической почвѣ, при чемъ крупнымъ моментомъ въ развитіи этой зависимости является слабая защита правомъ правъ арендатора. Превращеніе свободныхъ арендаторовъ въ колоновъ и закрѣпощеніе рабовъ находило свою опору въ общей финансовой системѣ римскаго государства въ императорскую эпоху, возлагавшей на латифундіарныхъ собственниковъ всю отвѣтственность за исправное поступленіе поземельныхъ налоговъ, какъ съ земель культивированныхъ, такъ и остающихся безъ обработки. Поэтому крупные землевладѣльцы прилагали всевозможныя усилія къ тому, чтобы прикрѣпить къ землѣ всѣ наличныя рабочія силы имѣнія: какъ рабовъ, такъ и мелкихъ арендаторовъ. Здѣсь интересъ частныхъ владѣльцевъ совпадалъ съ интересами государства, ибо прикрѣпленіемъ земледѣльческаго населенія къ землѣ (въ формѣ колоната) обезпечивалась доходность имѣнія и исправное внесеніе земельными магнатами государственныхъ податей. Такъ какъ въ провинціи, какъ и въ Италіи, обязательства для римскихъ магнатовъ-землевладѣльцевъ по отношенію къ центральной власти исчерпывались уплатой поземельныхъ налоговъ и такъ какъ отдаленность большинства латифундій затруд-

няла для жителей ихъ обращеніе къ римскимъ магистратамъ и усиливала поэтому патрональныя права хозяина имѣнія, то естественно, что колоны большихъ имѣній оказались не только экономически, но и юридически тѣсно связанными съ собственниками земли. Такимъ образомъ вырастаютъ, до нѣкоторой степени, сеньоральныя права латифундіарныхъ собственниковъ: происходитъ феодализація. Подъ вліяніямъ этихъ порядковъ въ римскихъ восточныхъ и западныхъ провинціяхъ, слагаются поземельныя отношенія и въ коренной Италіи, характеризующіяся появленіямъ такой типичной формы мелкой культуры, какъ колонатъ. Какъ въ отношеніи колоната, такъ и другихъ сторонъ экономическаго быта IV вѣка наблюдается такое явленіе, что не нормы италійскаго земельнаго права подчиняютъ себѣ Востокъ и провинціи, а какъ разъ обратное: Италія растворяется въ морѣ провинціальной эволюціи, давъ ей въ свое время немногое, мало модифицировавшее укладъ провинціальной жизни и взявъ отъ нея то, что совершенно измѣнило нормы ея оригинальнаго развитія [1]).

Приведенныя воззрѣнія ученыхъ изслѣдователей освѣщаютъ съ разныхъ сторонъ вопросъ о происхожденіи римскаго колоната, при чемъ Родбертусъ не только выяснилъ соціально-экономическія причины, вызвавшія возникновеніе колоната, но, на основаніи сочиненій римскихъ писателей и императорскихъ эдиктовъ, ярко воспроизвелъ основныя черты положенія римскаго сельскаго хозяйства въ первые вѣка по Р. Х., при которомъ система мелкихъ хозяйствъ и мелкихъ арендъ являлась экономической необходимостью. Кромѣ того, Родбертусъ выяснилъ неоднородность колоната, различая въ его составѣ свободныхъ колоновъ-адскриптиціевъ и колоновъ-рабовъ. Онъ мало остановился на фактѣ превращенія въ колоновъ бывшихъ свободныхъ срочныхъ арендаторовъ, хотя самъ въ своемъ изслѣдованіи приводитъ мѣста изъ Плинія младшаго, отмѣчающія это явленіе. Зато въ сочиненіяхъ Фюстель-де-Куланжа блестяще освѣщены какъ самый фактъ перехода массы срочныхъ римскихъ

[1]) Rostowzeff. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Leipzig. Teubner 1910. (Erstes Beihef. zum Archiv fur Papyrusforschung XII+432 стр.). Въ изложеніи выводовъ изслѣдованія Г. Ростовцева о римскомъ колонатѣ мы пользовались его статьями въ журналѣ „Современный Міръ"—1911 г., книги 1-я и 2-я, „Римскій Колонатъ",—въ которыхъ онъ подробно излагаетъ содержаніе своей монографіи, вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ.

арендатовъ въ составъ колоновъ, такъ и та соціально-экономическая обстановка эпохи конца Римской имперіи, которая должна была повести къ такому преобразованію. Выводы изслѣдованій Родбертуса и Фюстель-де-Куланжа не исключаютъ, а дополняютъ одни другіе. Несомнѣнно, что въ составѣ римскаго колоната было много рабовъ, вольноотпущенниковъ и бывшихъ ветерановъ-стипендіаріевъ, но были и бывшіе свободные арендаторы. Такъ смотритъ на соціальный составъ колоната и позднѣйшій изслѣдователь этого вопроса, г. Ростовцевъ; но, въ то время какъ первые два названные ученые въ своихъ работахъ имѣли въ виду коренную Италію, а Фюстель-де-Куланжъ также и германо-романскія провинціи, г. Ростовцевъ изслѣдуетъ колонатъ въ африканскихъ и азіатскихъ провинціяхъ Римской имперіи. Въ общемъ, примыкая къ воззрѣніямъ на колонатъ Фюстель-де-Куланжа, г. Ростовцевъ, на основаніи точныхъ матеріаловъ, добытыхъ въ позднѣйшее время, чрезвычайно обстоятельно изображаетъ характеръ римской государственности въ послѣднія два столѣтія существованія Римской имперіи, ея своеобразную систему организаціи финансовъ и гнетъ податей, насколько все это вело къ закрѣпощенію народныхъ массъ и къ образованію феодальныхъ аграрныхъ отношеній, въ которыхъ колонатъ являлся только однимъ изъ звеньевъ всей системы.

Если вопросъ о происхожденіи колоната и теперь еще не окончательно исчерпанъ, то не можетъ быть, съ другой стороны, никакого сомнѣнія въ важномъ соціально-экономическомъ значеніи этого института въ послѣдніе вѣка существованія Римской имперіи. Съ появленіемъ свободнаго колоната уничтожилась рѣзкая противоположность, существовавшая между классомъ свободныхъ и рабовъ, на основѣ которой было построено античное общество. Землевладѣніе, составлявшее въ старомъ римскомъ обществѣ привилегію римскихъ гражданъ, теперь сдѣлалось доступнымъ, въ формѣ вѣчно-наслѣдственной аренды, вольноотпущенникамъ-рабамъ, изъ которыхъ въ значительной мѣрѣ формировалось сословіе колоновъ. Новое соціальное расчлененіе римскаго общества—переходъ рабовъ въ положеніе крѣпостныхъ, вмѣстѣ съ постепеннымъ превращеніемъ литифундій въ сеньоральныя княжества (см. стр. 38), указывали на образованіе внутри римскаго общества элементовъ фео-

дальнаго режима. Колонатъ пережилъ Римскую имперію и продолжалъ, въ томъ же видѣ, существовать въ основавшихся на ея развалинахъ варварскихъ государствахъ. Въ эпоху окончательнаго установленія феодализма колоны постепенно перешли въ классъ крѣпостныхъ виллановъ.

Состояніе экономическихъ знаній въ Римѣ.

Римъ далъ замѣчательныхъ писателей по земледѣлію и по вопросамъ сельскохозяйственной экономіи. Въ трудные моменты общественной жизни въ Римѣ выступали выдающіеся дѣятели въ области аграрнаго и соціальнаго законодательства, глубоко затрогивавшаго отношенія между общественными классами. Смежная съ экономическими явленіями область правовыхъ отношеній, какъ извѣстно, была тщательно изучена и формулирована въ римскомъ законодательствѣ, при чемъ римское право доведено было до такой пластической разработки, что оно сдѣлалось культурнымъ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. При такихъ серьезныхъ данныхъ для изученія экономической стороны римскаго быта, тѣсно связанной съ правовою жизнью народа, римская мысль дала, однако, въ области изслѣдованія хозяйственныхъ явленій, гораздо меньше того, что представляла въ этомъ отношеніи греческая литература.

Чѣмъ же объяснить, что римляне оставили слабый слѣдъ въ изученіи экономической стороны общественной жизни?—Римское право, несмотря на его детальную разработку, не создало почвы для развитія правильныхъ понятій въ области народнаго хозяйства, потому что оно носило классовой характеръ права одной части римскаго населенія и санкціонировало рабство; въ римскомъ правосознаніи не находилъ признанія человѣческій трудъ, какъ творческая сила въ созданіи народнаго богатства. Въ основѣ экономическихъ воззрѣній римлянъ лежало представленіе не о трудѣ, а о собственности, происхожденіе которой римскіе юристы выводили не изъ трудового начала, а изъ захвата, разсматривая ее какъ добычу, пріобрѣтенную силою и завоеваніемъ. Такое объясненіе происхожденія собственности близко стояло къ дѣйствительности, такъ какъ въ римскомъ государствѣ, слѣдовавшемъ завоевательной политикѣ, захватъ и завоеваніе играли видную роль въ

обогащеніи государства и частныхъ лицъ. Пріобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ въ Римѣ выражалось словами: «occuparе, гареге». Такъ какъ римлянамъ чуждо было понятіе о творческой силѣ труда въ созданіи хозяйственныхъ благъ, то въ римскомъ правѣ мы не находимъ признанія заработной платы какъ источника дохода, и продуктъ рабскаго труда, по отношенію къ собственнику раба, разсматривался, какъ usufructus, наравнѣ съ доходомъ отъ скота и отъ земли. Умственный трудъ въ Римѣ, повидимому, не оплачивался матеріально, но считался почетнымъ, и въ особенности пользовались въ обществѣ почетомъ занятія римскихъ юристовъ и судебныхъ ораторовъ. Понятіе о хозяйственномъ трудѣ находило нѣкоторое признаніе въ римскомъ правѣ со времени возникновенія колоната и подъ вліяніемъ христіанства; но это имѣло мѣсто въ концѣ римской исторіи, въ ту пору, когда классическое римское право, закончивъ циклъ своего развитія, было кодифицировано.

Еще и въ другомъ отношеніи римское право имѣло рѣшающее вліяніе на характеръ экономическихъ воззрѣній римлянъ. Въ немъ было строго проведено различіе между частно-правовыми и публичными отношеніями и между правомъ частнымъ и публичнымъ (jus privatum и jus publicum). Въ силу этого разграниченія, римскій гражданинъ имѣлъ неприкосновенный кругъ своихъ личныхъ правъ, твердую защиту которыхъ онъ находилъ въ органахъ судебной власти, поставленныхъ совершенно независимо отъ представителей политической власти въ странѣ. Иначе была поставлена личность гражданина въ древней Греціи, въ которой каждый гражданинъ, какъ членъ народнаго собранія, принималъ непосредственное участіе въ управленіи государствомъ, гдѣ судебныя коллегіи (нерѣдко въ 500 чел.) принимали характеръ народнаго собранія, а, въ свою очередь, народныя собранія выступали и съ судебными функціями. Сліяніе политической сферы съ частною выражалось въ томъ, что государство не ставило себѣ предѣловъ въ распоряженіи личностью и имуществомъ своихъ гражданъ а, съ другой стороны, и греческіе граждане предъявляли большія требованія къ государству для обезпеченія своего матеріальнаго существованія (содержаніе въ пританеѣ, плата за участіе въ народныхъ собраніяхъ и т. п.). Поэтому вполнѣ понятно появленіе, на почвѣ греческой общественности, сочиненія Платона, въ которомъ онъ

проектировалъ упраздненіе семьи и частной собственности, при чемъ личная жизнь гражданъ должна была совершенно слиться съ жизнью государства. Но въ Римѣ никому не могли прійти на мысль подобныя предложенія, какъ слишкомъ чуждыя основамъ юридическаго быта римлянъ.

Спустя нѣсколько столѣтій послѣ паденія Римской имперіи, усвоенное западно-европейскими народами римское право, какъ само по себѣ, такъ и черезъ посредство возникшей на его почвѣ школы естественнаго права, оказало видное вліяніе на направленіе экономической мысли. Слѣды этого вліянія можно отмѣтить въ ученіяхъ физіократовъ и индивидуалистической школы экономистовъ въ Англіи.

Въ ряду сочиненій римскихъ писателей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ вопросамъ народнаго хозяйства, первое мѣсто занимаютъ «scriptores de re agraria» и «scriptores de re rustica». Сочиненія первой категоріи («De re agraria) посвящены чисто техническимъ вопросамъ земледѣлія и принадлежатъ коллегіи римскихъ землемѣровъ, на которыхъ была возложена задача таксаціи земель, измѣреніе и опредѣленіе ихъ стоимости. Несравненно большій интересъ для характеристики экономическихъ воззрѣній римлянъ представляютъ сочиненія писателей «De re rustica», которыя посвящены вопросамъ сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной экономіи, но затрогиваютъ и нѣкогорые общіе вопросы народнаго хозяйства. Сочиненія эти относятся къ тому времени, когда въ римской жизни обнаружились несомнѣнные признаки упадка, поэтому въ нихъ красною нитью проходитъ указаніе на тѣ условія экономическаго быта римлянъ, которыя вели къ экономическому упадку страны. Писатели по земледѣлію обращаютъ вниманіе общества на опасность, какою грозитъ Риму ростъ латифундій, вытѣсненіе ими мелкихъ собственниковъ, рабскій трудъ и чрезвычайное развитіе ростовщичества.

Въ ряду писателей этой категоріи самое видное мѣсто занимаютъ Катонъ старшій (род. въ 234 г., ум. 149 г. до Р. Х.), Варронъ (род. 116 и ум. 37 г. до Р. Х.) и Колумелла (род. въ 42 г. по Р. Х.).

Сочиненіе Катона (De re rustica) носитъ характеръ руководства и справочника по сельскому хозяйству, при чемъ Катонъ имѣетъ въ виду крупныя имѣнія и самъ цѣликомъ проникнутъ интересами крупныхъ собственниковъ. Въ этомъ сочиненіи Катонъ преподаетъ

практическія указанія о томъ, какъ слѣдуетъ устраивать имѣніе, какія естественныя данныя оно должно представлять, чтобы въ немъ выгодно было вести хозяйство, какія культуры и при какихъ условіяхъ наиболѣе прибыльны. Катонъ писалъ въ ту пору, когда пріобрѣтенный въ заморскихъ завоеваніяхъ капиталъ направился на покупку итальянскихъ земель и сталъ поглощать деревни и мелкіе старинные надѣлы. Идя навстрѣчу жаждѣ скупки земель среди богатыхъ классовъ, Катонъ преподаетъ много совѣтовъ о томъ, гдѣ всего выгоднѣе купить имѣніе и на что слѣдуетъ обращать вниманіе при покупкѣ. Катонъ совѣтуетъ пріобрѣтать имѣніе поближе къ большому городу, на судоходной рѣкѣ, или у моря, или недалеко отъ большой дороги—ради удобства сбыта своихъ продуктовъ и пріобрѣтенія орудій для хозяйства; надо еще смотрѣть, чтобы это было въ области, гдѣ легко достать рабочихъ, необходимыхъ въ горячее время; желательно, чтобы на покупной землѣ уже были налицо постройки, орудія, скотъ, посуда и проч., чтобы не тратить сразу много на первоначальное обзаведеніе. Въ основу сочиненія Катономъ положено описаніе своихъ имѣній, въ которыхъ онъ, какъ хозяинъ-любитель, примѣнялъ пріемы культуры, составлявшіе послѣднее слово тогдашней техники. Онъ подробно излагаетъ наиболѣе практичные способы вспашки полей, плодосмѣна, удобренія и дренажа. Нѣкоторые изъ этихъ техническихъ пріемовъ, рекомендуемыхъ Катономъ, были общепринятыми въ Италіи, но нѣкоторые онъ заимствовалъ изъ опыта другихъ странъ и примѣнилъ въ своемъ имѣніи, судя по тому, что въ перечнѣ плодовыхъ деревьевъ, рекомендуемыхъ имъ, встрѣчаются произведенія греческой, африканской и испанской культуръ. Всѣ его технические совѣты строго согласованы съ требованіями экономической выгодности. Дѣлая подсчетъ экономической прибыльности разныхъ культуръ для своего времени, Катонъ располагаетъ ихъ по степени уменьшающейся доходности въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) виноградники, 2) садъ или огородъ подъ искусственнымъ орошеніемъ, 3) плантаціи лозы, въ качествѣ матеріала для плетенія корзинъ и для подпорокъ винограда, 4) оливковыя плантаціи, 5) луга и сѣнокосы, 6) засѣянныя хлѣбомъ поля, 7) лѣсъ дровяной, лѣсъ строевой и дубовый (послѣдній предназначался для корма свиней желудями). Изъ этой схемы видно, что уже во времена Катона хлѣбопашество въ Ита-

ліи, вслѣдствіе конкуренціи иностраннаго хлѣба, было одною изъ наименѣе выгодныхъ культуръ и ниже стояло по своей доходности скотоводства, судя по болѣе высокой прибыльности сѣнокосовъ. Катонъ считалъ не только хорошее скотоводство, но даже и среднее и плохое болѣе выгоднымъ, чѣмъ хлѣбопашество. Катонъ является фанатическимъ сторонникомъ интенсивной культуры. Болѣе всего въ своемъ трактатѣ онъ занимается устройствомъ двухъ образцовыхъ фермъ: одной—виноградной, въ 100 югеровъ (25 десятинъ) и другой—оливковой, въ 240 югеровъ (60 десятинъ). Вино и масло готовятся исключительно на сбытъ, и выгода отъ ихъ продажи на рынкѣ должна оправдать вложенный въ посадки и прививки капиталъ. Судя по описанію Катона, въ крупныхъ римскихъ имѣніяхъ дѣлались большія затраты на пріобрѣтеніе мертваго инвентаря, посуды для вина, металлическихъ земледѣльческихъ орудій, прессовъ для выжиманія масла изъ оливокъ (trapetus) и т. п.

Всѣ хозяйственныя соображенія Катона проникнуты мелочнымъ коммерческимъ разсчетомъ и римскою скупостью. Эти начала въ особенности ярко выступаютъ въ разсужденіяхъ Катона о примѣненіи рабочей силы и эксплоатаціи трудовой силы рабовъ. Онъ настаиваетъ на крайнемъ напряженіи ихъ работы. Никогда они не должны оставаться безъ дѣла. Даже въ праздники имъ не должно быть отдыха; обойти религіозный запретъ работы въ праздникъ не трудно: надо только придумать не предусмотрѣнный заповѣдью вида труда. «Надо помнить, что, когда ничего не дѣлается въ хозяйствѣ, расходъ на него все-таки идетъ».

Но тотъ же экономическій разсчетъ внушаетъ Катону иное отношеніе къ свободнымъ рабочимъ, въ которыхъ во времена Катона еще нуждались крупные собственники, пока ихъ трудъ не былъ вытѣсненъ трудомъ рабовъ. Катонъ совѣтуетъ покупателю имѣнія сразу стать въ добрыя отношенія къ сосѣднимъ крестьянамъ: если будешь хорошъ съ ними, тебѣ легче будетъ продать продукты своего производства, сдать аренду, нанимать рабочихъ; если нужно будетъ тебѣ строиться, они охотно помогутъ работой, дадутъ подводы, навезутъ лѣсу. Въ своемъ сочиненіи Катонъ обрисовывается какъ типичный представитель крупныхъ собственниковъ, любившій земледѣліе, чуждый массы нравственныхъ недостатковъ своихъ современниковъ, честный, бережливый, но котораго умственный кругозоръ

не выходилъ за предѣлы стремленій и пожеланій людей его сословія, поэтому и всѣ явленія хозяйственной жизни онъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія интересовъ класса латифундіарныхъ собственниковъ.

Два другіе писателя по вопросамъ «De re rustica» или «De agri cultura», Варронъ и Колумелла, жили преемственно: первый въ самомъ концѣ республиканскаго періода, а второй въ началѣ императорскаго періода. Въ эту пору, по свидѣтельству этихъ же писателей, сельское хозяйство въ латифундіяхъ достигло самой высокой степени интенсивности. На ряду съ тѣми культурами, о которыхъ писалъ Катонъ, въ имѣніяхъ магнатовъ, въ соотвѣтствіи съ изысканными запросами самихъ владѣльцевъ и столичнаго рынка, устраиваются птичные дворы, съ искусственнымъ выкармливаніемъ птицы и дичи, загоны и парки для дичи и рыбные садки. Эти отрасли сельскаго хозяйства, равно какъ параллельно развитое садоводство, цвѣтоводство и огородничество, прежде всего требовали тщательнаго и интенсивнаго рабочаго труда, котораго можно было добиться отъ рабовъ, благодаря только тѣмъ исключительнымъ пріемамъ, въ которыхъ такъ были изощрены римскіе рабовладѣльцы при организаціи и управленіи рабами. Варронъ и Колумелла являются своего рода теоретиками рабскаго хозяйства. Оба они въ своихъ трактатахъ отводятъ очень много мѣста вопросамъ организаціи и дисциплины рабовъ. Въ результатѣ, тотъ и другой писатель даютъ цѣлые кодексы объ управленіи рабами, въ которыхъ приводятся способы использованія до конца всей трудовой силы рабовъ, но при этомъ особенное вниманіе удѣляется организаціи надзора надъ рабами, пріемамъ ихъ наказанія и поощренія, устройству подземной тюрьмы для штрафованныхъ рабовъ или склонныхъ къ побѣгу и т. п. Здѣсь собраны не только тѣ указанія, какія выработала практика рабскаго хозяйства въ Италіи, но приводятся совѣты, почерпнутые у карѳагенскихъ писателей изъ практики болѣе древнихъ рабовладѣльческихъ государствъ. И Варронъ и Колумелла широко использовали въ своихъ сочиненіяхъ многочисленные трактаты извѣстнаго карѳагенскаго писателя по сельскому хозяйству Маго, являвшагося сторонникомъ плантаторской системы хозяйства, поэтому оба эти римскіе писатели въ отношеніи строя рабовладѣльческаго хозяйства, естественно, находились подъ вліяніемъ Маго. Въ изложеніи Варрона принята особая терми-

нологія, выработанная практикой рабскаго хозяйства. Въ хозяйствѣ, говоритъ онъ, можно различать три вида орудій (instrumenta): нѣмое—повозки, полугласныя—скотъ и одаренныя голосомъ (instrumentum vocale)—рабы. Колумелла въ видахъ успѣшности труда рекомендуетъ строго раздѣлить рабовъ по спеціальностямъ: пахарей, работающихъ въ виноградникахъ, масличныхъ плантаціяхъ, на винномъ погребѣ и т. п. Въ то же время для поддержанія дисциплины, по совѣту Колумеллы, рабы должны быть раздѣлены на десятки (декуріи). Онъ совѣтуетъ не разсѣивать ихъ по два-три человѣка, иначе невозможенъ за ними строгій надзоръ. Утромъ, подъ предводительствомъ сторожей, вооруженныхъ бичами и остроконечными палками, рабы выходятъ на работу; верхняя одежда складывается вмѣстѣ и оберегается особымъ надсмотрщикомъ. Жена надзирателя завѣдуетъ общей кухней и больницей. Не годится, чтобы между рабами было много единоплеменниковъ: отъ этого больше всего возникаетъ домашнихъ непріятностей.

Но, на ряду съ этими правилами ортодоксальнаго рабовладѣнія, у Варрона и Колумеллы проскальзываютъ черты болѣе гуманнаго отношенія къ несвободной рабочей массѣ. Варронъ говоритъ, что начальники надъ рабами (villici) должны быть грамотны и воздержаны; они должны быть хорошо знакомы съ сельскими работами, чтобы умѣть дѣйствовать собственнымъ примѣромъ, чтобы подчиненные видѣли, что они превосходятъ ихъ знаніемъ. Поменьше ударовъ; больше они должны вліять словами, если только можно чего-нибудь такимъ образомъ достигнуть. Господинъ долженъ позаботиться, чтобы рабы не имѣли недостатка въ одеждѣ и чтобы другія потребности ихъ были удовлетворены. У нихъ слишкомъ много начальства: надо повиноваться управляющимъ, надсмотрщикамъ, тюремнымъ сторожамъ, а потому они часто терпятъ несправедливость; и они гораздо страшнѣе, когда раздражены жадностью и жестокостью служащихъ. Внимательный господинъ долженъ освѣдомиться у нихъ самихъ и у рабовъ не скованныхъ, которые заслуживаютъ болѣе довѣрія, все ли надлежащее они правильно получаютъ; онъ пробуетъ ихъ пищу, осматриваетъ платье. Надо имъ также позволить жаловаться на тѣхъ, кто притѣсняетъ или обманываетъ ихъ (Колумелла).

Оба названные писателя сознаютъ преимущество свободнаго труда, въ отношеніи его производительности, передъ рабскимъ.

Варронъ совѣтуетъ исполнять болѣе трудныя и сложныя работы въ сельскомъ хозяйствѣ наемными рабочими. Онъ выражаетъ увѣренность, что дѣятельность свободныхъ гражданъ, мелкихъ собственниковъ, отмѣченная заслуженнымъ почетомъ въ общественныхъ дѣлахъ, будетъ не менѣе плодотворна и въ области земледѣлія. Колумелла, оцѣнивая особенности, достоинства и недостатки, крупныхъ и мелкихъ хозяйствъ, видитъ всѣ преимущества на сторонѣ послѣднихъ и указываетъ на то зло, какимъ является при латифундіарномъ хозяйствѣ абсентеизмъ ихъ владѣльцевъ.

Сочиненіе Варрона было написано имъ въ большой старости, на восьмидесятомъ году жизни. Цѣль Варрона была—пробудить въ массѣ простыхъ гражданъ прежнюю любовь его къ занятію земледѣлемъ и простому образу жизни въ деревнѣ, которая постоянно давала Риму людей, здоровыхъ тѣломъ и сильныхъ любовью къ отечеству. Ему, уроженцу Сабинскихъ горъ, больно было видѣть, какъ запускается въ Италіи хлѣбопашество и она должна была прокармливаться хлѣбомъ Сардиніи и Африки; какъ деревенскіе жители, оставляя косу и плугъ, стремятся селиться въ городахъ и своими здоровыми руками, созданными для работъ въ полѣ и виноградникахъ, предпочитаютъ или бываютъ вынуждены дѣйствовать въ циркѣ и театрѣ [1]).

Въ ряду другихъ римскихъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ встрѣчается много сужденій по экономическимъ вопросамъ, надо отмѣтить Плинія старшаго и Цицерона. Плиній старшій (род. въ 23 г. по Р. Х., ум. въ 79 г. въ Помпеѣ, при изверженіи Везувія) въ сочиненіи «Naturalis historia», въ которомъ 17, 18 и 19 книги трактуютъ объ уходѣ за деревьями, о полевыхъ и садовыхъ культурахъ, приводитъ много соображеній объ условіяхъ экономической выгодности разныхъ способовъ земледѣльческой культуры. У римлянъ существовала поговорка: «Менѣе всего выгодно обрабатывать поле наилучшимъ образомъ, при этомъ съ пашней лучше управляться при дурныхъ средствахъ». Плиній съ изумленіемъ приводитъ эту поговорку, но и онъ полагаетъ, что «хорошо обрабатывать землю—необходимо, обрабатывать же наилучшимъ образомъ—убыточно». Въ этихъ замѣчаніяхъ ясно обозначилась мысль, состав-

[1]) В. И. Модестовъ. Лекціи по исторіи римской литературы. Полное изданіе. Спб. 1888 г. Стр. 354.

ляющая одно изъ основныхъ положеній современной сельскохозяйственной экономіи, что самыя совершенныя системы земледѣлія не при всякихъ условіяхъ мѣста и времени являются экономически выгодными. Раздѣляя со всѣми римлянами симпатіи къ сельскому хозяйству, онъ полагалъ, что крупныя хозяйства приносятъ больше чистаго дохода сравнительно съ мелкими; но это не мѣшало ему указать на опасность, представлявшуюся въ господствѣ латифундій, обрабатывавшихся рабскимъ трудомъ (latifundia perdidere Italiam). Плиній ясно сознавалъ всю непроизводительность рабскаго труда. Противопоставляя современной ему дѣйствительности то счастливое время, когда римскія поля обрабатывались руками свободныхъ гражданъ, Плиній говоритъ: «Теперь же работаютъ то же самое со скованными ногами, связанными руками и клейменымъ лицомъ, а мы удивляемся, что нѣтъ такой прибыли отъ невольничьяго труда, какая была отъ личнаго, владѣльческаго. Обрабатывать землю рабами всего хуже, и къ этому прибѣгаютъ не надѣющіеся на себя».

Цицеронъ (род. 106 г., ум. 44 г. до Р. Х) былъ хорошо знакомъ съ произведеніями греческихъ писателей и перевелъ на латинскій языкъ экономическую часть сочиненій Ксенофонта. Въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ (De officiis, Pro domo sua, De re publica и др.), среди разсужденій по вопросамъ философіи, морали и политики, встрѣчается много экономическихъ воззрѣній, проникнутыхъ особенною симпатіей къ земледѣлію, какъ самому благородному и здоровому изъ хозяйственныхъ занятій. Цицеронъ высказываетъ свои мнѣнія о цѣнѣ, деньгахъ, раздѣленіи труда. Занимая видныя должности въ управленіи римскаго государства, Цицеронъ вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ въ центрѣ крупнѣйшихъ предпріятій римскихъ откупщиковъ и банкировъ. Онъ превосходно былъ освѣдомленъ о ходѣ дѣлъ римскихъ капиталистовъ въ провинціяхъ и, какъ ораторъ и судебный защитникъ, всегда стоялъ на стражѣ коммерческихъ интересовъ римскихъ дѣловыхъ людей, откупщиковъ и негоціантовъ, въ особенности когда въ провинціяхъ востока и запада угрожала опасность римскимъ капиталамъ, вслѣдствіе временнаго ослабленія военной мощи римскаго оружія. Когда Цицерону приходится говорить о римской провинціи, онъ всегда имѣетъ въ виду только откупщиковъ, крупныхъ и мелкихъ ростовщиковъ, агентовъ римскихъ банковъ, крупныхъ арендаторовъ

и поставщиковъ на войско и ихъ служебный персоналъ (publicani, negotiatores, missi in operas, pecuarii, ceteri negotiatores)— онъ почти забываетъ, что тамъ жили и римскіе колонисты-земледѣльцы. Отношенія его къ капиталистическому классу (equester ordo) проникнуты чувствами, граничащими съ благоговѣніемъ. Въ одной изъ своихъ защитительныхъ рѣчей Цицеронъ, выхваляя своего кліента, одного изъ крупнѣйшихъ по богатству представителей капиталистическаго класса всадниковъ, говоритъ: «Онъ велъ массу дѣлъ, получилъ множество концессій, владѣлъ большими паями, вложенными въ эксплоатацію казенныхъ статей; онъ давалъ взаймы народамъ; въ большинствѣ провинцій положены были его капиталы; наконецъ, онъ кредитовалъ царей!»

Характеризуя Цицерона какъ защитника классовыхъ интересовъ римскихъ капиталистовъ, профессоръ Виппперъ говоритъ: «Кажется, ни въ одной литературѣ нельзя найти такого горячаго панегирика представителямъ капитала, такой сантиментальной разрисовки ихъ дѣятельности, ихъ безпощаднаго, по временамъ страшнаго дѣла». При упоминаніи о нихъ Цицеронъ непремѣнно прибавитъ: homines honestissimi et ornatissimi—первостатейные, многочтимые люди. «Могучій и великій откупщикъ»,—говоритъ онъ про одного изъ финансовыхъ князей, отца Рабирія. «Боги безсмертные, какіе это были люди,—вспоминаетъ онъ публикановъ и банкировъ недавняго прошлаго,—отцы наши, дѣятели того поколѣнія, которое составляло важнѣйшую силу въ государствѣ и держало въ своихъ рукахъ политическіе суды». «Въ корпораціи откупщиковъ»,—говоритъ онъ въ рѣчи pro Plancio,—заключенъ цвѣтъ римскаго всадничества, украшеніе государства, они образуютъ основной столпъ республики» [1]).

Какой рѣзкій контрастъ представляетъ это отношеніе замѣчательнаго римскаго писателя къ сферѣ торгово-промышленныхъ оборотовъ и ея представителямъ съ воззрѣніями на промышленную дѣятельность и ссудныя операціи греческихъ мыслителей— Ксенофонта, Платона и Аристотеля!

Противъ увлеченія спекуляціями и денежной наживой въ Римѣ раздавались протесты, но только въ сочиненіяхъ римскихъ

---

[1]) Виппперъ. Очерки исторіи Римской имперіи, стр. 132.

сатириковъ Луцилія, Ювенала, Горація и другихъ. Но писатели эти, конечно, далеки были отъ мысли дать соціально-экономическую оцѣнку римскаго капитализма, а разсматривали соотвѣтствующія явленія экономическаго быта съ точки зрѣнія морали. Горацій, напримѣръ, негодуетъ противъ ходячаго въ его время лозунга: «Граждане, прежде всего обогащайтесь: сначала капиталъ, а потомъ добродѣтель!» Онъ также нападаетъ на культъ капитала (regina pecunia), который доставляетъ человѣку жену, приданое, друзей и кредитъ, возводитъ его въ высшее званіе и заставляетъ вѣрить всѣхъ въ красоту, краснорѣчіе и прочія достоинства его обладателя. Но и самъ Горацій могъ отстоять свою личность, спасаясь подъ кліентуру знатнаго вельможи и богача Мецената.

Сенека (род. 54 г. до Р. Х., ум. 39 г. по Р. Х.). Особое положеніе среди римскихъ писателей въ воззрѣніяхъ на основы римскаго хозяйства занимаетъ философъ Сенека, какъ принципіальный противникъ института рабства. Во времена упадка нравовъ, когда политическіе идеалы были утеряны и римское государство теряло свою мощь и величіе, Сенека въ своемъ философскомъ ученіи открываетъ новыя цѣнности, которыя должны дать новое содержаніе человѣческой жизни, заключающееся въ моральной силѣ человѣка, не сокрушимой никакими внѣшними вліяніями. Ученіе о значеніи человѣческой личности, по своей моральной высотѣ, сливается съ христіанскимъ ученіемъ. Сенека говоритъ, что добродѣтель ни передъ кѣмъ не закрыта, она всѣхъ приглашаетъ къ себѣ: свободорожденныхъ, отпущенниковъ, царей, изгнанниковъ и рабовъ. Мудрость, какъ высшая добродѣтель, можетъ быть достояніемъ не только всякаго свободнаго человѣка, какъ бы низко онъ ни стоялъ на общественной лѣстницѣ, но и раба. Тотъ, котораго мы называемъ рабомъ,—человѣкъ, рожденный отъ того же сѣмени, какъ и ты, питается однимъ съ тобою воздухомъ; такъ же, какъ и ты, дышитъ; такъ же живетъ и одинаково умираетъ.

Принципы, высказанные Сенекою въ началѣ нашей эры о значеніи человѣческой личности, о равенствѣ всѣхъ людей передъ закономъ, легли въ основу экономическихъ и политическихъ ученій новаго времени.

Литература по исторіи хозяйства и экономическихъ воззрѣній римлянъ. Моммзенъ. Римская исторія, русск. перев., изданіе Солда-

тенкова. Проф. Р. Виппер. Очерки исторіи Римской имперіи. М. 1908. (Въ этомъ изслѣдованіи видное мѣсто отведено авторомъ характеристикѣ особенностей экономическаго быта римлянъ, системы финансоваго управленія и римскихъ откуповъ). 1887 г., т. 1—5. Max Weber. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für den Staats- und Privatrecht. Stuttgart. 1891. Его же Agrargeschichte Alterthums Roms. Handwörterbuch d. Staatswissenschaften. 3. Aufl. Karl Hoffmeister. Die wirthschaftliche Entwicklung Roms. Eine socialpolitische Studie. Wien. 1899. И М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во времена имперіи). Т. I. Спб. 1899. М. Ростовцевъ. Исторія государственнаго откупа въ римской исторіи (отъ Августа до Діоклитіана). Спб. 1899. Его же Studien zur Geschichte des romischen Kolonats. Leipz., Teubner, 1910. Dureau de la Male. Economie politique des romains. Paris. 1840. 2 тома. А. Гусаковъ. Деликты и договоры, какъ источники обязательствъ въ системѣ цивильнаго права древняго Рима. М. 1896. Азаревичъ. Патриціи и плебеи въ Римѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Т. I и II. М. 1875. Генрихъ Буль. Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. Русск. пер. Одесса. 1897. Родбертусъ-Ягетцовъ. Къ исторіи развитія поземельныхъ отношеній во времена императоровъ, или адскриптиціи, инквилины и колоны. Переводъ подъ ред. И. Т. Тарасова. Ярославль. 1880 г. Тоже. Къ исторіи рискихъ трибутныхъ податей со времени Августа. Ярославль. 1881. Heisterberg. Entstehung des Colonats. Lpz. 1876. Fustel de Coulanges. Recherches sur quelques problèmes d'histoire. Paris. 1885. Его же. Alleu et le domaine rural pendant de l'époque mérovingienne. P. 1889. Henry Pelham. The imperiale domains and the colonate. L. 1890. Кеннингемъ. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. (Древній міръ). Пер. съ англ. М. 1902 г. П. Виноградовъ. Аграрный кризисъ въ Римской имперіи. Научное Слово, кн. VII. 1904 г., гдѣ приведены вновь открытыя въ 1897 г. въ Туннисѣ надписи, указывающія на развитіе колоната въ императорскихъ имѣніяхъ съ первой половины 2 в. по Р. Х. Его же происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи. Спб. 1880. Филологическое Обозрѣніе 1900 г., кн. 2. Fleischmann. Altgermanische und altrömische Agrarverhältnisse in ihren Beziehung und Gegensatze. Leipz. 1906.

H. v. Scheel. Die wirthschaftlichen Grundbegriffe im Corpus juris civilis. Jahrbücher f. Nationalökonomie. Hildebrand. 1866. Paul Oertmann. Die Volkswirthschaftlehre des Corpus juris civilis. Berlin. 1891. В. И. Модестовъ. Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ. Полное изданіе. Спб. 1888. Изданіе Пантелѣева. Маркъ Порцій Катонъ (старшій). Текстъ его сочиненія De re rustica въ изданіяхъ Scriptores rei rusticae. Новѣйшее изданіе, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Варрона, Кейля. Лейпцигъ 1884, у Тейбнера. M. Porcius Cato. «De agricultura». «De re rustica». Зедергольмъ. О жизни и сочиненіяхъ Катона старшаго. М. 1857. Marc. Varron. De re rustica, 13 кн. Изд. Keil. Lpz. 1884 и 1889 г. И. В. Помяловскій. М. Теренцій Варронъ Реатинскій и Мениппова сатура. Спб. 1869. Гастонъ Буасье. Etude sur la vie et les ouvrages de M. T. Varron. Paris 1861. Columella «De re rustica». съ приложеніемъ «De arboribus», перев. на нѣмецк. Курціуса 1769 г., французскій пер. 1846 г. A. Onken. Geschichte der Nationalokonomie. I Theil. Leipz. 1902, а также курсы по исторіи политической экономіи Бланки, Каутца и Л. Косса. Сенека. Переводъ на русск. языкѣ его писемъ—Александра Мельгунова. Москва. 1783 года. Veller. Drei Abhandlungen zur Geschichte d. alten Philosophie und ihres Verhaltnisses zum Christenthum. Leipzig. 1876.

СРЕДНІЕ ВѢКА.

Связь среднихъ вѣковъ съ древнимъ періодомъ исторіи. Культурная роль католической церкви. Средніе вѣка, и по своему названію, и по своему значенію, являются промежуточною стадіей между античнымъ и новымъ періодомъ человѣческой исторіи. Преемственность въ развитіи человѣческой исторіи въ средніе вѣка выразилась въ томъ, что начала античной культуры, и въ складѣ бытовыхъ отношеній, и въ области мысли, являлись однимъ изъ вліятельныхъ элементовъ, положившимъ свой отпечатокъ на зарождавшіяся новыя формы общественности, въ которыя выливалась жизнь средневѣковыхъ народовъ. Съ этой стороны, названіе періода въ исторіи народовъ Европы отъ VI до половины XV в. средневѣковымъ считается вполнѣ обоснованнымъ, такъ какъ онъ дѣйствительно, послѣ античнаго періода, является второю стадіей исторической эволюціи, подготовившей тотъ укладъ жизни европейскихъ народовъ, который мы затѣмъ наблюдаемъ въ новое время. Но въ то время, какъ процессъ общественнаго и духовнаго развитія человѣчества непрерывно продолжается, позволяя прослѣдить преемственность началъ греческой и римской культуры съ первыхъ моментовъ средневѣковаго періода, народы и расы, дѣйствующіе на исторической сценѣ, мѣняются. Средневѣковый періодъ въ исторіи человѣчества открывается выступленіемъ на историческое поприще цѣлой серіи новыхъ народовъ Западной Европы, только-что начинающихъ свою жизнь въ тѣхъ примитивныхъ формахъ натуральнаго хозяйства, которыя гораздо раньше пройдены были античными народами, поэтому собственно для европейскихъ народовъ германо-романскаго міра начальный періодъ среднихъ вѣковъ является ихъ древнею исторіей.

Хотя новые народы съ первыхъ шаговъ своей исторіи жили своею самобытною жизнью, проявившеюся во всемъ складѣ ихъ

общественныхъ, экономическихъ и юридическихъ отношеній, но тѣ вліянія, которыя исходили изъ культурнаго наслѣдства греко-римскаго періода, сразу положили свой неизгладимый отпечатокъ на общій характеръ соціальныхъ отношеній въ средніе вѣка и, можно сказать, предрѣшали нѣкоторыя существенныя черты средневѣковаго быта. Греко-римская культура захватывала своимъ вліяніемъ новые народы въ трехъ проявленіяхъ: 1) въ ея вещественныхъ остаткахъ и римскихъ учрежденіяхъ, которые сохранились на территоріи Западной Европы со времени римскаго господства, 2) въ христіанской проповѣди римско-католической церкви и 3) въ произведеніяхъ римской литературы, относящихся къ области права, философіи, исторіи, сельскаго хозяйства и т. п.

Прежде всего надо отмѣтить, что значительная часть народовъ Западной Европы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ находилась подъ римскимъ управленіемъ въ качествѣ римскихъ провинцій. Въ такомъ положеніи находились Галлія, Германія, Бельгія, Великобританія и Испанія. Въ этихъ областяхъ жили римскіе намѣстники, первою заботою которыхъ было устройство укрѣпленій и городовъ, какъ опорныхъ пунктовъ римскаго владычества; для обезпеченія связи съ Римомъ они устраивали по римскому образцу пути сообщенія, шоссированныя дороги, почты. Подобно тому, какъ это практикуется въ наше время при проведеніи линій желѣзныхъ дорогъ черезъ малонаселенныя страны Сибири, Канады и т. п., и въ римскихъ въ провинціяхъ вдоль большихъ дорогъ поселялись на общественныхъ земляхъ (ager publicus) колонисты и ветераны, на которыхъ возлагалась обязанность охраны безопасности движенія отъ нападеній туземцевъ и разбойниковъ. На мѣстахъ такихъ поселеній возникли многіе торговые пункты и города. Кромѣ того, всѣ завоеванные народы были подчинены римской системѣ управленія въ военномъ и податномъ дѣлѣ и т. п. По мѣрѣ того какъ связь этихъ провинцій съ Римомъ крѣпла, ихъ города получали права римскихъ муниципій и обстраивались по примѣру римскихъ городовъ: въ нихъ возводились общественныя зданія, съ мозаичными полами, украшенныя статуями, сооружались цирки, водопроводы, римскія бани, заводились товарищества торговцевъ (collegia mercatorum) и т. п. Цѣлый рядъ городовъ, основанныхъ римлянами въ качествѣ укрѣпленныхъ пунктовъ и военныхъ стоянокъ—Парижъ (Lutetia Pa-

risiorum), Марсель (Massilia), Лионъ, Нарбона (civitas Narbonensium), Кельнъ (civitas Agripinensium), Майнцъ, Метцъ (Mediomatrici), Триръ (civitas Trivirorum), Реймсъ (civitas Remorum), Безансонъ (Sequanes) и др.,—потомъ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, выросли въ крупные культурные центры сосредоточія промышленности, торговли, религіозной и умственной жизни. Во времена Августа въ Галліи считалось 64 городскихъ общины, а въ V вѣкѣ число городовъ (civitates) доходило до 125 [1]). Нѣкоторые изъ римскихъ городовъ отличались многочисленностью населенія и являлись своего рода мѣстными римскими столицами. Такое значеніе имѣлъ, напримѣръ, Триръ (civitas Augusta Trivirorum) для западной Галліи, Лионъ—для южной ея части. Триръ, съ населеніемъ до 60 тысячъ, имѣлъ полное городское благоустройство по римскому образцу: храмы, грандіозный циркъ, водопроводъ, бани [2]), базилики, форумъ и даже императорскій дворецъ, въ которомъ иногда останавливался императоръ Константинъ, въ періодъ времени съ 306—312 года, и нерѣдко устраивалъ тамъ торжественныя празднества. Трирскій амфитеатръ, по своимъ размѣрамъ, мало уступалъ римскому; въ немъ было 57,000 мѣстъ для зрителей. Амфитеатръ города Нима (civitas Nemausus) устроенъ былъ на 24,000 зрителей, имѣлъ 133 метра въ длину, съ 60 входами и четырьмя главными воротами. Городъ Арль (Arelate) на нижней Ронѣ также являлся административнымъ и торгово-промышленнымъ центромъ для обширнаго прилегающаго къ нему раіона. Его амфитеатръ вмѣщалъ 25,000 зрителей. Нѣкоторые римскіе города являлись центрами разныхъ промысловъ. Напримѣръ, Лионъ тогда уже славился своими шелковыми издѣліями, Триръ—стекляннымъ производствомъ. Паденіе этихъ городовъ началось съ конца IV вѣка, а рѣшительный ударъ ихъ существованію былъ

---

[1]) Julius Jung. Die römischen Landschaften des römischen Reiches. Insbrouk. 1881 г., стр 44, 135, 136, 218, 255 и друг.

[2]) Уходъ за чистотой тѣла составлялъ необходимое требованіе гигіены обыденной жизни каждаго римлянина: какъ только гдѣ-нибудь поселялся римлянинъ, тамъ проводился водопроводъ и непремѣнно бани. То же имѣло мѣсто и по отношенію къ римскимъ легіонамъ: гдѣ поселялись римскіе войска, тамъ начинались поиски источниковъ воды и затѣмъ устраивались бани съ теплой и холодной водой (tepidarium et calidarium). Названія многихъ современныхъ городовъ Западной Европы ведутъ свое начало отъ этихъ открытыхъ еще римлянами источниковъ воды: Баденъ-Баденъ (Aquae Aureliae, civitas Aurelia Aquensium), Висбаденъ (римскія—Aquae Matiacae, Баденъ—возлѣ Цюриха (Aquae).

нанесенъ франкскимъ королемъ Хлодвигомъ въ 486 году, когда, при Суасонѣ, войска римскаго намѣстника были разбиты и вся Галлія окончательно отрѣзана отъ Рима. При послѣдующихъ нашествіяхъ варваровъ многія изъ римскихъ сооруженій были частью разрушены, и развалины ихъ сами по себѣ мало говорили уму и чувству варварскихъ народовъ. Но эти вещественные остатки римской культуры, какъ равно и все духовное наслѣдство римской жизни въ наукѣ и литературѣ, нашли своихъ пропагандистовъ и истолкователей въ лицѣ римско-католической церкви и средневѣковаго монашества.

Значеніе католической церкви для средневѣковой общественности было огромно, прежде всего насколько ея дѣятельность проявилась въ проповѣди христіанскихъ идей. Благодаря христіанской религіи, въ средневѣковомъ обществѣ рабство сдѣлалось невозможнымъ. Хотя въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ у всѣхъ народовъ среди зависимыхъ классовъ общества мы застаемъ и рабовъ, но существованіе этого класса было подкошено католическою церковью, и, подъ ея вліяніемъ, отношенія зависимыхъ земледѣльческихъ классовъ выливаются въ форму колоната, т. е. тотъ режимъ въ эксплоатаціи труда, который, какъ мы видѣли, былъ господствующимъ въ послѣдніе вѣка существованія Римской имперіи. Историческое значеніе колоната, какъ формы землевладѣнія зависимыхъ классовъ, заключалось въ томъ, что онъ, являясь въ области развитія поземельныхъ отношеній связующимъ звеномъ съ римской культурой, послужилъ для новыхъ западно-европейскихъ народовъ среднихъ вѣковъ временнымъ этапомъ къ послѣдующему освобожденію земледѣльческихъ классовъ. На ряду съ отрицательнымъ отношеніемъ къ рабству, католическая церковь подняла уваженіе къ хозяйственному труду. Въ монастырскомъ обиходѣ физическій трудъ поставленъ былъ на степень религіознаго подвига, а это возвышало личность трудящагося въ самыхъ низкихъ слояхъ общества. Вмѣстѣ съ проповѣдью безмезднаго труда для монашества, церковь ввела во всеобщій обиходъ ограниченія продолжительности труда зависимыхъ классовъ, защищая ихъ отдыхъ установленіемъ празднованія воскресныхъ дней и дней, посвященныхъ памяти наиболѣе чтимыхъ святыхъ. Въ то же время проповѣдь католической церкви противъ многоженства вносила улучшеніе въ судьбѣ женщинъ, сравнительно

съ античнымъ, языческимъ періодомъ, и подготовляла ей положеніе равноправнаго съ мужчиной члена супружества и семьи.

Вообще огромное значеніе имѣло для будущей судьбы европейскихъ народовъ то, что они на первыхъ шагахъ своего культурнаго развитія, почти на границѣ перехода отъ кочевья къ осѣдлости, находились подъ смягчающимъ вліяніемъ христіанскаго ученія и католической церкви. Въ этотъ періодъ, когда въ жизни юныхъ европейскихъ народовъ не успѣли еще сложиться прочныя начала землепользованія, управленія и суда, католическая церковь уже выступила какъ могущественная общественная организація, въ своихъ орденахъ, аббатствахъ и монастыряхъ воплощая начала дисциплины, порядка, систематическаго труда и нравственнаго авторитета, которыя она выводила изъ ученія Христа. Благодаря этому католическая церковь на зарѣ среднихъ вѣковъ успѣла занять вліятельное положеніе въ обществѣ. Передъ нравственнымъ авторитетомъ католическихъ епископовъ преклонялись даже предводители дикихъ азіатскихъ ордъ, наводнявшихъ Европу. По сказанію легенды, во всякомъ случаѣ, показывающей, какимъ высокимъ уваженіемъ у современниковъ пользовались римскіе епископы V—VI вѣка, даже предводитель гунновъ Аттила, одинъ изъ самыхъ жестокихъ варваровъ, опустошавшихъ Европу, два раза остановился въ своихъ грабежахъ, уступая заступничеству баззащитныхъ католическихъ епископовъ, св. Лупуса (при нападеніи на г. Труа) и Леона.

Католическое монашество, связанное обѣтами служенія церкви и христіанской проповѣди, въ то же время являлось единственною интеллигенціей въ средніе вѣка, которая впитала въ себя римскую образованность. Все духовное наслѣдство Рима и Греціи, заключавшееся въ произведеніяхъ философовъ, ученыхъ, историковъ и поэтовъ долго лежало бы подъ спудомъ, не будь католической церкви. Средневѣковое общество, какъ только его вниманіе отвлекалось отъ войнъ и сосредоточивалось на мирной культурной работѣ, знакомилось съ греко-римской цивилизаціей черезъ посредство монаховъ, конечно, въ томъ освѣщеніи, которое можно было ей дать съ точки зрѣнія христіанскаго ученія. Католическое духовенство оставалось единственнымъ посредникомъ и истолкователемъ античной культуры для средневѣковаго общества, включительно до возрожденія наукъ и искусствъ въ Западной Европѣ, когда возникла уже свѣтская

интеллигенція, которая обратилась къ непосредственному изученію произведеній греческихъ и римскихъ писателей. Характерно было то, что католицизмъ сдѣлалъ языкъ угасшей Великой имперіи языкомъ церковнымъ, и на немъ люди различныхъ національностей и самыхъ различныхъ степеней культуры обращались въ своихъ молитвахъ къ Богу. Главнымъ образомъ, католическимъ монахамъ средніе вѣка обязаны тѣмъ, что этотъ языкъ сталъ для этой эпохи единственнымъ литературнымъ и книжнымъ языкомъ, на которомъ велась вся тогдашняя письменность, начиная съ дѣловой переписки, хозяйственныхъ записей и реестровъ, до ученыхъ трактатовъ и лѣтописей. Такимъ образомъ, латинскій языкъ служилъ средствомъ общенія между учеными и просто образованными людьми всего тогдашняго міра, среди которыхъ преобладающее большинство, конечно, составляли католическіе монахи.

Моральная сила, покорявшая церкви души вѣрующихъ, находила въ большой мѣрѣ свою опору въ той чисто культурной роли, которую католическая церковь выполняла въ области хозяйства, суда и администраціи. Католическое монашество, вооруженное римскою образованностью и дисциплинированное христіанскими обѣтами, въ началѣ среднихъ вѣковъ являлось виднымъ факторомъ хозяйственнаго прогресса. Цѣлый рядъ монашескихъ орденовъ, какъ то: бенедиктинцы, систеріанцы, картезіанцы,—ставили своей религіозной миссіей занятіе земледѣліемъ, ремеслами, инженернымъ искусствомъ. Поэтому монастыри были не только центрами религіознаго уединенія и молитвы, но они для своего времени являлись образцовыми земледѣльческими фермами: за монастырскими стѣнами достигли значительнаго процвѣтанія ремесленныя мастерскія, послужившія первоначальнымъ зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи развились промышленные цехи Монастырями же во многихъ мѣстностяхъ положено было начало учрежденію ярмарокъ и рынковъ. Вообще монастырское хозяйство усвоило римскую технику и во многихъ отношеніяхъ было организовано по образцу римской виллы.

Отрицательныя стороны католицизма, выразившіяся въ религіозныхъ злоупотребленіяхъ, въ деморализаціи монашества, наконецъ, въ ужасахъ инквизиціи, вызвавшихъ противъ себя общественный протестъ въ реформаціонномъ движеніи,—относятся къ концу среднихъ вѣковъ и къ началу новаго времени.

Общій характеръ среднихъ вѣковъ и средневѣковаго хозяйства въ особенности. Характеръ средневѣковаго хозяйства обусловливался совокупностью господствовавшихъ въ средніе вѣка государственныхъ, общественныхъ и нравственно-религіозныхъ учрежденій и стремленій. Въ чемъ же заключалась особенность среднихъ вѣковъ въ каждомъ изъ этихъ отношеній? Въ политическомъ отношеніи въ средніе вѣка замѣчается преобладаніе общественныхъ союзовъ, вытекающихъ изъ сословныхъ, хозяйственныхъ и религіозныхъ отношеній, надъ союзомъ государственнымъ. Государственная связь народовъ находится, такъ сказать, на заднемъ планѣ, ея назначенія въ средніе вѣка заключается преимущественно въ организаціи военной защиты, которая, въ заключеніе, также становится функціей отдѣльныхъ феодальныхъ владѣльцевъ; всѣ же остальныя свойственныя современному государству функціи—административныя и хозяйственныя—въ средніе вѣка, выполняли главнымъ образомъ частные союзы и корпораціи: церковь, феодальная аристократія, городскія общины, цехи, гильдіи и т. п. Возвратъ къ сильной государственной власти, старавшейся подчинить своему господству партикуляристическія силы, господствовавшія въ средневѣковомъ обществѣ, только временно былъ осуществленъ въ монархіи Карла Великаго.

Средніе вѣка характеризуются господствомъ феодальнаго режима. Средневѣковый феодализмъ, какъ система общественнаго устройства, подобно античному обществу, основанъ былъ на принципѣ отождествленія личной свободы и поземельной собственности, т. е. право собственности на землю могъ имѣть только свободный человѣкъ. Но феодализмъ, съ другой стороны, въ отличіе отъ античнаго общества, былъ чуждъ рѣзкой противоположности свободы и рабства и представлялъ іерархическую лѣстницу общественныхъ классовъ и сословій, которая, начинаясь у подножія трона и оканчиваясь низшимъ классомъ кнехтовъ и рабовъ, представляла постепенные переходы отъ свободы къ зависимости. Этой іерархіи общественныхъ классовъ соотвѣтствовала іерархія земель: были земли свободныя и земли зависимыя. Отношенія между объектами владѣнія являлись только выраженіемъ отношеній, господствовавшихъ между людьми. Феодализмъ былъ въ одно и то же время и политической организаціей и аграрной системой. Глава феодальнаго государства считался верховнымъ собственни-

комъ всей государственной территоріи. Земли свои онъ распредѣлялъ между военною знатью, графами и князьями, получая взамѣнъ обязательства военной службы; тѣ, въ свою очередь, отдавали тѣ же земли болѣе дробными участками, подъ условіемъ платежа ренты или же военныхъ услугъ, ниже ихъ стоявшимъ классамъ лицъ, и такимъ образомъ земли, связанныя цѣлою сѣтью взаимныхъ обязательствъ, въ заключеніе переходили къ низшему классу крестьянъ-землевладѣльцевъ, которые ихъ обрабатывали и на которыхъ въ послѣднемъ счетѣ ложилась бо́льшая часть феодальныхъ повинностей. Съ этой іерархіей земель связано было дѣленіе и дробленіе института поземельной собственности. На каждый феодальный участокъ земли нѣсколько лицъ имѣли право верховной собственности (Obereigenthum, dominium directum), и одно послѣднее въ іерархической лѣстницѣ лицо—воздѣлыватель земли—пользовался производною, зависимою собственностью (abgeleitete Besitz, Untereigenthum).

При слабости государственной связи въ средніе вѣка было весьма естественнымъ явленіемъ, что у нея, по временамъ, оспаривала первенство связь религіозная—церковь. Кромѣ того, церковь и, въ частности, монастырскія хозяйства—имѣли большое вліяніе на измѣненіе поземельныхъ отношеній въ средніе вѣка, являясь въ то же время виднымъ факторомъ въ организаціи зарождающейся обрабатывающей промышленности и торговли. Римская церковь этой поры располагала несравненно большей организаторской силою, чѣмъ государство. Обнимая своею организацею всѣ народы Запада, независимо отъ различія въ языкѣ и національности, она имѣла огромное вліяніе на весь складъ средневѣковой жизни. Она была связующимъ звеномъ между народами, подготовляла пути къ развитію международныхъ отношеній, въ то время какъ на почвѣ чисто политической эти отношенія еще не сложились. Народы, слабо чувствующіе свою зависимость отъ главы государства, добровольно подчинялись авторитету римскаго первосвященника.

Средніе вѣка характеризуются также чрезвычайнымъ развитіемъ сословныхъ корпоративныхъ союзовъ, которые какъ бы восполняютъ слабое развитіе государственныхъ функцій. Въ духовномъ сословіи мы видимъ господство духовныхъ орденовъ, въ свѣтскомъ аристократическомъ сословіи необычайное развитіе рыцарскихъ орденовъ, всевозможныхъ оттѣнковъ, въ городскомъ обще-

ствѣ образуются гильдіи, корпораціи и цехи съ разными промышленными и религіозными цѣлями.

Въ исторіи средневѣковаго хозяйства можно отмѣтить два періода. Съ VI и до XI—XII в. господствуетъ натуральное хозяйство и земледѣліе преобладаетъ надъ другими отраслями промышленности, которыя находятся пока въ зачаточномъ состояніи. Въ этотъ періодъ типами феодальнаго хозяйства были хозяйства—королевское, господское и монастырское, представляющія аналогію съ нашими помѣщичьими хозяйствами крѣпостного времени, и хутора зависимыхъ отъ феодаловъ мелкихъ собственниковъ. Производство для собственнаго потребленія въ этихъ хозяйствахъ преобладаетъ надъ производствомъ для обмѣна. Всѣми хозяйственными интересами страны заправляютъ крупныя феодальныя хозяйства. Выбиться изъ узкой рамки частнаго хозяйства средневѣковому хозяйству этой поры мѣшали: замкнутость феодальныхъ территорій, крѣпостное право и пренебрежительное отношеніе къ хозяйственнымъ занятіямъ со стороны свободныхъ классовъ феодальнаго общества. Съ XI—XII вѣка начинается періодъ муниципальнаго или городского хозяйства. Поворотнымъ пунктомъ въ этомъ измѣненіи хозяйственныхъ отношеній является возникновеніе ремеслъ и торговыхъ сношеній и развитіе городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли, въ противоположность съ феодальнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Съ этихъ поръ начинается рѣзко выраженная спеціализація хозяйственныхъ занятій и образованіе промышленныхъ классовъ на почвѣ общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда. Въ теченіе муниципальнаго періода города и союзы городовъ вѣдали вообще всѣ интересы промышленно-торговыхъ классовъ населенія и въ ихъ рукахъ находилась экономическая политика, разсчитанная на защиту интересовъ торговли и промышленности въ отношеніи къ земледѣльческому населенію, феодаламъ и королевской власти. Сепаратная экономическая политика городовъ и городскихъ союзовъ, со временемъ, должна была уступить мѣсто общей народно-хозяйственной политикѣ государства, и именно съ момента образованія абсолютной монархической власти въ Западной Европѣ.

Огромное вліяніе на эти преобразованія въ феодальномъ хозяйствѣ оказали крестовые походы, которые, на почвѣ религіознаго

объединенія, привели въ непосредственныя сношенія всѣ народы Западной Европы между собою, въ то же время обогативъ ихъ многими техническими и культурными позаимствованіями отъ народовъ Востока. Крестовые походы содѣйствовали также оживленію торговаго оборота и процвѣтанію лежавшихъ на Средиземномъ морѣ портовъ Италіи, Испаніи, южной Франціи, гдѣ нагружались шедшія на Востокъ суда крестоносцевъ. На пути ихъ слѣдованія росли торговые и промышленные центры и развивался международный кредитъ такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Генуя и Палермо, Флоренція и Венеція. Въ развитіи торговыхъ сношеній въ особенности видную роль играли союзы германскихъ городовъ, такъ называемыя средневѣковыя ганзы, вступавшіе въ торговые договоры съ цѣлыми націями—Англіей, Франціей, народами Скандинавскаго полуострова, Псковомъ и Новгородомъ.

Феодализмъ, какъ система аграрныхъ отношеній. Задача, преслѣдуемая нашимъ курсомъ,—изслѣдованіе исторически смѣнявшихся типовъ народнаго хозяйства,—заставляетъ насъ остановиться на тѣхъ характерныхъ чертахъ феодально-хозяйственнаго строя, которыя можно подмѣтить въ жизни всѣхъ западно-европейскихъ народовъ феодальной эпохи. Феодализмъ, не только какъ организація военной защиты, но и какъ извѣстная система аграрныхъ и политическихъ отношеній, составляетъ необходимую фазу общественнаго развитія, которую переживаетъ большинство народовъ на извѣстной стадіи развитія. Извѣстно, что феодальный режимъ существовалъ въ Индіи и у другихъ народовъ Востока, а современные изслѣдователи констатируютъ крупные факты переживанія его въ аграрныхъ отношеніяхъ и въ юридическомъ быту народовъ Средней Азіи, на Кавказѣ, въ Турціи и во многихъ другихъ странахъ.

Для насъ важно уяснить себѣ феодализмъ, какъ систему аграрныхъ отношеній. Поэтому мы будемъ касаться военной и политической стороны феодальнаго режима лишь настолько, насколько это необходимо для пониманія того, что представлялъ собою феодализмъ въ хозяйственномъ отношеніи. Имѣя въ виду феодализмъ, какъ характерный типъ поземельныхъ и связанныхъ съ ними отношеній, мы постараемся представить его по фактамъ исторіи германо-романскаго міра.

Періодъ подготовленія феодализма. Изслѣдованія Маурера, Инама-Штернега, Эмиля Лавеле, Мена, Майтцена, Гансена, проф.

М. М. Ковалевскаго, проф. Виноградова и др. доказали, что съ древнѣйшихъ временъ въ Германіи и Франціи, какъ и у всѣхъ народовъ въ первую пору послѣ ихъ перехода къ прочной осѣдлости, господствовало общинное землевладѣніе, при которомъ право собственности на оккупированные участки земли принадлежало цѣлымъ большимъ группамъ лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, а отдѣльнымъ лицамъ принадлежало фактическое пользованіе землей, въ размѣрѣ потребностей. Перемѣна, произведенная феодализмомъ въ поземельной собственности, заключалась въ томъ, что верховныя права на землю перешли отъ общины къ привилегированному землевладѣльческому классу, а пользованіе землей соединилось съ массою обязательствъ по отношенію къ этому классу со стороны лицъ, фактически ее обрабатывающихъ.

Процессъ феодализаціи поземельной собственности начался внутри самой общины (Markgenossenschaft. commun), но навстрѣчу этому со стороны центральной власти исходило другое, однородное, теченіе— это своеобразная политическая система пожалованій земель, въ видѣ бенефиціевъ, феодовъ, иммунитетовъ, наполняющая собою средніе вѣка и завершившая окончательно феодализацію поземельной собственности.

Посмотримъ сначала на измѣненія въ состояніи поземельной собственности, предшествовавшія феодализму. Здѣсь нужно отмѣтить, въ особенности, два явленія: образованіе частной поземельной собственности, на-ряду съ общинной, и развитіе прекарныхъ отношеній внутри общины. Огромную роль въ индивидуализаціи поземельной собственности играли короли, церковь и патронируемое послѣдней римское право. Къ королямъ франковъ перешли преемственно бывшіе домены римскихъ императоровъ, а постоянные конфискаціи, штрафы и композиціи, по приговору судовъ, также служили источниками перехода въ казну массы земель, которыя, въ свою очередь, являлись фондомъ для поземельныхъ пожалованій со стороны королей въ пользу церкви и частныхъ лицъ. Церковь, пользовавшаяся огромнымъ піететомъ, въ особенности получала щедрыя пожертвованія землями отъ королей и частныхъ лицъ, и въ эту пору, послѣ короля, являлась самымъ крупнымъ частнымъ собственникомъ. Въ то же время условія, при которыхъ существовало первобытное общинное землевладѣніе, не

исключали возможности обращенія значительныхъ участковъ земли въ частную собственность. Такую возможность образованія частной собственности въ большихъ размѣрахъ доставляла оккупація не заселенныхъ земель, которыя въ ту пору, при рѣдкомъ населеніи, существовали въ изобиліи. Первобытныя германскія общины были разсѣяны на территоріи въ видѣ оазисовъ, отдѣленныхъ между собою обширными лѣсными и степными пространствами. Здѣсь открывался просторъ для колонизаціи: каждый членъ общины воленъ былъ занимать участки этихъ свободныхъ земель и, очистивъ ихъ отъ лѣса, приведя въ культурный видъ, становился ихъ собственникомъ. Этотъ порядокъ колонизаціи напоминаетъ существующій до послѣдняго времени способъ заимокъ свободныхъ земель въ сложныхъ или волостныхъ общинахъ нашего дальняго сѣвера: въ Сибири, въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ, гдѣ эти «нови», освобожденныя отъ лѣса отдѣльными крестьянскими дворами, являются предметомъ усвоенія въ ихъ частную собственность. Но владѣніе этими заимками, на правахъ частной собственности, не исключаетъ ихъ отъ пользованія общинными старозаимочными землями, вмѣстѣ со всею волостью. Экономическое неравенство имѣло уже въ эту пору десятки путей для своего развитія внутри общины, помимо отношеній, вытекавшихъ изъ землевладѣнія. Тогда уже существовали внутри общины богатые роды, владѣвшіе значительнымъ сельскохозяйственнымъ инвентаремъ, а главное — располагавшіе извѣстнымъ количествомъ лицъ несвободнаго состоянія—рабовъ: они-то и были болѣе могущественными колонизаторами новыхъ земель. Замѣчательно, что община (Markgenossenschaft) въ полномъ составѣ своихъ членовъ, какъ хозяйственная ассоціація, въ этой колонизаціи незанятыхъ пространствъ, повидимому, не играла замѣтной роли. Инама-Штернегъ говоритъ, что по лѣтописямъ нельзя указать ни одного случая, въ которомъ община, какъ юридическое лицо, являлась бы оккупаторомъ новаго участка; но онъ въ изобиліи констатируетъ факты, изъ которыхъ видно, что короли, церковь и частныя лица, располагавшія значительнымъ числомъ несвободныхъ людей,—являлись могущественными колонизаторами и воздѣлывателями новыхъ земель [1]). Раньше было уже нами отмѣ-

[1]) Die Ausbildung der grossen Grundherrschaft in Deutschland während der Karolingen-Periode. 1878 г., 44—46 стр.

чено, что расчистка изъ-подъ лѣса новыхъ участковъ земли и расширеніе площади земель для сельскохозяйственной культуры составляли священный обѣтъ нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ, напр., бенедиктинцевъ и систерціевъ. Образованіе новыхъ культивированныхъ участковъ среди лѣсовъ было также постоянною задачею королевскихъ виллъ, какъ это видно изъ многихъ предписаній Карла Великаго. Въ капитуляріи de villis предписывается: ut silvae vel forestres nostrae bene sint custoditae; *et ubi locus fuerit ad stirpandum, stirpare faciant et campus de silva increscere non permittant, et ubi silvae debent esse, non eas permittant nimis capulare atque dominare.* И въ другомъ капитуляріи: *et plantent venedas, faciant pomaria et ubicunque invenient utiles illos homines, datur illis silva ad stirpandum, ut nostrum servitium immelioretur* [1]). Итакъ, свободная занятка не заселенныхъ пространствъ долгое время была неисчерпаемымъ источникомъ возникновенія частной и притомъ крупной поземельной собственности. Но и въ самой общинѣ, кромѣ того, положены были уже при ея возникновеніи начала неравенства поземельнаго владѣнія, такъ какъ привилегированныя лица, старѣйшины и начальники при распредѣленіи общиной земли всегда получали, соотвѣтственно родовой чести, болѣе значительные участки [2]). Къ этому же неравенству внутри общины вели всякія случайныя бѣдствія, напр.: неурожай, разорительныя войны, очень частыя въ эту эпоху, платежи композицій по судебному приговору. Всѣ эти случаи ставили бѣднѣйшую часть населенія въ трудное положеніе, выходомъ изъ котораго являлась уступка своей доли въ общинной землѣ какому-нибудь могущественному роду, у котораго приходилось задолжаться. Это было постояннымъ источникомъ скопленія значительной доли общинныхъ полей въ рукахъ болѣе богатыхъ общинниковъ, а также въ рукахъ церкви и свѣтской знати. Земля, уступаемая въ силу матеріальной нужды или задолженности, не всегда поступала въ комплексъ частнаго хозяйства заимодавцевъ: въ боль-

[1]) Т е. императоръ предписываетъ „чтобы лѣса и рощи наши хорошо оберегались, гдѣ мѣсто позволяетъ корчевку лѣса,—корчевать и не допускать поле зарастать лѣсомъ, а гдѣ должны быть сохранены лѣса, тамъ никому не позволять ихъ истреблять и присваивать“. Далѣе капитулярій предписываетъ „насаждать виноградники, устраивать яблочные сады, а гдѣ окажутся подходящіе люди, то предоставлять имъ для корчевки лѣсъ съ тѣмъ, чтобы наши угодья улучшались“.

[2]) М. М. Ковалевскій Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства М 1898. Т. I, стр. 36, 43, 45 и др.

шинствѣ случаевъ она мѣняла только землевладѣльца, но не земледѣльца. Прежніе землевладѣльцы, общинники, уступившіе право собственности на свои участки, продолжали обрабатывать ихъ и пользоваться ими на началахъ зависимаго прекарнаго владѣнія, уплачивая только годичную ренту. Но, кромѣ этихъ чисто соціальныхъ причинъ, которыя должны были вести, съ одной стороны, къ разложенію общиннаго землевладѣнія, а съ другой стороны,— къ возникновенію прекарныхъ отношеній среди членовъ общины, элементарное физическое насиліе надъ личностью занимало видное мѣсто. Власть имущіе, вліятельные, крупные землевладѣльцы и даже просто богатые члены общины, въ эту пору грубыхъ нравовъ, не упускали поводовъ эксплоатировать случаи нужды и беззащитности, чтобы грубою силою подчинять своему господству какъ личность свободныхъ собственниковъ, такъ и ихъ земли. Что это было такъ, то это видно изъ многихъ постановленій Карла Великаго, въ которыхъ онъ постоянно старается о защитѣ бѣдныхъ отъ подчиненности богатымъ, происходящей именно изъ этого источника. Въ капитуляріяхъ констатированы многочисленные случаи захвата земель бѣдныхъ членовъ общины богатыми родами. Община, повидимому, оказывала слабую защиту своимъ членамъ; поэтому бѣднѣйшіе члены, въ виду угрожающаго положенія, какое занимали по отношенію къ нимъ богатыя и могущественныя семьи, старались сами отдавать себя и свои земли подъ покровительство церкви или же могущественныхъ свѣтскихъ магнатовъ. Они уступали право собственности на свои участки, а сами сохраняли за собою пользованіе или прекарное владѣніе, подъ условіемъ платежа ежегодной ренты и разнаго рода повинностей. Это преобразованіе въ формахъ землепользованія, выражавшееся въ умаленіи правъ мелкихъ собственниковъ на свои земли, не только не сопровождалось уменьшеніемъ размѣровъ ихъ землевладѣнія, но сплошь и рядомъ открывало имъ извѣстный просторъ для новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній путемъ заимокъ некультурныхъ земель и расчистокъ лѣсныхъ площадей на земляхъ покровительствующихъ имъ королей, какъ помѣстныхъ владѣльцевъ, а также духовныхъ и свѣтскихъ крупныхъ собственниковъ.

Такими путями, еще раньше возникновенія феодализма, какъ политической системы, покровительствовавшей сословному землевла-

дѣнію церкви, военнаго и служилаго класса, самымъ непроизвольнымъ процессомъ исторіи создавалось и росло крупное землевладѣніе, соединявшееся однако съ мелкимъ земледѣліемъ, такъ какъ, въ силу указанныхъ причинъ, при этомъ только титулъ собственности на общинныя земли переходилъ къ дворянскому и духовному сословію; бывшіе же землевладѣльцы, какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя общины во всемъ своемъ составѣ, оставались на своихъ земляхъ, сохраняли на нихъ зависимую и подчиненную собственность (Untereigenthum, dominium utile, abgeleitete Besitz), обрабатывая ихъ за свой счетъ и уплачивая ренту (Zins, cens) верховному собственнику (Obereigenthumer). Это коренное измѣненіе въ состояніи общинной собственности въ теченіе долгаго времени не сопровождалось никакими соотвѣтствующими измѣненіями во внѣшнемъ расположеніи общинныхъ земель. Попрежнему, въ предѣлахъ общинной межи находились полосы земли, принадлежавшія церкви, членамъ общины и дворянскимъ родамъ [1]). Перемѣна выражалась только въ томъ, что доли эти были самыхъ различныхъ размѣровъ и титулъ собственности на бо́льшую часть этихъ полосъ перешелъ отъ общины — прежняго верховнаго собственника всѣхъ земель — къ частнымъ лицамъ, и семьи, которыя обрабатывали эти участки, находились въ прекарномъ отношеніи, но не къ общинѣ, значеніе которой падало, а къ частнымъ собственникамъ, церкви и дворянской земельной аристократіи.

Таковы были измѣненія въ состояніи землевладѣнія, происходившія помимо всякихъ политическихъ вліяній, поведшія однако къ тому же самому результату, на который была разсчитана впослѣдствіи вся поземельная политика, исходившая отъ центральной власти. Характерною чертою центральной власти средневѣковаго періода, между прочимъ, было и то, что она, нуждаясь въ извѣстнаго рода услугахъ, въ видѣ военной и административной службы, оплачивала ихъ посредствомъ земельныхъ пожалованій. Главными формами этихъ пожалованій, какъ извѣстно, были бенефиціи, феоды и иммунитеты.

Феодализація поземельной собственности заключалась въ уничтоженіи полной свободной поземельной собственности. Это паденіе принципа полной поземельной собственности достигло своего апогея

[1]) М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы, Т. II, стр 142

въ VIII—IX в. Всѣ земли въ эту пору становятся въ подчиненное отношеніе однѣ къ другимъ. Онѣ дѣлятся на двѣ большія категоріи—на феодальныя и цензуальныя (fiefs и censives, по-нѣмецки передаются соотвѣтствующими выраженіями Lehen und Leihe)—или, что то же самое, на земли дворянскія и крестьянскія. Феодальными землями назывались такія, за владѣніе которыми собственникъ ихъ несъ почетную службу королю или сеньору; цензуальными же—тѣ земли, за которыя ихъ владѣлецъ платилъ оброкъ деньгами, натуральными продуктами или же личными услугами и барщиной. Какъ феодальныя, такъ и цензуальныя земли сходны были между собою въ томъ отношеніи, что онѣ представляли собственность не полную и чрезвычайно условную и, какъ тѣ, такъ и другія, могли быть отняты отъ ихъ владѣльцевъ въ случаѣ невыполненія условій, которыми онѣ обязаны были передъ главными собственниками (Obereigenthümer). Но земли обѣихъ категорій были сходны еще и въ другомъ отношеніи. Разъ владѣльцы ихъ выполняли эти условія, то они имѣли также право ихъ переуступать, дарить, завѣщать, но всякій разъ съ особаго согласія верховнаго собственника и каждый разъ становясь въ извѣстное посредствующее отношеніе къ новому послѣдующему собственнику.

Феодальные и цензуальные собственники въ эту воинственную эпоху имѣли то преимущество передъ полными аллодіальными собственниками, что они пользовались защитою своего владѣнія со стороны ихъ сеньора, который вовсе не былъ заинтересованъ въ разореніи земель своихъ подчиненныхъ, между тѣмъ какъ полные собственники постоянно подвергались нападенію своихъ сосѣдей и ежедневно должны были быть готовыми къ самозащитѣ. Эта необезпеченность полной собственности въ теченіе среднихъ вѣковъ и была причиной почти совершеннаго ея исчезновенія. Вмѣсто ея въ средніе вѣка получила рѣшительное преобладаніе зависимая и дѣленная поземельная собственность, характеризующаяся принципомъ средневѣковаго права: nulle terre sans seigneur (нѣтъ земли безъ господина). По выраженію извѣстнаго феодиста Бутарика, режимъ феодальный былъ ассоціаціей, въ которой всякій терялъ въ собственности и индивидуальной свободѣ, выигрывая за это въ безопасности.

Бенефиціи и феоды. Обѣ категоріи земель—*феодальныя и цензуальныя*—по способамъ ихъ пріобрѣтенія и условіямъ владѣнія,

въ свою очередь, распадались на отдѣльные виды. Прежде всего надо отмѣтить два вида феодальныхъ земель: бенефиціи и феоды, или вассальныя земли. Тѣ и другія были привилегированною собственностью лично свободныхъ классовъ, а именно: духовенства и свѣтской аристократіи. Бенефиціи и феоды были не только типами феодальнаго землевладѣнія привилегированныхъ классовъ: они были въ то же время преобладающими формами хозяйственнаго оборота, посредствомъ которыхъ поземельная собственность могла мѣнять своего владѣльца и переходить, въ предѣлахъ этихъ общественныхъ классовъ, изъ однѣхъ рукъ въ другія. Остановимся сначала на условіяхъ бенефиціарнаго владѣнія. *Бенефиціи*—были земли, жалуемыя въ пожизненное пользованіе лицами высшаго ранга въ феодальной іерархіи лицамъ низшаго ранга, въ знакъ личнаго расположенія—съ одной стороны, и подъ условіемъ обязательства «вѣрности»—съ другой. Это была самая общеупотребительная форма, въ которой короли надѣляли землями церковь, но ею, въ то же время, пользовалась церковь и феодальная аристократія для уступки своихъ земель другимъ лицамъ феодальнаго сословія. О бенефиціяхъ нельзя сказать, что это была исключительная форма пожалованія земель монастырямъ, хотя такое представленіе иногда встрѣчается въ исторической литературѣ,—это былъ вообще типъ сдѣлки, которою пользовались всѣ классы феодальной аристократіи для уступки и пріобрѣтенія поземельнаго владѣнія. Правда, чаще всего пользовались ею частные люди, желавшіе пожертвовать свои земли церкви, съ благочестивою цѣлью, а также короли и владѣтельныя особы, которые, въ то же время, помимо благочестивыхъ цѣлей, старались этимъ способомъ усилить, при посредствѣ церкви, свое политическое вліяніе на территоріи Отличительнымъ условіемъ бенефиціарнаго владѣнія со стороны лицъ, которыя ихъ пріобрѣтали, было обѣщаніе «помощи» и «дружбы». Бенефиціарные собственники обязаны были, если они были свѣтскіе люди, сопровождать сеньора въ его поѣздкахъ и походахъ и помогать ему безусловно во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ. Съ своей стороны, и сеньоръ обязывался оказывать отеческое покровительство бенефиціарному владѣльцу и защищать его владѣнія отъ притязаній другихъ феодаловъ Пожалованіе бенефиціевъ въ началѣ средневѣковаго періода было пожизненное. Поэтому при всякой перемѣнѣ

какъ верховнаго собственника, такъ и подчиненнаго ему бенефиціарнаго владѣльца-собственника повторялось со стороны перваго подтвержденіе воли своего предшественника, а со стороны второго— клятва вѣрности. Это была своего рода форма торжественнаго ввода во владѣніе. При чемъ, когда владѣльцемъ бенефиція бывало такого рода юридическое лицо, какъ монастырь и епископія, то торжественную клятву въ вѣрности произносилъ епископъ или аббатъ, какъ представитель этихъ учрежденій.

Обязательство вѣрности заключало въ себѣ самыя разнообразныя услуги, которыя нужно было оказывать сеньору; точнаго опредѣленія рода этихъ услугъ не возможно дать, но очевидно, что онѣ опредѣлялись прежде всего личностью бенефиціарнаго владѣльца: отъ духовенства не гребовалось военной службы и вообще многихъ такихъ услугъ, которыя были обязательны для дворянскаго класса. О свойствѣ этихъ услугъ можно только судить по нѣкоторымъ извѣстнымъ изъ исторіи поводамъ, которые влекли отнятіе бенефиціевъ. Обычнымъ поводомъ отнятія бенефиціевъ была измѣна, несвоевременное оказаніе помощи господину на войнѣ, но часто моральные проступки вели за особою отнятіе бенефиціевъ, какъ, напримѣръ, уголовное преступленіе, прелюбодѣяніе, грабежъ, убійство, ложная присяга, по отношенію къ духовному классу—содержаніе собакъ и соколовъ для охоты, а также уступка бенефиція другому лицу безъ согласія сеньора.

Собственно феодальныя земли, или лены, подчиняясь всѣмъ условіямъ бенефиціарнаго владѣнія, отличались отъ послѣдняго тѣмъ, что онѣ жаловались въ вѣчное пользованіе, подъ условіемъ несенія вассаломъ почетныхъ и благородныхъ службъ, преимущественно военныхъ услугъ. Безъ согласія суверена запрещалось уступать феодальныя земли въ бенефиціарное владѣніе церкви, такъ какъ такія уступки часто дѣлались съ цѣлью избавиться отъ обязательства военныхъ услугъ суверену. Вмѣстѣ съ тѣмъ феодъ отличался отъ аллода, который былъ свободенъ отъ всякихъ повинностей и отъ цензивы, которая, будучи простонароднымъ надѣломъ, обязана податями и барщиною. Иногда титулъ феода или лена прилагался и къ другого рода объектамъ собственности или, вѣрнѣе, доходнымъ статьямъ, а именно: 1) къ административнымъ должностямъ, 2) регаліямъ или монополіямъ, 3) податнымъ сборамъ и

вообще финансовымъ правамъ. Напримѣръ, въ видѣ феодовъ предоставлялись извѣстнымъ фамиліямъ разныя, большею частью, доходныя должности по общинному управленію, какъ то: фохтовъ, меровъ и т. п. Такое расширеніе понятія феодъ свидѣтельствуетъ о постоянномъ захватѣ имъ все новыхъ экономическихъ сферъ; но феоды послѣднихъ категорій были явленіемъ частнымъ, производнымъ и коренное понятіе «феода—земли» всегда въ феодальной системѣ оставалось преобладающимъ.

Цензуальныя земли. Другую категорію феодальныхъ земель составляли цензивныя земли. Отличительная черта этого рода земель заключалась въ томъ, что владѣніе ими обусловливалось платежами извѣстной доли продуктовъ, получаемыхъ отъ культуры земель, или же—извѣстной суммы денегъ, или, наконецъ, опредѣленнымъ количествомъ рабочихъ дней въ году. Реальныя обязательства, связанныя съ цензивнымъ владѣніемъ, показываютъ, что цензива была актомъ, посредствомъ котораго земли переходили не отъ землевладѣльцевъ къ землевладѣльцамъ, какъ это имѣло мѣсто въ феодахъ и бенефиціяхъ, но отъ землевладѣльцевъ къ земледѣльческому классу, который обрабатывалъ ихъ своимъ трудомъ. Земли, бывшія цензуальными по отношенію къ однимъ владѣльцамъ, могли быть въ то же время бенефиціарными этихъ послѣднихъ въ отношеніи ихъ къ лицамъ болѣе высшаго ранга феодальной іерархіи. Посредствомъ цензуальной сдѣлки, земли, перешедшія иногда черезъ цѣлый рядъ рукъ бенефиціарныхъ и феодальныхъ собственниковъ, въ концѣ концовъ доставались въ руки того класса, который на нихъ хозяйничалъ. Если владѣніе феодами и бенефиціями обусловливалось нѣкотораго рода политическою подчиненностью, основанною на договорѣ, то владѣніе цензуальной собственностью связано было съ личною зависимостью и прекарными отношеніями цензуальнаго владѣльца къ верховному собственнику земли. Степень этой зависимости, или, иначе сказать, степень личной свободы цензуальныхъ владѣльцевъ, опредѣляла величину, форму и родъ хозяйственныхъ обязательствъ по владѣнію цензуальной землей. По степени личной свободы и по условіямъ цензуальнаго владѣнія весь подчиненный классъ цензуальныхъ владѣльцевъ распадался на три категоріи: *колоновъ*, *литовъ* и *рабовъ*.

Колоны (coloni, colongers, huober, Zinsleute, censuales, sanctuarii, heilige Leute) отличались отъ лицъ совершенно свободнаго состоянія, во-первыхъ, тѣмъ, что они избавлены были отъ почетнаго обязательства нести военную службу, по крайней мѣрѣ, такъ было при первыхъ двухъ французскихъ династіяхъ — меровинговъ и карловинговъ; если же они фигурировали иногда въ войскѣ и въ эту эпоху, то не въ качествѣ воиновъ, но въ качествѣ слугъ. Отъ лицъ свободнаго состоянія колоны отличались еще и тѣмъ, что они подчинялись юрисдикціи того сеньора, землею котораго владѣли, все равно, былъ ли то свѣтскій или духовный феодалъ, который являлся по отношенію къ нимъ въ роли верховнаго судьи и законодателя. Отъ рабовъ же колоны отличались въ личномъ и имущественномъ положеніи. Колонъ былъ огражденъ болѣе высокими штрафами за преступленія противъ его личности; такъ, за убійство колона уплачивалась въ три и четыре раза бо́льшая композиція, чѣмъ за убійство раба. Колоны пользовались значительными правами, сравнительно съ рабами, по общинному управленію. Нужно имѣть въ виду, что въ положеніи колоновъ находились не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя деревенскія общины. Колоны располагали правомъ общиннаго самоуправленія; ихъ выборные представители: шультгейсы, меры, шефены и т. п.—раздѣляли власть по общинному управленію съ чиновниками, назначенными епископами и сеньорами. Въ имущественномъ отношеніи колоны отличались отъ рабовъ неограниченнымъ правомъ пріобрѣтать, пользоваться и распоряжаться своею движимостью. Они же могли имѣть и пріобрѣтать недвижимую собственность, кромѣ той цензуальной, на владѣніи которой основывались ихъ отношенія къ сеньору; будучи сами лицами зависимыми, колоны въ то же время могли владѣть собственными рабами. Что касается цензуальной собственности колоновъ, то это была наслѣдственная *dominium utile* или чиншевое владѣніе. Условія этого рода владѣнія дозволяли колону вести на немъ самостоятельное хозяйство, за свой счетъ, переуступать по наслѣдству, продавать, дарить свой участокъ, но всякій разъ съ согласія своего господина. Согласіе господина во всѣхъ этихъ случаяхъ требовалось въ виду того, что онъ былъ заинтересованъ въ исправномъ выполненіи хозяйственныхъ обязательствъ, лежавшихъ на земляхъ колоновъ, поэтому долженъ

былъ знать о всякихъ перемѣнахъ въ составѣ владѣльцевъ своихъ земель. Въ чемъ же состоялъ эквивалентъ, который уплачивалъ колонъ за такое широкое право пользованія поземельнымъ участкомъ? Платежи колоновъ за пользованіе землею были самыхъ разнообразныхъ видовъ: они могли состоять въ деньгахъ, продуктахъ ихъ собственнаго хозяйства (мука, вино, хлѣбъ, овесъ, домашняя птица), въ угощеніяхъ, которое колоны должны были выставлять сеньору при посѣщеніи имъ общины. Всѣ эти платежи въ большинствѣ случаевъ были точно фиксированы, и это составляло одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ этого рода владѣнія. Въ два или три срока въ году, обыкновенно около праздниковъ св. Михаила и Пасхи, колоны вносили опредѣленнаго рода платежи, частью деньгами, частью продуктами. Но, кромѣ этой ежегодной ренты, они обязаны были при всякой перемѣнѣ сеньора вносить особый платежъ въ видѣ извѣстнаго количества вина. Соотвѣтствующіе же платежи вносились при всякомъ переходѣ цензуальнаго участка отъ одного колона къ другому. При переходѣ участковъ путемъ наслѣдства этотъ взносъ назывался Hubrecht, un pot investiture, Satzmos, Satzvein. Въ Эльзасъ-Лотарингіи этотъ платежъ взносился въ двойномъ и тройномъ количествѣ, смотря по числу наслѣдниковъ. Это послѣднее правило выработалось для устраненія дробленія участковъ. При переходѣ участка другимъ способомъ, посредствомъ дара, уступки,—платежъ носилъ названіе *Erbschatz, laudemium*. Что касается величины этихъ платежей при перемѣнѣ сеньора, верховнаго собственника, то они не простирались больше половины ежегодно вносимой ренты или чинша (cens, zins).

Цензуальное владѣніе колоновъ, со всѣми его правами и обязательствами, сохранилось въ неизмѣнномъ видѣ въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ, благодаря могущественной силѣ обычая. Съ цензуальнымъ владѣніемъ колоновъ связано было учрежденіе, спеціально охранявшее неизмѣнность условій этого рода владѣнія. Такимъ учрежденіемъ было торжественное собраніе колоновъ, происходившее подъ предсѣдательствомъ феодала или его представителя (maire, avoies, Schultheiss), въ присутствіи его чиновниковъ и выборныхъ отъ общины колоновъ (Schoffen). Компетенція этого собранія была весьма разнообразна: оно производило судъ и т. п.,

но главная его функція была хозяйственная. Собранія эти бывали два или три раза въ продолженіе года (tria placita legitima). Появленіе въ нихъ считалось для колоновъ обязательнымъ и притомъ безъ всякихъ предварительныхъ приглашеній. Въ этомъ собраніи уплачивалась годичная рента, взимались штрафы съ неисправныхъ плательщиковъ и, если кто изъ нихъ въ своей неаккуратности доходилъ до того, что въ теченіе трехъ лѣтъ не вносилъ платежей, то у того отбирался участокъ. Послѣ исполненія текущихъ дѣлъ, въ собраніи прочитывались грамоты, въ которыхъ означены были какъ участки цензуальной земли, такъ и обязательства, лежавшія на ихъ владѣльцахъ; назначеніе этихъ грамотъ, какъ показываетъ самый ихъ текстъ, было—сохранить отъ забвенія поземельныя права верховнаго феодальнаго собственника на полученіе ренты опредѣленной величины съ участковъ, владѣемыхъ колонами (tenures colongers); но грамоты эти, въ то же время, были большою гарантіей для цензуальныхъ владѣльцевъ, такъ какъ въ силу ихъ платежи не могли быть повышаемы [1]). Эти грамоты, которыя по первоначальному своему назначенію должны были охранять земельныя привилегіи феодаловъ, впослѣдствіи, съ измѣненіемъ экономическихъ условій, обратились въ привилегію цензуальныхъ владѣльцевъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ среднихъ вѣковъ стоимость земли, а равно стоимость продуктовъ сельскаго хозяйства поднялась, цѣнность же благородныхъ металловъ понизилась; вслѣдствіе этого понизилась и поземельная рента, уплачиваемая деньгами. Всею выгодою, вытекавшею изъ этого измѣненія, воспользовались цензуальные владѣльцы, а не собственники, въ силу неизмѣнности ренты, которую оберегала сила обычая, закрѣпленная грамотами (rotules).

---

[1]) „Такъ какъ память людямъ измѣняетъ и все то, что не записано, подвергается забвенію, то мы рѣшили возобновить старые обычаи въ присутствіи нашихъ чиновниковъ, братіи аббатства и людей аббатства". Такою мотивировкою, въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, начинается обыкновенно каждая изъ этихъ грамотъ. Далѣе идетъ описаніе, до мельчайшихъ подробностей, платежей колоновъ, видовъ и сроковъ ихъ уплаты, не опущены безъ вниманія даже такія незначительныя обстоятельства, какъ то, что при посѣщеніи сеньора колоны обязаны угостить его, при чемъ указаны блюда и порядокъ, въ которомъ они должны подаваться на столъ См собраніе грамотъ (rotules) относительно землевладѣнія колоновъ: L'abbé Hanauer. Les constitutions de campagnes de l'Alsace au moyen-âge. Recueil de documents inédits. Paris. 1865 г Стр. 33, 68, 212 и др. Его же Les paysans de l'Alsace au moyen-âge. Paris 1868. Стр. 7, 64, 322 и др.

Литы (lidi, liti, lazzi, litones) по степени свободы занимали среднее мѣсто между колонами и рабами. Guerard опредѣляетъ состояніе литовъ такъ: «они служили не только землѣ, подобно колонамъ, но и собственникамъ земли». Условія землевладѣнія литовъ не отличались отъ тѣхъ, на которыхъ владѣли колоны; но, въ отношеніи правъ состоянія, литы, сравнительно съ колонами, находились въ большей личной зависимости отъ сеньора и въ полной подчиненности его юрисдикціи. Человѣкъ свободный, желавшій сдѣлаться литомъ, долженъ былъ найти господина; но когда онъ желалъ сдѣлаться колономъ, то онъ долженъ былъ искать участокъ земли, на которомъ онъ могъ бы вести хозяйство. Впрочемъ, весьма часто бывало и такъ, что данный собственникъ уступалъ свою землю сеньору, сохраняя на нее права пользованія, при условіи строго опредѣленныхъ платежей, становясь такимъ образомъ въ положеніе колона. Колонъ являлся рабомъ не человѣка, но земли, тогда какъ литъ былъ связанъ двойною службою—землѣ и личности своего господина [1]).

Рабы. Въ періодъ варварскихъ законовъ и въ первую пору феодальнаго режима въ ряду зависимыхъ элементовъ населенія существовали и рабы (servi), но число ихъ, за сокращеніемъ источниковъ пополненія и за легкостью добыванія свободныхъ слугъ, уменьшилось довольно быстро, а ихъ положеніе, въ личномъ и имущественномъ отношеніи, было много лучше, сравнительно съ положеніемъ рабовъ даже въ послѣдній періодъ Римской имперіи. Конечно, свобода распоряженія своею личностью для рабовъ была ограничена властью господина. Для вступленія раба въ бракъ требовалось согласіе его господина, а при женитьбѣ на рабѣ другого владѣльца требовалось и согласіе этого послѣдняго. Права по наслѣдованію въ собственномъ имуществѣ, какъ движимомъ, такъ и недвижимомъ, для рабовъ были очень ограничены. Рабъ, уходившій отъ своего собственника, преслѣдовался за побѣгъ. Силою вещей, и раньше всего въ манастырскихъ хозяйствахъ, рабы переходили въ положеніе цензуальныхъ собственниковъ. Только незначительная часть рабовъ была предназначена для личной службы въ домѣ

[1]) Politique de l'abbé Irminon, ou denombrement des mances, des serfs et de revenus de l'Abbaye de Saint Germain des-Près, publié par Guerard. Paris 1854 г. T. I, стр. 248.

сеньора и его имѣнія, обыкновенно же рабы получали участки земли, на которыхъ они вели самостоятельное хозяйство за свой счетъ, при чемъ рабамъ этой категоріи предоставлялось два-три дня въ недѣлю для обработки своихъ цензуальныхъ земель, остальное время они употребляли для исполненія хозяйственныхъ работъ въ домѣ сеньора, на кухнѣ, въ усадьбѣ, въ его поляхъ и виноградникахъ. Даже суровыя права господина по наслѣдованію въ имуществѣ раба (mortuarium, main mort) въ эту пору были смягчены распространеніемъ института Besthaupt, по которому сеньоръ, не налагая своей руки на все движимое имущество умершаго раба, довольствовался полученіемъ лучшей штуки изъ его скота.

Три отмѣченныя нами состоянія лицъ земледѣльческаго зависимаго населенія—колоны, литы и рабы—не представляли собою рѣзко отграниченныхъ классовъ; своеобразный характеръ соціальнаго расчлененія сельскаго населенія выражался въ томъ, что между колонами, литами и рабами стояли промежуточныя группы земледѣльческаго класса, представляющія, по степени личной свободы и по объему земельныхъ правъ, переходныя стадіи отъ одной изъ этихъ категорій къ другой. Существовали колоны, приближающіеся къ литамъ, и литы, приближающіеся къ положенію рабовъ. Издатель Политики аббата Ирминона констатируетъ нѣсколько видовъ колоновъ, два вида литовъ и три вида рабовъ [1]). Но всѣ эти разнообразныя категоріи лицъ къ концу Карловингской эпохи нивелировались къ одному среднему типу крестьянскаго состоянія. Среди сельскаго населенія исчезло рабство, но при этомъ почти исчезли и лично свободные, какъ отдѣльныя семьи, такъ и цѣлыя сельскія общины. Всѣ разнообразные элементы земледѣльческаго класса впослѣдствіи превращаются въ крѣпостныхъ людей (vilains, main mortable, leibeigene, serves), со всѣми аттрибутами этого состоянія: барщиной, личнымъ и имущественнымъ обложеніемъ въ пользу сеньора, прикрѣпленіемъ къ землѣ, съ ограниченіемъ права наслѣдованія въ формѣ mortuarium и т. п. [2]).

Чтобы въ точности представить себѣ организацію поземельныхъ отношеній въ средніе вѣка, нужно еще имѣть въ виду, что указанные типы собственности, какъ феодальной, такъ и цензуальной,

---

[1]) То же, стр. 248,—250, 274.

[2]) Politique. T. I стр. 227, 277, 278 и др.

постоянно соединялись самымъ разнообразнымъ образомъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Каждый отдѣльный вассалъ могъ владѣть аллодіальною землею, т. е. такою, которая не только была въ его пользованіи, но и въ его полной собственности; въ то же время другими землями онъ могъ владѣть по титулу бенефиція и феода, а третьими даже на началѣ цензивы. Такимъ образомъ онъ связанъ былъ самыми разнообразными обязательствами съ цѣлою массою лицъ: по отношенію къ однимъ онъ былъ вассаломъ, по отношенію къ другимъ несъ разныя обязательства бенефиціарнаго владѣнія и по отношенію къ этимъ же самымъ лицамъ обязанъ былъ платежемъ ренты. Кромѣ того, онъ могъ быть одновременно и бенефиціарнымъ и феодальнымъ собственникомъ, такъ сказать, второй степени, такъ какъ тѣ лица, которыя ему уступали свои земли на началахъ бенефиція и феода,—сами могли быть не первоначальными собственниками, а такими же бенефиціарами и вассалами лицъ, еще выше ихъ стоящихъ на феодальной лѣстницѣ. Но этимъ не ограничивалась сложность поземельныхъ отношеній вассальнаго собственника. Такъ, земли собранныя въ его рукахъ подъ самыми разнообразными титулами, въ свою очередь, сдавались имъ уже не землевладѣльцамъ, а земледѣльцамъ, своимъ подданнымъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ чиншевого владѣнія, подъ условіемъ платежа ренты, деньгами или натурой, разныхъ услугъ и барщинной работы.

Организація средневѣковой юрисдикціи. Сложная сѣть поземельныхъ обязательствъ, связывающая по всѣмъ направленіямъ личность въ средніе вѣка, вытекавшая изъ дробленія института поземельной собственности, не будетъ понятна въ полной мѣрѣ, если не обратить вниманіе на ту зависимость указанныхъ выше элементовъ сельскаго населенія, которая возникла для нихъ изъ подчиненія феодальной юстиціи и администраціи.

Административныя и судебныя функціи королевской центральной власти въ средніе вѣка перешли постепенно къ феодальнымъ собственникамъ, т. е. эти функціи стали соединяться съ феодальнымъ и бенефиціарнымъ владѣніемъ, сдѣлались аттрибутами этихъ земель. Актъ, посредствомъ котораго уступались эти верховныя права феодальнымъ владѣльцамъ, извѣстенъ подъ именемъ *иммунитетовъ*. Право иммунитета означало исключеніе изъ юрисдикціи королевскихъ чиновниковъ бенефиціарныхъ и феодальныхъ земель, при чемъ

наиболѣе распространены были пожалованія иммунитетовъ церкви. Въ иммунитетныя земли королевскіе чиновники не имѣли права въѣзда, и, какъ видно изъ нѣкоторыхъ актовъ, даже фальшивыхъ монетчиковъ они не могли преслѣдовать; подъ ихъ присмотромъ находились только водные и сухопутные пути. Для управленія и суда въ своихъ имѣніяхъ духовные и свѣтскіе феодалы создали поэтому цѣлый классъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ сложилась патримоніальная юстиція. Но и тутъ повторилось съ юрисдикціей то же, что и съ феодальной собственностью: феодалы уступали свои права по отправленію юстиціи и администрированію имѣній низшимъ себя по рангу лицамъ, въ деревняхъ обыкновенно фохтамъ и мерамъ, подъ условіемъ съ ихъ стороны разныхъ платежей. При этомъ нерѣдко бывало и такъ, что феодалъ не имѣлъ права патримоніальной юстиціи надъ нѣкоторыми группами населенія его территоріи, напр. колоновъ, зависимыхъ отъ него въ поземельномъ отношеніи, которые были подчинены юрисдикціи сосѣднихъ бароновъ и графовъ. Такимъ образомъ, данный цензуальный собственникъ могъ быть обязанъ одному феодалу взносомъ чинша, а въ то же время въ административномъ и судебномъ отношеніи быть подчиненнымъ власти другого феодала. Эта дробность юрисдикціи образовалась двумя путями: а) посредствомъ дарованія правъ юстиціи въ видѣ отдѣльныхъ леновъ сверху лицамъ, ниже стоящимъ въ феодальной іерархіи, и б) посредствомъ добровольнаго поступленія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общинъ подъ покровительство болѣе могущественнаго феодала, чѣмъ тотъ территоріальный владѣлецъ, на земляхъ котораго они жили. Такъ, въ Эльзасѣ многія общинныя земли нерѣдко были цензуальными по отношенію къ монастырямъ и въ то же время находились въ юрисдикціи сосѣднихъ графовъ и бароновъ.

Общій типъ феодальнаго хозяйства. Сложность обязательственныхъ отношеній, вытекавшихъ изъ землевладѣнія, подчиненія суду и администраціи, создавала для личности въ средніе вѣка много центровъ тяготѣнія, въ формахъ зависимости юридической, административной и хозяйственной. Центрами хозяйственнаго тяготѣнія средневѣкового населенія были господскіе дворы (Frohnhofe), т. е. хозяйства монастырскія, хозяйства свѣтскихъ феодаловъ и королевскія виллы (Hof-Closter und Villen-Wirthschaften). Къ этимъ центрамъ

сходились всѣ главнѣйшія нити, связывавшія средневѣковую личность зависимостью самаго разнообразнаго рода. При слабомъ развитіи государственной связи, вся жизнь личности въ средніе вѣка вращалась въ предѣлахъ господскаго двора, который былъ за-разъ и административнымъ, и политическимъ, и хозяйственнымъ центромъ. Каждый такой господскій дворъ заключалъ въ себѣ значительное количество земель, которыми онъ владѣлъ подъ самыми разнообразными титулами—цензивы, бенефиція или феода. По способу эксплоатаціи земли господскаго хозяйства раздѣлялись на двѣ категоріи. На одной части ихъ велось собственное хозяйство феодала подъ управленіемъ его чиновниковъ, министеріаловъ (Sal-land, Allod, Alleu, Frank alleu). Другая же, обыкновенно гораздо большая часть, обрабатывалась зависимыми лицами на началахъ цензуальнаго владѣнія (Zinsland). Собственное хозяйство господскихъ дворовъ велось на земляхъ, прилегавшихъ къ манастырямъ, замкамъ свѣтскихъ магнатовъ и въ королевскихъ виллахъ. Относительно этой поры (VIII—IX в.) весьма правдоподобна презумпція, что монастыри были первыми организаторами хозяйства по римскому образцу и, такъ сказать, піонерами раціональнаго сельскаго хозяйства, которое затѣмъ было усвоено въ королевскихъ виллахъ и въ имѣніяхъ свѣтскихъ феодаловъ. На земляхъ духовныхъ орденовъ велось, подъ управленіемъ монаховъ, образцовое для того времени хозяйство. Кромѣ хлѣбныхъ запашекъ, разбивались сады и виноградники, при усадьбахъ устраивались скотскіе дворы и птичники, строились мельницы, въ однихъ случаяхъ корчевался лѣсъ, а въ другихъ насаждался. Кромѣ того, для потребностей двора и монастыря организованы были ремесленныя мастерскія самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Всѣ работы на усадьбѣ, въ полѣ и въ мастерскихъ исполнялись трудомъ зависимыхъ отъ господскаго двора элементовъ населенія. Къ числу обязательствъ низшихъ категорій цензуальныхъ владѣльцевъ, т. е. тѣхъ, которые пользовались меньшею мѣрою личной свободы, рабовъ и литовъ, относилась также работа на собственномъ хозяйствѣ феодала въ теченіе опредѣленнаго числа дней въ году. При этомъ, трудомъ этихъ низшихъ категорій цензуальныхъ собственниковъ исполнялись всѣ хозяйственныя работы на господскомъ дворѣ, а именно на кухнѣ, въ винномъ погребѣ, въ пекарняхъ, а также уборка и молотьба хлѣба, поставка дровъ

изъ господскаго лѣса и т. п. Болѣе почетными считались внѣшнія хозяйственныя работы, т. е. полевыя; онѣ выполнялись частью колонами и частью литами. Вообще же всѣ работы на господскомъ хозяйствѣ выполнялись барщиннымъ трудомъ цензуальныхъ собственниковъ, и число дворовыхъ людей, предназначенныхъ для вседневной работы въ господскомъ хозяйствѣ и постоянно жившихъ въ господскомъ дворѣ (Cosseten, Hintersassen), было весьма незначительно Произведенія хозяйства феодальнаго двора составляли относительно меньшую часть въ общемъ доходѣ феодала, большая же часть его доходовъ слагалась изъ чиншей цензуальныхъ владѣльцевъ, подчиненныхъ феодальному двору, уплачиваемыхъ ими въ видѣ натуральныхъ продуктовъ или денегъ [1]). Владѣнія отдѣльнаго феодала иногда были разбросаны въ разныхъ провинціяхъ государства, а владѣнія монастыря нерѣдко выходили за предѣлы отдѣльнаго государства. Такъ, напримѣръ, владѣнія монашескаго

[1]) Для наглядиаго представленія хозяйственнаго строя господскаго двора,— все равно, принадлежалъ онъ свѣтскому феодалу, монастырю или королю, въ качествѣ частнаго владѣнія,—мы приводимъ здѣсь составъ владѣній и количества доходовъ (Zins) трехъ монастырскихъ имѣній VIII—IX вѣка: Прюмъ, Вердена и Блейденстадта. (Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingen-Periode. Inama-Sternegg. 1879 г. Leipzig—стр. 516).

			Прюмъ	Верденъ	Блейденстадтъ
Составъ земель		Число мѣстъ, въ которыхъ находились владѣнія.	285	449	36
		Число участковъ, на которыхъ велось собственное хозяйство.	340	9	8
		Бенефиціарныхъ земель.	80	Неизвѣстно	
		Цензуальныхъ участковъ (каждый изъ нихъ былъ достаточенъ для прокормленія одной средней семьи). . . .	1753	919	85
Два вида чинша	Доходъ въ видѣ натур. продуктовъ	Хлѣба въ зернѣ	6000 модіевъ	13760	490
		Льна	600 фунт.	—	33 ф.
		Свиней и поросятъ	1800 штукъ	25	11
		Куръ	4000 „	—	150
		Яицъ	20000 „	—	1700
		Меда	4 мѣры	179	—
		Вина	4000 модіевъ	—	6
		Денегъ.	1500 солед.	1011	92
	Барщины	Рабочихъ дней.	70000	4730	4447
		Количество подводъ.	4090	—	34

ордена бенедиктинцевъ во Франціи разбросаны были въ 27 провинціяхъ. Главнымъ центромъ, къ которому они тяготѣли, былъ монастырь Сенъ-Жерменъ де Пре въ Парижѣ. Швейцарскій монастырь Сенъ-Галленъ имѣлъ свои владѣнія въ Швейцаріи, Швабіи, Франконіи, Эльзасѣ и даже въ Италіи, также въ разныхъ странахъ Западной Европы владѣлъ землями монастырь Фульда и другіе. Группы монастырскихъ земель, расположенныя въ одной мѣстности, имѣли свой главный дворъ (Fisc), изъ котораго исходило управленіе доходами, собираемыми отъ зависимаго населенія окрестныхъ земель, и, по обыкновенію, на одномъ изъ участковъ велось небольшое собственное хозяйство монастыря [1]). Кромѣ чинша, господскій дворъ располагалъ еще другими формами дохода—разнаго рода регаліями и косвенными налогами.

Фискальные доходы господскаго двора. На первомъ планѣ здѣсь стояли доходы отъ монополій и акцизовъ со спиртныхъ напитковъ. Самымъ обычнымъ предметомъ феодальныхъ монополій были мельницы. Никто, кромѣ феодала, не могъ на его территоріи устраивать мельницъ и владѣть ими. Въ однихъ случаяхъ феодалы сами эксплоатировали, черезъ своихъ министеріаловъ, свои мельницы, получая доходъ отъ помола хлѣба окрестнаго населенія, въ другихъ случаяхъ они сдавали ихъ на откупъ. Акцизы съ вина взимались

[1]) О монастырскомъ хозяйствѣ того времени даетъ много фактическихъ данныхъ описаніе земельныхъ имуществъ и управленія ими одного изъ самыхъ замѣчательныхъ монашескихъ орденовъ—бенедиктинцевъ, которому принадлежало аббатство Сенъ-Жерменъ де Пре въ Парижѣ. Это аббатство, сначала подъ именемъ Saint Croux Saint Vincent, было основано въ Парижѣ (или возлѣ тогдашняго Парижа, на лугу, откуда и названіе его des Prés) въ 543 г. королемъ Жильбертомъ I, сыномъ Клодвига, и было однимъ изъ древнѣйшихъ во Франціи Въ моментъ описанія его, въ 800 г., аббатомъ Ирминономъ, оно владѣло помѣстьями въ 27 провинціяхъ (pagus) Франціи, при чемъ нѣкоторыя земли аббатства не вошли въ эту регистрацію Въ каждой изъ 27 провинцій аббатство владѣло нѣсколькими имѣніями, такъ что его имѣнія находились почти въ двухстахъ разныхъ мѣстахъ Центромъ, откуда исходило управленіе всѣми этими имѣніями, было аббатство Сенъ-Жерменъ въ Парижѣ, но оно управляло черезъ посредство своихъ филіаловъ, разбросанныхъ въ районахъ нахожденія земель Монастыри, церкви и каплицы аббатства, разсѣянные по всей Франціи, являлись пунктами, возлѣ которыхъ и сосредоточивалось административное управленіе землями (fiscus) Къ этимъ пунктамъ тяготѣло по нѣсколько имѣній и населенныхъ мѣстъ Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ районахъ такой административный центръ (fiscus) управлялъ только однимъ имѣніемъ, но иногда къ нему тяготѣло до 8 имѣній, и въ одномъ случаѣ даже болѣе сорока. Каждый изъ этихъ церковно-хозяйственныхъ филіаловъ Бенедиктинскаго аббатства велъ собственное хозяйство на земляхъ, прилегающихъ къ монастырю. Смотря по мѣстнымъ условіямъ, на этихъ земляхъ устраивались сады, виноградники или обрабатывались пашни, эксплоатиро-

въ нѣсколькихъ формахъ. Прежде всего за право содержанія питейныхъ домовъ и гостиницъ платился извѣстный ежегодный налогъ, аналогичный современному патенту; но, кромѣ этого особый налогъ платился за право раздробительной продажи; тотъ и другой обыкновенно уплачивался въ видѣ опредѣленной мѣры вина, рѣже— деньгами. Вообще вся посредническая торговля виномъ, какъ спеціальное занятіе (за исключеніемъ продажи его самыми производителями), была регулирована подробными предписаніями; напримѣръ, не позволялось въ одной гостиницѣ торговать вмѣстѣ двумя сортами вина, бѣлымъ и краснымъ, вѣроятно, для устраненія постороннихъ примѣсей Цѣны на вина вообще были таксированы. Фискъ, т. е. управленіе двора, сохранялъ за собою монополію раздробительной продажи вина, но не постоянно, а только въ теченіе опредѣленнаго числа дней въ году. Такъ, напр., аббатство Мюнстеръ пользовалось ею три раза въ году, и всякій разъ въ теченіе пятнадцати дней—около времени пасхи, пятидесятницы и т. п. Въ эти дни гостиницы или совсѣмъ не могли торговать виномъ, или же торговали виномъ, принадлежавшимъ аббатству, которое онѣ брали на комиссію за извѣстную плату. Въ нѣкоторыхъ районахъ было обязательно для всякаго жителя феодальной территоріи въ эти дни покупать въ господскомъ дворѣ опредѣленное количество вина, и.

вались рыбныя ловли, мельницы и т. п., при этомъ хозяйственная иниціатива исходила отъ главнаго управленія монастыря Сенъ-Жерменъ въ Парижѣ. Аббатъ Ирминонъ, стоявшій во главѣ Бенедиктинскаго ордена въ 800 г., за 20 лѣтъ своего управленія посадилъ 94 арпана виноградниковъ въ семи владѣніяхъ монастыря, расчистилъ подъ пашни извѣстное пространство земель, на которыхъ высѣвалось до 60 модіевъ пшеницы, обратилъ подъ культуру одинъ обширный островъ на р. Сенѣ, построилъ 7 новыхъ мельницъ, три мельницы перестроилъ заново, соорудилъ каменную стѣну въ одномъ изъ провинціальныхъ монастырей и при двухъ церквахъ въ провинціи устроилъ госпитали для монаховъ и посѣтителей. Для управленія этими имѣніями, охраны лѣса, земель и угодій существовалъ обширный штатъ чиновниковъ, которые носили названіе меровъ, вилликовъ, деканозъ и т. п. На территоріи аббатства жилъ также многочисленный классъ зависимыхъ отъ него ремесленниковъ. Въ одномъ изъ монастырей аббатства *Corbie*, во время управленія аббата Адаляра, масса ремесленниковъ, раздѣленныхъ по спеціальностямъ (по камерамъ, chambres), жила въ самомъ монастырѣ и работала на монастырь, а нѣкоторая часть ихъ жила внѣ монастырскихъ стѣнъ, въ селахъ. Изъ ремеслъ зарегистрированы: сапожники, сукновалы, кузнецы, слесаря, ювелиры, оружейные мастера, плотники, каменщики, врачи, не считая тѣхъ, которые работали на монастырской кухнѣ, въ пекарнѣ, пивной, винномъ погребѣ, больницѣ. Внѣ монастыря поселены были рабочіе, которые заняты были на мельницахъ, въ саду, въ мастерской повозокъ, на виноградникахъ, огородѣ, конскомъ заводѣ, птичникѣ, рыбныхъ ловахъ, пасли стада и т. п. Politique de l'abbé Irminon. T I, стр. 49

если онъ этого не исполнилъ добровольно, то вино посылалось ему на домъ, вливалось въ бочку, назначенную для воды, и при этомъ, конечно, бралась соотвѣтствующая стоимость этого вина.

Существовали еще налоги за провозъ товаровъ по дорогамъ, мостамъ и каналамъ, а также подорожная и подводная повинность. Кромѣ того, общины должны были снабжать всѣмъ необходимымъ продовольствіемъ феодала и его чиновниковъ въ дни торжественныхъ собраній (tria placita legitima), въ періодъ которыхъ собирались налоги, творился судъ и подтверждались договоры; а также при всякомъ проѣздѣ феодала по его территоріи населеніе обязано было угощать его и его свиту торжественнымъ обѣдомъ, поставлять кормъ людямъ и лошадямъ. Всѣ эти обязательства строго опредѣлены были до мельчайшихъ подробностей въ цензуальныхъ грамотахъ и оставались неизмѣнными въ теченіе вѣковъ; въ этихъ грамотахъ указывалось даже, изъ сколькихъ блюдъ долженъ быть выданъ обѣдъ для аббата и его чиновниковъ (avoues, Schultheis, maire) при посѣщеніи ими общины и изъ сколькихъ для сеньора, которому принадлежала юстиція въ данномъ раіонѣ.

Отправленіе юстиціи было для господскаго двора также источникомъ дохода, такъ какъ всякій актъ ея сопровождался штрафами съ обвиненныхъ, поступавшими въ пользу сеньора, которому принадлежала юстиція. Мы уже раньше указывали, что юстиція очень часто принадлежала не тому сеньору, который былъ верховнымъ собственникомъ территоріи цензуальныхъ земель, а двору другого, сосѣдняго, сеньора. Также весьма часто сеньоръ уступалъ юстицію надъ цензуальными владѣльцами, въ видѣ лена, особому чиновнику. Но бывало и такъ, что право юстиціи (zewing, ban) принадлежало тому же двору и тому сеньору, которому принадлежала территорія,— тогда доходы его съ мѣстнаго населенія удваивались. Мауреръ разсказываетъ одинъ анекдотъ, прекрасно характеризующій финансовую политику феодальныхъ сеньоровъ, которые изъ финансовыхъ соображеній старались доставить населенію возможно больше поводовъ прибѣгать къ ихъ суду. Обыкновенно дворовыя житницы и кладовыя изобиловали продуктами, получаемыми въ видѣ чинша; ихъ накоплялось больше, чѣмъ требовалось для потребностей самого двора. У одного феодала,—разсказываетъ Мауреръ,—скопилось много вина, для котораго не представлялось на сторону никакого сбыта.

тогда онъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости. Въ одинъ день слуги сеньора объявили всѣмъ его поданнымъ, что погреба его открыты для всѣхъ желающихъ даромъ попить вина. Это привлекло все населеніе, и черезъ нѣсколько дней весь большой запасъ вина господскаго погреба былъ выпитъ. Но попойка, длившаяся нѣсколько дней, дала поводъ къ массѣ столкновеній и дракъ, которыя повели къ судебнымъ процессамъ. Мудрый сеньоръ, соединявшій въ качествѣ собственника территоріи и аттрибуты верховнаго судьи, вступился за нарушенный порядокъ, произвелъ судъ, наложилъ на виновныхъ судебныя пени, и такимъ образомъ стоимость выпитаго вина была оплачена.

Значительный ростъ финансовыхъ доходовъ господскаго двора, въ видѣ чиншей, рентъ, баналитетовъ, акцизовъ, разнаго рода пошлинъ и судебныхъ пеней, все болѣе отодвигалъ на задній планъ интересъ феодаловъ къ веденію собственнаго дворового хозяйства. Количество земель, обрабатываемыхъ феодаломъ для своихъ нуждъ, съ теченіемъ времени уменьшалось. Феодальные владѣльцы все меньше занимались производствомъ, становясь гораздо болѣе правителями и собирателями доходовъ, чѣмъ частными хозяевами. Феодальное помѣстье, оставаясь единицею владѣнія, теряло значеніе единицы хозяйства: центръ тяжести послѣдняго переходилъ на крестьянскій оброчный надѣлъ.

Если ко всѣмъ правамъ, которыми обладалъ феодалъ надъ своей территоріей, въ качествѣ верховнаго собственника, хозяина, судьи и администратора, присоединить еще право чисто суверенной власти и даже обязанность по отношенію къ королю держать войско, тогда феодальная территорія представится намъ тѣмъ, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ была—государствомъ въ государствѣ. Феодальный раіонъ заключалъ въ себѣ даже бо́льшую полноту государственныхъ функцій, чѣмъ тогдашнее государство; это послѣднее, представляемое королемъ, было по преимуществу организаціей военной защиты. Король пользовался вполнѣ прерогативами государственной, судебной и административной власти, но только въ своихъ частныхъ имѣніяхъ—виллахъ; эти права его не отличались отъ тѣхъ, которыми располагалъ всякій свѣтскій и духовный феодалъ въ своихъ имѣніяхъ. Внѣ королевскихъ виллъ и небольшого числа свободныхъ общинъ король не имѣлъ никакого непосредственнаго отношенія къ населенію феодовъ и бенефицій.

Государственная организація военной защиты была главною функціей королей феодальной эпохи, но въ случаѣ войны они обращались съ призывомъ въ военную службу не непосредственно къ населенію государства, а къ феодаламъ, и тѣ поставляли войска, вооруженіе, весь подвижной составъ, повозки, лошадей и провизію. Въ области государственной юстиціи королю также принадлежало не много. Въ земли, пользовавшіяся иммунитетомъ, королевскіе чиновники не имѣли права въѣзда даже для разбора судебныхъ дѣлъ.

На территоріяхъ феодаловъ, не пользовавшихся иммунитетами, королю принадлежала подсудность по преступленіямъ высшаго рода, т. е. уголовнымъ. Но обыкновенно свою юрисдикцію въ этихъ земляхъ король уступалъ, въ видѣ лена, своимъ чиновникамъ, оставляя за собою одну часть штрафныхъ денегъ, другая часть которыхъ поступала въ пользу мера, авуэ и шультгайса, производившихъ судъ именемъ короля. Государственныхъ финансовъ въ современномъ смыслѣ не существовало; такъ какъ королевская власть не заключала въ себѣ большей части функцій современной центральной власти, то поэтому не было надобности въ системѣ общихъ государственныхъ налоговъ. Издержки же содержанія королевскаго двора покрывались доходами, получаемыми изъ королевскихъ виллъ, т. е. частныхъ имѣній короля.

Имѣя въ виду изобразить феодализмъ, какъ систему аграрныхъ отношеній, мы тѣмъ не менѣе въ разныхъ частяхъ нашего очерка должны были касаться политической, судебной и административной организаціи феодализма; этотъ пріемъ вытекалъ изъ самого существа нашей задачи и самъ себя оправдываетъ. Мы видѣли, что формы личной зависимости въ средніе вѣка имѣли рѣшительное вліяніе на складъ землевладѣнія и характеръ института поземельной собственности. Во всякомъ случаѣ, формы подчиненія личности въ средніе вѣка—все равно, принимали ли онѣ характеръ частноправовой или политической зависимости—находятся въ тѣсной связи съ превращеніемъ частнаго и общиннаго землевладѣнія въ феодальную и цензивную собственность и образованіемъ средневѣковаго типа земледѣльческаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе феодальныхъ формъ зависимости ложило рѣшительный отпечатокъ и на организацію обрабатывающей промышленности на ранней ступени ея развитія.

Обрабатывающая промышленность въ средніе вѣка.

Цехи. Переходъ отъ феодальнаго хозяйства къ хозяйству новаго времени подготовлялся двумя народно-хозяйственными явленіями первостепенной важности: выдѣленіемъ обрабатывающей промышленности, какъ спеціальнаго занятія отдѣльнаго класса общества, въ формѣ средневѣковыхъ цеховъ, и образованіемъ городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ примитивныя формы обработки сырьевыхъ продуктовъ слиты были съ сельскимъ хозяйствомъ. Ремесла были необходимою принадлежностью всякаго домашняго хозяйства, при чемъ большая часть домашнихъ ремеслъ тогда лежала на обязанности женщинъ. По древней германской пословицѣ, веретено и ткацкій станокъ такъ же были принадлежностью хозяйки дома, какъ мечъ—мужчины. Но ремесленный трудъ впервые получилъ правильную организацію въ формѣ цеховъ [1]). Въ исторіи цеховъ можно различить три періода: 1) возникновенія цеховъ изъ господскихъ мастерскихъ, 2) полнаго развитія цеховой организаціи и 3) вырожденія цеховъ.

Зародышъ цеховой организаціи, несомнѣнно, наблюдается уже въ господскихъ мастерскихъ, которыя въ особенности получили значительное развитіе въ королевскихъ виллахъ и монастырскихъ хозяйствахъ Извѣстно изъ капитулярій Карла Великаго, что заведеніе мастерскихъ въ королевскихъ виллахъ было предметомъ его особенной заботливости, и, повидимому, организація ремеслъ была доведена въ нихъ до возможнаго въ то время совершенства. Особенное развитіе эти мастерскія получили въ монастыряхъ Въ VIII и IX в.в. славились своими мастерскими монастыри—Фульда, Страсбурга, Кёльна, Парижа, Сенъ-Галена. Въ хозяйственномъ инвентарѣ Сенъ-Галленскаго монастыря 820 г. названы мастерскія (Hofrechtliche Innungen)—бочаровъ, токарей, пивоваровъ, башмачниковъ, сѣдельщиковъ, мечей и оружія, дубильщиковъ кожъ, кузнецовъ, золотыхъ дѣлъ и валяльщиковъ суконъ. Нѣкоторые монашескіе ордена отличались техническими познаніями. Бенедиктинцы, напримѣръ, были образованнѣйшими архитекторами своего времени;

[1]) Названіе цеховъ произошло отъ слова Zeche, синонима Trinkstube—питейный домъ, харчевня,—гдѣ собирались ремесленники для обсужденія своихъ профессіональныхъ дѣлъ.

въ ихъ школахъ обучались живописи, рисованію, скульптурѣ, каллиграфіи, имѣвшей тогда особенное значеніе при отсутствіи книгопечатанія, а также литейному дѣлу, приготовленію шелковыхъ матерій, разныхъ утонченныхъ издѣлій изъ слоновой кости и т. п. Монастырскія мастерскія имѣли свою довольно детально разработанную систему управленій. Для управленія разнообразными отраслями своего хозяйства монастыри располагали значительнымъ штатомъ монастырскихъ чиновниковъ, носившихъ названіе министеріаловъ. Отдѣльными мастерскими при монастыряхъ завѣдывали лучшіе техники по той или другой спеціальности. Благодаря правильной организаціи ремеслъ, а также техническимъ усовершенствованіямъ, перенятымъ монастырями отъ южныхъ итальянскихъ городовъ, въ свою очередь унаслѣдовавшихъ ихъ отъ древняго Рима, производство господскихъ мастерскихъ такъ расширилось, что начало превышать потребности монастырей въ обработанныхъ продуктахъ. Получался излишекъ производства, для котораго нужно было найти сбытъ на сторону, въ обмѣнъ на продукты земледѣлія и даже деньги. Отвѣтомъ на эту потребность, предъявленную монастырскими хозяйствами, явились періодическія ярмарки въ стѣнахъ монастыря, господскаго двора или возлѣ нихъ, гдѣ предлагались для продажи монастырскіе продукты. Эти ярмарки (по дословному переводу съ нѣмецкаго Jahrmarkt—годичный рынокъ) были сначала ежегодными и происходили въ дни церковныхъ праздниковъ (messa) [1]), но съ развитіемъ торговли онѣ превратились въ еженедѣльныя ярмарки, затѣмъ и въ постоянные рынки (Wochenmarkt и Tagmarkt). Для нуждъ рыночнаго оборота были затѣмъ устроены постоянные склады товаровъ, лавки, общественные вѣсы и т. п. приспособленія. Въ виду развитія мѣновыхъ оборотовъ, монастыри и болѣе значительные свѣтскіе владѣльцы начали чеканить монеты. Монету обыкновенно чеканили передъ большими ярмарками, которыя совпадали съ значительными годовыми праздниками—св. Михаила. Троицы и т. п. Установился такой обычай, что пріѣзжіе на ярмарку должны были для торговыхъ оборотовъ употреблять только мѣстную монету, а для этого имъ приходилось обмѣнивать извѣстное количество привозимой ими

[1]) Въ нѣмецкомъ языкѣ до сихъ поръ messa означаетъ и церковную службу, и ярмарку.

иногородной монеты. Обычай этотъ установился частью въ фискальныхъ интересахъ самого двора, желавшаго воспользоваться при обмѣнѣ извѣстнымъ лажемъ, но, кромѣ того, онъ былъ разсчитанъ на исключеніе изъ оборота фальшивой и легковѣсной монеты, выпускъ которой былъ распространеннымъ способомъ спекуляціи феодальныхъ владѣльцевъ. Промышленное значеніе, которое начали пріобрѣтать господскія мастерскія, вслѣдствіе того, что онѣ стали работать для сбыта на рынокъ, не осталось безъ вліянія какъ на личное положеніе самихъ ремесленниковъ, такъ и на отношеніе ихъ къ господамъ и монастырямъ. Господскіе и монастырскіе ремесленники въ первую пору являются людьми не свободнаго состоянія (hofhörige, serviles), но, по мѣрѣ расширенія производства господскихъ мастерскихъ и особенно съ возрастаніемъ значенія торговыхъ пунктовъ, основанныхъ монастырями и свѣтскими феодальными владѣльцами, они пріобрѣтаютъ личныя и имущественныя права, а въ заключеніе обрываютъ всякую связь съ господскимъ хозяйствомъ, образуя изъ себя свободныя корпораціи или цехи. Такая перемѣна, имѣвшая громадное значеніе для дальнѣйшаго развитія обрабатывающей промышленности, отчасти вызвана была хозяйственнымъ разсчетомъ самихъ феодальныхъ владѣльцевъ и монастырей, приспособившихся къ новымъ условіямъ. Дѣло въ томъ, что съ развитіемъ ярмарокъ и обмѣна измѣнились статьи ихъ дохода, и въ особенности явилось много новыхъ, а именно: доходы отъ разныхъ учрежденій для мѣновой торговли, съ найма лавокъ, складовъ, городскихъ вѣсовъ, чеканки монеты и проч. Теперь уже владѣльцы торговыхъ мѣстъ несравненно болѣе были заинтересованы въ разныхъ хозяйственныхъ выгодахъ, связанныхъ съ учрежденіемъ рынковъ, чѣмъ въ сохраненіи личной зависимости отъ нихъ ремесленнаго класса. Ихъ заботы направляются на привлеченіе возможно большаго населенія въ эти торговые пункты, которые мы уже въ этотъ моментъ можемъ назвать городами въ промышленномъ смыслѣ,—на расширеніе торговаго оборота, такъ какъ все это обѣщало новыя обильныя фискальныя статьи дохода.

Организація свободныхъ цеховъ. Вслѣдствіе причинъ, указанныхъ въ предыдущемъ изложеніи, ремесленныя мастерскія превращаются изъ отдѣльной отрасли частнаго хозяйства (господскаго или

монастырскаго) въ цѣлую отрасль народнаго хозяйства. Взамѣнъ прежней работы на монастырь или господскій дворъ, теперь онѣ ведутъ все производство на собственный счетъ и сбываютъ свои произведенія на городскомъ рынкѣ, въ обмѣнъ на произведенія сельскаго хозяйства. Правда, доходы господскаго двора отъ этого едва ли пострадали, но для нихъ открылись иные источники. Всѣ личныя обязательства ремесленниковъ, которыми они были связаны съ господскимъ дворомъ, превращаются въ реальныя. Ремесленныя корпораціи остаются жить въ зданіяхъ, принадлежащихъ монастырю, но уже платятъ за нихъ опредѣленную наемную плату (Zins, чиншъ). Далѣе, всякое использованіе съ ихъ стороны разными торговыми учрежденіями, лавками, складами для товаровъ, площадями для рынковъ, городскими вѣсами и мѣрами, составлявшими частную собственность епископовъ и феодаловъ, сопряжено было съ цѣлою системою косвенныхъ и прямыхъ налоговъ, которые съ избыткомъ вознаграждали господскій дворъ за тотъ ущербъ, который непосредственно влекло за собою освобожденіе дворовыхъ мастеровыхъ.

Не всѣ, однако, цеховыя организаціи произошли изъ господскихъ мастерскихъ. На ряду съ цехами этого происхожденія существовали цехи, искони вольные. Нѣкоторыми ремеслами высшаго ранга, граничащими съ художествами, занимались вольные мастера и лица привилегированнаго класса, которые организовались по образцу зависимыхъ цеховъ. Среди этихъ искони вольныхъ цеховъ чаще всего встрѣчались цехи золотыхъ дѣлъ мастеровъ, монетчиковъ и т. п.

Вопросъ о происхожденіи свободныхъ цеховъ не вполнѣ выясненъ въ исторической литературѣ. Извѣстно, что многія купеческія гильдіи и корпораціи этой поры образовались изъ странствующихъ горговцевъ, которые сначала, подъ охраною дарованныхъ имъ королями и видными феодалами грамотъ, занимались торговлею въ развозъ, переѣзжая изъ одного населеннаго пункта въ другой, а затѣмъ осѣли подъ защитою городскихъ стѣнъ, выговоривъ себѣ у владѣльцевъ городовъ привилегію корпоративнаго самоуправленія. По аналогіи можно предположить, что такимъ же образомъ образовались и свободные цехи изъ странствующихъ ремесленниковъ, которыхъ, повидимому въ X—XI вѣкѣ, въ особенности въ Германіи,

было много. Эти ремесленники (портные, сапожники, чесальщики шерсти, столяры и т. п.) ходили по дворамъ и исполняли въ домахъ заказчиковъ требуемую работу. Для ремесленниковъ этой категоріи поселеніе на жительство въ городѣ, какъ центрѣ мѣстной торговли, было привлекательно тѣмъ, что обезпечивало большее постоянство ихъ работы, а также связано было съ привилегіями и преимуществами, которыхъ лишены были жители феодальныхъ территорій.

Почему именно вольные ремесленники, а также бывшіе крѣпостные ремесленники господскихъ мастерскихъ приняли профессіональную корпоративную организацію—это ясно изъ всей соціальной обстановки средневѣковой жизни въ періодѣ отъ XI до XV вѣка. Причины, заставлявшія ремесленниковъ соединяться въ цехи, заключались въ томъ, что, по условіямъ времени, только въ формахъ союзной организаціи можно было найти: 1) защиту личности, имущества и правильно организованнаго суда, 2) осуществить матеріальную самопомощь и охрану производства отъ взаимной конкуренціи, 3) обезпечить удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, занимавшихъ въ средніе вѣка видное мѣсто въ народной жизни. Въ средніе вѣка поэтому корпоративная организація выходила далеко за предѣлы ремеслъ. За исключеніемъ несвободныхъ лицъ и крѣпостного крестьянства, а, съ другой стороны, феодаловъ, всѣ профессіи замкнулись въ корпораціи и союзы: мѣнялы, врачи, учителя, гробокопатели, даже нищіе и проститутки. Монашество и рыцарство, въ свою очередь, были организованы въ ордена.

Когда говорятъ о цехахъ, то обыкновенно связываютъ съ ними представленіе о ихъ замкнутости, препятствовавшей поступленію въ ихъ составъ новыхъ членовъ, о необычайно дробной спеціализаціи ремесленнаго труда, которая вела къ безконечнымъ спорамъ разныхъ цеховыхъ корпорацій изъ-за предѣловъ ремесла и очень затрудняла заказчиковъ, такъ какъ послѣднимъ не всегда было извѣстно, къ компетенціи какого цеха относилось то или другое производство. Эти и тому подобныя явленія дѣйствительно существовали въ жизни цеховъ, но они относятся къ болѣе позднѣйшему времени—къ періоду ихъ вырожденія. Организація же цеховъ въ періодъ ихъ процвѣтанія, въ XII—XIII и XIV в.в., вполнѣ соотвѣтствовала интересамъ вновь нарождающагося промышленнаго класса, а также интересамъ потребителей и, какъ мы

убѣдимся изъ разсмотрѣнія разныхъ сторонъ цехового устройства, предоставляла всѣ гарантіи для успѣшнаго развитія обрабатывающей промышленности при тогдашнихъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ.

Цехи, въ періодъ своего процвѣтанія, представляли болѣе тѣсную связь членовъ, чѣмъ та, которую мы видимъ въ современныхъ промышленныхъ ассоціаціяхъ: они были, по выраженію Рошера, промышленными братствами. Члены одного цеха нерѣдко жили на общей квартирѣ, во всякомъ случаѣ на одной опредѣленной улицѣ [1]), принадлежали къ одному церковному приходу и имѣли общаго патрона въ лицѣ какого-нибудь особенно чтимаго ими святого. Видную сторону цеховой жизни представляли религіозныя церемоніи и торжественные ходы по городу въ дни цеховыхъ праздниковъ, а также парадныя похороны умершихъ членовъ [2]). Цехи были связаны солидарною взаимною помощью во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ семейной и хозяйственной жизни. Существовали общія кассы, назначеніе которыхъ было оказывать пособіе членамъ цеховъ въ случаѣ безработицы, а также вспомоществованіе вдовамъ и больнымъ, лишеннымъ возможности работать. Самый тщательный взаимный надзоръ за личнымъ поведеніемъ членовъ цеха постоянно держалъ на извѣстной высотѣ нравственную репутацію цеховъ Члены цеховъ, погрѣшавшіе противъ общихъ моральныхъ требованій, если противъ нихъ оказывалась безсиль-

[1]) Въ Гамбургѣ, напримѣръ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, улицы носили названіе тѣхъ цеховъ, которые ихъ населяли. Тамъ существовали улицы— булочниковъ, кузнецовъ, сѣдельщиковъ, шубниковъ и т. п. (Bäcker-, Schmiede- etc — Gasse) еще въ тотъ моментъ, когда эти цехи не вполнѣ освободились отъ господскаго двора. Maurer Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland I, стр 63

[2]) Эта сторона жизни цеховъ послужила поводомъ нѣкогда господствовавшей въ наукѣ, но теперь отвергнутой, теоріи происхожденія цеховъ, принадлежащей нѣмецкому ученому Вильде. Вильде доказывалъ, что цехи произошли изъ религіозныхъ обществъ, учреждавшихся съ цѣлью отправленія тѣхъ или другихъ религіозныхъ обрядовъ—чествованія храмовыхъ праздниковъ, торжественныхъ похоронъ умершихъ членовъ общества и т п Теорія эта опровергнута документальными изслѣдованіями Шмоллера, который доказалъ, что цехи, при самомъ своемъ возникновеніи, имѣли характеръ промышленныхъ товариществъ; а что касается религіозной стороны въ жизни цеховъ, то Шмоллеръ показалъ, что религіозныя церемоніи въ средніе вѣка занимали видное мѣсто въ жизни всѣхъ средневѣковыхъ классовъ общества и не составляли спеціальной особенности быта ремесленнаго класса. Но, на ряду съ промысловыми цехами, дѣйствительно существовали церковныя братства ремесленниковъ, ставившія себѣ задачу устройства похоронныхъ кассъ, снабженія своей приходской церкви свѣчами и т. п

ной цѣлая система дисциплинарныхъ взысканій, изгонялись изъ корпорацій. Выгнанные изъ цеховъ становились въ положеніе изгоевъ (Bonhase), положеніе которыхъ было очень тяжелое въ этотъ вѣкъ, когда всякій человѣкъ для охраны личной безопасности долженъ былъ находиться или подъ защитой феодальнаго барона, или же, какъ это имѣло мѣсто въ XII вѣкѣ, подъ защитой какой-нибудь корпораціи.

Та строгая и подробнѣйшая регламентація, которою отличалось цеховое устройство въ періодъ своего процвѣтанія, по своему времени, была необходима для того, чтобы дать окрѣпнуть зарождавшейся обрабатывающей промышленности. Это видно уже изъ того, что она исходитъ не сверху, а со стороны самого промышленнаго класса, при чемъ законодателями являются сами ремесленники, которые находили для себя необходимою цеховую регламентацію производства. И, дѣйствительно, цеховая регламентація въ томъ видѣ, какъ она является въ цеховыхъ статутахъ XIII —XIV в., была какъ бы разсчитана на: 1) усовершенствованіе самаго производства, 2) обезпеченіе интересовъ промышленнаго класса и 3) даже на возможно лучшее соблюденіе интересовъ самихъ потребителей.

1) Техническое раздѣленіе труда, положенное въ основаніе цеховой организаціи, было чрезвычайно благопріятно для усовершенствованія производства разныхъ ремесленныхъ издѣлій. Такое же значеніе имѣла система обученія ремесламъ и весь порядокъ прохожденія цеховой карьеры. Всякій членъ цеха долженъ былъ, для того, чтобы достигнуть званія мастера, пройти долгіе годы обученія, обыкновенно отъ 5 до 7 лѣтъ, сначала въ качествѣ ученика, затѣмъ подмастерья. Обученіе мастерству не ограничивалось пребываніемъ у одного мастера: въ систему цехового образованія входило также путешествіе по разнымъ городамъ, которые славились какимъ-либо особеннымъ искусствомъ въ приготовленіи своихъ издѣлій. Въ Германіи такими городами были: Нюренбергъ, славившійся своими часами, Кельнъ, Страсбургъ и Аугсбургъ— суконными издѣліями и т. п. Путешествія цеховыхъ учениковъ, съ цѣлью полученія техническаго образованія, имѣли настолько правильную организацію, что для удобства странствующихъ ремесленниковъ въ значительныхъ городахъ устроены были, по взаимному соглашенію цеховъ, особые гостиницы и пріюты (Herberge),

въ которыхъ пришлые ремесленники пользовались полнымъ гостепріимствомъ мѣстныхъ цеховъ, получали квартиру и столъ. Послѣ долгихъ годовъ обученія цеховой ученикъ долженъ былъ выдержать экзаменъ, состоявшій, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ представлялъ цеховому начальству образцовое произведеніе своего ремесла (Meisterstück). Затѣмъ онъ получалъ званіе подмастерья и черезъ нѣсколько лѣтъ званіе мастера. Цехи, въ лучшій періодъ ихъ исторіи, вовсе не имѣли того кастическаго, замкнутаго характера, которымъ они отличались въ эпоху своего упадка и вырожденія. Доступъ къ званію подмастерья и мастера былъ открытъ для всякаго лица, независимо отъ его происхожденія: для этого требовалось только пройти предписанную цеховымъ регламентомъ школу обученія и іерархическую служебную лѣстницу. Отъ вступающаго въ цехъ, хотя бы въ качествѣ ученика, требовался единовременный взносъ небольшой суммы въ цеховую кассу, который открывалъ зато для новаго члена доступъ къ пользованію всѣми цеховыми благотворительными учрежденіями — кассой взаимопомощи и т. п.

2) Цеховая организація вполнѣ гарантировала интересы промышленнаго класса. Раздѣленіе занятій между цехами,—при чемъ каждый цехъ имѣлъ опредѣленную спеціальность, которою не могъ заниматься другой, рядомъ стоящій, цехъ,—дѣлая каждый цехъ общественно необходимымъ въ системѣ ремесла, тѣмъ самымъ вполнѣ обезпечивало для каждаго цеха сбытъ его произведеній. Благодаря началу монополіи и раздѣленія занятій, между цехами одного города была совершенно исключена взаимная конкуренція, которая могла выдвинуть однородные цехи одни передъ другими и для многихъ цеховъ быть гибельной. Чтобы обезпечить всѣмъ цехамъ сбытъ ихъ произведеній, не только тщательно опредѣлялись предѣлы спеціальности его ремесла, но на это, повидимому, было разсчитано ограниченіе размѣровъ производства. Эти ограниченія направлялись какъ на капиталъ производства, такъ и на число рабочихъ, занятыхъ въ отдѣльныхъ цехахъ, и на продолжительность рабочаго дня. Такъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ ткачамъ запрещалось имѣть больше двухъ станковъ. Въ видахъ ограниченія размѣровъ производства было опредѣлено максимальное число учениковъ и подмастерьевъ, которое могъ содержать одинъ мастеръ.

Въ Кельнѣ въ XIV в. было ограничено производство одѣялъ въ теченіе одного дня: для мастера—числомъ четырехъ, а для подмастерья—трехъ. Впрочемъ, ограниченія послѣдняго рода имѣли мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда не существовало ограниченія относительно количества учениковъ и подмастерьевъ, занятыхъ у одного мастера.

3) Монополія цеховыхъ ремеслъ, при сравнительной немногочисленности персонала ремесленнаго класса, создавала крайне неблагопріятныя условія потребителей и покупателей ремесленныхъ издѣлій. По словамъ Зомбарта, «положеніе рынка въ средніе вѣка характеризовалось тѣмъ, что сравнительно сильному спросу на ремесленныя издѣлія противопоставлено было слабое предложеніе ихъ, такъ что въ дѣйствительности на одного продавца продуктовъ обрабатывающей промышленности приходилось два покупателя». При такихъ условіяхъ открывался широкій просторъ для эксплоатаціи потребителей, но для устраненія этого зла были разсчитаны другія стороны цеховой регламентаціи, развившіяся подъ вліяніемъ совѣтовъ городскихъ управленій (Stadtrath), выступавшихъ на защиту интересовъ остального городского населенія противъ своекорыстныхъ стремленій цеховыхъ организацій. Цеховыми статутами были предписаны какъ качество издѣлій, такъ нерѣдко и цѣны, по которымъ они должны продаваться. Каждый цехъ несравненно въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ наше время фирма, ручался передъ потребителями за качество своихъ издѣлій. Регенсбургскій статутъ, напримѣръ, запрещалъ изготовлять сукно дурного качества подъ штрафомъ извѣстной суммы денегъ. Страсбургскій статутъ запрещалъ примѣшивать при изготовленіи сукна пеньковыя нитки къ шерсти. Предписаны были также длина и ширина изготовленныхъ суконъ. Особая цеховая полиція контролировала качества издѣлій, предлагаемыхъ въ продажу, въ отношеніи того, насколько они отвѣчали цеховымъ предписаніямъ. На сукно дурного качества чины дозорной полиціи (Schaupolizei) налагали штрафной штемпель или дѣлали ножницами одну-двѣ вырѣзки, изъ которыхъ каждая оплачивалась особымъ штрафомъ. А штрафы, при тогдашней грубости нравовъ, бывали нерѣдко очень жестокіе: виновные подвергались отсѣченію пальцевъ на рукѣ и рукъ, куски дурного сукна разрывались на спинѣ виновнаго и т. п. Сукно, удовлетво-

рившее цеховымъ регламентамъ, обозначалось однимъ штемпелемъ, а болѣе высокаго качества двумя штемпелями. Такъ какъ издѣлія изъ металловъ представляли для покупателей ихъ наибольшую трудность при распознаваніи качества и состава металла, то контроль надъ качествами издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ былъ порученъ особымъ пробирнымъ учрежденіямъ, которыя и ведутъ свое начало со времени средневѣковыхъ цеховъ. По мнѣнію Шмоллера, запрещеніе работы при свѣчахъ, практиковавшееся въ средніе вѣка, также имѣло своею цѣлью гарантировать качество произведеній ремесла, потому что не могло быть хорошей работы при тогдашнемъ дурномъ освѣщеніи, да и нѣкоторые матеріалы производства портились отъ копоти свѣтильниковъ (напр., шерсть). Хотя это постановленіе могло быть издано также въ видѣ предосторожности отъ столь частыхъ въ средніе вѣка пожаровъ. Но въ особенности гарантировались интересы потребителей противъ злоупотребленія монополіей цеховъ въ отношеніи цѣнъ ремесленныхъ издѣлій. Это достигалось таксировкою цѣнъ почти всѣхъ продуктовъ цехового производства, которая практиковалась какъ городскими совѣтами, въ составъ которыхъ входили и представители цеховъ, такъ и непосредственно самими цеховыми управленіями. Наибольше были распространены таксы на предметы первой необходимости, какъ то: хлѣбъ, пиво и мясо,—изъ чего можно заключить, что таксы имѣли цѣлью охранять интересы менѣе состоятельныхъ классовъ. Хлѣбъ ниже узаконеннаго вѣса обыкновенно конфисковался въ пользу бѣдныхъ города. Само собою, разумѣется, что всякая примѣсь постороннихъ веществъ къ мукѣ строго преслѣдовалась. Таксы на хлѣбъ строго примѣнялись къ цѣнамъ на муку и измѣнялись соотвѣтственно колебаніямъ этихъ послѣднихъ. Такъ, въ Лейпцигѣ съ марта 1593 г. до февраля 1596 г. такса на хлѣбъ была перемѣнена до 188 разъ.

Вырожденіе цеховой организаціи. Цехи, въ періодъ своего расцвѣта, представляли прогрессивную организацію промышленности и ремесленнаго класса, которая привела къ освобожденію ремесленниковъ отъ ихъ зависимости отъ господскаго двора, завоевала имъ положительныя права по владѣнію недвижимостью, открыла имъ доступъ къ участію въ городскомъ управленіи, вообще подняла значеніе ремесленнаго класса въ средневѣковомъ обществѣ, въ ко-

торомъ до того времени соціальное положеніе лица исключительно зависѣло отъ поземельныхъ привилегій. Но, съ усложненіемъ жизненныхъ условій, цехи, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, достигли такого пункта, когда они уже становились тормозомъ для развитія обрабатывающей промышленности, и многочисленныя группы лицъ, искавшихъ приложить свой трудъ въ этой отрасли промышленности, встрѣчали серьезную преграду въ тѣхъ рамкахъ, которыя созданы были цеховою организаціею. Въ эту пору ремесленныя спеціальноети достигаютъ крайняго дробленія; напримѣръ, были случаи, когда приготовленіе разныхъ сортовъ гвоздей распредѣлялось чуть ли не между двадцатью отдѣльными цехами, такъ что трудно было опредѣлить границы двухъ соприкасающихся ремеслъ. и это давало поводъ къ нескончаемымъ спорамъ и процессамъ между соприкасающимися по своей спеціальности цехамъ. Представители цеховъ ревниво слѣдили другъ за другомъ и рѣшали важные вопросы о томъ, долженъ ли починять палку у зонтика зонточныхъ дѣлъ мастеръ, или токарный мастеръ; долженъ ли кожаные наконечники къ переплетамъ прилаживать переплетчикъ. или кожаныхъ дѣлъ мастеръ; кто долженъ прилаживать замокъ къ чемодану—слесарь или чемоданщикъ и т. п. Техническія предписанія относительно способовъ производства, которые въ періодъ процвѣтанія цеховъ имѣли цѣлью вводить въ общее употребленіе разныя новыя улучшенія въ производствѣ, направляются впослѣдствіи на сохраненіе рутины и на запрещеніе примѣненія новыхъ усовершенствованій и изобрѣтеній, сдѣланныхъ кѣмъ-либо въ своемъ ремеслѣ. Самые цехи принимаютъ кастовый характеръ и дѣлаются наслѣдственнымъ занятіемъ отдѣльныхъ родовъ. Цеховыя управленія, посредствомъ спеціальной регламентаціи, ставили систематическія препятствія къ поступленію постороннихъ лицъ въ составъ ремесленнаго класса. Такъ, цехи допускали къ обученію ремеслу. въ качествѣ учениковъ, только тѣхъ лицъ, которыя могли доказать свое происхожденіе отъ лично свободныхъ родителей, совершенно закрывая доступъ къ ученичеству дѣтямъ крѣпостного класса. Съ тою же цѣлью цехи старались по возможности удлинить сроки ученичества и пребыванія въ роли подмастерья, ставя нерѣдко условіемъ для полученія права мастера предварительное пріобрѣтеніе права гражданства въ городѣ Пробная экзаменаціон-

ная работа, раньше требовавшаяся для доказательства технической подготовки подмастерья, теперь, во время упадка цеховъ, нерѣдко превращалась во взятку, которую въ видѣ цѣннаго издѣлія (въ особенности у ювелировъ, суконщиковъ и т. п.) подмастерье долженъ былъ приподнести коллегіи цеховыхъ мастеровъ, рѣшавшихъ вопросъ о его профессіональной подготовкѣ. Вступительная плата, открывавшая доступъ къ пользованію разнаго рода цеховыми учрежденіями—кассою взаимопомощи и т. п., теперь превратилась въ высокую пошлину. Кромѣ того, вступавшій въ рангъ мастера долженъ былъ устраивать для всѣхъ товарищей по цеху дорогое угощеніе (Meisteressen). При такихъ стѣсненіяхъ, свободный доступъ къ званію мастера открывался только посредствомъ родственныхъ связей. Для того чтобы получить это званіе, требовалось подмастерью породниться съ извѣстнымъ цехомъ, жениться на вдовѣ или на дочери цехового мастера. Въ результатѣ такой политики цеховъ, цѣлыя массы лицъ оставались въ положеніи подмастерьевъ, безъ всякой надежды получить когда-либо право на самостоятельное занятіе ремесломъ, и которыя могли имѣть занятія только въ заведеніяхъ цеховыхъ мастеровъ. Поэтому среди подмастерьевъ накоплялось недовольство, переходившее въ открытую борьбу съ коллегіей цеховыхъ мастеровъ. Опору для своихъ протестовъ подмастерья находили въ своей союзной организаціи, которую мастера старались стѣснить всѣми силами, въ особенности въ тѣхъ городахъ, гдѣ цеховые мастера занимали вліятельное положеніе въ городскомъ совѣтѣ. Въ 1421 году въ Майнцѣ, Вормсѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ сдѣлана была попытка закрыть «гостиницы и харчевни», въ которыхъ собирались подмастерья. Иногда запрещалось имъ организовать союзы и товарищества, кромѣ устройства похоронныхъ кассъ и сборовъ для снабженія своего приходскаго храма восковыми свѣчами. На эти и тому подобныя репрессіи подмастерья отвѣчали стачками и цѣлыми массами уходили и располагались въ другихъ городахъ.

Хозяйственное равновѣсіе между отдѣльными цехами въ эту пору нарушилось. Образовались цехи высшіе и низшіе, и одни цехи получили окончательное экономическое господство надъ другими. Такъ, въ Страсбургѣ цехъ валяльщиковъ суконъ считался аристократическимъ по отношенію къ ткачамъ, которыхъ онъ сильно

эксплоатировалъ. Въ другихъ городахъ господствующими цехами были портные, торговцы шерстью. Многія отрасли ремесленнаго труда стали считаться презрительными (unehrlich): къ категоріи таковыхъ относились всѣ ремесла, доступныя приходившимъ въ городъ крестьянамъ и существовавшія въ деревнѣ внѣ цеховъ. Въ Германіи признавались подлыми занятія ткачей, пастуховъ, мельниковъ, сборщиковъ податей, гробокопателей, цирюльниковъ и много другихъ. Наконецъ, внутри цеховъ образовался классъ наемныхъ рабочихъ, для которыхъ доступъ къ званію мастера и подмастерья былъ уже навсегда не только юридически, но и фактически закрытъ. Цеховая организація, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ XIV—XV в.в. не соотвѣтствуетъ болѣе даже условіямъ средневѣковаго хозяйственнаго оборота. А между тѣмъ въ эту пору въ соціально-экономической жизни западно-европейскихъ народовъ назрѣвалъ цѣлый рядъ явленій, которыя въ корнѣ измѣняли основанія народнаго хозяйства; такими явленіями были: развитіе морской и сухопутной торговли, образованіе міровыхъ рынковъ и техническія изобрѣтенія, вызывавшія производство въ обширныхъ размѣрахъ. Цеховая организація теперь уже не соотвѣтствовала новымъ хозяйственнымъ условіямъ: «старые мѣхи не могли сохранять вина новаго»—она должна была пасть. Періодъ разложенія цеховъ наполненъ жестокою анархіею и взаимною борьбою трехъ элементовъ ремесленнаго класса—учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ, а также и отдѣльныхъ цеховъ между собою въ ихъ полномъ составѣ. Конецъ этой анархіи положенъ былъ центральной властью, въ однѣхъ странахъ раньше, въ другихъ позже, отмѣнившей актомъ своего вмѣшательства бо́льшую часть цеховыхъ привилегій.

Происхожденіе и развитіе городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли. Города, основанные римлянами въ странахъ западной Европы, послѣ паденія западной Римской имперіи быстро потеряли свое торгово-промышленное и административное значеніе. Нашествія варваровъ, а въ особенности походы Атиллы, нанесли имъ окончательный ударъ, обративъ ихъ въ груды развалинъ, при чемъ погибли и всѣ величественныя римскія сооруженія: театры, водопроводы и храмы. Германо-романскіе народы, населившіе западную Галлію и области на востокъ

отъ Рейна, полуосѣдлые, со своими примитивными формами общественности, не имѣли ничего общаго съ городскою жизнью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь германо-романскихъ народовъ въ своемъ послѣдующемъ развитіи привела къ образованію городовъ германскаго типа, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли. Исторія образованія этихъ городовъ въ средніе вѣка представляетъ нѣсколько стадій. На территоріи многихъ разрушенныхъ римскихъ городовъ, вообще отличавшихся выдающимися преимуществами выгоднаго географическаго мѣстоположенія, у береговъ крупныхъ рѣкъ и т. п., новыми народами основываются укрѣпленные пункты, на которые опираются отдѣльныя германскія племена въ своей взаимной борьбѣ. Изъ этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ впослѣдствіи образовались крупные германскіе города, которые, вмѣстѣ съ территоріей, сохранили за собою и названія прежнихъ римскихъ городовъ (Майнцъ, Нимъ, Триръ и др.). Города, какъ укрѣпленные пункты (Burg), существовали уже на территоріи, занимаемой германо-романскими племенами, въ VI—VIII в.в., т. е. гораздо раньше, чѣмъ возникли города въ промышленномъ значеніи слова. По условіямъ военной защиты, въ началѣ среднихъ вѣковъ каждый феодальный владѣлецъ строилъ себѣ замокъ, который служилъ опорнымъ пунктомъ для защиты его владѣній, и почти всѣ болѣе значительныя поселенія старались окружить себя, для своей безопасности, каменными стѣнами. Конечно, и города, какъ промышленные центры, могли развиться только при условіяхъ внѣшней безопасности. Но каменныя стѣны не всегда были для нихъ безусловною необходимостью, такъ какъ безопасность многихъ городовъ гарантировалась уваженіемъ къ авторитету духовныхъ властей—епископовъ и аббатовъ, являвшихся владѣльцами этихъ городовъ. Извѣстно, что такіе крупные промышленные города въ средніе вѣка, какъ Кельнъ и Мюнстеръ, не имѣли городскихъ укрѣпленій. На ряду съ существованіемъ городовъ внѣ сосѣдства съ укрѣпленнымъ замкомъ, наличность каменныхъ стѣнъ и укрѣпленія въ данномъ населенномъ пунктѣ не указывала еще на его промышленный характеръ. Только тамъ, гдѣ встрѣчалось сочетаніе благопріятныхъ условій для развитія обрабатывающей промышленности и торговли, наблюдается преобразованіе даннаго населеннаго мѣста въ городъ.

На предыдущихъ страницахъ былъ изложенъ процессъ преобразованія въ господскомъ хозяйствѣ (Hofwirthschaft), который привелъ къ организаціи обрабатывающей промышленности, въ формѣ цеховъ, и къ учрежденію рынковъ для потребностей ремесленной промышленности, насколько она нуждалась въ посредничествѣ рынковъ для пріобрѣтенія сырья и сбыта своихъ произведеній. Но поводы для основанія рынковъ и періодическихъ ярмарокъ существовали гораздо раньше возникновенія цеховъ, такъ какъ рынки въ извѣстной мѣрѣ были необходимы и при чисто земледѣльческихъ занятіяхъ населенія для взаимнаго обмѣна неоднородныхъ продуктовъ разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, а также произведеній странъ разныхъ климатовъ. Ярмарки ведутъ свое начало въ Западной Европѣ съ эпохи дохристіанской. Вообще онѣ устраивались въ пунктахъ наиболѣе населенныхъ или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ почему-нибудь періодически стекались массы народа. Чаще всего, въ началѣ среднихъ вѣковъ, народъ стекался на торгъ вблизи языческихъ капищъ, гдѣ въ то же время совершались жертвоприношенія, творился родовой и племенной судъ, а также въ разныхъ мѣстахъ, расположенныхъ по большимъ, преимущественно рѣчнымъ, путямъ сообщенія. Въ христіанскую эпоху ярмарки учреждались по сосѣдству съ значительными монастырями и аббатствами, славившимися реликвіями святыхъ, на поклоненіе которымъ стекалось много народа, и вообще въ дни особенно чтимыхъ святыхъ. Часто также постоянные рынки занимали мѣсто въ самой церковной оградѣ, при чемъ лавки устраивались вокругъ церкви, помѣщались подъ колокольней и т. п. Во время каролинговъ особенно много рынковъ возникло на территоріи многочисленныхъ королевскихъ виллъ и замковъ (villa dominicata, Pfaltz. palatium), разбросанныхъ по всей Франціи и западной Германіи и служившихъ временными резиденціями для короля при его поѣздкахъ по странѣ. Въ болѣе раннюю пору среднихъ вѣковъ каждый феодальный владѣлецъ могъ, по желанію, устраивать ярмарки и рынки въ своихъ имѣніяхъ, хотя такіе рынки въ помѣстьяхъ мелкихъ феодаловъ имѣли только мѣстное значеніе, обслуживая небольшой округъ, на который простиралась ихъ власть. Но для рынковъ болѣе значительныхъ по своимъ оборотамъ, нужно было покровительство такого лица, власть котораго простиралась на бо-

лѣе обширную территорію, поэтому могущаго оказать защиту посѣтителямъ рынка при ихъ слѣдованіи изъ отдаленныхъ мѣстностей, а такими лицами могли быть владѣтельные герцоги и короли. Такимъ образомъ право на открытіе рынковъ, соединенное съ обязательною защитою ихъ посѣтителей, естественно сдѣлалось королевской прерогативою, которую король, однако, уступалъ своимъ вассаламъ и бенифиціарнымъ владѣльцамъ, въ особенности епископамъ и аббатамъ, владѣвшимъ обширными помѣстьями. Рынки раньше всего и развились въ королевскихъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ ростомъ обрабатывающей промышленности и торговыхъ оборотовъ, настолько преобразовался характеръ этихъ имѣній, что они стали городами. Учрежденіе рынковъ и годовыхъ ярмарокъ соединялось съ существованіемъ другихъ регалій, какъ-то: чеканки монеты, обложенія пошлинами привозныхъ товаровъ и т. п. Такъ какъ всѣ эти прерогативы уступались королевскою властью. въ видѣ пожалованій, феодальнымъ владѣльцамъ, то въ результатѣ этой системы уступокъ почти каждый феодалъ пользовался этими правами. Что касается чеканки монеты, то эту операцію феодальные владѣльцы сдавали на откупъ спеціалистамъ монетнаго дѣла, каковыми были ювелиры и мастера металлическихъ производствъ. Въ составѣ этихъ мастеровъ монетнаго дѣла встрѣчались и лица привилегированныхъ классовъ, и бывшіе дворовые, и министеріалы, а иногда эта спеціальность переходила въ руки іудеевъ. Впослѣдствіи эти мастера, подобно другимъ категоріямъ ремесленниковъ, соединялись въ товарищества и союзы (Munzer-Hausgenossen), сохраняя за собою монополію монетнаго дѣла. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ городовъ эта монополія была выкуплена отъ частныхъ компаній и сдѣлалась регаліей городского управленія до тѣхъ поръ, пока она, въ новое время, обратно перешла къ королевской власти.

Такимъ образомъ во многихъ населенныхъ пунктахъ, пользовавшихся защитою или покровительствомъ значительнаго феодальнаго владѣльца, сложились основные элементы торгово-промышленной жизни, въ корнѣ измѣнившіе первоначальный сельскій характеръ этихъ поселеній. Древнѣйшіе города германо-романскаго міра съ этими зачатками промысловъ и торговли, въ сущности, представляли деревни, и отсюда ихъ римское названіе «villa», которое во

французской рѣчи усвоено и за современными городами (la ville). Городское населеніе однако продолжаго долго еще заниматься сельскимъ хозяйствомъ на окружающихъ городъ поляхъ, пока эти занятія, уже въ періодъ поздняго средневѣковья, окончательно уступили свое мѣсто промысламъ и торговлѣ, для развитія которыхъ удобства сбыта на рынкѣ, защищенномъ въ военномъ отношеніи и огражденномъ покровительственными пошлинами, создали весьма благопріятныя условія. Исподволь всѣ слои городского населенія втягивались въ занятія промыслами и торговлей, не только изъ зависимыхъ элементовъ населенія господскаго двора, но и изъ городской аристократіи и рыцарства. Въ заключеніе городъ становится средоточіемъ обрабатывающей промышленности и торговли, въ противоположность деревнямъ, какъ раіонамъ чисто земледѣльческихъ занятій. Средневѣковые города, въ періодъ ихъ промышленнаго расцвѣта, становятся въ то же время пунктами разнообразнаго культурнаго тяготѣнія для болѣе или менѣе значительной округи. Въ эту пору городъ являлся и укрѣпленнымъ замкомъ, и мѣстнымъ религіознымъ центромъ, въ которомъ находилась епископская каѳедра и какой-нибудь извѣстный соборъ, а также средоточіемъ промысловъ и торговли. Здѣсь, въ городахъ, какъ въ оазисахъ, среди сплошного моря феодальнаго безправія, господства крѣпостного права и произвола, расцвѣла гражданская и муниципальная свобода, гдѣ крестьянинъ, ушедшій отъ своего владѣльца, сбрасывалъ путы рабства и пріобщался къ жизни свободнаго гражданства. Для того, чтобы охарактеризовать средневѣковый городъ въ его культурномъ значеніи, намъ необходимо остановиться на этой послѣдней сторонѣ городской жизни. Здѣсь, несомнѣнно, мы наблюдаемъ тотъ фактъ, что промышленное развитіе города привело его населеніе къ гражданской свободѣ. Отправнымъ пунктомъ происхожденія городовъ было дворовое хозяйство короля, свѣтскаго или духовнаго феодальнаго владѣльца, изъ разныхъ элементовъ населенія котораго, при извѣстныхъ условіяхъ, слагался первоначальный составъ жителей города—деревни. Вслѣдъ за дворовыми ремесленниками, освободившимися отъ крѣпостной зависимости и принявшими самостоятельную организацію, въ формѣ цеховъ, дворъ городского владѣльца выдѣлялъ все новые и новые кадры лицъ, получавшихъ личную свободу. Бывшіе колоны, литы и рабы, при-

строившіеся къ занятію ремесломъ, торговлей или, въ качествѣ низшихъ служащихъ, къ городской администраціи, образовали собою средній классъ, или городскую демократію—бюргерство. Аристократическій элементъ городского населенія образовался изъ рыцарскихъ фамилій, имѣвшихъ свои помѣстья и владѣвшихъ частями городской территоріи, а также изъ многочисленнаго класса бывшихъ чиновниковъ (министеріаловъ) господскихъ дворовъ. Первоначально вся территорія города составляла полную (аллодіальную) собственность владѣльца, а иногда нѣсколькихъ феодальныхъ владѣльцевъ, на смежныхъ земляхъ которыхъ устраивался городъ, но къ XI—XII вѣку и демократическіе элементы городского населенія получаютъ доступъ къ земленользованію, въ формѣ чиншевого владѣнія. Бывшее зависимое населеніе городовъ, обратившееся къ занятію городскими промыслами, ремесленники и торговцы, строятъ на владѣльческой землѣ дома, продаютъ ихъ, передаютъ по наслѣдству и дару,—словомъ, распоряжаются ею, какъ своею собственностью, но при этомъ всѣ эти акты мобилизаціи поземельной собственности обязательно регистрируются въ управленіи владѣльца города и доставлютъ ему опредѣленный доходъ, въ формѣ годовой ренты и разныхъ другихъ фиксированныхъ платежей, въ строго опредѣленныхъ случаяхъ перемѣны владѣнія, какъ со стороны вотчинника, такъ и чиншевика. Переходъ разныхъ элементовъ населенія господскаго двора къ самостоятельнымъ промышленнымъ занятіямъ, на условіяхъ личной свободы, вопреки тому, что̀ имѣло мѣсто на земледѣльческой территоріи, не только не вызывало сопротивленія со стороны собственниковъ городовъ, но послѣдніе прямо сами шли навстрѣчу этому явленію, такъ какъ освобожденіе ихъ дворовыхъ людей, селившихся на ихъ же городской территоріи, не только не было связано съ какимъ-либо матеріальнымъ ущербомъ, но владѣльцы городовъ прямо выигрывали отъ такой перемѣны Для владѣльцевъ городовъ было ясно, что промышленное развитіе городовъ въ корнѣ измѣнило основы ихъ хозяйственнаго интереса. Освобожденіе лично зависимыхъ отъ нихъ людей съ избыткомъ искупалось выгодами, доставляемыми ими же, въ качествѣ жителей на городской территоріи. Въ этомъ отношеніи городское хозяйство открывало для владѣльцевъ городовъ перспективу огромныхъ доходовъ, въ видѣ чиншевыхъ повинностей за мѣста для торговли—лавки, столы и

лари, платы за пользованіе городскими мѣрами и вѣсами, акцизовъ съ напитковъ, пошлинъ съ провозныхъ товаровъ и т. п. Выгоды владѣльцевъ городовъ были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе развивались городскіе промыслы, чѣмъ болѣе увеличивались торговые обороты городскихъ рынковъ, а это, въ свою очередь, зависѣло отъ роста городского населенія. И владѣльцы городовъ прилагаютъ много стараній для привлеченія въ города сельскаго населенія, которое и безъ того тяготѣло къ нимъ, въ силу соціальныхъ преимуществъ, связанныхъ съ городскою жизнью. Лицамъ крѣпостного состоянія, поселявшимся въ городахъ, обыкновенно даровалась личная свобода. Это былъ основной принципъ популяціонистической политики владѣльцевъ городовъ, который заносился въ средневѣковые городскіе статуты въ извѣстныхъ фразахъ: «Luft in den Stadten frei macht» (городской воздухъ дѣлаетъ свободнымъ), «Kein Hahn fliegt uber die Mauern» (ни одинъ пѣтухъ не перелетаетъ городскихъ стѣнъ). Принесеніе въ дань пѣтуха было знакомъ крѣпостной зависимости, которая уничтожалась съ поселеніемъ даннаго лица крѣпостного состоянія въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ. Развитіе городскихъ вольностей, на ряду съ усиленіемъ гнета сельскаго крѣпостного населенія на феодальной территоріи, обусловливало массовое бѣгство послѣдняго въ города. Но привлеченіе въ города сельскаго населенія не обходилось безъ столкновеній между владѣльцами городовъ — съ одной стороны, и феодальными собственниками крѣпостныхъ людей — съ другой. Эти столкновенія въ Германіи заключались компромиссомъ. А именно, на одномъ изъ съѣздовъ феодаловъ выработано было соглашеніе, по которому крѣпостные, бѣжавшіе отъ своихъ господъ въ города, должны были выдаваться управленіями послѣднихъ ихъ господамъ до истеченія годового срока; послѣ же этого срока бѣглый крестьянинъ получалъ, вмѣстѣ съ личною свободою, право прочной осѣдлости въ городѣ.

Обширное движеніе сельскаго населенія въ города, возникшее благодаря этой привилегіи, представляетъ аналогію съ бѣгствомъ крѣпостного населенія Россіи въ XVII—XVIII в.в. на окраины отечества. Различіе въ экономическомъ значеніи этихъ двухъ явленій заключалось въ томъ, что германское крѣпостное населеніе, бѣжавшее въ города, находило тамъ высшую культуру того времени, свободныя учрежденія и, наконецъ, такія общественныя условія, которыя да-

вали имъ возможность подвигаться по лѣстницѣ общественныхъ состояній. Крѣпостные, получившіе, самымъ фактомъ переселенія въ городъ, личную свободу, могли затѣмъ достигать званія бюргера и участвовать въ городскомъ управленіи. Русскіе же крестьяне, убѣгавшіе отъ своихъ господъ на окраины Россіи, въ Архангельскую и Вологодскую губерніи, въ Таврію, на Черноморье и въ Бессарабію, поселяясь посреди дикихъ лѣсовъ, тундръ и степей, часто порывали всякую связь и съ тою убогою культурою, которая существовала въ центрѣ страны, пріобщались къ разнымъ мистическимъ сектамъ и т. п.

Мы видѣли, что чиншевое владѣніе въ городахъ открывало доступъ къ землепользованію той части городской демократіи, которая слагалась изъ бывшихъ дворовыхъ и крѣпостныхъ людей. Но чиншевое владѣніе являлось только временнымъ этапомъ для этихъ элементовъ населенія къ пріобрѣтенію полной собственности. Это произошло слѣдующимъ образомъ. При дальнѣйшемъ развитіи экономической жизни въ городахъ, всѣ обязательные платежи, связанные съ чиншевымъ владѣніемъ (чинши и ренты), какъ аттрибуты верховныхъ правъ вотчинниковъ, сдѣлались предметомъ свободнаго оборота, т. е. они, въ качествѣ обыкновенныхъ реальныхъ обязательствъ, отчуждались послѣдними въ другія руки, передавались по наслѣдству, дару, завѣщанію и т. п. Но тогда уже, при удобномъ случаѣ, ничто не препятствовало самимъ чиншевикамъ выкупать эти реальныя обязательства, лежавшія на ихъ владѣніи, и такимъ образомъ соединять въ однѣхъ рукахъ свое условное, чиншевое владѣніе съ титуломъ верховной собственности (dominium directum et dominium utile), или, другими словами, горожане изъ чиншевиковъ становились полными собственниками владѣемыхъ имъ участковъ. Въ то же время развитіе денежныхъ ссудъ вело за собою обремененіе долговыми обязательствами аллодіальной собственности городской родовой аристократіи, сближая условія ея землевладѣнія съ чиншевою собственностью городскихъ ремесленниковъ и торговцевъ, такъ какъ обязательства, лежащія на той и другой собственности, могли быть выкупаемы на одинаковыхъ общихъ основаніяхъ, а въ случаѣ ихъ невыполненія вести за собою отчужденіе и мобилизацію земель, какъ чиншевыхъ, такъ и аллодіальныхъ. Во всякомъ случаѣ, въ XIII вѣкѣ, въ массѣ городовъ средневѣковой

Европы, купцы и цеховые ремесленники являются уже полными собственниками, а не только собственниками домовъ, построенныхъ на чиншевой землѣ. Преобразованіе чиншевого владѣнія въ полную собственность повело, въ свою очередь, къ уничтоженію одного изъ коренныхъ сословныхъ различій между городской демократіей, въ составѣ классовъ купеческаго и ремесленнаго.—съ одной стороны, и городскимъ рыцарствомъ и аристократіей—съ другой. Вмѣстѣ съ этимъ въ городахъ пропадаетъ зависимость состоянія личныхъ правъ отъ условій землевладѣнія, столь характерная для всего феодальнаго режима.

Эволюціонный процессъ, который привелъ въ городахъ къ освобожденію личности и собственности отъ узъ феодализма, расчленяется, какъ мы видѣли, на три ясно обозначившіяся стадіи. Въ началѣ исторіи средневѣковыхъ городовъ владѣлецъ города является собственникомъ всей его территоріи, затѣмъ эта территорія, раздробленная на участки, превращается въ чиншевое владѣніе горожанъ и, въ заключеніе, въ послѣдній періодъ среднихъ вѣковъ, становится ихъ полною собственностью. По справедливому замѣчанію Арнольда, автора классическаго сочиненія по исторіи собственности въ нѣмецкихъ городахъ, городское населеніе въ процессѣ своего освобожденія проходило тѣ же стадіи, что и сельское, но оно ихъ прошло ранѣе и скорѣе [1]). Впрочемъ, не всѣ города въ теченіе среднихъ вѣковъ прошли отмѣченный выше циклъ аграрнаго развитія. Достаточно припомнить, что значительная часть территоріи современнаго Лондона принадлежитъ нѣсколькимъ лордамъ и сдается ими, по участкамъ, на чиншевомъ правѣ, для выстройки домовъ городскимъ жителямъ. Даже въ Россіи, въ юго-западномъ краѣ, существуетъ до сего времени цѣлый рядъ уѣздныхъ городовъ, какъ, напримѣръ: Бердичевъ, Лубны, Луцкъ, Ровно,—территорія которыхъ принадлежитъ двумъ-тремъ собственникамъ (г. Бердичевъ—Рукавишникову), а все многотысячное торговое населеніе этихъ городовъ, по традиціи, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пользуется землею на чиншевомъ правѣ: лавки, товарные склады и жилые дома построены ихъ жителями на чиншевой землѣ. Условія землевладѣнія въ этихъ владѣльческихъ городахъ, являясь фактомъ переживанія

[1]) Arnold Zur Geschichte des Eigenthums in den deutschen Städten Basel. 1861, стр. 2.

феодальнаго режима, теперь тормозятъ развитіе благоустройства многихъ обширныхъ городскихъ общинъ, въ ряду которыхъ г. Бердичевъ имѣетъ уже болѣе чѣмъ стотысячное населеніе.

Въ тотъ моментъ исторіи развитія средневѣковыхъ городовъ, о которомъ идетъ рѣчь, приблизительно въ XIII—XIV вѣкѣ, пріобрѣтеніе всѣми элементами городского населенія правъ личной свободы и владѣнія полною поземельною собственностью, въ конечномъ результатѣ, привело къ тому, что городъ также рѣзко измѣнилъ свой политическій укладъ. Городъ началъ свое существованіе, какъ доминіальное частное хозяйство (Hofwirthschaft) феодальнаго магната, которому принадлежало право собственности на всю городскую территорію съ прикрѣпленнымъ къ ней населеніемъ, равно какъ и верховныя права по управленію, а закончилъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ, свое развитіе какъ вольная самоуправляющаяся община, автономныя права которой были признаны окрѣпшею къ тому времени государственною властью.

Процессъ преобразованій въ городскомъ управленіи шелъ по слѣдамъ промышленнаго развитія городовъ. Съ освобожденіемъ цеховъ отъ господскаго двора, а также съ образованіемъ свободныхъ городскихъ сословій и гильдій, функціи управленія постепенно переходятъ отъ епископской власти и свѣтскихъ феодаловъ къ городскимъ сословіямъ. Во главѣ городского управленія становится городской совѣтъ, составленный изъ представителей городскихъ цеховъ и сословій. Сначала городской совѣтъ былъ только совѣщательной комиссіей по городскимъ дѣламъ, собираемой епископами, но компетенція его постоянно растетъ, и, наконецъ, въ большинствѣ городовъ городской совѣтъ окончательно вытѣсняетъ единоличную власть владѣльцевъ городовъ. По мѣрѣ промышленнаго развитія городовъ и составъ представительства въ городскомъ совѣтѣ демократизируется. Въ первое время городской автономіи въ совѣтѣ участвовали исключительно представители аристократическихъ родовъ, патриціевъ и богатыхъ купеческихъ гильдій. Но, съ теченіемъ времени, представители цеховъ также получаютъ доступъ въ городской совѣтъ, а затѣмъ достигаютъ въ немъ полнаго преобладанія. Вліяніе цеховъ на политическое и финансовое устройство городовъ было громадное и почти исключало вліяніе другихъ городскихъ классовъ. Въ Страсбургѣ, напримѣръ, город-

ской голова (Burgomeister) выбирался изъ членовъ цеха; изъ тридцати городскихъ совѣтниковъ двадцать были члены цеховъ; шефеновъ въ городской судъ также выбирали цехи. Въ высшей правящей коллегіи города тринадцати (Dreizehner) засѣдали четыре лица, бывшія прежде городскими головами, и четыре представителя отъ цеховъ. На городской службѣ состояли также рыцари, кнехты и т. п., но центръ тяжести городского самоуправленія лежалъ въ цехахъ. Останавливаясь на выясненіи тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ ремесленный классъ получилъ широкій доступъ къ участію въ городскомъ управленіи, Арнольдъ замѣчаетъ, «что не вступленіе ремесленниковъ и торговцевъ въ городской совѣтъ разрушило монопольныя права собственниковъ городской земли, а, наоборотъ, пріобрѣтеніе земельной собственности промышленными классами уничтожило господство родовой знати въ городахъ» [1]). Въ послѣднюю пору исторіи средневѣковыхъ городовъ, по мѣрѣ того какъ основою экономическаго благосостоянія является преимущественно занятіе обрабатывающей промышленностью и торговлею, различіе, въ отношеніи политическихъ правъ городского населенія, между обладаніемъ чиншевою и полною собственностью сглаживается. При такихъ условіяхъ значеніе третьяго промышленнаго сословія постоянно увеличивалось. Впереди всего этого экономическаго и соціальнаго движенія шли епископскіе города. Уже въ XII вѣкѣ епископскіе города настолько подвинулись въ развитіи гражданской свободы ихъ населенія, что они именовались civitates, тогда какъ королевскіе города все еще носили названіе «urbes, oppida, castra, castella».

Историки хозяйственнаго быта—Мауеръ, Гегель, Арнольдъ и др.—различаютъ три типа средневѣковыхъ городовъ въ отношеніи положенія ихъ самоуправленія: вольные города, владѣльческіе и смѣшанные. Въ послѣднихъ владѣльцы городовъ раздѣляли власть по управленію съ городскимъ совѣтомъ. Всѣ эти три типа городовъ существовали параллельно, но они различались только тѣмъ, что представляли собою различныя стадіи въ развитіи городского самоуправленія, которыя въ теченіе средневѣковаго періода переживали всѣ города, сначала находившіеся въ патримоніальномъ управленіи феодальныхъ владѣльцевъ, а затѣмъ, въ учрежденіи город-

[1]) Arnold. Geschichte d. Eigenthums, стр. 251 и др.

ского совѣта, получившіе прямое средство къ достиженію полнаго городского самоуправленія. Нѣкоторые отдѣльные города успѣли ранѣе другихъ освободиться отъ опеки ихъ феодальныхъ владѣльцевъ и развить свое самоуправленіе (Гамбургъ, Франкфуртъ на Майнѣ), а потому уже съ XII вѣка фигурируютъ какъ вольные города, но во многихъ другихъ городахъ этотъ процессъ завоеванія вольностей совершился гораздо позже.

Экономическая политика средневѣковыхъ городовъ. Образованіе и развитіе средневѣковыхъ городовъ явилось слѣдствіемъ не однѣхъ только непроизвольныхъ причинъ, которыя принято называть силою историческихъ условій: оно было отчасти плодомъ цѣлой системы политики, которую настойчиво проводили сначала владѣльцы городовъ—феодальные бароны и епископы, а затѣмъ городской совѣтъ, перенявшій, въ качествѣ верховнаго органа городского самоуправленія, всѣ функціи власти бывшихъ владѣльцевъ городовъ. Политика органовъ городского управленія проникнута стремленіемъ поднять промышленность городовъ въ ущербъ деревнямъ, ремесла—въ ущербъ земледѣлію; это была, словомъ, та покровительственная экономическая система, которая впослѣдствіи сдѣлалась изъ историческаго факта экономической теоріей, подъ именемъ меркантилизма. Въ исторіи городовъ и цеховъ мы стоимъ у самаго источника происхожденія меркантилистической системы. Нѣмецкіе ученые, характеризующіе меркантилистическую политику средневѣковыхъ городовъ, обыкновенно указываютъ, что въ основаніи ея лежала противоположность интересовъ города и деревни (Gegensatz zwischen Stadt und Land).

Одною изъ главныхъ мѣръ для поднятія городскихъ ремеслъ было запрещеніе ремесленныхъ занятій въ селахъ. Исключенія въ этомъ отношеніи были сдѣланы только для немногихъ, самыхъ необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, ремеслъ, напримѣръ, для столярнаго, сапожнаго, но и этими послѣдними сельскіе жители могли заниматься только въ размѣрахъ ихъ домашнихъ потребностей. При этомъ они могли найти сбытъ своихъ чисто сельскихъ произведеній такихъ, какъ хлѣбъ, шерсть, дрова, домашняя птица мясо, кожи и т. п., главнымъ образомъ, въ городѣ, обмѣнивая ихъ на произведенія городскихъ ремеслъ. Но въ городахъ сбытъ земледѣльческихъ произведеній былъ обставленъ разными стѣсне-

ніями для сельскихъ жителей, такъ какъ каждый городъ старался извлечь изъ этого возможно большія выгоды для городского населенія. Привозимыя на городской рынокъ сельскія произведенія прежде всего оплачивались разнообразными пошлинами за проѣздъ по дорогамъ и мостамъ, за пользованіе городскими площадями, вѣсами и мѣрами. Остатки этихъ средневѣковыхъ пошлинъ сохранились въ видѣ такъ называемыхъ octrois до послѣдняго времени въ такихъ міровыхъ городахъ, какъ Парижъ, Вѣна и др. Кромѣ того, сельскіе жители обязаны были привезенныя ими на городской рынокъ произведенія продать въ теченіе опредѣленнаго числа часовъ, обыкновенно съ утра до двухъ часовъ пополудни, пока висѣлъ ярмарочный флагъ, который затѣмъ опускался. Взаимная мѣновая торговля между пріѣжими на рынокъ запрещалась; сельскіе продукты обязательно было продавать непосредственно городскимъ жителямъ; не проданные же товары не дозволялось увозить обратно, а нужно было оставлять ихъ въ городѣ, на складѣ, до ближайшаго ярмарочнаго дня и за храненіе ихъ платить вознагражденіе, но и при этихъ условіяхъ владѣлецъ привезеннаго товара обязанъ былъ непремѣнно продать его въ теченіе двадцати дней. Для городскихъ жителей рынки были открыты ежедневно, а для пріѣзжающихъ—только по воскресеньямъ. Не менѣе стѣснительнымъ для сельскихъ жителей былъ также весьма распространенный обычай у большей части городскихъ цеховъ покупать сообща всѣ необходимые для ремесленныхъ производствъ сырые продукты. Кузнецы, напримѣръ, обыкновенно закупали сообща все необходимое количество древеснаго угля; поэтому продавцы этого продукта лишались всей той выгоды, какая могла получиться для нихъ изъ конкуренціи покупателей. Такимъ образомъ, условія, въ которыя городскіе статуты ставили сбытъ сельскихъ произведеній, были настолько стѣснительны, что, по многимъ признакамъ, напоминали аукціонную продажу.

Во внѣшней торговлѣ меркантилистическая политика каждаго отдѣльнаго города встрѣчалась съ такимъ же одностороннимъ преслѣдованіемъ своихъ интересовъ со стороны другихъ городовъ. Это столкновеніе торговыхъ интересовъ соперничавшихъ между собою городовъ приводило ко взаимнымъ компромиссамъ, выражавшимся въ особыхъ договорахъ городовъ между собою, въ которыхъ они

старались взаимно стѣснить другъ друга въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ. Такимъ именно духомъ мелочного протекціонизма и односторонняго преслѣдованія своихъ партикулярныхъ интересовъ отдѣльными городами проникнуто все городское законодательство о путяхъ сообщенія (Strassen und Stapelzwang, Stapelrecht), тарифная политика (Zollrecht) и все законодательство объ иностранной торговлѣ (Gastrecht).

Законодательство средневѣковыхъ городовъ о складочныхъ мѣстахъ и путяхъ сообщенія ставило свободу торговыхъ сношеній въ крайне узкія рамки. Когда, напримѣръ, германскій городъ Магдебургъ желалъ сбыть свои товары въ Лейпцигъ, то для этого онъ долженъ былъ провезти эти товары по обязательному пути черезъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, хотя, помимо этой дороги, существовали параллельные пути, болѣе прямые и удобные. Кромѣ того, магдебургскіе купцы не всегда пользовались правомъ провоза своихъ товаровъ чрезъ Франкфуртъ, смотря по тому, какого рода предварительное соглашеніе состоялось между франкфуртскимъ и магдебургскимъ городскимъ управленіемъ: обыкновенно магдебуржцы должны были при проѣздѣ чрезъ Франкфуртъ оставлять свои товары на нѣсколько дней на городскихъ складахъ. Но договоръ могъ состоять въ томъ, что магдебуржцы вовсе не имѣли права непосредственно продавать свои товары лейпцигскимъ купцамъ, а должны были продавать ихъ франкфуртцамъ, а тѣ уже перепродавали ихъ въ Лейпцигъ, извлекая значительныя выгоды отъ такого посредничества. Такимъ же образомъ гор. Штеттинъ продавалъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ свои товары, въ которыхъ, собственно, нуждался Краковъ. Франкфуртъ же, въ свою очередь, не могъ непосредственно отправлять свои товары въ Краковъ, а долженъ былъ въ силу Stapelrecht [1]) продавать ихъ въ Бреславлѣ, а оттуда они уже перепродавались въ Краковъ.

Ведя мелочные меркантилистическіе счеты между собою, средневѣковые города, въ свою очередь, встрѣчали сложныя преграды для своихъ торговыхъ сношеній въ разобщенности многочисленныхъ

---

[1]) Stapelrecht, отъ слова Stapel—скамья, обнимало собою право осмотра привозимыхъ товаровъ, раскладываемыхъ для этого на особыхъ скамьяхъ и обложенія ихъ пошлинами Часто со Stapelrecht соединялось еще обязательство для пріѣзжихъ торговцевъ продавать свои товары непосредственно только мѣстнымъ жителямъ.

феодальныхъ территорій, въ которыхъ ихъ владѣльцы или совершенно запрещали транзитъ товаровъ, или же облагали привозимые товары высокими и многочисленными пошлинами при слѣдованіи ихъ по дорогамъ, мостамъ, за пользованіе складами и т. п. Къ этимъ затрудненіямъ присоединились техническія трудности перевозки, при отсутствіи устроенныхъ грунтовыхъ дорогъ, съ опасностью подвергнуться нападенію многочисленныхъ разбойничьихъ бандъ. Проѣзжающіе купцы поэтому старались купить себѣ защиту у владѣльцевъ феодальныхъ территорій, черезъ которыя имъ приходилось слѣдовать со своими товарами. Но при этомъ феодалы часто, вмѣсто покровительства, конечно, оплачиваемаго соотвѣтствующими поборами, предпочитали и сами ограбить проѣзжихъ. Поэтому купцы совершали свои торговыя путешествія цѣлыми караванами, въ сопровожденіи наемной стражи, хотя и при этихъ предосторожностяхъ не всегда благополучно достигали цѣли своего путешествія, теряя часть имущества въ пути; но когда доходили до мѣста, то барыши были настолько велики, что они съ излишкомъ искупали весь рискъ.

Приспособляясь къ трудностямъ торговаго оборота въ средніе вѣка, купцы болѣе значительныхъ городовъ соединялись въ товарищества и союзы, носившіе названіе «гильдій и ганзъ». Эти союзы, конкурируя между собою, входили въ договоры съ владѣльцами феодальныхъ территорій, снимая на откупъ право перевозки товаровъ черезъ ихъ земли. На этихъ транзитныхъ путяхъ торговыя компаніи организовали свою полицію и военную защиту каравановъ отъ разбойниковъ, исправляли грунтовыя дороги и мосты, устраивали склады и магазины, въ свою очередь, на правахъ монополистовъ, не допуская провоза товаровъ своихъ конкурентовъ или облагая ихъ высокими пошлинами. При неудобствахъ грунтовыхъ дорогъ, большія судоходныя рѣки въ средніе вѣка имѣли такое значеніе, какъ желѣзныя дороги въ наше время, являясь наиболѣе удобными путями дальняго сообщенія. Поэтому торговые союзы и компаніи старались прежде всего обезпечивать за собою монополію судоходства и содержанія рѣчного флота по большимъ рѣкамъ. Во Франціи судоходство на большей части большихъ рѣкъ—Сенъ, Луарѣ и Гаронѣ,—примыкавшихъ къ удобнымъ морскимъ гаванямъ, находилось во владѣніи крупныхъ ганзейскихъ союзовъ (напр., англійской ганзы во Фландріи. Шампани и Нормандіи), за исклю-

ченіемъ нѣкоторыхъ рѣкъ, гдѣ монополія судоходства принадлежала видным монастырямъ: Сенъ-Дени, Корбье и др. Сами феодальные владѣльцы вели непрерывную и упорную борьбу, какъ между собою, такъ и съ городами, за обладаніе бассейнами крупныхъ рѣкъ. Такъ, по воднымъ системамъ Эльбы, Одера и Дуная, гдѣ существовали удобные параллельные пути для провоза товаровъ, обыкновенно шла жестокая борьба между сосѣдними владѣльцами изъ-за права провоза и складовъ товаровъ. Города—Бранденбургъ, Кельнъ, Берлинъ, Мемель, Шпандау—находились въ постоянныхъ пререканіяхъ съ князьями земель, которыя примыкали къ Фрейбургу, Прагѣ, Дрездену и Франкфурту-на-Майнѣ. Въ этой борьбѣ мелкіе города, не успѣвшіе войти въ союзъ съ другими, теряли свои права на провозъ товаровъ и должны были подчиниться волѣ большихъ городовъ.

Промышленно-торговое движеніе, вызванное развитіемъ городовъ, нашло со временемъ новую опору въ цѣломъ рядѣ фактовъ, характеризующихъ исторію XI—XIV вѣковъ Западной Европы. Здѣсь прежде всего надо отмѣтить огромное значеніе, какое имѣли концентрація феодальныхъ территорій въ рукахъ болѣе сильныхъ владѣтельныхъ князей и ростъ королевской власти, такъ какъ вмѣстѣ съ развитіемъ этихъ двухъ явленій постепенно падали тѣ преграды для торговыхъ сношеній, которыя связаны были съ существованіемъ множества мелкихъ автономныхъ феодальныхъ владѣній. Другимъ важнымъ факторомъ развитія торговыхъ сношеній былъ широко развитый въ XI—XII в. культъ паломничества и мода путешествія по святымъ мѣстамъ, а въ особенности въ Палестину, весьма распространенная въ Западной Европѣ задолго до крестовыхъ походовъ, а затѣмъ и самые крестовые походы. Лица, которымъ удавалось совершить путешествіе на Востокъ въ XI—XIII в.в., пользовались въ народѣ такимъ же почетомъ, какъ «хаджи» въ мусульманскомъ мірѣ. Ежегодно массы поломниковъ изъ Англіи, Франціи и Германіи отправлялись въ Палестину черезъ Марсель, Венецію и Константинополь. По слѣдамъ богомольцевъ шло торговое движеніе и обмѣнъ товаровъ съ Востокомъ. Товары изъ Арменіи, Сиріи, Персіи и Константинополя въ XII—XIV в.в. получаютъ распространеніе по всей Европѣ. Въ романсахъ и пѣсняхъ трубадуровъ этого времени постоянно встрѣчаются описанія Арменіи, Хоросана, названіе Самарканда и другихъ среднеазіатскихъ городовъ, упоминаются до-

рогія матеріи Сиріи, Самоса, Константинополя, ковры Персіи, драгоцѣнности и благовонія Аравіи [1]). Католическіе провинціальные соборы вторили этому религіозно-торговому движенію, провозглашая неприкосновенность путешествующихъ священниковъ, монаховъ, купцовъ и крестьянъ, угрожая анаѳемой всѣмъ, кто позволялъ себѣ грабить купцовъ и слѣдовавшія по рѣкамъ и морямъ ихъ суда. Возникшіе на почвѣ этого религіозно-торговаго движенія крестовые походы имѣли для XII вѣка такое же значеніе, какъ для XVI в. открытіе Америки и пути въ Индію. Къ концу XIV в. предѣлы торговыхъ сношеній Западной Европы были раздвинуты отъ Англіи и Балтійскаго моря до Египта, Палестины и Персіи. На сѣверѣ нити торговыхъ сношеній прокладывали торговые союзы германскихъ городовъ (ганзы) и богатыя купеческія компаніи этихъ городовъ, имѣвшія свои факторіи въ Лондонѣ, Брюгге, Дюнкирхенѣ, Новгородѣ и Псковѣ. По направленію же къ восточнымъ странамъ піонерами торговыхъ связей были паломники, и города на югѣ Франціи и по итальянскому побережью, служившіе отправными пунктами для морского путешествія въ Палестину, выросли въ крупные торговые центры. Вплоть до вторженія турокъ въ Европу и завоеванія ими Константинополя, въ теченіе всей второй половины среднихъ вѣковъ, по Средиземному морю шло непрерывное торговое и культурное общеніе Западной Европы съ восточными странами.

Литература по исторіи средневѣковаго хозяйства: G. L. Maurer. 1) Einleitung zur Geschichte d. Mark, Dorf, Hof- und Stadtverfassung und der offentlichen Gewalt. 2 Aufl. Wien. 1896. 2) Geschichte d. Frohnhofe. 2 Bande. 3) Geschichte der Stadteverfassung in Deutschland. I, II, III. Bande. Erlangen 1870. *Dr. K. Th. Inama-Sternegg.* 1) Die Ausbildung d. grossen Grundherrschaften in Deutschland. Lpz. 1878. 2) Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingerperiode. Lpz. 1879. 3) Deutsche Wirthschaftsgeschichte des 10. bis 12. Jahrhunderts. Lpz. 1891. 4) Deutsche Wirthschaftsgeschichte in den letzten Jahrhunderten des Mittelalters. Erster Theil. Lpz. 1890. 5) Тоже. Zweiter Theil. 1901.

[1]) H. Pigeonneau. Histoire du commerce de la France. Paris 1887, v. I, p. 131 и друг.

A. Meitzen: 1) Der Boden und landwirthschaftliche Verhältnisse des preussischen Staats I, II Bande. 1868. 2) Siedelungen und Agrarwesen der Westgermanen, Ostgermanen, der Kelten, Romer, Finnen und Slawen. Berlin. 1895 in 3 Bande. *L'abbé Hanauer.* 1) Les constitutions des campagnes de l'Alsace au moyen-âge. Paris. — Strassbourg. 1865. 2) Les paysans de l'Alsace au moyen-âge. Paris. 1865. *Polyptique de l'abbé d'Irminon,* ou dénombrement des manses, des serfs et des revenus de l'abbayé de Saint-Gérmain des Près, publié par Guerard. Paris. 1854. *Nitsch:* 1) Ministerialitat und Burgerthum, глава «Das Hofrecht v. St. Maxime». Deutsche Rechtsgeschichte v. F. Walter. 2 Ausg. 1 B. 1857. 2) Der alteste Marktverkehr des deutschen Binnenlandes. Hanseiat. Geschichtsblatt. Lpz. 1880-81 г. *Fischendorf.* Das Lehnswesen in den muselmanischen Staaten. 1872. *Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France T. 1—6. Въ особенности: 1) Les origines du régime féodale. 2) Alleu et le domaine rural. 3) Le bénéfice de l'époque mérovingienne. *Bucher.* Entstehung der Volkswirthschaft. Русскій переводъ. Спб. 1897. *Sée.* Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen-âge. 1901. *Bonnemère E.* Histoire des paysans depuis la fin du moyen-âge jusqu'à nos jours. 2 vol. Paris. 1856. *Paul Roth.* Geschichte d. Beneficialwesens v. d. altesten Zeiten bis ins zehnte Jahrhundert. 1850. *Boutarique.* Revue des questions historiques. Octobre. 1875. *Chastel.* Etudes historiques sur l'influence de la charité durant premières siècles chrétiennes 1853 (couronné par Ac. Française). *М. М. Ковалевскій:* 1) Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. М. I т. 1898 г. II. 1900 г., изд. Солдатенкова. Т. III, 1903. 2) Общинное землевладѣніе. М. 1877. *П. Г. Виноградовъ* Происхожденіе феодальныхъ отношеній у лангобардовъ. 1880. *Карѣевъ.* Исторія французскихъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ. *И. М. Гревсъ.* Статья «Феодализмъ» въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, 70 полутом. *Кѣннигемъ.* Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. (Средніе вѣка и новое время). Перев. Кончаловскаго подъ ред. проф. Мануйлова. М. 1903. *Каутскій.* Изъ исторіи общественныхъ теченій, Спб. 1905. *В. Левитскій.* Вопросъ о чиншевомъ владѣніи «Русск. Мысль». 1886 г., кн. 6. *А. С. Лебедевъ.* Христіанская помощь нуждающимся въ древнія времена христіанства. Сборникъ статей въ честь проф. М. С. Дринова. Харьковъ. 1905.

W. Arnold: 1) Zur Geschichte des Eigenthums in deutschen Stadten. Mit Urkunden. Basel. 1861. 2) Studien zur deutschen Culturgeschichte. Frankische Zeit. Stuttgart. 1882. 3) Geschichte d. freien Stadte. 4) Das Aufkommen des Handwerkerstandes im Mittelalter. Basel. 1861. *Mascher*. Das deutsche Gewerbewesen d. fruhesten Zeit. 1866. *G. Schmoller*: 1) Urkunden und Darstellungen d. Strassburger Tucher- und Weberzunft vom 13—17 Jahrhundert. Strassb. 1879. 2) Geschichte d. Strassburger Tucher- und Weberzunft vom. 13—17 Jahrhundert d. deutschen Zunftwesens. Strassb. 1881. 3) Die sociale Entwickelung Deutschlands und Englands auf dem platten Lande d. Mittelalters. *Stieda*. Entstehung d. deutschen Zunftwesens. Jena. 1877. *Schonberg*. Die wirthschaftliche Bedeutung des Zunftwesens in Mittelalter. Berlin 1868. *L. Brentano*. Arbeitergilden der Gegenwart. 1 Band. Lpz. 1872. Hullman. Stadtewesen des Mittelalters 1829. *Georg Below*. Ursprung der deutschen Stadteverfassung. Dusseldorf. 1892. *Karl Hegel*. 1) Die Entstehung des deutschen Stadtewesens. Lpz. 1898. 2) Stadte und Gilden der germanischen Volker im Mittelalter 2 T. 1891. 3) Geschichte der Städteverfassung von Italien seit der Zeit der romischen Herrschaft 2 T. 1847. *W. Sombart*. Gewerbewesen. Sammlung Goschen, Jahrbücher f. Gesetz und Volksw. 1888, стр. 202. 1 Theil. Lpz. 1904. *Mumenhoff*. Der Handwerker in der deutschen Vergangenheit. Lpz. 1901. *Eberstadt*. Ursprung des Zunftwesens und die altere Handwerkerverbande des Mittelalters. Lpz. 1900. *O. Gierke*. Das deutsche Genossenschaftsrecht B. 1. Berlin. 1868. *I. H. Labart*. Histoire des arts industrielles au moyen-âge et à l'époque de la Rénaissance. 4 vol. Paris 1864. *Pigeonneau*. Histoire du commerce de la France. 2 édition 2 vol. Paris 1887. H. Hauser. Ouvriers du temps passé (XV et XVI siècles) Paris, 1906. Levasseur. Histoire des classes ouvrières en France. 1887. *А. И. Дживелегова*: 1) Средневѣковые города въ Западной Европѣ. Спб. 1902. Изданіе Брокгауза и Ефрона; 2) Средневѣковыя общины. Нѣкоторые новые матеріалы о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ 1901 г.

Экономическія воззрѣнія въ средніе вѣка.

Первые вѣка послѣ разложенія Римской имперіи въ Западной Европѣ заполнены борьбою полудикихъ племенъ изъ-за постоянныхъ территоріальныхъ перемѣщеній, вызванныхъ великимъ пе-

переселеніемъ народовъ. Въ эту пору грубаго варварства, которымъ начинается средневѣковая исторія, духовная жизнь, съ ея умственными интересами и нравственными запросами, нашла свое убѣжище за стѣнами католическихъ монастырей. Начиная съ V вѣка и почти въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія теологамъ католической церкви нераздѣльно принадлежало господство въ области мысли, между прочимъ, и въ той части мнѣній и сужденій, которыя касались экономической жизни. Цѣлыхъ тысячу лѣтъ судьбы экономической мысли находились въ рукахъ христіанскихъ богослововъ. Экономическія воззрѣнія въ средніе вѣка такъ же, какъ и въ античный періодъ исторіи, не были выдѣлены въ особую доктрину. Но, между тѣмъ какъ экономическія ученія греческихъ и римскихъ писателей высказывались въ трактатахъ о политикѣ и этикѣ (Аристотель), философіи (Платонъ, Сенека и др.), исторіи (Ксенофонтъ и Ѳукидидъ) и, наконецъ, въ сочиненіяхъ римскихъ юристовъ,—экономическія воззрѣнія въ средніе вѣка были слиты съ теологіей. Экономическіе вопросы трактовались средневѣковыми учеными попутно, по поводу разныхъ теологическихъ проблемъ, и поэтому въ теологіи они составляли какъ бы особую главу о богословской этикѣ и казуистикѣ. Экономическія доктрины сплошь и рядомъ занимаютъ извѣстное мѣсто въ сочиненіяхъ о таинствѣ исповѣди и отпущенія грѣховъ. Экономическіе вопросы въ средніе вѣка также часто были предметомъ церковныхъ проповѣдей, во всякомъ случаѣ сборники церковныхъ поученій лучшихъ католическихъ проповѣдниковъ XIII—XV в.в. служатъ однимъ изъ первыхъ источниковъ для характеристики экономическихъ воззрѣній этой поры.

Было бы однако ошибочно думать, что сужденія христіанскихъ теологовъ по экономическимъ вопросамъ, разъ высказанныя, застыли, какъ неизмѣнныя догмы, въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ. На самомъ дѣлѣ экономическія ученія въ средніе вѣка такъ же эволюціонировали, какъ и теологическія воззрѣнія католическихъ ученыхъ, которыя подвергались значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ измѣняющихся условій времени. Уже тотъ фактъ, что христіанская церковь въ IV—V в.в. ставила себѣ иныя задачи, чѣмъ въ послѣдующій періодъ среднихъ вѣковъ, имѣлъ огромное вліяніе на характеръ ея экономическихъ взглядовъ. Въ

первую пору средневѣковья церковнымъ идеаломъ являлся аскетизмъ, перешедшій по традиціи съ христіанскаго Востока. Въ духѣ аскетическихъ взглядовъ христіанская церковь относилась отрицательно къ участію въ мірской жизни, въ управленіи и судѣ; она старалась отвлекать своихъ членовъ отъ хозяйственныхъ и торговыхъ дѣлъ, даже семью церковь только терпѣла и, во всякомъ случаѣ, не поощряла вступленія въ бракъ (слова ап. Павла: оженивыйся—добре творитъ, не женивыйся—лучше творитъ). На почвѣ этихъ воззрѣній возникло и развилось монашество. Но уже, со второй половины среднихъ вѣковъ отмѣченное отношеніе церкви къ мірскимъ дѣламъ смѣнилось рѣзко выраженнымъ свѣтскимъ идеаломъ, воспитаннымъ на почвѣ увеличенія свѣтской власти римскихъ папъ и того вліятельнаго политическаго положенія, которое заняло католическое духовенство во франко-германскомъ обществѣ, въ качествѣ крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, съ ихъ прерогативами въ администраціи и судѣ, сыгравшее притомъ видную роль въ хозяйственной исторіи среднихъ вѣковъ. Въ силу этого свѣтскаго идеала, католическая церковь въ германо-романскомъ мірѣ старалась подчинить своему вліянію всѣ сферы жизни и общественнаго управленія, вплоть до государства. Вмѣстѣ съ этимъ новымъ положеніемъ, занятымъ католическою церковью въ средневѣковомъ обществѣ, рѣзко измѣнилось ея отношеніе и къ сферѣ экономическихъ интересовъ. Вмѣсто монаха-отшельника, мы повсюду встрѣчаемъ теперь монаха-хозяина и администратора. По мѣрѣ того какъ монастыри все больше втягиваются въ хозяйственныя занятія, цѣлые монашескіе ордена ставятъ своей миссіей распространеніе усовершенствованныхъ способовъ земледѣлія; многіе представители духовенства—епископы и аббаты—проявляютъ свою дѣятельность въ строительствѣ городовъ и играютъ видную роль въ организаціи городского хозяйства и управленія. Въ связи съ этимъ положеніемъ, которое заняло католическое монашество въ народномъ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ, важно отмѣтить тотъ фактъ, что, начиная съ IX вѣка, во Франціи и Германіи появляется цѣлый рядъ обстоятельныхъ описаній монастырскихъ хозяйствъ подъ названіемъ „polyptyk“, а также хозяйственныхъ инвентарей, составителями которыхъ были аббаты и епископы, выдѣлявшіеся своею организаторскою дѣятельностью въ области монастырскаго

хозяйства. Католическое духовенство въ германо-романскомъ обществѣ, утратившіи традиціи восточнаго аскетизма, не только вошло въ тѣсное соприкосновеніе съ хозяйственными интересами феодальныхъ территорій, но сдѣлалось однимъ изъ дѣятельныхъ факторовъ хозяйственной исторіи. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, католическое монашество, какъ единственная интеллигенція своего времени, должно было въ своихъ сужденіяхъ и взглядахъ, въ извѣстной мѣрѣ, отражать тѣ крупныя перемѣны, которыя происходили въ строѣ средневѣковаго хозяйства въ XI—XIV в.в., выразившіяся въ образованіи городовъ, какъ центровъ обрабатывающей и торговой промышленности, а также въ развитіи международной торговли и другихъ явленіяхъ, совершенно преобразовавшихъ строй прежняго натуральнаго хозяйства.

Въ связи съ указанными вліяніями и причинами, опредѣлявшими отношеніе католическаго духовенства въ области хозяйственныхъ интересовъ, надо различать два преемственно слѣдовавшихъ цикла экономическихъ воззрѣній христіанскихъ теологовъ средневѣковаго періода. Одинъ изъ нихъ заключался въ Евангеліи и примыкавшихъ къ нему ученіяхъ первыхъ отцовъ церкви, а другой, представленный въ трактатахъ католическихъ теологовъ второй половины среднихъ вѣковъ, начиная съ XII вѣка, отражалъ въ себѣ условія германо-романскаго хозяйственнаго быта и совпадалъ съ репепціей воззрѣній римскихъ юристовъ и общественныхъ идей Аристотеля.

Въ основѣ евангелическаго ученія лежитъ опредѣленный кругъ экономическихъ воззрѣній, рѣзко опредѣляющихъ отношеніе христіанства къ хозяйственнымъ дѣламъ. Ученія Евангелія проникнуты полнымъ пренебреженіемъ къ богатству, торговлѣ, къ хозяйственнымъ занятіямъ, къ хозяйственной бережливости и предусмотрительности и вообще ко всѣмъ основнымъ элементамъ правильной хозяйственной дѣятельности („Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, такъ какъ у каждаго дня своя забота; не заботьтесь о томъ, что вамъ ѣсть, что пить и во что одѣться: посмотрите на птицъ небесныхъ, которыя не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, однако Отецъ небесный питаетъ ихъ.“). Основная идея Евангелія заключалась въ томъ, чтобы подчинить всѣ человѣческіе интересы, въ томъ числѣ и хозяйственные, высшему христіанскому идеалу

спасенія души и приготовленія ея къ болѣе совершенной жизни за гробомъ.

Евангельское ученіе признавало обезпеченіе матеріальнаго существованія не только излишнимъ для добраго христіанина, но многократно указывало на него, какъ на прямую преграду для нравственнаго усовершенствованія („Богатый не можетъ войти въ царство небесное, поэтому, если хочешь спастись, иди и раздай свое имущество бѣднымъ"). Нищета и бѣдность рекомендуются Евангеліемъ какъ непремѣнныя условія христіанской жизни. Современные комментаріи христіанскаго ученія, подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условій и дѣйствующаго законодательства, значительно уклонились отъ того отношенія къ хозяйственной жизни, какое запечатлѣно въ Евангеліи. Не то было въ первые вѣка христіанства и въ періодъ вселенскихъ соборовъ, когда предписанія Евангелія въ буквальномъ смыслѣ переходили въ жизненный обиходъ. Отцы церкви первыхъ вѣковъ христіанства въ своихъ поученіяхъ брали за исходныя точки евангельскія воззрѣнія и разрабатывали ихъ въ примѣненіи ко всѣмъ частностямъ обыденной жизни. Проповѣдь нищенства, какъ состоянія, наиболѣе благопріятнаго для нравственнаго усовершенствованія, шла параллельно съ проповѣдью личнаго труда. Каждый въ обществѣ долженъ быть работникомъ: такъ звучитъ извѣстное выраженіе ап. Павла «кто не работаетъ, пусть не ѣстъ». Но трудъ въ ученіяхъ первыхъ христіанскихъ учителей представлялся не какъ средство личнаго обезпеченія, а какъ исполненіе общественнаго долга и актъ любви къ ближнему; результатъ труда долженъ былъ итти на общественную пользу, въ видѣ милостыни, поэтому считался предосудительнымъ трудъ, разсчитанный на то, чтобы собирать доходы и копить богатство. Изъ такого пониманія назначенія труда вытекало отрицаніе частной собственности и пожеланіе, чтобы все частное имущество христіанъ поступало въ общее пользованіе христіанскихъ общинъ. Въ томъ обстоятельствѣ, что первые учители церкви ставили одною изъ первыхъ обязанностей христіанскихъ общинъ попеченіе о бѣдныхъ и слабыхъ, заключался исходный моментъ осужденія процентовъ и отдачи денегъ въ ссуду на условіяхъ платежа процентовъ. Запрещеніе процентовъ являлось однимъ изъ актовъ законодательства о бѣдныхъ. Въ условіяхъ натуральнаго

хозяйства того времени, ссуды преимущественно брались для потребительныхъ цѣлей, а не для примѣненія капиталовъ къ производству, а потому онѣ являлись средствомъ жестокой эксплоатаціи матеріальной нужды должниковъ. Это моральное ученіе о предосудительности взиманія процентовъ церковные соборы и римскіе папы превратили въ законодательныя предписанія. Уже въ 446 г. папа св. Левъ издалъ посланіе о запрещеніи взиманія процентовъ. Даже свѣтская власть, въ лицѣ византійскихъ императоровъ, подчинялась въ этомъ вопросѣ теченію, господствовавшему въ церковныхъ кругахъ, судя по тому, что императоромъ Василіемъ (867—886 г.г.) также былъ изданъ эдиктъ о запрещеніи процентовъ, мотивированный опасеніемъ, «что наша слишкомъ большая привязанность къ римскому праву (санкціонировавшему взиманіе процентовъ) грозитъ опасностью нарушить божескій законъ». Правда, преемникъ этого императора поспѣшилъ отмѣнить этотъ эдиктъ, въ виду того «что онъ, вслѣдствіе внесенной имъ смуты, оказался болѣе вреднымъ чѣмъ полезнымъ»; зато церковные соборы въ католическихъ странахъ періодически повторяли постановленія о запрещеніи процентовъ до XIV вѣка.

По существу Евангеліе и сочиненія христіанскихъ канонистовъ не даютъ законченнаго цикла экономическихъ ученій. По вѣрному замѣчанію Эндемана, то, что они содержатъ по экономическимъ вопросамъ, нельзя даже считать экономическими воззрѣніями, а только воззрѣніями, имѣющими экономическое значеніе. Какъ однако ни отрывочны эти воззрѣнія, но въ ряду тѣхъ сужденій по экономическимъ вопросамъ, которыя господствовали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій въ донаучный періодъ политической экономіи, они имѣли свой историческій смыслъ и значеніе. Христіанское ученіе, выступившее на исторической аренѣ съ проповѣдью любви, перевернуло вверхъ дномъ всю общественную мораль языческаго міра: послѣдніе въ строѣ языческаго общества, съ точки зрѣнія христіанскаго ученія, считались первыми, а первые—послѣдними. Если языческій міръ являлся господствомъ сильныхъ, облеченныхъ властью и богатыхъ, то христіанство выдвигало въ общественномъ значеніи бѣдныхъ, угнетенныхъ и слабыхъ. Отсюда культъ нищихъ и уваженіе человѣческой личности въ рабахъ. Христіанское ученіе, явившееся коренной реформой этическихъ воззрѣній и понятій языческаго міра, возникло и получило распространеніе въ то время, когда римскій

народъ импонировалъ всему тогдашнему міру своею силою, властностью и богатствомъ. И вотъ христіанскія воззрѣнія на хозяйственную жизнь, въ своихъ исходныхъ началахъ, являлись глубокою реакціей какъ противъ грубаго матеріализма, которыми была проникнута жизнь римскаго народа, такъ и противъ тѣхъ элементовъ римской культуры, которые были запечатлѣны въ великомъ духовномъ наслѣдствѣ, оставленномъ Римомъ,—въ его правѣ. Прибыль, пріобрѣтеніе, хозяйственный интересъ, строгая частная собственность, богатство и власть—все, чему римское право даетъ такую тонко обоснованную защиту, христіанская мораль презирала и осуждала, противопоставляя имъ идеальныя блага, любовь къ ближнему, нестяжательность, отказъ отъ собственныхъ матеріальныхъ выгодъ.

Евангельскія воззрѣнія на хозяйственную жизнь находили для себя вполнѣ благопріятную почву въ Западной Европѣ къ началу среднихъ вѣковъ во всеобщемъ господствѣ натуральнаго хозяйства. Въ то время, когда населеніе только начинало еще переходить къ земледѣлію, ремесла пока были въ зачаточномъ состояніи, торговаго обмѣна почти не существовало, а къ ссудамъ денегъ прибѣгали чаще всего въ періоды неурожаевъ и голодовокъ для потребительнаго назначенія, каноническое осужденіе процентовъ встрѣчало полное сочувствіе народныхъ массъ. Съ другой стороны, признаніе католическою церковью личности трудящихся классовъ встрѣчалось горячимъ сочувствіемъ народныхъ массъ, такъ какъ оно вносило прямое облегченіе въ положеніе несвободныхъ классовъ и реально выразилось въ смягченіи первобытнаго рабства, въ превращеніи рабовъ въ литовъ и колонновъ, раньше всего осуществленномъ въ монастырскихъ имѣніяхъ. Осужденіе барышей, извлекаемыхъ изъ торговыхъ сдѣлокъ, и вообще пренебреженіе, внушаемое ученіемъ первыхъ христіанъ къ торговымъ дѣламъ, также никого не задѣвало въ ту пору, когда еще слаба была потребность въ торговомъ обмѣнѣ. Самый взглядъ церкви на необходимость общей собственности могъ быть только симпатиченъ народамъ, пользовавшимся землею на общинномъ началѣ и находившимъ свое матеріальное обезпеченіе въ условіяхъ веденія хозяйства крупными родовыми группами. Далѣе каноническое ученіе о преимуществахъ общей собственности служило юридическимъ титуломъ для умноженія монастырскихъ имуществъ, которыя считались

въ глазахъ общества какъ бы запаснымъ капиталомъ на случай голодовокъ, неурожаевъ и народныхъ бѣдствій. И монастыри старались оправдывать назначеніе своихъ обширныхъ имѣній, образовавшихся изъ пожертвованій, принимая на себя содержаніе бѣдныхъ, раздачу милостыни и другія дѣла благотворенія.

Но если въ первую пору среднихъ вѣковъ экономическія воззрѣнія духовныхъ канонистовъ въ прямомъ смыслѣ согласовались съ условіями натуральнаго хозяйства и слабо развитаго экономическаго оборота, то какъ могла мириться съ отрицательнымъ отношеніемъ къ основамъ мѣнового оборота гражданская жизнь поздняго средневѣковья, съ ея цвѣтущими городами, обязанными своимъ культурнымъ ростомъ развитію промысловъ и торговли на ихъ территоріи. Что могъ, напримѣръ, имѣть противъ ссуды капитала за процентъ цеховой мастеръ, когда эта ссуда давала ему возможность основать или расширить свое производство. Какимъ образомъ можно было осуждать торговыя занятія, когда въ годы неурожаевъ только привозъ иноземнаго хлѣба спасалъ населеніе отъ голода, когда потребность во многихъ предметахъ необходимости и удобства могла быть удовлетворена только посредствомъ ввоза иностранныхъ товаровъ. При измѣнившихся историческихъ условіяхъ, экономическая доктрина, подчиняясь запросамъ жизни, устами самихъ теологовъ дѣлаетъ уступки и измѣняетъ свое отношеніе къ современнымъ явленіямъ экономическаго оборота — къ торговлѣ, деньгамъ, процентамъ, хотя эти уступки теологической доктрины слѣдуютъ съ большимъ запаздываніемъ, судя по тому факту, что запрещеніе взиманія процентовъ по денежнымъ ссудамъ на помѣстныхъ соборахъ повторялось почти до конца среднихъ вѣковъ. Кромѣ того, на воззрѣнія теологовъ въ области хозяйственныхъ явленій этой поры должны были оказать вліяніе такіе выдающіеся факты въ культурной жизни европейскаго Запада, какъ основаніе университетовъ въ итальянскихъ городахъ, рецепція римскаго права и, наконецъ, знакомство съ ученіями Аристотеля, сочиненія котораго въ 1271 году были переведены Вильямомъ Мербекомъ на литературный того времени латинскій языкъ.

Задачу преобразованія теологической доктрины, въ ея экономическихъ воззрѣніяхъ, съ тѣмъ чтобы приблизить ее къ измѣнившемуся складу экономическаго быта, выполнилъ одинъ изъ

авторитетнѣйшихъ теологовъ католическаго міра (doctor angelicus), который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ самымъ замѣчательнымъ представителемъ своего времени въ области общественной философіи,— Ѳома Аквинскій (род. 1225 г., ум. 1274 г.). Обстоятельства его личной жизни сложились благопріятно для того, чтобы, стоя на высотѣ современнаго знанія, обстоятельно познакомиться съ общественнымъ бытомъ своего времени. Съ 11 до 17-лѣтняго возраста онъ пребывалъ въ доминиканскомъ монастырѣ въ Неаполѣ. Ученую школу прошелъ въ Кельнѣ подъ руководствомъ Альберта Великаго, ученую степень получилъ въ Парижскомъ университетѣ за сочиненіе «De principium naturae» и затѣмъ послѣдовательно былъ профессоромъ въ университетахъ Кельна, Парижа, Неаполя и Болоньи. Во время своихъ переѣздовъ Ѳома Аквинскій хорошо ознакомился съ жизнью французскихъ и германскихъ городовъ и въ особенности съ бытомъ современной ему Италіи, который онъ имѣлъ возможность наблюдать въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ своей жизни, сопровождая римскихъ папъ въ ихъ постоянныхъ переѣздахъ изъ одной резиденціи въ другую. Изъ его многочисленныхъ сочиненій для обществовѣдѣнія имѣютъ значеніе въ особенности слѣдующія два: «De regimine principum» и «Summa theologica», представляющія собою изслѣдованіе по вопросамъ богословія, права и народнаго хозяйства. Какъ большой почитатель Аристотеля, Ѳома Аквинскій, находился подъ сильнымъ его вліяніемъ въ области экономическихъ воззрѣній. Вдохновенный теологъ, проникнутый до глубины души христіанской моралью, онъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ старался согласовать, въ теоріи, евангельскія воззрѣнія на хозяйственныя отношенія съ условіями хозяйственнаго быта современной ему эпохи. Какъ христіанскій мыслитель, онъ задался цѣлью примирить въ научной доктринѣ то, что давно уже было примирено самою жизнью, такъ какъ христіанство не только не ставило преграды развитію торгово-промышленной дѣятельности въ германо-романскомъ мірѣ, но сами представители духовнаго сословія, какъ извѣстно, играли дѣятельную роль въ образованіи городовъ, какъ центровъ торговли и промысловъ. Но въ условіяхъ того времени, когда жилъ Ѳома Аквинскій, эти вопросы сами по себѣ являлись только одною частью болѣе общей проблемы — объ отношеніи христіанства и

католической церкви къ германо-романской культурѣ вообще, включая сюда и вопросъ объ отношеніи церкви къ государству. Отрицательное отношеніе христіанства первыхъ вѣковъ къ свѣтскимъ учрежденіямъ и къ языческому государству теперь не могло уже имѣть мѣста, когда и само государство стало христіанскимъ. Католическая церковь, преслѣдуя свои задачи и руководствуясь мотивами, совершенно отличными отъ тѣхъ стимуловъ и интересовъ, которые составляютъ движущую силу гражданскаго и экономическаго оборота, и теперь также сохраняла свое оппозиціонное положеніе къ мірской жизни, но основанія этой оппозиціи совершенно измѣнились. Это былъ моментъ, когда теологическая доктрина должна была или, сохраняя свое прежнее отношеніе къ хозяйственному обороту, стать анахронизмомъ и утерять всякое вліяніе, или же найти средство иначе обосновать свои положенія, обезпечивая за собою и на будущее время значеніе вліятельнаго фактора въ общественной жизни. Въ этомъ заключалось существо задачи, которую пришлось разрѣшить въ своемъ ученіи Ѳомѣ Аквинскому. Въ основѣ воззрѣній Ѳомы Аквинскаго на хозяйственныя явленія и учрежденія лежитъ истолкованіе измѣнившагося отношенія церкви къ свѣтскому міру.

Въ связи съ отмѣченными условіями, общественная философія Ѳомы Аквинскаго проникнута дуализмомъ: онъ противопоставляетъ мірскія отношенія, созданныя грѣховнымъ человѣчествомъ, «божественному порядку», предписанному св. писаніемъ. Дѣйствительная жизнь и божественный порядокъ ставятъ себѣ совершенно различныя цѣли. По предписанію св. писанія цѣль земного существованія заключается не въ удовольствіяхъ, не въ богатствѣ, господствѣ и почестяхъ, а въ добродѣтельной жизни, чтобы посредствомъ ея достигнуть вѣчнаго блаженства на небѣ. Ѳома Аквинскій выдѣляется отъ своихъ предшественниковъ, отцовъ церкви, тѣмъ, что онъ учитываетъ историческую дѣйствительность и проникнутъ сознаніемъ значенія учрежденій, создаваемыхъ ростомъ человѣческой культуры и прежде всего государства, а также необходимости обезпеченія экономическаго благосостоянія страны; но всѣ эти полезныя учрежденія и хозяйственныя стремленія и заботы онъ желаетъ урегулировать по принципамъ «божественнаго порядка», т. е., другими словами, подчинить ихъ требованіямъ христіанской

морали. Проводникомъ этихъ моральныхъ началъ должна быть церковь; а такъ какъ всѣ взаимныя отношенія людей между собою должны быть подчинены требованіямъ христіанской морали, то для осуществленія этой задачи свѣтская власть должна быть подчинена духовной. Отсюда слѣдуетъ, что верховный представитель свѣтской власти въ христіанскомъ государствѣ, чтобы быть руководителемъ своихъ подданныхъ въ достиженіи высшихъ цѣлей человѣческаго существованія, долженъ подчиняться предписаніямъ главы церкви—римскаго папы. Такимъ образомъ, предписанія Евангелія, которыя въ пониманіи первыхъ христіанъ и учителей церкви являлись абсолютными требованіями порвать всякія отношенія съ хозяйственною дѣятельностью, въ ученіи Ѳомы Аквинскаго получаютъ значеніе требованій высшей морали, которой онъ рекомендуетъ подчинить всю жизнь общества, въ томъ числѣ и экономическія отношенія. Ученіе Ѳомы Аквинскаго было проповѣдью этизпрованія экономической дѣятельности, законность и цѣлесообразность которой онъ однако признавалъ. Послѣ выясненія исходныхъ принциповъ воззрѣній Ѳомы Аквинскаго намъ становится понятнымъ то положеніе, которое онъ занялъ въ своихъ ученіяхъ о главнѣйшихъ явленіяхъ современнаго ему экономическаго обихода, а именно: о цѣнѣ, куплѣ-продажи, процентахъ на капиталъ и частной собственности.

А. Цѣна. Остановивъ свое вниманіе на цѣнѣ товаровъ, Ѳ. А. признаетъ, что купля-продажа предназначена служить для общей пользы; но для того, чтобы отвѣчать своему назначенію, она должна быть поставлена такъ, чтобы выгоды обѣихъ сторонъ—покупателя и продавца—въ этомъ актѣ были равны. Неравенство выгодъ и несправедливость для одной изъ сторонъ наступаетъ тогда, когда вещь оцѣнена выше или ниже своей стоимости. Отсюда его требованіе соблюденія справедливой цѣны. Для осуществленія «справедливой цѣны» со стороны продавца надо учитывать не только реальную стоимость вещи, но и степень нужды въ ней даннаго покупателя; поэтому, если послѣдній очень нуждается въ извѣстномъ предметѣ, то ему можно его продать по болѣе высокой цѣнѣ, но не дороже того, что онъ стоилъ самому продавцу. Если же затѣмъ купившій данную вещь извлечетъ изъ этого очень большую выгоду, то, по чувству порядочности (honestas), онъ долженъ удѣлить

часть этой выгоды продавцу, у котораго онъ столь удачно пріобрѣлъ вещь. Такимъ образомъ, Ѳома Аквинскій рекомендуетъ въ мѣновомъ оборотѣ поступать не по соображеніямъ хозяйственнаго разсчета, а слѣдовать требованіямъ высшей справедливости, осуществляемой въ божественномъ законѣ. Въ отличіе отъ послѣдняго, человѣческій законъ (при чемъ подъ человѣческимъ закономъ Ѳома Аквинскій вездѣ разумѣетъ римское право) не все то запрещаетъ, что противно добродѣтели: для него достаточно запретить только то, что разрушаетъ взаимную жизнь людей; остальное, что не подходитъ подъ этотъ критерій, онъ разрѣшаетъ, но не потому, чтобы онъ одобрялъ, а потому, что признаетъ это не наказуемымъ. Съ этой точки зрѣнія римское право считаетъ не наказуемой продажу вещей по чрезвычайно высокой или покупку ея по слишкомъ низкой цѣнѣ, сравнительно съ ея стоимостью, если при этомъ не имѣлъ мѣста обманъ одной стороны другой. Но и человѣческій законъ во всякомъ случаѣ наказываетъ продавца, если онъ при продажѣ вещи скрылъ ея недостатки, для того чтобы взять болѣе высокую цѣну, напр.: лѣнивую лошадь выдалъ за скорую, испорченную провизію—за свѣжую и т. п. Требованія же божественнаго закона идутъ гораздо дальше: онѣ не оставляютъ безнаказаннымъ всего того въ сферѣ мѣнового оборота, что противно добродѣтели. Поэтому божественный законъ предписываетъ, чтобы сторона, потерявшая при продажѣ предмета, была вознаграждена другою, получившею исключительную выгоду, хотя бы со стороны другого контрагента не было никакого обмана. Но предписаніе божескаго закона должно ограничиться общею формулою, ибо точнаго опредѣленія справедливой цѣны нельзя достигнуть, а незначительныя уклоненія отъ справедливой цѣны и духовнымъ закономъ могутъ быть игнорированы. Напримѣръ, возьмемъ такой случай, что продавецъ является со своимъ товаромъ въ городъ въ тотъ моментъ, когда въ этомъ товарѣ чувствуется крайній недостатокъ, и продаетъ его поэтому по очень высокой цѣнѣ, хотя при этомъ онъ случайно знаетъ, что вслѣдъ за нимъ направляется въ тотъ же городъ масса продавцовъ съ тѣмъ же товаромъ, вслѣдствіе чего цѣна на него черезъ нѣсколько часовъ значительно понизится. Продавецъ, который, при такихъ условіяхъ, не пожелалъ бы воспользоваться случаемъ продать подороже или рѣшившій возвратить излишекъ

выручки покупателямъ, послѣ того какъ цѣна на товаръ, вслѣдствіе указаннаго обстоятельства, понизилась, по словамъ Ѳомы Аквинскаго, долженъ былъ бы считаться человѣкомъ болѣе чѣмъ добродѣтельнымъ; долгъ справедливости во всякомъ случаѣ его къ этому не обязываетъ.

Б. Торговля и проценты на капиталъ. Ѳома Аквинскій, слѣдуя за Аристотелемъ, различаетъ два вида торговли: обмѣнъ товара на товаръ, а также обмѣнъ денегъ на товаръ, для удовлетворенія потребностей въ предметахъ необходимости, и второй видъ торговли— обмѣнъ денегъ на деньги или на другія вещи, но не съ цѣлью удовлетворенія потребностей, а для полученія барыша. Въ отличіе отъ Аристотеля, который только первый видъ торговли одобрялъ, а второй порицалъ, «потому что онъ питаетъ страсть къ наживѣ», Ѳома Аквинскій находитъ, что стремленіе къ прибыли, являющееся цѣлью всякой торговли, не заключаетъ въ себѣ ничего позорнаго или противнаго добродѣтели. Это видно изъ того, что прибыль сплошь и рядомъ можетъ быть употреблена на полезныя дѣла, какъ это имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда данное лицо, получающее умѣренную прибыль изъ денежныхъ оборотовъ, предназначаетъ ее для содержанія своей семьи, на помощь бѣднымъ или жертвуетъ ее на государственныя нужды. Съ нравственной точки зрѣнія онъ вполнѣ оправдываетъ полученіе прибыли въ тѣхъ случаяхъ, когда торговецъ, съ своей стороны, подвергнулъ товаръ нѣкоторой обработкѣ для приданія ему извѣстныхъ качествъ или когда онъ получаетъ барышъ, какъ плату за перевозку товара въ то мѣсто, гдѣ въ немъ нуждаются, или за сбереженіе товара. Ѳома Аквинскій осуждаетъ только спекулятивную торговлю, при которой торговецъ множитъ свои барыши, не связанные ни съ какими затратами на перевозку и храненіе товара. Но, такъ какъ въ ту пору этотъ видъ торговли, характерный для биржевыхъ операцій новаго времени, почти не встрѣчался, то можно сказать, что онъ вообще признавалъ занятіе торговлей не предосудительнымъ.

Оправдывая, съ точки зрѣнія «божественнаго порядка», торговлю, Ѳома Аквинскій однако относится отрицательно къ взиманію процентовъ по ссудамъ денегъ. Его аргументація противъ взиманія процентовъ заключается въ слѣдующемъ. Онъ раздѣляетъ всѣ предметы, могущіе быть предметомъ ссуды, на двѣ категоріи:

одни изъ нихъ, какъ напр. вино, пшеница, уничтожаются при самомъ ихъ употребленіи и, другіе, какъ напр. домá,—такого рода, что пользованіе ими не связано съ ихъ уничтоженіемъ. Поэтому при ссудѣ предметовъ первой категоріи было бы несправедливо со стороны заимодавца требовать, сверхъ возвращенія самыхъ вещей опредѣленной мѣры или вѣса, еще извѣстнаго количества ихъ, какъ плату за пользованіе ими; такъ какъ пользованіе вещью въ данномъ случаѣ соединяется съ ея уничтоженіемъ, то, съ точки зрѣнія Ѳомы Аквинскаго, такое требованіе равнозначительно тому, если бы при продажѣ данной вещи взять за нее двойную цѣну, что̀ явно не справедливо. Иначе, однако, дѣло обстоитъ, когда рѣчь идетъ о ссудѣ предметовъ, не уничтожаемыхъ при пользованіи ими. При наймѣ дома для жилья вполнѣ справедливо требовать отъ нанимателя, чтобы онъ къ опредѣленному сроку возвратилъ домъ и, кромѣ того, заплатилъ за пользованіе имъ. Деньги Ѳома Аквинскій относитъ къ первой категоріи предметовъ—уничтожаемыхъ при самомъ пользованіи ими, и поэтому, съ его точки зрѣнія, ссуда денегъ не должна быть оплачиваема со стороны заемщика особымъ вознагражденіемъ (т. е. процентомъ) за пользованіе ими. Это мѣсто требуетъ нѣкотораго поясненія. Въ данномъ случаѣ Ѳ. А. имѣетъ въ виду только ссуды, получаемыя для потребительныхъ цѣлей, а не производительнаго назначенія. Мысль его заключается въ томъ, что не сами деньги уничтожаются при пользованіи ими, а тѣ предметы первой необходимости, для пріобрѣтенія которыхъ нуждающійся человѣкъ прибѣгаетъ къ займу денегъ. Но если кто-либо предоставляетъ другому лицу деньги подъ залогъ недвижимости для пріобрѣтенія предметовъ украшенія или хозяйственнаго инвентаря, то такое пользованіе деньгами, по мнѣнію Ѳомы Аквинскаго, должно быть оплачено особымъ вознагражденіемъ. Вообще, Ѳома Аквинскій, по видимости, признавалъ дозволеннымъ платежъ процентовъ по денежнымъ ссудамъ для производительныхъ цѣлей.

Обосновавъ, съ своей точки зрѣнія, положеніе о несправедливости взиманія процентовъ, Ѳома Аквинскій, съ тонкостью римскаго юриста, анализируетъ цѣлый рядъ казусовъ, въ которыхъ наблюдается замаскированная форма взиманія процента, не находящая для себя оправданія. Такъ, во многихъ случаяхъ должникъ, хотя

и не платить процентовъ, но онъ отдаетъ въ залогъ кредитору какую-нибудь вещь, въ видѣ обезпеченія исправности возврата ссуды, которою послѣдній пользуется. Ѳома Аквинскій приравниваетъ такое пользованіе предметомъ залога со стороны кредитора къ процентамъ и считаетъ этотъ видъ сдѣлокъ недозволеннымъ. Также при продажѣ вещи продавецъ иногда назначаетъ за нее болѣе высокую плату, въ виду того, что платежъ со стороны покупателя отсрочивается на нѣкоторое время; и, наоборотъ, бываютъ случаи, когда цѣна на товаръ разсчитанно понижается продавцемъ, именно потому, что плата за нее вносится ранѣе передачи самой вещи покупателю. Всѣ эти скидки и надбавки къ настоящей стоимости вещи Ѳома Аквинскій признаетъ равнозначительными съ взиманіемъ процента и осуждаетъ ихъ съ точки зрѣнія христіанской морали.

Сопоставляя по этому вопросу человѣческіе (римскіе) законы съ требованіями христіанской морали, Ѳома Аквинскій замѣчаетъ, что послѣднія оставляютъ нѣкоторые грѣхи не наказуемыми, вслѣдствіе несовершенствъ человѣческаго быта, при которыхъ многимъ людямъ былъ бы нанесенъ ущербъ, если бы всѣ грѣхи рѣшительно были запрещены подъ угрозою наказанія. Человѣческій же законъ позволяетъ брать проценты не потому, чтобы это, съ его точки зрѣнія, соотвѣтствовало справедливости, но въ виду того, чтобы не ставить преграды выгодамъ многихъ. Въ заключеніе однако оказывается, что, и съ точки зрѣнія христіанской морали, взиманіе процентовъ осуждается далеко не во всѣхъ случаяхъ. Ѳома Аквинскій считаетъ, по божескому закону, дозволительнымъ взиманіе процентовъ, когда покупающій предназначаетъ ихъ на пособіе бѣднымъ и потерпѣвшимъ отъ разбойниковъ, на выкупъ своихъ соотечественниковъ изъ плѣна и т. п.

Крупный шагъ отъ евангельскихъ воззрѣній къ свѣтской наукѣ представляютъ сужденія Ѳомы Аквинскаго о собственности. Въ спорѣ Аристотеля съ Платономъ объ общей и частной собственности онъ становится на сторону перваго. Вмѣстѣ съ Аристотелемъ, онъ видитъ преимущество частной собственности въ томъ, что человѣкъ, работающій для личнаго пріобрѣтенія, напрягаетъ всю свою энергію и тщательное вниманіе въ той спеціальной отрасли труда, которою онъ занятъ. Кромѣ того, по его мнѣнію, при существованіи режима частной собственности въ обществѣ устанавливается прочный

порядокъ и миръ. Общая же собственность, вызывая постоянные споры и недоразумѣнія, часто обусловливаетъ небрежное обращеніе съ имуществомъ. Неудобства общей собственности онъ поясняетъ на примѣрѣ товарищескихъ путешествій на общій счетъ, когда среди товарищей происходятъ безконечныя препирательства о томъ, что имъ ѣсть, какія комнаты брать и т. п., которыя иногда переходятъ въ ссоры и драки. Наконецъ, Ѳома Аквинскій настолько считался съ необходимостью для человѣческаго общества торговли и промысловъ, что, говоря о государствѣ, онъ указываетъ на то, что при основаніи государства должны быть приняты во вниманіе также удобства, представляемыя территоріей для торговли и экономическаго развитія страны. Но, слѣдуя за Аристотелемъ и подчиняясь христіанской традиціи, онъ признаетъ въ ряду разныхъ отраслей хозяйства всѣ преимущества въ хозяйственномъ и моральномъ отношеніи за земледѣліемъ. Это—та отрасль хозяйства, которая, по мнѣнію Ѳомы Аквинскаго, требуется общежитіемъ и одобряется высшимъ божественнымъ закономъ.

Для характеристики того преобразованія, которое внесено было въ церковно-католическую доктрину по хозяйственнымъ вопросамъ Ѳомою Аквинскимъ, важны не столько его воззрѣнія на отдѣльныя экономическія явленія, сколько высказанные имъ общіе принципы для разграниченія духовной и свѣтской точекъ зрѣнія на экономическую жизнь общества и крупный шагъ, сдѣланный имъ въ дѣлѣ признанія самою церковью законности экономическаго оборота, санкціонированнаго свѣтскимъ закономъ. Учитывая историческія условія человѣческаго развитія, Ѳома Аквинскій признавалъ, что хозяйственная жизнь, со всѣми ея сложными отношеніями, является, такъ сказать, общественно-необходимой; что цѣлый рядъ явленій, противъ которыхъ протестовало христіанство первыхъ вѣковъ, какъ обмѣнъ, ссуда, проценты, и т. п.,—вызванъ нуждами человѣческаго общежитія и «отвѣчаетъ выгодамъ многимъ»; но, съ другой стороны, въ складѣ экономическихъ отношеній, связанныхъ съ мѣновымъ и денежнымъ хозяйствомъ, есть много отрицательныхъ сторонъ, которыя должны корригироваться предписаніями божественнаго закона. Въ сущности Ѳ. А. такъ опредѣляетъ отношеніе божественнаго закона къ мірскимъ законамъ, т. е. къ римскому праву, санкціонировавшему явленія экономическаго оборота, какъ совре-

менная этическая школа въ политической экономіи опредѣляетъ отношеніе этики къ современному хозяйственному быту, съ тою разницею, что, по ученію послѣдней, явленія экономическаго оборота, основанныя на началахъ хозяйственнаго эгоизма и конкуренціи, должны быть исправлены проведеніемъ принциповъ гуманизма и солидарности, а по ученію Ѳомы Аквинскаго—проведеніемъ законовъ божественнаго порядка, т. е. христіанской морали. Воззрѣнія Ѳомы Аквинскаго представляли огромный шагъ послѣ евангельскаго ученія о грѣховности почти всякой хозяйственной дѣятельности. Ѳома Аквинскій далъ направленіе, по которому слѣдовала теологическая мысль по экономическимъ вопросамъ въ теченіе всей второй половины среднихъ вѣковъ, и послѣдующіе теологи этого времени, касавшіеся, съ точки зрѣнія ученій церкви, экономическихъ темъ, продолжали развивать начала, высказанныя Ѳомою Аквинскимъ, дѣлая дальнѣйшія уступки въ признаніи новыхъ явленій экономическаго оборота.

Въ направленіи, намѣченномъ Ѳомою Аквинскимъ, развивали свои экономическія воззрѣнія — его современникъ Генрихъ де Гангъ (de Gang 1220—1295 г.), Жиль де Ромъ (Gille de Rome—ум. 1316 г.), Николай Оремъ (Oresme—ум. 1383 г.) и другіе. Вообще мы должны сказать, что, раньше чѣмъ экономическіе вопросы сдѣлались предметомъ изслѣдованія свѣтскихъ ученыхъ, экономическая доктрина въ воззрѣніяхъ католическихъ теологовъ на основныя явленія современнаго имъ экономическаго оборота постепенно сближается съ мірскими взглядами и предписаніями римскаго права. Послѣднимъ этапомъ въ этомъ движеніи теологической мысли можно считать воззрѣнія св. Бернардина (1330—1444 г.) и св. Антонина (1330—1459 г.). Оба они являются защитниками частной собственности, какъ такого учрежденія, которое гораздо больше стимулируетъ хозяйственную дѣятельность гражданъ, чѣмъ общинная собственность, устраняя споры и несогласія, связанные съ существованіемъ послѣдней. Осуждая торговую спекуляцію, когда торговецъ получаетъ барыши, не неся никакихъ затратъ на перемѣщеніе или обработку товара, они признаютъ полезнымъ для общества занятіе торговлей, если она разсчитана на сбытъ излишнихъ продуктовъ данной страны или на доставленіе въ страну необходимыхъ продуктовъ изъ другихъ странъ. Оба эти писателя считаютъ весьма цѣлесообразнымъ, существованіе особаго торговаго класса, затрачи-

вающаго всѣ свои физическія и духовныя силы на «перемѣщеніе товаровъ» изъ одного района въ другой, такъ какъ онъ способенъ лучше выполнить эту задачу, чѣмъ люди, не имѣющіе спеціальныхъ свѣдѣній въ торговыхъ дѣлахъ. По поводу разсужденій о торговлѣ у нихъ проглядываетъ сознаніе необходимости общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда и сотрудничества. Имъ также не вполнѣ чуждо понятіе о продуктивности капитала, а потому и ихъ отношеніе къ взиманію процентовъ по ссудамъ совершенно различно, въ зависимости отъ того, для какого назначенія дается ссуда. Считая предосудительнымъ взиманіе процентовъ съ людей бѣдныхъ, прибѣгающихъ къ ссудѣ для доставленія себѣ средствъ пропитанія, они въ то же время оправдываютъ полученіе процентовъ, когда ссудный капиталъ примѣняется для производства новыхъ продуктовъ. Но раньше, чѣмъ взиманіе процентовъ по ссудамъ окончательно было легализировано церковью (въ концѣ XV-го вѣка), отдѣльные теологи оправдывали процентъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имѣлъ мѣсто, какъ вознагражденіе за просрочку въ платежѣ капитальнаго долга, а также какъ вознагражденіе за рискъ не получить обратно ссуженный капиталъ. Что касается процентовъ по ипотечнымъ долгамъ, въ особенности уплачиваемыхъ въ весьма характерной для среднихъ вѣковъ формѣ вѣчной ренты, безъ обязательства погашенія капитальной суммы долга, то этотъ видъ взиманія процента съ самаго момента возникновенія этого рода сдѣлокъ, при продажѣ земли и домовъ, не только не встрѣчалъ неодобренія со стороны католической церкви, но постоянно практиковался ею, какъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ эксплоатаціи монастырскихъ имуществъ.

Точнымъ отраженіемъ направленія, въ которомъ текла мысль средневѣковыхъ теологовъ въ ихъ сужденіяхъ по экономическимъ вопросамъ, является составленный въ половинѣ XII-го вѣка монахомъ Граціаномъ (Gratian) сборникъ церковныхъ постановленій и папскихъ декреталій, восходящихъ до III вѣка, извѣстный подъ именемъ *corpus juris canonici*. Черезъ весь этотъ кодексъ красною нитью выступаетъ основная задача—создать такую организацію общественной жизни, въ которой были бы согласованы начала христіанской этики съ потребностями и интересами матеріальной жизни людей.

Обстоятельная характеристика экономическихъ воззрѣній, заключающихся въ corpus juris canonici, представлена въ извѣстномъ

сочиненіи спеціальнаго знатока этой эпохи, проф. Эндемана. На основаніи постановленій, заключающихся въ «corpus juris canonici». Эндеманъ характеризуетъ воззрѣнія канонистовъ на главныя категоріи экономическихъ явленій: деньги, цѣну и цѣнность, кредитъ, капиталъ, налоги, трудъ и распредѣленіе хозяйственныхъ благъ. Методологическіе пріемы изслѣдованія Эндемана оставляютъ въ читателѣ впечатлѣніе, какъ будто бы воззрѣнія средневѣковыхъ канонистовъ, разъ формулированныя въ извѣстныхъ постановленіяхъ, продолжали существовать въ видѣ неизмѣнныхъ, застывшихъ нормъ въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ. Въ началѣ своего изслѣдованія Эндеманъ говоритъ, что онъ лучше всего исчерпаетъ экономическія воззрѣнія, содержащіяся въ corpus juris canonici, если сперва дастъ точный анализъ института, лежащаго въ основаніи всего экономическаго міровоззрѣнія канонистовъ. Такимъ институтомъ онъ считаетъ запрещеніе процентовъ (Wuchergesetze). Изъ отрицательнаго отношенія къ взиманію процентовъ при ссудахъ Эндеманъ выводитъ, какъ дальнѣйшія консеквенціи, воззрѣнія канонистовъ на деньги, прибыль, кредитъ и т. д. Но этотъ пріемъ догматическаго анализа, по существу, и у Эндемана не заслоняетъ того факта, что каноническія воззрѣнія къ экономическимъ вопросамъ эволюціонировали. Въ своей характеристикѣ воззрѣній канонистовъ онъ не ограничивается матеріалами кодекса каноническаго права, а выясняетъ также, какъ воззрѣнія на данную категорію явленій экономическаго оборота, деньги, кредитъ и т. п. преемственно развивались и измѣнялись у главнѣйшихъ духовныхъ писателей въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. При ближайшемъ ознакомленіи съ названнымъ изслѣдованіемъ Эндемана и въ немъ ясно обрисовываются два преемственно слѣдовавшихъ цикла экономическихъ воззрѣній канонистовъ среднихъ вѣковъ, которые мы охарактеризовали въ предыдущихъ страницахъ.

Литература по исторіи экономическихъ воззрѣній въ средніе вѣка. *W. Endemann.* Die nationalökonomischen Grundsatze der canonistischen Lehre, Jena, 1863. Его же Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre, Jena, 1874. *H. Contzen.* Geschichte der volkswirthschaftlichen Litteratur in dem Mittelalter,

Berlin, 1872. *J. J. Baumann.* Die Staatslehre des h. Thomas von Aquino, Lpz., 1873. *Brants.* Les théories économiques aux XIII et XIV siècles. Paris, 1895. *Ch. Jourdain.* Sur les commencements de l'économie politique dans les écoles du moyen-âge, Paris, 1874. *E. Nyz.* Les théories économiques au moyen-âge. Paris, 1898. *E. Funck.* Uber die oconomischen Anschauungen des mittelalterlichen Theologen. Zeitschr. f. Staatsw. Bd. 25. Tubing. 1869. *E. de Girard.* Histoire de l'économie sociale jusqu'à la fin du XVI siècle. 1900 *St. Thomas Aquinus.* De regimine principum. 1274. Summa theologica. De usuris in communi et de usurarum contractibus. De emptione et vinditione ad tempus. Summa philosophica adversus gentiles. Commenti ad Aristotile. *St. Bernardinus.* Sermones. Opera omnia. Venezia. 1745. *St. Antoninus.* Summa theologica. Opera omnia. Fiorenze. 1741.

НОВОЕ ВРЕМЯ (XV до половины XVIII в.).

Коренныя перемѣны въ складѣ хозяйства народовъ Западной Европы въ началѣ новаго періода исторіи.

Въ то время, какъ въ области экономическихъ воззрѣній каноническіе писатели боролись со свѣтскими взглядами на задачи хозяйственной жизни, непрерывно дѣлая уступки ея требованіямъ, католическая церковь искала осуществленія теократическаго идеала общественнаго строя въ крестовыхъ походахъ. Взятіе въ 1099 году арміей крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Годфрида Булонскаго, священнаго города на время окрылило надежду римскихъ папъ осуществить въ святой землѣ соціальный строй согласно каноническому идеалу. Насколько можно судить по конституціи Іерусалимскаго государства, изложенной въ «Assis et bons usages du royaume Jérusalem», въ новомъ теократическомъ государствѣ предполагалось создать еще болѣе вліятельную церковную организацію, чѣмъ это представляла собою въ то время католическая церковь въ Западной Европѣ. Въ остальномъ проектъ общественнаго устройства въ Іерусалимскомъ государствѣ копировалъ соціальный строй среднихъ вѣковъ, съ характернымъ для него дѣленіемъ общества на три класса: феодальной аристократіи, надѣленной суверенными правами, затѣмъ горожанъ и зависимыхъ, полусвободныхъ, крестьянъ [1]).

Но историческія обстоятельства скоро и властно направили теченіе общественной жизни западно-европейскихъ народовъ въ другую сторону. Вмѣсто ожидаемаго роста вліянія католической церкви, въ самомъ центрѣ Европы появлялось реформаціонное движеніе, а вторженіе турокъ въ Европу и занятіе ими Константинополя поставило надолго непреодолимую преграду движенію христіанскихъ народовъ Европы на ближній Востокъ. Но въ то самое

[1]) Aug Onken. Geschichte der nationalen Oekonomie, стр. 136

время, когда народамъ Западной Европы въ ихъ торговыхъ и экономическихъ отношеніяхъ, по видимости, суждено было замкнуться въ предѣлахъ европейскаго континента, усовершенствованія, достигнутыя въ области морского транспорта, раздвинули рамки культурнаго и торговаго общенія народовъ на необъятныя разстоянія. Открытіе въ 1492 году Колумбомъ Америки, отысканіе Васко де-Гамой въ 1497 году новаго пути въ Индію, мимо мыса Доброй Надежды были только первыми этапами дальнѣйшихъ географическихъ открытій, вводившихъ европейскіе народы въ сферу мірового хозяйства.

Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени ознаменованъ также цѣлымъ рядомъ техническихъ открытій и изобрѣтеній, оказавшихъ реформирующее вліяніе на складъ хозяйственныхъ отношеній; таковы изобрѣтенія: компаса, пороха и книгопечатанія. Этими изобрѣтеніями начинается эпоха въ исторіи европейскихъ народовъ, когда, на ряду съ ролью общественныхъ факторовъ и такой или иной организаціи политической власти, на хозяйственную жизнь народовъ пріобрѣтаютъ огромное вліяніе научныя открытія и сила прикладныхъ знаній. Этотъ фактъ огромнаго значенія для будущей судьбы человѣчества прикладныхъ наукъ былъ уже съ полною ясностью оцѣненъ выдающимся мыслителемъ второй половины XVI в. Бекономъ Веруламскимъ, который въ своемъ сочиненіи Novum Organon писалъ, «что истинная цѣль всѣхъ наукъ состоитъ въ надѣленіи жизни человѣческой новыми изобрѣтеніями и богатствами». Новые вѣка, въ хозяйственномъ отношеніи, характеризуются переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Тѣ тенденціи въ развитіи мѣнового хозяйства, которыя уже въ концѣ среднихъ вѣковъ такъ рельефно выразились въ спеціализаціи промысловъ и въ ростѣ городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли, нашли особенно благопріятныя условія для своего развитія въ названныхъ выше техническихъ и географическихъ открытіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ концѣ XV вѣка. Изобрѣтеніе компаса открыло неограниченный просторъ для морского транспорта. Моря и океаны, которые раньше изолировали отдѣльные народы и страны между собою, теперь сдѣлались самыми удобными и дешевыми путями экономическихъ и культурныхъ сношеній народовъ всего земного шара. Далѣе, изобрѣтеніе огнестрѣль-

наго пороха имѣло огромное значеніе для успѣховъ хозяйственной дѣятельности тѣмъ, что вызвало замѣну народнаго ополченія постоянной, профессіонально обученной арміей. Въ то время какъ раньше каждый мирный обыватель жилъ въ постоянной тревогѣ всегда быть готовымъ къ призыву въ войска,—учрежденіе постоянной арміи освобождало массу населенія отъ несенія военной службы, предоставляя ей возможность отдаваться хозяйственнымъ занятіямъ безъ помѣхъ и непредвидѣнныхъ перерывовъ. Съ другой стороны, постоянныя арміи, снабженныя огнестрѣльнымъ оружіемъ, рѣшили успѣхъ борьбы европейскихъ монарховъ съ закованнымъ въ желѣзо рыцарствомъ, съ высоты своихъ замковъ отстаивавшимъ политическую и хозяйственную обособленность мелкихъ феодальныхъ территорій. Наконецъ, третье важнѣйшее изобрѣтеніе этой эпохи—книгопечатаніе,—въ качествѣ орудія для распространенія знаній и широкаго обмѣна мыслей. содѣйствовало ускоренію наступившихъ преобразованій въ складѣ хозяйственнаго быта народовъ, клонившихся въ сторону развитія мѣнового хозяйства.

Начало новыхъ вѣковъ отмѣчено также кореннымъ преобразованіемъ въ строѣ политической жизни западно-европейскихъ народовъ, имѣвшихъ свои неисчислимыя послѣдствія для экономическихъ отношеній. Важнѣйшимъ фактомъ политической жизни XV и XVI в.в. является ростъ сильной монархической власти. Въ противоположность съ тѣмъ, что мы видѣли въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, въ періодъ образованія феодальной системы, когда короли растеряли всѣ свои прерогативы суверенной власти, уступая ихъ, вмѣстѣ съ частями государственной территоріи, своимъ вассаламъ, теперь происходитъ обратный процессъ сосредоточенія верховныхъ правъ въ управленіи, судѣ и т. д. въ рукахъ немногихъ государей въ Европѣ. Выросшая въ своемъ значеніи монархическая власть соединяетъ подъ своею державою обширныя территоріи, т. е., другими словами, на мѣсто сотенъ мелкихъ феодальныхъ территорій, пользовавшихся суверенными правами, между которыми въ теченіе среднихъ вѣковъ была подѣлена вся Западная Европа, теперь становится нѣсколько обширныхъ абсолютныхъ монархій. Политика государственной централизаціи имѣла своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ расширеніе сферы экономическаго общенія среди европейскихъ народностей на почвѣ обмѣна и торговли. Въ то время

какъ въ средніе вѣка экономическія отношенія замыкались предѣлами отдѣльныхъ феодальныхъ территорій, отдѣльныхъ городовъ и союзовъ городовъ (средневѣковыхъ ганзъ), къ началу новаго времени общеніе на экономической почвѣ расширяется территоріально, благодаря появленію крупныхъ монархій, обнимающихъ цѣлые народы. Объ исторической миссіи монархической власти въ хозяйственныхъ преобразованіяхъ новаго времени можно говорить еще и въ другомъ отношеніи: королевская власть этого времени выступаетъ какъ представительница хозяйственныхъ интересовъ всѣхъ слоевъ населенія страны и не признанныхъ дотолѣ, заслоненныхъ сословіями народностей. Съ этого времени государственная власть, являясь органомъ экономической политики, налагаетъ свою печать на ходъ хозяйственнаго развитія страны. Имѣя возможность, смотря по моменту времени, ставить на первомъ планѣ интересы то одного, то другого класса общества, она всегда говоритъ именемъ цѣлаго народа. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ хозяйственной исторіи этого періода, проф. Шмоллеръ, справедливо называетъ политику европейскихъ монарховъ XV—XVII вѣковъ политикою созиданія народнаго хозяйства.

Образованіе сильной государственной власти является не только совершившимся фактомъ, но и соціально-политическимъ идеаломъ новаго времени. Этотъ идеалъ, какъ извѣстно, нашелъ свое выраженіе въ политической наукѣ того времени, выдвинувшей ученіе «о полицейскомъ государствѣ», въ которомъ сильная, неограниченная власть просвѣщенныхъ деспотовъ изображалась благодѣтельницей народовъ (Юсти, Зоненфельсъ, Пуффендорфъ и др.). Начиная съ XV-го и до второй половины XVIII вѣка, вплоть до появленія школы энциклопедистовъ во Франціи и сочиненія Адама Смита «О богатствѣ народовъ», первостепенные мыслители, въ числѣ которыхъ находятся такія имена, какъ философъ Вольфъ и основатель школы физіократовъ Франсуа Кёне, въ своихъ планахъ общественныхъ преобразованій обращали взоры къ монархической власти и въ просвѣщенномъ деспотизмѣ абсолютныхъ монарховъ усматривали единственный органъ для осуществленія въ современномъ имъ быту народовъ предписаній «естественнаго права».

Новые вѣка ознаменовались также новыми теченіями въ области человѣческой мысли. Начало умственному пробужденію этой

эпохи было положено возрожденіемъ, въ теченіе XIV—XV стол., наукъ и искусствъ въ Италіи, которое оказало непосредственное вліяніе на всѣ страны Европы и выразилось, между прочимъ, въ проявленіи особеннаго интереса среди образованнаго общества къ изученію произведеній греческихъ и римскихъ писателей. Вопросы философіи, права и государственнаго устройства, съ которыми общество знакомилось по сочиненіямъ античныхъ писателей, послужили темами для самостоятельныхъ трактатовъ мыслителей новаго времени. Изъ нихъ самыми замѣчательными были сочиненія Макіавелли «О первой декадѣ Тита Ливія» и «Государь» соч. Бодена [1]). Другимъ важнѣйшимъ культурнымъ фактомъ этой эпохи была реформація. Ва тотъ историческій моментъ, когда католицизмъ ушелъ въ мистицизмъ и ритуальныя обрядности, а власть католическаго духовенства надъ обществомъ вѣрующихъ достигла самаго высокаго напряженія, появившееся реформаціонное движеніе освободило личность отъ церковной опеки въ сферѣ мыслей и чувствъ, раціонализировало христіанскую религію, приблизивъ вѣрующихъ къ первоисточнику христіанскаго ученія—къ Евангелію Христа. Значеніе представителей церковнаго освободительнаго движенія для экономической науки заключалось не столько въ тѣхъ сужденіяхъ, которыя они высказывали по вопросамъ о ростовщичествѣ, деньгахъ, соціальныхъ классахъ, о власти и государствѣ, сколько въ чувствѣ нравственной отвѣтственности, съ которымъ они смотрѣли на жизнь, въ общемъ вѣяніи духовной свободы, которое отъ нихъ исходило, и въ попыткѣ связать христіанскую мораль съ традиціями античной науки. Изъ этого теченія затѣмъ, въ концѣ XVI и началѣ XVII в.в., возникло ученіе «о естественномъ правѣ», какъ первый послѣ античнаго періода опытъ самостоятельнаго построенія ученія о правѣ, государствѣ и обществѣ [2]). Въ связи съ ознакомленіемъ съ трудами греческихъ мыслителей стоитъ также возникновеніе новой отрасли человѣческаго знанія—естественныхъ наукъ, получившихъ опору въ новыхъ реалистическихъ методахъ изслѣдованія, обоснованныхъ Бекономъ Веруламскимъ, въ его сочиненіи «Novum Organon».

[1]) Сочин. Бодена. Methodus ad facilem historiarum cognitionem. 1566 г. и De la République. 1576.

[2]) Gustav Schmoller Grundriss der allgemeinen Volkswirthschaftslehre. 1900 г., стр 80

При такомъ широкомъ развитіи умственныхъ интересовъ и хозяйственныя явленія не могли не остановить на себѣ вниманія просвѣщенныхъ людей этого времени. Въ особенности два обстоятельства оказали рѣшительное вліяніе на развитіе экономическихъ знаній. Во-первыхъ, взгляды на хозяйственныя явленія получили иную постановку, вслѣдствіе того, что изслѣдованіе экономическихъ вопросовъ перешло преимущественно въ руки свѣтскихъ ученыхъ; во-вторыхъ, европейскія государства новаго времени выступили съ ярко выраженной экономической программой, которую настойчиво проводили путемъ цѣлой системы мѣропріятій въ области экономической политики. Поэтому вниманіе широкихъ круговъ общества было привлечено къ экономическимъ вопросамъ. Въ связи съ указанными обстоятельствами, господствовавшій у средневѣковыхъ канонистовъ взглядъ на богатство и матеріальный достатокъ, какъ на такія явленія, отъ которыхъ доброму христіанину слѣдуетъ себя скорѣе оберегать ограниченіемъ до минимума своихъ матеріальныхъ погребностей,—смѣняется новымъ реалистическимъ воззрѣніемъ, по которому богатство является незамѣнимымъ условіемъ благосостоянія государства и народа. Такимъ образомъ, хозяйственныя воззрѣнія, съ началомъ новаго времени, освобождаются отъ подчиненія точкамъ зрѣнія религіи и затѣмъ постепенно выдѣляются въ обособленную отъ права и философіи, самостоятельную отрасль обществовѣдѣнія.

Система меркантилизма.

Въ связи съ ранѣе отмѣченными явленіями переходнаго періода отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ, возникаетъ экономическая система, извѣстная подъ именемъ меркантилизма, или системы торговыхъ интересовъ. Меркантилизмъ первоначально возникъ какъ опредѣленное направленіе экономической политики, а впослѣдствіи ученые создали изъ него извѣстную экономическую теорію. Ученія меркантилистовъ стоятъ внѣ всякой связи какъ съ догматическими воззрѣніями на область экономическихъ отношеній католической церкви, такъ равно съ традиціями античной экономики Аристотеля и Платона. Исходными моментами меркантилистической системы служатъ конкретные экономическіе интересы, потребности и запросы

государственнаго и финансоваго управленія своего времени. Меркантилизмъ не явился системой, связанной съ научнымъ творчествомъ или изобрѣтательностью того или другого отдѣльнаго лица или государственнаго дѣятеля, хотя въ отдѣльныхъ странахъ встрѣчались государственные люди, съ особою настойчивостью проводившіе меркантилистическую политику. Нельзя также назвать родиной меркантилизма ту или другую страну. Одно несомнѣнно, что меркантилизмъ, какъ система экономической политики, тѣсно связанъ съ историческимъ моментомъ перехода западно-европейскихъ странъ отъ натуральнаго хозяйства къ хозяйству мѣновому и денежному. Этотъ переходъ совершился въ предѣлахъ длиннаго періода съ XIV до половины XVIII вѣка, въ однѣхъ странахъ Европы раньше, въ другихъ позже, при чемъ мы видимъ, что въ разные моменты этого періода всѣ государства Европы—Испанія, Англія, Франція, Германія и Россія—слѣдовали экономической политикѣ—меркантилизма. Въ своемъ мѣстѣ раньше нами было отмѣчено, что эта политика первоначально возникла въ средневѣковыхъ городахъ въ видѣ системы мѣропріятій, разсчитанныхъ на защиту и покровительство городскихъ промысловъ и торговли въ ущербъ интересамъ деревни и земледѣльческаго населенія. Съ особенною настойчивостью политику меркантилизма въ этомъ отношеніи проводили союзы городовъ и средневѣковыя ганзы, бравшіе на себя спеціальную задачу защищать интересы торговли и промысловъ союзныхъ городовъ въ ихъ сношеніяхъ съ иностранными государствами и народами. Такимъ образомъ, въ исторіи меркантилизма былъ свой муниципальный періодъ, раньше чѣмъ меркантилистическая политика въ рукахъ государственной власти получила широкое примѣненіе къ хозяйствамъ цѣлыхъ націй. Во всякомъ случаѣ, меркантилистическая политика получила свое законченное развитіе въ западно-европейскихъ государствахъ новаго времени съ XVI до половины XVIII вѣка.

Объемъ и формы, въ которыхъ осуществлялась система меркантилизма, а равно самая продолжительность періода ея господства въ отдѣльныхъ странахъ были весьма различны. Но, имѣя въ виду самыя общія черты, въ которыхъ наблюдалась меркантилистическая политика въ разныхъ странахъ Европы за все время ея господства, мы можемъ дать слѣдующую ея характеристику.

1) Основную черту меркантилизма составляло покровительство и попеченіе о національной промышленности и торговли, выражавшееся то въ запрещеніи и ограниченіи ввоза иностранныхъ товаровъ, то въ обложеніи ихъ высокими пошлинами, а иногда въ особыхъ мѣрахъ поощренія вывоза туземныхъ издѣлій за границу. 2) Меркантилизмъ также соединялся съ регламентаціей отечественной промышленности и внутренней торговли, съ предписаніями относительно качествъ, а иногда и способа производства самихъ произведеній. 3) Заботы о развитіи отечественной промышленности сплошь и рядомъ выражались также въ надѣленіи отдѣльныхъ корпорацій цеховъ и компаній особыми привилегіями и монопольными правами, при чемъ эти привилегіи распространялись не только на туземный промышленный классъ, но являлись для правительства средствомъ привлеченія искусныхъ мастеровъ изъ другихъ странъ. 4) Въ виду важности для страны обезпеченія ея фабрикъ и заводовъ сырыми матеріалами, меркантилисты считали чрезвычайно важною государственною задачею пріобрѣтеніе колоній, въ особенности въ тропическихъ и субтропическихъ странахъ и вообще въ странахъ, изобилующихъ произведеніями природы, имѣющими примѣненіе въ промышленности, какъ хлопокъ, цѣнныя породы лѣса, а также минералами и драгоцѣнными металлами. Колоніи въ то же время представляли интересъ для метрополій, какъ рынки сбыта продуктовъ обрабатывающей промышленности. 5) Меркантилисты считали деньги особенною, привилегированною формою богатства, которую каждая страна должна себѣ обезпечить спеціальною системою мѣръ, разсчитанныхъ на привлеченіе денегъ въ страну, а также посредствомъ мѣропріятій, предотвращающихъ уходъ денегъ изъ нея (такъ называемая система денежнаго баланса). Въ виду такого значенія денегъ въ глазахъ меркантилистовъ, они считали главнымъ средствомъ для достиженія богатства и благосостоянія страны обезпеченіе ей выгоднаго торговаго баланса, преобладаніе вывоза товаровъ надъ ввозомъ, въ томъ разсчетѣ, что излишекъ цѣнности вывезенныхъ товаровъ надъ количествомъ ихъ, ввозимымъ въ страну, будетъ покрытъ поступающими изъ-за границы деньгами и благородными металлами. Система денежнаго и торговаго баланса является позднѣйшею формою меркантилизма. Первичною же формою меркантилизма надо считать систему мѣропріятій, разсчитанныхъ на

развитіе обрабатывающей промышленности и торговли въ ущербъ земледѣлію и интересамъ сельскаго хозяйства. Эта именно форма и нашла свое выраженіе въ экономической политикѣ средневѣковыхъ городовъ и городскихъ союзовъ до объединенія народныхъ экономическихъ интересовъ отдѣльныхъ странъ въ государствахъ новаго времени, когда органами этой политики явились могущественные монархи и ихъ правительства.

Въ этой общей характеристикѣ меркантилизма, какъ экономической политики, соединены черты, относящіяся къ различнымъ формамъ, а равно къ различнымъ историческимъ моментамъ въ развитіи этой системы. Чтобы уяснить себѣ сущность этой политико-экономической системы, необходимо, во-1-хъ, проводить строгое различіе между меркантилизмомъ, какъ опредѣленнымъ направленіемъ экономической политики, и цикломъ экономическихъ воззрѣній, высказанныхъ учеными писателями въ духѣ этой системы, а во-2-хъ, представить себѣ практику и теорію меркантилизма въ процессѣ ихъ историческаго развитія.

О меркантилистическихъ теоріяхъ мы будемъ говорить позже. Обращаясь теперь къ процессу историческаго развитія меркантилистической политики, мы должны различать въ немъ два періода: періодъ *муниципальный* и *государственный*.

Съ меркантилистической политикой мы впервые встрѣчаемся въ средневѣковыхъ городахъ. Въ своей первичной формѣ она являлась здѣсь, какъ мы показали выше, системой мѣропріятій разсчитанныхъ на развитіе обрабатывающей промышленности и торговли, въ ущербъ земледѣльческому хозяйству прилегающихъ къ городамъ феодальныхъ территорій. Политика эта велась при непосредственномъ участіи тѣхъ соціальныхъ группъ, которыя сами занимались обрабатывающей промышленностью и торговлей. Органами этой политики были управленія средневѣковыхъ городовъ, опиравшіяся на торговыя гильдіи и ремесленный классъ, организованный въ цехи. Затѣмъ, когда средневѣковой партикуляризмъ уступилъ мѣсто государственному верховенству въ дѣлѣ представительства и защиты интересовъ отдѣльныхъ группъ населенія и широкая автономія средневѣковыхъ городовъ тѣмъ самымъ была ограничена, само государство вступаетъ на путь меркантилистической политики. Во всякомъ случаѣ, въ меркантилистической политикѣ, унаслѣдо-

ванной отъ средневѣковыхъ городовъ, государства новаго времени искали обезпеченія своихъ финансовыхъ нуждъ и защиты народнохозяйственныхъ интересовъ страны, при чемъ самое существо этой политики измѣняется, принимая типичный характеръ системы такъ называемаго денежнаго и торговаго баланса. Имѣя своимъ органомъ государственную власть, меркантилистическая политика, въ этой формѣ, получила свое широкое и окончательное развитіе въ западно-европейскихъ монархіяхъ, гдѣ господствовала въ теченіе длиннаго періода времени, съ начала новаго времени до половины XVIII вѣка.

Хотя обыкновенно подъ меркантилистической политикой въ современныхъ руководствахъ по исторіи политической экономіи разумѣется та ея форма, которая, подъ именемъ системы денежнаго и торговаго баланса, нашла свое осуществленіе въ государствахъ новаго времени, но на основаніи раньше сказаннаго, прежде чѣмъ перейти къ исторіи меркантилизма, какъ системы государственной политики, мы считаемъ необходимымъ для соблюденія исторической перспективы остановиться на меркантилистической политикѣ средневѣковыхъ городовъ, гдѣ мы впервые встрѣчаемся съ наличностью тѣхъ условій, которыя служили основаніемъ для возникновенія меркантилизма. Такимъ образомъ, намъ придется здѣсь вернуться къ политикѣ средневѣковыхъ городовъ и отчасти повторить то, что нами было уже сказано выше на страницахъ нашего курса (см. стр. 181—186).

Муниципальный періодъ въ исторіи меркантилизма. Въ этотъ періодъ меркантилистическая политика, регулировавшая экономическія отношенія, имѣла своимъ объектомъ средневѣковое муниципальное хозяйство. Какъ извѣстно, въ средневѣковыхъ городахъ организація торговли и промысловъ находилась въ рукахъ гильдій, цеховъ и крупныхъ торговыхъ товариществъ. Представители этихъ автономныхъ корпорацій въ то же время стояли и во главѣ городскихъ управленій и, во всякомъ случаѣ, были самыми вліятельными его членами, съ тою разницею, что въ однихъ городахъ перевѣсъ имѣли крупныя гильдіи и товарищества, а въ другихъ представители цеховыхъ организацій. Можно сказать, что въ періодъ съ XII до XIV—XV вѣка въ каждомъ западно-европейскомъ городѣ, достигшемъ нѣкоторой степени промышленнаго развитія, городское упра-

вленіе являлось настоящимъ органомъ экономической политики своей автономной общины. Въ эту пору торговля была скорѣе *муниципальной*, чѣмъ *національной*. Внутренняя торговля была интермуниципальной и такою же была иностранная торговля. Тогда не существовало того, что̀ можно было бы назвать національной международной торговлей. Существовавшія торговыя сношенія были лишь отношеніями между отдѣльными городами [1]). Такъ было и въ тѣхъ случаяхъ, когда торговля велась между городами разныхъ націй. Купецъ или товарищество, гильдія, ведущіе свои торговыя дѣла за границей, опирались на покровительство, оказываемое своей гильдіи муниципалитетомъ родного города; государство въ этомъ пунктѣ не оказывало защиты: оно отсутствовало со своимъ покровительствомъ. Напримѣръ, купцы изъ Амьена, жившіе въ Англіи, представляли собою часть корпораціи горожанъ, которая управляла Амьеномъ; на нихъ смотрѣли какъ на представителей интересовъ Амьена; ихъ положеніе зависѣло отъ существованія особыхъ договоровъ съ Амьеномъ или условій, предоставленныхъ этому городу: въ случаѣ какихъ-либо затрудненій они должны были искать помощи у амьенскихъ магистратовъ. Слово чужеземецъ (foreigner) употреблялось въ Англіи для обозначенія всякаго, кто не принадлежалъ къ гражданамъ того или другого города, будь то англичанинъ или иностранецъ [2]). Вообще въ сферѣ регулированія торговыхъ сношеній города и союзы городовъ, ганзы, съ ихъ привилегіями и грамотами, какъ автономныя единицы и своего рода торговыя республики, замѣняли тогда функціи современнаго государства.

Мѣры покровительства городской промышленности и торговли развивались городскими управленіями въ двухъ направленіяхъ. Заинтересованныя въ созданіи наиболѣе благопріятныхъ условій снабженія городского населенія земледѣльческими произведеніями, а также сырьевыми матеріалами для нуждъ ремесленныхъ заведеній городскія управленія постоянно регулировали ввозъ въ города земледѣльческихъ продуктовъ цѣлою системою постановленій, имѣвшихъ въ виду полученіе сельскихъ произведеній по возможно дешевой цѣнѣ.

---

[1]) См. Дж. Эшли. Экономическая исторія Англіи. М. 1897 г., стр 115. Кеннингемъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. Ранній періодъ и средніе вѣка. М. 1904, стр. 159.

[2]) Эшли, стр. 121.

Вмѣстѣ съ тѣмъ другой рядъ мѣръ разсчитанъ былъ на то, чтобы извлечь всевозможныя выгоды для городской кассы путемъ разнаго рода пошлинъ и сборовъ. Къ ряду мѣръ первой категоріи относятся: запрещеніе продавать привозимые товары на рынокъ комулибо, кромѣ бюргеровъ, ограниченіе торговли опредѣленными днями и часами, предписанія оставлять не проданный товаръ на складахъ въ городѣ до слѣдующаго торговаго дня, покупка товаровъ сообща цѣлыми цехами и товариществами, съ цѣлью устраненія взаимной конкуренціи покупателей. Что касается налоговъ, которыми обременялись прибывающіе на городской рынокъ земледѣльцы, то таковые состояли изъ заставныхъ пошлинъ за проѣзды по мостамъ и черезъ городскую черту, въ платежахъ за пользованіе мѣстами стоянки на рынкахъ, а также за пользованіе городскими складами, мѣрами, вѣсами и т. п. Средневѣковые города также строго охраняли свою торговлю отъ иногородной и иностранной конкуренціи. Каждый изъ болѣе видныхъ городовъ, привлекавшій вниманіе иностранныхъ купцовъ, изощрялся въ изобрѣтеніи особыхъ ограниченій и мѣръ, которыми онъ старался извлечь для себя всѣ выгоды изъ иностранной торговли и въ то же время поставить въ неблагопріятныя условія иностранныхъ торговцевъ при сбытѣ ими своихъ товаровъ и при покупкѣ или обмѣнѣ туземныхъ произведеній. Въ этомъ отношеніи въ городахъ Фландріи, Англіи, Германіи и Франціи наблюдалось одно и то же. Иностранные купцы, въ какой бы городъ они ни явились, подчинялись въ общемъ однимъ и тѣмъ же ограниченіямъ: они обязаны были покупать товары только у мѣстныхъ горожанъ; имъ же исключительно они обязаны были продавать свой товаръ, притомъ только въ ярмарочные дни: они не могли заниматься розничной торговлей и не имѣли права оставаться въ городѣ, куда они пріѣзжали для торговыхъ дѣлъ, болѣе опредѣленнаго числа дней (въ Англіи—40 дней).

Каждый отдѣльный городъ, стремившійся оградить свои односторонніе интересы въ иногородной и иностранной торговлѣ, въ свою очередь, встрѣчался съ такимъ же стремленіемъ защитить свои интересы со стороны другихъ городовъ. Скрещивающіеся во взаимной торговлѣ интересы городовъ вызывали потребность компромиссовъ и взаимныхъ уступокъ, которые осуществлялись въ формѣ взаимныхъ договоровъ. При постоянныхъ конфликтахъ во

взаимной торговлѣ промышленныхъ городовъ оказалась наиболѣе благопріятная почва для ихъ единенія въ иностранной торговлѣ. Когда рѣчь шла о развитіи торговыхъ сношеній отличавшихся своей промышленностью германскихъ, фламандскихъ и французскихъ городовъ со странами менѣе культурными и чисто земледѣльческими, въ которыхъ обрабатывающая промышленность едва зарождалась, тогда эти города для взаимной поддержки въ иностранной торговлѣ соединялись въ союзы, въ такъ называемыя ганзы, которымъ удавалось добиваться весьма важныхъ привилегій для торговли съ этими странами. Особенно могущественнымъ значеніемъ въ европейской торговлѣ преемственно пользовались двѣ ганзы—Кельнская, образовавшаяся для торговли съ Англіей (носившая также названіе Лондонской, по мѣсту ея главнаго рынка) и Тевтонская. Основанная еще въ 1157 году Кельнская ганза въ XIII вѣкѣ была поглощена Тевтонской ганзой, образовавшейся подъ главенствомъ города Любека. Эта послѣдняя ганза представляла собою мощный торговый союзъ, объединявшій до 90 германскихъ городовъ. Этотъ союзъ, между прочимъ, велъ оживленную торговлю съ русскими городами—Новгородомъ и Псковомъ, а также съ Брюгге во Фландріи и норвежскимъ городомъ Бергеномъ, ставши предварительно твердою ногою въ Лондонѣ (извѣстный «стальной дворъ» тевтонскаго ганзейскаго союза).

Ганзы и союзы городовъ представляли для своего времени извѣстнаго рода федеративныя государства; ихъ также можно сравнивать съ современными торговыми синдикатами. Несмотря на свою экономическую мощь, давшую имъ возможность добиться важныхъ торговыхъ привилегій въ иностранныхъ городахъ, они современемъ должны были подчиниться многимъ ограниченіямъ въ тѣхъ странахъ, съ которыми вели торговлю. Ростъ національной промышленности во Фландріи, а затѣмъ и въ Англіи, имѣлъ своимъ непосредственнымъ результатомъ отмѣну торговыхъ привилегій ганзейскихъ союзовъ въ этихъ странахъ и полную ликвидацію ихъ факторій въ Лондонѣ и Брюгге [1]).

Государственный періодъ въ исторіи меркантилизма. Теперь мы остановимся на томъ стеченіи историческихъ обстоятельствъ, которое придало экономической политикѣ государствъ новаго времени меркантилистическое направленіе. Важнѣйшими обстоятель-

[1]) Эшли, стр. 123, 124.

ствами, содѣйствовавшими возникновенію меркантилистической политики государствъ, были слѣдующія: 1) Переходъ западно-европейскихъ народовъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, вызвавшій огромный спросъ на денежные знаки для совершенія увеличившихся мѣновыхъ оборотовъ. Потребность въ увеличеніи количества денегъ чувствовалась какъ среди производителей, такъ и потребителей; ее испытывали всѣ тогдашніе торговые рынки, но въ особенности въ деньгахъ нуждалась государственная казна. 2) Ростъ государственной централизаціи и образованіе, на мѣсто раздробленныхъ мелкихъ феодальныхъ территорій, крупныхъ абсолютныхъ монархій. Монархическая власть, создавая сложную систему бюрократическаго управленія, нуждалась въ большихъ денежныхъ средствахъ для содержанія постоянныхъ армій, замѣнившихъ рыцарское ополченіе, и многочисленнаго штата чиновниковъ. Практиковавшаяся въ средніе вѣка форма оплаты труда служилыхъ людей земельными пожалованіями все болѣе отходила на задній планъ, по мѣрѣ того какъ истощались запасы свободныхъ государственныхъ земель. Къ тому же въ это время западно-европейскіе монархи вели постоянныя войны, требовавшія большихъ денежныхъ затратъ. Кромѣ того, короли западно-европейскихъ континентальныхъ государствъ, въ особенности въ Испаніи и во Франціи, импонируя своимъ политическимъ могуществомъ передъ побѣжденными ими феодалами, ставшими въ ряды придворныхъ чиновъ и придворнаго дворянства, затрачивали огромныя средства на украшеніе своихъ резиденцій, постройку роскошныхъ дворцовъ, загородныхъ виллъ, разбивку парковъ, а все это, вмѣстѣ съ роскошью жизни королевскихъ дворовъ, вызвало усиленную нужду въ деньгахъ и требовало изысканія средствъ и новыхъ источниковъ для привлеченія денегъ въ государственную кассу. 3) Важность этой формы богатства въ началѣ новыхъ вѣковъ представлялась въ преувеличенномъ видѣ благодаря открытію Америки и вмѣстѣ съ тѣмъ богатыхъ американскихъ золотыхъ рудниковъ. Въ ту пору на глазахъ у всѣхъ были примѣры Испаніи и Португаліи, не отличавшихся ни успѣхами своего земледѣлія, ни развитіемъ своей промышленности, но видимо разбогатѣвшихъ потому только, что онѣ успѣли завладѣть изобильнѣйшими американскими золотыми рудниками. Отсюда было весьма понятнымъ сложившееся у нѣкоторыхъ государственныхъ людей и мыслителей

того времени представленіе, что въ странахъ, обладающихъ обильнымъ количествомъ золота и серебра, не можетъ быть недостатка во всѣхъ продуктахъ, необходимыхъ для народнаго благополучія. Изъ этого же убѣжденія само собою вытекало другое, что тѣ государства, которыя обладаютъ золотыми и серебряными рудниками, какъ равно и тѣ, которыя, не имѣя ихъ, успѣютъ привлечь въ страну искусственными мѣрами большое количество золота и серебра, будутъ стоять выше другихъ государствъ въ экономическомъ отношеніи, если только сумѣютъ удержать въ странѣ разъ пріобрѣтенные драгоцѣнные металлы и деньги.

То обстоятельство, что государи новаго времени, ведя борьбу за расширеніе своей власти съ феодальнымъ рыцарствомъ, опирались на городскіе классы, въ значительной мѣрѣ обусловливало направленіе ихъ экономической политики. Монархи этого времени часто черпали свои денежныя средства изъ богатствъ, накопленныхъ городскими сословіями. Налоги и займы, къ которымъ прибѣгала государственная казна, имѣли своимъ объектомъ преимущественно капиталы богатыхъ гильдій, купцовъ и цеховъ, т. е. тѣхъ именно классовъ общества, которые составляли свое состояніе занятіемъ торговлей и обрабатывающей промышленностью. Поэтому вполнѣ понятно, что государственная власть этого времени оказывала всевозможное покровительство обрабатывающей промышленности и торговлѣ, заботилась объ ихъ развитіи, стоя на стражѣ интересовъ третьяго сословія, часто въ ущербъ земледѣлію и земледѣльческому классу. Надо также имѣть въ виду, что меркантилистическая политика была тѣсно связана съ очередными задачами государственной жизни новаго времени, въ періодъ съ XV до половины XVIII вѣка. Образованіе сильной государственной власти въ это время ея борьбы съ феодальными сословіями являлось не только историческимъ фактомъ, но и политическимъ идеаломъ. Сильная королевская власть въ глазахъ современниковъ считалась основою не только государственной мощи, но и источникомъ благосостоянія всѣхъ гражданъ. Сами монархи прежде всего заботились о пріобрѣтеніи этой полноты власти во всѣхъ областяхъ управленія страной, вмѣшивались во всѣ стороны народной жизни, мотивируя такое вмѣшательство заботами о благосостояніи населенія. Основывая свою силу на побѣдѣ надъ феодальными сословіями, государственная власть, есте-

ственно, относилась съ недовѣріемъ къ партикуляристическимъ силамъ средневѣковаго общества и потому старалась подчинить всѣ стороны общественной жизни своему усмотрѣнію и въ особенности опекала своей регламентаціей хозяйственный бытъ націи. Такимъ образомъ, меркантилистическая политика западно-европейскихъ государей являлась только одною частью господствовавшей тогда системы, такъ называемаго *полицейскаго государства*. Вмѣстѣ съ тѣмъ меркантилистическая политика въ періодъ новаго времени, XV—XVIII столѣтія, была однимъ изъ средствъ борьбы за политическую мощь государства въ международныхъ отношеніяхъ. На почвѣ меркантилистическихъ счетовъ велись даже войны между главнѣйшими государствами Европы—Франціей и Испаніей—съ одной стороны, Англіей и Голландіей—съ другой. Политика международнаго экономическаго соперничества заключалась въ томъ, чтобы обезпечить развитіе отечественной промышленности и помѣшать росту промышленности и торговли сосѣднихъ государствъ. Постояннымъ мотивомъ защиты и покровительственныхъ мѣръ для національной промышленности служило убѣжденіе, что каждая нація можетъ успѣвать въ своемъ хозяйственномъ развитіи не иначе, какъ на счетъ другой. Процвѣтаніе одной страны считалось несовмѣстимымъ съ процвѣтаніемъ другой. Если одна наживалась торговлей, то предполагалось, что это происходитъ на счетъ другой. Это убѣжденіе, по мнѣнію Тойнби [1]), послужило основаніемъ меркантилистической системы. Свое происхожденіе, по мнѣнію этого экономиста, она вела отъ духа націонализма—идеи, самодовлѣющей полной національной жизни, которую принесли съ собою возрожденіе наукъ и реформація.

Меркантилистическая политика въ итальянскихъ городахъ-республикахъ (Венеція). Меркантилистическая политика въ той ея части, которая имѣла въ виду покровительство обрабатывающей промышленности и торговли, была широко примѣнена, можно сказать, въ государственномъ масштабѣ въ періодъ XIII—XV вѣка, въ итальянскихъ городахъ, выросшихъ въ самостоятельныя политическія единицы: Венеціи, Флоренціи, Миланѣ, Генуѣ и друг. На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ городовъ, которые успѣли въ иностранной торговлѣ закрѣпить за собою многочисленныя приви-

[1]) Тойнби Промышленный переворотъ въ Англіи, стр 101.

легіи въ ущербъ иностранцамъ и странамъ, входившимъ съ ними въ торговыя сношенія, была Венеціанская республика.

Вотъ нѣкоторыя изъ мѣропріятій въ области экономической политики, примѣненныхъ Венеціей. Прежде всего мы должны отмѣтить, что та система покровительства національному торговому мореплаванію, которая была осуществлена въ Англіи Кромвелемъ подъ именемъ навигаціоннаго акта въ 1651 году, въ Венеціи была постоянно примѣняема въ XIV и XV вѣкѣ, закрѣпивъ въ теченіе этого періода монополію морской торговли венеціанцевъ въ бассейнахъ Средиземнаго и Чернаго моря. Обыкновенно, въ силу спеціальныхъ постановленій венеціанскаго правительства, иностранцамъ не позволялось ни строить, ни покупать мореходныя суда въ венеціанскихъ портахъ. Торговыя сношенія съ Венеціей должны были производиться только на корабляхъ, принадлежащихъ венеціанскимъ гражданамъ, на которыхъ капитаны и матросы также должны быть венеціанцы. Правители Венеціи запрещали своимъ гражданамъ вступать въ торговыя товарищества съ иностранцами. Привлекая въ Венецію искуснѣйшихъ иностранныхъ мастеровъ, государственная инквизиція преслѣдовала жестокими наказаніями туземныхъ работниковъ, осмѣливавшихся поселиться въ чужой странѣ, куда они могли занести секреты венеціанской индустріи. Если такой работникъ не возвращался на родину по первому приказанію власти, то, въ видѣ репрессіи, подвергались тюремному заключенію его родственники, жившіе на родинѣ, въ Венеціи. Въ торговыхъ итальянскихъ республикахъ государственная власть, можно сказать, во всей ея полнотѣ была на службѣ отечественной торговли и промышленности. Представительство венеціанской республики при иностранныхъ дворахъ, обставленное съ большою пышностью и многочисленнымъ штатомъ консуловъ, было разсчитано на обезпеченіе торговыхъ привилегій Венеціи и съ чрезвычайнымъ искусствомъ достигало своей цѣли. Для европейскихъ монарховъ, которымъ надоѣдали постоянныя торговыя притязанія венеціанцевъ и ихъ успѣхи во внѣшней торговлѣ, было достаточно доказательствъ выгодъ практиковавшихся ими пріемовъ покровительства національной промышленности въ блестящемъ экономическомъ положеніи итальянскихъ городскихъ республикъ и въ особенности Венеціи. Послѣдняя въ то время импонировала передъ всѣмъ культурнымъ міромъ своимъ богатствомъ,

Городская ... БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬЯ имени Н. В. ГОГОЛЯ.

разнообразіемъ и качествомъ произведеній своей промышленности, находившими обширный сбытъ во всѣхъ странахъ Европы и ... портахъ Чернаго и Средиземнаго морей. Итальянскія полотна, шелковыя ткани, бархатъ и кружева, рафинированный сахаръ, металлическія издѣлія, включительно до произведеній печати—все это имѣло высокую репутацію и искалось потребителями на всѣхъ рынкахъ, имѣвшихъ сношенія съ Италіей. Къ тому же Венеція успѣла сосредоточить въ своихъ рукахъ одну изъ выгоднѣйшихъ въ ту пору отраслей торговли пряностями, слѣдовавшими изъ восточной Индіи черезъ азіатскіе порты. Европейскіе монархи, испытывавшіе нужду въ деньгахъ, могли найти ихъ у венеціанскихъ банкировъ, и у нихъ, напр, совершали свои займы англійскіе короли. Матеріальный достатокъ и скопленіе значительныхъ капиталовъ въ итальянскихъ городскихъ республикахъ вызвали въ нихъ огромный подъемъ народнаго просвѣщенія и дали имъ средства для грандіозныхъ сооруженій, содѣйствуя успѣху того возникшаго въ Италіи культурнаго движенія, которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ возрожденія наукъ и искусствъ. Италія строила мраморные дворцы, храмы и музеи въ то время, когда повсемѣстно въ Европѣ всѣ жили въ крытыхъ соломою хижинахъ. Ганзейскій союзъ на сѣверѣ Европы, а итальянскіе города на ея югѣ создали репутацію меркантилистической системѣ покровительства національной промышленности и торговли, раньше чѣмъ она вошла въ практику европейскихъ крупныхъ государствъ. Переходъ къ этой политикѣ въ западноевропейскихъ государствахъ возникъ на почвѣ экономическаго соперничества этихъ государствъ съ венеціанцами и германскими ганзейскими союзами.

Меркантилизмъ въ Испаніи. Муниципальный автономный порядокъ, утвердившійся въ средневѣковыхъ городахъ Западной Европы и въ итальянскихъ городскихъ республикахъ, дававшій возможность городскимъ управленіямъ вести въ своихъ интересахъ самостоятельную экономическую политику, къ XV—XVI вѣку, съ ростомъ королевской власти, терпитъ крупныя ограниченія и подчиняется регламентаціи, идущей со стороны государственной власти, которая представляетъ интересы всѣхъ слоевъ населенія въ международныхъ сношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ области экономическаго оборота. Меркантилистическая политика, какъ одно изъ средствъ созданія

государственной мощи, усвоивается почти всѣми монархами и правительствами европейскихъ государствъ. Въ періодъ съ XV и до половины XVIII столѣтія эта политика обошла всѣ страны Европы, начиная съ Италіи и оканчивая Россіей, имѣя такихъ выдающихся представителей, какъ Карлъ V въ Испаніи, Кольберъ во Франціи, въ Англіи Кромвель и цѣлый рядъ англійскихъ королей, начиная отъ Эдуарда I и до Елизаветы, и Петръ I въ Россіи. Интересы государственной казны и національнаго хозяйства, при однородныхъ историческихъ условіяхъ, приводили во всѣхъ названныхъ странахъ къ одинаковымъ пріемамъ меркантилистической политики. Но самую грубую форму меркантилистическая политика приняла въ Испаніи, въ рукахъ Карла V (1516—1556), тѣмъ болѣе пагубную, что этотъ монархъ, соединивъ въ своемъ лицѣ титулъ императора германскаго и короля испанскаго, импонировалъ своимъ образомъ дѣйствій на современныхъ ему монарховъ и правителей, вызывая съ ихъ стороны подражаніе въ пріемахъ управленія хозяйственною жизнью страны. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ для своихъ безпрерывныхъ разорительныхъ войнъ, онъ прибѣгнулъ къ запрещенію вывоза металлическихъ денегъ, поставивъ при этомъ всевозможныя преграды, въ видѣ высокихъ пошлинъ и таможенныхъ стѣсненій, къ доступу въ Испанію иностранныхъ товаровъ. Послѣдняя мѣра также была разсчитана на то, чтобы устранить поводы къ уходу денегъ изъ страны. Изъ всѣхъ отраслей индустріи онъ интересовался только разработкою золотыхъ рудниковъ въ американскихъ колоніяхъ и Испаніи. Получая съ 1540 г. изъ Америки ежегодно около 50 милліоновъ франковъ золота, онъ прибѣгалъ еще къ чеканкѣ низкопробной монеты, которою въ значительной мѣрѣ наводнилъ Европу. Въ поискахъ за новыми источниками доходовъ для государственной казны, Карлъ V узурпировалъ автономныя права городскихъ общинъ, стѣснилъ свободу промышленныхъ организацій, цеховъ, гильдій и торговыхъ союзовъ, подчинивъ ихъ фискальному управленію. Всѣ акты разрѣшенія новыхъ промышленныхъ организацій и союзовъ сдѣлались источниками доходовъ для фиска. Стѣсненія свободы хозяйственныхъ занятій, вмѣстѣ съ экономической политикой въ международной торговлѣ, основанной на принципѣ продавать свои товары иностранцамъ, ничего у нихъ не покупая, убивали въ зародышѣ національную промышленность

Испаніи. Въ свою очередь, погоня за золотомъ, которою было обуреваемо испанское правительство со времени Колумба, передалась, вслѣдъ за открытіемъ Америки, всему испанскому населенію. Ея знаменитые путешественники, дѣлавшіе географическія открытія огромнаго мірового значенія, какъ Фердинандъ Кортесъ, Пизаро, включительно до Васко де-Гама и Колумба, всюду, куда бы они ни являлись, первымъ дѣломъ искали золота, не замѣчая болѣе цѣнныхъ сокровищъ, чѣмъ золотые рудники, заключавшихся въ дѣвственной американской почвѣ и въ такихъ цѣнныхъ ея произведеніяхъ, какъ: хлѣбъ, хлопокъ, каучукъ, сахарный тростникъ, замѣчательныя породы деревьевъ,—составляющія истинное богатство новооткрытыхъ странъ. Карлъ V и слѣдовавшій той же пагубной политикѣ его сынъ Филиппъ II (1556—1598) цѣлой системой стѣсненій, подрывая въ корнѣ промышленныя занятія внутри страны, вмѣстѣ съ тѣмъ своими мѣропріятіями въ американскихъ колоніяхъ лишали послѣднихъ всякой возможности хозяйственнаго развитія. Метрополія обязывала свои колоніи покупать у нея всѣ свои произведенія и запрещала колоніямъ добывать ихъ откуда бы то ни было, даже изъ собственной почвы. Американцы не смѣли разводить ленъ, пеньку и виноградъ, заводить фабрики, строить корабли и воспитывать своихъ дѣтей гдѣ бы то ни было, кромѣ Испаніи. Въ то же время имъ предписано было покупать у метрополіи нѣкоторыя безполезныя для нихъ произведенія [1]). Вообще Испанія въ исторіи меркантилизма представляетъ примѣръ извращеннаго и утрированнаго примѣненія этой политики. Въ рукахъ названныхъ испанскихъ монарховъ меркантилистическая политика, на ряду съ другими формами репрессій, подрывала здоровое экономическое развитіе страны и готовила ей печальную будущность.

Меркантилистическая политика въ Англіи. Нигдѣ эта политика не проводилась въ такомъ широкомъ масштабѣ, такъ настойчиво, съ большею послѣдовательностью и съ соблюденіемъ коренныхъ національныхъ интересовъ, какъ въ Англіи, притомъ въ продолженіе длиннаго періода времени, начиная съ поздняго средневѣковья и до половины XVIII вѣка. Поэтому ни въ какой другой странѣ она не оказала такого всесторонняго вліянія на національную промышленность, какъ именно въ Англіи. Это исключительное развитіе

[1]) Бланки. Исторія политической экономіи, пер. Бибикова. Т. I, стр. 251

меркантилистической политики въ Англіи, почти вплоть до времени Адама Смита, имѣло свои основанія, съ одной стороны, въ томъ, что въ этой странѣ, въ отличіе отъ Испаніи и Франціи, уже съ начала XIII-го вѣка видную роль въ экономическомъ управленіи занималъ парламентъ, а при этомъ городское самоуправленіе, промышленныя и торговыя организаціи всегда сохраняли свои права, хотя и должны были ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, подчиниться верховному управленію государства и не испытывали другихъ ограниченій въ своихъ правахъ, кромѣ тѣхъ, которыя вытекали изъ интересовъ строгой государственности. Съ другой стороны, въ противоположность съ западно-европейскими государствами эпохи феодализма, королевская власть въ Англіи очень рано, а именно, начиная уже съ XI вѣка, съ нормандскаго завоеванія, заняла особенное вліятельное положеніе въ экономическомъ управленіи страны, на ряду съ властью феодальнаго класса лендлордовъ, представленной въ англійскомъ парламентѣ, и городскихъ автономныхъ общинъ. Еще въ періодъ феодализма въ «Magna charta libertatum» (1215) закрѣплены были нѣкоторыя финансовыя прерогативы королевской власти, имѣющія государственное значеніе, а именно: королю неизмѣнно съ этого времени принадлежала монетная регалія, включая сюда чеканку и размѣнныхъ денегъ, установленіе единообразныхъ по всей странѣ мѣръ и вѣсовъ и нѣкоторыя другія верховныя права, которыми англійскіе короли не поступались въ пользу отдѣльныхъ владѣльцевъ—becъ, какъ это было въ Германіи и во Франціи, гдѣ въ періодъ феодализма бо́льшая часть королевскихъ прерогативъ въ области администраціи и финансовъ перешла къ господскимъ дворамъ и монастырскимъ хозяйствамъ епископовъ и аббатовъ (акцизы, пошлины, баналитеты и даже судебныя функціи). Въ связи съ этимъ вліятельнымъ положеніемъ государственной власти, мы видимъ, что въ теченіе всего феодальнаго періода не было времени, когда города въ Англіи были бы предоставлены сами себѣ и получали бы возможность итти самостоятельной дорогой, не подчиняясь контролю высшей власти. Этотъ контроль осуществлялся какъ слабыми, такъ и сильными монархами. Со времени Эдуарда I (Charta mercatoria 1303 года) государственная законодательная власть наложила свою твердую руку на дѣловую жизнь націи и издала рядъ статутовъ, направленныхъ къ уничтоженію мѣстныхъ

привилегій и примѣнявшихся на территоріи всего государства. На объединеніе страны въ экономическомъ управленіи огромное вліяніе оказалъ національный парламентъ, существовавшій со времени Эдуарда I, гдѣ находили представительство своихъ интересовъ главныя сословія и общественные классы. Такимъ образомъ, въ періодъ феодализма, съ его обособленностью феодальныхъ территорій, государственная власть англійскихъ королей являлась органомъ національной политики всей страны. А съ тѣхъ поръ какъ правительство стало во главѣ экономической политики, создалось понятіе о національномъ экономическомъ интересѣ.

Повидимому, первымъ поводомъ вмѣшательства королевской власти въ экономическую жизнь Англіи была очень рано выяснившаяся необходимость упорядоченія денежнаго обращенія, вызванная крайнимъ недостаткомъ во второй періодъ средневѣковья денегъ изъ благородныхъ металловъ и связанной съ этимъ фальсификаціей монеты. Извѣстно, что количество обращавшагося въ Западной Европѣ золота и серебра со времени паденія Западной Римской имперіи и до открытія Америки постоянно сокращалось. Это произошло отъ того, что со времени нашествія варваровъ разработка золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, къ которой римляне прилагали много старанія, была совсѣмъ прекращена. Европейскія страны должны были довольствоваться тѣми запасами золота и серебра, которые, въ видѣ монеты и драгоцѣнной утвари, перешли отъ древняго Рима и были затѣмъ отчасти пополнены массою золота, захваченною крестоносцами при взятіи ими Константинополя. По словамъ Гибинса, императоръ Алексѣй передалъ одному маркизу Монсератскому 1,600 фунтовъ золота. Въ самомъ Римѣ, собравшемъ въ періодъ своего процвѣтанія огромныя количества благородныхъ металловъ и къ которому перешли всѣ сокровища восточныхъ странъ, Египта и Карѳагена, въ концѣ императорскаго періода запасы золота сильно сократились. Со времени Августа и до 482 года, по изслѣдованію Жакоба, количество монетъ уменьшилось съ девяти до двухъ милліардовъ франковъ. Во всякомъ случаѣ, золотой фондъ, перешедшій въ Западную Европу изъ Рима, не превышалъ этой послѣдней суммы, но онъ постоянно сокращался вслѣдствіе постояннаго отлива съ V вѣка монеты съ Запада на Востокъ. Тотъ же авторъ предполагаетъ, что съ 482 г. и до конца IX столѣтія ко-

личество звонкой монеты въ Европѣ съ двухъ милліардовъ сократилось до 825 милліоновъ. Во всякомъ случаѣ, цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ современниковъ подтверждается тотъ фактъ, что, въ особенности съ развитіемъ промышленности и торговыхъ оборотовъ въ средневѣковыхъ городахъ, въ странахъ Западной Европы ощущался недостатокъ въ деньгахъ. Въ Англіи жалобы на недостатокъ денегъ раздавались изъ народной среды, при чемъ торговые круги обращались къ правительству съ просьбами принять мѣры противъ ухода денегъ изъ страны. Примѣромъ такого обращенія можетъ служить челобитная отъ городовъ, поданная въ «Добрый Парламентъ» при Ричардѣ II, въ 1381 году. Въ ней говорится: «Въ виду большого зла, отъ котораго королевство страдаетъ и давно страдало, такъ какъ золото и серебро, какъ въ монетѣ, сосудахъ, слиткахъ и драгоцѣнныхъ вещахъ, такъ и въ другомъ видѣ, путемъ размѣна, произведеннаго различными способами, вывозится изъ королевства, такъ что вслѣдствіе этого его совсѣмъ не осталось, каковое обстоятельство, если его дальше терпѣть, скоро приведетъ къ гибели онаго королевства, чего да не допустить Богъ,— было бы предписано, чтобы никто не вывозилъ золота и серебра иначе, какъ съ цѣлью уплаты за работу въ Кале и въ другихъ крѣпостяхъ, за моремъ». Необходимые платежи должны были производиться съ королевскаго разрѣшенія при посредствѣ добрыхъ и состоятельныхъ купцовъ, которые должны были давать присягу, что не будутъ отправлять ни золота, ни серебра за море подъ видомъ названныхъ платежей; долги же должны были покрываться въ послѣднемъ счетѣ путемъ вывоза товаровъ, но не звонкою монетою. Требованія этой челобитной нашли свое выраженіе въ послѣдовавшемъ затѣмъ статутѣ Ричарда II [1]). Вообще же пожеланія торговыхъ и промышленныхъ круговъ въ этомъ направленіи встрѣчали вполнѣ благопріятное отношеніе къ нимъ королевской власти. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, англійскіе короли отвѣчали на пожеланія торговаго класса созданіемъ цѣлой системы мѣръ контроля ввоза и вывоза за границу товаровъ и монеты, такъ какъ этимъ открывался обильный источникъ доходовъ государственной казны. Такова, повидимому, была историческая основа первоначальнаго возникновенія политики такъ называемаго денежнаго баланса.

[1]) Кеннингемъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. Русск. пер., стр. 338.

Но ни въ какой другой странѣ эта система не вызывала столько спеціальныхъ мѣропріятій со стороны государственной власти и не была такъ тщательно разработана, какъ въ Англіи.

Система денежнаго баланса состояла изъ двухъ родовъ мѣръ: однѣ изъ нихъ были направлены на усиленіе ввоза монеты въ страну, а другія—на предупрежденіе къ удаленію ея изъ страны. Для привлеченія денегъ въ страну въ Англіи учреждены были такъ называемыя складочныя мѣста (Staple Town—учрежденія, аналогичныя со средневѣковыми германскими Stapelplatze). Складочными мѣстами назывались опредѣленные пункты, гдѣ всѣ англійскіе купцы должны были держать свои товары, предназначенные для продажи за границу. Цѣлью установленія складовъ было сосредоточеніе купцовъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы было легче регулировать торговлю, наблюдать за ней и въ особенности собирать пошлины. Въ качествѣ складочныхъ мѣстъ назначено было около шести городовъ на англійской территоріи, но удобства торговыхъ сношеній съ иностранными купцами вызывали необходимость основанія такихъ складовъ за границей. Поэтому, на основаніи особыхъ договоровъ съ иностранными муниципальными управленіями, были учреждены складочныя мѣста въ такихъ иноземныхъ городахъ, съ которыми англійскіе купцы вели оживленный товарный обмѣнъ. Такимъ складочнымъ пунктомъ обыкновенно являлся одинъ изъ городовъ Фландріи. Первоначально былъ избранъ для этого городъ Брюгге, затѣмъ Сенъ-Омеръ и Антверпенъ. Города эти находились въ раюнѣ Фландріи, славившемся своею суконною промышленностью, которая вся была основана на обработкѣ англійской шерсти, являвшейся самымъ цѣннымъ товаромъ англійскаго вывоза. Въ городахъ Фландріи населеніе было очень заинтересовано въ томъ, чтобы по возможности монополизировать за собою покупку англійской шерсти, и поэтому шло навстрѣчу всякимъ льготамъ для англійскихъ складочныхъ пунктовъ, какъ рынковъ сбыта англійской шерсти. Эти складочныя мѣста обыкновенно пользовались правами экстерриторіальности: прибывавшіе въ нихъ англійскіе купцы были подчинены юрисдикціи англійскаго короля и вообще находились подъ его попеченіемъ; а это было совершенно необходимо въ ту пору, когда англійскіе купцы только еще едва отваживались начинать иностранную торговлю и не обладали той силой, которую фламандскимъ и

ганзейскимъ купцамъ давали ихъ численность и богатство. Но съ завоеваніемъ Кале былъ пріобрѣтенъ, въ качествѣ складочнаго мѣста для иностраннаго рынка, городъ, который соединялъ въ себѣ выгоды нахожденія въ чужихъ краяхъ и, слѣдовательно, близость къ иностранному рынку, съ нахожденіемъ на англійской территоріи. Въ этихъ складочныхъ мѣстахъ существовало особое управленіе, состоявшее изъ мера и констаблей, которое смотрѣло за правильностью сбора пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ, а также и за тѣмъ, чтобы при всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ часть денегъ, уплачиваемыхъ за англійскіе товары и предназначенныхъ для ввоза въ Англію, непремѣнно состояла изъ иностранной монеты. Другой рядъ мѣръ разсчитанъ былъ на то, чтобы ввозимую въ Англію монету удержать въ странѣ и не допускать удаленія ея обратно. Къ нимъ относятся: учрежденіе монетнаго двора, законъ истребленія и институтъ королевскихъ сыщиковъ. Назначеніе монетнаго двора состояло въ обмѣнѣ иностранной монеты на англійскую. Иностранецъ, прибывшій въ Англію съ иностранной монетой, обязанъ былъ отправиться на монетный дворъ или къ одному изъ агентовъ монетнаго двора и тамъ промѣнять ее на такое количество англійской, какое ему давали. Затѣмъ, если онъ не обмѣнивалъ всего количества привезенной имъ иностранной монеты и у него ее находили при обстоятельствахъ, указывавшихъ на то, что онъ не готовился ее обмѣнять на монетномъ дворѣ, то эти деньги отбирались въ казну и самъ онъ подвергался строгому наказанію. Хотя эта мѣра была продиктована явно выраженнымъ фискальнымъ интересомъ, но она имѣла значеніе предостереженія противъ ввоза въ Англію иностранной фальшивой монеты, весьма распространенной въ Западной Европѣ стараніями Карла V и нѣкоторыхъ французскихъ феодаловъ и королей. Въ нѣкоторые годы запрещеніе не ограничивалось вывозомъ монеты, но относилось и къ золоту и серебру въ посудѣ и во всякомъ другомъ видѣ. Въ размѣнныхъ конторахъ, учрежденныхъ въ Дуврѣ и другихъ портахъ, у купцовъ отбиралось все серебро и золото, какое они имѣли въ слиткахъ, посудѣ и монетѣ; имъ выдавалась англійская монета, которую они и употребляли въ торговлѣ (статутъ Эдуарда III, 1335 года). Существовалъ также статутъ (1340 года при Эдуардѣ III), согласно которому лица, вывозившія шерсть, должны были представить ручательство, что въ теченіе трехъ мѣ-

сяцевъ ввезутъ въ Англію и предъявятъ въ королевскую размѣнную контору на двѣ марки серебра за каждый вывезенный мѣшокъ шерсти [1]). Другая преграда вывозу денегъ изъ Англіи ставилась институтомъ истраченія, который состоялъ въ требованіи, чтобы всякій иностранецъ, ввозящій товары въ Англію, покидая ее, истратилъ полученныя за нихъ деньги на покупку англійскихъ товаровъ. За этимъ наблюдала особая категорія людей, называвшихся хозяевами. Хозяева избирались городскимъ управленіемъ или королевскими чиновниками изъ почтенныхъ свѣдущихъ въ торговлѣ лицъ и отнюдь не торгующихъ товарами ихъ гостей, какъ тогда назывались иностранные купцы. Эти хозяева слѣдили за всѣми торговыми сдѣлками гостей, вели точный реестръ всѣхъ продажъ и покупокъ, совершенныхъ иностранными купцами, и обязаны были настаивать на томъ, чтобы въ теченіе восьми мѣсяцевъ они продали всѣ свои товары и вырученныя деньги употребили на покупку англійскихъ товаровъ. За свои труды хозяинъ могъ взимать опредѣленный процентъ со всѣхъ покупокъ и продажъ иностраннаго гостя. Если же послѣдній при въѣздѣ въ Англію избѣгалъ брать хозяина или не исполнялъ законныхъ требованій послѣдняго, то сажался въ тюрьму или подвергался другому наказанію. Впослѣдствіи институтъ хозяевъ былъ замѣненъ королевскими сыщиками и надсмотрщиками, къ которымъ перешли всѣ права и обязанности бывшаго института хозяевъ [2]).

Регулируя иностранную торговлю, королевская власть въ Англіи распространяла свое вмѣшательство и на внутреннюю экономическую жизнь страны. Какъ извѣстно, торговыми и промышленными интересами въ средніе вѣка въ Западной Европѣ заправляли городскія управленія. Въ самыхъ городахъ организація промысловъ и торговли находилась въ рукахъ городскихъ цеховъ, гильдій и иногда крупныхъ торговыхъ товариществъ. Такъ было и въ Англіи. При чемъ королевская власть здѣсь не посягаетъ на автономію городскихъ промышленныхъ организацій, но подчиняетъ ихъ своей юрисдикціи, оказывая имъ свое покровительство противъ посягательствъ владѣльцевъ феодальныхъ маноровъ. Современемъ

---

[1]) Эшли Экономическая исторія Англіи. М 1897, стр. 195

[2]) И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. I періодъ—меркантильный, стр. 5—10.

она беретъ въ свои руки раздачу цеховыхъ правъ и привилегій и становится высшей инстанціей въ безконечныхъ спорахъ промышленныхъ корпорацій между собою.

Нормированіе обрабатывающей промышленности и торговли внутри страны приняло форму сепаратныхъ привилегій и монополій, которыми надѣляла королевская власть тѣ или другіе цехи и гильдіи. Привилегій успѣвали добиться для себя тѣ лица и корпораціи, которыя давали крупныя суммы на королевскія нужды. Тѣ лица, которыя давали взаймы вѣчно нуждающимся въ деньгахъ королямъ, имѣли болѣе непосредственную возможность заявить о своихъ желаніяхъ, чѣмъ петиціи въ парламентъ, гдѣ представители земледѣльческихъ интересовъ не всегда могли ихъ поддержать. Но, на ряду съ этимъ, англійскіе короли, подъ вліяніемъ чисто фискальныхъ интересовъ, прибѣгали къ раздачѣ разныхъ торговыхъ привилегій иностраннымъ купцамъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ и гильдіямъ, такъ и цѣлымъ городамъ и городскимъ союзамъ, каковыми являлись сначала англійская, а затѣмъ тевтонская ганзы. Развитіе иностранной торговли и открытіе возможно большого доступа въ Англію иностраннымъ купцамъ входило въ разсчетъ англійскихъ королей, такъ какъ это влекло за собою увеличеніе таможеннаго дохода и открывало постоянную возможность новыхъ государственныхъ займовъ у богатыхъ иностранныхъ компаній. Уже при Генрихѣ III произошло значительное смягченіе стѣсненій, которымъ подвергались пріѣзжіе въ Англію иностранные купцы. Имъ, вмѣсто обязательнаго проживанія въ домахъ горожанъ (хозяевъ), позволяли имѣть собственныя кладовыя и жилища. Эдуардъ I извѣстнымъ своимъ статутомъ Charta mercatoria (1303 г.) отмѣнилъ цѣлый рядъ болѣе раннихъ постановленій, ограничивающихъ пребываніе иностранныхъ купцовъ въ Англіи 40 днями и не дозволявшихъ имъ ѣздить внутрь страны и вести торговлю съ кѣмъ-нибудь, кромѣ гражданъ того порта, въ которомъ они высаживались въ Англіи. Хотя англійскіе горожане удерживали еще монополію розничной торговли большею частью товаровъ, тѣмъ не менѣе розничная торговля пряностями и мелочными товарами, т. е. товарами, пріобрѣтавшими все большее и большее значеніе, была спеціально разрѣшена иностраннымъ купцамъ [1]), Эдуардъ III пошелъ

[1]) Эшли, 118.

даже дальше и статутами 1335 и 1351 годовъ уничтожилъ всѣ ограниченія этого рода. Первымъ изъ статутовъ дозволялось иностраннымъ купцамъ и всѣмъ другимъ лицамъ, какого бы они званія и состоянія ни были, вести торговлю съ кѣмъ имъ угодно; второй статутъ разрѣшалъ всѣмъ этимъ лицамъ продавать какъ оптомъ, такъ и въ розницу или частями, смотря по желанію. Эти мѣры разрушали самыя основы средневѣковой городской жизни. Выступая въ роли покровителей иностранныхъ купцовъ, англійскіе короли опирались на поддержку парламента, въ особенности въ тѣ моменты, когда подавляющее парламентское большинство состояло изъ сплоченныхъ представителей землевладѣльческаго класса. Широко представленные въ парламентѣ англійскіе землевладѣльцы были обыкновенно того мнѣнія, что въ ихъ интересахъ слѣдовало предоставить иностраннымъ купцамъ право свободной торговли. Они полагали, что вслѣдствіе этого увеличится спросъ и поднимутся цѣны на продукты сельскаго хозяйства и въ особенности на главнѣйшій предметъ иностраннаго вывоза—англійскую шерсть.

Впрочемъ, политика поощренія торговли иностранцевъ не лишена была колебаній. Въ періодъ 1377—1393 годовъ льготы, дарованныя при Эдуардахъ иностраннымъ купцамъ, подъ вліяніемъ жалобъ англійскихъ горожанъ, были снова то отмѣняемы, то опять возстановлялись. Англійскіе города поднимали вопль, что положеніе иностранцевъ въ Англіи становится лучше того, въ которомъ находятся англійскіе купцы за границей. Уступая требованіямъ горожанъ, королевская власть въ 1393 г. снова возстановляетъ правило, по которому иностранцамъ воспрещалось торговать другъ съ другомъ и заниматься мелочнымъ торгомъ. Однако союзъ германскихъ торговыхъ корпорацій, извѣстный подъ именемъ Тевтонской ганзы, прочно сохранилъ дарованныя ему привилегіи для торговли въ Лондонѣ до XVI вѣка.

Съ половины XIII и до конца XVI вѣка англійскіе горожане и иностранные купцы,—послѣдніе опираясь на свои мощныя союзныя организаціи—непрерывно соперничаютъ въ полученіи торговыхъ привилегій у англійскихъ королей, пока, въ заключеніе, англійскій промышленный и торговый классъ не получаетъ окончательнаго перевѣса въ странѣ. А это произошло въ срединѣ новыхъ вѣковъ, когда многія отрасли англійской промышленности достигли значитель-

наго развитія и стали на уровнѣ состоянія соотвѣтствующихъ отраслей производства въ конкурировавшихъ съ Англіей странахъ.

Вообще въ періодъ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени, до царствованія королевы Елизаветы, меркантилистическая политика англійскихъ королей находилась подъ преобладающимъ вліяніемъ чисто фискальныхъ интересовъ. Покровительство королей направлялось въ ту сторону, откуда они ожидали новыхъ источниковъ дохода для казны. Королевская власть, одною рукою развивая мѣропріятія для защиты англійскихъ купцовъ въ ихъ торговыхъ операціяхъ за границей и раздавая привилегіи отдѣльнымъ лицамъ и корпораціямъ англійскихъ промышленниковъ, въ то же время другою рукою надѣляла иностранныхъ торговцевъ разными льготами, которыя шли въ разрѣзъ съ прямыми интересами англійскихъ купцовъ. Дѣйствуя въ этомъ послѣднемъ направленіи, королевская власть то ослабляла, то вовсе отмѣняла тѣ ограниченія и стѣсненія, которыми управленія англійскихъ городовъ обставляли посѣщавшихъ Англію иностранныхъ торговцевъ, и тѣмъ, несомнѣнно, много содѣйствовала развитію иностранной торговли Англіи.

Можно сказать, что только со времени царствованія Елизаветы (1558—1603 г.) меркантилистическая политика Англіи освободилась отъ этихъ колебаній и приняла форму систематическаго плана государственнаго покровительства національной промышленности и торговли, проводимаго съ послѣдовательною настойчивостью какъ королевскою властью, такъ и парламентомъ [1]). Правительственные акты, изданные въ этомъ направленіи, теперь уже прямо мотивируются интересами народа, промышленныхъ классовъ и бѣднѣйшей части населенія [2]).

Ввозныя пошлины, а также многочисленныя привилегіи, раздававшіяся со стороны государственной власти, бывшія раньше

---

[1]) Кеннингемъ, одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи хозяйственнаго быта Англіи, пришелъ къ тому выводу, что эпохами, которыя составляютъ самыя подходящія дѣленія для исторіи меркантильной системы въ Англіи, надо признать: 1) восшествіе на престолъ Елизаветы и полный разрывъ съ правителями Фландріи; 2) вступленіе на престолъ и паденіе Стюартовъ, совпадающее съ періодомъ ожесточеннаго соперничества съ Голландіей (1603—1688 г.г); 3) періодъ отъ революціи 1688 г. до начала XVIII вѣка, отмѣченный наибольшимъ торжествомъ этой системы, и 4) возстаніе американскихъ колоній, бывшее началомъ ея паденія Кеннингемъ. Ростъ англійской промышленности, стр. 415.

[2]) М. И Чуповъ Исторія политической экономіи, стр. 91.

простыми средствами извлеченія доходовъ для казны, въ этотъ періодъ обратились, вмѣстѣ съ другими мѣропріятіями, въ орудія поощренія національной промышленности. Особеннымъ покровительствомъ пользовались предметы, являющіеся статьями англійскаго вывоза за границу: сначала шерсть, а затѣмъ и шерстяныя издѣлія. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ Фландрія была страною самаго высокаго развитія ткацкой индустріи. Англія же въ теченіе этого періода снабжала ее громаднымъ количествомъ сырого матеріала, и девять десятыхъ всего производства англійской шерсти шло для ткацкихъ станковъ фландрійскихъ городовъ и преимущественно Гента и Брюгге. Поэтому, если происходила остановка въ доставкѣ англійской шерсти, то половина населенія Фландріи оставалась безъ работы. Въ самой Англіи главными производителями шерсти были цистерціанскіе монахи, обладавшіе громадными стадами овецъ. Вообще въ Англіи въ это время было извѣстно до двѣнадцати разныхъ породъ овецъ, на улучшеніе которыхъ обращалось особенное вниманіе, и до сорока четырехъ сорговъ, или марокъ, англійской шерсти. Въ 1350 году средній ежегодный вывозъ шерсти достигалъ 320,000 пудовъ, на сумму около 1.300,000. Англійское правительство широко использовало то обстоятельство, что на обработку англійской шерсти разсчитаны были фабрики Фландріи и Голландіи и при прекращеніи ея вывоза останавливалась работа ткацкихъ станковъ въ этихъ странахъ. Даже когда внѣшняя политика Фландріи принимала неблагопріятное для Англіи направленіе, то послѣдняя прибѣгала къ запрещенію вывоза во Фландрію англійской шерсти и этимъ быстро достигала того, что правительство этой страны шло на всевозможныя уступки. Вывозимая изъ Англіи шерсть въ города, служившіе складочными пунктами англійской вывозной торговли (Сенъ-Омеръ, Брюгге, Антверпенъ и въ концѣ среднихъ вѣковъ Кале), оплачивалась высокими пошлинами, составлявшими главную статью дохода казны отъ обложенія промышленности. а именно: въ началѣ XV вѣка изъ суммы 40,000 фун. стерл. всѣхъ торговыхъ налоговъ и пошлинъ 30,000 фун. стерл. падало на одну шерсть. Овцеводство и производство шерсти съ конца среднихъ вѣковъ заняло видное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ и, какъ показываетъ вышеприведенный фактъ, имѣло огромное значеніе для государственныхъ финансовъ. Недаромъ въ англійскомъ парла-

ментѣ со времени королевы Елизаветы установился обычай, чтобы его предсѣдатель (спикеръ) засѣдалъ на мѣшкѣ, наполненномъ шерстью, чѣмъ общественное мнѣніе желало запечатлѣть ту мысль, что шерстяная промышленность, какъ важнѣйшая отрасль народнаго хозяйства, должна быть предметомъ особеннаго вниманія и попеченія законодателей Англіи. Въ заботахъ объ огражденіи производства шерсти отъ иностранной конкуренціи, правительство Англіи съ давнихъ поръ прибѣгало къ запрещенію вывоза овецъ. Мѣра эта мотивировалась опасностью размноженія и улучшенія стадъ овецъ на континентѣ, вслѣдствіе чего могъ произойти ущербъ для англійской торговли шерстью.

Позднѣе мѣры покровительства распространены были и на шерстяную фабрикацію и суконную промышленность. До XIV столѣтія Англія являлась страною, вывозящею шерсть и взамѣнъ ее ввозящею множество суконныхъ товаровъ изъ Фландріи и Голландіи. Въ самой Англіи до этого времени вырабатывались самые грубые и простѣйшіе сорта суконъ. Англійское правительство издавна прилагало старанія къ тому, чтобы усовершенствовать шерстяную мануфактуру. Кромѣ косвенныхъ поощреній мануфактурной промышленности, при помощи таможенныхъ пошлинъ, государство прибѣгаетъ къ различнымъ мѣрамъ прямого содѣйствія промысламъ. Еще въ первые годы существованія англійскаго парламента изданъ имъ былъ въ 1261 году актъ, направленный къ тому, чтобы задержать ввозъ въ страну суконныхъ издѣлій и выдѣланныхъ тканей и вывозъ изъ нея шерсти. Эта попытка однако тогда, повидимому, не была осуществлена на практикѣ. Одна изъ дѣйствительныхъ важнѣйшихъ мѣръ этого рода заключалась въ привлеченіи искусныхъ мастеровъ изъ-за границы. Такъ, при Эдуардѣ III (1313—1331 г.г.) было переселено въ Англію много иностранныхъ ткачей шерстяныхъ матерій. Правительство Англіи всякими мѣрами поощряло переселеніе гонимыхъ католиками протестантовъ изъ Голландіи и Фландріи. Эти переселенцы, представлявшіе собою цвѣтъ промышленнаго населенія этихъ странъ и занимавшіеся на родинѣ ткачествомъ, создали цѣлый центръ мануфактурной и суконной промышленности въ Норвичѣ, а затѣмъ въ графствѣ Норфолькъ. Англія открыла также широкій пріютъ переселенцамъ изъ Фландріи, бѣжавшимъ въ 1567 году отъ гоненій герцога Альбы,

а также французскимъ протестантамъ, послѣ отмѣны Людовикомъ XIV въ 1598 году Нантскаго эдикта. Поощреніемъ иммиграціи Англія достигла того, что лучшіе элементы промышленнаго населенія конкурировавшихъ съ нею странъ вошли въ составъ англійскихъ промышленниковъ, перенеся въ Англію усовершенствованную технику въ области суконнаго и мануфактурнаго производства. Въ 1570 году въ одномъ Норвичѣ было до 4000 такихъ переселенцевъ изъ Голландіи. Трудолюбивые и достаточные иммигранты, кромѣ мануфактуръ, содѣйствовали и развитію англійской торговли. Въ 1588 году въ Англіи проживало 38 фламандскихъ купцовъ и они пожертвовали 5000 фунтовъ стерлинговъ для защиты Англіи противъ посланнаго Филиппомъ II громаднаго флота, извѣстнаго подъ именемъ испанской армады. Уже со времени первой иммиграціи фламандскихъ мастеровъ въ XIV-мъ столѣтіи начинается большой переворотъ въ англійской промышленности. До тѣхъ поръ Англія была земледѣльческимъ государствомъ, отправлявшимъ за границу огромное количество сырья, въ особенности въ видѣ шерсти, и ввозившимъ, взамѣнъ его, разные обработанные продукты. Но съ этого времени вывозъ шерсти начинаетъ падать, рядомъ съ чѣмъ развиваются свои производства и вывозятся уже обработанные продукты, такъ что уже не сырая шерсть, а шерстяныя ткани дѣлаются основнымъ продуктомъ національнаго производства. Развитіе отечественныхъ шерстяныхъ мануфактуръ, требовавшихъ теперь для переработки все то количество шерсти, которое производила страна, привело къ тому, что вывозъ сырой шерсти за границу былъ въ 1660 году воспрещенъ закономъ, остававшимися въ силѣ до 1825 года. При Генрихѣ IV запрещенъ былъ и вывозъ шерстяной пряжи. Примѣръ англійскихъ ткачей и суконщиковъ, успѣвшихъ добиться отъ правительства важныхъ привилегій, подѣйствовалъ заразительно: всѣ англійскіе ремесленники пожелали огражденія отъ иностранной конкуренціи. Прядильщики и ткачи шелка, при помощи петиціи въ парламентъ, выхлопатали законъ, запрещавшій ввозъ заграничныхъ шелковыхъ издѣлій [1]) сначала на 5 лѣтъ, а потомъ навсегда. Подъ давленіемъ такихъ же петицій въ парламентъ, Эдуардъ VI въ 1548 и 1599 годахъ утроилъ

[1]) Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. 1881. 13, I, стр. 456

пошлину на вывозимую кожу, съ цѣлью предупредить дороговизну ея, противную интересамъ ремесленниковъ и потребителей. Елизавета три раза запрещала вывозъ кожи и сала изъ-за того, что отъ дороговизны этихъ предметовъ проистекаетъ нужда вообще въ народѣ и въ особенности въ бѣднѣйшихъ его классахъ. Въ то же время правительство принимало мѣры для развитія внутренняго рынка сбыта суконныхъ издѣлій. Стараніе правительственной власти доходило до того, что она издала предписаніе хоронить покойниковъ въ шерстяныхъ простыняхъ.

Всѣ эти мѣры должны были сказаться на успѣхахъ англійской суконной промышленности. Антверпенъ, бывшій въ средніе вѣка центромъ суконной мануфактуры, снабжавшимъ Англію своими превосходными суконами, съ начала XVI вѣка самъ получаетъ уже такія сукна изъ Англіи. Въ періодъ 1523—1589 г.г. англійскіе купцы вывозили только въ одинъ Антверпенъ до 200,000 кусковъ тонкаго сукна, на сумму до 5 милліоновъ кронъ. Въ то же время вывозилось изъ Англіи въ Антверпенъ, кромѣ огромнаго количества тонкихъ суконъ, много другихъ товаровъ: пиво, сыръ, кожи, а также вино (мальвазія), которое англичане сами получали изъ Кандіи. Въ заключеніе все торговое могущество Антверпена перешло къ Лондону, и, хотя въ то же время увеличилось значеніе Амстердама, но Лондонъ съ тѣхъ поръ сдѣлался главнымъ европейскимъ рынкомъ, гдѣ можно было найти, рядомъ съ новыми сокровищами Америки, разные продукты Европы и Востока.

Меркантилистическая система въ Англіи, какъ мы видѣли, застала уже сплоченное государство. Англія очень рано, еще въ феодальный періодъ ея исторіи, покончила съ экономическою разобщенностью феодальныхъ территорій, которая въ Западной Европѣ и въ особенности во Франціи имѣла мѣсто до Великой революціи и выражалась въ цѣлой массѣ внутреннихъ заставныхъ пошлинъ и другихъ стѣсненій свободы экономическихъ и торговыхъ сношеній между отдѣльными провинціями страны. Задачи меркантилистической политики въ самую раннюю пору ея примѣненія правители Англіи видѣли въ томъ, чтобы устранить преграды взаимныхъ сношеній отдѣльныхъ областей государства и соединенныя экономическія силы націи направить на борьбу съ заграничными странами. Что касается направленія меркантилистической политики

Англіи въ XVI—XVII вѣкѣ, то въ основѣ ея была поставлена мысль, что поднятіе всего національнаго хозяйства зависитъ отъ развитія международной колоніальной торговли. Притомъ вся сила внѣшней экономической политики Англіи сосредоточивалась на регулированіи и покровительственныхъ законахъ по отношенію къ мореплаванію и торговлѣ [1]).

Развиваясь подъ флагомъ меркантилистической политики, Англія въ XVI вѣкѣ въ экономическомъ отношеніи переросла своихъ конкурентовъ. Успѣхи, достигнутые Англіей въ развитіи ея обрабатывающей промышленности и внѣшней торговли, подрывали торговыя дѣла Испаніи, Венеціанскихъ республикъ и Ганзейскаго союза на англійскомъ рынкѣ. Послѣднимъ актомъ торговой борьбы съ Испаніей былъ разгромъ Англіей въ 1580 году у своихъ береговъ испанской армады. Результатомъ этой побѣды были торговые договоры съ Испаніей, предоставлявшіе Англіи, въ ущербъ послѣдней, огромныя торговыя выгоды. Главная опора Ганзейскаго союза—ея факторія въ Лондонѣ, извѣстная подъ названіемъ стального двора (Steelyard),—пользовавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій исключительными привилегіями, приходила въ упадокъ и въ концѣ царствованія Елизаветы, въ 1597 году, подъ напоромъ требованій англійскихъ купцовъ, была окончательно упразднена англійскимъ правительствомъ. Наконецъ, венеціанскій флотъ, снабжавшій въ теченіе XIV и XV столѣтій Англію продуктами своей индустріи, а также произведеніями малой Азіи и восточной Индіи, въ послѣдній разъ посѣтилъ берега Англіи въ 1532 году. Торговля венеціанцевъ съ Англіей становилась для нихъ невыгодною, вслѣдствіе развитія въ этой странѣ туземной промышленности и торговаго флота.

Въ XVI вѣкѣ для Англіи открывались широкія перспективы міровой торговли. Англійскимъ правительствомъ завоевываются обширныя страны въ сѣверной Америкѣ и въ восточной Индіи. Въ своихъ колоніальныхъ владѣніяхъ Англія должна была опираться на свой торговый флотъ. Но англійскій флотъ этого времени по количеству кораблей занималъ скромное положеніе въ международномъ транспортѣ. Въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ господствующей страной въ міровой торговлѣ была Голландія. Изъ 20,000 кораблей, обслуживавшихъ въ то время морскую

[1]) Held. Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. Leipzig. 1881, стр. 414.

торговлю въ разныхъ частяхъ свѣта, около 16,000 принадлежало голландцамъ [1]). Голландцы же были фактическими хозяевами на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ. Являясь ближайшими сосѣдями Англіи, они, благодаря своему многочисленному флоту и дешевымъ фрахтамъ, въ общемъ сумѣли занять мѣсто ганзейскихъ купцовъ. Голландцамъ принадлежалъ торговый транспортъ не только между Англіей и другими европейскими странами, но и между англійской метрополіей и ея колоніями. Морскія сношенія вдоль береговъ Англіи также велись, главнымъ образомъ, на голландскихъ корабляхъ. Каботажное судоходство голландцевъ не уступало по многочисленности кораблей ихъ флоту дальняго плаванія. Даже рыболовство вдоль береговъ Англіи цѣликомъ находилось въ рукахъ голландцевъ, для которыхъ сельдяной промыселъ въ Сѣверномъ морѣ служилъ крупной статьей народнаго хозяйства. Противъ морского могущества Голландіи повелъ борьбу Кромвель и нанесъ ему рѣшительный ударъ изданіемъ въ 1651 году знаменитаго акта о мореплаваніи [2]). Этимъ навигаціоннымъ актомъ было постановлено: 1) что иностранныя суда не имѣютъ права заниматься рыболовствомъ и транспортомъ въ англійскихъ прибрежныхъ водахъ; 2) что транспортъ между метрополіей и ея колоніями можетъ совершаться лишь на англійскихъ судахъ, т. е. такихъ судахъ, владѣльцы и экипажъ которыхъ состоитъ, по крайней мѣрѣ, на три четверти изъ природныхъ англичанъ; 3) что торговыя сношенія Англіи съ другими европейскими странами могутъ происходить лишь непосредственно, т. е. либо на корабляхъ данной страны, либо на англійскихъ судахъ, при чемъ никакая посредниче-

---

[1]) Бланки Исторія политической экономіи, ч. I, стр. 328.

[2]) Собственно, политика покровительства отечественному торговому флоту въ Англіи ведетъ свое начало съ XIV вѣка. Первый навигаціонный актъ былъ изданъ при Эдуардѣ III, въ 1381 году. „Чтобы увеличить флотъ Англіи, который теперь сильно уменьшился, этимъ актомъ было одобрено и признано, чтобы ни одинъ изъ вѣрноподданныхъ короля отнынѣ не нагружалъ никакого товара, ввозимаго или вывозимаго въ королевство Англію, въ какомъ-либо портѣ иначе, какъ только на корабляхъ вѣрноподданныхъ короля, подъ страхомъ конфискаціи товаровъ, перевозимыхъ на другихъ судахъ, при чемъ третья часть должна поступать въ пользу доносчика“. Однако, англійскій флотъ настолько тогда былъ еще малъ, что статутъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, и въ слѣдующемъ году была добавлена объяснительная статья въ томъ смыслѣ, что англійскія суда, когда они „годны и достаточны, должны быть предпочитаемы всѣмъ другимъ судамъ“. І. Кеннингемъ. Ростъ англійской промышленности и торговли, стр. 338.

ская торговля не допускается; 4) что иностранные купцы платятъ двойную пошлину за привезенный въ Англію товаръ сравнительно съ туземными купцами; 5) что всѣ вывезенные изъ англійскихъ колоній продукты должны отправляться въ англійскія гавани. Навигаціонный актъ создалъ чрезвычайно благопріятныя условія для развитія судостроенія и торговаго флота въ Англіи и послужилъ основою мощнаго развитія англійской торговли со второй половины XVII вѣка. Даже такой поклонникъ свободы торговли, какъ Адамъ Смитъ, призналъ его «самымъ мудрымъ изъ всѣхъ англійскихъ постановленій о торговлѣ». Но, открывая въ будущемъ крупныя перспективы для англійской торговли и промышленности, этотъ актъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ближайшемъ будущемъ создавалъ монополію для англійскихъ судовладѣльцевъ, отъ которой непосредственно страдали интересы англійскихъ производителей, сбывавшихъ свои издѣлія за границу и получавшихъ сырье изъ англійскихъ колоній. Многочисленные голландскіе корабли готовы были во всѣхъ извѣстныхъ портахъ къ услугамъ англійскихъ промышленниковъ, при чемъ фрахты по перевозкѣ грузовъ, взимаемые голландцами, по своей дешевизнѣ стояли внѣ конкуренціи съ провозными платами, предлагаемыми англійскими судовладѣльцами. Поэтому, съ изданіемъ навигаціоннаго акта, высокія провозныя платы по морскому транспорту товаровъ, взимаемыя англійскими судовладѣльцами, отозвались извѣстнымъ бременемъ на обрабатывающей промышленности Англіи и на англійскихъ потребителяхъ иностранныхъ продуктовъ.

Надѣленіе монополіей англійскихъ судовладѣльцевъ, на ряду съ тѣми привилегіями, которыми пользовались англійскіе торговые компаніи, цехи и гильдіи, и съ постоянными стѣсненіями для иностранныхъ конкурентовъ, наносили явный ущербъ земледѣльческому классу, тѣмъ болѣе что большинство произведеній англійскаго сельскаго хозяйства, а въ особенности такой его цѣнный продуктъ, какъ шерсть, при вывозѣ за границу, если только этотъ вывозъ не воспрещался вовсе, оплачивался высокими пошлинами въ пользу англійскаго фиска. Какъ же могло произойти, что англійскій парламентъ, представлявшій тогда исключительно интересы землевладѣльцевъ и состоявшій почти изъ однихъ лендлордовъ, одобрялъ всѣ предпринимавшіеся въ этомъ направленіи законодательные акты, явно клонившіеся къ ихъ невыгодѣ? Здѣсь, какъ объясняетъ Тойнби,

сыграла нѣкоторую роль тѣсная связь между одной частью англійскаго землевладѣльческаго класса, такъ называемаго джентри, и коммерческими классами. Младшіе сыновья дворянскихъ фамилій, лишенные, въ силу маіоратнаго права, наслѣдства въ земельномъ имуществѣ, часто пускались въ промышленныя предпріятія; сами землевладѣльцы во многихъ случаяхъ женились на купеческихъ дочеряхъ. Къ тому же лендлорды давали свою поддержку не даромъ: если они соглашались на запрещеніе вывоза шерсти, то въ награду за это они убѣдили купцовъ дать имъ экспортную премію на ввозимый изъ-за границы хлѣбъ. Отсюда получила свое происхожденіе характерная черта англійскаго меркантилизма, выразившаяся въ искусственномъ поощреніи отечественнаго хлѣбопашества. Покровительство земледѣлію осуществлялось въ Англіи въ формѣ такъ называемыхъ хлѣбныхъ законовъ, регулировавшихъ ввозъ и вывозъ хлѣба. Законы о запрещеніи ввоза иностраннаго хлѣба, съ разными модификаціями, издаются начиная съ XV вѣка. Въ 1463 году былъ изданъ впервые законъ, воспрещавшій ввозъ хлѣба въ Англію до тѣхъ поръ, пока цѣна его достигала такого уровня, при которомъ дозволялся его вывозъ. Цѣлью этихъ законовъ было обезпечить землевладѣльцамъ опредѣленный минимумъ цѣнъ на хлѣбъ. Законъ 1670 года установилъ ввозныя пошлины на хлѣбъ въ 16 шиллинговъ за квартеръ, если цѣна на хлѣбъ внутри Англіи не превышаетъ 53 шиллинга 4 пенса,—8 шиллинговъ, если цѣна хлѣба стоитъ ниже 4 фунтовъ стерлинговъ,—5 шиллинговъ, если цѣна его равна 48 шиллингамъ или стоитъ ниже этого уровня [1]). Ростъ населенія и обрабатывающей промышленности, сопровождавшійся увеличеніемъ потребленія хлѣба и продуктовъ сельскаго хозяйства, вызвалъ со временемъ противоположное теченіе въ законодательствѣ въ сторону свободы хлѣбной торговли, но эти промежутки, когда разрѣшался свободный ввозъ хлѣба изъ-за границы, были коротки и хлѣбные законы снова возстановлялись еще въ большей строгости. По закону 1791 года, за квартеръ ввозимаго хлѣба назначалась пошлина въ 24 шиллинга 3 пенса, если цѣна квартера стояла ниже 50 шиллинговъ; при цѣнѣ между 50 и 54 шиллинговъ ввозная пошлина равнялась 2 шиллингамъ 6 пенсамъ, при цѣнѣ же выше

[1]) 1 квартеръ = 1 четверти 3 четверикамъ, на русскую мѣру; 1 шиллингъ = около 47 коп.

54 шиллинговъ она состояла всего въ 6 пенсовъ съ квартера. Кромѣ того, за вывозъ за границу уплачивалось 5 шиллинговъ, когда цѣна за 1 квартеръ стояла выше 44 шиллинговъ, при цѣнѣ же выше 46 шиллинговъ на внутреннемъ рынкѣ экспортъ хлѣба совершенно воспрещался. Такимъ образомъ, мы видимъ, что хлѣбные законы въ Англіи дѣйствовали и послѣ появленія ученія Адама Смита о свободѣ экономическаго оборота. Въ дѣйствительности они продолжали существовать въ теченіе первой трети XIX столѣтія и были отмѣнены только въ 1832 году.

Подробная оцѣнка вліянія хлѣбныхъ законовъ на хозяйственный бытъ Англіи будетъ сдѣлана въ другой части этого курса. Здѣсь мы только замѣтимъ, что эти законы, обезпечивая земледѣльческому классу высокія цѣны на хлѣбъ, приносили огромный ущербъ всѣмъ потребителямъ, а въ особенности рабочимъ и были очень невыгодны для обрабатывающей промышленности, такъ какъ повышали стоимость содержанія фабричныхъ рабочихъ.

На ряду съ хлѣбными законами, обезпечивающими земледѣльцамъ высокій уровень цѣнъ на хлѣбъ, правительствомъ были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы дать имъ возможность пользоваться при этомъ еще и дешевымъ трудомъ Съ этою цѣлью въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій въ Англіи закономъ нормировалась заработная плата. Первый актъ о рабочихъ (Statut of labourers) былъ изданъ въ 1350 году, послѣ страшныхъ опустошеній, произведенныхъ среди рабочаго класса чумой 1349 г Этимъ закономъ воспрещалось давать рабочимъ плату выше той которая существовала до чумы, при чемъ рабочимъ воспрещалось безъ разрѣшенія мирового судьи перемѣнять мѣста жительства. Законъ о заработной платѣ продолжалъ существовать до XVII вѣка, подвергаясь измѣненіямъ только въ частностяхъ. При Генрихѣ VI размѣры заработной платы какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ были установлены съ большою точностью для лѣта и для зимы, съ харчами и безъ нихъ. Эти цѣны должны были быть максимальными. Со времени Ричарда II (1388 г.) судьи были уполномочены опредѣлять плату сельскохозяйственнымъ рабочимъ два раза въ годъ, смотря по урожаю или недороду въ данное время, однако въ предѣлахъ, установленныхъ статутомъ; они имѣли право собственною властью понизить заработную плату, если это казалось

нужнымъ. Актомъ королевы Елизаветы былъ отмѣненъ установленный въ законѣ максимумъ заработной платы и судьямъ предоставлялось устанавливать такія высокія цѣны, какія они найдутъ нужными.

Въ интересахъ земледѣлія тѣмъ же закономъ Ричарда II стѣснялась свобода перехода отъ земледѣлія къ занятію ремесломъ. Переходъ этотъ затрудненъ былъ требованіемъ испрашивать разрѣшенія мирового судьи на перемѣну мѣстожительства, при чемъ запрещалось поступать въ ремесленные ученики мальчикамъ, которые до двѣнадцатилѣтняго возраста заняты были въ земледѣліи [1]).

Вообще одною изъ худшихъ сторонъ меркантилистической политики въ Англіи была борьба соперничающихъ интересовъ внутри страны. На ряду съ хлѣбными законами, рѣзкимъ примѣромъ покровительства, оказываемаго одной группѣ населенія въ ущербъ другой, служитъ борьба между шерстяною и хлопчатобумажною промышленностью. Первая, опираясь на поддержку землевладѣльцевъ, долго одерживала верхъ, такъ что былъ введенъ налогъ на ситцы. Въ 1721 году выдѣлка ихъ была совершенно воспрещена. Лишь въ 1774 году послѣдняя была разрѣшена опять, налогъ же не отмѣнялся до 1831 года [2]).

Еще болѣе яркую иллюстрацію золъ, проистекающихъ отъ протекціонизма, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ, представляетъ политика Англіи по отношенію къ Ирландіи и къ англійскимъ колоніямъ. Ввозъ живого скота, мяса и молочныхъ продуктовъ изъ Ирландіи въ Англію былъ запрещенъ съ 1660 по 1685 годъ. Такъ какъ скотоводство вслѣдствіе этого стало невыгоднымъ, то ирландцы обратили пахотныя земли въ овечьи пастбища. Они начали не только вывозить за границу шерсть, но устроили у себя шерстяныя мануфактуры. Немедленно же былъ изданъ въ Англіи законъ, ограничивающій вывозъ ирландской шерсти англійскимъ рынкомъ, а за нимъ послѣдовало наложеніе запретительныхъ пошлинъ на издѣлія ирландскихъ шерстяныхъ мануфактуръ.

Если мы обратимся къ англійскимъ колоніямъ, то мы увидимъ, что на нихъ правительство смотрѣло просто какъ на рынки для метрополіи. Мы уже видѣли выше, что, въ силу навигаціоннаго акта

[1]) Held. Zwei Bücher, стр. 21.

[2]) Тойнби. Экономическій переворотъ въ Англіи, стр. 109.

1651 г., ввозъ и вывозъ товаровъ дозволялся колоніямъ не иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ; продукты, въ которыхъ нуждались англичане, колоніи не могли вывозить никуда въ Европу, кромѣ Англіи; между тѣмъ, надо прибавить, что послѣдующими постановленіями тѣ сырые матеріалы, конкуренціи которыхъ боялись англійскіе землевладѣльцы, совсѣмъ не были допускаемы на англійскіе рынки. Всякій ввозъ въ колоніи, въ томъ числѣ въ Соединенные Штаты Америки, изъ иныхъ частей Европы, кромѣ Великобританіи, былъ запрещенъ, въ цѣляхъ монополизированія американскаго рынка англійскими мануфактуристами. Сверхъ того, дѣлались всевозможныя попытки воспрепятствовать основанію мануфактуръ въ Америкѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія нѣкоторые американцы попробовали заняться шерстяною промышленностью. Въ 1719 году они принуждены были отказаться отъ этого; кромѣ того, всѣ желѣзодѣлательныя производства—даже выдѣлка гвоздей—были запрещены. Создалась-было цвѣтущая шляпная мануфактура; но, вслѣдствіе петиціи англійскихъ шляпочниковъ въ парламентъ, этимъ конкурентамъ запретили вывозить шляпы не только въ Англію, но даже и въ другія англійскія колоніи.

По поводу этой неумолимой системы запрещеній, въ тискахъ которыхъ метрополія многіе годы держала Сѣверо-Американскіе Штаты, Адамъ Смитъ, этотъ въ высокой степени уравновѣшенный и спокойный мыслитель, не удержался отъ сарказма. «Основать великое государство (т. е. Сѣверо-Американскіе Штаты),—говоритъ онъ,—съ единственною цѣлью создать націю покупателей—можетъ показаться на первый взглядъ планомъ, подходящимъ только для націи лавочниковъ». Ничто не способствовало такъ «Декларації независимости», провозглашенной въ 1783 году Соединенными Сѣверо-Американскими Штатами, какъ эта торговая система [1]).

Меркантилизмъ во Франціи. Въ то время какъ въ Англіи меркантилистическая политика получила характеръ покровительственной системы по отношенію ко всѣмъ отраслямъ народнаго хозяйства, распространялась и на земледѣліе, во Франціи она вылилась въ форму покровительства обрабатывающей промышленности и преимущественно мануфактурныхъ производствъ. Но и въ этихъ предѣлахъ меркантилистическая политика во Франціи проводилась

[1]) Тойнби, стр. 110—112.

съ перерывами, колебаніями и безъ той послѣдовательности, какую мы видѣли въ осуществленіи этой политики въ Англіи. Отсутствіе парламентскаго режима, абсолютный характеръ королевской власти, непрерывныя военныя предпріятія послѣднихъ Людовиковъ, наконецъ, возвращеніе отъ времени до времени къ политикѣ религіозной нетерпимости и преслѣдованія протестантовъ, представлявшихъ собою лучшіе элементы промышленнаго населенія,—таковы вообще были причины, которыя въ теченіе XVI и XVII столѣтій вносили крупное разстройство въ хозяйственный бытъ Франціи и нарушали серьезно обдуманную систему покровительства отечественной промышленности, проводившуюся нѣкоторыми видными французскими государственными дѣятелями этого времени. Исторія въ теченіе XVI и XVII столѣтій выдвинула нѣсколькихъ замѣчательныхъ французскихъ министровъ, какъ Сюлли, Ришелье и Кольберъ, которые, несмотря на неблагопріятныя политическія условія, высоко поднимали интересъ правительства къ заботамъ о народномъ хозяйствѣ и успѣвали привлечь въ эту сторону вниманіе французскихъ королей. Попеченіе правительства о народномъ хозяйствѣ выражалось въ осуществленіи разнообразныхъ мѣропріятій, разсчитанныхъ на развитіе отечественной промышленности и торговли. При этомъ такіе французскіе короли, какъ Людовикъ XIV, склонялись въ сторону покровительственной политики подъ преобладающимъ вліяніемъ той мысли, что только торговля и промышленность привлекаютъ въ страну золото, столь необходимое имъ, въ особенности для содержанія большихъ армій.

Первыя правительственныя мѣропріятія въ духѣ меркантилистической политики относятся къ царствованію Карла IX и связаны съ иниціативой его министра Рене де-Бирагъ. Въ указѣ 1572 г., изданномъ при этомъ министрѣ именемъ короля, читаемъ слѣдующее: «Дабы подданные наши могли успѣшнѣе предаться фабричному производству и приготовленію шерсти, льна и пряжи, изобилующихъ въ нашихъ королевскихъ владѣніяхъ, и добывать себѣ и извлекать изъ нихъ выгоды, получаемыя иностранцами, которые обыкновенно пріѣзжаютъ и покупаютъ ихъ у насъ по ничтожной цѣнѣ, затѣмъ увозятъ къ себѣ, подвергаютъ обработкѣ и снова ввозятъ къ намъ въ видѣ суконъ и полотенъ, которыя продаютъ по чрезвычайно дорогой цѣнѣ,—повелѣваемъ, что отнынѣ ни

подъ какимъ предлогомъ не дозволяется никому изъ нашихъ подданныхъ и иностранцевъ вывозить изъ нашихъ королевствъ и владѣній какой бы то ни было шерсти, льна, пеньки и пряжи. Строго воспрещаемъ также всякій ввозъ во все наше королевство суконъ, полотенъ, позументовъ, золотой и серебряной канители, всякаго бархата, атласа, камней, тафты, камлота всякаго рода, парчевыхъ говаровъ (слѣдуетъ дальнѣйшій длинный перечень), подъ страхомъ конфискаціи означенныхъ товаровъ». Въ томъ же направленіи велась экономическая политика въ періодъ почти всего царствованія Генриха IV (1589—1593), при его извѣстномъ министрѣ Сюлли, который обыкновенно говорилъ, «что еще необходимѣе для Франціи обходиться безъ товаровъ нашихъ сосѣдей, чѣмъ безъ ихъ монеты».

Меркантилистическая политика во Франціи въ особенности связана съ личностью знаменитаго министра Людовика XIV—Кольбера (род. 1619, ум. 1683), по имени котораго сама меркантилистическая система получила названіе кольбертизма. Благодаря выдающимся качествамъ этого государственнаго человѣка, осуществленныя имъ мѣры содѣйствія отечественной промышленности оставили неизгладимый слѣдъ въ исторіи хозяйственнаго развитія Франціи.

Когда Кольберъ сдѣлался министромъ финансовъ и внутренняго управленія во Франціи (1661 г.), въ этой странѣ существовала уже традиція покровительственнаго отношенія правительства къ промысламъ и торговлѣ. Въ то же время Голландія и Англія, далеко опередившія въ своемъ промышленномъ развитіи Францію, настойчиво проводили меркантилистическую политику и опирались на нее въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Франціей. Кольберъ принялъ въ свои руки управленіе министерствомъ въ такой моментъ, когда государственные финансы Франціи были въ состояніи глубокаго разстройства, близкомъ къ полному банкротству государственной кассы, а промышленность и торговля, угнетенныя массою феодальныхъ стѣсненій и поборовъ, находились въ положеніи крайней отсталости. Кольберъ воспользовался пріемами экономической политики для того, чтобы поднять развитіе обрабатывающей промышленности и торговли въ странѣ. Эта политика вылилась у него въ широко задуманный и систематическій планъ, который онъ съ

неослабною энергіей проводилъ въ теченіе своего двадцатилѣтняго пребыванія у кормила управленія.

Мѣропріятія Кольбера обнимали самыя разнообразныя стороны промышленной жизни Франціи. Онъ началъ съ организаціи промышленнаго образованія. Въ этой области Кольберъ воспользовался начинаніями, которыя до него были сдѣланы Франциском I и Ришелье. Въ 1516 году, по настоянію Франциска I, былъ приглашенъ для руководства художественнымъ воспитаніемъ французскаго народа величайшій итальянскій художникъ Леонардо да-Винчи, который, съ своей стороны, привлекъ другихъ выдающихся художниковъ и мастеровъ,—между прочимъ, ювелира Бенвенуто Челлини, художника-горшечника Джероламо Дела Роббія, художника Андрея дель Сарто, художника-рѣзчика по дереву Гуго да-Капри и другихъ. Слѣдуя традиціи своихъ предшественниковъ, Кольберъ старался привлечь лучшихъ мастеровъ, инженеровъ, художниковъ и рабочихъ изъ всѣхъ передовыхъ странъ, являвшихся въ то время конкурентами Франціи. Для обученія французовъ онъ учредилъ много промышленныхъ и художественныхъ школъ, основывалъ музеи и академіи. Ученики, окончившіе французскія школы, посылались имъ для завершенія своего образованія въ другія страны, въ особенности въ Римъ. Заботясь о возможно лучшей постановкѣ образованія французскихъ художниковъ и желая обезпечить имъ въ качествѣ учителей лучшихъ итальянскихъ художниковъ, онъ основалъ спеціальную французскую художественную академію въ Римѣ, которая существуетъ и до сихъ поръ. До Кольбера французское архитектурное искусство было направлено на постройку готическихъ храмовъ, Кольберъ же положилъ начало цѣлому ряду свѣтскихъ художественныхъ зданій. При немъ были построены знаменитый версальскій дворецъ, Сенъ-Жерменскій замокъ, Луврскій музей и т. п. Имѣя въ виду насадить во Франціи новыя отрасли индустріи, Кольберъ устраивалъ казенныя фабрики. Таковы основанные имъ шелковыя фабрики, фарфоровые и стекольные заводы, производство гобеленовъ и т. п., изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напр. Севрскій фарфоровый заводъ, просуществовали до сихъ поръ. Франциск I и Ришелье прилагали старанія къ тому, чтобы пріобщить Францію къ тому движенію въ Италіи, которое извѣстно было въ XV—XVI вѣкѣ подъ именемъ возрожденія наукъ и искусствъ, и въ

особенности воспользоваться приглашенными ими итальянскими художниками и мастерами для надлежащей постановки художественнаго образованія французовъ. Въ этомъ же направленіи работалъ и Кольберъ, стараясь развить художественный вкусъ населенія. Бо́льшая часть основанныхъ имъ казенныхъ фабрикъ и индустріальныхъ предпріятій относилась къ области художественной индустріи (гобелены, изящныя фарфоровыя издѣлія). Благодаря этимъ мѣропріятіямъ, произведенія французской индустріи со временъ Кольбера получили тотъ особый отпечатокъ изящества, которымъ они отличаются до послѣдняго времени.

Для надзора за частными фабриками и промышленными предпріятіями при Кольберѣ были назначены особые инспектора, которые должны были указывать мастерамъ лучшіе пріемы производства или знакомили ихъ съ новыми открытіями, часто покупавшимися и перехватываемыми казною съ большими издержками у иностранныхъ фабрикантовъ [1]). При немъ также была учреждена торговая палата, открытая для всякаго рода заявленій о нуждахъ торговли и торговопромышленниковъ, искавшихъ поддержки правительства, въ особенности въ иностранной торговлѣ. Другимъ созданнымъ имъ институтомъ былъ особый торговый совѣтъ, члены котораго обязаны были ежегодно представлять донесенія правительству о нуждахъ разныхъ отраслей промышленности. Надѣляя отечественныхъ фабрикантовъ разными субсидіями и льготами, Кольберъ при этомъ предъявлялъ къ ихъ издѣліямъ большія требованія. За произведенія французскихъ мастеровъ, не соотвѣтствовавшія предъявляемымъ къ нимъ качествамъ, взыскивались казною большія пени. Издѣлія эти привѣшивались къ позорному столбу съ ошейникомъ, на которомъ выставлялось имя мастера; въ случаѣ же повторенія проступка, привязывали къ столбу и самого мастера.

Въ ряду тѣхъ мѣръ, которыя примѣнялъ Кольберъ для развитія обрабатывающей промышленности, особенно видное мѣсто занимали таможенныя пошлины. Въ этой области меркантилистическая политика Кольбера получила особенное значеніе во Франціи еще и потому, что до него таможенныя пошлины находились на откупу у нѣсколькихъ частныхъ фирмъ, и только Кольберъ пре-

[1]) **Бланки. Исторія политической экономіи.** Т I, стр. 327.

вратилъ таможенное вѣдомство въ спеціальное казенное учрежденіе. Въ исторіи его покровительственной системы надо различать два тарифа: первый—болѣе умѣренный, введенный въ 1664 году, и второй—дѣйствовавшій съ 1667 года [1]). Въ тарифѣ 1664 года Кольберъ ставилъ себѣ задачею уменьшить вывозныя пошлины на предметы продовольствія и на фабричныя издѣлія королевства, понизить ввозныя пошлины на все необходимое для фабрикъ, въ томъ числѣ и на требующееся для нихъ сырье, наконецъ,—отстранить, посредствомъ повышенія пошлинъ, произведенія иностранныхъ фабрикъ. Въ тарифѣ же 1667 года ставки на всѣ товары были имъ сильно повышены, при чемъ устанавливались категоріи особенно покровительствуемыхъ товаровъ отдѣльныхъ странъ, на которыя распространялись болѣе умѣренные тарифы. Законъ 1667 г. исключилъ доступъ во Францію множества голландскихъ товаровъ и установилъ настоящіе запретительные тарифы на произведенія иностранныхъ мануфактуръ, дѣлавшіе невозможнымъ ввозъ во Францію изъ Голландіи и Англіи суконъ и полотенъ. Въ отвѣтъ на этотъ тарифъ, Голландія запретила ввозъ французскихъ винъ, водокъ и фабричныхъ издѣлій. Такимъ образомъ, началась тарифная война, которая повела за собою настоящія войны Голландіи и Англіи съ Франціей. Въ войнѣ съ Голландіей въ 1692 году, уже послѣ смерти Кольбера, Франція потерпѣла полную неудачу, при чемъ былъ истребленъ почти весь французскій военный флотъ.

Кольберъ очень хорошо понималъ, что тарифы порождали множество злоупотребленій и, поощряя фабрики, самымъ серьезнымъ образомъ стѣсняли торговлю, поэтому онъ старался ослабить ихъ вредное дѣйствіе. Инструкціи консуламъ и посланникамъ явно свидѣтельствуютъ о заботливости его въ этомъ отношеніи. Онъ предписывалъ имъ отстранять всѣ затрудненія, какія только могутъ встрѣтить французскіе негоціанты за границей, и всѣми силами охранять ихъ привилегіи. Кольберъ обратилъ также самое серьезное вниманіе на французскій торговый флотъ, который тогда находился въ зачаточномъ состояніи. По его вычисленію, морская торговля всего свѣта совершалась почти на 20-ти тысячахъ кораблей: количество же французскихъ кораблей, принимавшихъ участіе въ международномъ транспортѣ, не превышало 600. Кольберъ ежегодно

[1]) См. Onken въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Handelsverträge“.

затрачивалъ значительныя средства государственной казны на развитіе отечественнаго мореплаванія.

Въ интересахъ развитія торговли, Кольберъ задумалъ устранить всѣ внутреннія таможенныя пошлины въ самой Франціи, составлявшія привилегію феодальныхъ владѣльцевъ; но въ этомъ отношеніи онъ не успѣлъ ничего сдѣлать, и внутреннія пошлины были отмѣнены только во время французской революціи.

Въ заключеніе нужно сказать, что меркантилистическая политика Кольбера, проникнутая началами правительственной опеки и просвѣщеннаго абсолютизма, въ общемъ представляла стройный и рациональный планъ воспитанія національной промышленности и торговли, который ему удалось неустанно и систематически осуществлять въ теченіе двадцатилѣтія своего пребыванія въ составѣ министровъ Людовика XIV. Въ этой политикѣ онъ успѣлъ заинтересовать самого короля, видѣвшаго въ меркантилизмѣ могущественное орудіе политической борьбы французской короны съ соперничавшими съ нею другими державами.

Результаты политики Кольбера сказались еще въ концѣ пребыванія его у власти. Не только Франція сдѣлала быстрые успѣхи въ промышленности, но и государственные финансы были упорядочены и приведены въ равновѣсіе. Съ уходомъ Кольбера съ министерскаго поста его система была заброшена. Людовикъ XIV, не сдерживаемый болѣе въ своей расточительности вліяніемъ Кольбера, истощалъ средства казны на войны, дорогія зданія и роскошные дворцы. Тарифный законъ 1667 года привелъ къ войнамъ съ Голландіей и окончательному пораженію французскаго флота въ 1692 году. Наконецъ, Людовикъ XIV отмѣнилъ Нантскій эдиктъ о вѣротерпимости (1685 г.), вслѣдствіе чего цѣлыя массы протестантовъ—самыхъ трудолюбивыхъ элементовъ французскаго населенія, занятыхъ обрабатывающей промышленностью,—вынуждены были эмигрировать въ Англію и Германію, перенести туда и свои промышленныя занятія, усиливая такимъ образомъ за границей ряды конкурентовъ французской промышленности. Мы уже раньше говорили, какъ использовали англійскіе короли и парламентъ иностранную эмиграцію искусныхъ мастеровъ для успѣха англійской промышленности. Система Кольбера, такимъ образомъ, въ однѣхъ частяхъ была погублена, но въ отношеніи промышленнаго образованія она про-

должала развиваться и въ общемъ она оставила крупный слѣдъ въ исторіи просвѣтительныхъ французскихъ учрежденій и оказала огромное вліяніе на успѣхи всего дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія страны.

Если говорить о недостаткахъ системы, то крупную отрицательную сторону кольбертизма слѣдуетъ видѣть въ несомнѣнномъ пренебреженіи его интересами сельскаго хозяйства, логически вытекавшемъ изъ стремленія ослабить соціальное значеніе общихъ земледѣльческихъ классовъ—духовенства и дворянства [1]). Оппозиція Кольбера къ духовенству и дворянству связана была съ той исторической миссіей, которую, по условіямъ времени, должна была выполнить государственная власть, поддерживая развитіе третьяго сословія. На ряду со льготами и поощреніями для торговли и промышленности, Кольберъ издавалъ распоряженія, дѣйствовавшія прямо угнетающимъ образомъ на сельское хозяйство. Къ такого рода его указамъ относится полное запрещеніе вывоза французскаго хлѣба за границу. Какъ извѣстно, духовенство и дворянство въ началѣ новыхъ вѣковъ и до самой революціи были свободны отъ таліи и другихъ главныхъ налоговъ, ложившихся всею тяжестью на крестьянство и промышленные классы. Желая перенести часть бремени на привилегированныя сословія, Кольберъ прибѣгнулъ къ установленію косвенныхъ налоговъ, въ наше время считающихся наименѣе демократичными, которые однако, при спеціальныхъ условіяхъ того времени, давали возможность хотя отчасти привлечь къ обложенію самые зажиточные и привилегированные слои французскаго населенія.

Главнѣйшіе писатели меркантилистическаго направленія. Въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени вопросы экономической политики, какъ мы видѣли, пріобрѣтаютъ большое значеніе; правительства и монархи, стимулируемые интересами фиска и финансоваго управленія, отдаютъ имъ свое особое вниманіе. Вопросы объ иностранной и внутренней торговлѣ, о привилегіяхъ и ограниченіяхъ, о нормированіи обрабатывающей промышленности и деньгахъ особенно волнуютъ прямо заинтересованные въ нихъ слои населенія: купцовъ, цеховыя корпораціи и гильдіи. Въ то же

[1]) Оникенъ: Исторія политической экономіи, стр. 173.

время явленія экономическаго быта начинаютъ привлекать вниманіе и болѣе широкихъ общественныхъ круговъ и въ связи съ этимъ появляются писатели по экономическимъ вопросамъ. Этимъ вопросамъ удѣляютъ извѣстное вниманіе мыслители временъ германской реформаціи и писатели-гуманисты, при чемъ въ ряду темъ, выдвинутыхъ развитіемъ мѣнового хозяйства новаго времени, первое мѣсто заняла проблема о деньгахъ. И зарождающаяся экономическая наука дебютируетъ на первыхъ порахъ цѣлымъ рядомъ сочиненій о деньгахъ. По исчисленію Луиджи Косса, въ теченіе XV и XVI столѣтій по вопросу о деньгахъ было издано около 50 сочиненій, принадлежащихъ перу преимущественно итальянскихъ, а частью французскихъ и англійскихъ писателей. Съ XVI вѣка въ Англіи публика начинаетъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ экономическихъ спорахъ и полемическія статьи на экономическія темы становятся настолько многочисленны, что нѣкто Масси (Massie) въ срединѣ XVIII вѣка собралъ, круглымъ счетомъ, до 1500 такого рода брошюръ, относящихся къ періоду времени XVI и XVII в.в. и посвященныхъ вопросамъ о рыболовствѣ въ англійскихъ моряхъ, экспортной и колоніальной торговлѣ, интересамъ мануфактуръ и въ особенности вопросу о деньгахъ [1]). По этимъ вопросамъ въ литературѣ сплошь и рядомъ выступали лица, хорошо освѣдомленныя о современномъ имъ положеніи торговли и промышленности, въ томъ числѣ просвѣщенные купцы и коммерсанты, стоящіе во главѣ крупныхъ колоніальныхъ предпріятій, имѣющіе свои факторіи за границей. Экономическихъ писателей этого періода по основнымъ принципамъ ихъ воззрѣній можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) представителей теоріи денежнаго баланса, 2) представителей теоріи торговаго баланса.

Самыми выдающимися представителями *теоріи денежнаго баланса* являются англійскіе писатели Стаффордъ и Миссельденъ.

Съ именемъ *Вильяма Стаффорда* (William Stafford) долгое время связывалось замѣчательное сочиненіе въ англійской экономической литературѣ, появившееся въ концѣ XVI-го вѣка (1581 году) подъ заглавіемъ: «Краткое изслѣдованіе распространенныхъ въ наши дни среди нашихъ соотечественниковъ различ-

[1]) Каталогъ этихъ брошюръ хранится въ библіотекѣ Британскаго музея, въ Лондонѣ.

ныхъ жалобъ, изложенныхъ въ діалогической формѣ. В. С. Джентльменъ [1])». Иниціалы автора «W. S.» дали поводъ приписать это сочиненіе перу знаменитаго драматурга Вильяма Шекспира на основаніи нѣкотораго сходства въ блестящемъ слогѣ и оборотахъ рѣчи. Предпринятыя по этому предмету изслѣдованія членовъ англійскаго Шекспировскаго общества привели однако къ заключенію, что авторомъ этого выдающагося для своего времени сочиненія не могъ быть ни Шекспиръ (которому въ годъ появленія этого сочиненія было только 17 лѣтъ, род. 1564 г.), ни Стаффордъ, род. 1554 г. Въ послѣднее время высказано предположеніе (Елизаветой Ламондъ), что авторомъ этого сочиненія былъ членъ англійскаго парламента John Holes (род. 1548 г.), а Стаффордъ (по мнѣнію проф. Лезера) былъ только его издателемъ.

Стаффордъ можетъ считаться самымъ крайнимъ представителемъ меркантилистической теоріи. По его воззрѣнію, основное богатство народа составляютъ деньги или благородные металлы; поэтому, съ его точки зрѣнія, и вся экономическая политика сводится къ тому, насколько извѣстная мѣра можетъ принести деньги въ страну или лишить ея денегъ. Стаффордъ еще не подозрѣвалъ, что пропорція, въ которой обмѣниваются товары одни на другіе, обусловливается ихъ цѣнностью, и поэтому наивно жалуется, что иностранцы, ввозящіе товары въ Англію, продаютъ ихъ очень дорого, тогда какъ имъ они стоятъ очень дешево; что иностранцы умѣютъ продать привозимую ими мѣдь за такую цѣну, за какую въ Англіи можно купить серебро.

Всѣ дурныя явленія народнаго хозяйства объясняются у Стаффорда вопросомъ о деньгахъ. Англія бѣднѣетъ потому, что изъ нея увозятъ иностранцы деньги, отдавая взамѣнъ ихъ мѣдь и другіе, по его мнѣнію, мало стоящіе предметы. Далѣе онъ жалуется, что иностранцы не привозятъ въ Англію болѣе цѣнныхъ продуктовъ, какъ вино, шелкъ, ибо эти товары стоятъ и внѣ Англіи въ

[1]) Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: A Compendious or Briefe Examination of certyne ordinary complaints of divers of our countrymen in there our dayes, which allthaugh they are in some part unjust and frivolous, yet are they all by way of dialogues thoroughly debated and discussed. By W. S. Gentleman. Imprinted. 1581.—Сочиненіе это написано въ формѣ разговоровъ между представителями различныхъ классовъ народа: землевладѣльцемъ, фермеромъ, купцомъ и докторомъ богословія.

хорошей цѣнѣ, и съ горечью говоритъ, что иностранцы иногда за самые пустые товары вымѣниваютъ англійскія деньги и увозятъ ихъ изъ Англіи. Стаффордъ выражаетъ желаніе, чтобы вся Англія послѣдовала примѣру одного города въ Валлисѣ—Кармартена. Когда разъ туда прибыло съ грузомъ яблокъ судно, которое до сихъ поръ привозило хорошій хлѣбъ, то городскія власти приказали, чтобы никто не покупалъ этихъ яблокъ, подъ страхомъ большой пени. Судно долго стояло въ гавани; яблоки начали гнить и, когда, наконецъ, владѣлецъ его обратился къ городскому меру за объясненіемъ, почему запрещено жителямъ покупать привезенные фрукты, то ему отвѣчали, что, вѣдь, онъ пріѣхалъ покупать лучшіе товары въ городѣ, какъ то: шерсть, шерстяныя матеріи,—а между тѣмъ для продажи привезъ такой пустой товаръ, какъ яблоки, грузъ которыхъ можетъ быть уничтоженъ въ одну недѣлю. Пусть лучше онъ привезетъ, какъ онъ прежде дѣлалъ, солодъ и хлѣбъ, въ которыхъ страна дѣйствительно имѣетъ нужду, и тогда просятъ его пожаловать во всякое время и онъ получитъ въ городѣ право свободной торговли.

Всѣ предлагаемыя Стаффордомъ законодательныя мѣры основаны на понятіи о деньгахъ, какъ основномъ богатствѣ страны. Поэтому, по его мнѣнію, государственнымъ покровительствомъ и должны пользоваться тѣ отрасли промышленности, которыя приносятъ въ страну деньги. Но деньги приносятся въ страну только иностранной торговлей, а слѣдовательно, должны поощряться всѣ отрасли промышленности, приготовляющія предметы для заграничнаго вывоза. Между этими предметами могутъ быть сырые матеріалы для фабрикаціи, какъ шерсть, кожи и т. п. Стаффордъ возстаетъ противъ вывоза этихъ произведеній и рекомендуетъ ихъ переработку дома. Онъ совѣтуетъ наивозможно большее количество издѣлій вырабатывать внутри страны. Какъ побужденіе для этого, онъ рекомендуетъ высокія пошлины и запрещеніе ввоза иностранныхъ мануфактуръ. Онъ считаетъ нетерпимымъ болѣе современное положеніе, когда изъ англійской шерсти иностранцы дѣлаютъ матеріи, шляпы, платье и т. п., изъ англійскихъ кожъ—перчатки и пояса, изъ англійскаго олова—ложки и блюда и все это ввозятъ опять въ королевство. Покровительство и правительственное поощреніе онъ рекомендуетъ однако не для всей промышленности, такъ какъ не всѣ отрасли ея одинаково полезны. Онъ раздѣляетъ всѣхъ

промышленниковъ на три класса: нѣкоторые изъ нихъ только удаляютъ деньги изъ страны—сюда принадлежатъ торговцы колоніальными товарами, виноторговцы, модистки и т. п.; ко второму классу принадлежатъ промышленники, которые полученныя въ странѣ деньги въ ней же и тратятъ (портные, мясники, булочники), и, наконецъ, къ третьему разряду принадлежатъ фабриканты матерій и лица, обрабатывающія кожи и шерсть, которые вывозятъ деньги изъ-за границы и привлекаютъ, слѣдовательно, сокровища въ страну. Этотъ третій разрядъ промышленниковъ и заслуживаетъ особаго покровительства. Поэтому, говоря о предложеніи, недавно передъ тѣмъ сдѣланнымъ въ парламентѣ, запретить ввозъ шляпъ изъ-за границы, Стаффордъ предлагаетъ этотъ законъ распространить и на разные другіе предметы [1]).

Миссельденъ (Edward Misselden)—авторъ сочиненія «Свободная торговля, или способы сдѣлать торговлю цвѣтущей», гдѣ открыты причины ея упадка въ королевствѣ и представлены средства ихъ удалить (1622 г.).

Сочиненіе Миссельдена начинается съ выясненія всей важности и значенія торговли для государства: «Когда торговля процвѣтаетъ, королевскій доходъ увеличивается, земли и рента улучшаются, судоходство увеличивается и бѣдный людъ находитъ работу. Съ упадкомъ же торговли все это падаетъ». Переходя къ изслѣдованію причинъ, которыя обусловливаютъ слабое развитіе англійской торговли въ его время, Миссельденъ утверждаетъ, что скудость торговли происходитъ отъ недостатка денегъ въ странѣ. Подобно Стаффорду, Миссельденъ приписываетъ преувеличенное значеніе деньгамъ въ народномъ хозяйствѣ. «Какъ старый Іаковъ, —говоритъ онъ,—благословляя своихъ внуковъ, положилъ правую руку на младшаго и тѣмъ сдѣлалъ его старшимъ, такъ точно и деньги, хотя по натурѣ своей и времени явились послѣ товаровъ, однако, благодаря употребленію ихъ, заняли первое мѣсто». Причины же недостаточнаго количества денегъ въ Англіи Миссельденъ видитъ въ обильномъ вывозѣ англійскихъ денегъ въ Голландію (гдѣ курсъ ихъ выше, чѣмъ въ самой Англіи), въ Индію и другія азіатскія

---

[1]) И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Вып. 1. Періодъ меркантильный. М. 1876 г, стр. 38—49.

страны въ обмѣнъ на ввозимые товары, а также въ излишнемъ потребленіи иностранныхъ продуктовъ. Какое множество иностранныхъ товаровъ, говоритъ Миссельденъ, теперь потребляется въ Англіи: вина изъ Испаніи, Франціи и береговъ Рейна, изюмъ изъ Испаніи, коринка изъ Леванта, многія матеріи изъ Нидерландовъ, шелкъ изъ Италіи, сахаръ и табакъ изъ Вестъ-Индіи и т. д. Все это отнюдь не составляетъ необходимости, а между тѣмъ покупается на готовыя деньги, которыя иначе остались бы дома. Притоку денегъ въ страну препятствуютъ также высокія пошлины, которыми облагаются англійскіе товары за границей, напр., по словамъ Миссельдена, англійскіе купцы платятъ въ Голландіи съ тюка привозимыхъ ими шерстяныхъ матерій отъ 18 до 48 шиллинговъ, а ихъ купцы за то же ничего не платятъ при ввозѣ въ Англію. Недостатка денегъ въ странѣ, по Миссельдену, можно избѣгнуть поднятіемъ номинальной цѣны существующихъ денегъ, допущеніемъ обращенія на англійскомъ рынкѣ иностранной монеты, на ряду съ своей собственной, а въ особенности ограниченіемъ потребленія продуктовъ иностраннаго производства. Авторъ совѣтуетъ по этому поводу издать болѣе строгіе законы, особенно противъ потребленія иностраннаго табаку, ограничивъ его, по крайней мѣрѣ, виргинскимъ и бермутскимъ табакомъ, т. е. своимъ колоніальнымъ, исключивши чужой—испанскій. Другія стороны воззрѣній Миссельдена представляютъ уже замѣтный переходъ къ теоріи торговаго баланса. Онъ считаетъ не менѣе вѣрнымъ средствомъ для привлеченія денегъ въ страну развитіе производствъ, назначенныхъ для сбыта за границу, въ особенности суконныхъ мануфактуръ, которыя въ то время начали основываться въ Англіи. Для поднятія ихъ Миссельденъ совѣтуетъ, во-первыхъ, запретить вывозъ шерсти изъ Англіи и Ирландіи и, во-вторыхъ, наложить пошлины соотвѣтствующей высоты на иностранный товаръ того же рода.

Главнѣйшими представителями *теоріи торговаго баланса* были въ Англіи *Томасъ Менъ* и *Джемсъ Стюартъ*, въ Италіи—*Антоніо Серра* и *Джиновези*, во Франціи—*Монкретьянъ* и *Боденъ*, у нѣмцевъ—*Клокъ*, *Секкендорфъ* и *Шрандеръ*, въ Россіи—*Посошковъ* и *Юрій Крижаничъ*.

Мы остановимся только на воззрѣніяхъ наиболѣе типичныхъ представителей этой теоріи, а именно Т. Мена и А. Серра, такъ

какъ остальные писатели высказываютъ подобныя же воззрѣнія съ тѣми или иными модификаціями [1]).

Томасъ Менъ (Thomas Mun), писатель первой половины XVII столѣтія, считаетъ вполнѣ несостоятельною одну изъ главныхъ мѣръ системы денежнаго баланса, состоявшей въ обязательствѣ, налагавшемся на пріѣзжихъ иностранныхъ купцовъ, покупать англійскіе товары на чистыя деньги. Эта мѣра, по мнѣнію Мена, не доставляетъ государству ни одного лишняго гроша. Что принудительно добыто однимъ путемъ, должно выйти опять другимъ, такъ что при насъ останется лишь то, что выиграно и внесено въ богатство страны посредствомъ перевѣса въ торговлѣ. Обыкновенное же средство, говоритъ онъ, къ увеличенію нашего богатства и нашихъ сокровищъ есть иностранная торговля, въ которой всегда мы должны держаться того правила, чтобы ежегодно продавать иностранцамъ своихъ товаровъ на бо́льшую сумму, чѣмъ мы потребляемъ ихъ товаровъ. Обогащеніе страны и привлеченіе въ нее денегъ, по Мену, достигается единственно выгоднымъ торговымъ балансомъ. Поэтому государство должно озаботиться увеличеніемъ вывоза своихъ товаровъ и уменьшеніемъ ввоза товаровъ иностранныхъ. Съ цѣлью уменьшенія ввоза, населенію страны слѣдуетъ воздержаться отъ излишняго потребленія иностранныхъ продуктовъ въ пищѣ и одеждѣ. Надо постараться прекратить ввозъ нѣкоторыхъ необходимыхъ предметовъ, какъ ленъ, табакъ, пенька,—посредствомъ разведенія ихъ у себя. Хотя, по воззрѣнію Мена, не всякій ввозъ иностранныхъ товаровъ не выгоденъ: ввозъ иностраннаго хлопка, индиго, пряныхъ кореньевъ и т. п. для перепродажи этихъ продуктовъ другимъ странамъ есть лучшее средство къ увеличенію національнаго богатства. Этимъ путемъ, по мнѣнію Мена, разбогатѣли многія страны. Самую выгодную также торговлю Англіи составляетъ ея торговля съ Индіей. Англичане черезъ перепродажу индійскихъ товаровъ получаютъ бо́льшую выгоду, чѣмъ сами индійцы. Итакъ, Менъ, вопреки системѣ денежнаго баланса, считаетъ вывозъ денегъ изъ страны и пріобрѣтеніе взамѣнъ ихъ иностранныхъ товаровъ въ извѣстныхъ случаяхъ даже выгоднымъ. Цѣлью торговой политики остаются все-таки деньги; но онѣ, по мнѣнію Мена,

[1]) Менъ былъ крупнымъ купцомъ по торговлѣ съ восточной Индіей. Главное его сочиненіе „Трактатъ о торговлѣ Англіи съ Индіей", 1621 г.

могутъ временно пускаться въ международный оборотъ, когда это ведетъ къ большему ихъ пріобрѣтенію. Воззрѣнія Мена на деньги выдвигаютъ его какъ писателя, опередившаго господствовавшіе въ его время взгляды. Деньги, по Мену, суть мѣра для другихъ нашихъ богатствъ. Если общая мѣра измѣняется, то наши земли, дома, товары—иностранные и туземные—также должны пропорціонально измѣняться, потому что не названіе нашихъ фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ уважается, а внутренняя цѣнность нашихъ монетъ. Заслуживаетъ также вниманія для своего времени его взглядъ на отношеніе государственнаго и общественнаго интереса къ частному. Онъ различаетъ троякую выгоду: выгоду купца, выгоду государства, и выгоду короля. Первая можетъ быть произведена въ ущербъ второй и третья въ ущербъ первымъ двумъ. Напримѣръ, купецъ выигрываетъ, если продаетъ привезенные имъ товары какъ можно дороже, тогда какъ государство страдаетъ отъ излишней траты на иностранные товары. Король выигрываетъ отъ увеличенія ввоза иностранныхъ продуктовъ для мѣстнаго потребленія, такъ какъ онъ получаетъ отъ этого больше пошлинъ, въ то время какъ государство страдаетъ отъ излишней траты, а туземные купцы терпятъ отъ иностранной конкуренціи, понижающей цѣны на ихъ товары.

Воззрѣнія Мена показываютъ, что Англія въ XVII вѣкѣ далеко ушла въ экономическихъ понятіяхъ. И этотъ прогрессъ экономической мысли въ лицѣ отдѣльныхъ писателей находилъ также свое выраженіе въ общественномъ мнѣніи страны, судя по тому, что, напримѣръ, въ связи съ измѣнившимися воззрѣніями на деньги, въ 1663 г. были отмѣнены парламентомъ статуты, запрещавшіе вывозъ изъ Англіи иностранной монеты и металловъ, и предоставлена была полная свобода Остъ-Индской компаніи и частнымъ лицамъ вывозить деньги въ неограниченномъ количествѣ [1]).

Изъ современниковъ Мена видным представителемъ теоріи торговаго баланса является итальянецъ Антоніо Серра (Antonio Serra), род. около 1580 г., котораго нѣкоторые ученые считаютъ даже основателемъ теоріи торговаго баланса. Сочиненіе его, появившееся въ 1613 году, написано на чисто меркантилистическую тему: «Краткое изслѣдованіе о средствахъ пріобрѣтенія серебра и золота странами, не имѣющими собственныхъ рудниковъ» (Breve trattato delle cause,

[1]) О Мёнѣ см. Янжулъ. Свободная торговля, стр. 74—83.

che possono for abbondare li regni d'oro et d'argento dove non sovo miniere. 1613. Neapel). Чтобы страны, не имѣющія собственныхъ рудниковъ, имѣли возможность пріобрѣтать заграничное серебро и золото, для этого онѣ, по мнѣнію Серра, должны или располагать плодородною почвою или выгоднымъ торговымъ положеніемъ, какъ, напр., многіе итальянскіе города-республики, или, наконецъ, населеніе этихъ странъ должно отличаться промышленнымъ духомъ. Располагая всѣми этими или только нѣкоторыми изъ этихъ благопріятныхъ условій, страна будетъ имѣть возможность развить собственную обрабатывающую промышленность и получать иностранное золото въ обмѣнъ на свои произведенія. Подобно Мену, Серра доказываетъ безполезность запрещеній вывоза денегъ изъ страны, потому что оно вовсе не ведетъ за собою тѣхъ послѣдствій, на которыя они разсчитаны, а, напротивъ, дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на торговые обороты и торговый классъ.

Изъ другихъ писателей, сторонниковъ торговаго баланса, въ исторіи политической экономіи увѣковѣчено имя французскаго писателя *Монкретьяна* (Antoine de Montchrétien Sieur de Vatteville, род. 1575 г.) тѣмъ, что имъ впервые дано тогда еще только едва обрисовывающейся въ своемъ содержаніи экономической наукѣ названіе политической экономіи, въ его сочиненіи, озаглавленномъ: «Traité de l'économie politique», изд. въ 1615 г. Въ этомъ сочиненіи Монкретьянъ опредѣляетъ политическую экономію, какъ науку о взаимномъ отношеніи частнаго и государственнаго хозяйства. Являясь поборникомъ запрещеній и ограниченій въ области иностранной торговли, онъ, какъ истый меркантилистъ, утверждаетъ, что выигрышъ въ торговлѣ одной страны связанъ съ потерей для другой. Но по вопросу о деньгахъ онъ своими воззрѣніями приближается къ Адаму Смиту и не только не смѣшиваетъ богатства съ обладаніемъ благородными металлами, но полагаетъ, что для страны чрезмѣрное количество монеты столько же вредно, какъ и ея недостатокъ. Въ заключеніе мы должны упомянуть объ извѣстномъ писателѣ меркантилистическаго направленія конца XVIII вѣка, Джемсѣ Стюартѣ (James Steuart, 1712—1780 г.), которому принадлежитъ систематическій трактатъ по вопросамъ экономической политики, посвященный разсмотрѣнію главнѣйшихъ явленій народнаго хозяйства, какъ-то: цѣнъ, денегъ, процента, кредита, банковъ,

налоговъ и т. п. (An inquiry into the principles of political economy being an essay of the science of domestic policy in free nationes. 1767, въ 2-хъ томахъ). Эта книга пользовалась широкою извѣстностью въ концѣ XVIII вѣка, до появленія сочиненія Адама Смита.

Съ точки зрѣнія современной политической экономіи, меркантилистическая система какъ въ своихъ теоретическихъ основаніяхъ, такъ и въ ея практическомъ примѣненіи заключаетъ въ себѣ нѣсколько ошибокъ. Коренную ошибку меркантилистовъ представляютъ воззрѣнія теоретиковъ денежнаго баланса на деньги. Меркантилисты—сторонники денежнаго баланса—вообще имѣли неправильное представленіе о функціяхъ денегъ, какъ мѣрила цѣнности и орудія обращенія и обмѣна цѣнностей. Они смотрѣли на деньги какъ на основную форму богатства, обладаніе которымъ обезпечиваетъ всестороннее богатство народа. Этотъ взглядъ на деньги, вѣрный съ частнохозяйственной точки зрѣнія въ отношеніи къ богатству отдѣльнаго лица или отдѣльнаго предпріятія, совершенно ошибоченъ въ примѣненіи къ хозяйству цѣлаго народа. Опытъ показалъ, что такія страны, какъ Испанія и Португалія, въ теченіе XV и XVI столѣтій прилагавшія большія старанія для привлеченія денегъ и драгоцѣнныхъ металловъ въ эти страны и скопившія ихъ въ огромномъ количествѣ, не только не обезпечили себѣ этимъ путемъ экономическаго благосостоянія, но клонились къ постоянному упадку и разоренію, а вся масса денегъ очень быстро перешла изъ этихъ странъ въ другія, отличавшіяся высокимъ развитіемъ своей обрабатывающей промышленности и земледѣлія. Однако, и по вопросу о деньгахъ позднѣйшіе меркантилисты, сторонники теоріи торговаго баланса, какъ Менъ, Серра, Монкретьянъ и др., высказывали болѣе правильныя сужденія.

Другая часть меркантилистической системы—ученіе о мѣрахъ поднятія національной промышленности и торговли,—если исключить изъ него нѣкоторыя допущенныя меркантилистами крайности и преувеличенія, остается въ своей основѣ вѣрной до настоящаго времени. Не подлежитъ сомнѣнію, что покровительственныя пошлины могутъ быть въ извѣстные историческіе моменты желательны въ интересахъ самостоятельности страны, въ интересахъ возстановленія

лучшаго равновѣсія между различными отраслями національной промышленности. Въ особенности могутъ быть умѣстны покровительственныя пошлины, чтобы помочь какой-либо юной отрасли промышленности скорѣе пройти первоначальныя стадіи затрудненій. Покровительственная система меркантилистовъ получила новую, болѣе научную, редакцію въ протекціонистическомъ ученіи нѣмецкаго экономиста первой половины XIX столѣтія Фридриха Листа. По ученію Ф. Листа, всякая земледѣльческая страна, только что начинающая свою промышленную жизнь, въ то время какъ другія страны уже достигли значительнаго развитія обрабатывающей промышленности, нуждается для развитія зарождающейся въ ней промышленности въ особенномъ покровительствѣ государства. Правительство такой страны должно брать на себя инціативу заведенія новыхъ отраслей промышленности и въ особенности пробуждать и поощрять въ населеніи охоту къ занятію обрабатывающей промышленности, посредствомъ охраны отечественныхъ производствъ отъ иностранной конкуренціи системою таможенныхъ пошлинъ, но только до того момента, когда отечественная промышленность окончательно окрѣпнетъ. Послѣ же этого страна, по воззрѣнію Листа, должна перейти къ свободѣ торговли въ международномъ экономическомъ оборотѣ. Въ такомъ именно положеніи, на которое указываетъ Ф. Листъ, и находились въ періодъ XV — XVII вѣка западно-европейскія страны, вступившія на путь меркантилистической политики. Въ тотъ историческій моментъ протекціонистическая политика имѣла свое оправданіе и для многихъ странъ принесла свои полезные результаты. Но государства, примѣнявшія ее, не всегда соблюдали надлежащую мѣру и надлежащіе предѣлы; въ своемъ увлеченіи покровительственной политикой правительства отдѣльныхъ странъ нерѣдко жертвовали для обрабатывающей промышленности интересами земледѣлія (въ особенности Испанія и Франція) и вступили на почвѣ меркантилистическихъ счетовъ между собою въ открытую войну. Таковы промышленныя войны Франціи съ Голландіей при Людовикѣ XIV, Испаніи и Англіи при Филиппѣ II Испанскомъ. Весьма естественно, что отмѣченныя выше отрицательныя стороны меркантилистической системы должны были вызвать противъ себя реакцію въ экономической литературѣ.

Литература по исторіи меркантилистической политики. Курсы по исторіи политической экономіи Бланки и Онкена. *Adolf Held.* Zwei Bucher zur socialen Geschichte Englands. Leipzig. 1881 г. *Его же.* Carey's Socialwissenschaften und das Merkantilsystem. Wurzburg. 1866. *Адольфъ Гельдъ.* Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Спб. 1899. (Сокращенный переводъ соч. Гельда «Zwei Bücher» съ приложеніемъ его лекціи. «Ремесло и крупная промышленность»). *Ashley W. J.,* An introduction to englishe economic history and theorie. Middle ages 2 vol. London. 1894. Тоже въ русскомъ переводѣ Н. Муравьева: *І. Дж. Эшли.* Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономической теоріей. Москва 1897 г. *F. Schanz.* Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. 2 Bande 1881 г. *І. Кеннингемъ* Ростъ англійской промышленности и торговли. Ранній періодъ и средніе вѣка. Переводъ Н. В. Теплова съ 3 англійскаго изданія соч. Cannigham. «Growth of English Industrie and Commerce». М. 1904. *Арн. Тойнби.* Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи, перев. подъ редакціей А. И. Чупрова. М. 1898. *Г. Гиббинсъ.* Промышленная исторія Англіи, перев. съ 4 англ. изд. А. Каменскаго. Спб. 1898. *Т. Роджерсъ.* Исторія труда въ Англіи, перев. Каткова. *П. Виноградовъ.* Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка. Спб. 1887. *М. М. Ковалевскій.* Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. М. 1880. *G. Schmoller.* Die englische Handelspolitik des XVII und XVIII Jahrhunderts. Jahrb. fur gesetz. Verw. und Volksw. 1899. XXIII. стр. 1211.

Литература по исторіи меркантилистическихъ ученій. И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкуренціи и началъ государственнаго вмѣшательства. Вып. І. 1. Періодъ меркантильный. М. 1876. *W. Roscher.* Zur Geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre. Leipzig. 1851. *Его же.* Geschichte d. Nationalökonomie in Deutschland. Munchen. 1874. *E. Leser.* Merkantilsystem. Handworterbuch d. Staatswissenschaften. 3 Auflage. *P. Clement.* Histoire de Colbert et de son administration. 2 édit. Paris. 1875. *J. Necker.* Eloge de Colbert. 1773. *Alfred Neymarck.* Colbert et son temps. 2 vol. 1877. *E. Leser.* см. Его введеніе къ нѣмецкому переводу соч. Стаффорда. *Луиджи Косса.* Исторія политич. экономіи. Русск. пер. Кіевъ, 1900. (У Косса осо-

бенно подробно о представителяхъ меркантилистическихъ ученій въ Италіи). J. Kautz. Die geschichtliche Entwickelung d. national. Oekonomik. 1860 г., стр. 243—296.

Писатели, представлявшіе собою реакцію противъ меркантилистическихъ ученій. Въ концѣ XVII вѣка въ англійской экономической литературѣ, при господствѣ меркантилистическихъ воззрѣній, ясно обозначилось новое теченіе, характеризующееся отрицательнымъ отношеніемъ къ меркантилистической доктринѣ. Писатели, представлявшіе собою это новое теченіе, отнеслись критически къ двумъ основнымъ пунктамъ меркантилистическаго ученія: а) къ воззрѣнію меркантилистовъ на деньги и б) къ системѣ правительственной опеки по отношенію къ промышленной дѣятельности народа. Если исходными точками ученія меркантилистовъ были деньги, какъ универсальная форма народнаго богатства, и покровительственная система, какъ средство обезпеченія народу этого рода богатства, то основными принципами ученій писателей новаго направленія являются: трудъ, какъ всеобщій источникъ народнаго богатства, и свобода торговли и промысловъ, какъ условіе правильнаго развитія и процвѣтанія хозяйственной дѣятельности народа. Это новое теченіе въ экономической литературѣ, свидѣтельствуя объ извѣстномъ научномъ прогрессѣ экономической мысли, несомнѣнно, должно быть поставлено въ связь съ тѣми крупными успѣхами, которые въ концѣ XVII вѣка наблюдаются въ англійской промышленности и торговлѣ, а именно: къ этому времени нѣкоторыя отрасли англійской индустріи, въ особености производство шерстяныхъ тканей, достигли такого совершества, что дальнѣйшія мѣры покровительства, въ видѣ запретительныхъ и охранительныхъ пошлинъ, являлись не только излишними, но даже вредными, такъ какъ онѣ вызывали, въ свою очередь, запретительныя мѣры противъ ввоза англійскихъ издѣлій со стороны сосѣднихъ государствъ и тѣмъ закрывали иностранные рынки для англійскихъ товаровъ. О практической обоснованности этихъ новыхъ воззрѣній, проповѣдующихъ свободу торговли, самъ по себѣ говоритъ уже тотъ фактъ, что въ качествѣ защитниковъ этого ученія нерѣдко выступали писатели, сами бывшіе въ то же время владѣльцами крупныхъ торговыхъ предпріятій.

Представителями этого направленія являются Вильямъ Петти и Дудлей Норт.

Вильямъ Петти (William Petty)—основатель такъ называемой политической ариѳметики, авторъ цѣлаго ряда сочиненій по статистикѣ и трактата о налогахъ (A treatise of taxes and contributions, 1662). Въ своихъ воззрѣніяхъ на главнѣйшія хозяйственныя явленія, на деньги, доходъ, образованіе цѣнъ, податную систему—Петти исходитъ изъ основного положенія, что трудъ есть отецъ и начало, а земля—мать богатства. Принципъ трудового происхожденія всѣхъ богатствъ народа Петти выясняетъ на томъ объектѣ народнаго хозяйства, который у меркантилистовъ былъ затемненъ цѣлою сѣтью мистическихъ представленій, именно, на примѣрѣ денегъ. Онъ объяснилъ съ поразительною ясностью, что деньги и драгоцѣнные металлы потому только и составляютъ богатство, что они—продуктъ человѣческаго труда и что это качество у нихъ есть общее со всѣми остальными товарами. Но предоставимъ говорить объ этомъ самому Петти. «Если кто-нибудь,—говоритъ онъ,—можетъ добыть въ Перу и доставить въ Лондонъ унцъ серебра въ то же самое время, которое необходимо для производства одного бушеля зерна, то одно составитъ натуральную цѣну другого, т. е. данныя количества серебра и зерна будутъ стоять въ одной цѣнѣ; если бы, благодаря новымъ болѣе богатымъ рудникамъ, этотъ человѣкъ могъ добыть два унца серебра такъ же легко, какъ прежде одинъ, тогда бушель зерна стоилъ бы 10 шиллинговъ, если прежде онъ стоилъ 5 и если прочія обстоятельства, ceteris paribus. остались тѣ же самыя». «Далѣе,—продолжаетъ онъ,—пусть сто человѣкъ десять лѣтъ работаютъ надъ производствомъ зерна и такое же число людей и въ теченіе такого же времени занято добываніемъ серебра, то я утверждаю, что въ такомъ случаѣ чистый доходъ въ серебрѣ составитъ цѣну всего чистаго дохода въ зернѣ и равныя части одного составятъ цѣну равныхъ частей другого». Эти воззрѣнія уже далеки отъ тѣхъ, которыя высказывалъ, напримѣръ, сто лѣтъ назадъ Стаффордъ, утверждая, что Англія ежегодно тратитъ болѣе ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ на покупку у иностранцевъ совершенно пустыхъ товаровъ, не имѣющихъ никакой цѣнности. Итакъ, Петти доказалъ, что богатство народа можетъ возрастать и безъ увеличенія количества денегъ, если только

будетъ возрастать производительность народнаго труда. Петти также является однимъ изъ экономистовъ, положившихъ основаніе ученію о дифференціальной поземельной рентѣ, получившему вполнѣ законченную форму въ сочиненіяхъ Рикардо [1]).

Петти является противникомъ государственнаго вмѣшательства въ промышленную жизнь, какъ извѣстно, доведеннаго въ его время до крайности. Онъ возстаетъ противъ надѣленія привилегіями крупныхъ торговыхъ компаній какъ для иностранной торговли, такъ и для внутренней и осуждаетъ монополіи, вредъ которыхъ выражается въ томъ, что, поощряя однихъ, они при этомъ тормозятъ другія не покровительствуемыя отрасли промышленности. Но эта послѣдняя сторона воззрѣній получила болѣе полное развитіе въ сочиненіи другого англійскаго экономиста и современника В. Петти—*Додлея Норта* (Dudley North 1641—1691) [2]). Послѣдній порвалъ всѣ связи съ меркантилизмомъ и объявилъ всякое правительственное вмѣшательство вреднымъ для экономической дѣятельности народа. Нортъ, по справедливости, можетъ считаться первымъ по времени представителемъ ученія о свободѣ торговли и промышленности. Всякая нація, по Норту, располагаетъ источникомъ богатства въ формѣ той промышленности, которою она занимается; но, хотя каждая нація, по климатическимъ и другимъ причинамъ, не имѣетъ возможности производить все то, что необходимо для народнаго потребленія, однако она имѣетъ возможность получить недостающіе продукты путемъ обмѣна на произведенія своей

---

[1]) См. Карлъ Марксъ. Теорія прибавочной цѣнности. По оставшейся рукописи. „Къ критикѣ политической экономіи“, переводъ съ нѣмец. подъ редакціей В. Я. Желѣзнова“ Кіевъ, 1906 г. Стр. 3—8.

[2]) Нортъ происходилъ изъ аристократическаго рода, принадлежалъ къ лендлордской фамиліи, но, какъ второй сынъ, избралъ своей профессіей торговлю и велъ ее преимущественно на Востокѣ. Въ качествѣ владѣльца торговыхъ факторій въ Смирнѣ и Константинополѣ, онъ жилъ долгое время въ Турціи и нѣкоторое время пребывалъ въ Россіи. Въ Англіи онъ пользовался репутаціей самаго виднаго представителя торговли съ Левантомъ. Впослѣдствіи онъ занималъ въ Англіи должности таможеннаго комиссара, завѣдующаго королевскими имѣніями, и наконецъ былъ членомъ парламента. Во время его парламентской дѣятельности имъ и было издало сочиненіе „Discourses upon trade; principally directed to the cases of the interest, coinage clipping and increase of money. London. 1691. Сочиненіе это было издано для друзей въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ, затѣмъ оно было напечатано еще въ 3-хъ изданіяхъ: въ 1822 г., 1846 и 1856 годахъ (см. Handwörterbuch d. Staatswissenschaften von Conrad etc. 3 Auflage, 6 Band, стр. 918 и Янжулъ. Англійская свободная торговля, стр. 96—99).

промышленности, если не будетъ существовать какихъ-нибудь препятствій для свободы торговыхъ сношеній. Въ этомъ смыслѣ онъ и считаетъ торговлю, на ряду съ промышленностью, источникомъ національнаго богатства. Весь свѣтъ, по мнѣнію Норта, относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю или народъ, и всѣ отдѣльныя націи—всеравно какъ индивиды одного народа. Потеря торговли одной націи не составляетъ несчастья только для нея одной, но для всего свѣта, ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ общими интересами.

По отношенію къ внутренней торговлѣ и промышленности Нортъ также является сторонникомъ свободы хозяйственной дѣятельности и противникомъ монополій и привилегій, которыми правительство старалось привлечь населеніе къ нѣкоторымъ отраслямъ хозяйственной дѣятельности. Нельзя, говоритъ онъ, принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу: это можетъ принести, пожалуй, выгоду кому-нибудь, но народъ черезъ это ничего не пріобрѣтаетъ, ибо что дается такимъ образомъ одному подданному, то берется у другого. По его мнѣнію, никакіе правительственные законы не могутъ опредѣлять цѣны въ торговлѣ, которыя должны устанавливаться сами; а если такіе законы существуютъ, то составляютъ для торговли помѣху и заслуживаютъ осужденія. Свою замѣчательную книгу Нортъ заканчиваетъ слѣдующими характерными словами: вообще ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, но только миръ, трудолюбіе и свобода создали торговлю и богатство.

Къ категоріи писателей, представлявшихъ во всѣхъ отношеніяхъ реакцію противъ меркантилизма, относятся также замѣчательные французскіе экономисты-финансисты Буагильберъ и Вобанъ. Оба эти писателя своими воззрѣніями переносятъ нашу мысль къ условіямъ французскаго хозяйственнаго быта конца XVII и начала XVIII вѣка, съ его исключительною привилегированностью дворянства и духовенства, съ крайними злоупотребленіями отжившаго феодальнаго строя, при господствѣ въ то же время грубыхъ формъ меркантилистической политики. Оба эти писатели занимались въ своихъ сочиненіяхъ чисто финансовыми вопросами о способахъ обложенія болѣе выгодныхъ для государственной казны и менѣе обременительныхъ для народа, чѣмъ существовавшіе въ

современной имъ Франціи. Но точки зрѣнія, съ которыхъ названные писатели обсуждаютъ финансовое положеніе Франціи, коренным образомъ отличаются отъ меркантилистическаго ученія. Оба они исходятъ изъ принципа, что государственные финансы могутъ процвѣтать только подъ условіемъ благосостоянія народнаго хозяйства; оба они поэтому, прежде чѣмъ прійти къ окончательному выводу относительно финансовыхъ мѣропріятій, обсуждаютъ условія, при наличности которыхъ можетъ подняться экономическое положеніе французскаго народа. Въ этомъ они оба сходны. Въ чемъ же они отличаются одинъ отъ другого,—это мы сейчасъ увидимъ изъ разсмотрѣнія воззрѣній каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Буагильберъ (Pierre Boisguillebert, 1646—1714 г.) полагаетъ, что народное богатство заключается не въ деньгахъ и драгоцѣнныхъ металлахъ, но въ продуктахъ потребленія: деньги, по его воззрѣнію, не больше, какъ орудія обращенія и обмѣна. Поэтому Буагильберъ видитъ причину упадка народнаго богатства въ современной ему Франціи не въ недостаткѣ денегъ, а въ упадкѣ народнаго потребленія. Въ этомъ упадкѣ народнаго потребленія главную роль играетъ неправильная система податей, обременительныхъ гораздо болѣе вслѣдствіе неравномѣрности, съ какою онѣ распредѣляются между отдѣльными классами населенія, чѣмъ вслѣдствіе ихъ абсолютной величины. Система французскихъ податей, по Буагильберу, основана на принципѣ, что всякій платитъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше онъ имѣетъ. Во Франціи того времени привилегированныя сословія—дворянство и духовенство—или ничего не платили, или платили очень мало. Вся тяжесть податного обложенія лежала на крестьянахъ и промышленномъ классѣ. Кромѣ податей на потребленіе угнетающимъ образомъ дѣйствуютъ многочисленныя провозныя пошлины, какъ внутри страны, такъ и на ея границахъ. Въ то время во Франціи, по описанію Буагильбера, еще господствовала система внутреннихъ заставныхъ пошлинъ, дѣлавшая невозможной перевозку товаровъ на дальнія разстоянія внутри страны. Вслѣдствіе этого, когда какой-нибудь товаръ, напримѣръ, вино, перевозился изъ одной провинціи Франціи въ другую, то по пути онъ многократно оплачивался пошлинами, взимавшимися городами и владѣльцами имѣній, черезъ которыя онъ транспортировался. Это обстоятельство въ сильной степени возвышало стоимость жизненныхъ продуктовъ и

дѣлало ихъ недоступными для народнаго потребленія. Вслѣдствіе этихъ заставныхъ пошлинъ торговый обмѣнъ былъ въ высокой степени затрудненъ; бывало такъ, что одна провинція голодаетъ, когда другая, сосѣдняя съ нею, изобилуетъ разнаго рода припасами, которые не находятъ для себя сбыта. Косвенные налоги на вино, въ видѣ акциза и высокаго обложенія мѣстъ его потребленія—гостиницъ и т. п., въ общемъ достигали такого уровня, что они превосходили цѣнность самого продукта. По этой же причинѣ цѣна вина въ раздробительной продажѣ была въ двадцать разъ дороже, сравнительно съ оптовыми цѣнами. Сокращеніе потребленія, по Буагильберу, ведетъ за собою еще и другое зло—сокращеніе производства, такъ какъ никто не станетъ производить продуктовъ сверхъ того количества, для котораго онъ можетъ найти сбытъ. Въ результатѣ такого порядка вещей культура винограда въ странѣ забрасывается, земли остаются безъ обработки. Отъ этого теряетъ собственникъ земли, теряетъ кредиторъ, несетъ также потери государство, въ видѣ уменьшенія общей суммы дохода отъ налоговъ на потребленіе.

При обсужденіи финансоваго положенія Франціи Буагильберъ неоднократно выражаетъ мысль, что между всѣми отраслями народнаго хозяйства существуетъ естественная солидарность и ни одна изъ нихъ не можетъ обойтись безъ другой: земледѣліе безъ обрабатывающей промышленности и—наоборотъ. Правительственное вмѣшательство вредитъ этой солидарности, ибо правительство всегда поощряетъ одну отрасль промышленности въ ущербъ другой. Въ этомъ отношеніи въ особенности, по мнѣнію Буагильберъ, правительство было несправедливо къ земледѣлію. Оно ставило его въ стѣснительное положеніе запрещеніемъ вывоза французскаго хлѣба за границу, не замѣчая того, что уменьшеніе производства земледѣльческихъ продуктовъ неизбѣжно отражается на сокращеніи фабричнаго производства, такъ какъ лишаетъ его необходимыхъ сырыхъ матеріаловъ. Въ отдѣльныхъ теоретическихъ соображеніяхъ Буагильбера можно замѣтить зародыши современныхъ ученій о цѣнѣ и цѣнности, о поземельной рентѣ, въ смыслѣ воззрѣній Рикардо и Тюнена. Предупреждая воззрѣнія Адама Смита, Буагильберъ считаетъ хозяйственный интересъ естественнымъ стимуломъ хозяйственной дѣятельности, который приводитъ въ движеніе весь аппаратъ народнаго

хозяйства. Это, по Буагильберу, творческая сила, способная установить естественный порядокъ въ хозяйственной жизни народа, и этотъ порядокъ вполнѣ будетъ осуществленъ, если совершено отпадутъ запрещенія и ограниченія экономическаго оборота внутри страны и по возможности будутъ ослаблены и во внѣшней торговлѣ Франціи. На основаніи сужденій Буагильбера объ отдѣльныхъ явленіяхъ хозяйственной жизни, о немъ можно сказать, что онъ зналъ политическую экономію, понималъ ея смыслъ раньше, чѣмъ эта наука была признана, и даже раньше, чѣмъ она получила свое теоретическое обоснованіе въ трудахъ Адама Смита и физіократовъ. Сочиненія Буагильбера находятъ высокую оцѣнку у современныхъ видныхъ экономистовъ и часто цитируются въ изслѣдованіяхъ по важнѣйшимъ вопросамъ теоретической экономіи [1]).

Знаменитый современникъ Буагильбера, *маршалъ Вобанъ* (Vauban 1633—1707), напечаталъ въ 1695 году сочиненіе подъ заглавіемъ «Проектъ королевской десятины» (Projet d'une dime royale), въ которомъ онъ изслѣдовалъ причины упадка доходовъ французской государственной казны и выяснялъ мѣры къ ихъ поднятію, представивъ проектъ коренной реформы податного обложенія. Для насъ важны не столько предлагаемыя имъ мѣры улучшенія французскихъ финансовъ, сколько тѣ воззрѣнія въ области народнаго хозяйства, которыя онъ при этомъ выражаетъ.

Вобанъ задался вопросомъ, какими средствами можно достигнуть обогащенія государственной казны, въ концѣ разоренной непрерывными войнами, роскошной жизнью двора Людовика XIV и безпорядочнымъ состояніемъ финансоваго управленія. Сторонники меркантилистической доктрины, рѣшавшіе этотъ вопросъ, утверждали, что сдѣлать только надѣлить промышленный классъ разными привилегіями внутри страны и защитить его интересы отъ иностранной

---

[1]) Сочиненія Буагильбера изданы подъ редакціей Eugène Daire въ извѣстномъ „Collections des principaux économistes“ см. томъ—Economistes financiers du XVIII siècle. Paris. Guillaumin. 1851 года. Буагильберу принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) Le détail de la France sous le règne présent (de Louis XIV), 1697; 2) Supplément au détail de la France; 3) Factum de la France, ou moyens très faciles de rétablire les finances de l'Etat 1707; 4) Traité de la nature, culture, commerce et intérêt des grains, tant par rapport au publique qu'à toutes les conditions d'un état; 5) Cause de la rarité de l'argent et éclaircissements de mauvais raisonnements du public à cet égard, 6) Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs, ou l'on découvre la fausse idée, qui règne dans le monde à l'égard des ses trois articles.

конкуренціи посредствомъ запретительныхъ или охранительныхъ пошлинъ, чтобы тѣмъ самымъ вызвать приливъ въ страну драгоцѣнныхъ металловъ и денегъ—и богатство не только государственной казны, но и народа, этимъ будетъ обезпечено. Вобанъ, рѣшая тотъ же вопросъ, шире взглянулъ на источники народнаго богатства, чѣмъ меркантилисты. Онъ указываетъ на то, что націи, имѣющія большое изобиліе серебра и золота, сплошь и рядомъ не являются при этомъ благоденствующими и болѣе счастливыми. Таковы, напр., Персія, многія государства Америки и обѣ Индіи, восточная и западная, которыя изобилуютъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, но нуждаются въ хлѣбѣ. Истинное богатство государства, по Вобану, состоитъ въ обиліи предметовъ потребленія, которые необходимы для поддержанія жизни людей. Вмѣстѣ съ Буагильберомъ онъ исходитъ изъ воззрѣнія, что общій источникъ народнаго богатства заключается не въ золотѣ и деньгахъ, а въ народномъ трудѣ и притомъ не какого-нибудь его спеціальнаго вида, напримѣръ, прилагаемаго къ индустріи, но въ трудѣ всякаго рода, направленномъ на земледѣльческую, добывающую и обрабатывающую промышленность. Поэтому онъ считаетъ необходимымъ, чтобы государство проявляло одинаковую заботу о всѣхъ видахъ хозяйственной дѣятельности народа, а не только по отношенію къ торговлѣ и обрабатывающей промышленности, какъ полагали меркантилисты. Разъ народный трудъ является источникомъ богатства всѣхъ классовъ общества, то и государственная казна черпаетъ всѣ свои доходы изъ этого общаго и единственнаго источника. Если доходы французской казны видимо уменьшаются, то это только показываетъ, что хозяйственный трудъ націи сокращается и самъ народъ бѣднѣетъ. И Вобанъ, на основаніи своихъ многолѣтнихъ наблюденій, подтверждаетъ фактами, что въ современной ему Франціи, подъ гнетомъ феодальнаго режима, меркантилистической политики и нераціональной системы податей, народная масса доведена почти до разоренія.

Планъ податной реформы, къ которому пришелъ Вобанъ, находился въ такомъ же разладѣ съ господствовавшимъ въ то время направленіемъ экономической политики, какъ и его экономическія воззрѣнія. Въ своемъ проектѣ «королевской десятины» онъ предлагаетъ всѣ многочисленные произвольные и притѣснительные

налоги, соединенные подъ общимъ наименованіемъ талліи — налоговъ на вино и предметы потребленія (aides) и провинціальныхъ таможенныхъ пошлинъ —, замѣнить единственнымъ налогомъ, въ видѣ одной десятой части дохода, которому должны подлежать продукты земледѣлія и денежные доходы со всѣхъ видовъ имущества, домовъ, фабрикъ, съ прибыли коммерсантовъ и предпринимателей, съ жалованья и пенсій служащихъ и заработной платы рабочихъ. Въ такой равной долѣ этотъ налогъ въ пользу государства долженъ взиматься безъ исключенія со всѣхъ классовъ общества, въ томъ числѣ съ дворянства и духовенства, до тѣхъ поръ почти изъятыхъ отъ обложенія. Одно изъ существенныхъ достоинствъ такого однообразнаго налога Вобанъ видѣлъ въ простотѣ его взиманія и въ сокращеніи связанныхъ со взиманіемъ налоговъ издержекъ, тогда какъ при господствовавшей въ то время системѣ обложенія расходъ по взиманію налога часто превышалъ сумму самого налога. Вобанъ выражалъ увѣренность, что осуществленіе проекта королевской десятины въ теченіе какихъ-нибудь пятнадцати лѣтъ кореннымъ образомъ улучшитъ государственные финансы, дастъ возможность опять обратить подъ обработку много заброшенныхъ земель и поведетъ къ улучшенію земледѣльческой культуры. При этомъ онъ, какъ и Буагильберъ, высказывалъ убѣжденіе, что косвенные налоги производятъ вредное дѣйствіе на народное потребленіе и торговлю.

Вобанъ и Буагильберъ, являясь современниками, связаны были единствомъ экономическихъ воззрѣній, при чемъ Вобанъ въ своемъ проектѣ королевской десятины съ большимъ уваженіемъ ссылается на сочиненія своего современника. Буагильберъ второе изданіе своихъ сочиненій (въ 1712 г.) выпустилъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Политическое завѣщаніе маршала Вобана». Въ судьбѣ обоихъ писателей и ихъ идей было много общаго. Сочиненія ихъ были встрѣчены осужденіемъ въ высшихъ правящихъ кругахъ Франціи. Вобанъ, несмотря на глубоко патріотическій тонъ, въ которомъ написанъ его знаменитый трактатъ [1]), изъ-за него потерялъ свое выдающееся при дворѣ положеніе и до смерти оставался въ немилости короля. Его не спасла даже репутація блестящаго полководца, оказавшаго крупныя услуги своему отечеству. Буагильберъ также за свои сочиненія потерялъ свое служебное положеніе

[1]) См. введеніе автора къ „Dîme royale“.

управляющаго округомъ въ Руанѣ. Сочиненія обоихъ писателей, въ первыхъ ихъ изданіяхъ запрещенныя цензурой, не нашли признанія и въ современной имъ литературѣ и были по достоинству оцѣнены только впослѣдствіи. Повидимому, сочиненій Вобана и Буагильбера не читали выступившіе послѣ нихъ во французской экономической литературѣ физіократы. А между тѣмъ знакомство съ экономическими воззрѣніями этихъ замѣчательныхъ ихъ предшественниковъ предотвратило бы представителей физіократической школы отъ нѣкоторыхъ важныхъ ошибокъ, которыя они внесли въ экономическую литературу, вмѣстѣ съ цѣлымъ цикломъ новыхъ и важныхъ научныхъ истинъ.

Школа физіократовъ.

Школа физіократовъ является органическимъ продуктомъ французской исторіи второй половины XVIII вѣка. Она соединена многочисленными нитями какъ съ условіями экономическаго быта, такъ и съ умственнымъ теченіемъ, господствовавшимъ въ эту пору во Франціи.

Появленіе физіократической школы относится къ этому времени, когда абсолютная королевская власть, какъ представительница государственнаго единства, окончательно восторжествовала надъ феодальными баронами, между которыми до того времени была подѣлена территорія Франціи. Владѣльцы феодальныхъ замковъ къ XVIII вѣку потеряли свои государственныя прерогативы, которыя они должны были уступить французской коронѣ; феодальный классъ становится въ ряды дворянства, ищетъ милости и благоволенія монарха и сливается съ жизнью королевскаго двора. Но феодализмъ во второй половинѣ XVIII вѣка былъ ликвидированъ только какъ политическая система и всецѣло еще господствовалъ въ сферѣ соціально-экономическихъ отношеній. Во Франціи въ это время существовало въ неприкосновенномъ видѣ крѣпостное право, со сложною зависимостью крестьянъ отъ помѣщиковъ и отъ государственнаго фиска, съ массою барщинныхъ обязательствъ, повинностей и мѣстныхъ феодальныхъ податей. Въ области обрабатывающей промышленности все еще господствовало цеховое устройство, съ его

мелочной регламентаціей, ограниченіями и монополіями, до чрезвычайности стѣснявшими свободу хозяйственной дѣятельности и выбора занятій для лицъ, искавшихъ приложенія своего труда. Въ то же время торговля и экономическій оборотъ во Франціи были до крайности стѣснены меркантилистической политикой государства. Наконецъ, финансовая система французскаго государства, съ ея изъятіями отъ обложенія привилегированныхъ и единственно зажиточныхъ классовъ—духовенства, дворянства и высшаго чиновничества,—основанная на исключительномъ обложеніи низшихъ классовъ, также являлась крупнымъ пережиткомъ феодализма, вносившимъ сильное разстройство въ хозяйственный бытъ Франціи. Къ этому надо прибавить, что злоупотребленія феодальнымъ режимомъ въ XVIII вѣкѣ въ экономическомъ быту Франціи со стороны помѣщиковъ, собственниковъ цеховыхъ фирмъ и сборщиковъ государственныхъ податей приняли колоссальные размѣры и явились затѣмъ неисчерпаемою темою историковъ французской революціи, рисовавшихъ безотрадную, тяжелую картину разоренія французскаго крестьянства того времени подъ гнетомъ феодальныхъ повинностей и общаго экономическаго упадка страны. Маршалъ Вобанъ утверждалъ, что въ его время, т. е. въ началѣ XVIII вѣка, почти одна десятая часть французскаго народа доведена до нищенства и дѣйствительно живетъ подаяніемъ; изъ девяти другихъ частей населенія—пять находится въ положеніи, при которомъ они не могутъ подавать милостыни нуждающимся, такъ какъ сами пребываютъ въ состояніи, близкомъ къ нищенскому, а изъ четырехъ остальныхъ частей три находятся въ очень стѣснительномъ положеніи и опутаны долгами и процессами. Остальную десятую часть населенія составляютъ свѣтская и духовная знать, высшіе военные служащіе, зажиточные купцы и рантье, всего около 100 тысячъ семействъ, но изъ нихъ только относительно 10 тысячъ семействъ можно сказать, что они живутъ въ полномъ довольствіи [1]). Государство не могло прійти на помощь населенію своими матеріальными средствами, такъ какъ государственная казна была обременена неоплатными долгами, а именно: въ годъ смерти Людовика XIV государство имѣло долговъ 3,460 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ на 3 милліарда займовъ было сдѣлано послѣ смерти Кольбера. Уплата процентовъ по нимъ требовала ежегоднаго

[1]) Dîme royale, изд. Daire, стр. 36.

расхода въ 89 мил., тогда какъ весь годовой доходъ казны простирался только до 68 мил. франковъ. Это положеніе вещей еще болѣе ухудшилось ко второй половинѣ XVIII вѣка. Отмѣчая общій экономическій упадокъ страны и обнищаніе крестьянства, выдающіеся писатели этой поры связывали эти явленія съ господствомъ феодальныхъ порядковъ въ соціальномъ строѣ современной имъ Франціи. Буагильберъ и Вобанъ въ своихъ сочиненіяхъ изображали весь вредъ, наносимый хозяйственному благосостоянію Франціи пережитками феодальнаго режима въ сферѣ соціально-экономическихъ отношеній и ея гибельной финансовой системы, господствовавшей затѣмъ безъ значительныхъ измѣненій до самой французской революціи. Физіократическая школа, въ лицѣ ея многочисленныхъ представителей, протестовала противъ того же порядка вещей. Физіократы являлись непримиримыми противниками феодальныхъ правъ и привилегій, стѣснявшихъ сельское хозяйство и земледѣльцевъ, цеховыхъ монополій и устарѣвшей системы государственнаго хозяйства. Въ особенности они стали въ рѣзкую оппозицію противъ ученія меркантилистовъ, въ которыхъ система регламентацій, стѣсненій и монополій находила свое видимое принципіальное оправданіе въ глазахъ современнаго общества. Протестъ противъ меркантилистической политики и государственнаго вмѣшательства въ сферу экономическихъ отношеній находилъ свою опору въ томъ широкомъ умственномъ движеніи, которое во второй половинѣ XVIII вѣка охватило широкіе круги французскаго общества и нашло свое выраженіе въ сочиненіяхъ Вальтера, Монтескье, Ж. Ж. Руссо и въ ученіяхъ энциклопедистовъ.

Бываютъ въ исторіи человѣчества эпохи, когда одна какая-нибудь идея овладѣваетъ всѣми направленіями человѣческой мысли. Такой идеей въ половинѣ XVIII вѣка въ Франціи было ученіе о естественномъ правѣ. Въ религіи съ первыхъ вѣковъ христіанства господствовала теоретическая догма, которая представляла всѣ явленія міровой жизни, какъ управляемыя особыми законами, вложенными въ нихъ божественной мудростью, преслѣдующей одну цѣль осуществленія возможно большаго блага на землѣ (Божественное государство Августина Блаженнаго). Эта догма въ рукахъ свѣтскихъ ученыхъ преобразована была въ особое ученіе о естественномъ порядкѣ въ общественныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, образо-

валась особая общественная теорія естественнаго права (jus naturae). Въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ эту теорію во всѣхъ отрасляхъ знанія: въ общественной философіи, въ политикѣ, въ правѣ и, наконецъ, въ политической экономіи. Какъ политическая система, ученіе о естественномъ правѣ представляло человѣческое общество состоящимъ изъ совокупности отдѣльныхъ личностей, имѣющихъ равныя потенціальныя права свободы дѣйствій, слова и общественной самодѣятельности. При отсутствіи внѣшняго гнета, соединеніе людей въ общество, по теоріи естественнаго права, должно выразиться въ свободномъ договорѣ или контрактѣ, гарантирующемъ общественный порядокъ, при которомъ получатъ свое естественное осуществленіе всѣ потенціальныя права личности. Предметомъ договора должно быть ограниченіе свободы отдѣльныхъ лицъ, насколько это необходимо въ интересахъ общежитія, при чемъ роль всякаго существующаго правительства сводится къ охранѣ исполненія общественныхъ договоровъ. Съ точки зрѣнія теоріи естественнаго права, свободное осуществленіе каждымъ индивидомъ своихъ личныхъ правъ въ обществѣ, при условіи защиты государствомъ соціальныхъ договоровъ, и должно было привести къ господству естественнаго порядка.

Жанъ-Жакъ Руссо сдѣлалъ ученіе о естественномъ правѣ могущественнымъ средствомъ для нападенія на существующій строй общественныхъ отношеній. Одна группа мыслителей, во главѣ съ Руссо, направляла эту теорію противъ искусственныхъ манеръ и нравовъ общества, другая— противъ современныхъ политическихъ учрежденій (Монтескье, Гюго Гроцій). Вольтеръ, находившійся подъ вліяніемъ той же теоріи, въ своихъ сочиненіяхъ протестовалъ противъ всѣхъ переживаній средневѣковой католико-феодальной старины, представлявшихъ изъ себя посягательство на индивидуальную свободу. Физіократы примѣнили теорію естественнаго права къ критикѣ экономическихъ отношеній и меркантилистической политики государства. При этомъ ученіе о естественномъ правѣ во всѣхъ сферахъ общественной мысли и литературы соединялось съ проповѣдью отмѣны феодальныхъ учрежденій, подавлявшихъ человѣческую личность.

Такимъ образомъ, школа физіократовъ была только одною частью этого умственнаго и освободительнаго движенія, пріуроченнаго къ области хозяйственныхъ явленій. Она раздѣляла общія воззрѣнія Руссо и энциклопедистовъ, но прилагала ихъ къ объясненію порядка, господ-

ствующаго въ сферѣ общественно-хозяйственныхъ отношеній. Она полагала, что въ основѣ хозяйственныхъ явленій лежитъ глубокій внутренній порядокъ, который поддерживается непреложными естественными законами, вытекающими изъ условій физической и нравственной природы человѣка и его отношеній къ внѣшнему міру. Съ этимъ порядкомъ должны сообразоваться какъ отдѣльныя лица, такъ и правительства, если они желаютъ, чтобы ихъ практическія мѣропріятія достигали предположенной ими цѣли. Задача науки, по воззрѣніямъ физіократовъ, заключается не въ томъ, чтобы изобрѣтать законы: наука должна открыть естественный порядокъ, лежащій въ основѣ экономическихъ отношеній, при чемъ физіократы думали, что этотъ естественный порядокъ самъ собою клонится къ благу людей и является наиболѣе выгоднымъ для человѣческаго рода. Выясняя сущность этого естественнаго порядка въ хозяйственной жизни, они признавали, что коренными основами его являются: институтъ частной собственности и личный интересъ каждаго отдѣльнаго лица, заставляющій его стремиться къ достиженію возможно большей выгоды посредствомъ возможно меньшихъ издержекъ. Они полагали, что если въ хозяйственномъ быту каждый будетъ слѣдовать для достиженія своихъ хозяйственныхъ цѣлей тому пути, который найдетъ для себя наиболѣе выгоднымъ, то этимъ будетъ обезпечено и экономическое благополучіе всего общества. Но это можетъ имѣть мѣсто только при томъ условіи, если въ странѣ будетъ осуществлена свобода хозяйственной дѣятельности. Поэтому физіократы были сторонниками невмѣшательства государства въ хозяйственный бытъ и выражали требованіе полной свободы экономическаго оборота, формулированное ими въ извѣстномъ изреченіи: «Laissez faire, laissez passer». Физіократы пошли еще дальше воззрѣнія, господствовавшаго въ древности и въ средніе вѣка, по которому земледѣліе признавалось важнѣйшимъ и привилегированнымъ занятіемъ. Они считали источникомъ всякаго народнаго богатства трудъ, прилагаемый къ земледѣлію, такъ какъ они предполагали, что только въ одной этой отрасли народнаго хозяйства даровыя силы природы работаютъ вмѣстѣ съ человѣкомъ надъ созданіемъ экономическихъ благъ. Поэтому они полагали, что только въ одномъ земледѣліи, сверхъ всѣхъ издержекъ производства, получается чистый доходъ (le produit net). Въ другихъ же отрасляхъ хозяйства, въ томъ числѣ въ обрабатывающей промышленности,

трудъ, затраченный на производство, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, приноситъ въ цѣнности продукта только воспроизведеніе издержекъ производства, которыя несетъ человѣкъ въ видѣ предметовъ, потребляемыхъ имъ въ теченіе работы, а также использованныхъ матеріаловъ и орудій производства, но сверхъ возвращенія этихъ затратъ никакого чистаго дохода не получается.

Физіократы признавали какъ реальный фактъ обыденной жизни, что путемъ торговой и мануфактурной дѣятельности можно пріобрѣтать значительныя богатства, но, по ихъ мнѣнію, богатство это собирается или путемъ сбереженія въ продуктахъ, потребляемыхъ въ теченіе производства, или благодаря дешевой покупкѣ сырья и дорогой продажѣ обработанныхъ продуктовъ, что бываетъ въ тѣ моменты, когда рыночныя цѣны стоятъ особенно благопріятно для промышленныхъ классовъ. Главнымъ же средствомъ накопленія богатства для торгово-промышленнаго класса являются промышленныя привилегіи и монополіи, которыя, вынуждая землевладѣльцевъ высоко оплачивать продукты обрабатывающей промышленности, такимъ образомъ переносятъ бо́льшую часть чистаго дохода отъ земледѣлія въ руки торговаго и промышленнаго класса. Итакъ, единственнымъ источникомъ всего народнаго богатства остается чистый доходъ отъ земледѣлія. Онъ доставляетъ авансы для всѣхъ промышленныхъ производствъ, онъ же составляетъ и единственный фондъ, на счетъ котораго содержатся всѣ общественные классы, посвящающіе себя занятію науками, искусствами, государственными дѣлами или обслуживанію религіознаго культа. Земледѣліе же является единственнымъ источникомъ, изъ котораго черпаетъ свои доходы государство въ видѣ налоговъ.

Сообразно своему воззрѣнію на источники дохода физіократы оцѣнивали и роль разныхъ классовъ, участвующихъ въ хозяйственной дѣятельности. Такъ какъ земледѣліе приноситъ чистый доходъ, то поэтому, они считали классъ, занятый земледѣліемъ, производительнымъ; классы же, занимающіеся переработкой продуктовъ и перемѣщеніемъ товаровъ, они называли непроизводительными (stériles, stipendiers), т. е. ничего не прибавляющими къ богатствамъ народа, но живущими на счетъ дохода класса земледѣльческаго.

Изъ этихъ теоретическихъ воззрѣній вытекали практическіе выводы, къ которымъ пришла физіократическая школа. Одно изъ основныхъ ея требованій заключалось въ томъ, чтобы земледѣліе было

особенно покровительствуемою правительствомъ отраслью производства. Это требованіе однако не стояло въ противорѣчіи съ проповѣдуемымъ ею принципомъ государственнаго невмѣшательства. По воззрѣнію физіократовъ, это покровительство должно быть направлено на устраненіе тѣхъ тормозовъ земледѣлія, которыми въ тогдашней Франціи являлись барщинныя повинности, стѣсненія внутренней хлѣбной торговли и запрещеніе вывоза хлѣба за границу. Въ тѣхъ же видахъ содѣйствія земледѣлію, физіократы требовали, чтобы была представлена всѣмъ классамъ общества полная свобода промысловъ; а для этого должны быть отмѣнены цехи и монополіи, дѣлавшіе промышленныя занятія привилегіей одной части населенія и затруднявшіе доступъ къ нимъ для большинства народа. Физіократы требовали устраненія всѣхъ препятствій, тормозившихъ свободу торговли, а также уничтоженія внутреннихъ и внѣшнихъ таможенныхъ пошлинъ. Какъ въ свободѣ торговли, такъ и въ свободѣ промысловъ физіократы видѣли прямое поощреніе земледѣлія, ожидая, что конкуренція массы лицъ, которыя будутъ имѣть возможность принять участіе въ этихъ занятіяхъ, понизитъ цѣны продуктовъ обрабатывающей промышленности до такого уровня, при которомъ промышленно-торговый классъ будетъ получать при обмѣнѣ обработанныхъ произведеній только то, что̀ ему принадлежитъ, т. е. издержки производства, между тѣмъ какъ въ силу привилегированности обрабатывающей промышленности цѣны на ея продукты всегда бываютъ, по мнѣнію физіократовъ, такъ высоки, что поглощаютъ и часть чистаго дохода земледѣльца.

Изъ ученія о чистомъ доходѣ въ земледѣльческомъ производствѣ физіократы выводили и свой принципъ финансоваго обложенія. Государственныя подати, въ какой бы формѣ и изъ какого бы класса общества они ни взимались, имѣютъ одинъ и тотъ же основной фондъ, заключающійся въ чистомъ доходѣ отъ земледѣлія; поэтому наилучшею системою податей физіократамъ представлялась та, при которой правительство будетъ взимать налоги изъ самаго первоначальнаго источника народнаго дохода, т. е. съ земледѣлія. Минуя же этотъ источникъ и облагая другія отрасли производства, правительство достигаетъ той же цѣли, но болѣе окольными путями, ибо все то, что̀ оно собираетъ въ видѣ налоговъ съ торговаго и промышленнаго классовъ, въ послѣднемъ счетѣ является частью чистаго

дохода отъ земледѣлія, но перешедшаго разными косвенными путями въ собственность промышленниковъ. Поэтому современная система податей до чрезвычайности увеличиваетъ издержки по взиманію налоговъ. Такимъ образомъ, физіократы стояли за единый налогъ на земледѣліе и освобожденіе отъ налоговъ торговой и фабричной промышленности. Кромѣ того, они предлагали уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ на потребленіе. Послѣдняго рода налоги они считали особенно вредными, въ виду тенденціи ихъ сокращать потребленіе продуктовъ земледѣлія, что влечетъ за собою уменьшеніе спроса и паденіе цѣнъ на земледѣльческія произведенія.

Съ болѣе частными подробностями физіократическаго ученія мы познакомимся изъ слѣдующаго изложенія воззрѣній главнѣйшихъ представителей этой школы.

Основателемъ физіократическаго ученія былъ врачъ Франсуа Кене (François Quesnay, род. 1694 г., ум. 1774 г.). Онъ былъ сынъ мелкаго землевладѣльца; дѣтство и юность провелъ въ деревнѣ, затѣмъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и получилъ медицинское образованіе въ хирургической академіи. Какъ авторъ спеціальныхъ сочиненій по медицинѣ и, между прочимъ, о вредѣ кровопусканія Кене занялъ видное мѣсто въ ученомъ мірѣ и былъ избранъ на должность секретаря Парижской хирургической академіи. Его извѣстность какъ практическаго врача и хирурга открыла ему доступъ въ аристократическіе круги: на 55 году жизни онъ получилъ мѣсто придворнаго врача мадамъ Помпадуръ и почти всю свою остальную продолжительную жизнь провелъ въ небольшой квартирѣ надъ ея помѣщеніемъ при Версальскомъ дворцѣ. Кене перешелъ къ занятіямъ экономическими науками, когда ему было уже 56 лѣтъ. Обстоятельства его личной жизни имѣли рѣшающее вліяніе на направленіе его экономическихъ ученій. Кене родился и выросъ въ деревнѣ и издѣтства пріобрѣлъ богатый запасъ наблюденій надъ тѣми стѣснительными условіями, въ которыхъ находилось современное ему земледѣліе, вслѣдствіе тяжести повинностей, лежавшихъ на крестьянскомъ классѣ, и стѣсненій свободы хозяйственныхъ занятій. Изъ своего пребыванія въ деревнѣ Кене вынесъ глубокое сочувствіе къ тяжелому положенію крестьянскаго класса, угнетеннаго феодальнымъ режимомъ. Медицинскія занятія Кене также имѣли большое вліяніе на складъ его экономическихъ воззрѣній. Наблюдая законо-

мѣрность физическихъ явленій, онъ пришелъ къ мысли, что и хозяйственная жизнь народа подчинена опредѣленнымъ законамъ. Знакомство съ энциклопедистами, развивавшими тѣ же идеи въ примѣненіи ко всѣмъ общественнымъ отношеніямъ, также не могло не оказать вліянія на направленіе экономическихъ воззрѣній Кене.

Первыя статьи Кене по экономическимъ вопросамъ (Fermiers въ 1756 г. и Graines въ 1757 г.) появились въ большой энциклопедіи Д'Аламбера, подписанныя именемъ его сына (Quesnay fils). Главное сочиненіе Кене, подъ заглавіемъ: «Экономическая таблица» (Tableau économique),—появилось въ свѣтъ въ 1758 году. Въ этомъ сочиненіи Кене въ первый разъ изложилъ свое ученіе о чистомъ доходѣ отъ земледѣлія, послужившее, такъ сказать, символомъ вѣры для всей физіократической школы. Экономическая таблица Кене есть не что иное, какъ объясненіе на одномъ гипотетическомъ примѣрѣ основной идеи физіократическаго ученія, что только одно земледѣліе доставляетъ чистый доходъ, другія же отрасли промышленности ничего не прибавляютъ къ народному богатству, а воспроизводятъ лишь стоимость затраченнаго въ нихъ труда и капитала. Чистый доходъ отъ земледѣлія, по ученію Кене, является единственнымъ источникомъ, на счетъ котораго содержатся классы, посвящающіе себя занятію другими отраслями промышленности. «Экономическая таблица», напечатанная въ первомъ изданіи 1758 г. только въ нѣсколькихъ оттискахъ, была затѣмъ утеряна, но въ 1890 г. она была случайно найдена австрійскимъ ученымъ Стефаномъ Бауэромъ во французскомъ національномъ архивѣ, между бумагами Мирабо старшаго, и издана въ 1894 году, по поводу двухсотлѣтія со дня рожденія Кене, Британской экономической ассоціаціей. До этого времени содержаніе «Экономической таблицы» было извѣстно по изданію Мирабо, въ видѣ прибавленія къ его «L'ami des hommes» (Tableau économique avec ses explications 1760 г.) и въ его Eléments de la philosophie rurale, 1767 г. а также изъ послѣдующаго сочиненія Кене «Analyse du tableau économique (1766 г.). Изъ другихъ сочиненій Кене заслуживаютъ особеннаго вниманія два слѣдующія, легшія въ основаніе ученія физіократической школы, а именно: 1) «О естественномъ правѣ» (Le droit naturel) и 2) «Правила экономическаго управленія государствомъ» (Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole). Въ сочиненіи о естественномъ правѣ Кене

доказываетъ, что человѣкъ въ хозяйственной области имѣетъ извѣстный кругъ потенціальныхъ правъ, каковы, напримѣръ: право на результаты своего труда и свободу дѣятельности, право мыслить и выражать свои мысли въ словѣ и въ письмѣ, право въ случаѣ бѣдности на вспомоществованіе. Но степень фактическаго пользованія этими правами зависитъ отъ совершенства общественнаго устройства. Въ первобытныхъ обществахъ естественныя права цѣлыхъ массъ людей узурпируются грубою силою незначительнаго меньшинства. На послѣдующихъ стадіяхъ историческаго развитія насиліе и господство одной части общества надъ другой мало-по-малу уступаютъ мѣсто общественному договору и соглашенію между людьми. Общественныя отношенія, основанныя на договорѣ, приближаются къ тому порядку, который Кене называетъ естественнымъ, когда всѣ потенціальныя права людей получаютъ свое признаніе и защиту. Задача правительства заключается въ томъ, чтобы создать такую систему учрежденій и законодательства, которыя представляли бы наибольшую защиту естественныхъ правъ человѣка. Въ этомъ и будетъ состоять господство естественнаго порядка, который явится самымъ выгоднымъ какъ для суверена, такъ и для самого общества.

Въ сочиненіи «Правила экономическаго управленія государствомъ» Кене старается доказать, что правительство, для того чтобы утвердить господство естественнаго порядка въ народномъ хозяйствѣ, должно оказывать всевозможное покровительство той отрасли труда, которая является единственнымъ источникомъ богатства, т. е. земледѣлію, а покровительство это должно выражаться въ осуществленіи свободы экономическаго оборота и въ установленіи единаго налога съ чистаго дохода отъ земледѣлія. Въ томъ же сочиненіи Кене развиваетъ мысль, что монархическая форма правленія болѣе всего соотвѣтствуетъ естественному порядку въ общественной жизни, такъ какъ при ней легче всего можетъ быть достигнуто фактическое равенство всѣхъ передъ закономъ. При всѣхъ другихъ формахъ правленія, неизбѣжно господство одного класса или сословія надъ другимъ.

Если Кене былъ основателемъ школы физіократовъ, то Мирабо старшій, отецъ знаменитаго оратора первой французской революціи, являлся первымъ преданнымъ ученикомъ Кене и организаторомъ самой школы. Въ своемъ фанатическомъ преклоненіи передъ идеями

учителя онъ необычайно высоко цѣнилъ значеніе его экономической системы. «Начиная съ сотворенія мира,—писалъ Мирабо,—три великія изобрѣтенія, главнымъ образомъ, содѣйствовали упроченію политическихъ обществъ. Первымъ изобрѣтеніемъ является изобрѣтеніе письма, которое одно только дало возможность человѣку передавать въ неизмѣнномъ видѣ его договоры, лѣтописи и открытія. Вторымъ открытіемъ является изобрѣтеніе денегъ, которое послужило связующимъ звеномъ въ международныхъ отношеніяхъ цивилизованныхъ обществъ. Третьимъ изобрѣтеніемъ является экономическая таблица, которая, будучи результатомъ двухъ предшествующихъ открытій, дополняетъ ихъ, совершенствуя ихъ объектъ; только наше потомство въ состояніи будетъ воспользоваться плодами этого великаго современнаго открытія». Мирабо организовалъ кружокъ лицъ, раздѣлявшихъ физіократическія ученія и объединенныхъ претомъ передъ учителемъ, уваженіе къ которому онъ поднялъ своею высокою оцѣнкою его научныхъ заслугъ. Послѣдователи Кене величали его то европейскимъ Конфуціемъ, то современнымъ Моисеемъ, то величайшимъ геніемъ нашего времени. Кружокъ Мирабо, собиравшійся въ присутствіи Кене, посвящалъ свои засѣданія обсужденію экономическихъ вопросовъ, пропагандировалъ физіократическое ученіе въ цѣломъ рядѣ предпринимавшихся имъ періодическихъ изданій и вербовалъ новыхъ учениковъ и сторонниковъ школы. Изъ этого кружка вышли почти всѣ видные представители физіократической школы: Дюпонъ де Немуръ (Dupon de Nemour, род. 1734 г., ум. 1817 г.), аббатъ Бодо (L'abbé Baudeau, 1730—1792 г.), Мерсье де ла Ривьеръ (Mercier de la Rivière), Летронъ (Le Trosne, 1720—1780), Сенъ-Перави (Saint Peravy, 1739—1789), Абейль (Abeille 1719—1807) [1]). Но съ появленіемъ физіократовъ во Франціи пробудился такой повышенный интересъ къ экономическимъ вопросомъ, что, кромѣ приведенныхъ именъ, можно бы

[1]) Названіе ученія Кене физіократіей и физіократической системой впервые встрѣчается въ общемъ оглавленіи собранія сочиненіи Кене, изданнаго въ 1767 году Дюпонъ де Немуромъ подъ титуломъ: „*Physiocratie*, ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humaine“, въ 2 томахъ Оикенъ предполагаетъ, что названіе физіократія (т. е. ученіе о господствѣ законовъ природы) дано самимъ Кене, извѣстнымъ своимъ пристрастіемъ къ греческому языку и литературѣ Отсюда Кене и его послѣдователи и получили въ современномъ имъ обществѣ названіе физіократовъ, или сторонниковъ господства природы, хотя сами они обыкновенно называли себя „экономистами“ или „экономистами-философами“ (Philosophes-économistes)

назвать многихъ другихъ лицъ, писавшихъ въ духѣ физіократическаго ученія. Раздѣляя взгляды учителя, что одна только абсолютная монархическая власть можетъ съ успѣхомъ осуществить «естественный порядокъ» въ хозяйственной жизни, представители физіократической школы съ большимъ рвеніемъ предлагали свои услуги въ качествѣ совѣтниковъ по управленію государствомъ современнымъ имъ европейскимъ монархамъ. Мирабо и Дюпонъ де Немуръ, въ качествѣ экономистовъ-экспертовъ, одновременно пользовались большимъ расположеніемъ маркграфа баденскаго, короля шведскаго Густава III, Леопольда II, великаго герцога тосканскаго, а впослѣдствіи императора австрійскаго, Станислава, короля польскаго и др. Мерсье де ла Ривьеръ, снабженный рекомендательнымъ письмомъ Вольтера, ѣздилъ съ особой миссіей отъ физіократовъ къ императрицѣ Екатеринѣ II. Въ связи съ этими отношеніями къ физіократамъ, многія коронованныя особы сами предпринимали въ своихъ государствахъ реформы для облегченія крестьянскаго класса, а Карлъ Фридрихъ, герцогъ баденскій, выступилъ даже въ качествѣ автора сочиненія, представляющаго собою очеркъ физіократическаго ученія (Abrége de l'économie politique).

Послѣ Кене однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей физіократической школы былъ извѣстный писатель по экономическимъ вопросамъ и государственный дѣятель Франціи, Тюрго, хотя среди послѣдователей этой школы онъ занималъ совершенно особое и независимое положеніе. Онъ раздѣлялъ общее ученіе физіократовъ о чистомъ доходѣ отъ земледѣлія, о единомъ налогѣ, но онъ былъ чуждъ многихъ крайностей физіократической школы и упрекалъ ее въ сектантствѣ. Въ то же время Тюрго былъ сторонникомъ воззрѣній Гурне, выступившаго, какъ практическій дѣятель, поборникомъ принциповъ свободы хозяйственной дѣятельности.

Тюрго получилъ духовное образованіе, но, по окончаніи парижской Сорбонны, отказался отъ духовной карьеры и поступилъ на гражданскую службу. Въ то же время, съ первыхъ шаговъ своей служебной дѣятельности, Тюрго выступилъ какъ писатель по экономическимъ вопросамъ. Изучая англійскихъ экономистовъ Чайльда, Кантильона, онъ перевелъ на французскій языкъ сочиненіе Іосіи Туккера (Tucker) подъ заглавіемъ: «Questions importantes sur le commerce». Въ своихъ раннихъ произведеніяхъ онъ излагалъ идеи

Гурне о свободѣ промышленности и торговли (статьи въ энциклопедіи Дидеро—Foires, Fondation).

Въ лицѣ Тюрго физіократическая доктрина нашла своего поборника въ области ея практическаго приложенія къ самой жизни. Состоя сначала въ качествѣ интенданта французской провинціи Лиможъ (1771—1774 г.), а затѣмъ министра финансовъ (1774—1776 г.), Тюрго направлялъ всю свою дѣятельность на устраненіе средневѣковыхъ хозяйственныхъ учрежденій, какъ-то: цеховыхъ привилегій (jurandes), барщинныхъ повинностей, внутреннихъ таможенъ и т. п.

Эдикты, изданные Тюрго, обличаютъ въ немъ столько же человѣка доктрины, сколько и широкій государственный кругозоръ. Въ этихъ эдиктахъ Тюрго не опускаетъ случая выяснить новое экономическое ученіе и въ то же время даетъ ему практическое примѣненіе. Мотивы къ его эдикту объ уничтоженіи цеховъ приводитъ Адамъ Смитъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ «О богатствѣ народовъ», какъ лучшее обоснованіе принципа свободы хозяйственной дѣятельности. Подъ вліяніемъ ученія о чистомъ доходѣ его дѣятельность однако не вылилась въ форму исключительнаго покровительства земледѣлію. Въ качествѣ государственнаго дѣятеля, Тюрго относился съ одинаковой заботливостью ко всѣмъ классамъ народа и ко всѣмъ отраслямъ народнаго хозяйства. Эдикты, изданные Тюрго, проникнуты полнымъ пониманіемъ духа времени, сознаніемъ настоятельности перемѣнъ и въ то же время искреннимъ гуманизмомъ и любовью къ народу. Насколько однако эти чистыя намѣренія Тюрго шли въ разрѣзъ съ настроеніемъ правящихъ круговъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ слова короля Людовика XV, «что во всей Франціи только онъ да Тюрго любятъ французскій народъ». Если бы Тюрго имѣлъ возможность настолько оставаться у власти, чтобы провести свою программу экономическихъ реформъ, то съ увѣренностью можно сказать, что французская революція со всѣми ея крайностями не имѣла бы мѣста. Но, вслѣдствіе придворной интриги, Тюрго получилъ отставку въ тотъ моментъ, когда онъ приступалъ къ самымъ важнымъ частямъ задуманнаго имъ плана реформъ.

Значеніе Тюрго въ исторіи политической экономіи основано, главнымъ образомъ, на его замѣчательномъ сочиненіи: «Разсужденія объ образованіи и распредѣленіи богатствъ» (Réflexions sur la for-

mation et la distribution des richesses), написанное въ 1770 г. въ видѣ журнальной статьи, вышедшей затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1776 г. Въ этомъ сочиненіи заключается болѣе ясное и болѣе систематическое, чѣмъ у другихъ физіократовъ, изложеніе ученія о чистомъ доходѣ и вытекающихъ изъ него консеквенціяхъ, т. е. о значеніи различныхъ общественныхъ классовъ въ производствѣ богатствъ и о справедливой, съ точки зрѣнія физіократовъ, системѣ налоговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это сочиненіе Тюрго считается вообще самымъ полнымъ систематическимъ трактатомъ по политической экономіи до появленія сочиненія Адама Смита «О богатствѣ народовъ». Въ него вошло изложеніе приближающихся къ смитовскимъ воззрѣніямъ ученій о цѣнѣ, цѣнности, богатствѣ, трудѣ, капиталѣ, о заработной платѣ, рентѣ и объ историческихъ формахъ землевладѣнія. Существуютъ писатели, утверждающіе, что Тюрго, а не Адамъ Смитъ, является первымъ основателемъ политической экономіи. По словамъ Луиджи Косса, Тюрго написалъ первый научный трактатъ по соціальной экономіи, въ которомъ отдѣлилъ экономію отъ права и ввелъ ту классификацію экономическихъ ученій, которая позднѣе была принята въ наукѣ. Есть даже экономисты, которые ставятъ сочиненія Тюрго, по его теоретической цѣльности и выдержанности опредѣленныхъ точекъ зрѣнія, выше трактата Адама Смита (въ нѣмецкой литературѣ—Скаржинскій, а въ русской—А. Н. Миклашевскій).

Жанъ Винсентъ (Jean Vincent, 1712—1759), извѣстный подъ именемъ Гурне (Gournay), которое онъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ земельнымъ имѣніемъ того же названія, считался нѣкоторое время, на основаніи отзыва о немъ Адама Смита, однимъ изъ основателей физіократической школы. Какъ выяснилось, на основаніи совершенно точныхъ свѣдѣній, Гурне однако не принадлежалъ къ физіократической школѣ, но, выступая проповѣдникомъ доктрины о свободѣ промышленности и торговли, онъ совпадалъ въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ по этому предмету съ ученіемъ физіократовъ. Гурне былъ хорошо знакомъ съ сочиненіями современныхъ ему англійскихъ экономистовъ: Кангильона, Тукера, Чайльда—и въ нихъ находилъ опору своихъ воззрѣній о необходимости свободы экономическаго оборота въ современной ему Франціи.

Въ то время какъ Кене съ ранней молодости сосредоточилъ свое вниманіе на положеніи французскаго земледѣлія, Гурне былъ

поставленъ лицомъ къ лицу съ другой отраслью хозяйства—съ торговлей, что, въ свою очередь, оставило слѣдъ на направленіи его воззрѣній. Гурне съ ранней молодости занимался торговлей въ Кадиксѣ и по своимъ торговымъ дѣламъ часто посѣщалъ европейскіе рынки, при чемъ долгое время періодически жилъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. По возвращеніи во Францію Гурне много лѣтъ состоялъ комиссаромъ торговли и часто разъѣзжалъ по странѣ. При этомъ, когда онъ ѣздилъ на оффиціальныя ревизіи, то приглашалъ съ собою Тюрго, съ которымъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Практически познакомившись съ тѣми трудностями, съ которыми ему приходилось встрѣчаться при веденіи торговыхъ предпріятій внутри государства со стороны заставныхъ пошлинъ и внутреннихъ таможенъ, а въ международной торговлѣ со стороны меркантильной системы, Гурне пришелъ къ убѣжденію о необходимости полной отмѣны всѣхъ этихъ стѣсненій экономическаго оборота. Свой взглядъ на свободу торговли и хозяйственной дѣятельности, Гурне высказалъ въ извѣстномъ выраженіи: «Laissez faire, laissez passer», которое до послѣдняго времени служитъ девизомъ экономической политики свободы торговли и промышленности [1]). Въ этомъ выраженіи Гурне заключалось не одно только отрицательное ученіе о невмѣшательствѣ государства. Въ тотъ историческій моментъ, когда оно было высказано, въ немъ содержалось прямое требованіе, чтобы правительство пришло на помощь хозяйственной дѣятельности уничтоженіемъ заставныхъ и провозныхъ пошлинъ, которыя ограничивали внутреннюю торговлю узкими предѣлами отдѣльныхъ провинцій и округовъ, а также этимъ выраженіемъ требовалось устраненіе подобнаго же рода стѣсненій въ иностранной торговлѣ (т. е. отмѣна меркантильной системы). Свобода торговли, какъ внѣшней, такъ и внутренней, представлялась для Гурне единственнымъ средствомъ обезпечить, съ одной стороны, продавцамъ уровень цѣнъ товаровъ, совершенно достаточный для оживленія торговли,

[1]) Фраза „laissez faire“ въ дѣйствительности принадлежитъ одному купцу (Лежандру), который участвовалъ въ депутаціи, отправленной къ Кольберу въ 1680 г., для выраженія протеста противъ чрезмѣрной государственной регламентаціи промышленности и который, защищая свободу хозяйственной инициативы промышленниковъ, употребилъ при этомъ выраженіе: „Laissez nous faire“. Гурне воспользовался этой фразой, какъ яркой формулой для своей доктрины объ экономической свободѣ, и въ устахъ Гурне она получила свое послѣдующее классическое значеніе.

а, съ другой стороны, для потребителей — качество товаровъ и возможно низкую ихъ цѣну. Насколько въ этомъ пунктѣ совпадали воззрѣнія Гурне съ доктриной физіократовъ, настолько въ другихъ отношеніяхъ Гурне оставался совершенно независимымъ отъ физіократовъ: онъ не раздѣлялъ ихъ ученій о чистомъ доходѣ, о единомъ налогѣ и о необходимости исключительнаго покровительства земледѣлію, на которомъ они такъ настаивали. Когда Гурне говоритъ о свободѣ хозяйственной дѣятельности, то онъ имѣетъ въ виду всѣ отрасли народнаго труда и не оказываетъ предпочтенія какой-нибудь его отдѣльной отрасли.

Гурне, какъ писатель, почти неизвѣстенъ. Приписываемое ему однимъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе о духѣ законодательства, покровительствующаго земледѣлію, торговлѣ, народонаселенію, искусствамъ и т. д.»,—другими оспаривается. Въ экономической литературѣ онъ сдѣлался извѣстнымъ на основаніи сочиненія о немъ Тюрго (Eloge de Gournay). Несмотря на то, что трудно признать за Гурне право авторства хотя бы на одно сочиненіе, онъ имѣлъ громадное вліяніе на направленіе экономическихъ воззрѣній современниковъ, хотя свои мысли высказывалъ въ частной бесѣдѣ, но и въ этой формѣ они достигали своего назначенія. Гурне извѣстенъ по своему вліянію на экономическія воззрѣнія Тюрго, съ которымъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ.

Значеніе физіократической школы. Въ противоположность съ меркантилизмомъ, который въ исторіи экономической литературы является извѣстнымъ цикломъ воззрѣній по экономической политикѣ, физіократизмъ первоначально возникъ какъ научная теорія, которая ея творцами была положена въ основаніе цѣлой системы предположенныхъ ими практическихъ мѣропріятій въ области народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ. Значеніе физіократовъ для экономической науки заключается въ томъ, что они признали существованіе закономѣрнаго порядка въ строѣ хозяйственной жизни. Этотъ выводъ въ условіяхъ того времени былъ подготовленъ теоріей естественнаго права и результатами, достигнутыми въ естествознаніи, съ его позитивными методами. Въ лицѣ основателя школы физіократовъ Кене, какъ натуралиста и обществовѣда, счастливо сочетались тѣ данныя, которыя привели его къ мысли, что общественно-хозяйственныя отношенія

такъ же, какъ и явленія природы, подчинены опредѣленнымъ законамъ, раскрытіе и объясненіе которыхъ должно составить задачу экономической науки. Объясненіе закономѣрнаго порядка существующаго въ хозяйственной жизни, данное физіократами, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи экономической мысли, несмотря на извѣстныя допущенныя ими ошибки, отъ которыхъ подъ вліяніемъ увлеченія своей доктриной, они не въ состояніи были отказаться, при всей основательности доводовъ ихъ противниковъ и критиковъ.

Коренной ошибкой физіократовъ было ихъ ученіе о томъ, что только трудъ, приложенный въ земледѣліи, приноситъ чистый доходъ, при чемъ они исходили изъ неправильнаго представленія, что въ земледѣліи силы природы оказываютъ особое, исключительное, содѣйствіе человѣческому труду, чего лишены другія области его примѣненія, въ томъ числѣ и обрабатывающая промышленность. Физіократы еще не знали, что человѣкъ не можетъ создать ни одного атома матеріи и силы, какъ это нѣсколько позже было доказано Лавуазье въ открытомъ имъ законѣ сохраненія матеріи; не подозрѣвали также физіократы и того, что свѣтъ, теплота, тяготѣніе, влага, процессы броженія—подчиняются дѣйствію одинаковыхъ неизмѣнныхъ законовъ природы, гдѣ бы ими ни пользовался человѣкъ для своихъ хозяйственныхъ цѣлей—въ земледѣліи или въ обрабатывающей промышленности. Въ связи съ этимъ въ сочиненіяхъ физіократовъ получили неправильное освѣщеніе ученія о поземельной рентѣ, о производствѣ хозяйственныхъ благъ и производительности труда.

На основаніи своего ученія о чистомъ доходѣ отъ земледѣлія, физіократическая школа впадала въ другую грубую ошибку. Съ цѣлью оказать покровительство земледѣлію, она, между прочимъ, рекомендовала замѣнить существующую систему налоговъ, однимъ налогомъ на землю, ставя такимъ образомъ, по недоразумѣнію, въ привилегированное положеніе тотъ самый торгово-промышленный классъ, который она считала непроизводительнымъ и во всякомъ случаѣ не заслуживающимъ никакой правительственной поддержки. Земледѣльческій классъ во Франціи долженъ былъ бы сильно поплатиться по винѣ этой школы, которая имѣла искреннее намѣреніе его облагодѣтельствовать, если бы эту физіократическую доктрину раздѣляло современное правительство и общество. Но во французскомъ

обществѣ доктрина физіократовъ о единомъ налогѣ была зло высмѣяна вліятельнѣйшимъ писателемъ того времени—Вольтеромъ [1]). а французское правительство, наканунѣ французской революціи, послѣ ухода съ министерскаго поста Тюрго, не думало слѣдовать за физіократами.

Есть основаніе допустить, что Кене пришелъ къ мысли объ исключительномъ значеніи земледѣлія въ народномъ хозяйствѣ подъ вліяніемъ экономическихъ взглядовъ писателей классической древности. Традиціи экономики Ксенофонта и Аристотеля нашли свое продолженіе въ ученіе физіократовъ. Можно сказать, что Кене въ своемъ ученіи о чистомъ доходѣ только подвелъ теоретическое основаніе подъ господствовавшее въ греческомъ и римскомъ мірѣ воззрѣніе о привилегированномъ значеніи земледѣлія и землевладѣнія въ государствѣ [2]).

Историческое значеніе физіократизма, какъ системы экономической политики, заключалось въ томъ, что она подготовила уничто-

---

[1]) См. соч. Вольтера „L'homme aux quarante écus".

[2]) Что Кене находился подъ вліяніемъ классическихъ писателей по экономическимъ вопросамъ и, во всякомъ случаѣ, относился съ извѣстнымъ вниманіемъ къ ихъ сужденіямъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что онъ избралъ девизомъ для своего сочиненія „Anales du tableau économique" очень характерное мѣсто изъ Ксенофонта о важности земледѣлія для народнаго хозяйства: „Когда процвѣтаетъ земледѣліе, то процвѣтаютъ и всѣ другія искусства; если же земледѣліе приходитъ въ упадокъ, то вмѣстѣ съ нимъ погибаютъ и всѣ прочія отрасли промышленности на сушѣ и на морѣ" И въ другомъ сочиненіи: „Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole" Кене приводитъ, въ томъ же духѣ, слѣдующія строки о важности земледѣлія изъ сочиненій Цицерона: „De Officiis" и „De Senectute": „Изъ всѣхъ способовъ пріобрѣтенія нѣтъ болѣе лучшаго, выгоднаго, пріятнаго и болѣе достойнаго свободнаго человѣка, чѣмъ занятіе земледѣліемъ, и не только по той пользѣ, которую оно приноситъ человѣческому роду, но также и по тому довольству, удовлетворенію и обилію всѣхъ произведеній, необходимыхъ не только для существованія человѣка, но и для почитанія боговъ" (см Note II Sur la maxime IX). Тюрго, раздѣлявшій ученіе Кене о томъ, что только одно земледѣліе даетъ чистый доходъ, повидимому, представлялъ себѣ соціально-политическую роль земледѣльческаго класса приблизительно въ тѣхъ формахъ, какъ она осуществлялась въ греко-римскомъ мірѣ. Въ сочиненіи Тюрго мы встрѣчаемъ слѣдующія строки, относящіяся къ этому предмету: „Классъ собственниковъ (пользующихся чистымъ доходомъ отъ земледѣлія), не привязанный ни къ какому особенному труду необходимостью добывать средства къ существованію, можетъ быть призванъ къ несенію общественныхъ обязанностей, къ военному дѣлу и къ исполненію правосудія. Онъ можетъ выполнять ихъ или личнымъ трудомъ, или выплачивая часть своего дохода, на который государство или общество нанимаетъ людей для выполненія этихъ обязанностей. Удобнѣе всего поэтому назвать этотъ классъ находящимся въ распоряженіи государства—classe disponible. (См. Réflexions sur la formation et la distribution des richesses, § XV).

женіе феодальнаго режима въ экономическомъ быту Франціи. При сравнительной оцѣнкѣ меркантилистическихъ и физіократическихъ ученій не рѣдко въ экономической литературѣ дѣлается слѣдующее различіе между этими двумя системами. Съ именемъ меркантилизма соединяютъ представленіе объ экономической политикѣ, которая проповѣдуетъ вмѣшательство государственной власти въ хозяйственную жизнь; въ противоположность же меркантилизму, физіократическую систему отождествляютъ съ ученіемъ о государственномъ невмѣшательствѣ. Такое опредѣленіе физіократической системы не совсѣмъ вѣрно. Физіократы были противниками государственнаго вмѣшательства не въ такомъ безусловномъ смыслѣ. Напротивъ, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, они считали необходимымъ условіемъ экономическаго процвѣтанія страны существованіе сильной монархической власти, но при этомъ выражали желаніе, чтобы эта власть въ своемъ воздѣйствіи на хозяйственный бытъ народа согласовалась съ естественными законами, господствующими въ явленіяхъ народнаго хозяйства. Въ энергичной экономической политикѣ сильной королевской власти они видѣли незамѣнимое средство для достиженія полнаго господства естественнаго порядка. Мысль эту они доказывали прямо и косвенно. Такъ, Кене считалъ конституціонныя учрежденія Голландіи и Англіи причиной сохраненія феодальныхъ учрежденій въ этихъ государствахъ, послѣ того какъ вредъ ихъ давно сознанъ просвѣщенной частью общества. По отношенію къ Франціи физіократы призывали королевскую власть къ уничтоженію феодальныхъ законовъ и учрежденій, стѣснявшихъ хозяйственное развитіе страны

Главнѣйшія сочиненія физіократовъ и литература по исторіи физіократической школы.

Oeuvres économiques et phylosophiques de *F. Quesnay*, fondateur du système physiocratique. Изданіе Auguste Onken. Francfort. Paris 1888. Тоже парижское изданіе Guillaumin подъ редакціей Daire (Collection d. Principaux Economistes).—Quesnay. Fr. Tableau économique (first printed in 1758) and now reproduced in facsimile for the British Economic Association. London 1894. *De Mirabeau* (Victor Riquetti). L'ami des hommes, ou traité de la population, 6 parties. Avignon (Paris) 1856. *Dupont de Nemours*. La physiocratie, ou constitution

naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain. (Recueil des traités du docteur Quesnay) 2 parties. Paris 1767. Его же Notes et mémoires sur la vie, l'administration de Turgot. Paris. 1782. *Mercier de la Riciere.* L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques 1767. (Collect. изд. Guillaumin). *L'abbé Baudeau.* De l'origine et des progrès d'une science nouvelle. 1768. Его же. Première introduction à la philosophie économique. 1771. Изданіе Guillaumin. *Letrosne G.* Fr: 1) Essai analytique sur la richesse et sur l'impot. 1767. 2) De l'ordre social, ouvrage suivi d'un traité élémentaire sur la valeur, l'argent, l'industrie etc. 2 vol. 1777, изд. Guillaumin. *Turgot.* Oeuvres. 2 tomes изд. Guillaumin Paris. 1844.

Oncken Aug. Geschichte der Nationalokonomie. Leipzig. 1902. См. глава Physiokratische System. Въ концѣ книги подробный указатель литературы о физіократахъ. *Ch. Gide et Ch. Rist.* Histoire des doctrines économiques, см. гл. Les Physiocrates.—Handwort. d. Staatswissenschaften, von Conrad статьи: Quesnay. Physiocratische Schule. 3 Aufl.—*Hasbach. W.* Die philosophischen Grundlagen der von Quesnay und Adam Smith begrundeten politischen Oekonomie. Leipzig. 1890. *Giggs H.* The Physiocrats. London. 1897. *Г. Гиггсъ.* Физіократы, перев. подъ редакц. Н. Струве, изд. Поповой. 1899 г. 50 коп. Н. Карѣевъ. Исторія Западн. Европы въ новое время, т. III. 1893. М. М. Ковалевскій. Исторія экономическаго развитія Европы, т. II.

Крупныя перемѣны въ строѣ англійской промышленности въ теченіе XVIII столѣтія и направленіе экономической мысли въ Англіи въ послѣднія десятилѣтія, предшествующія появленію сочиненія Адама Смита „О богатствѣ народовъ“.

Уже въ началѣ XVIII в. Англія въ своемъ промышленномъ развитіи значительно опередила другія страны Западной Европы, въ томъ числѣ своихъ непосредственныхъ соперниковъ—Голландію и Францію. Въ особенности Англія сдѣлала большіе успѣхи въ текстильной индустріи, которая, по сравненію съ состояніемъ этой отрасли промышленности въ другихъ странахъ, въ началѣ XVIII вѣка заняла выдающееся положеніе, какъ по качеству, такъ и по количеству изготовляемыхъ продуктовъ. Производство шерстяной

и бумажной пряжи, а также шерстяныхъ и бумажныхъ тканей изъ года въ годъ увеличивалось, не столько на счетъ потребленія ихъ внутри страны, сколько для иностраннаго сбыта. Правда, въ это время Англія, ограждавшая свою промышленность цѣлою системою таможенныхъ пошлинъ, встрѣчала серьезныя преграды для сбыта своихъ товаровъ въ европейскихъ государствахъ, въ свою очередь, слѣдовавшихъ меркантилистической политикѣ. Но, располагая къ этому времени значительнымъ торговымъ флотомъ, Англія съ успѣхомъ находила выгодные рынки для вывоза продуктовъ своей промышленности въ своихъ многочисленныхъ и обширныхъ колоніяхъ, въ Азіи и въ Америкѣ.

Внутри государства развитіе промышленности было еще стѣснено цеховыми привилегіями и монополіями. Статуты Елизаветы объ ученичествѣ и цеховыхъ правахъ и привилегіяхъ все еще не были отмѣнены, они являлись дѣйствующимъ законодательствомъ, но въ жизни они все меньше и меньше соблюдались. Въ это время сплошь и рядомъ мастера, не прослужившіе срока ученичества, могли заниматься своими ремеслами въ большихъ городахъ, также мало подвергаясь безпокойствамъ со стороны мѣстныхъ промышленныхъ корпорацій, какъ и со стороны городскихъ властей. Вѣра въ необходимость регламентаціи сама собою вымирала, хотя и медленно. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, незамѣтный прогрессъ общества привелъ дарованныя хозяйственныя права въ бездѣйствіе. Что касается состоянія торговли, то вообще въ Англіи принципы регламентаціи въ это время гораздо всестороннѣе примѣнялись въ отношеніи къ внѣшней, чѣмъ къ внутренней торговлѣ. Наоборотъ, внутренняя торговля пользовалась широкою свободою. Въ Англіи не было провинціальныхъ таможенныхъ пошлинъ, угнетавшихъ промышленныя занятія, а равно и земледѣліе, въ тогдашней Франціи и Пруссіи.

Несмотря на ослабленіе цехового режима, цѣлая масса городскихъ ремесленниковъ, не успѣвшихъ пріобрѣсти цеховыхъ правъ и испытывавшихъ гнетъ городскихъ налоговъ, находилась въ невыгодномъ положеніи, по сравненію съ мастерами, которые занимались разными ремеслами въ деревняхъ, внѣ всякой регламентаціи, куда не достигало вліяніе городскихъ корпорацій. Въ связи съ этимъ, въ Англіи, начиная съ XVI вѣка, происходитъ перемѣщеніе промышленныхъ занятій изъ городовъ въ ихъ предмѣстья и въ сель-

скіе округа. Въ одной изъ многочисленныхъ жалобъ суконщиковъ англійскихъ городовъ, относящейся къ первой половинѣ XVI вѣка, указывается на то, «что за послѣднія нѣсколько лѣтъ разныя лица, проживающія въ поселкахъ, деревняхъ и селахъ, прилегающихъ къ сити, бургамъ и городамъ въ предѣлахъ названнаго графства, ради своего личнаго обогащенія, личной выгоды и удобствъ, нисколько не принимая во вниманіе пропитанія и поддержанія названныхъ городовъ и бурговъ, ни бѣднаго населенія, которое тамъ живетъ, не только скупили и взяли въ свои руки много разныхъ фермъ и сдѣлались фермерами, но также стали заниматься мастерствами приготовленія суконъ, валянія, стрижки въ своихъ названныхъ домахъ и выдѣлывать всѣ виды суконъ, широкія, бѣлыя и простыя сукна, къ великому упадку, обезлюденію и гибели сити, городовъ и бурговъ»[1]). Въ то же время, по свидѣтельству современниковъ, въ рѣдкой деревенской хижинѣ или котеджѣ мелкаго арендатора не стояла прялка и не находилось одного или двухъ ткацкихъ станковъ для приготовленія суконъ. Пряденіе шерсти и льна, производство суконъ, полотенъ, приготовленіе канатовъ, а также и обработка всякаго рода желѣзныхъ издѣлій въ семьяхъ и хозяйствахъ мелкихъ арендаторовъ и земледѣльцевъ приняли формы кустарныхъ промысловъ и домашнихъ ремеслъ. Занимавшіеся ими сельскіе ремесленники и кустари пріобрѣтали на рынкѣ матеріалы для своего производства, частью получая ихъ также изъ своего земледѣльческаго хозяйства, и сбывали свои произведенія на ближайшихъ ярмаркахъ и въ сосѣднихъ городахъ. Въ этихъ двухъ моментахъ своихъ промышленныхъ занятій они нуждались въ торговцахъ, снабжавшихъ ихъ матеріалами производства, и въ торговыхъ посредникахъ, которымъ они сбывали свои произведенія. На почвѣ этихъ отношеній создалась зависимость кустарей отъ торговыхъ предпринимателей, и вся кустарная промышленность въ заключеніе получила характеръ *домашней промышленности*[2]). Вообще въ началѣ XVIII в. самостоятельныя ремесла и кустарные промыслы уступили мѣсто *домашней промышленности*. Такимъ образомъ, настоящими хозяевами въ этой области являлись скупщики, оперировавшіе съ цѣлымъ штатомъ посредниковъ, и предприниматели, которые раздавали семьямъ кустарей

[1]) Кеннингемъ. Ростъ англійской промышленности, стр. 444.

[2]) Г Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи, стр. 148.

шерсть, пряжу, желѣзо и другіе матеріалы и за обработанные продукты расплачивались поштучно, какъ съ обыкновенными наемными рабочими. Что производство въ деревняхъ въ это время велось именно въ формѣ домашней промышленности (Sweating system), объ этомъ имѣются несомнѣнныя доказательства, въ видѣ постоянныхъ жалобъ предпринимателей на утайку матеріаловъ, каковыя не могли бы имѣть мѣста въ томъ случаѣ, когда бы подъ наблюденіемъ самого мастера, являющагося самостоятельнымъ собственникомъ матеріала, работали въ его собственномъ домѣ ученики и товарищи. Постоянныя жалобы скупщиковъ на утайку матеріала рабочими обратили на себя вниманіе общества. Это явленіе считалось большимъ бѣдствіемъ, неразрывно связаннымъ съ производствомъ продуктовъ обрабатывающей промышленности на дому. Для борьбы съ этимъ зломъ, начиная съ 1701 года, въ 1727 и 1765 году издавались особые законы. Мировымъ судьямъ предписывалось назначать особыхъ инспекторовъ, которые наблюдали бы за производствомъ, въ особенности въ шерстяной промышленности. Одновременно съ этимъ усиливались наказанія за утайку матеріаловъ.

Побѣда домашней промышленности надъ ремесломъ, въ свою очередь, расчищала дорогу фабричной промышленности. Переходъ отъ раздачи работъ на домъ къ производству въ централизованныхъ заведеніяхъ, гдѣ установленъ постоянный надзоръ за рабочими, былъ вызванъ, между прочимъ, подъ вліяніемъ мотива избѣжать этимъ утайки матеріаловъ со стороны рабочихъ. Другая существенная выгода такого преобразованія заключалась въ возможности введенія улучшенныхъ способовъ производства и въ примѣненіи раздѣленія труда, что давало возможность фабрикантамъ воспользоваться выгодами повышенной продуктивности труда рабочихъ. И, въ дѣйствительности, въ началѣ столѣтія, на ряду съ домашними промыслами, существовали особыя фабрики или крупныя мануфактуры, хотя въ то время эта отрасль промышленности почти еще не пользовалась значительными техническими усовершенствованіями, которыя въ ней, какъ извѣстно, появились во второй половинѣ XVIII вѣка. Тогда уже существовали фабриканты, которые имѣли по 30—50 ткацкихъ станковъ въ своемъ заведеніи и до 70—80 внѣ его, въ квартирахъ рабочихъ семействъ; изъ нѣсколькихъ сотенъ занятыхъ такимъ фабрикантомъ рабочихъ обыкновенно болѣе половины рабо-

тало по деревнямъ, въ своихъ домахъ [1]). Въ этихъ производствахъ нашелъ широкое примѣненіе дѣтскій и женскій трудъ, не стѣсняемый болѣе правилами объ ученичествѣ, который во время господства домашней промышленности наивно привѣтствовался какъ способъ улучшенія народнаго заработка. Домашняя и фабричная промышленность—это двѣ формы, посредствомъ которыхъ крупный капиталъ засвидѣтельствовалъ свою побѣду надъ мелкимъ капиталомъ, соединеннымъ съ трудомъ.

Самыя крупныя преобразованія въ англійской текстильной индустріи имѣли мѣсто во-второй половинѣ XVIII вѣка, вызванныя цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ изобрѣтеній въ этой области, составлявшихъ цѣлую эпоху не только въ развитіи англійской промышленности, но и въ исторіи промышленности всего культурнаго міра. Въ 30-хъ годахъ этого столѣтія Люпсомъ Полемъ была изобрѣтена машина, посредствомъ которой растягиваніе хлопка въ процессѣ пряденія производилось механически, и человѣческія руки были замѣнены системой валовъ. Усовершенствуя эту машину, Аркрайтъ пришелъ къ изобрѣтенію водяного станка, дававшаго возможность вырабатывать изъ хлопка нить значительной крѣпости, что позволяло употреблять ея для основы, тогда какъ раньше основа была льняная, только утокъ производился изъ хлопка. Въ 1770 г. Харгривсъ взялъ патентъ на изобрѣтенную имъ прядильную машину для пряденія тонкихъ нитей. На этой машинѣ можно было прясть нѣсколько нитей за разъ, вмѣсто одной, какъ это было прежде. При помощи этой машины одинъ рабочій могъ одновременно работать на 10—12 веретенахъ, а позже, еще при жизни Харгривса,— на 80. Машину эту онъ назвалъ, въ честь своей дочери, Дженни, съ каковымъ названіемъ она существуетъ и до сихъ поръ на фабрикахъ, какъ составная часть современной прядильной машины. Наконецъ, Кромптонъ въ 1779 году соединилъ въ одной машинѣ преимущество водяного станка Аркрайта и изобрѣтенія Харгривса, такъ что получилась тонкая, какъ на Дженни, но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкая, какъ на ватерной машинѣ, нить, когорая теперь имѣла однородный характеръ. Кромптонъ назвалъ свой аппаратъ «мьюль» (мулъ, mule), указывая на то, что она представляетъ собою соединеніе изъ двухъ аппаратовъ. Эта машина имѣетъ огромнѣйшее значеніе

[1]) Held. Zwei Bücher.

для развитія хлопчатобумажной промышленности. Вытѣснивъ изобрѣтенія Аркрайта и Харгривса, она въ теченіе столѣтія получила примѣненіе во всѣхъ прядильныхъ фабрикахъ страны. Наконецъ, вѣнцомъ изобрѣтеній въ области прядильнаго производства явилась самодѣйствующая тонкопрядильная машина Робертса—сельфакторъ. При первыхъ прядильныхъ машинахъ требовалось участіе въ операціяхъ, въ одной ихъ части, работы человѣческихъ рукъ. Рабочій долженъ былъ дѣйствовать руками, направляя соотвѣтствующимъ образомъ дѣятельность машины. Робертсъ устранилъ эту необходимость, введя новое приспособленіе къ машинѣ Кромптона—автоматическій двигатель, которымъ веретенные станки приводятся въ движеніе впередъ и назадъ безъ всякой посторонней помощи. Весь трудъ прядильщика теперь свелся къ наблюденію за ходомъ машины и къ связыванію разорвавшихся нитокъ. Самодѣйствующая прядильная машина, составляющая соединеніе прядильной машины Кромптона съ автоматическимъ механизмомъ Робертса, является въ настоящее время тѣмъ аппаратомъ, на которомъ производится пряжа во всѣхъ странахъ и на всѣхъ фабрикахъ.

Ни одно изъ этихъ изобрѣтеній однако само по себѣ не могло произвести переворота въ промышленности. Этотъ переворотъ былъ сдѣланъ изобрѣтенной Уайтомъ паровой машиной. Въ 1769 году Джемсомъ Уайтомъ былъ взятъ патентъ на эту машину, которая первоначально служила для выкачиванія воды въ рудникахъ, а въ 1785 году была примѣнена имъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ [1]).

Въ этомъ быстромъ развитіи англійской индустріи большое значеніе имѣли для ея успѣховъ усовершенствованные пути сообщенія, проведеніе шоссированныхъ дорогъ и устройство по всей странѣ системы искусственныхъ водныхъ каналовъ, которыми главнѣйшіе центры обрабатывающей промышленности были соединены между собою и съ морскими портами. Въ 1777 году былъ законченъ каналъ длиною въ 96 миль, соединявшій Трентъ и Мерсей. Три крупнѣйшіе торговые порта—Бристоль, Ливерпуль и Гулль,—находящіеся почти на противоположныхъ конечностяхъ Англіи, были

---

[1]) Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи, стр. 132—135 І. М. Кулишеръ Эволюція прибыли съ капитала, въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли, т. 2, 1908 г., стр. 60—68.

соединены между собою каналомъ, который прорѣзывалъ въ разныхъ направленіяхъ внутреннюю территорію страны, съ ея крупными фабричными и торговыми пунктами, обезпечивая дешевый путь для перемѣщенія товаровъ и матеріаловъ производства. Въ 1792 году другой каналъ, Grand Junction, въ 90 миль длиною, открылъ водный путь изъ Лондона черезъ Оксфордъ къ главнымъ городамъ среднихъ графствъ Англіи.

Въ полномъ противорѣчіи съ духомъ времени и съ измѣнившимися экономическими условіями, покровительственная правительственная политика, съ ея привилегіями для отдѣльныхъ отраслей промышленности, продолжала примѣняться. Въ практической жизни она вызывала со стороны представителей самыхъ разнообразныхъ отраслей промышленности жажду монополій и, въ ихъ безконечныхъ притязаніяхъ, приводила къ неразрѣшимой коллизіи интересовъ. Въ сферѣ льняной промышленности производители парусины добивались особаго покровительства ихъ производству, въ ущербъ другимъ отраслямъ льняной индустріи. Шелковые фабриканты требовали посредствомъ монополій, во что бы то ни было, поощрять ихъ производство, а въ то же время въ суконной промышленности добивались принципіальнаго предпочтенія именно этой мануфактуры всѣмъ другимъ. Всѣ эти противоположные интересы требуютъ для себя покровительства и получаютъ его, но, именно благодаря этому послѣднему, взаимно мѣшаютъ и вредятъ другъ другу. Въ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинахъ, при такихъ условіяхъ, также создался полный хаосъ: безпорядочно нагромождались одни запрещенія на другія, возобновлялись старыя запрещенія и дошло до того, что во всѣхъ этихъ предписаніяхъ трудно было разобраться и они наносили одинъ только вредъ. Къ тому же, при массѣ запретительныхъ пошлинъ, контрабадная торговля достигла огромныхъ размѣровъ.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія система государственнаго воздѣйствія на торговлю и производство вообще уже отжила свое время. Техническіе регламенты, торгово-полицейскія правила и таксы цѣнъ отчасти уже совершенно не примѣнялись, отчасти уже выполненіе ихъ становилось все болѣе затруднительнымъ и подавало поводъ къ жалобамъ. Законы объ ученикахъ и законодательное регулированіе заработной платы уже не примѣнялись на практикѣ; цехи частью существовали только формально, частью выродились

въ монопольныя группы. Меркантилистическія учрежденія вымерли не со стороны внѣшнихъ своихъ формъ, а внутренно; они уже оказывали вредное давленіе въ разныхъ направленіяхъ. Старый ремесленный порядокъ производства сдѣлался немыслимъ, съ наступленіемъ болѣе быстраго техническаго прогрессированія, въ такое время, когда производство стало зависимымъ отъ колебаній всемірнаго рынка, а крупно-торговое производство заняло руководящее положеніе. Никакая покровительственная система не въ состояніи была ни охранять отъ все усиливающихся и все чаще измѣняющихся колебаній рынка, ни регулировать ихъ, а усилившаяся сложность производства, болѣе развитое дѣленіе труда и большая запутанность интересовъ дѣлали невозможнымъ и законодательное покровительство отдѣльнымъ интересамъ безъ того, чтобы не причинить вреда другимъ [1]).

Обращаясь теперь къ состоянію экономической мысли въ Англіи въ теченіе XVIII вѣка, въ періодъ, предшествующій появленію трактата Адама Смита, мы можемъ указать цѣлый рядъ писателей по экономическимъ вопросамъ, которые или осуждали воззрѣнія меркантилистовъ, или прямо выступали защитниками свободы торговли. Этотъ рядъ писателей представленъ слѣдующими именами: епископъ Берклей (Berkley) 1735 г., Туккеръ (Iosiah Tucker) [2]), Кантильонъ (Cantillon) [3]), Локкъ [4]) (John Locke 1632—1704 г.) и, наконецъ, Давидъ Юмъ (David Hume, 1711—1751).

Среди этихъ писателей особенный интересъ представляетъ Давидъ Юмъ, какъ непосредственный предшественникъ Адама Смита, съ которымъ онъ былъ соединенъ личной дружбой и взаимнымъ уваженіемъ. Юмъ извѣстенъ, какъ философъ, историкъ Англіи и обществовѣдъ. Въ исторіи философіи онъ занимаетъ видное мѣсто

---

[1]) Held. Zwei Bücher

[2]) Туккеръ—авторъ нѣсколькихъ сочиненій, изъ которыхъ одно: „Reflection on the naturalisation of foreign protestants“ 1755 г.—было переведено Тюрго на французскій языкъ, подъ другимъ заглавіемъ.

[3]) Локкъ—основатель эмпирической философіи, писатель по политическимъ вопросамъ въ духѣ конституализма, авторъ нѣсколькихъ сочиненій о деньгахъ, золотой и серебряной валютѣ.

[4]) „Опытъ о природѣ торговли“ Кантильона, во французскомъ переводѣ „Essai sur la nature du commerce en général“ изданъ въ 1755 (Paris), былъ хорошо знакомъ Мирабо старшему, который пользовался имъ въ своемъ сочиненіи „L'Amie des hommes“

и, какъ представитель скептическаго направленія, былъ непосредственнымъ предшественникомъ «критической философіи» Канта. Въ области этики, политики, какъ и въ экономіи, онъ искалъ постоянныхъ причинъ явленій. Онъ полагалъ, «что принципіальная польза исторіи состоитъ въ открытіи постоянныхъ началъ и законовъ природы человѣка, разсматриваемой во всѣхъ состояніяхъ и во всѣхъ положеніяхъ жизни». Величіе Юма проявляется въ силѣ анализа и въ послѣдовательномъ примѣненіи позитивнаго метода. Для Юма, какъ и для его современниковъ, экономическія знанія не предсгавлялись выдѣленными изъ другихъ знаній—моральныхъ и политическихъ,—и онъ изслѣдуетъ экономическіе факты съ разныхъ точекъ зрѣнія: съ философской, моральной и исторической.

Какъ экономистъ, Давидъ Юмъ былъ противникомъ меркантилистической системы, однако въ прямомъ смыслѣ онъ не критиковалъ меркантилизма, но онъ лишилъ его научной почвы, давши позитивный анализъ явленій торговаго и денежнаго обращенія, цѣнъ, процента на капиталъ и проч. Обнявъ въ своихъ изслѣдованіяхъ длинный рядъ экономическихъ фактовъ въ ихъ существенныхъ причинахъ и слѣдствіяхъ, онъ внесъ ясность въ вопросы, наиболѣе затемненные схоластическими разсужденіями меркантилистовъ. По вопросу о деньгахъ Юмъ полагалъ, что онѣ суть только орудіе, которое люди, по собственному соглашенію, употребляютъ для того, чтобы облегчить обмѣнъ одного товара на другой. Это не одно изъ колесъ торговли, а масло, благодаря которому движеніе колесъ становится болѣе плавнымъ и свободнымъ. Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—деньги суть не что иное, какъ представители труда и товаровъ, и являются только средствомъ вычисленія и оцѣнки послѣднихъ. Такъ какъ при изобилии денегъ требуется большее количество ихъ, то для націи, взятой въ ней самой, это изобиліе не можетъ быть ни полезно, ни вредно,—все равно какъ ничего не измѣнилось бы въ торговыхъ книгахъ, если бы вмѣсто арабскихъ цифръ, которыя требуютъ небольшого числа знаковъ, стали употреблять римскія, состоящія изъ большого количества знаковъ. Мало того, изобиліе денегъ, подобно римскимъ цифрамъ, даже стѣснительно и неудобно, такъ какъ затрудняетъ перевозку и храненіе денегъ. Вообще, Юмъ далъ почти полную теорію денежнаго обращенія, выяснилъ значеніе денегъ, какъ средства сбереженія цѣн-

ностей, обратилъ вниманіе на выполненіе нѣкоторыхъ функцій денегъ кредитными бумагами. Въ своемъ ученіи о цѣнѣ товаровъ Юмъ утверждаетъ, что цѣна всякой вещи зависитъ отъ отношенія товаровъ къ звонкой монетѣ, поэтому и значительное измѣненіе въ той или другой области должно производить одно и то же дѣйствіе, а именно: или поднимать или понижать цѣны. Увеличьте количество товаровъ,—они подешевѣютъ; увеличьте количество звонкой монеты,—ихъ цѣнность поднимется. Предположимъ,—говоритъ онъ,—что въ одну ночь въ карманъ каждаго гражданина Великобританіи какимъ-нибудь чудомъ опущено по пяти фунтовъ стерлинговъ—это болѣе, чѣмъ удвоило бы количество денегъ, которое въ настоящее время обращается въ государствѣ,—то единственнымъ послѣдствіемъ такой перемѣны было бы только увеличеніе цѣнъ всѣхъ товаровъ, но никто изъ гражданъ отъ этого не сдѣлался бы ни богаче, ни бѣднѣе. По вопросу о ссудномъ процентѣ Юмъ выставилъ и защищалъ то положеніе, что процентъ зависитъ отъ суммы накопленныхъ хозяйственныхъ благъ, въ формѣ продуктовъ земледѣлія, обрабатывающей промышленности и т. п., но не отъ количества денегъ, обращающихся въ странѣ. Со времени открытія Индіи цѣны возросли почти въ четыре раза, а количество золота и серебра увеличилось, вѣроятно, гораздо болѣе, а между тѣмъ размѣръ процента понизился не болѣе, какъ на половину. Слѣдовательно, высота процента не обусловливается количествомъ драгоцѣнныхъ металловъ. Высокая такса процентовъ обусловливается тремя причинами: большимъ спросомъ на ссуды, недостаткомъ богатства для удовлетворенія этого спроса и большой прибыльностью торговли,—и эти причины свидѣтельствуютъ не о рѣдкости золота или серебра, а о маломъ развитіи торговли и промышленности. Низкая же такса процентовъ происходитъ отъ трехъ противоположныхъ причинъ. Большее или меньшее количество денегъ въ государствѣ не имѣетъ никакого вліянія на величину процента, а большее и меньшее количество накопленнаго труда и товаровъ должно, очевидно, сильно вліять на него, потому что, занимая деньги подъ проценты, мы, въ сущности, занимаемъ трудъ и товары. Правда, когда торговля распространена по всему земному шару, то наиболѣе производительныя націи всегда имѣютъ наибольшее количество драгоцѣнныхъ металловъ, такъ что низкая такса процентовъ и изобиліе денегъ въ дѣйствительности почти неразлучны. Но каково

бы ни было явленіе, всегда важно знать его основную причину и всегда слѣдуетъ отличать причину отъ побочнаго слѣдствія. Наиболѣе блестящія страницы въ его изслѣдованіи посвящены вопросу о свободѣ торговли. Здѣсь онъ приводитъ убѣдительныя и обстоятельныя доказательства выгодъ свободы торговли въ интересахъ развитія производительности народнаго труда. Если что-нибудь можетъ уничтожить наши богатства,—говоритъ онъ,—то это именно безчисленныя преграды, затрудненія и налоги, которые во всѣхъ странахъ Европы, а въ Англіи больше чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, тормозятъ правильное развитіе торговли, будучи вызваны неосновательнымъ страхомъ потерять свое денежное богатство. Этотъ общій дурной результатъ происходитъ отъ того, что подобныя мѣропріятія отнимаютъ у сосѣднихъ націй ту свободу обмѣна и сообщенія, которую имѣлъ въ виду Творецъ, надѣляя ихъ столь различными землями, климатами и характерами. Если страна теряетъ свою торговлю, трудолюбіе и населеніе, то она не можетъ надѣяться удержать свое золото и серебро, потому что количество драгоцѣнныхъ металловъ всегда пропорціонально этимъ условіямъ. Состояніе, въ которомъ находились Венеція, Лисабонъ и Амстердамъ въ періодъ ихъ упадка, это наглядно намъ подтверждаетъ.

Воззрѣнія, высказанныя Юмомъ по этимъ и по нѣкоторымъ другимъ экономическимъ вопросамъ, вполнѣ согласуются съ точками зрѣнія, проведенными Адамомъ Смитомъ въ соотвѣтствующихъ главахъ его трактата, и проникнуты тѣми же началами, на которыхъ основывался въ своихъ изслѣдованія авторъ сочиненія «О богатствѣ народовъ»[1]).

Экономическія изслѣдованія Юма касались только объясненія отдѣльныхъ экономическихъ фактовъ и увеличивали запасъ научныхъ наблюденій надъ хозяйственною жизнью, который накоплялся въ

[1]) Политико-экономическіе очерки Юма помѣщены въ его „Essays moral, political und literary". Edinb. 1742. и „Political discourses". London, 1752. Позднѣйшее полное англійское изданіе сочиненій Юма 1885 г., подъ редакціей Greena и Grosse. Автобіографія Юма была издана послѣ его смерти Ад. Смитомъ (1777 г.).—Въ русскомъ переводѣ: Юмъ Давидъ Наука къ познанію роскоши. Перевелъ съ французскаго языка Фуріевъ и Левченковъ. Спб. 1776 —Жизнь Давида Гумма, описанная имъ самимъ. Переведъ съ англійскаго И Марковъ. 1781.—Давидъ Юмъ Опыты. Перев. М. О. Гершензона. Библіотека экономистовъ, изданіе Солдатенкова. М. 1896 —Давидъ Юмъ. Его жизнь и философская дѣятельность. Спб. 1893 г. (Библіограф. библ. Павленкова). Для оцѣнки политико-экономическихъ ученій Юма: Б. Чичеринъ. Исторія политическихъ ученій, т. III, М. 1874 г.

англійской литературѣ, начиная съ Норта и Вильяма Пети. Вырабатывались теоріи отдѣльныхъ экономическихъ явленій: цѣны, цѣнности, денегъ ссуднаго процента и торговаго обращенія. Но эти теоріи и научныя концепціи даже въ трудахъ такихъ первостепенныхъ мыслителей, какъ Давидъ Юмъ, не были связаны какой-нибудь общей системой, носили отрывочный характеръ и имя экономической науки еще не произносилось. И вотъ въ Англіи, какъ и во Франціи, почти въ одно время, были найдены исходные пункты для того, чтобы объединить разрозненныя экономическія ученія объ отдѣльныхъ фактахъ и явленіяхъ экономической жизни въ одну систему. Почвой, на которой произошло это объединеніе, была господствовавшая въ то время система общественной философіи— естественнаго права. Англійскіе ученые познакомились съ нею еще въ началѣ XVIII вѣка, по переводамъ сочиненія Пуфендорфа [1]). Пересаженная на англійскую почву, она широко была разработана въ Глазговскомъ университетѣ и положена въ лекціяхъ профессоровъ Гетчесона и Фергюсона въ основу преподаванія правовыхъ и общественныхъ наукъ, въ составѣ которыхъ ученіе о хозяйственныхъ явленіяхъ представлялось какъ одна изъ областей приложенія началъ естественнаго права къ истолкованію экономическихъ фактовъ. Воспитанный въ духѣ школы Гетчесона, Адамъ Смитъ, какъ обществовѣдъ, использовалъ установившуюся въ преподаваніи общественныхъ наукъ связь ученія объ экономическихъ явленіяхъ съ доктриной естественнаго права и моральной философіей, но пошелъ дальше своего учителя: онъ нашелъ въ ученіи естественнаго права тотъ методъ, помощью котораго онъ создалъ цѣлую систему экономической науки. Такимъ образомъ, доктринѣ естественнаго права было суждено, послѣ появленія школы физіократовъ, снова сыграть крупную роль въ исторіи политической экономіи, но на этотъ разъ благодаря исключительнымъ качествамъ Адама Смита, какъ мыслителя и изслѣдователя экономическихъ явленій, съ гораздо болѣе цѣнными и постоянными результатами для науки. Изложеніе того, какимъ образомъ А. Смитъ осуществилъ эту задачу и въ чемъ выразилось его научное творчество, и составляетъ предметъ слѣдующей главы.

---

[1]) **Pufendorf.** De jure naturae et gentium.

Адамъ Смитъ (Adam Smith 1723—1790 г.).

А. Смитъ принадлежалъ къ категоріи англійскихъ писателей второй половины XVIII вѣка, доказывавшихъ несостоятельность меркантилистической политики и проповѣдывавшихъ свободу экономическаго оборота. Прямую выгоду перехода къ свободѣ торговли въ Англіи сознавали уже ранѣе такіе выдающіеся ученые, какъ Дедлей Норть, Тукеръ, Юмъ и Фергюсонъ. Въ то же время во Франціи представителями такихъ же воззрѣній являлись физіократы. Такимъ образомъ, ученіе о свободѣ экономическаго оборота ко времени А. Смита было уже не ново: къ нему приводила сама жизнь,— и хозяйственный бытъ Англіи второй половины XVIII вѣка для не предвзятаго наблюдателя представлялъ массу фактовъ, показывавшихъ, что система меркантилистической политики и законодательства пережила свое время (см. выше стр. 300). Но Смитъ формулировалъ это ученіе въ такой классической формѣ, что съ тѣхъ поръ теорія экономической свободы навсегда неразрывно связана съ его именемъ. Однако, главная заслуга Смита заключается въ томъ, что онъ явился основателемъ цѣлой новой отрасли обществовѣдѣнія, а именно—науки о народномъ хозяйствѣ. Отдѣльныя части этой науки были уже намѣчены его предшественниками, но Смитъ переработалъ ихъ въ систематическое цѣлое. Благодаря ясному представленію принциповъ новой науки, Смитъ является оригинальнымъ не только въ построеніи системы политической экономіи, но и въ разработкѣ ея частей, изъ которыхъ каждая получила у него совершенно новое освѣщеніе.

Біографія Адама Смита. Жизнь Смита незамѣчательна никакими внѣшними событіями. Она прошла въ непрерывныхъ научныхъ занятіяхъ. Смитъ родился въ маленькомъ шотландскомъ городкѣ Киркальди, расположенномъ на морскомъ берегу, близъ Эдинбурга. Отецъ его умеръ до его рожденія, и Смитъ остался на воспитаніи своей матери. На третьемъ году жизни онъ во время прогулки вблизи дома своего дяди былъ похищенъ цыганскимъ таборомъ, но, послѣ тщательныхъ поисковъ того же дяди, былъ отысканъ и возвращенъ въ домъ матери. Первоначальное образованіе Смитъ получилъ въ мѣстной городской школѣ, а на четырнадцатомъ году жизни поступилъ въ Глазговскій университетъ.

Преподаваніе въ Глазговскомъ университетѣ въ это время было проникнуто теологическимъ направленіемъ. Въ университетѣ процвѣтала діалектика и дедуктивные пріемы мышленія, при чемъ за основу дедуктивныхъ выводовъ принимались не факты, почерпнутые изъ опыта, а какія-нибудь общепринятыя аксіомы. Въ Глазговѣ на Смита тогда производили особенно сильное впечатлѣніе лекціи профессора Гетчесона по обществовѣдѣнію, который уклонился отъ господствующихъ традицій и въ своихъ общественныхъ воззрѣніяхъ выходилъ изъ той мысли, что цѣлью человѣческой жизни является стремленіе къ благосостоянію. Изъ естественныхъ душевныхъ влеченій человѣка Гетчесонъ выводилъ права ума на независимое отъ установленныхъ догмъ изслѣдованіе. Вообще въ своихъ лекціяхъ Гетчесонъ старался воспитать въ своихъ слушателяхъ любовь къ умственной свободѣ и независимости. Въ періодъ своего преподаванія въ Глазговскомъ университетѣ, съ 1726 до 1749 года, онъ читалъ обыкновенно курсъ подъ заглавіемъ: «Введеніе въ моральную философію», который обнималъ частное право. экономику и политику. Въ экономикѣ, согласно съ этимологическимъ значеніемъ слова, разсматривались права различныхъ членовъ семьи, но этой части курса предшествовала вступительная глава о цѣнностяхъ, о цѣнѣ, о причинахъ повышенія и паденія товарныхъ цѣнъ, которая была составлена по образцу трактата Пуфендорфа [1]). У одного изъ біографовъ А. Смита встрѣчается сообщеніе, что онъ въ бытность свою студентомъ Глазговскаго университета, 17 лѣтъ отъ роду, написалъ рецензію на появившееся тогда сочиненіе Давида Юма «Изслѣдованіе о человѣческой природѣ», которая такъ понравилась знаменитому философу, что онъ въ знакъ признательности прислалъ автору ея экземпляръ своего труда.

Предназначенный матерью къ духовному званію, Смитъ, по окончаніи Глазговскаго университета (1744 г.), былъ посланъ профессорской корпораціей, въ качествѣ стипендіата для приготовленія къ церковной дѣятельности, въ Оксфордскую коллегію, гдѣ онъ съ особенною охотою занялся естественными науками и математикой, а потомъ принялся за исторію, языкознаніе и литературу. По окончаніи курса въ Оксфордѣ, Смитъ, отказавшись отъ духовной карьеры,

[1]) Hector Denis. Histoires des systèmes économiques et socialistes. Paris. 1904, стр. 233.

поселился въ родномъ Киркальди и вскорѣ, по предложенію одного богатаго лендлорда, открылъ въ Эдинбургѣ публичный курсъ чтеній по риторикѣ и литературѣ. Эти лекціи привлекали массу слушателей, и Смитъ пріобрѣлъ репутацію отличнаго лектора. Въ 1751 году онъ получилъ приглашеніе на каѳедру нравственной философіи въ Глазговскомъ университетѣ, освободившуюся послѣ оставленія ее Гётчесономъ, которую и занималъ въ теченіе тринадцати лѣтъ. Это была цвѣтущая пора научной дѣятельности Смита. Курсъ его чтеній въ Глазговскомъ университетѣ состоялъ изъ четырехъ частей. Первая часть была посвящена «естественной теологіи». Въ лекціяхъ Смита «естественная теологія» основана была на той идеѣ, что теченіемъ явленій природы управляетъ высшее благожелательное къ міру Существо, которое стремится создать возможно большую сумму благосостоянія на землѣ. Въ этомъ представленіи, по мнѣнію Клифъ Лесли, надо искать корень экономическаго оптимизма Смита. Вторая часть—этика—представляла тѣ лекціи, которыя впослѣдствіи были опубликованы имъ въ сочиненіи «Теорія нравственныхъ чувствъ». Третья часть посвящена была юриспруденціи и системѣ естественнаго права. Въ четвертой части этого отдѣла онъ отводилъ мѣсто изслѣдованію началъ политики, основанныхъ на полезности и имѣющихъ въ виду ростъ богатствъ и благосостояніе государства. Это была экономическая сторона его курса. Въ этотъ періодъ научной дѣятельности Смита сложилась та точка зрѣнія на хозяйственныя явленія, которая легла въ основаніе его изслѣдованія «О богатствѣ народовъ».

Живя въ Глазго, Смитъ познакомился и сблизился съ Д. Юмомъ, который къ этому времени издалъ свои изслѣдованія, направленныя противъ меркантилистической политики. На седьмомъ году своего профессорства, т. е. въ 1758 г., Смитъ издалъ первое свое сочиненіе—«Теорія нравственныхъ чувствъ». Основная мысль этого сочиненія заключалась въ томъ, что всѣ наши моральныя дѣйствія вытекаютъ изъ чувства симпатіи. Въ 1763 г. Смиту представился случай посѣтить европейскій континентъ въ качествѣ воспитателя молодого принца Беклея. Оставленіе имъ по этому поводу Глазговскаго университета было встрѣчено крайнимъ сожалѣніемъ со стороны профессорской корпораціи. Во время своихъ поѣздокъ по Европѣ Смитъ періодически жилъ въ Тулузѣ, Женевѣ, въ Фарнеѣ, побывалъ у

Вольтера и, наконецъ, нѣкоторое время провелъ въ Парижѣ. Здѣсь онъ, снабженный рекомендаціями Юма, познакомился съ Даламберомъ, Гольбахомъ, Гельвеціемъ, Руссо и большинствомъ энциклопедистовъ. Въ Парижѣ онъ также сблизился съ кружкомъ физіократовъ: Кене, Тюрго, Дюпонъ де Немуромъ и др. (1766 г.). Въ это время былъ какъ разъ самый разгоръ ихъ дѣятельности. Физіократическія идеи и нападки на меркантилизмъ диспутировались въ салонахъ и журналахъ. Адама Смита столько же интересовала физіократическая доктрина, сколько и ея представители, составлявшіе сплоченный дружественный кругъ лицъ, отличавшихся необычайною чистотою намѣреній. Къ большинству изъ нихъ Смитъ сохранилъ дружественныя отношенія до самой смерти. Объ этой порѣ жизни Смита, къ сожалѣнію, уцѣлѣло очень мало свѣдѣній. Извѣстны только краткія воспоминанія Дюпонъ де Немура о пребываніи Смита въ Парижѣ, рисующія уваженіе, которое онъ питалъ къ Кене.

По возвращеніи въ Англію, въ 1766 г., Смитъ снова поселился въ родномъ Киркальди, въ домѣ своей матери, и приступилъ къ работѣ надъ задуманнымъ имъ сочиненіемъ «О богатствѣ народовъ», мысль о которомъ возникла у него еще во время заграничной поѣздки. Отъ времени до времени онъ оставлялъ свое уединеніе и наѣзжалъ въ Лондонъ, гдѣ усердно посѣщалъ Британскій музей, собирая матеріалы для своего произведенія. Въ особенности тщательно онъ изучалъ дѣла по управленію англійскими колоніями, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда уже Англіи явно угрожало отпаденіе ея американскихъ колоній—будущихъ Соединенныхъ Штатовъ [1]). Въ періодъ работы надъ своимъ сочиненіемъ Смитъ находился въ постоянномъ дружескомъ общеніи съ Юмомъ, который, знакомясь по рукописи съ отдѣльными главами трактата, поддерживалъ бодрое настроеніе Смита своею высокою оцѣнкою прочитаннаго. Болѣе девяти лѣтъ Смитъ работалъ надъ своимъ произведеніемъ, которое и появилось въ печати въ 1776 году. Юмъ умеръ только за мѣсяцъ раньше выхода въ свѣтъ «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ», но заранѣе предсказывалъ ему великую будущность.

Когда Смитъ издалъ свой знаменитый трактатъ, ему было 53 года. Вслѣдъ затѣмъ онъ издалъ автобіографію Юма съ своимъ добавленіемъ, въ которомъ онъ далъ замѣчательное описаніе

[1]) См. Karl Jentsch. Adam Smith. Leben und Lehre. Berlin, 1905, стр. 53—61.

послѣднихъ дней жизни своего друга. Затѣмъ уже до самой смерти Смитъ ничего новаго не написалъ, ограничиваясь пересмотромъ своихъ прежнихъ трудовъ для новыхъ изданій. Въ теченіе ближайшаго десятилѣтія послѣ выхода въ свѣтъ «Богатства народовъ» книга эта вышла въ четырехъ изданіяхъ, лично исправленныхъ Смитомъ, только послѣднее, пятое, предсмертное изданіе было напечатано безъ перемѣны. Спустя два года послѣ перваго изданія, Смитъ принялъ должность по таможенному вѣдомству, которую занималъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1790 году, когда ему минуло 67 лѣтъ. Въ оставшихся послѣ его смерти рукописяхъ найдены обширныя замѣтки на сочиненіе Монтескье «О духѣ законовъ», указывающія, по словамъ біографовъ, что Смитъ одно время имѣлъ намѣреніе издать комментарій къ этому замѣчательному произведенію. Кромѣ того, въ тѣхъ же бумагахъ оказались обширные очерки, написанные Смитомъ по исторіи астрономіи, по языковѣдѣнію и изящной литературѣ, обрисовывающіе его какъ мыслителя съ обширнымъ энциклопедическимъ образованіемъ.

А. Смитъ, какъ наблюдатель современной ему экономической жизни и методы изслѣдованія въ его сочиненіи „О богатствѣ народовъ“. Являясь философомъ и энциклопедистомъ, Смитъ былъ въ то же время внимательнымъ и всесторонннимъ наблюдателемъ современнаго ему экономическаго быта. Современная ему Англія представляла въ особенности поучительную картину для пытливаго ума Смита. Въ ней, какъ мы видѣли выше, въ теченіе второй половины XVIII столѣтія, въ результатѣ цѣлаго ряда непрерывныхъ техническихъ изобрѣтеній, происходили крупныя преобразованія въ строѣ обрабатывающей промышленности, которыя гораздо позже наступили на континентѣ, въ западно-европейскихъ странахъ. Смитъ жилъ на рубежѣ цѣлаго переворота въ формахъ промышленности, вызваннаго изобрѣтеніемъ парового двигателя, составившаго цѣлую эру въ міровой исторіи промышленности. Однако самое это изобрѣтеніе Уатта, имѣвшее мѣсто въ 1768 году, было примѣнено въ индустріи гораздо позже появленія трактата Смита. Во время Смита фабрикъ еще не существовало и господствующими формами индустріи были кустарное производство, домашняя промышленность и мануфактура, успѣхи которыхъ основывались, главнымъ образомъ, на использованіи техническаго раздѣленія труда. Эти именно формы

производства постоянно имѣетъ въ виду Смитъ въ своемъ трактатѣ, свидѣтельствующемъ о его большомъ талантѣ, какъ наблюдателя современной ему экономической дѣйствительности. Характерные факты, на основаніи которыхъ Смитъ выясняетъ экономическія выгоды раздѣленія труда, его извѣстные примѣры производства булавокъ и иголокъ—прямо взяты имъ изъ наблюденій мастерскихъ, находившихся въ его родномъ городкѣ и окрестныхъ деревняхъ. Передъ глазами Смита проходили такіе факты, характеризующіе стѣсненіе свободы промышленныхъ занятій, какъ извѣстный инцидентъ съ устройствомъ ремесленной мастерской будущаго изобрѣтателя парового двигателя Уатта, въ Глазго. Джемсъ Уаттъ въ 1757 году, еще въ бытность его молодымъ человѣкомъ, 21 года, хотѣлъ устроить въ Глазго мастерскую ремесленныхъ инструментовъ; но, такъ какъ, по своему происхожденію, онъ не былъ гражданиномъ города Глазго, то мѣстныя цеховыя корпораціи, придравшись къ этому обстоятельству, въ силу своихъ привилегій, ему этого не разрѣшили. Тогда на помощь Уатту пришелъ Глазговскій университетъ, который также имѣлъ права отдѣльной городской корпораціи, и позволилъ ему устроить свою мастерскую въ университетскомъ дворѣ, сдавши ему въ то же время подрядъ на починку приборовъ и инструментовъ университетскихъ лабораторій. Въ этой же мастерской Уаттъ, работая надъ починкой старой огневой машины Ньюкомена, принадлежавшей университетскому кабинету, пришелъ къ изобрѣтенію парового двигателя. Въ то время, когда либеральная коллегія глазговскихъ профессоровъ разрѣшила Уатту устройство его мастерской на университетской территоріи, въ составѣ ея находился и Смитъ, который потомъ часто посѣщалъ мастерскую Уатта и велъ бесѣды съ энергичнымъ молодымъ человѣкомъ. Уаттъ всю жизнь сохранилъ признательное отношеніе къ Смиту и послѣ его смерти, въ память о немъ, въ 1809 г. собственноручно сдѣлалъ изваяніе его бюста изъ слоновой кости. Изъ сообщеній біографовъ Смита мы знаемъ, что онъ, интересуясь разными сторонами хозяйственной жизни Англіи во время своего пребыванія въ Глазго, Эдинбургѣ и Лондонѣ, чрезвычайно охотно вступалъ въ общеніе съ видными негоціантами, торговцами и промышленниками черезъ посредство ученыхъ обществъ и клубовъ. Изучая положеніе англійскихъ колоній, онъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ высшими чиновниками, завѣдующими

управленіемъ колоній, съ видными путешественниками и бывшими администраторами ость-индскихъ колоній, возвратившимися въ Англію. Собираніе новыхъ фактовъ для обоснованія своихъ выводовъ Смитъ продолжалъ и послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія «Богатства народовъ». Объ этомъ можно судить потому, что въ редактированномъ имъ четвертомъ изданіи этого сочиненія, онъ, въ предисловіи, благодаритъ нѣкоего банкира Генриха Гопе за его сообщенія объ Амстердамскомъ банкѣ.

Это внимательное изученіе Смитомъ современной ему экономической дѣйствительности нашло свое полное выраженіе въ трактатѣ «О богатствѣ народовъ». При чтеніи этой книги поражаетъ, первымъ дѣломъ, необычайная способность автора къ наблюденію надъ общественными явленіями и его чрезвычайно обширное по тому времени знакомство съ фактами прошедшей и современной жизни. Въ этой книгѣ вы встрѣчаетесь на каждомъ шагу съ фактами и чувствуете непосредственное соприкосновеніе мысли автора съ дѣйствительной, реальной жизнью. Смитъ является въ своей книгѣ не столько отвлеченнымъ мыслителемъ, сколько наблюдателемъ, пишущимъ о промышленномъ мірѣ, среди котораго онъ жилъ. Только благодаря такому конкретному характеру, книга его производила впечатлѣніе на практическихъ людей и такихъ политическихъ дѣятелей своего времени, какъ Питъ старшій, который хвалилъ ея автора «за его обширное знакомство съ деталями, равно какъ и за глубину его философскихъ изысканій».

Указанное свойство составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ причину нѣкоторыхъ недостатковъ книги Смита въ литературномъ отношеніи: въ ней находится масса фактовъ, имѣющихъ лишь временный интересъ. Смитъ иногда быстро перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, пускается въ длинныя отступленіи на манеръ людей, которые привыкли больше наблюдать детали, нежели подводить имъ общіе итоги. У него нѣтъ, быть-можетъ, той могучей силы абстрактнаго обсужденія, которую мы находимъ у нѣкорыхъ его послѣдователей, особенно у Рикардо, но зато его даръ заключается въ обширности и разнообразіи наблюденій и въ удивительномъ умѣніи иллюстрировать свою мысль и доводить ее до послѣдней степени ясности [1]).

[1]) А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи, изд. 1902 г, стр. 128.

Но задача изслѣдованія «о богатствѣ народовъ» не исчерпывается характеристикой и анализомъ отдѣльныхъ экономическихъ явленій. Правда, у Смита мы не встрѣчаемъ разсужденій, старательно нанизываемыхъ съ тою цѣлью, чтобы получить тѣ и другіе выводы изъ отвлеченныхъ положеній, однако, по существу всей структуры трактата Смита, изслѣдованіе конкретныхъ фактовъ было только основною почвою, на которой онъ создалъ цѣлую систему экономической науки. При всей внѣшней, видимой разобщенности отдѣльныхъ частей трактата Смита «О богатствѣ народовъ», они связаны между собою единствомъ общихъ принциповъ, которыми онъ освѣщаетъ явленія, въ основѣ ихъ лежитъ одна общая идея. Всѣ тѣ особенности трактата Смита, которыя даютъ основанія разсматривать его не иначе, какъ одно систематическое цѣлое, приданы ему авторомъ, благодаря примѣненію въ широкомъ масштабѣ дедуктивнаго метода, каковымъ онъ, какъ ученикъ Гётчесона и шотландскихъ философовъ, владѣлъ въ совершенствѣ. Клифъ Лесли и другіе представители исторической школы основательно оспариваютъ мнѣніе Бокля, высказанное имъ въ его «Исторіи цивилизаціи Англіи», что методъ изслѣдованія, примѣненный Смитомъ въ «Богатствѣ народовъ», былъ чисто дедуктивный, такъ какъ политическая экономія—наука дедуктивная; но экономисты исторической школы, въ свою очередь, впадаютъ въ другую крайность, стараясь представить Смита послѣдователемъ «чисто индуктивнаго метода».

Теперь, послѣ многочисленныхъ изслѣдованій объ Адамѣ Смитѣ, изданныхъ въ 1876 году по поводу столѣтняго юбилея выхода въ свѣтъ сочиненія «О богатствѣ народовъ», а также на основаніи тщательной оцѣнки его текста цѣлымъ рядомъ экономистовъ, надо считать безспорно установленнымъ, что, насколько Смитъ является творцомъ особой экономической системы, онъ оперируетъ дедуктивнымъ методомъ, основаннымъ на немногихъ общихъ посылкахъ.

Какое мѣсто занимаетъ дедуктивный методъ въ построеніи экономической системы Смита, это мы постараемся показать въ послѣдующемъ изложеніи.

Исходнымъ моментомъ всей его системы служило ученіе естественнаго права и въ особенности выдвинутая этой доктриной мысль о томъ, что явленія общественной жизни подчинены опредѣленнымъ законамъ. Приступая къ своему изслѣдованію,

Смитъ имѣлъ уже передъ собою плодотворную мысль физіократовъ о томъ, что въ экономическихъ отношеніяхъ господствуетъ опредѣленный порядокъ. Какъ же открыть законы, которымъ подчиняется этотъ порядокъ? Пріемъ, къ которому прибѣгъ Смитъ для раскрытія этого порядка былъ ему подсказанъ въ теоріи естественнаго права, въ ученіи Руссо и энциклопедистовъ. Энциклопедисты, какъ извѣстно, отрицали благотворное вліяніе современныхъ имъ учрежденій на человѣческую личность, потому что при созданіи этихъ учрежденій, по ихъ мнѣнію, не было отведено мѣста свободному желанію и соглашенію людей. Они вѣрили, что самый выгодный для всѣхъ порядокъ общественныхъ отношеній установится тогда, когда всякій человѣкъ будетъ имѣть возможность поступать по свободному влеченію своихъ общественныхъ инстинктовъ. Это воззрѣніе раздѣлялъ и Смитъ и, сосредоточивъ свое вниманіе на хозяйственной дѣятельности человѣка, замѣтилъ, что общій мотивъ, который руководитъ всѣми людьми въ этой области, есть стремленіе къ выгодѣ, къ личной пользѣ. Значитъ, рѣшилъ Смитъ, это и есть та сила, которая въ своемъ свободномъ проявленіи въ сферѣ экономической жизни гарантируетъ достиженіе общаго блага. «Преслѣдуя свою собственную выгоду,—говоритъ Смитъ,—человѣкъ часто работаетъ на пользу общую болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если бы прямо задался такою цѣлью» (т. II, стр. 264[1])). Отсюда у Смита явилось отождествленіе интересовъ отдѣльныхъ лицъ съ интересами общества. «Что считается благоразумнымъ въ жизни частнаго человѣка, то, по его мнѣнію, не можетъ быть не благоразумнымъ въ образѣ дѣйствій цѣлаго народа». Принявъ эту общую посылку, А. Смитъ до чрезвычайности упростилъ задачу открытія законовъ народнаго хозяйства. Стоило только прослѣдить проявленіе этого стремленія къ личной выгодѣ въ экономической жизни, и сама логика этого чувства указывала тѣ законы, которымъ подчиняются хозяйственная дѣятельность людей, соединенныхъ въ общество. Человѣкъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ въ матеріальныхъ благахъ посредствомъ труда. Въ силу хозяйственнаго разсчета, всякій человѣкъ старается получить возможно большее количество продуктовъ,

[1]) Цитируется по русскому переводу „Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ". П. А. Бибикова. С.-Петербургъ, 1866.

съ затратою возможно меньшаго количества трудовой энергіи. Отсюда предметомъ заботливости людей становится изысканіе способовъ сдѣлать одно и то же количество трудовой силы возможно болѣе производительнымъ. Ближайшимъ средствомъ для этого является раздѣленіе труда и сотрудничество. Но успѣшности производства много содѣйствуетъ утилизированіе силъ природы помощью разныхъ усовершенствованныхъ орудій производства; примѣненіе же этихъ орудій гребуетъ предварительныхъ затратъ, т. е. капитала. Если капиталъ повышаетъ производительность труда, то, при существованіи частной собственности, владѣлецъ его—самъ ли онъ будетъ прилагать свой капиталъ къ производству, или будетъ ссужать его другому производителю,—пожелаетъ непремѣнно получить за капиталъ, употребленный на производство, извѣстный эквивалентъ. Отсюда получаютъ свое начало процентъ и прибыль на капиталъ и т. д.

Тотъ же мотивъ личнаго интереса влечетъ людей ко взаимному обмѣну услугами и продуктами. «Въ образованномъ обществѣ каждому человѣку ежеминутно встрѣчается необходимость въ помощи и въ услугахъ множества людей, а между тѣмъ всей его жизни едва ли достало бы онъ для снисканія дружбы нѣсколькихъ человѣкъ. Тщетно ожидалъ бы онъ этой помощи отъ своихъ близкихъ, исключительно отъ ихъ расположенія. Ему несравненно выгоднѣе обратиться къ ихъ личной выгодѣ и убѣдить ихъ, что ихъ собственный интересъ состоитъ въ исполненіи того, чего онъ отъ нихъ требуетъ. Это и дѣлаетъ человѣкъ, предлагая другому какой-либо обмѣнъ. Смыслъ его предложенія состоитъ въ слѣдующемъ: дай мнѣ то, что мнѣ нужно, а ты получишь отъ меня то, что нужно тебѣ. Бо́льшая часть полученныхъ нами услугъ получается именно такимъ образомъ. Не отъ расположенія къ намъ мясника, пивовара или булочника ожидаемъ мы нашего обѣда, а отъ пристрастія ихъ къ своимъ собственнымъ выгодамъ. Мы обращаемся не къ гуманнымъ чувствамъ ихъ, а къ эгоистическимъ; мы говоримъ имъ не о нашихъ нуждахъ, а объ ихъ выгодѣ». (Т. 1, стр. 113). Такова нить умозаключеній, которую можно прослѣдить въ экономической теоріи Смита. Тѣмъ же дедуктивнымъ путемъ, выходя изъ общей посылки, что человѣкъ стремится къ личной пользѣ и этимъ осуществляетъ общественный интересъ, Смитъ приходитъ къ необходимости полной свободы торговли и конкуренціи. Личный интересъ, при условіяхъ свободы

хозяйственной дѣятельности, есть лучшій руководитель въ стремленіи къ экономическому благосостоянію націи. Выходя изъ небольшого количества посылокъ, онъ чисто дедуктивнымъ путемъ выводитъ главнѣйшіе законы теоретической экономіи — ученіе о раздѣленіи труда, о цѣнности и цѣнѣ, капиталѣ, о заработной платѣ, прибыли и рентѣ, составляющихъ содержаніе первой книги сочиненія «О богатствѣ народовъ». Если бы Смитъ написалъ только первую книгу своего сочиненія «О богатствѣ народовъ», то и ея достаточно бы было, чтобы имя его заняло одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи политической экономіи. Главныя открытія, которыми Смитъ обогатилъ науку, составляютъ результатъ дедуктивнаго метода. Но нельзя не замѣтить, что дедуктивный методъ въ умѣлыхъ рукахъ Смита потому именно и привелъ къ успѣшнымъ результатамъ, что онъ, слѣдуя ему, опирался въ то же время на обширный запасъ предварительныхъ наблюденій, относящихся къ хозяйственному быту и хозяйственной исторіи. Въ своихъ дедуктивныхъ выводахъ Смитъ ни на минуту не теряетъ фактической почвы и всякое свое положеніе поясняетъ фактами хозяйственной исторіи или современной хозяйственной жизни. Въ этихъ разъясненіяхъ Смитъ слѣдуетъ преимущественно индуктивному методу, которому отведено преобладающее мѣсто въ послѣднихъ 4-хъ книгахъ «О богатствѣ народовъ».

Примѣненіе Смитомъ индукціи въ нѣкоторыхъ частяхъ своего изслѣдованія оказалось для его труда, безъ всякаго сомнѣнія, весьма благодѣтельнымъ: оно избавило Смита отъ многихъ крайностей, къ которымъ пришли нѣкоторые его послѣдователи, исключительно пользовавшіеся въ своихъ изслѣдованіяхъ абстрактнымъ методомъ. Для примѣра можно указать на его утвержденіе о неравенствѣ дѣйствительной прибыли и заработной платы въ различныхъ приложеніяхъ труда и капитала, въ противоположность ихъ равенству въ теоріи; а также надо припомнить тѣ страницы, на которыхъ Смитъ выставляетъ въ невыгодномъ свѣтѣ классовый интересъ купцовъ и промышленниковъ, какъ плохихъ совѣтчиковъ въ общественныхъ дѣлахъ, въ особенности когда дѣло касается интересовъ рабочихъ, хотя въ теоретической части своего трактата онъ и отождествляетъ личный интересъ съ общественнымъ (т. I, стр. 248, 313 и др.). Сюда же относятся и тѣ исключенія,

которыя онъ дѣлаетъ изъ своего ученія о свободной торговлѣ. Въ теоретической части своего труда Смитъ, какъ мы уже знаемъ, считаетъ свободу торговли необходимымъ условіемъ промышленнаго развитія и требуетъ устраненія всякаго правительственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь. Такъ думаетъ Смитъ, пока онъ находится на высотѣ абстрактнаго изслѣдованія; но, переходя къ наблюденію частныхъ явленій дѣйствительной жизни и къ условіямъ историческаго развитія народовъ, онъ признаетъ, что бываютъ случаи, когда народу, въ интересахъ развитія его промышленности, бываетъ выгодно прибѣгнуть къ ограниченіямъ свободы торговли. Смитъ приводитъ цѣлыхъ четыре случая, при которыхъ правительства должны оказывать поощреніе нѣкоторымъ отраслямъ отечественной промышленности и налагать стѣсненія на иностранныхъ торговцевъ. Во-1-хъ, онъ допускаетъ, что особенно необходимо поощреніе тѣхъ отраслей промышленности, которыя важны для внѣшней безопасности страны. Въ силу этого соображенія, Смитъ вполнѣ оправдываетъ Кромвелевскій актъ 1651 года, которымъ обезпечивалась великобританскимъ кораблямъ и матросамъ монополія мореплаванія. Во-2-хъ, бываетъ выгодно ради поощренія отечественной промышленности наложить нѣкоторую пошлину на продукты иностраннаго ввоза, когда соотвѣтствующія туземныя произведенія уже обременены нѣкоторымъ налогомъ. Въ-3-хъ, когда иностранцы налагаютъ запрещенія или слишкомъ высокую пошлину на какой-нибудь товаръ, то отсюда естественно возникаетъ вопросъ о возмездіи, о наложеніи подобныхъ же пошлинъ на ввозъ въ страну иностранныхъ товаровъ. Въ-4-хъ, слѣдуетъ избѣгать быстраго перехода къ свободной торговлѣ, если вся мануфактурная промышленность страны возникла подъ вліяніемъ запрещенія или пошлинъ, наложенныхъ на иностранные товары. Въ такомъ случаѣ переходъ къ свободной торговлѣ долженъ быть совершенъ съ большою постепенностью. Одновременное снятіе запрещеній и пошлинъ съ иностранныхъ товаровъ повлекло бы за собою наполненіе рынка болѣе дешевыми иностранными товарами, а при этомъ тысячи рабочихъ оказались бы вдругъ безъ работы и безъ всякихъ средствъ существованія. (Книга IV, глава II).

Приведенными исключеніями не исчерпываются всѣ ограниченія доктрины свободы торговли и конкуренціи. Принципіальный врагъ всякихъ монополій, Смитъ признаетъ однако пользу монополіи

для Англіи въ самомъ крайнемъ ея проявленіи въ англійской колоніальной торговлѣ, выразившемся въ надѣленіи исключительными правами и привилегіями Ость-Индской Компаніи. «Естественныя благія послѣдствія колоніальной торговли,—говоритъ онъ,—однако же болѣе нежели перевѣшиваютъ для Великобританіи дурныя дѣйствія монополіи, такъ что монополія и всецѣло эта торговля, даже какъ она ведется въ настоящее время, не только выгодна, но даже чрезвычайно выгодна». (Книга IV, глава VII). Было бы несправедливо разсматривать всѣ допущенныя Смитомъ уклоненія отъ его главной доктрины о свободѣ торговли и конкуренціи, какъ результатъ непослѣдовательности или слабой продуманности его системы. Напротивъ, эти кажущіяся противорѣчія въ ученіяхъ Смита говорятъ только о чрезвычайной широтѣ и разносторонности его ума. Бо́льшая часть кажущихся противорѣчій у Смита объясняется тѣмъ, что онъ разсматриваетъ хозяйственныя явленія не съ одной, а съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія. Пока онъ остается въ области чисто экономической теоріи, т. е. старается только объяснить хозяйственныя явленія, онъ придерживается воззрѣнія, что человѣкъ, всегда руководится хозяйственнымъ интересомъ и личной выгодой, которые ему обезпечиваютъ достиженіе цѣлей благосостоянія. Становясь же на точку зрѣнія экономическаго политика и законодателя, Смитъ, при разсмотрѣніи разныхъ мѣропріятій въ хозяйственной жизни, дѣлаетъ уступки другимъ мотивамъ, кромѣ хозяйственныхъ, какъ политическимъ такъ и моральнымъ

Очеркъ основныхъ воззрѣній Смита. Что же разумѣетъ Смитъ подъ политической экономіей?—Опредѣленіе, данное имъ этой наукѣ, далеко не выражаетъ всего ея содержанія въ томъ видѣ, какъ она представлена въ его научной системѣ. Политическая экономія, по опредѣленію Смита, имѣетъ предметомъ своимъ двѣ цѣли: первая состоитъ въ доставленіи народу достаточнаго дохода, обильныхъ средствъ существованія или же, вѣрнѣе, въ доставленіи ему самому возможности получать эти обильныя средства; вторая заключается въ доставленіи государству или обществу достаточнаго дохода на общественныя потребности: она имѣетъ въ виду обогатить одновременно какъ народъ, такъ и государство. (Кн. IV, стр. 225). Такимъ образомъ, Смитъ опредѣляетъ политическую экономію, какъ науку о практическихъ мѣропріятіяхъ въ области хозяйственной

жизни. Но, на самомъ дѣлѣ, въ его собственномъ изложеніи во всей книгѣ о богатствѣ народовъ эта наука представляется съ болѣе разнообразными содержаніемъ, чѣмъ то, которое приписано ей приведеннымъ опредѣленіемъ. Мы уже знаемъ, что все богатое содержаніе сочиненія о богатствѣ народовъ можетъ быть въ методологическомъ отношеніи распредѣлено на три части, соотвѣтственно тремъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ Смитъ разсматриваетъ хозяйственныя явленія. Существенную часть его составляло изслѣдованіе о законахъ хозяйственныхъ явленій (сюда нужно отнести по преимуществу книгу 1-ю), но эти изслѣдованія постоянно сплетаются у него съ соображеніями по хозяйственной политикѣ и исторіи (преимущественное содержаніе его послѣднихъ 4-хъ книгъ). Итакъ, изъ самаго содержанія сочиненія о богатствѣ народовъ можно убѣдиться, что Смитъ несравненно шире смотритъ на предметъ политической экономіи, чѣмъ это онъ выразилъ въ своемъ опредѣленіи. Основываясь на самомъ содержаніи системы ученій Смита, слѣдовало бы сказать, что предметомъ политической экономіи служитъ народное богатство, разсматриваемое въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ: во-1-хъ, съ точки зрѣнія законовъ или порядка, господствующаго въ явленіяхъ богатства; во-2-хъ, съ точки зрѣнія мѣропріятій разсчитанныхъ на усовершенствованіе хозяйственной жизни, и, въ-3-хъ, со стороны развитія явленій хозяйственной жизни. Но что̀ понимаетъ Смитъ подъ богатствомъ?—«Человѣкъ,—говоритъ онъ,—богатъ или бѣденъ, смотря по средствамъ, которыми онъ обладаетъ для доставленія себѣ предметовъ необходимости, удобства и удовольствія (стр. 134). Итакъ, богатство, по Смиту, есть совокупность всѣхъ матеріальныхъ вещей, служащихъ для цѣлей человѣка. Въ чемъ же заключается источникъ богатства? На это Смитъ отвѣчаетъ, въ первыхъ строкахъ своего сочиненія. «Годовой трудъ,—говоритъ онъ,—составляетъ главное средство, ежегодно доставляющее народу всѣ предметы, удовлетворяющіе его первымъ потребностямъ и служащіе для удобства его жизни; и всѣ эти предметы или производятся непосредственно трудомъ, или вымѣниваются у другихъ народовъ на произведенія его труда».

Въ противоположность физіократамъ, ставившимъ природу главнымъ источникомъ народнаго богатства, и меркантилистамъ, считавшимъ такимъ источникомъ торговлю, Смитъ выводитъ на

первый планъ трудъ. «Трудъ,—говоритъ онъ,—есть единственный прочный фундаментъ всякаго государственнаго и хозяйственнаго величія, силы и благосостоянія, истинный рычагъ, приводящій въ движеніе силы почвы, способствующій процвѣтанію ремеслъ и оживляющій торговлю».

Въ приведенныхъ замѣчаніяхъ Смита достаточно намѣченъ предметъ политической экономіи и опредѣлена область изучаемыхъ въ экономіи явленій. Эти явленія—народное богатство и человѣческій трудъ. Но при этомъ возникалъ вопросъ: всѣ ли виды человѣческаго труда должны быть разсматриваемы въ политической экономіи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ явилось ученіе Смита о производительности труда. Въ противоположность физіократическому ученію, считавшему производительнымъ только земледѣльческій трудъ, Смитъ полагалъ, что всѣ роды хозяйственнаго труда, направленнаго на производство матеріальныхъ благъ,—производительны. Но Смитъ однако сохранилъ названіе «непроизводительный трудъ» для всѣхъ тѣхъ видовъ труда, которые, хотя и очень полезны сами по себѣ, но не направлены на хозяйственную дѣятельность, какъ, напр.: трудъ ученыхъ, военныхъ, чиновниковъ и т. п. Слово «непроизводительный» употребляется имъ въ смыслѣ всякаго труда, не направленнаго на хозяйственную дѣятельность. Но этотъ неудачный выборъ эпитета послужилъ источникомъ большихъ недоразумѣній. Нѣкоторыя школы, основываясь на этомъ неудачномъ выраженіи, обвиняютъ Смита въ томъ, что онъ унижаетъ цѣлый рядъ почтенныхъ профессій, относя ихъ къ непроизводительнымъ. Но самъ Смитъ многократно оговаривается, что хозяйственными цѣлями трудъ народа не исчерпывается. Есть отрасли занятій, которыя имѣютъ несравненно болѣе почтенныя качества, нежели трудъ хозяйственный, но которыя не основательно относить къ числу производительныхъ, въ смыслѣ созданія матеріальнаго богатства.

Опредѣливъ, какого свойства трудъ подлежитъ разсмотрѣнію въ политической экономіи, Смитъ переходитъ къ уясненію условій производительности хозяйственнаго труда. Первымъ условіемъ усовершенствованія въ производительной силѣ труда служитъ, по Смиту, *раздѣленіе труда*. Смитъ разъясняетъ выгоды раздѣленія труда на извѣстномъ примѣрѣ булавочнаго производства. На этой фабрикѣ, которую пришлось наблюдать Смиту, процессъ этого производства

раздѣляется на восемнадцать отдѣльныхъ операцій, изъ которыхъ почти каждая составляетъ отдѣльное ремесло: одинъ работникъ тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостриваетъ, пятый обтачиваетъ конецъ для головки. Сама головка составляетъ предметъ двухъ или трехъ особыхъ операцій: выбить ее составляетъ отдѣльное занятіе, чистка булавокъ составляетъ другое,—даже прокалывать бумажки и вкалывать въ нихъ булавки составляетъ особое и отдѣльное занятіе. Въ небольшомъ заведеніи, которое приходилось видѣть Смиту, состоящемъ изъ десяти человѣкъ, одному и тому же работнику поручено было двѣ или три операціи въ процессѣ производства. Несмотря на то, что это заведеніе было бѣдно и снабжено дурными инструментами, тѣмъ не менѣе 10 работниковъ его приготовляли въ день до 12 фунтовъ булавокъ, а въ фунтѣ бываетъ болѣе четырехъ тысячъ булавокъ средней величины. Такимъ образомъ, десять человѣкъ рабочихъ могли сдѣлать болѣе сорока восьми тысячъ булавокъ въ день, слѣдовательно,—на долю каждаго изъ десяти приходилось четыре тысячи восемьсотъ штукъ. Но если бы каждый изъ нихъ работалъ отдѣльно отъ прочихъ и они не были бы обучены этому дѣлу, то, разумѣется, ни одинъ изъ нихъ не приготовилъ бы и двадцати, а другой, можетъ-быть, не сдѣлалъ бы ни одной въ теченіе цѣлаго дня. Примѣръ этотъ, который со времени Смита повторяется почти во всѣхъ курсахъ политической экономіи, показывалъ съ наглядной убѣдительностью, въ какой высокой степени возрастаетъ производительность труда при техническомъ раздѣленіи производства и искусномъ соединеніи различныхъ занятій.

Но человѣкъ можетъ спеціализироваться на извѣстномъ занятіи, когда онъ имѣетъ возможность обмѣнивать свой продуктъ на всѣ другія необходимыя для него произведенія. Словомъ, раздѣленіе труда предполагаетъ существованіе рынка и обмѣна. Стремленіе къ обмѣну, по Смиту, есть одно изъ свойствъ человѣческой натуры. При началѣ введенія раздѣленія труда производство мѣны должно было встрѣтить множество затрудненій. Положимъ, что у одного человѣка болѣе предметовъ потребленія, чѣмъ сколько ему нужно, между тѣмъ какъ другой чувствуетъ въ нихъ недостатокъ. Вслѣдствіе этого первый охотно промѣнялъ бы часть своего избытка, а послѣдній съ такою же готовностью купилъ бы ее. Но если, но не-

счастью, послѣдній не имѣетъ ничего изъ этого, въ чемъ нуждается первый, то между ними не можетъ произойти никакого обмѣна. Для избѣжанія этого неудобства люди заботились о томъ, чтобы во всякое время имѣть такой товаръ, который нуженъ было бы всѣмъ и за который каждый изъ нихъ охотно обмѣнивалъ бы свои издѣлія. Испробовавъ для этого самые разнообразные предметы: скотъ, раковины, табакъ, сахаръ, кожи,—люди остановились, наконецъ, на благородныхъ металлахъ, которые сначала употреблялись въ слиткахъ и измѣрялись вѣсомъ, а затѣмъ получили форму чеканной монеты.

Вторымъ условіемъ увеличенія производительности труда, по Смиту, служитъ приложеніе капитала. Назначеніе капитала, говоритъ онъ, состоитъ въ развитіи производительности силы труда или въ доставленіи возможности прежнему числу рабочихъ доставить большее количество товаровъ (кн. II, стр. 21). Уясненіе функцій капитала составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ Смита. Капиталомъ Смитъ называетъ ту часть сбереженныхъ запасовъ, которая предназначается для полученія дохода (кн. II, стр. 9). Капиталъ онъ раздѣляетъ на двѣ категоріи: оборотный и постоянный. Капиталъ оборотный приноситъ его владѣльцу доходъ постояннымъ переходомъ въ другія руки и постоянною перемѣною своей формы, обращаясь послѣдовательно изъ денегъ въ разнообразные товары. Постоянный капиталъ доставляетъ доходъ, при сохраненіи неизмѣнности своей формы (наприм., машины и орудія производства) и оставаясь во владѣніи одного и того же лица.

Для того, чтобы сдѣлать возможнымъ построеніе главнѣйшихъ законовъ теоретической экономіи, необходимо было предварительно открыть въ самыхъ объектахъ политической экономіи такія соизмѣримыя качества, при которыхъ была бы возможность подвергать ихъ учету и сравненію. Адамъ Смитъ искусно разрѣшилъ эту коренную задачу экономической теоріи въ ученіи о цѣнности хозяйственныхъ благъ. Слово цѣнность, по Смиту, имѣетъ два различныхъ значенія; иногда имъ обозначается полезность какого-либо извѣстнаго предмета, а иногда оно обозначаетъ возможность, представляемую этимъ предметомъ, купить на него другіе предметы. Первую онъ называетъ цѣнностью въ употребленіи, а другую—цѣнностью мѣновою. При этомъ предметы, имѣющіе чрезвычайно высокую

цѣнность въ употребленіи, нерѣдко вовсе не имѣютъ или имѣютъ весьма ничтожную мѣновую цѣнность. Ничего не можетъ быть необходимѣе воды, но за нее едва-ли можно что-нибудь получить. Алмазъ же, напротивъ того, едва-ли имѣетъ какую цѣнность въ употребленіи, но за него часто можно вымѣнять огромное количество другихъ вещей. Относительно мѣновой цѣнности Смитъ ставитъ и разрѣшаетъ три вопроса: во-первыхъ, что̀ составляетъ мѣру мѣновой цѣнности или въ чемъ состоитъ дѣйствительная цѣна предметовъ мѣны, во-вторыхъ, изъ какихъ частей состоитъ цѣна вещей, и, наконецъ, въ-третьихъ, какія обстоятельства оказываютъ вліяніе на повышеніе или пониженіе частей, входящихъ въ составъ этой цѣны.

На первый вопросъ Смитъ отвѣчаетъ, «что цѣнность каждой вещи равна количеству работы, которое можно купить или заказать за нее, и что дѣйствительная мѣра мѣновой цѣнности всякаго предмета мѣны есть трудъ и усилія, которые нужно употребить для его пріобрѣтенія». Но, хотя трудъ и есть дѣйствительная мѣра мѣновой цѣнности всякаго предмета, но въ хозяйственномъ оборотѣ мѣновую цѣнность вещей измѣряютъ не трудомъ, а деньгами или количествомъ другихъ товаровъ, которые можно получить взамѣнъ ихъ. Что касается достоинства этого мѣрила цѣнности, то нужно сказать, что деньги, подобно всѣмъ другимъ товарамъ, суть крайне неточныя мѣрила, потому что онѣ сами постоянно измѣняются въ своей цѣнности, вслѣдствіе колебаній въ издержкахъ добычи металловъ и усовершенствованій въ техникѣ чеканки монеты. Неизмѣняющимся мѣриломъ цѣнности, по Смиту, является одинъ только трудъ. Смитъ думаетъ, что равныя количества труда въ отдаленныя одна отъ другой эпохи равноцѣнны для работника, въ чемъ онъ, какъ извѣстно глубоко ошибался. Послѣ труда, изъ всѣхъ предметовъ, которыми можно измѣрять мѣновую цѣнность вещей, — хлѣбъ наименѣе подверженъ измѣненію въ своей цѣнности во времени, поэтому онъ можетъ считаться наиболѣе точнымъ мѣриломъ цѣнности вещей, во всякомъ случаѣ болѣе точнымъ, чѣмъ драгоцѣнные металлы и деньги. Но, хотя деньги, вслѣдствіе измѣненія въ своей собственной цѣнности, представляются довольно несовершеннымъ мѣриломъ цѣнности другихъ вещей, но тѣмъ не менѣе и они, въ предѣлахъ одного и того же времени и одного и того же мѣста, составляютъ

довольно точную мѣру мѣновой цѣнности, но только при этихъ условіяхъ. Деньги Смитъ называетъ нарицательною, а трудъ— дѣйствительною цѣною вещей.

Изъ какихъ же частей слагается цѣна вещей? Въ первобытномъ состояніи общества, предшествующемъ накопленію капиталовъ и обращенію въ собственность земель, цѣна предметовъ состояла изъ количества труда необходимаго для пріобрѣтенія этихъ предметовъ (т. I, стр. 167). Но, послѣ того какъ въ обществѣ скопилось нѣкоторое количество капиталовъ, сдѣлавшихся достояніемъ отдѣльнаго класса лицъ, а земля также перешла въ частную собственность, то въ составъ цѣны товаровъ стали входить, кромѣ платы рабочаго, прибыль капиталиста и рента для землевладѣльца (т. I, стр. 168, 169). Опредѣливъ совершенно вѣрно соціально-экономическіе факторы, которые вызвали распредѣленіе цѣнности товаровъ между тремя классами общества, Смитъ, въ послѣдующемъ изложеніи этого предмета, дѣлаетъ ошибку, которая внесла много путанности въ ученіе о цѣнности и которая была уже замѣчена Рикардо; а именно, указывая на источникъ происхожденія прибыли и ренты, Смитъ очень часто, на страницахъ своего изслѣдованія, забываетъ, что, анализируя эти экономическія понятія, онъ имѣетъ дѣло съ фактами распредѣленія благъ, которыя сами по себѣ не имѣютъ вліянія на цѣнность предметовъ. Словомъ Смитъ смѣшиваетъ здѣсь факторы распредѣленія съ факторами производства и съ цѣнностью товара. Вслѣдствіе этого смѣшенія, заработная плата, прибыль и рента являются у него не только частями, на которыя раздѣляется цѣнность всякой вещи, но они являются также и тремя первоначальными источниками всякой мѣновой цѣнности. Принявъ это послѣднее положеніе Смита, слѣдовало бы сдѣлать такое заключеніе, что вещь представляетъ меньшую цѣнность, пока она нераздѣльно принадлежитъ ея производителю-работнику, но когда формы распредѣленія измѣняются, когда продуктъ труда начинаетъ распредѣляться между собственникомъ капитала и землевладѣльцемъ, а рабочему въ ней принадлежитъ только одна доля, то цѣнность ея увеличивается на всю сумму ренты и прибыли,—что совершенно не вѣрно съ точки зрѣнія принциповъ производства, раньше выясненныхъ самимъ Смитомъ. Ошибка, допущенная Смитомъ въ вопросѣ о цѣнности, можетъ быть

замѣчена при сравненіи его ученія съ усовершенствованіями, сдѣланными въ теоріи цѣнности слѣдовавшими за нимъ экономистами. По сравненію же съ предшественниками, ученіе Смита о цѣнности и ея составныхъ частяхъ проливаетъ совершенно новый свѣтъ на этотъ предметъ. Заслуга Смита въ вопросѣ о цѣнности заключается въ томъ, что онъ успѣлъ подмѣтить общее всѣмъ хозяйственнымъ благамъ ихъ соизмѣримое свойство (то, что всѣ они стоятъ труда и относятся между собою какъ количества труда) и, совершенно игнорируя въ дальнѣйшемъ анализѣ индивидуальныя особенности хозяйственныхъ благъ (ихъ полезность), показалъ возможность сравнивать между собою предметы, отличающіеся самыми разнообразными свойствами. Тотъ же логическій пріемъ, основанный на отысканіи общихъ свойствъ явленій и игнорированіи ихъ индивидуальныхъ особенностей, помогъ Смиту ориентироваться въ объясненіи закона цѣнъ.

Въ каждомъ обществѣ и въ каждой мѣстности, говоритъ Смитъ, существуетъ средняя цѣна товаровъ и тѣхъ составныхъ частей, изъ которыхъ она состоитъ, т. е. существуетъ средняя величина прибыли, ренты и заработной платы. Эту среднюю величину можно назвать *естественною цѣною* заработной платы, прибыли и ренты для того времени и для той мѣстности, въ которой она обыкновенно преобладаетъ. Точно также, если цѣна какого-либо товара стоитъ не выше и не ниже того, что должно уплатить по естественнымъ цѣнамъ за наемъ земли, капитала и труда для произведенія сырого матеріала, обработки его и доставленія на рынокъ, то этотъ товаръ продается по цѣнѣ, которую можно назвать *естественною его цѣною* (т. I, стр. 177, 178). Но эту естественную цѣну можно замѣтить, такъ сказать, только научнымъ взглядомъ. Дѣйствительная же цѣна, по которой продается обыкновенно товаръ, составляетъ то, что называютъ его *рыночною цѣною*. Она можетъ быть выше, ниже и на одномъ уровнѣ съ его естественною цѣною. Чѣмъ же опредѣляется эта рыночная цѣна и какими обстоятельствами обусловливаются ея уклоненія отъ естественной цѣны? «Рыночная цѣна каждаго отдѣльнаго товара опредѣляется отношеніемъ между количествомъ его, существующимъ на рынкѣ, и требованіями тѣхъ людей, которые готовы купить его по естественной цѣнѣ, т. е. оплатить то, что стоилъ наемъ земли, капитала и труда для доставленія его на рынки. Здѣсь возможны три случая: когда количество

продуктовъ, доставленныхъ на рынокъ, меньше потребности въ немъ, больше и равно. Когда количество какого-либо произведенія, доставленнаго на рынокъ, меньше дѣйствительнаго спроса, то не всѣ лица, которыя согласны оплатить только ренту, заработную плату и прибыль, употребленныя для доставленія этого товара на рынокъ, будутъ въ состояніи добыть потребное его количество. Многія изъ нихъ скорѣе согласятся заплатить дороже, чѣмъ вовсе его не получить. Между ними немедленно обнаружится конкуренція и рыночная цѣна подымется болѣе или менѣе выше цѣны естественной, смотря по недостатку товара, по богатству и по желаніямъ соискателей. Если же количество товара, доставленнаго на рынокъ, превышаетъ дѣйствительное требованіе, то все оно не можетъ быть продано тѣмъ, кто согласенъ уплатить обычную стоимость ренты, заработной платы и прибыли, употребленныхъ на производство товара. Является необходимость продать часть товара людямъ, желающимъ заплатить менѣе всей этой стоимости, и предлагаемая ими низкая цѣна необходимо понижаетъ цѣну всего товара. Рыночная цѣна въ такомъ случаѣ упадетъ болѣе или менѣе ниже естественной цѣны. Когда количество доставленнаго на рынокъ товара вполнѣ достаточно для удовлетворенія дѣйствительнаго спроса, но не болѣе, то *рыночная цѣна* естественно совпадаетъ съ *естественной цѣною*. Все предназначенное для продажи количество товара будетъ, въ такомъ случаѣ, распродано по той цѣнѣ, которая не можетъ быть уже поднята. Конкуренція побудитъ продавцевъ принять эту цѣну, но не допуститъ ихъ согласиться на меньшую. Естественная цѣна составляетъ, такъ сказать, средоточіе, къ которому стремятся постоянно цѣны всѣхъ товаровъ. Различныя случайныя обстоятельства могутъ иногда держать ихъ нѣкоторое время выше, иногда же они заставятъ ихъ упасть нѣсколько ниже этой цѣны, но какія бы ни были препятствія, не дозволяющія имъ принять это неподвижное состояніе, цѣны эти тѣмъ не менѣе постоянно стремятся къ нему» (т. I, стр. 179—181). Какія же силы управляютъ движеніемъ рыночныхъ цѣнъ? Регуляторомъ, который заставляетъ цѣны всѣхъ товаровъ приближаться къ естественной цѣнѣ, является личный интересъ представителей труда, капитала и земли. Эти промышленные классы всегда ищутъ наиболѣе выгоднаго занятія, поэтому, какъ только они замѣчаютъ, что предложеніе на извѣстныя произ-

веденія превышаетъ требованіе рынка, а вслѣдствіе этого и рыночныя цѣны, прибыль, рента и заработная плата упали ниже естественнаго ихъ уровня, то заинтересованныя лица стараются оставить эти занятія и перейти къ болѣе выгоднымъ: при этомъ капиталисты поспѣшатъ перевести свои капиталы въ предпріятія, дающія большую прибыль, землевладѣльцы позаботятся, чтобы земли ихъ получили другое болѣе выгодное употребленіе, а рабочіе направятъ предложеніе своихъ услугъ въ тѣ отрасли труда, въ которыхъ рабочая плата будетъ стоять выше. Такимъ образомъ, вслѣдствіе такого отлива труда и капиталовъ изъ тѣхъ отраслей занятій, въ которыхъ цѣны пали, равновѣсіе между требованіемъ рынка и предложеніемъ снова будетъ возстановлено и рыночныя цѣны опять приблизятся къ естественнымъ. Напротивъ того, если количество товаровъ какого-нибудь сорта, доставляемаго на рынокъ, въ продолженіе какого-нибудь времени будетъ ниже дѣйствительнаго требованія, то это необходимо означаетъ, что нѣкоторыя изъ составныхъ частей его цѣны поднялись выше своей естественной величины. Когда это явленіе будетъ замѣчено промышленнымъ населеніемъ, то новый приливъ труда, капитала и земли къ этимъ занятіямъ будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ пониженіе различныхъ частей, входящихъ въ цѣну товаровъ, на которые существуетъ большой спросъ, до ихъ естественной величины и вся стоимость этихъ товаровъ упадетъ до ихъ естественной цѣны.

Такимъ образомъ, Смиту при помощи своей теоріи цѣнъ удалось открыть закономѣрность, по-видимости, самыхъ капризныхъ хозяйственныхъ явленій.

Послѣ этого, ему оставалось еще выяснить третій поставленный имъ вопросъ въ ученіи о цѣнности,—именно, какими причинами обусловливается уровень отдѣльныхъ частей, на которыя распредѣляется цѣнность всякаго продукта. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Смитъ представилъ *теорію заработной платы, прибыли и поземельной ренты.*

Заработная плата. Естественную плату за трудъ составляетъ все произведеніе труда. Въ первобытномъ состояніи общества, предшествовавшемъ обращенію земель въ частную собственность и накопленію капиталовъ—такъ и было, т. е. все произведеніе труда безраздѣльно принадлежало работнику. Онъ не зналъ ни землевладѣльца,

ни хозяина, съ которымъ бы ему приходилось дѣлиться. Въ этомъ состояніи заработная плата возвышалась по мѣрѣ увеличенія производительности труда. Но это первобытное состояніе общества, когда работникъ пользовался безраздѣльно всѣмъ произведеніемъ своего труда, не могло долго продолжаться послѣ того, какъ возникла поземельная собственность и произошло скопленіе капиталовъ. Съ этого времени изъ продукта труда рабочаго стали вычитаться двѣ доли: одна подъ именемъ ренты въ пользу землевладѣльца, а другая въ формѣ прибыли капиталиста. Правда, и при существованіи частной собственности на землю и капиталъ случается, хотя весьма рѣдко, что работникъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ и капиталиста, и собственника земли, къ которой онъ прилагаетъ свой трудъ, и тогда онъ безраздѣльно пользуется всѣмъ произведеніемъ своего труда. Но чѣмъ же опредѣляется, по Смиту, величина заработной платы или доля въ продуктѣ труда при существованіи его трехчленнаго дѣленія? Величина ея опредѣляется взаимною борьбою интересовъ работниковъ и хозяевъ. Работники стараются выговорить возможно больше, хозяева—дать какъ можно меньше. Но такъ какъ хозяинъ менѣе настоятельно нуждается въ работникѣ, чѣмъ работникъ въ хозяинѣ, и для работника представляется единственный источникъ пропитанія въ рабочей платѣ, то поэтому онъ нерѣдко соглашается работать за самую низкую рабочую плату, доставляющую лишь возможность существованія. Конкуренція хозяевъ съ рабочими въ договорѣ рабочей платы склоняется иногда въ пользу послѣднихъ, когда въ данной странѣ бываетъ недостатокъ рабочихъ рукъ. Но слѣдующее затѣмъ повышеніе рабочей платы снова смѣняется ея паденіемъ, когда рабочее населеніе возрастетъ въ числѣ.

Недостатокъ или излишекъ рабочихъ рукъ, предлагающихъ свои услуги, опредѣляетъ только колебанія въ величинѣ рабочей платы. Средній же уровень, къ которому она стремится, по ученію Смита, находится въ соотвѣтствіи съ количествомъ капиталовъ, которое общество предназначаетъ для производства. Страна можетъ доставить занятіе большему или меньшему количеству рабочихъ, смотря по величинѣ капиталовъ, которыми она располагаетъ (т. I, стр. 190—198). Въ этомъ объясненіи условій, опредѣляющихъ заработную плату, Смитъ является творцомъ теоріи заработнаго фонда, къ

которой впослѣдствіи примкнули Мальтусъ и, въ первое время своего научнаго творчества, Дж. Ст. Милль. Указавъ обстоятельства, опредѣляющія средній уровень заработной платы, Смитъ выясняетъ нѣкоторыя обстоятельства, модифицирующія рабочую плату въ отдѣльныхъ занятіяхъ. Такихъ обстоятельствъ Смитъ приводитъ пять: 1) удовольствіе или неудовольствіе, доставляемое самымъ занятіемъ: 2) легкость и дешевизна, или трудность и большая стоимость, сопровождающія изученіе извѣстной спеціальности: 3) постоянство и непостоянство занятій; 4) довѣріе, возлагаемое на человѣка, избирающаго занятіе, и 5) степень вѣроятности успѣха или неудачи, представляемыя самымъ свойствомъ даннаго занятія. Смитъ показываетъ, что при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ рабочая плата будетъ тѣмъ ниже средняго уровня, чѣмъ трудъ пріятнѣе, легче, постояннѣе, менѣе требуетъ довѣрія, представляетъ болѣе вѣроятности успѣха и наоборотъ.

Ученіе о прибыли на капиталъ у Смита не отличается такою полнотою, какъ ученіе о заработной платѣ. Смитъ показываетъ только, что уровень ея зависитъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и величина рабочей платы, т. е. отъ количества капиталовъ, назначенныхъ для производства. Но количество капиталовъ производитъ на уровень прибыли дѣйствіе обратное тому, какое оно производитъ на рабочую плату. Увеличеніе капиталовъ повышаетъ рабочую плату, а понижаетъ прибыль и наоборотъ.

Слабѣе другихъ вопросовъ у Смита выяснена сущность и происхожденіе поземельной ренты. Смитъ называетъ рентой долю произведеній земли, уплачиваемую арендаторомъ землевладѣльцу и составляющую все то количество произведеній земли, которое остается за покрытіемъ расходовъ на покупку сѣмянъ, плату рабочихъ и всѣхъ вообще издержекъ производства, включая и обыкновенную прибыль на капиталъ (кн. I, стр. 316). Не всѣ земли даютъ землевладѣльцу ренту, а ее доставляютъ только земли, снабжающія рынокъ такими произведеніями, на которыя существуетъ постоянный спросъ. Къ этой категоріи земель относятся только хлѣбныя поля (стр. 342). Поземельный доходъ, по Смиту, опредѣляется наиболѣе доходнымъ участкомъ земли. Хлѣбныя поля, какъ наиболѣе доходныя, управляютъ высотою ренты всѣхъ другихъ участковъ, находящихся подъ иными растеніями.

Прикладная часть сочиненія «О богатствѣ народовъ». Въ этой части своего сочиненія, составляющей по преимуществу содержаніе послѣднихъ трехъ книгъ, А. Смитъ старается примѣнить выведенные имъ законы теоретической экономіи къ рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ экономической политики. Основное правило, предъявляемое Смитомъ по отношенію къ органу этой политики—государству, заключается въ требованіи полнаго невмѣшательства его въ промышленную жизнь націи. Смитъ отводитъ государству исключительно три обязанности: 1) защищать націю отъ непріятельскаго нашествія; 2) производить правосудіе и 3) содержать такія учрежденія, которыя находятся внѣ возможности достиженія частнаго лица (кн. 5, гл. 1-я).

По отношенію къ чисто экономическому законодательству Смитъ, въ противоположность меркантилистамъ, не отводитъ для государства никакой особенной роли. Правда, Смитъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія допускаетъ, что бываютъ моменты, когда правительство съ пользою для національнаго благосостоянія можетъ отступать отъ принципа невмѣшательства. Лучшею же хозяйственною политикою правительства, по Смиту, всегда будетъ предоставленіе полной свободы хозяйственной дѣятельности, потому что когда правительство берется направлять извѣстную отрасль хозяйственной дѣятельности, то оно всегда рискуетъ хуже понять интересы разныхъ классовъ общества, чѣмъ ихъ понимаютъ сами заинтересованныя лица. Смитъ не ограничивается отрицательною критикою только правительственнаго вмѣшательства въ хозяйственную дѣятельность: онъ доказываетъ, что всѣ учрежденія, стѣсняющія свободу промышленной дѣятельности, какого бы происхожденія они ни были, причиняютъ хозяйственный вредъ. Онъ иллюстрируетъ свою мысль на примѣрахъ вредныхъ послѣдствій, которымъ въ разныя эпохи исторіи подвергались свобода труда, а также обрабатывающая промышленность и торговля. Прежде всего, всякое ограниченіе свободы лица уменьшаетъ производительность труда. «Опытъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ доказываетъ съ достаточною очевидностью, что трудъ раба, хотя онъ оплачивается одними расходами на его продовольствіе, въ результатѣ убыточнѣе всякаго другого труда. Интересъ человѣка, лишеннаго возможности заработать что-либо для себя, состоитъ только въ томъ, чтобы ѣсть какъ можно больше и работать какъ можно меньше. Все, что превышаетъ количество труда, необходимаго

для доставленія ему средствъ существованія, можетъ быть вынуждено отъ него только насиліемъ, а не сознаніемъ личной выгоды» (кн. 3-я, гл. II). Но и послѣ освобожденія рабочаго класса стѣсненія свободы труда не прекратились. Эти стѣсненія оказывали цеховыя привилегіи и цеховое устройство. Исключительныя привилегіи всякаго цеха неизбѣжно должны стѣснять конкуренцію между людьми, получающими право участвовать въ немъ. Цеховое устройство требуетъ обученія ремеслу у признаннаго мастера, оно опредѣляетъ число учениковъ, которое можетъ имѣть мастеръ и число лѣтъ, необходимыхъ для обученія. Ограниченіе числа обучающихся ремеслу непосредственно ограничиваетъ конкуренцію, а продолжительность обученія стѣсняетъ ее косвенно, хотя и не менѣе дѣйствительно, увеличеніемъ стоимости выучки. Въ цеховомъ устройствѣ Смитъ видитъ нарушеніе самаго священнаго и неприкосновеннаго права собственности всякаго на свой трудъ, потому что изъ него вытекаютъ всѣ прочія права собственности. Все имущество бѣднаго состоитъ въ его силѣ и ловкости его рукъ; мѣшать ему употреблять эту силу и эту ловкость, такъ какъ онъ заблаго-разсудитъ, если онъ никому не причиняетъ этимъ вреда, есть явное насиліе надъ этою первоначальною собственностью (т. I, стр. 280, 284). Цеховой режимъ является вопіющимъ нарушеніемъ свободы какъ работника, такъ и того, кто захотѣлъ бы дать ему работу: стѣснять эту свободу—это значитъ воспрещать одному работать, какъ онъ найдетъ болѣе выгоднымъ для себя, а другому—нанимать его работу. Цеховая организація, по Смиту, не достигаетъ ни одной изъ тѣхъ цѣлей, на которыя она расчитана: она не выгодна для потребителей, потому что имъ приходится дороже платить за товары; не выгодна для желающихъ сдѣлаться ремесленниками, такъ какъ цеховое устройство не всѣмъ даетъ доступъ къ ремесленнымъ занятіямъ; она, наконецъ, представляетъ невыгоды для самого ремесленнаго класса разнообразными предписаніями, стѣсняющими размѣры производства и устанавливающими слишкомъ узкія границы между соприкасающимися ремеслами.

Но, и помимо цеховыхъ учрежденій, свободу труда нерѣдко стѣсняетъ государство, поощряя отдѣльныя отрасли труда однѣ въ ущербъ другимъ. Англійское правительство, напримѣръ, прибѣгало къ разнымъ поощреніямъ для привлеченія молодыхъ людей къ

духовному званію. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было увеличеніе числа лицъ, стремящихся къ этой профессіи сверхъ требуемаго количества, и ихъ взаимная конкуренція понизила гонораръ, получаемый лицами духовнаго званія, ниже той нормы, которая существовала до правительственнаго воздѣйствія. Естественное равновѣсіе въ вознагражденіи за трудъ нарушалось также закономъ о бѣдныхъ въ Англіи. Въ силу этого закона, каждый приходъ обязанъ былъ помогать своимъ бѣднымъ, но, чтобы избѣжать большихъ расходовъ на этотъ предметъ, приходы стали разборчиво относиться ко всѣмъ новымъ лицамъ, поселяющимся въ его предѣлахъ, и вовсе не дозволялъ поселяться лицамъ бѣднаго состоянія. Такимъ образомъ, законъ этотъ, помогая одной части бѣдныхъ, стѣснялъ другую ихъ часть, которая рисковала вовсе не найти работы и мѣста для поселенія. Намъ слѣдовало бы привести здѣсь также аргументацію, которой Смитъ старается доказать вредъ правительственнаго вмѣшательства въ торговлю и обрабатывающую промышленность, — но на этой части его воззрѣній мы уже раньше останавливались, когда шла рѣчь о методѣ Смита.

Вообще въ области экономической политики Смитъ является проповѣдникомъ правительственнаго невмѣшательства, хотя и не въ такомъ безусловномъ смыслѣ, какъ это впослѣдствіи старалась доказать школа манчестерская, доведшая это ученіе до крайности. Съ другой стороны, экономисты, находящіеся въ оппозиціи къ Смиту, нападали на его ученіе о свободѣ хозяйственной дѣятельности, стимулируемой личнымъ интересомъ, указывая на существованіе безспорно отрицательныхъ сторонъ хозяйственнаго быта, связанныхъ съ господствомъ свободнаго соперничества. Но нужно также припомнить, что тѣ вредныя слѣдствія конкуренціи, о которыхъ говорятъ эти экономисты, какъ-то: увеличеніе женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ и мануфактурахъ, рабочій пролетаріатъ, промышленные кризисы и т. п. явленія,—во времена Смита или только еще зарождались, или же вовсе не существовали. Зато во времена Смита живо чувствовался весь вредъ государственной опеки надъ разными отраслями народнаго хозяйства. Въ это время въ Англіи цехи утратили уже всѣ выгодныя стороны цвѣтущаго періода своей организаціи и являлись тормозами для поступательнаго развитія обрабатывающей промышленности. Новыя техническія усовершенствованія тогда встрѣчали для

своего примѣненія многочисленныя препятствія со стороны цеховыхъ статутовъ, предписывавшихъ способы и размѣры производствъ и закрывавшихъ къ тому же для массы лицъ свободный доступъ къ занятіямъ промыслами. На ряду съ этимъ, стѣсненія свободной конкуренціи въ эпоху Смита, насколько они выразились въ меркантилистической политикѣ государства и въ господствѣ торговыхъ и промышленныхъ привилегій, сказывались именно только своими отрицательными сторонами. Ихъ то имѣлъ въ виду Смитъ, когда доказывалъ необходимость хозяйственной свободы и конкуренціи. Но ученіе Смита имѣло и другое основаніе. Тогда на материкѣ Европы господствовало еще во многихъ государствахъ крѣпостное право, т. е. самая личность трудящихся классовъ была не свободна. Истинный смыслъ Смитовскаго ученія объ экономической свободѣ заключался также и въ томъ приговорѣ, который былъ имъ произнесенъ надъ феодальнымъ режимомъ. Современная экономическая критика совершенно освобождаетъ Смита отъ упрека, что будто бы въ его ученіи заключается санкція всѣхъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій конкуренціи, которыя въ хозяйственномъ быту народовъ особенно ярко обнаружились послѣ его смерти, въ теченіе первой половины XIX вѣка. Одно можно сказать, что Смитъ не предвидѣлъ этихъ отрицательныхъ сторонъ конкуренціи, какъ онъ не могъ предусмотрѣть того, чтобы свобода торговли и хозяйственнаго оборота привела къ образованію такихъ монопольныхъ организацій, какъ современные тресты и синдикаты.

Основная задача, которую Смитъ желалъ осуществить въ своемъ сочиненіи «О богатствѣ народовъ»; какъ думаютъ Ингремъ и Клифъ-Лесли, состояла въ томъ, чтобы подорвать довѣріе къ политикѣ государственнаго вмѣшательства и низвергнуть господствующую въ его время систему опеки хозяйственной жизни. Онъ имѣлъ въ виду доказать несостоятельность и вредъ правительственнаго вмѣшательства въ поступательный ходъ промышленнаго развитія народа. Но въ результатѣ его работы надъ своимъ трактатомъ получилось нѣчто гораздо большее и несоизмѣримое по своему значенію въ исторіи экономической мысли—цѣлая экономическая система, которая, несмотря на всѣ ея недостатки, отмѣченные послѣдующими школами, критиковавшими воззрѣнія Смита, вошла существенными частями въ составъ современной экономической науки. Клифъ-Лесли утверждаетъ, что для самого

Смита созданіе системы политической экономіи явилось неожиданнымъ и побочнымъ результатомъ въ общей программѣ его трудовъ. По его выраженію, Смитъ въ данномъ случаѣ подобенъ библейскому Саулу, который отправился искать ослицъ своего отца, а обрѣлъ цѣлое царство.

Кто берется за чтеніе «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ» съ цѣлью познакомиться лишь съ политико-экономической теоріей изъ первыхъ рукъ, тотъ вынесетъ изъ него нѣсколько неясное и неудовлетворительное впечатлѣніе. Читатель убѣждается, что это вовсе не трактатъ по теоріи политической экономіи, а сочиненіе,— правда, превосходнѣйшее,—по основнымъ вопросамъ политической экономіи въ связи съ экономической политикой. Преходящіе вопросы времени тѣсно переплетаются въ немъ съ болѣе постоянными вопросами научной теоріи. И читатель живо представляетъ себѣ мыслителя, который пишетъ свою книгу среди стремительныхъ теченій новой жизни, едва сдерживаемыхъ уже старыми преградами, пишетъ ее съ явнымъ умысломъ опрокинуть эти преграды и потому предназначаетъ ее не въ назиданіе отвлеченнымъ кабинетнымъ теоретикамъ, а для руководства людямъ практики, общественнымъ дѣятелямъ [1]). Нѣкоторые открываемые современными критиками Смита недостатки его знаменитаго трактата тѣсно связаны съ пріемами его научнаго творчества. Въ книгѣ Смита насъ прежде всего поражаетъ умѣніе ясно и проницательно наблюдать общественно-хозяйственныя явленія. Смитъ постоянно старается подмѣтить факты и явленія и уяснить себѣ ихъ значеніе. Выводы и теоріи у него сами собою слѣдуютъ за фактами. Но онъ не удѣляетъ особеннаго вниманія обработкѣ и согласованію цѣлаго ряда своихъ теорій, разсчитанныхъ на объясненіе различныхъ категорій экономическихъ явленій. Поэтому, несмотря на всю ясность исходныхъ принциповъ экономическаго ученія Смита, мы встрѣчаемся въ трактатѣ «О богатствѣ народовъ» съ противорѣчивыми воззрѣніями по одному и тому же вопросу. Это въ особенности надо сказать объ отдѣлѣ распредѣленія богатствъ. Для примѣра укажемъ, что въ объясненіяхъ, даваемыхъ Смитомъ явленіямъ заработной платы, можно различить цѣлыхъ три теоріи заработной платы, переплетающихся при объясненіи относящихся сюда

[1]) Адамъ Смитъ. Біографическій очеркъ. В. И. Яковенко. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. С.-Петербургъ. 1891 г., стр 82.

фактовъ: теорію спроса и предложенія труда, теорію минимума заработной платы, и—фонда заработной платы. Тѣми же особенностями научнаго творчества Смита можно объяснить и тотъ характерный фактъ, что представители ученія о гармоніи экономическихъ интересовъ (манчестерская школа, Бастіа и Сей) его считали своимъ и въ то же время замѣчательный русскій экономистъ Чернышевскій находилъ, что въ трактатѣ Смита заключаются всѣ основные элементы соціалистической системы.

Въ заключеніе этого очерка объ Адамѣ Смитѣ необходимо еще остановиться на его отношеніи къ ученію физіократовъ.

Какъ извѣстно, Смитъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ къ нѣсколькимъ представителямъ физіократической школы и имѣлъ передъ собою ихъ сочиненія, когда писалъ свой трактатъ «О богатствѣ народовъ», который онъ, по словамъ его біографа, Дугальда Стюерта, посвятилъ бы основателю физіократической школы, если бы Кенэ не умеръ до появленія этого сочиненія. О самой системѣ Кенэ Смитъ высказывается въ томъ смыслѣ, «что, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, она представляетъ, быть можетъ, наибольшее приближеніе къ истинѣ изъ всего того, что появилось по политической экономіи».

Смита сближало со школой физіократовъ то, что онъ такъ же, какъ и эта школа, воспитанъ былъ въ духѣ теоріи естественнаго права и являлся проповѣдникомъ свободы экономической дѣятельности. Онъ однако не могъ у нихъ научиться теоріи свободы экономическаго оборота, такъ какъ самъ ее раздѣлялъ гораздо раньше. Но въ своемъ курсѣ въ Глазговскомъ университетѣ онъ читалъ только о производствѣ и обмѣнѣ, а теорію распредѣленія ввелъ уже въ свое сочиненіе послѣ знакомства въ Парижѣ съ физіократами, хотя онъ трактуетъ ее шире и независимо отъ предвзятыхъ мнѣній физіократовъ «О чистомъ доходѣ»[1]). Не соглашаясь съ ученіемъ физіократовъ о томъ, что только одно земледѣліе приноситъ чистый доходъ, Смитъ подвергнулъ его самому подробному разбору. Утвержденію физіократовъ, что только трудъ, прилагаемый въ земледѣліи, является производительнымъ, Смитъ противопоставляетъ свое воззрѣніе о производительности, при извѣстныхъ условіяхъ, всѣхъ

[1]) Ch. Gide et Ch. Rist. Histoire des doctrines économiques. 1909. Paris, стр. 62 Hector Denis. Histoire des systèmes économiques. 1904. Vol. I, стр. 215.

видовъ хозяйственнаго труда. По этому вопросу Смитъ, однако, оказывается невполнѣ послѣдовательнымъ. Пока онъ разсматриваетъ систему физіократовъ, онъ вполнѣ основательно доказываетъ, что ея кореннымъ заблужденіемъ надо признать ученіе «о чистомъ доходѣ» отъ земледѣлія. Но въ другихъ частяхъ своего трактата, напр., въ ученіи о поземельной рентѣ, Смитъ самъ не свободенъ отъ ошибки физіократовъ, утверждая, «что въ земледѣліи природа работаетъ съ человѣкомъ, поэтому капиталъ фермера не только воспроизводится съ прибылью, но создаетъ и ренту для землевладѣльца, а въ мануфактурѣ природа не даетъ ничего, но человѣкъ дѣлаетъ все».

Въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ Смитъ, такъ же какъ и физіократы, признаетъ свободную конкуренцію совершеннѣйшею экономическою организаціей, которая одна обусловливаетъ наибольшую производительность труда и наилучшее распредѣленіе народнаго дохода. Но въ то время какъ Смитъ всего ждалъ отъ личной инициативы и самодѣятельности и поэтому требовалъ почти полнаго невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, физіократы призывали монархическую власть для осуществленія естественнаго порядка въ экономическихъ отношеніяхъ и считали необходимыми извѣстныя покровительственныя мѣры для земледѣлія.

Самую теорію естественнаго права, которая такъ сближала физіократовъ съ Смитомъ въ ихъ экомомическихъ воззрѣніяхъ, Смитъ использовалъ въ самомъ широкомъ масштабѣ и въ теоретическихъ частяхъ его трактата она легла въ основу его главнѣйшихъ ученій въ области производства, обмѣна и распредѣленія. Если въ системѣ физіократовъ требованіе экономической свободы являлось практическимъ выводомъ, къ которому они пришли въ результатѣ своихъ теоретическихъ построеній, то у Смита это ученіе было исходнымъ пунктомъ, основною посылкою всѣхъ его экономическихъ теорій, вытекавшихъ изъ объясненія явленій современнаго ему экономическаго быта. Теоріи раздѣленія труда, обмѣна, цѣны и цѣнности, заработной платы, ренты и прибыли выведены Смитомъ на базисѣ одной общей гипотезы «о хозяйственномъ человѣкѣ, дѣйствующемъ только по мотивамъ хозяйственнаго расчета, при условіяхъ полной свободы конкуренціи». Смиту, въ качествѣ изслѣдователя общественныхъ явленій, даетъ также перевѣсъ передъ физіо-

кратами глубокое знакомство съ современнымъ ему хозяйственнымъ бытомъ. Физіократы, по большей части, даютъ намъ теоретическое изложеніе извѣстныхъ экономическихъ принциповъ, иногда иллюстрируя ихъ гипотетическими схемами (таблица Кенэ). Смитъ въ своемъ трактатѣ показываетъ, на основаніи фактовъ современной дѣйствительности и исторіи, значеніе выставленныхъ имъ началъ. Тщательный анализъ фактовъ, критическая оцѣнка различныхъ взглядовъ по тому или другому вопросу, оцѣнка экономическихъ явленій съ различныхъ точекъ зрѣнія—теоретической, исторической и принциповъ экономической политики—всѣ эти пріемы сближаютъ Смита съ его современникомъ Юмомъ и рѣзко отличаютъ его отъ физіократовъ. Поэтому даже лучшее по литературнымъ достоинствамъ произведеніе физіократической школы—извѣстное сочиненіе Тюрго «Размышленія о производствѣ и распредѣленіи богатствъ», по сравненію съ трактатомъ Смита, можно разсматривать скорѣе какъ программу теоретической политической экономіи, чѣмъ какъ изложеніе самой науки.

Книга Смита при ея появленіи въ свѣтъ была встрѣчена въ современномъ англійскомъ обществѣ съ высокимъ интересомъ. Особенно сильное впечатлѣніе она произвела на видныхъ политическихъ дѣятелей. Отдѣльныя мѣста изъ «Богатства народовъ» часто цитировались ораторами въ англійскомъ парламентѣ и первостепенные государственные дѣятели того времени оказывали Смиту знаки своего высокаго вниманія и уваженія. Питъ Младшій называлъ Смита «своимъ первымъ учителемъ по экономическимъ вопросамъ». Въ свою очередь Смитъ говорилъ, «что Питъ лучше понимаетъ мои идеи, чѣмъ я самъ» [1]).

[1]) Однако въ Англіи люди практики не сразу примирились съ тою мыслью, что въ вопросахъ политики, торговли и промышленности выступилъ съ такимъ авторитетнымъ, рѣшающимъ голосомъ не коммерческій дѣлецъ, а кабинетный ученый. Такъ, предсѣдатель Королевскаго общества Прингль (Sir John Pringle), по поводу „Богатства народовъ“ Смита замѣтилъ, „когда профессоръ моральной философіи пишетъ о торговлѣ, то это похоже на то, если бы юристъ написалъ книгу по физикѣ“. На это однако послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ Джонсона (Jhonson): Прингль ошибается. Если подъ торговлей понимается искусство добывать для себя деньги, то въ этомъ дѣлѣ конечно больше смыслитъ купецъ, чѣмъ философъ, но чтобы судить о томъ, какъ наилучшимъ образомъ можетъ быть, въ интересахъ общаго благосостоянія, организованъ экономическій оборотъ между народами, для этого необходимо обладать обширными познаніями и смотрѣть гораздо выше своихъ личныхъ интересовъ, что для купца обыкновенно недостижимо“. Jeatsch. Adam Smith. Leben und Lehre, стр. 90 и 67—68.

Въ началѣ 19-го вѣка трактатъ Смита завоевываетъ себѣ симпатіи и на европейскомъ континентѣ. Въ немъ находило свою опору пробудившееся въ разныхъ европейскихъ странахъ общественное движеніе въ пользу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Такъ, извѣстные прусскіе министры, Штейнъ и Гарденбергъ, черпали изъ «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ» аргументы въ защиту проводимыхъ ими освободительныхъ реформъ. Даже русское общество проявило интересъ къ идеямъ Смита. Въ самомъ началѣ 19-го вѣка появился полный переводъ трактата Смита съ англійскаго языка, Николая Политковскаго, подъ заглавіемъ «Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ», въ четырехъ томахъ (1802/6 г.).

Если на передовыхъ практическихъ дѣятелей современнаго Смиту общества производили глубокое впечатлѣніе его идеи объ экономической свободѣ и самодѣятельности, которыя такъ отвѣчали духу времени, то весь его трактатъ получилъ несравненно большее значеніе въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній. Для мыслителей и ученыхъ 19 вѣка Смитъ являлся основателемъ экономической науки. И дѣйствительно всѣ пути и направленія въ дальнѣйшемъ развитіи экономической мысли берутъ свое начало отъ знаменитаго трактата «О богатствѣ народовъ». При чемъ послѣ Смита однѣ экономическія школы всецѣло примкнули къ его теоретическимъ ученіямъ и проповѣдуемой имъ системѣ политики свободы экономическаго оборота, другія же школы представляли въ разныхъ отношеніяхъ оппозицію его научной системѣ, вплоть до отрицанія положительнаго значенія использованныхъ Смитомъ въ своемъ трактатѣ методовъ изслѣдованія.

Въ ряду писателей, выступившихъ какъ непосредственные послѣдователи Смита, первое мѣсто занимаютъ Мальтусъ и Рикардо, на которыхъ мы и должны остановить свое вниманіе.

Томасъ-Робертъ Мальтусъ (1766—1834).

Значеніе Мальтуса въ исторіи политической экономіи основывается, главнымъ образомъ, на его сочиненіи «Опытъ о законѣ народонаселенія» (An Essay on the Principle of Population or a view on its past and present effects on Human Happiness), въ ко-

торомъ онъ остановился на вопросѣ огромной соціальной важности—о происхожденіи бѣдности въ человѣческомъ обществѣ, и далъ на него свой, во всякомъ случаѣ, рѣшительный и оригинальный отвѣтъ. Чтобы понять значеніе «Опыта о народонаселеніи», надо имѣть въ виду ту остроту, какую получилъ вопросъ о бѣдныхъ въ Англіи въ то время, когда появилось это сочиненіе Мальтуса. Происхожденіе массовой бѣдности въ Англіи въ концѣ XVIII вѣка находилось въ тѣсной связи со всѣмъ ходомъ экономическаго развитія страны и съ тѣми коренными перемѣнами въ строѣ промышленности, которыя наложили свой отпечатокъ на всѣ стороны англійскаго хозяйственнаго быта. Исключительныя по своей важности техническія открытія ознаменовались необыкновеннымъ развитіемъ національной промышленности и возрастаніемъ производства. За вторую половину XVIII вѣка цѣнность вырабатываемыхъ англійскою индустріей товаровъ возросла съ 13 до 43 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Но внезапныя измѣненія въ техническихъ условіяхъ производства немпнуемо должны были произвести важный переворотъ въ жизни рабочаго класса. Мелкія ремесленныя производства закрывались и уступали свое мѣсто крупнымъ мануфактурамъ и фабричнымъ предпріятіямъ. Массы рабочихъ и мастеровыхъ, лишившихся занятій въ цеховыхъ организаціяхъ, а также безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, направились въ промышленные центры. Но и здѣсь далеко не всѣ находили необходимыя занятія, такъ какъ значительное число рабочихъ рукъ было замѣнено машинами. Послѣдствіемъ такого положенія вещей оказалось громадное количество лицъ, оставшихся безъ работы или получающихъ меньшее противъ прежняго содержаніе. Вмѣстѣ съ распадомъ цеховъ, классъ промышленныхъ рабочихъ лишился и того покровительства, которое цеховыя корпораціи оказывали своимъ членамъ, ученикамъ и подросткамъ, не находившимъ на фабрикахъ никакой защиты своихъ интересовъ. Если къ этому прибавить, что меркантилистическая система вызывала въ то время чрезвычайную дороговизну предметовъ первой необходимости, то станетъ понятнымъ необычайное возрастаніе лицъ, прибѣгавшихъ къ общественной благотворительности. Установленный при Елизаветѣ налогъ въ пользу бѣдныхъ постоянно увеличивался: въ 1776 году онъ взимался въ размѣрѣ 1 милліона 700 тысячъ фунтовъ стерлинговъ,

къ 1783 году возросъ до 2 милліоновъ 200 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, а къ 1801 году—до 5 милліоновъ 400 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Такое быстрое возрастаніе пауперизма вызывало сильное броженіе среди рабочихъ классовъ и было причиною возникновенія всевозможныхъ проектовъ, направленныхъ на устраненіе нарождающихся бѣдствій, причины которыхъ не были еще ясно сознаны.

Развитіе пауперизма относится къ числу тѣхъ явленій экономическаго быта Англіи, которыя не были затронуты въ трактатѣ А. Смита. Это и понятно. При общемъ оптимизмѣ экономическихъ воззрѣній Смита, его вѣрѣ въ творческую силу началъ личной самодѣятельности и свободы экономической дѣятельности, вопросъ о пролетаріатѣ въ современномъ ему экономическомъ быту, если бы даже онъ и остановилъ на себѣ его вниманіе, то не могъ вызвать съ его стороны особенной тревоги. Вопроса о причинахъ бѣдности въ человѣческомъ обществѣ близко касались французскіе писатели—представители освободительной философіи второй половины XVIII вѣка, но и ихъ взгляды были проникнуты такимъ же оптимизмомъ, какимъ отличался А. Смитъ, хотя по совершенно другимъ основаніямъ. Руссо, Кондорсе и французскіе энциклопедисты вѣрили, что съ осуществленіемъ въ обществѣ политической свободы и равенства наступитъ и всеобщее экономическое благополучіе. Существующую бѣдность нѣкоторыхъ классовъ общества они объясняли недостатками политическихъ учрежденій и думали, что усовершенствованіями общественныхъ учрежденій будетъ достигнуто всеобщее экономическое благосостояніе народа. Во времена Мальтуса эти воззрѣнія въ Англіи раздѣляли Робертъ Оуенъ и Годвинъ. Послѣдній въ своихъ сочиненіяхъ о «Политической справедливости» и «О скудости и расточительности» пошелъ еще дальше писателей просвѣтительнаго періода. Возлагая всю вину за тогдашнія бѣдствія народа и пауперизмъ на ошибки правительства и несовершенства общественныхъ учрежденій, Годвинъ считалъ даже существованіе самого государства несовмѣстимымъ съ благомъ отдѣльныхъ гражданъ. Годвинъ вѣрилъ, что, съ осуществленіемъ въ общественномъ строѣ полнаго равенства и свободы, наступитъ золотой вѣкъ для всего человѣчества. Сочиненія Годвина послужили для Мальтуса ближайшимъ поводомъ, побудившимъ его заняться тѣмъ же вопросомъ.

Идеи Годвина въ то время находили горячихъ приверженцевъ въ англійскомъ обществѣ, въ числѣ которыхъ оказался не кто другой, какъ отецъ Роберта Мальтуса—Даніель Мальтусъ. Большой поклонникъ освободительной философіи и великой французской революціи, Даніель Мальтусъ былъ лично знакомъ съ нѣкоторыми изъ своихъ знаменитыхъ современниковъ, между прочимъ, съ Юмомъ и Руссо: послѣдній даже, умирая, сдѣлалъ его своимъ душеприказчикомъ. По поводу идей Годвина возникли горячіе споры между отцомъ и сыномъ. Мальтусъ-отецъ ихъ горячо отстаивалъ, Мальтусъ-сынъ на нихъ нападалъ, видя въ нихъ ничѣмъ необоснованныя, легкомысленныя мечтанія. Здѣсь произошло то, что̀ весьма рѣдко наблюдается въ семьяхъ. Отецъ и сынъ какъ бы помѣнялись ролями: сынъ посмѣивался надъ мечтами отца, отецъ же могъ упрекать сына въ консерватизмѣ [1]). Въ поискахъ за возраженіями противъ ученія Годвина, Робертъ Мальтусъ, въ конечномъ результатѣ и пришелъ къ своей теоріи народонаселенія. Оспаривая взгляды Годвина и доказывая неосуществимость его системы полнаго равенства, Мальтусъ указывалъ, главнымъ образомъ, на одинъ инстинктъ человѣка. ниспровергающій, по его мнѣнію, всѣ идеальныя построенія,—на половое влеченіе, стремленіе къ воспроизведенію себѣ подобныхъ. Чѣмъ лучше тѣ матеріальныя условія, въ которыхъ находится человѣкъ, тѣмъ сильнѣе проявляется это стремленіе, выражающееся въ увеличеніи населенія, что̀ неизбѣжно понижаетъ уровень благосостоянія всего народа. Только нищета и преступленія сдерживаютъ ростъ населенія на уровнѣ имѣющихся запасовъ пищи; при уничтоженіи же этихъ препятствій въ идеальномъ строѣ Годвина должны обнаружиться всѣ бѣдствія перенаселенія.

Сосредоточившись на этомъ вопросѣ о возможности всеобщаго народнаго благосостоянія, Мальтусъ задумалъ такимъ образомъ дать на него отвѣтъ на основаніи экономическихъ фактовъ. Онъ

---

[1]) Отецъ Мальтуса получилъ образованіе въ Королевскомъ Колледжѣ въ Оксфордѣ. Мальтусъ-сынъ первоначально обучался дома подъ руководствомъ выдающихся педагоговъ. Затѣмъ, окончивъ курсъ въ іезуитской Коллегіи въ Кембриджѣ, онъ занялъ мѣсто профессора исторіи и политической экономіи въ училищѣ Ость-Индской Компаніи, гдѣ онъ до самой своей смерти не только читалъ лекціи, но и исполнялъ обязанности священника. Училище это имѣло своимъ назначеніемъ давать образованіе молодымъ людямъ, посылаемымъ въ Индію въ качествѣ агентовъ Компаніи.

прежде всего перевелъ его на статистическій языкъ, и, съ точки зрѣнія Мальтуса, вопросъ о всеобщемъ матеріальномъ довольствѣ явился вопросомъ о соотвѣтствіи между потребностями населенія и средствами ихъ удовлетворенія. Въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ, поставленный такимъ образомъ, Мальтусъ старается доказать, что тогда какъ человѣчество размножается въ геометрической прогрессіи, средства существовавшія увеличиваются только въ ариѳметической прогрессіи, вслѣдствіе чего долженъ существовать постоянно возрастающій дефицитъ матеріальныхъ средствъ, который, въ свою очередь, неизбѣжно будетъ обусловливать бѣдственное положеніе всей излишней части народонаселенія. Итакъ, Мальтусъ рѣшилъ вопросъ о возможности всеобщаго благосостоянія въ отрицательномъ смыслѣ. Онъ считалъ пауперизмъ и бѣдственное положеніе нѣкоторыхъ слоевъ общества результатомъ вышеуказаннаго естественнаго, стихійнаго закона, котораго, по его мнѣнію, не въ силахъ исправить человѣческія мѣропріятія и учрежденія, какъ бы они совершенны ни были.

Этотъ естественный законъ несоотвѣтствія между увеличеніемъ средствъ существованія и ростомъ населенія, къ которому пришелъ Мальтусъ, является у него выводомъ изъ двухъ вышеуказанныхъ посылокъ, а именно: что народонаселеніе возрастаетъ въ геометрической, а средства существованія увеличиваются только въ ариѳметической прогрессіи. Посмотримъ же, на чемъ основываетъ Мальтусъ эти посылки.

Къ своему заключенію о томъ, что населеніе имѣетъ стремленіе размножаться въ геометрической прогрессіи, Мальтусъ пришелъ на основаніи слѣдующихъ доводовъ. Мальтусъ полагаетъ, что всѣмъ вообще живымъ существамъ свойственно стремленіе размножаться быстрѣе, чѣмъ это допускается находящимся въ ихъ распоряженіи количествомъ пищи. Еще докторомъ Франклиномъ, говоритъ Мальтусъ, было замѣчено, что воспроизводительная способность растеній и животныхъ не имѣетъ границъ и сдерживается только тѣмъ, что, размножаясь, они отнимаютъ другъ у друга пищу. Если бы земля лишилась всѣхъ своихъ растеній, то, по словамъ Франклина, одной породы, напримѣръ, укропа, было бы достаточно, чтобы покрыть ее зеленью; и, если бы она не имѣла жителей, то достаточно было бы одного народа, напримѣръ англійскаго, чтобы заселить ее. Относительно роста человѣческаго населенія Мальтусъ ссылается

на вычисленія математика Эйлера. По составленной послѣднимъ таблицѣ смертности для западно-европейскаго населенія 1 смертный случай приходится на 36 живущихъ; при отношеніи же числа родившихся къ числу умершихъ какъ 3 къ 1, періодъ для удвоенія населенія составитъ всего $12^4/_5$ года. И это, утверждаетъ Мальтусъ, не предположеніе только, ибо такой фактъ неоднократно повторялся въ короткіе промежутки времени. По другимъ свѣдѣніямъ оказывается, что населеніе Сѣверной Америки возрастало въ теченіе полутора вѣка, удваиваясь быстрѣе, чѣмъ каждыя двадцать пять лѣтъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что народонаселеніе Америки слѣдовало этой нормѣ возрастанія, несмотря на массу неблагопріятныхъ условій, съ которыми была связана первоначальная колонизація Америки, каковыми являлись: упорная борьба съ прежними поселенцами, расчистка дѣвственныхъ лѣсовъ, вредный климатъ, неудобные пути сообщенія и т. п. Не будь этихъ неблагопріятныхъ условій, — населеніе Америки возрастало бы еще быстрѣе. Поэтому, думаетъ Мальтусъ, что, если принять удваиваніе населенія въ каждыя 25 лѣтъ за естественную мѣру размноженія народонаселенія при неограниченности средствъ пропитанія, то такая мѣра будетъ во всякомъ случаѣ не ниже дѣйствительной. На этихъ соображеніяхъ Мальтусъ основываетъ свой выводъ, что, если народонаселеніе не встрѣчаетъ никакого препятствія, то оно возрастаетъ въ геометрической пропорціи.

Съ другой стороны, средства пропитанія не могутъ возрастать съ такой же быстротой. Добываніе пищи для увеличивающагося населенія будетъ встрѣчаться все съ бо́льшими и бо́льшими препятствіями. Прежде всего пространство доступныхъ для культуры земель ограничено. Если мало-по-малу обработана будетъ вся плодородная земля, то увеличеніе количества пищи будетъ зависѣть отъ улучшенія уже обработанныхъ земель. По свойствамъ почвы, улучшеніе это не можетъ сопровождаться постоянно возрастающимъ успѣхомъ. Если допустить, что чрезъ улучшеніе администраціи и всевозможныя поощренія земледѣлія могутъ удвоить средства пропитанія Англіи въ теченіе 25-ти лѣтъ, то и это будетъ уже едва ли вѣроятно; но еще менѣе вѣроятно, чтобы эти уже удвоенныя средства могли удвоиться еще разъ въ теченіе вторыхъ 25-ти лѣтъ. Мальтусъ допускаетъ, что продукты земледѣлія могутъ возрастать

только въ ариѳметической прогрессіи. Итакъ, населеніе будетъ возрастать какъ числа 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, а средства существованія какъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Въ результатѣ этого несоотвѣтствія въ возрастаніи средствъ пропитанія и роста народонаселенія, по истеченіи двухъ столѣтій, народонаселеніе относилось бы къ средствамъ существованія какъ 256:9; а черезъ три столѣтія какъ 4,096 къ 13 и т. д. Итакъ, въ силу естественнаго закона возрастанія населенія, значительно превышающаго пропорцію, въ которой могутъ увеличиваться продукты земледѣльческаго производства, для значительной доли населенія всегда будетъ недоставать средствъ существованія и она будетъ осуждена на нищету и гибель. Въ этомъ естественномъ законѣ, а не въ несовершенствахъ общественныхъ учрежденій, лежитъ, по мнѣнію Мальтуса, истинная причина бѣдности.

Для того, чтобы устранить несоотвѣтствіе между средствами существованія и количествомъ населенія, существуютъ двоякаго рода мѣры, однѣ изъ нихъ такія же принудительныя и стихійныя, какъ самъ законъ народонаселенія, другія же вполнѣ находятся во власти человѣка. Нравственныя средства, которыми люди могутъ избѣжать излишка народонаселенія должны заключаться въ воздержаніи отъ супружества и избѣжаніи раннихъ браковъ съ присоединеніемъ къ этому и цѣломудрія. Но если эти средства не будутъ примѣнены, тогда природа сама распорядится удаленіемъ излишняго населенія средствами болѣе жестокими, появятся эпидемическія болѣзни, усиленная смертность дѣтей, голодъ, войны, бѣдность, при помощи которыхъ природа снова возстановитъ разъ нарушенное равновѣсіе. «Человѣкъ, говоритъ Мальтусъ, рожденный въ занятомъ уже мірѣ, если семейство не въ состояніи прокормить его, а общество не нуждается въ его трудѣ, не имѣетъ ни малѣйшаго права на какую бы то ни было долю въ продовольствіи. Онъ лишній на землѣ. За великимъ столомъ природы для него не осталось мѣста; природа повелѣваетъ ему удалиться и въ большинствѣ случаевъ сама не замедлитъ привести въ исполненіе свой приговоръ».

Придя къ такому раковому выводу, Мальтусъ старается показать на частныхъ примѣрахъ безсиліе человѣческихъ учрежденій устранить бѣдность. Онъ разсматриваетъ четыре средства, которыми пытались бороться противъ бѣдности: 1) систему уравненія состояній,

2) увеличеніе земледѣльческаго производства, 3) налогъ въ пользу бѣдныхъ и 4) эмиграцію.

1. Ученые, какъ Оуенъ, Уолесъ, Кондорсе и Годвинъ, полагали возможнымъ устранить бѣдность въ человѣческомъ обществѣ посредствомъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія существующаго богатства. Мальтусъ соглашается, что уравненіемъ состояній можетъ быть достигнуто обращеніе значительной части труда, которая теперь тратится на предметы роскоши, на производство предметовъ потребленія бѣднѣйшихъ классовъ: пищи, жилищъ, одежды. Но предѣлы, въ которыхъ могутъ быть увеличены эти предметы, опредѣляются размѣрами того избытка матеріальныхъ средствъ, какимъ пользуются состоятельные классы, а этого избытка не хватитъ для того, чтобы удовлетворить существующую нужду въ предметахъ первой необходимости—классовъ несостоятельныхъ. А если бы даже въ первое время введенія этой системы—запаса средствъ привилегированныхъ классовъ и хватило бы для удовлетворенія потребностей всего наличнаго населенія, то неравномѣрность прогрессій, въ которыхъ увеличиваются производство предметовъ потребленія и ростъ народонаселенія успѣли бы весьма скоро нарушить это временное равновѣсіе. 2. Подобно тому, какъ человѣческое искусство не можетъ посредствомъ уравненія состояній устранить бѣдность, создаваемую естественнымъ закономъ, оно также безсильно увеличить прогрессію возрастанія земледѣльческаго продукта. Усилія человѣчества поднять производительность земледѣльческаго труда встрѣчаютъ непреодолимое препятствіе въ законѣ земледѣльческаго производства. Мальтусъ доказываетъ, что на культивированныхъ участкахъ всякое удваиваніе и утраиваніе человѣческихъ усилій, труда и капитала будетъ давать не двойное и тройное количество продуктовъ, а нѣсколько меньшее этой прогрессіи. Выводъ этотъ онъ положилъ въ основаніе своего ученія о поземельной рентѣ. 3. Мальтусъ считаетъ также невозможнымъ, чтобы эмиграція могла противодѣйствовать возрастанію бѣдности по крайней мѣрѣ на продолжительное время. Она можетъ на время устранить излишекъ населенія посредствомъ колонизаціи новыхъ мѣстъ, но послѣ того какъ свободныя мѣста будутъ заняты и культивированы, не замедлитъ вступить въ силу законъ возрастанія земледѣльческаго продукта и равновѣсіе между средствами существованія и народонаселеніемъ

будетъ опять нарушено. 4. Мальтусъ также думаетъ, что какъ англійскій налогъ въ пользу бѣдныхъ, такъ и всѣ филантропическія учрежденія не въ состояніи оказать существенной помощи рабочему классу. Прибавка, которую получаетъ рабочій классъ Англіи, въ видѣ налога въ пользу бѣдныхъ, въ суммѣ до трехъ милліоновъ ф. стерлинговъ (1800 г.) не въ состояніи увеличить существующее количество хлѣба, пива, топлива: она только усилитъ спросъ на то же количество этихъ товаровъ, вслѣдствіе чего они возрастутъ въ цѣнѣ, такъ что работникъ за большую сумму денегъ будетъ получать то же количество этихъ предметовъ, какое получалъ и прежде. Но если бы законъ о бѣдныхъ на время и могъ оказать существенную поддержку рабочему классу, то отдаленныя послѣдствія его были бы еще болѣе пагубны, потому, что, увеличивая доходъ рабочихъ, онъ поощрилъ бы размноженіе, которое всегда приводитъ къ большему несоотвѣтствію его со средствами пропитанія. Итакъ, Мальтусъ признаетъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, принимавшихся противъ нищеты, за исключеніемъ тѣхъ, которыя прямо или косвенно могутъ вліять на уменьшеніе роста населенія. Главнѣйшее же средство, которое должно въ самомъ корнѣ уничтожить источникъ нищеты, заключается въ половомъ воздержаніи и уменьшеніи числа браковъ.

Центръ тяжести всей теоріи Мальтуса, конечно, лежитъ въ выставленныхъ имъ двухъ прогрессіяхъ: возрастанія населенія въ геометрической прогрессіи и увеличеніи средствъ продовольствія въ ариѳметической. Для сужденія о процентѣ роста населенія Мальтусъ располагалъ крайне скудными и совершенно недостаточными данными. Народныхъ переписей до конца XVIII в. не существовало и всѣ сужденія о движеніи народонаселенія въ литературѣ могли имѣть только одинъ источникъ—метрическія книги. Впервые этотъ источникъ былъ использованъ современникомъ Мальтуса, нѣмецкимъ пасторомъ Зюсмильхомъ. Мальтусъ имѣлъ передъ собою таблицы, составленныя математикомъ Эйлеромъ для Зюсмильха, въ которыхъ было вычислено возрастаніе населенія при всевозможныхъ пропорціяхъ рожденій и смертностей, при чемъ при однихъ періодъ удвоенія населенія выходилъ въ 600 и болѣе лѣтъ, при другихъ—въ 8 и 12 лѣтъ. Однако вычисленія эти были произведены не на основаніи реальныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ жизни, а на цифрахъ рожденія и смертности, взятыхъ предположительно. Эйлеръ рѣшилъ

одну изъ задачъ, какія часто практикуются въ математикѣ, какъ напримѣръ: во сколько времени достигнетъ до солнца ядро, летящее съ быстротой первой секунды полета. Что касается ссылки Мальтуса на удваиваніе по двадцатипятилѣтнимъ періодамъ населенія въ Америкѣ, то здѣсь онъ совершенно упустилъ изъ виду эмиграцію въ Америку европейцевъ и приписалъ все увеличеніе числа жителей въ Соединенныхъ Штатахъ одному естественному размноженію. А между тѣмъ до 1820 года въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ не велось никакихъ списковъ переселенцевъ, такъ что до этого времени нельзя было пытаться измѣрить вліяніе переселенія на увеличеніе населенія въ странѣ.

Наконецъ, и самый пріемъ, примѣненный Мальтусомъ для опредѣленія періодовъ удвоенія населенія, былъ неправиленъ. Приростъ населенія въ теченіе того или другого періода времени является результатомъ трехъ факторовъ: рожденій, притока населенія путемъ переселеній и убыли населенія, вслѣдствіе смерти или выселенія. Взаимодѣйствіе этихъ факторовъ является причиною того, что въ странѣ съ необычайно большимъ числомъ ежегодныхъ рожденій можетъ не обнаружиться значительнаго прироста населенія, вслѣдствіе одновременной необычайной же убыли его, и, наоборотъ, возможенъ значительный ежегодный приростъ населенія въ странѣ съ незначительнымъ числомъ ежегодныхъ рожденій, вслѣдствіе того, что въ ней обнаруживается сравнительно небольшая смертность или она временно явилась мѣстомъ для обширной эмиграци. Мальтусъ не принялъ во вниманіе этого обстоятельства и всякій приростъ населенія относилъ къ возрастанію числа браковъ и происходящихъ отъ нихъ рожденій. Фактическія данныя о движеніи населенія въ отдѣльныхъ странахъ Европы показываютъ, что въ Германіи съ 1800 до 1850 г. населеніе увеличилось всего на 44,9%, а съ 1850 по 1895 г. на 63,3%. За тѣ же періоды въ Австріи населеніе возросло на 33 и 34,6%, Италіи на 32,2% и 30,1%, во Франціи 29,7% и 10,3%, Россіи 60% и 65,5%. Наибольше населеніе увеличивалось въ Англіи и Валлисѣ, а именно на 93,5% и 70,6%.

Мальтусъ также не совсѣмъ правильно представлялъ себѣ вліяніе матеріальнаго достатка на размноженіе. Какъ показываетъ примѣръ Франціи, съ ея слабой рождаемостью, развитіе матеріальнаго благо-

состоянія имѣетъ тенденцію скорѣе уменьшать возрастаніе населенія, а не увеличивать его, какъ полагалъ Мальтусъ. Вопросъ, поставленный Мальтусомъ, о причинахъ роста населенія столь сложенъ, что онъ, во всемъ своемъ объемѣ, не можетъ быть рѣшенъ тѣми средствами научнаго изслѣдованія, которыми располагаетъ политическая экономія. Существенную важность для рѣшенія его имѣетъ выясненіе вліянія общаго моральнаго развитія и умственной дѣятельности, которая по мѣрѣ культурнаго развитія народовъ становится все интенсивнѣе, а это относится уже къ области наукъ біологическихъ. Гербертъ Спенсеръ разсматриваетъ этотъ вопросъ въ своихъ «Основаніяхъ біологіи» и приходитъ къ выводу, вполнѣ подрывающему выставленный Мальтусомъ законъ роста народонаселенія. «Всюду и всегда,—говоритъ онъ,—развитіе враждебно воспроизводительной силѣ. Въ чемъ бы развитіе ни состояло, всегда отвлеченіе потребныхъ для него матеріаловъ влечетъ уменьшеніе запасовъ матеріаловъ для поддержанія расы. Установивъ законъ антагонизма между воспроизведеніемъ рода и индивидуальностью, заключающейся въ томъ, что всюду, гдѣ способность къ сохраненію индивидуальной жизни мала, способность къ ея размноженію велика и—наоборотъ, Спенсеръ приходитъ къ заключенію, «что въ человѣкѣ всѣ уравновѣшенія между его физической и духовной организаціей и окружающими условіями, между строеніемъ общества и природою его членовъ, между плодовитостью и смертностью—одновременно приближаются къ общей кульминаціонной точкѣ. Человѣкъ, приближаясь къ равновѣсію между его природою и постоянно измѣняющимися физическими и соціальными условіями, въ то же время постоянно приближается къ такому низшему предѣлу плодовитости, при которомъ равновѣсіе будетъ поддерживаться нарожденіемъ лишь столькихъ дѣтей, сколько уносится смертью въ старости»[1]).

Если принятая Мальтусомъ геометрическая прогрессія роста населенія совершенно имъ не доказана, то его ариѳметическая прогрессія возрастанія продуктовъ потребленія мотивирована имъ не ясно. Говоря о томъ, что улучшеніе уже обработанныхъ земель «не можетъ сопровождаться постоянно возрастающимъ успѣхомъ», Мальтусъ имѣлъ въ виду убывающую продуктивность почвы при послѣдовательныхъ затратахъ равныхъ единицъ труда и

[1]) **Спенсеръ. Основанія біологіи. 1870. т. II. стр. 393.**

капитала на одной и той же площади земли. Это положеніе съ полною опредѣленностью было развито Джономъ Стюартомъ Милемъ. Послѣдній утверждалъ, что при усиленныхъ затратахъ труда и капитала на данномъ земельномъ участкѣ, что имѣетъ мѣсто при переходѣ къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства, послѣдовательно затрачиваемыя равныя единицы труда и капитала должны давать продуктъ въ убывающей пропорціи, хотя абсолютно увеличивающейся. Если, напримѣръ, 50 рублей, затраченные на первоначальную обработку одной десятины земли принесутъ урожай въ 100 пудовъ пшеницы, то послѣдующая затрата новыхъ пятидесяти рублей на удобреніе, болѣе тщательную обработку почвы и т. п. при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, въ томъ числѣ и метеорологическихъ, дадутъ уже новое прибавочное количество продукта не въ 100 пудовъ, а только въ 50, хотя общій урожай на десятину при этомъ увеличится до 150 пудовъ. Затрата третьей суммы въ 50 рублей можетъ дать новый прибавочный продуктъ уже не въ 50, а примѣрно въ 30 или 25 пудовъ, а вся затрата въ 150 рублей принесетъ на 1 десятину урожай въ 175 пудовъ пшеницы и т. д. Считая неудобнымъ входить здѣсь въ подробный разборъ этой проблеммы, въ той научной постановкѣ, которую далъ ей Милль, мы должны здѣсь замѣтить, что современная агрономическая наука, повидимому, рѣшаетъ вопросъ о предѣлахъ продуктивности почвы въ болѣе благопріятномъ для прогресса земледѣлія смыслѣ. Современная агрономія показываетъ, что каждый изъ факторовъ плодородія почвы при полномъ его напряженіи имѣетъ извѣстный придѣльный максимумъ дѣйствія на продуктивность урожая. Такъ напримѣръ, относительно сахарной свеклы, многочисленные опыты показали, что максимумъ дѣйствія удобренія селитрой достигается при употребленіи ее въ количествѣ 200 килограммъ на гектаръ, а при большихъ дозахъ каждые новые 100 килограммовъ селитры даютъ уже быстро уменьшающееся приращеніе урожая свеклы. То же подтверждается по отношенію ко всѣмъ другимъ видамъ удобренія и ко всѣмъ операціямъ по отношенію механической обработки почвы, гдѣ также наблюдается, что третья и четвертая вспашки оказываютъ менѣе полезнаго дѣйствія на урожай, чѣмъ первая и вторая. Но, отмѣчая этотъ фактъ, что пониженіе продуктивности въ убывающей пропорціи по отношенію къ одному и тому же веществу,

прибавляемому къ почвѣ или къ одному и тому же пріему культуры, современная агрономія обращаетъ вниманіе на то, что пониженіе продуктивности одного элемента или пріема обработки, само по себѣ, послѣ извѣстнаго предѣла его примѣненія, не отрѣзываетъ пути къ дальнѣйшему повышенію продуктивности почвы, насколько она зависитъ отъ дѣйствія другихъ факторовъ. Такъ, для успѣшнаго роста растеній требуется извѣстная сумма условій, вызывающихъ со стороны земледѣльца цѣлый рядъ мѣръ, какъ-то: обработка почвы, удобреніе, орошеніе, осушеніе, улучшеніе сѣмянъ и т. д. Каждая изъ этихъ операцій требуется въ опредѣленныхъ границахъ, за которыми экономическая выгодность ихъ ослабляется. Но дѣло въ томъ, что предѣлы производительности почвы могутъ быть постоянно расширяемы по очереднымъ воздѣйствіемъ на разные ея факторы. Агрономическая наука не только находитъ все болѣе усовершенствованные способы использованія условій плодородія почвы, но она открываетъ новые факторы, благопріятно вліяющіе на произрастаніе растеній. Открытіе русскимъ ученымъ Виноградскимъ, въ институтѣ Пастера, спеціальныхъ микроорганизмовъ въ клубняхъ кормовыхъ травъ—вики, люцерны и клевера, питающихся свободнымъ азотомъ изъ воздуха и этимъ обогащающихъ почвы, находящіяся подъ культурой этихъ растеній азотомъ,—служитъ основаніемъ для раціональнаго примѣненія травосѣянія съ цѣлію повышенія продуктивности почвы [1]).

Говоря о томъ, что въ будущемъ человѣчеству угрожаетъ абсолютный недостатокъ пищевыхъ веществъ, вслѣдствіе того, что послѣднія увеличиваются въ ариѳметической прогрессіи, а населеніе растетъ въ прогрессіи геометрической, Мальтусъ къ тому же упустилъ изъ виду раньше высказанное имъ свое собственное утвержденіе, что въ геометрической же пропорціи имѣютъ тенденцію увеличиваться на земномъ шарѣ растенія и животный міръ вообще. А такъ какъ растенія и животныя служатъ также и пищею человѣку, то, значитъ, ариѳметическая прогрессія возрастанія для массы предметовъ питанія людей превращается, по словамъ самого Мальтуса, въ геометрическую и такимъ образомъ для обезпеченія

[1]) В Левитскій. Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи (1862—1892). Харьковъ. 1899 г., стр. 220—229. Новѣйшее изслѣдованіе Esslen Joseph. Das Gesetz des abnehmenden Bodenertrages seit Justus von Liebig. München. 1905.

пищевыми продуктами будущаго населенія представляется болѣе благопріятная перспектива.

Вообще же можно сказать, что самый вопросъ о несоотвѣтствіи увеличенія средствъ существованія съ ростомъ населенія относится къ категоріи такого рода космическихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, занимающій теперь извѣстныхъ натуралистовъ вопросъ объ уменьшеніи теплорода въ солнечной системѣ, который вѣроятно останется вѣчной философской проблеммой.

Но какъ ни мало основательно рѣшеніе этой проблеммы, представленное Мальтусомъ въ его знаменитыхъ прогрессіяхъ, однако, его «Опытъ изслѣдованія о народонаселеніи» занялъ заслуженное почетное положеніе въ исторіи экономической литературы по той замѣчательной постановкѣ, которую онъ далъ этому вопросу. Изслѣдованія Мальтуса привлекли заслуженное вниманіе послѣдующихъ экономистовъ къ двумъ вопросамъ первостепенной важности: о причинахъ бѣдности въ человѣческомъ обществѣ, а также о борьбѣ съ нею, и къ ученію о народонаселеніи. По вопросу о пауперизмѣ послѣдующія школы, въ особенности соціалисты, пришли къ выводамъ діаметрально противоположнымъ тому заключенію, на которомъ настаивалъ Мальтусъ. Что касается теоріи народонаселенія, то послѣдующіе изслѣдователи, убѣдившись въ невозможности притти къ удовлетворительному рѣшенію вопросовъ народонаселеніи абстрактнымъ путемъ, которому слѣдовалъ Мальтусъ, обратились къ методу массовыхъ наблюденій жизни населенія. Результатомъ этого послѣдняго направленія въ изученіи законовъ народонаселенія явилась статистическая наука. Кромѣ «Опыта о народонаселеніи», Мальтусъ является также авторомъ еще нѣсколькихъ экономическихъ сочиненій «О налогахъ политической экономіи», «Объ опредѣленіяхъ въ политической экономіи» и друг. Въ концѣ XVIII вѣка, когда Мальтусъ выступилъ на научное поприще, сочиненіе Смита «О богатствѣ народовъ» пользовалось огромной репутаціей какъ среди общественныхъ дѣятелей, такъ и среди ученыхъ круговъ Англіи. Мальтусъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій прямо заявляетъ, что «въ его время Смита, по общему признанію, считаютъ основателемъ экономической науки». Въ своихъ сочиненіяхъ Мальтусъ занялся пересмотромъ основныхъ положеній политической экономіи. Вполнѣ примыкая къ общимъ принципамъ экономической системы Смита, въ его воззрѣніяхъ на

личный интересъ и свободу хозяйственной дѣятельности, Мальтусъ, какъ и Смитъ, ограничивалъ задачу политической экономіи ученіемъ о производствѣ, обмѣнѣ и распредѣленіи матеріальныхъ цѣнностей, при чемъ «возможность накопленія и сбереженія, отсутствующая въ личныхъ услугахъ, представлялась ему существеннымъ признакомъ богатства», какъ объекта политической экономіи. Мальтусъ также выступилъ съ ученіемъ о поземельной рентѣ, въ которомъ показалъ, что происхожденіе ренты имѣетъ чисто экономическую причину, коренящуюся въ различномъ плодородіи отдѣльныхъ земельныхъ участковъ. Мальтусъ является, между прочимъ, сторонникомъ теоріи фонда заработной платы, намѣченной у Смита, которую Мальтусъ взялъ подъ свою защиту и снабдилъ ее извѣстной аргументаціей. Но вопросы о поземельной рентѣ и заработной платѣ получили болѣе яркое освѣщеніе и законченный анализъ въ сочиненіяхъ Рикардо.

Давидъ Рикардо (1772—1823).

Уже раньше нами высказана была мысль, что можно различать два главные пути, по которымъ происходитъ поступательное движеніе экономической науки. Новыя экономическія знанія могутъ являться или результатомъ тщательнаго критическаго анализа существующихъ уже системъ, дающаго возможность притти къ новымъ выводамъ—путь чисто логическій, или же они являются результатомъ привлеченія въ область экономическаго изслѣдованія новыхъ экономическихъ явленій, жизни которыхъ вовсе не замѣчали предшествующіе экономисты, открывающихъ новыя стороны въ хозяйствѣ.

Рикардо съ полнымъ успѣхомъ слѣдовалъ обоими этими путями, ведущими къ прогрессу экономической науки. Рикардо значительно расширилъ область экономическихъ изслѣдованій, обогативъ науку объясненіемъ цѣлаго ряда новыхъ явленій, которыми характеризуется хозяйственный бытъ Англіи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Но, кромѣ того, заслуга Рикардо заключается еще и въ томъ, что онъ подвергнулъ нѣкоторому пересмотру экономическую систему Адама Смита и очистилъ ее отъ многихъ противо-

рѣчій и неточностей. Хотя Рикардо является прямымъ послѣдователемъ воззрѣній Смита, но въ отношеніи пріемовъ изслѣдованія онъ значительно отъ него отличается. При разсмотрѣніи ученій Смита мы указывали на то, что онъ не ограничивается изслѣдованіемъ хозяйственныхъ явленій только съ точки зрѣнія законовъ, ими управляющихъ, но что онъ часто разсматриваетъ ихъ со стороны тѣхъ измѣненій, которыя должны быть произведены въ нихъ дѣятельностью общественныхъ органовъ, въ видахъ человѣческаго благосостоянія, а также и съ точки зрѣнія условій ихъ историческаго развитія. Преслѣдуя столь разнообразныя задачи, Смитъ пользовался пріемами дедуктивнаго и индуктивнаго методовъ изслѣдованія. Рикардо же понималъ политическую экономію какъ чисто теоретическую науку, въ разработкѣ которой онъ слѣдовалъ исключительно дедуктивному методу. Поэтому Рикардо являлся послѣдователемъ Смита по преимуществу въ тѣхъ частяхъ его системы, въ которыхъ онъ занимается отысканіемъ законовъ хозяйственныхъ явленій.

Въ виду тѣсной связи одной части научныхъ работъ Рикардо съ фактическими событіями его эпохи, необходимо отмѣтить выдающіяся явленія хозяйственнаго быта Англіи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

1. Въ концѣ прошлаго столѣтія крупная фабричная промышленность Англіи достигла значительнаго развитія. Въ этой странѣ были полностью использованы всѣ замѣчательныя техническія изобрѣтенія конца XVIII вѣка, включительно до парового двигателя, еще мало извѣстныя на континентѣ. Въ то время, когда на континентѣ Европы бо́льшая часть производствъ велась еще съ помощью ручной работы, Англія примѣняла машины. Но, не довольствуясь превосходствомъ своей обрабатывающей промышленности въ техническихъ пріемахъ, Англія прибѣгала еще и къ чисто искусственнымъ мѣрамъ для ея развитія, напр., къ запрещенію вывоза за границу машинъ и каменнаго угля, дабы помѣшать росту обрабатывающей промышленности въ европейскихъ странахъ. Благодаря совокупности всѣхъ этихъ условій, вывозная торговля Англіи въ теченіе одного десятилѣтія, съ 1782 до 1792 г.г., удвоилась. Англія начала производить для мірового рынка, снабжая своими желѣзными, бумажными и шерстяными произведеніями всѣ глав-

нѣйшія части свѣта—Европу, Азію, Америку. Въ эту пору Англія естественно была заинтересована въ свободѣ торговыхъ сношеній съ другими народами, такъ какъ эта свобода значила для нея открытіе иностранныхъ рынковъ для ея товаровъ. Но какъ разъ въ ту пору, когда обрабатывающая промышленность и производство расширились, англійская торговля должна была совсѣмъ неожиданно испытать тяжелыя стѣсненія со стороны такъ называемой континентальной системы Наполеона I, въ силу которой большинство европейскихъ рынковъ было закрыто для англійскихъ товаровъ. Испытавъ тяжелый торговый кризисъ, англійская промышленность опять оживилась съ прекращеніемъ Наполеоновскихъ войнъ и континентальной системы. Но возобновленіе сношеній съ Европой сопровождалось новымъ бѣдствіемъ для англійской промышленности. Послѣ долгаго застоя, фабрики начинали работать усиленно и изготовляли массу товаровъ, которые превышали объемъ спроса на нихъ на тогдашнихъ европейскихъ рынкахъ, и это повело за собою цѣлый рядъ новыхъ торговыхъ кризисовъ, въ 1811-1815-1818 годахъ.

2. Континентальная система оказала большое вліяніе на состояніе земледѣльческой промышленности Англіи. Чрезвычайная нужда въ хлѣбѣ, вслѣдствіе прекращенія сношеній съ Европой, заставила англичанъ обратиться къ усиленію своего земледѣлія и перейти къ болѣе раціональной культурѣ. Въ интересахъ земледѣльческой культуры, общинныя поля были огорожены, уцѣлѣвшіе еще участки мелкихъ землевладѣльцевъ скуплены крупными собственниками и все англійское землевладѣніе перешло къ фермерской системѣ. Такъ какъ англійское земледѣліе требовало слишкомъ большихъ издержекъ, вслѣдствіе своей интенсивности, то поэтому англійскій хлѣбъ не могъ конкурировать по дешевизнѣ съ заграничнымъ. Англійская земельная аристократія, интересовъ которой это ближе всего касалось, пользуясь своимъ преобладающимъ вліяніемъ въ парламентѣ, прибѣгнула къ усиленію репрессій хлѣбныхъ законовъ. Закономъ 1791 года запрещался ввозъ заграничнаго хлѣба въ Англію, если цѣна его стояла ниже 56 шиллинговъ за квартеръ, въ 1801 году эта норма была возвышена до 63, а въ 1805 году не дозволялось уже ввозить хлѣбъ при цѣнахъ ниже 80 шиллинговъ за квартеръ.

3. Промышленные кризисы, обусловленные вышеуказанными причинами, а также обезземеленіе крестьянъ сопровождались бѣд-

ствіями для рабочаго класса. Хлѣбные законы еще болѣе отягчали и безъ того тяжелое положеніе рабочихъ. Дѣло въ томъ, что Англія не могла прокормиться собственнымъ хлѣбомъ и ей ежегодно требовалось 300.000 центнеровъ привозного хлѣба, что̀ составляетъ количество хлѣба, необходимое для прокормленія цѣлаго милліона населенія. Такимъ образомъ, въ силу хлѣбныхъ законовъ, бѣднѣйшая часть англійскаго населенія осуждена была на голоданіе. Бѣдствія рабочаго класса, въ свою очередь, вызвали усиленіе налога въ пользу бѣдныхъ.

4. Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ, переживаемымъ Англіей, присоединилось еще разстройство въ кредитныхъ дѣлахъ. Англійскій банкъ вынужденъ былъ въ 1897 г. пріостановить обмѣнъ своихъ билетовъ на звонкую монету, сначала въ видѣ временной мѣры, которую за тѣмъ онъ долженъ былъ продлить до 1810 года. Мѣра эта сопровождалась сильнымъ паденіемъ вексельнаго курса, возвышеніемъ рыночныхъ цѣнъ и цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ. Всѣ эти явленія производили замѣшательство во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ.

Въ качествѣ автора Рикардо выступилъ въ первый разъ въ 1810 г. съ трактатомъ подъ заглавіемъ: «Высокая цѣна слитковъ, какъ доказательство обезцѣненія банковыхъ билетовъ». Возвышеніе рыночной цѣны слитковъ и паденіе вексельнаго курса, наступившее въ теченіе этого года, возбудило сильное вниманіе публики. Рикардо обратился къ изслѣдованію этого предмета, и серьезная научная подготовка, въ связи съ опытностью его въ денежныхъ операціяхъ, дали ему возможность не только отнестись критически къ причинамъ явленія, но и выставить на видъ предполагаемое имъ практическое его значеніе и послѣдствія.

Слѣдующее сочиненіе Рикардо: «Опытъ о вліяніи низкой цѣны хлѣба на прибыль съ капитала»—появилось въ 1815 г. по поводу хлѣбныхъ законовъ. Въ немъ Рикардо въ первый разъ приложилъ свою теорію поземельной ренты къ объясненію экономическихъ явленій. Исходя изъ принциповъ этой теоріи, онъ показалъ, что возвышеніе цѣнности хлѣба, вслѣдствіе запрещенія его ввоза изъза границы, влечетъ за собою возвышеніе ренты, какъ результатъ обращенія къ обработкѣ участковъ низшаго плодородія, незначительное повышеніе рабочей платы и паденіе прибыли. Показавъ,

что хлѣбные законы приносятъ выгоду одному землевладѣльческому классу, а прямой ущербъ рабочимъ и капиталистамъ, Рикардо требовалъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ и перехода къ полной свободѣ торговли. По поводу тѣхъ же хлѣбныхъ законовъ Рикардо въ 1822 г. опубликовалъ свой трактатъ «О покровительствѣ земледѣлію». Здѣсь онъ обсуждаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, относящихся къ вліянію высокой цѣнности хлѣба на задѣльную плату и прибыль, къ дѣйствію налоговъ на земледѣліе и мануфактуру и т. п. Если бы,—говоритъ Маккулохъ,—Рикардо никогда не писалъ больше ничего, то одного этого сочиненія, благодаря ясности и точности, съ которыми трактуется въ немъ о множествѣ важнѣйшихъ предметовъ, было бы достаточно для доставленія его автору мѣста въ ряду первыхъ экономистовъ.

Таковы главнѣйшія сочиненія Рикардо, посвященныя объясненію экономическихъ вопросовъ, назрѣвшихъ въ современной ему Англіи. Но научная слава Рикардо въ гораздо большей мѣрѣ основана на его общемъ трактатѣ, подъ заглавіемъ: «О началахъ политической экономіи и о налогахъ» (1817 г.), въ которомъ онъ подвергнулъ обсужденію важнѣйшія начала экономической теоріи. Главнѣйшія ученія, заключающіяся въ этомъ трактатѣ, о цѣнности, прибыли, рентѣ и рабочей платѣ въ значительной мѣрѣ вошли въ современную систему политической экономіи. Мы отмѣтимъ только то новое, что заключалось въ этомъ изслѣдованіи Рикардо, по сравненію съ соотвѣтственными воззрѣніями А. Смита.

Въ теоріи цѣнности Рикардо далъ точное выясненіе идеи, высказанной Смитомъ, но затемненной многими противорѣчіями, которыя были допущены послѣднимъ. Смитъ утверждалъ, что стоимость вещи опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на ея производство, но онъ въ то же время допускалъ и другое положеніе, что стоимость вещи равна также количеству труда, которое можетъ быть куплено за нее на рынкѣ. Рикардо же показалъ, что цѣна труда на рынкѣ зависитъ не отъ законовъ производства, а обусловливается формами распредѣленія народнаго дохода и что возникновеніе ренты не вліяетъ на стоимость производства. Затѣмъ онъ представилъ стройный анализъ и точное разграниченіе законовъ обѣихъ категорій явленій производства и распредѣленія. Всѣ хозяйственныя блага относительно ихъ цѣнности

Рикардо раздѣлялъ на двѣ категоріи: цѣнность однихъ предметовъ зависитъ отъ ихъ рѣдкости, но зато цѣнность другой, гораздо болѣе обширной, категоріи продуктовъ, количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо по желанію людей, обусловливается исключительно количествомъ труда, употребленнаго на ихъ производство. Стоимость этихъ послѣднихъ предметовъ, по Рикардо, опредѣляется не только количествомъ труда, непосредственно затраченнаго на ихъ производство, но и количествомъ труда, затраченнаго на приготовленіе орудій, при помощи которыхъ производятся данные продукты. Затѣмъ, принадлежитъ ли весь продуктъ труда цѣликомъ рабочему, или же онъ подъ видомъ прибыли, ренты и рабочей платы распредѣляется между тремя лицами, изъ которыхъ одинъ участвуетъ въ производствѣ своимъ трудомъ, другой капиталомъ, а третій является собственникомъ земли,—это, какъ показываетъ Рикардо, не имѣетъ никакого вліянія на цѣнность вещи, но только касается распредѣленія этой цѣнности между участниками въ производствѣ.

Самыя замѣчательныя изслѣдованія Рикардо относятся къ теоріи распредѣленія. По Смиту, прибыль, рента и заработная плата суть не только источники дохода, но и источники цѣнности продуктовъ. Рикардо же, какъ было уже замѣчено, показалъ, что эти три категоріи дохода не имѣютъ никакого отношенія къ цѣнности и суть факты распредѣленія. Затѣмъ, Рикардо выяснилъ законы, которымъ подчиняется распредѣленіе цѣнности продуктовъ на эти отдѣльныя категоріи дохода.

Высказавшись въ столь категорической формѣ о разграниченіи причинъ, обусловливающихъ цѣнность продуктовъ, отъ обстоятельствъ и фактовъ, отъ которыхъ зависитъ уровень заработной платы, прибыли и поземельной ренты, Рикардо затѣмъ дѣлаетъ однако существенныя поправки къ теоріи трудовой цѣнности. Онъ утверждаетъ, что употребленіе машинъ и другого постояннаго и прочнаго капитала значительно измѣняетъ начало, на основаніи котораго относительная цѣнность товаровъ опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на ихъ производство. А именно, Рикардо говоритъ, что различіе въ степени прочности постояннаго капитала и различіе пропорцій, въ которыхъ входятъ въ дѣло капиталы, оплачивающіе трудъ, и капиталы, затрачиваемые въ формѣ орудій, машинъ и

зданій, служатъ новой причиной, которая, независимо отъ большаго или меньшаго количества труда, необходимаго на производство товаровъ, способна опредѣлять измѣненія въ ихъ относительной цѣнности. Эта причина заключается въ увеличеніи или уменьшеніи цѣнности труда, т. е. заработной платы. Указавъ эти особыя условія, при которыхъ повышеніе заработной платы и измѣненіе уровня прибыли отражается на цѣнности товаровъ, Рикардо однако, въ конечномъ результатѣ, полагаетъ, что колебанія въ уровнѣ заработной платы и прибыли оказываютъ слабое вліяніе на измѣненіе цѣнности товаровъ и что всѣ большія колебанія цѣнности слѣдуетъ разсматривать какъ результатъ увеличенія или уменьшенія количества труда, потребнаго на ихъ производство [1]). Во всякомъ случаѣ Рикардо является сторонникомъ теоріи трудовой цѣнности и въ своихъ изслѣдованіяхъ, когда упоминаетъ о цѣнности товаровъ, то вездѣ придерживается той мысли, что цѣнность ихъ зависитъ только отъ трудовыхъ издержекъ.

Ученіе о поземельной рентѣ было наиболѣе неясно представлено въ теоріи Смита. Смитъ признавалъ, что ренту даютъ всѣ земли и что земли болѣе доходныя опредѣляютъ ренту участковъ низшаго плодородія. Рикардо называетъ рентой ту часть земледѣльческаго продукта, которая уплачивается владѣльцу за пользованіе первоначальными и неистощимыми свойствами почвы. Слѣдовательно, та часть цѣнности, которая переходитъ на продуктъ земледѣлія въ формѣ затратъ труда и капитала на удобреніе, орошеніе, обработку земли и т. п., не составляетъ экономической основы происхожденія ренты, а относится къ издержкамъ капитала. Поземельная рента является вслѣдствіе того, что люди вынуждены переходить отъ обработки участковъ высшаго плодородія къ участкамъ низшаго плодородія. Эти худшіе участки должны возвращать только издержки производства и давать обыкновенную прибыль, потому что иначе никто не сталъ бы заниматься ихъ обработкою. Но, если худшіе участки оплачиваютъ издержки производства, то лучшіе, сверхъ того, даютъ еще нѣкоторый излишекъ, который и составляетъ ренту. Высота ренты опредѣляется разницею между доходомъ лучшаго участка и худшаго, который не даетъ ренты. Изъ этого опредѣленія ренты вытекаютъ слѣдующія важныя отличія отъ взглядовъ А. Смита. Смитъ думалъ, что всякія земли могутъ приносить ренту; Рикардо

[1]) Сочиненія Давида Рикардо, перев. Зибера Спб 1882 г., стр. 14—19.

доказалъ, что только земли высшаго плодородія. Смитъ полагалъ, что рента входитъ въ цѣнность вещи, Рикардо же показалъ, что цѣна продуктовъ земледѣлія опредѣляется стоимостью ихъ производства при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ—на участкахъ самаго низшаго плодородія, находящихся подъ обработкой, поэтому рента въ послѣднемъ счетѣ не можетъ представить составной части цѣнности этихъ продуктовъ. Смитъ старался доказать, что возникновеніе ренты является большею выгодою для общества и увеличеніемъ его богатства; Рикардо опровергъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ, выяснивъ, что рента является слѣдствіемъ увеличившейся дороговизны производства хлѣбовъ и что то, что выигрываетъ отъ этого землевладѣлецъ, онъ выигрываетъ на счетъ цѣлаго общества, уплачивающаго болѣе высокія цѣны за земледѣльческія произведенія. Кромѣ того, Смитъ полагалъ, что земледѣліе приноситъ въ цѣнности продуктовъ, сверхъ обычной прибыли, еще особый видъ дохода—ренту, потому что природа оказываетъ особое содѣйствіе человѣку въ процессѣ воздѣлыванія земель. И, такъ какъ рента такимъ образомъ является даровымъ продуктомъ природы, то Смитъ отсюда заключалъ, что первоначальное правило, опредѣляющее мѣновую цѣнность товаровъ сравнительнымъ количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства, можетъ быть измѣнено обращеніемъ земель въ собственность и платежемъ поземельной ренты. Рикардо доказалъ, что возникновеніе ренты не влечетъ за собою какихъ-либо измѣненій въ относительной цѣнности товаровъ, независимо отъ количества труда, необходимаго для ихъ производства.

Однако Рикардо не былъ первоначальнымъ творцомъ ученія о поземельной рентѣ. Теорія поземельной ренты была намѣчена уже въ сочиненіяхъ Вильяма Пети и Буагильбера, въ концѣ XVIII в. была разрабатываема Андерсономъ и Мальтусомъ, но только въ изслѣдованіи Рикардо она вылилась въ законченную пластическую форму ученія о дифференціальной рентѣ.

Въ изслѣдованіяхъ Рикардо видное мѣсто занимаетъ также теорія прибыли и заработной платы. Онъ утверждаетъ, что прибыль и заработная плата находятся между собою въ обратномъ отношеніи и что всякое возвышеніе задѣльной платы должно непремѣнно уменьшать прибыль. Въ данномъ случаѣ Рикардо упустилъ изъ вида, что и прибыль и заработная плата могутъ увеличиваться на

счетъ третьяго источника—роста чистаго дохода, въ связи съ увеличеніемъ производительности труда. Рикардо полагалъ, что высота заработной платы зависитъ отъ предложенія и спроса на трудъ и отъ цѣны предметовъ потребленія рабочаго класса, которые большею частью состоятъ изъ продуктовъ земледѣлія. Но, такъ какъ, съ ростомъ населенія, цѣна послѣднихъ постоянно повышается, вслѣдствіе возрастающей трудности добыванія прибавочнаго количества пищи, то поэтому и заработная плата съ ходомъ культуры растетъ. Такимъ образомъ та же причина, которая возвышаетъ ренту, возвышаетъ и задѣльную плату и вызываетъ паденіе уровня прибыли.

Изслѣдованія Рикардо обнаруживаютъ въ немъ большую природную силу логики и отличаются глубиною абстрактной мысли и строгостью анализа. Противъ его пріемовъ научнаго изслѣдованія можно сдѣлать тѣ возраженія, которыя вообще дѣлаются по отношенію къ чистой теоріи политической экономіи. Указывая общія тенденціи, управляющія хозяйственною жизнью, Рикардо подчасъ просматриваетъ обстоятельства, которыя случайно имъ противодѣйствуютъ. Такъ, напримѣръ, онъ училъ, что по мѣрѣ общественнаго развитія поземельная рента и задѣльная плата стремятся къ возвышенію и прибыль къ паденію вслѣдствіе того, что общество поставлено въ необходимость для полученія добавочной пищи постоянно переходить къ обработкѣ земель низшаго плодородія. Абстрактная истина дѣйствительно такова, но Рикардо не обратилъ вниманія на противоположную тенденцію, на то, что земледѣліе допускаетъ возможность крупныхъ усовершенствованій, а эти улучшенія необходимо уравновѣшиваютъ упадокъ плодородія земли и могутъ достигать и даже достигаютъ преобладанія надъ нимъ. Рикардо установилъ на прочныхъ основаніяхъ главнѣйшія начала экономической теоріи. Положенія, къ которымъ Рикардо пришелъ, съ абстрактной точки зрѣнія, большею частью вѣрны и точны; недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что они не всегда полны, не усложнены всею массою обстоятельствъ, въ сопровожденіи которыхъ являются означенныя начала въ дѣйствительности. Одни изъ подобныхъ обстоятельствъ оказываютъ на эти законы временное и случайное пертурбаціонное вліяніе, другія равны имъ по силѣ и даже превосходятъ ихъ, вслѣдствіе чего естественно парализируютъ ихъ дѣйствіе, а подчасъ и устраняютъ его вполнѣ.

Таковы возраженія, которыя справедливо дѣлались съ точки зрѣнія того самаго метода и той задачи, которую преслѣдовалъ самъ Рикардо.

Но противъ Рикардо не рѣдко дѣлаются возраженія, которыя вовсе не вытекаютъ изъ тѣхъ задачъ, которыя онъ самъ себѣ ставилъ. Такъ, независимо отъ вѣрности тѣхъ или другихъ положеній Рикардо, его упрекаютъ вообще въ слѣдованіи абстрактному методу, считая самый этотъ методъ не примѣнимымъ къ изученію вопросовъ хозяйственной жизни. На этихъ возраженіяхъ мы будемъ имѣть еще случай остановиться, когда будемъ говорить объ исторической школѣ въ политической экономіи. Можно спорить о цѣлесообразности абстрактнаго метода въ политической экономіи: но, разъ признавъ права гражданства этого метода въ экономической наукѣ, мы должны считать Рикардо однимъ изъ самыхъ сильныхъ теоретиковъ-экономистовъ, изслѣдованія котораго никогда не потеряютъ своего научнаго значенія.

Пониманіе сочиненій Рикардо дается не вполнѣ легко. Но кто пожелаетъ удѣлить его книгѣ столько вниманія, сколько она по справедливости заслуживаетъ, тотъ найдетъ его положенія столько же логичными, сколько глубокими и важными.

Квинтиліанъ,—говоритъ Маккулохъ,—держался мнѣнія, что тѣ изъ изучающихъ краснорѣчіе, которые сильно восхищались Цицерономъ, дѣлали въ своемъ искусствѣ весьма значительныя успѣхи; это же самое съ полнымъ правомъ примѣнимо къ тѣмъ изъ числа занимающихся политической экономіей, которые находятъ удовольствіе въ чтеніи сочиненій Рикардо.

Англійская политика свободной торговли и манчестерская школа.

Идеи Адама Смита о свободѣ экономическаго оборота быстро завоевали себѣ симпатіи въ экономической литературѣ. Число сторонниковъ и послѣдователей Смита увеличивалось какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ Европы. Въ то же время въ самой Англіи начала экономической свободы получаютъ практическое осуществленіе, хотя не сразу, а съ значительными задержками, встрѣчая

сопротивленіе со стороны нѣкоторыхъ слоевъ общества. Въ дѣйствительности въ первой четверти XIX вѣка ни одна страна въ мірѣ не была такъ подготовлена къ свободѣ экономическаго оборота, какъ Англія. Уже раньше было нами замѣчено, что англійская мануфактурная и фабричная промышленность въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка далеко опередила соотвѣтствующіе роды производства другихъ европейскихъ странъ. Благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, которыя Англія сумѣла примѣнить въ обширныхъ размѣрахъ къ разнымъ отраслямъ промышленности, товары ея превосходили продукты другихъ странъ какъ по качеству, такъ и по дешевизнѣ. Съ этого времени англійская промышленность не нуждалась болѣе ни въ какихъ искусственныхъ средствахъ поощренія. Единственно, въ чемъ теперь были заинтересованы англійскіе фабриканты,—это въ отысканіи новыхъ рынковъ и въ свободномъ доступѣ ихъ товаровъ въ европейскія страны.

Фактическія же условія, въ которыя была поставлена англійская промышленность, далеко не соотвѣтствовали ясно опредѣлившимся ея потребностямъ. Свободный обмѣнъ англійскихъ товаровъ встрѣчалъ большія препятствія прежде всего въ традиціонной меркантилистической политикѣ самой Англіи. Въ то время немногіе изъ привозимыхъ въ Англію товаровъ, въ которыхъ нуждалась англійская фабричная промышленность, имѣли совершенно свободный доступъ на ея рынки. Большинство же предметовъ англійской привозной торговли было обложено пошлинами и, кромѣ того, существовало болѣе двухсотъ товаровъ, ввозъ которыхъ былъ совершенно запрещенъ. Въ свою очередь, и европейскія государства, товары которыхъ встрѣчали затрудненія для сбыта въ Англію, платили взаимностью и старались оградить себя отъ наплыва англійскихъ товаровъ посредствомъ запретительныхъ и охранительныхъ пошлинъ.

Итакъ, Англія, для которой теперь существовала прямая выгода перейти къ свободной торговлѣ, для того, чтобы возвратить свободный доступъ своихъ товаровъ на европейскіе рынки, должна была прежде всего сама уничтожить свою тарифную систему, какъ того требовали интересы ея промышленности.

Сознаніе необходимости отмѣны запретительныхъ пошлинъ и вступленія на путь свободной торговли, уже съ начала девятнадцатаго столѣтія, постепенно распространялось среди той части англійскихъ

промышленниковъ, которые лучше понимали свои интересы, и направляло ихъ къ усиленной дѣятельности въ пользу отмѣны таможенныхъ пошлинъ. Въ 1820 году въ англійскій парламентъ подано было двѣ петиціи отъ представителей промышленнаго класса Лондона и Эдинбурга, покрытыя множествомъ подписей. Въ нихъ англійскіе купцы и фабриканты высказывали убѣжденіе, что Англія, для поощренія своей вывозной торговли, должна разрѣшить свободный ввозъ иностранныхъ товаровъ. Назначенная вслѣдъ затѣмъ въ англійскомъ парламентѣ комиссія не только согласилась съ требованіями петицій, но еще болѣе опредѣленно и категорически высказалась въ пользу необходимости для Англіи вступить на путь свободной торговли. Съ этого времени въ экономической политикѣ Англіи начался рѣзкій поворотъ въ сторону свободы торговли.

Уже въ 1822 году послѣдовалъ рядъ парламентскихъ постановленій отмѣнявшихъ многія запретительныя статьи въ торговой системѣ. Въ особенности крупныя перемѣны этого тарифа, въ смыслѣ допущенія большей свободы ввоза, были сдѣланы въ министерство Каннинга. Въ 1823 году, благодаря министру Гускисону, тарифъ почти на всѣ иностранные фабрикаты былъ пониженъ и притомъ въ очень значительной степени: на хлопчатобумажный товаръ съ 75%—50% ихъ стоимости до 10%, на полотно съ 183% до 25% и т. д., при чемъ было постановлено, что предѣльная пошлина не должна превышать вообще 30% съ цѣны продукта.

Но начатая тарифная реформа встрѣтила сильное сопротивленіе со стороны землевладѣльческой аристократіи, когда вопросъ зашелъ объ отмѣнѣ пошлинъ на ввозимый въ Англію хлѣбъ. Мы уже знаемъ, какое видное мѣсто въ меркантилистической политикѣ Англіи, начиная съ XVIII вѣка, занимало покровительство земледѣлію, въ видѣ хлѣбныхъ законовъ, налагавшихъ на ввозимый въ Англію хлѣбъ высокія пошлины, а въ извѣстные моменты, когда цѣны на хлѣбъ въ Англіи падали ниже опредѣленнаго уровня, вовсе запрещавшихъ ввозъ иностраннаго хлѣба въ страну. Эти стѣснительныя для массы населенія мѣры со временемъ не только не смягчились, а становились еще болѣе суровыми. Такъ, по закону 1815 года разрѣшилось ввозить изъ-за границы хлѣбъ въ томъ случаѣ, если цѣна на туземный хлѣбъ составляла 80 шиллинговъ за квартеръ. Вслѣдствіе такихъ постановленій англійскому потребителю хлѣбъ

обходился въ 80 шиллинговъ, въ то время какъ на гамбургскомъ рынкѣ цѣна одного квартера хлѣба колебалась отъ 40 до 50 шиллинговъ. Всякія попытки смягчить тарифныя ставки на ввозимый въ Англію хлѣбъ, когда ввозъ его разрѣшался въ страну, встрѣчали рѣшительный отпоръ со стороны землевладѣльцевъ. Мѣры, которыя въ этомъ отношеніи принимались парламентомъ, неизмѣнно отвергались палатой лордовъ, состоящей преимущественно изъ представителей класса землевладѣльцевъ. Здѣсь сталкивалась полная противоположность интересовъ ландлордовъ и торгово-промышленнаго класса. Хлѣбные законы давали возможность англійскимъ землевладѣльцамъ значительно поднять ренту на свои земли. Въ свою очередь, фабриканты были заинтересованы въ томъ, чтобы цѣны на хлѣбъ были возможно дешевле, такъ какъ при этомъ понизилась бы заработная плата, которую они должны были платить своимъ рабочимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сократились бы и общія издержки производства фабричныхъ издѣлій.

При такой противоположности интересовъ землевладѣльческаго и торгово-промышленнаго классовъ дѣло реформы не могло двигаться быстро, потому что землевладѣльцы имѣли главное представительство въ нижней палатѣ, въ которую доступъ для купеческаго класса былъ затрудненъ. Въ Англіи господствовалъ еще старый избирательный законъ, при которомъ избирательными правами пользовались только поселенія, принадлежавшія лордамъ; большіе же промышленные города, даже такіе, какъ Манчестеръ и Бирмингамъ, были лишены представительства въ парламентѣ. Сторонники уничтоженія тарифовъ направили свои усилія на реформу избирательнаго закона и вскорѣ ея добились. Въ 1832 году былъ изданъ такъ называемый билль о реформѣ, въ которомъ были значительно расширены избирательныя права промышленнаго класса, а съ нимъ и вліяніе его на законодательства страны. Съ этого времени старанія промышленнаго класса были направлены противъ главнаго пункта тарифной системы—хлѣбныхъ законовъ, которыми ни за что не хотѣла поступиться землевладѣльческая партія.

Главными представителями этого движенія противъ хлѣбныхъ законовъ были Ричардъ Кобденъ и Джонъ Брайтъ, но въ немъ энергичное участіе приняли также Фоксъ, Вильсонъ и Томпсонъ. Съ цѣлью борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ, они основали въ 1838 году

въ городѣ Манчестерѣ знаменитую лигу противъ хлѣбныхъ законовъ (Anti-Corn-Law-League), которая дѣйствовала всевозможными средствами пропаганды идей свободы экономическаго оборота. Лига ставила своей задачей не только отмѣну хлѣбныхъ законовъ, но и полное, немедленное и безусловное уничтоженіе всѣхъ монополій, всѣхъ какихъ бы то ни было покровительственныхъ пошлинъ въ пользу земледѣлія, промышленности, торговли и навигаціи, полную свободу конкуренціи. Лига эта устраивала многолюдные митинги по всей странѣ и собрала для борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ, путемъ добровольной подписки, сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Съ цѣлью пропаганды идей свободы торговли, кромѣ ежедневной газеты (Anti Bread Tax Circular), расходившейся въ 20 тысячахъ экземпляровъ, лигой выпускалось множество брошюръ, летучихъ листковъ и афишъ; только до 1843 года ихъ было издано до 9 милліоновъ экземпляровъ, всего вѣсомъ болѣе 60,000 пудовъ. Вскорѣ лига насчитывала своихъ приверженцевъ среди англійскаго населенія сотнями тысячъ. Къ этому движенію примкнули цѣлыя массы англійскихъ рабочихъ, требовавшихъ для себя дешеваго хлѣба. Къ лигѣ присоединилось также духовенство диссидентскихъ церквей. Собравшись на съѣздѣ въ Манчестерѣ, 1600 служителей церкви, вынесли резолюцію: «что хлѣбные законы нарушаютъ законъ Господа Бога и сокращаютъ блага Промысла».

Дѣятельность лиги въ короткое время увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ 1846 году хлѣбные законы были отмѣнены и прежнія 1090 статей о пошлинахъ были сокращены до 424; въ этомъ же году лига, какъ достигшая своей цѣли, была закрыта ея участниками. Остальныя запрещенія были по частямъ отмѣнены въ ближайшіе годы, и въ началѣ 50 годовъ Англія перешла къ полной свободѣ экономическаго оборота. Результаты отмѣны хлѣбныхъ законовъ и перехода къ свободѣ торговли въ ближайшіе годы оказались самыми блестящими для англійской промышленности: размѣры англійскаго производства и количество сбываемыхъ за границу товаровъ прогрессивно увеличивались.

Таковы въ общихъ чертахъ причины и послѣдствія движенія въ пользу свободы торговли въ Англіи. Но значеніе этого движенія не исчерпывается одними практическими результатами, достигнутыми по отношенію къ англійской промышленности и торговлѣ. Дѣло въ

томъ, что талантливые руководители этого движенія—Кобденъ, Брайтъ. Томпсонъ и другіе—, агитируя противъ стѣсненія свободы торговли, развивали по этому поводу, въ цѣломъ рядѣ статей и рѣчей, общіе взгляды на начала экономической политики, во многомъ уклоняющіяся отъ извѣстныхъ уже намъ воззрѣній Адама Смита. Ученіе о свободѣ торговли и конкуренціи въ томъ видѣ, какъ его понимали Кобденъ, Брайтъ и ихъ сотрудники, извѣстно въ экономической литературѣ подъ именемъ ученія школы фритредеровъ или же манчестерской школы (отъ города Манчестера, бывшаго центромъ дѣятельности партіи свободы торговли). Между тѣмъ какъ Адамъ Смитъ, отстаивая свободу торговли, все-таки допускалъ возможность и такихъ случаевъ, когда правительство, въ интересахъ народнаго хозяйства, съ пользою можетъ прибѣгать къ ея ограниченіямъ, манчестерская школа выставила требованіе безусловной свободы экономической дѣятельности и полнаго правительственнаго невмѣшательства въ хозяйственную жизнь націи. Она сдѣлала своимъ девизомъ терминъ физіократовъ: «laissez faire, laissez passer». Лучшее выраженіе доктрины манчестерской доктрины заключается въ слѣдующихъ словахъ одного изъ выдающихся дѣятелей этой школы—Томпсона. «Уничтожьте,—говоритъ онъ,—стѣснительную покровительственную систему, дайте свободное поле для дѣятельности,—и мы не требуемъ ничего больше. Талантъ, геній, предпріимчивость, капиталъ и трудолюбіе нашего великаго народа сдѣлаютъ все остальное. Англія при этомъ не только не отстанетъ, но опередитъ всѣ націи какъ по богатству, такъ и по прогрессу». Кобденъ доказывалъ, что свободный обмѣнъ продуктовъ обрабатывающей промышленности Англіи на зерновые продукты другихъ странъ долженъ привести къ развитію обрабатывающей промышленности, а слѣдовательно, и къ увеличенію спроса на трудъ. Спросъ же на трудъ не понижаетъ, а повышаетъ заработную плату. Для Кобдена и Брайта свободная торговля хлѣбомъ и свобода отъ обложенія пошлинами всѣхъ другихъ продуктовъ, необходимыхъ для пропитанія рабочихъ, представлялась лѣкарствомъ отъ всѣхъ соціальныхъ несчастій, а одинъ изъ самыхъ видныхъ сторонниковъ Кобдена—Фоксъ—говорилъ, «что уничтоженіе протекціонизма искоренитъ пауперизмъ и черезъ немного лѣтъ спустя послѣ отмѣны протекціонизма такъ же исчезнутъ рабочіе дома призрѣнія, какъ за разрушеніемъ баронскихъ замковъ исчезъ феодализмъ».

Защитники свободы торговли вѣрили, что осуществленіе свободы экономическаго оборота создастъ гармонію интересовъ не только между общественными классами внутри страны, но и между отдѣльными народами и поведетъ къ установленію на землѣ всеобщаго мира, который освободитъ націи отъ всей тяжести военныхъ расходовъ.

Манчестерская школа защищала принципы свободы и государственнаго невмѣшательства не только тогда, когда приходилось ей бороться съ противоположными стремленіями землевладѣльческаго класса, она была также противъ всякой помощи со стороны государства рабочимъ классамъ общества, выражающейся въ соціальномъ законодательствѣ. Такъ, манчестерская школа все время оказывала самую сильную оппозицію, какъ въ парламентѣ, такъ и въ литературѣ, фабричному законодательству объ ограниченіи продолжительности рабочаго дня на фабрикахъ и въ горной промышленности. «Подумали ли они,—писалъ Кобденъ о сторонникахъ этихъ предложеній въ парламентѣ,—что, признавъ за правительствомъ право опредѣлять количество рабочихъ часовъ, мы тѣмъ самымъ даемъ ему право опредѣлять продолжительность работы и въ 20 часовъ, вмѣсто 10?» Всякіе законы, нормирующіе трудъ рабочихъ, онъ считалъ возвратомъ къ феодальному строю и вреднымъ стѣсненіемъ свободы личности. Онъ совѣтовалъ рабочимъ въ борьбѣ за свое экономическое благосостояніе полагаться только на свою личную самодѣятельность, предусмотрительность и рекомендовалъ имъ прежде всего завоевать себѣ свободу на міровомъ рынкѣ труда, чего они легко могутъ достигнуть путемъ сбереженій. Кобденъ наивно полагалъ, что всякій рабочій, отложившій 20 фунтовъ стерлинговъ сбереженій, сталъ бы въ такія независимыя отношенія къ своему хозяину, въ какихъ послѣдній, благодаря своему огромному капиталу, находится къ своимъ рабочимъ. Важнѣйшіе законодательные акты объ ограниченіи дѣтскаго и женскаго труда на фабрикахъ (1824 и 1842 г.г.) были проведены въ англійскомъ парламентѣ вопреки самой настойчивой оппозиціи главныхъ руководителей фритредеровъ—Кобдена и Брайта.

Отмѣна хлѣбныхъ законовъ отвѣчала насущнымъ интересамъ народной массы, страдавшей отъ искусственно созданной дороговизны хлѣба; но въ то же время не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что манчестерская школа, говорившая отъ имени всего англійскаго народа, проповѣдуя безусловное невмѣшательства государства

въ хозяйственную жизнь и въ сферу соціальныхъ отношеній, по существу имѣла въ виду только интересы класса купцовъ и фабрикантовъ, когорые въ этомъ случаѣ являлись въ полномъ разладѣ съ интересами другихъ классовъ общества—землевладѣльцевъ и рабочихъ. Историческій смыслъ движенія предпринятаго манчестерскою школою, заключался въ томъ, чтобы лишить англійскую поземельную аристократію привилегій и монополій, которыя она сосредоточивала въ своихъ рукахъ, въ ущербъ среднему сословію. Оно было не что иное, какъ противоаристократическое стремленіе средняго сословія, разбогатѣвшаго промышленностью и торговлей и требующаго той степени могущества, на которую ему давали права его огромныя богатства.

Не успѣла еще доктрина манчестерской школы вполнѣ овладѣть общественнымъ мнѣніемъ, какъ она встрѣтила сильную реакцію со стороны рабочаго движенія въ Англіи, извѣстнаго подъ именемъ движенія чартистовъ, отъ слова chart—хартія или петиція, которую ея сторонники подали въ парламентъ (въ 1830 г.). Скажемъ въ немногихъ словахъ о причинахъ этого движенія. Корни его лежали въ томъ крупномъ переворотѣ въ экономическомъ быту Англіи, который созданъ былъ введеніемъ парового двигателя и замѣною ремесленнаго производства машиннымъ. Вызванный этимъ блестящій расцвѣтъ англійской промышленности имѣлъ свою оборотную сторону въ крайне тяжеломъ положеніи англійскихъ рабочихъ въ теченіе этого переходнаго періода. Рабочій день, въ связи съ непрерывнымъ дѣйствіемъ машинъ, удлинялся, заработная плата падала. Жены и дѣти рабочихъ, призванныя на фабрику, конкурировали съ отцами и мужьями и часто совершенно лишали ихъ всякаго заработка: тамъ, гдѣ безъ машинъ прежде работали 50 взрослыхъ рабочихъ, теперь требовалось 2—3 работника и нѣсколько мальчиковъ или женщинъ. Къ тому же въ первой половинѣ XIX столѣтія въ Англіи разразился цѣлый рядъ торговыхъ и промышленныхъ кризисовъ, что̀ увеличивало еще болѣе массы безработныхъ, бродившихъ безъ всякаго занятія. Вычислено, что въ Англіи съ 1815 по 1860 годъ на двадцать лѣтъ оживленія и процвѣтанія промышленности приходится 28 лѣтъ кризисовъ и застоя [1]). Недовольство еще болѣе

[1]) М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причина и вліяніе на народную жизнь, 1894 г., стр. 72—150. Проф. Н Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ IV, 575—595.

успѣлось послѣ изданія закона 1834 года о призрѣніи бѣдныхъ. Имѣя въ виду сократить число обитателей рабочихъ домовъ, этотъ законъ установилъ суровыя условія для пріема и содержанія въ нихъ: передъ поступленіемъ туда бѣдному необходимо было продать остатки своего имущества до послѣдняго пенни; содержаніе въ нихъ было крайне скудное, едва достаточное для поддержанія силъ, при чемъ семья бѣдныхъ разрушалась, такъ какъ въ рабочихъ домахъ жены отдѣлялись отъ мужей и дѣти отъ матерей и отцовъ. Пороки, развратъ и болѣзни находили себѣ здѣсь лучшую почву. При этомъ рабочіе дома были страшно переполнены и люди гибли отъ испорченнаго воздуха, а въ то же время далеко не всѣ нуждающіеся могли попасть въ нихъ. Новый законъ о бѣдныхъ наводилъ ужасъ на рабочій классъ. Нужда же была настолько велика, что рабочіе, не находя работы и не получая пособія, совершали преступленія, чтобы только попасть въ тюрьму или быть сосланными въ колоніи. По замѣчанію историка этого времени (Molesworth'a), никогда страна не была въ такомъ плачевномъ положеніи и никогда горе не давило такъ на умы всѣхъ классовъ, какъ въ концѣ 1830 года.

Въ то время какъ одна часть рабочихъ была доведена до отчаянія, болѣе бодрые и сильные элементы рабочаго класса искали выхода изъ тяжелаго положенія въ союзной организаціи для защиты своихъ интересовъ. Вскорѣ по всей странѣ создаются общества рабочихъ. Въ этомъ движеніи сыгралъ видную роль Робертъ Оуэнъ своей энергичной пропагандой кооперативныхъ товариществъ. Въ 1828 году въ Англіи существовало уже до 500 кооперативныхъ учрежденій. Но стремленіе къ коопераціи было только одною частью рабочаго движенія чартистовъ, принявшаго чисто политическій характеръ. Въ 1831 году всѣ рабочія организаціи были объединены въ одну общую политическую организацію англійскихъ рабочихъ, и въ томъ же году былъ основанъ въ Лондонѣ «національный союзъ рабочихъ классовъ», который рѣшилъ аппеллировать о своихъ нуждахъ парламенту. Такъ образовалось, такъ называемое, чартистское движеніе, выразившееся, между прочимъ, въ петиціяхъ рабочихъ о своихъ нуждахъ парламенту, покрытыхъ огромною массою подписей. Всѣхъ петицій было подано, въ разное время, три.

Цѣлый рядъ общественныхъ дѣятелей и ученыхъ: Ловеттъ, О'Брайянъ, Карлейль, О'Коннеръ—взялись защищать интересы ра-

бочихъ, требуя вмѣшательства государства въ судьбы рабочихъ классовъ, въ формѣ особаго соціальнаго законодательства. Но какъ разъ на этомъ пути имъ пришлось встрѣтить сопротивленіе со стороны представителей фритредеровъ, оказывавшихъ въ самомъ парламентѣ сопротивленіе требованіямъ чартистовъ о сокращеніи продолжительности рабочаго дня для женщинъ и дѣтей на фабрикахъ. Настаивая на необходимости защиты государствомъ интересовъ рабочихъ, сторонники чартистскаго движенія доказывали, что политика невмѣшательства выгодна только для одного торгово-промышленнаго класса, но что государство, въ народныхъ интересахъ, должно руководиться болѣе широкими принципами. Въ отвѣтъ людямъ, которые указывали на хлѣбные законы, на фабричную систему, на законъ о бѣдныхъ, какъ на предметы первостепенной важности, чартисты обыкновенно говорили: «Дайте намъ получить вліяніе на законодательство, и тогда мы все это измѣнимъ». Чартисты поэтому видѣли въ пріобрѣтеніи всеобщаго избирательнаго права незамѣнимое средство обезпечить насущныя нужды рабочаго класса.

Основныя пожеланія рабочихъ были особенно ярко выражены во второй петиціи (1838 года), поданной въ парламентъ отъ ихъ имени при поддержкѣ цѣлаго ряда общественныхъ дѣятелей и членовъ парламента. Въ этой петиціи сначала въ яркихъ краскахъ изображалось угнетенное положеніе англійской промышленности и рабочаго класса [1]). Затѣмъ чартисты указывали, что биллъ о реформѣ (1832 г.) не оправдалъ ожиданій народа. Онъ имѣлъ слѣдствіемъ лишь переходъ власти отъ одного класса общества (землевладѣльческаго) къ другому (торгово-промышленному). Петиція заканчивалась требованіемъ всеобщаго права голоса, ежегодныхъ выборовъ въ парламентъ и назначенія выборнымъ членамъ парламента изъ общественныхъ сборовъ справедливаго и приличнаго вознагражденія за время общественной службы.

Въ первое время эта петиція не имѣла успѣха, но уже въ ближайшіе годы дѣятельность англійскаго законодательства въ отношеніи рабочихъ направилась по пути, намѣченному чартистами.

---

[1]) „Наши промышленники, писали чартисты, дрожатъ на краю банкротства; наши работники умираютъ отъ голода. Капиталъ не приноситъ прибыли, а трудъ вознагражденія. Домъ ремесленника разоренъ, кладовая ростовщика полна. Рабочіе дома переполнены, а фабрики пусты".

Подъ вліяніемъ чартистскаго движенія, англійскимъ парламентомъ были изданы важные акты объ ограниченіи женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ и продолжительности времени работы взрослыхъ рабочихъ. Что касается современнаго соціальнаго законодательства въ Англіи, то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно пошло значительно дальше тогдашнихъ требованій чартистовъ. Достаточно указать, что въ настоящее время въ Англіи, исключительно на средства государства, осуществлено обезпеченіе рабочихъ пенсіями на время старости.

Общественныя движенія, господствовавшія въ Англіи въ 30-хъ годахъ, выразившіяся въ борьбѣ за свободу торговли и въ петиціяхъ чартистовъ, оказали замѣтное вліяніе на направленіе экономической мысли въ странѣ. Большинство англійскихъ экономистовъ, являясь послѣдователями Адама Смита, въ своихъ воззрѣніяхъ на практическіе вопросы англійскаго хозяйства, примыкали къ манчестерской доктринѣ. Въ то же время и идеи чартистовъ, привлекая вниманіе общества къ тяжелому положенію рабочаго класса, созданному кризисами, безработицей и всей совокупностью условій капиталистическаго хозяйства, оставили свой слѣдъ въ воззрѣніяхъ цѣлаго ряда англійскихъ экономистовъ первой половины XIX вѣка, среди которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ Джонъ Стюартъ Милль. Вообще исторія политической экономіи въ Англіи за указанный періодъ отмѣчена господствомъ классической школы, при чемъ преобладающее большинство экономистовъ въ своихъ ученіяхъ въ области экономической политики тяготѣетъ къ манчестерской доктринѣ, а другая небольшая группа политико-экономовъ, раздѣляя воззрѣнія классической школы на свободу экономической дѣятельности, выступаетъ сторонниками широкаго соціальнаго законодательства, разсчитаннаго на реформу и регулированіе нестолько сферы производства, сколько области распредѣленія хозяйственныхъ благъ, т. е. законодательства, имѣющаго своимъ объектомъ отношеніе рабочихъ къ предпринимателямъ и къ поземельной собственности. Съ этой стороны, эта группа классической школы, во главѣ съ Д. Ст. Миллемъ, по своимъ воззрѣніямъ, приближается къ школѣ нѣмецкихъ соціальныхъ политиковъ второй половины XIX столѣтія.

Главнѣйшіе представители классической школы въ Англіи въ первой половинѣ XIX столѣтія. Джемсъ Милль (James Mille), отецъ

знаменитаго экономиста Джона Стюарта Милля. Его сочиненіе «Элементы политической экономіи» (1821 г.) считается лучшимъ изложеніемъ системы теорій Рикардо. Кромѣ того, онъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ въ защиту свободы торговли. *Торренсъ (Torrens Robert, 1780—1864 г.г.),* которому принадлежатъ изслѣдованія «объ иностранной хлѣбной торговлѣ», «о производствѣ богатствъ», «о заработной платѣ и ассоціаціяхъ рабочихъ». *Макъ-Кулохъ* (Mac Culoch, 1789—1864 г.). Извѣстенъ какъ авторъ многихъ сочиненій по вопросамъ текущаго экономическаго законодательства. Онъ издалъ также общій трактатъ по политической экономіи «Начала политической экономіи» и «Словарь торговли и мореплаванія» (Dictionary of Commerce and commerce Navigation, 1832 г.), который является первой экономической энциклопедіей и въ свое время пользовался заслуженной извѣстностью. Макъ-Кулохъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ манчестерской школы. *Нассау Сеніоръ* (Nassau William Senior, 1790—1864). Видный теоретикъ, послѣдователь Рикардо; извѣстный сторонникъ теоріи фонда заработной платы. *Туксъ* (Tooke Tomas, 1774—1858 г.). Авторъ двухъ капитальныхъ сочиненій «Исторія цѣнъ (1838 г.) и «Изслѣдованіе теоріи обращенія (Currency Theorie)». Тукъ извѣстенъ опроверженіемъ, такъ называемой, теоріи обращенія банковыхъ билетовъ, которую раздѣляли выдающіеся англійскіе экономисты: Рикардо, Торренсъ и др. Поводомъ къ возникновенію «теоріи обращенія» была пріостановка англійскимъ банкомъ размѣна банковыхъ билетовъ (банкнотовъ), вслѣдствіе торговыхъ кризисовъ, послѣдовавшихъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Спеціально назначенная по этому вопросу парламентская комиссія объяснила причину пріостановки обмѣна банковыхъ билетовъ—излишнимъ выпускомъ послѣднихъ англійскимъ національнымъ банкомъ и выразила требованіе, чтобы, для предотвращенія могущихъ повториться подобныхъ кризисовъ, на будущее время весь выпускъ банковыхъ билетовъ не превышалъ бы суммы металлическаго фонда, предназначеннаго для ихъ размѣна. Тукъ доказалъ, что это воззрѣніе не вѣрно и что лежащая въ основаніи его теорія ошибочно смѣшиваетъ выпускъ банковыхъ билетовъ съ выпускомъ бумажныхъ денегъ, а между тѣмъ по своему экономическому значенію это суть цѣнныя бумаги различныхъ экономическихъ свойствъ, а именно: 1) банковые билеты выдаются лицамъ, которыя имѣютъ свои долговыя

обязательства къ банку, въ то время, какъ бумажныя деньги составляютъ безсрочный долгъ правительства; 2) обезпеченіемъ банковыхъ билетовъ служитъ не только весь металлическій фондъ банка, но и всѣ долговыя обязательства, которыя банкъ имѣетъ на владѣльцахъ его билетовъ (векселя, текущіе счета и вообще весь активъ банка); 3) выпускъ билетовъ всегда сопровождается одновременно обратнымъ полученіемъ въ кассѣ банка платежей по векселямъ и другихъ цѣнностей соотвѣтствующаго количества и этотъ учетъ самъ собою регулируетъ обращеніе банковыхъ билетовъ и такимъ образомъ предупреждаетъ ихъ излишній выпускъ. Тукъ также отмѣтилъ ошибку, сдѣланную Рикардо въ теоріи денегъ. Рикардо полагалъ, что цѣны товаровъ зависятъ отъ количества денегъ, находящихся въ обращеніи (т. е., что цѣна товаровъ обратно пропорціональна количеству денегъ). Тукъ доказалъ, что самое количество денегъ, обращающихся въ странѣ, есть слѣдствіе товарныхъ цѣнъ и суммы обращающихся товаровъ. *Маклеодъ* (Macleod Henry род. 1821 г.), сочиненіе котораго «Основанія политической экономіи» переведено на русскій языкъ, является сторонникомъ индуктивнаго метода въ политической экономіи; дедуктивный же методъ, въ широкомъ маштабѣ использованный Рикардо, онъ считаетъ источникомъ заблужденій въ этой наукѣ. Область политической экономіи онъ ограничиваетъ исключительно изслѣдованіемъ явленій обмѣна. Самъ значительный практикъ въ банковомъ дѣлѣ, Маклеодъ тѣмъ не менѣе сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ въ теоріи денегъ и кредита. Между прочимъ, подъ именемъ капитала онъ соединяетъ такіе разнородные предметы экономическаго оборота, какъ кредитъ и деньги.

Самымъ замѣчательнымъ представителемъ классической экономіи въ первой половинѣ XIX столѣтія въ Англіи былъ *Джонъ Стюартъ Миллъ* (John Stuart Mill, 1806—1873 г.). Философъ-позитивистъ, авторъ капитальнаго сочиненія по теоріи познанія, онъ является методологомъ классической школы и основателемъ методологіи политической экономіи вообще. Но этимъ не исчерпывается его значеніе въ исторіи экономической науки. Д. С. Миллъ взялъ на себя задачу свести въ одно цѣлое результаты, достигнутые въ политической экономіи за первую половину XIX столѣтія и блестящимъ образомъ выполнилъ ее въ своемъ извѣстномъ общемъ

трактатѣ подъ заглавіемъ: «Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи» (1848 г.)[1]). По отношенію къ систематизаціи экономическихъ знаній новой эпохи, послѣ А. Смита, Милль сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ А. Смитъ относительно предшествующихъ ему направленій въ экономической наукѣ. Что касается пріемовъ экономическаго изслѣдованія, которыми пользовался Милль, то въ этомъ отношеніи онъ, по собственному его признанію, приближается къ А. Смиту больше всѣхъ другихъ его послѣдователей. Подобно А. Смиту, Милль въ своемъ трактатѣ не только уясняетъ главныя начала политической экономіи, но и старается въ то же время показать ихъ практическое примѣненіе. Онъ имѣлъ въ виду «представить экономическіе феномены общества по ихъ отношенію къ лучшимъ общественнымъ идеямъ нынѣшняго времени, подобно тому какъ А. Смитъ съ удивительнымъ успѣхомъ излагалъ эти феномены въ духѣ философіи своего вѣка».

Милль высказываетъ тотъ взглядъ, что политическая экономія въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ неразрывно переплетается съ другими отраслями общественной науки. Выходя изъ соображенія, что въ практической жизни не существуетъ ни одного вопроса, который рѣшался бы по однимъ чисто-экономическимъ принципамъ, Милль старается сопоставить каждый выводъ экономической теоріи съ выводами другихъ общественныхъ наукъ, которыми значительно измѣняется примѣненіе на практикѣ началъ чистой теоріи. Благодаря этимъ пріемамъ, трактатъ Милля отличается полнотою: онъ заключаетъ въ себѣ изложеніе не только началъ политической экономіи, но и экономической политики. Дополнивъ и исправивъ ученіе А. Смита всѣмъ тѣмъ, что казалось ему вѣрнаго въ новыхъ изслѣдованіяхъ, которыя сдѣланы были послѣ него Рикардо, Мальтусомъ, сторонниками манчестерской школы и чартистскаго движенія, Милль подвергнулъ также критическому разсмотрѣнію системы сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ, при чемъ призналъ значеніе для науки нѣкоторыхъ изъ высказанныхъ ими положеній. То но-

[1]) „Небезполезно будетъ, говоритъ Милль въ своемъ предисловіи къ этому сочиненію, произвести новое обозрѣніе поля политической экономіи во всемъ его объемѣ уже и для одного того, чтобы собрать въ одну книгу результаты этихъ изысканій и привести ихъ въ согласіе съ тѣми принципами, которые разъяснены лучшими мыслителями нашей науки.

вое и оригинальное, что̀ принесено было Миллемъ въ экономическую науку, заключалось частью во введеніи въ систему политической экономіи новыхъ предметовъ изслѣдованія, а главнымъ образомъ—въ указаніи второстепенныхъ факторовъ, осложняющихъ дѣйствіе главныхъ причинъ экономическихъ явленій. Мы остановимся только на этихъ оригинальныхъ сторонахъ трактата Милля.

1. Милль провелъ рѣзкую грань между законами производства и распредѣленія хозяйственныхъ благъ. По Миллю, законы производства имѣютъ характеръ чисто естественныхъ законовъ, которыхъ человѣкъ не въ силахъ измѣнить по своей волѣ, но долженъ только примѣняться къ нимъ для успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей. Правила же, которыми опредѣляется распредѣленіе богатствъ, создаются мнѣніями и желаніями правящей части общества: въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны. Словомъ, законы распредѣленія зависятъ отъ воли человѣка, суть продукты историческаго развитія. Такимъ образомъ, по ученію Милля, человѣкъ съ своими общественными идеалами самъ является главнымъ факторомъ въ созданіи отношеній, господствующихъ въ данный историческій моментъ въ области распредѣленія богатствъ. Въ этомъ выводѣ заключалось сильное возраженіе противъ ученія манчестерской школы, которая считала законы распредѣленія не зависящими отъ усмотрѣнія людей. Такъ, напр., какъ было указано раньше, одинъ изъ ея видныхъ теоретиковъ, Нассау Сеньоръ, училъ относительно заработной платы, что она не зависитъ ни отъ успѣховъ производительности труда, ни отъ усовершенствованій техники, а опредѣляется исключительно суммою капитала въ странѣ, предназначеннаго для оплаты труда. Заработная плата отдѣльнаго рабочаго, съ его точки зрѣнія, представляется какъ частное отъ дѣленія числа рабочихъ въ странѣ на сумму капитальнаго фонда. Отсюда само собою слѣдовало, что всякія стремленія рабочихъ поднять уровень заработной платы путемъ ли профессіональныхъ организацій, биржъ труда или, наконецъ, стачекъ, должны быть признаны явно не достигающими своей цѣли и противорѣчащими законамъ политической экономіи. Противоположный взглядъ на распредѣленіе Д. С. Милля, выдвигая роль человѣческой личности, какъ фактора общественныхъ преобразованій, открывалъ широкія перспективы для соціальнаго законодатель-

ства въ дѣлѣ улучшенія человѣческаго благосостоянія. При этомъ Милль стоитъ за то, чтобы умѣрить излишнюю важность, приписываемую простому возрастанію производства, и обратить вниманіе на улучшеніе въ распредѣленіи и на обильное вознагражденіе труда, какъ на главныя потребности [1]).

2. Творцы экономической теоріи Смитъ, Рикардо, Мальтусъ — исходили изъ предположенія, что хозяйственныя отношенія основываются на безусловной конкуренціи, на свободѣ выбора занятій и безпрепятственнаго передвиженія труда и капитала изъ одной отрасли въ другую.

Милль, вмѣстѣ съ классической школой, признавалъ всю важность этого предположенія, какъ методологическаго пріема, для чистой теоріи, и даже съ убѣдительной ясностью доказалъ, что при гипотезѣ полнаго соперничества политическая экономія получаетъ права науки. Милль говоритъ: «посколько опредѣляется исключительно соперничествомъ величина ренты, прибыли, рабочей платы, цѣны,—эти величины могутъ быть подведены подъ законы». Въ то же время Милль показалъ, что во многихъ случаяхъ соперничество ограничивается вліяніемъ другихъ причинъ: въ древнія эпохи— грубой физической силой, а въ новое время—обычаемъ и законодательными ограниченіями; вслѣдствіе этого теорія, построенная на предположеніи чистаго соперничества, не въ состояніи объяснить цѣлой группы экономическихъ явленій. Такъ, съ точки зрѣнія теоріи, выходящей изъ предположенія соперничества, на одномъ и томъ же рынкѣ не можетъ существовать двухъ разныхъ цѣнъ на данный товаръ. Дѣйствительность же насъ убѣждаетъ, что на одномъ и томъ же рынкѣ можетъ существовать нѣсколько цѣнъ. Это происходитъ оттого, что торговцы иногда продаютъ свои товары знакомымъ и давнимъ покупателямъ по цѣнѣ болѣе дешевой, несмотря на то, что рыночныя цѣны поднялись сравнительно съ прежнимъ временемъ. Существуетъ цѣлый рядъ свободныхъ профессій, какъ то: адвокатовъ, врачей, вознагражденіе которыхъ опредѣляется обычаемъ.

Въ извѣстныхъ случаяхъ соперничество ограничивается дѣйствіемъ монополіи. Въ особенности вліяніе соперничества парализуется другими силами въ опредѣленіи величины поземельной ренты. Когда поземельная собственность сосредоточена въ немногихъ рукахъ, какъ

[1]) Основанія политической экономіи, II, стр. 249, 250, 286.

это имѣетъ мѣсто въ современной Англіи, а желающихъ арендовать землю окажется слишкомъ много, то рента можетъ подняться далеко выше того уровня, который опредѣлялся бы однимъ соперничествомъ. Но, въ то время какъ на отдѣльныхъ участкахъ она можетъ подняться выше обычнаго уровня, на другихъ участкахъ она можетъ стоять далеко ниже его, такъ какъ всегда окажется нѣсколько собственниковъ, которые, въ силу обычая или личнаго расположенія къ опредѣленнымъ фермерскимъ семействамъ, несмотря на поднятіе рыночныхъ цѣнъ, будутъ требовать отъ своихъ фермеровъ одну и ту же неизмѣнную ренту, какую платили и ихъ предки. При этомъ начало соперничества Милль признаетъ социальною силою огромной важности и защищаетъ его какъ противъ протекціонистовъ, такъ и противъ социалистическихъ школъ, считая одной изъ главныхъ ошибокъ социалистовъ то, что они приписываютъ соперничеству всѣ современныя экономическія бѣдствія. Если соперничество, говоритъ Милль, имѣетъ много силы производить зло, то не меньше плодотворно оно на добро, особенно для развитія способностей въ отдѣльномъ человѣкѣ и для успѣха нововведеній. Быть-можетъ, соперничество не наилучшій изъ всѣхъ представляющихся мысли возбужденій, но теперь оно необходимо и никто не можетъ предусмотрѣть времени, когда оно перестало быть необходимымъ для прогресса [1]).

Милль однако не находитъ цѣлесообразнымъ безусловно полагаться на свободное соперничество частныхъ интересовъ въ народномъ хозяйствѣ и признаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ необходимымъ государственное вмѣшательство въ сферу социальныхъ отношеній.

3. Дальнѣйшія поправки, сдѣланныя Миллемъ въ теоріи классической школы, касаются именно важнѣйшаго принципа экономической политики—ученія о вмѣшательствѣ государства въ хозяйственную жизнь.

Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ на Милля оказали замѣтное вліяніе представители чартизма, а также Сисмонди, Сенъ-Симонъ и соціалисты. Милль признаетъ безусловно вреднымъ такое вмѣшательство правительства, которое стѣсняетъ личную свободу и самодѣятельность людей, къ каковому прибѣгали правительства въ средніе вѣка (цеховая организація, регламентація промысловъ и торговли). Но зато онъ доказываетъ небходимость расширенія другой формы

[1]) Основанія политической экономіи, II, стр 323—324

правительственнаго вмѣшательства, когда бываетъ необходимо прійти на помощь слабѣйшей части общества, хотя бы и цѣною стѣсненія чьей-либо свободы. Классическая школа полагала, что личный интересъ достаточно обезпечиваетъ достиженіе хозяйственнаго благополучія для всякаго. На это Милль замѣчаетъ, что существуютъ цѣлыя категоріи лицъ какъ, напримѣръ, дѣти и несовершеннолѣтніе, которые слабо понимаютъ свои интересы, а между тѣмъ заступничество за нихъ однихъ родителей, какъ показываетъ опытъ, бываетъ недостаточно. Государству слѣдуетъ, насколько оно можетъ знать и исполнять, охранять несовершеннолѣтнихъ отъ чрезмѣрнаго обремененія работой. Имъ не должно быть позволяемо работать слишкомъ много часовъ или работать сверхъ силъ, потому что, если дозволить это, они всегда могутъ быть къ этому вынуждены. Свобода договора въ примѣненіи къ дѣтямъ значитъ просто свобода насилія противъ нихъ. Поэтому онъ считаетъ вполнѣ справедливымъ, когда правительство вступается за интересы дѣтей, напримѣръ, въ формѣ закона объ обязательномъ обученіи или фабричнаго законодательства объ ограниченіи продолжительности работы дѣтей на фабрикахъ. Милль развилъ цѣлый рядъ основательныхъ соображеній о необходимости уменьшенія часовъ рабочаго дня и для взрослыхъ рабочихъ въ то время, когда этотъ вопросъ еще не поднимался въ парламентѣ [1]). То положеніе, что человѣкъ лучше всего дѣйствуетъ тогда, когда дѣйствуетъ въ своемъ интересѣ, не примѣнимо когда человѣкъ совершаетъ дѣла по довѣренности, напримѣръ, къ дѣятельности акціонерныхъ компаній. Директоры этихъ компаній очень часто дѣлаютъ крупныя злоупотребленія, которыя вовсе не подходятъ подъ уголовный кодексъ, а тѣмъ не менѣе крайне вредны для самихъ акціонеровъ. Въ этихъ случаяхъ также необходимъ контроль правительства. Бываютъ другіе случаи, когда выгода извѣстныхъ предпріятій мало еще сознана обществомъ, напримѣръ, польза желѣзныхъ дорогъ, развитіе торговаго флота, и тогда правительство съ большей пользой для общества можетъ выступить со своей иниціативой и починомъ; наконецъ, въ большей или меньшей мѣрѣ должны подлежать правительственному надзору и контролю такія правительственныя предпріятія, которыя касаются общей пользы, какъ напримѣръ, желѣзныя дороги, телеграфы, каналы, когорые, при без-

[1]) Основанія полит экономъ., II, стр. 503, 509, 510.

контрольной эксплоатаціи ихъ частными компаніями, могли бы выродиться во вредную для общества монополію. Указавъ нѣсколько безспорныхъ случаевъ правительственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь народа, Милль думаетъ однако, что предѣлы правительственнаго вмѣшательства далеко не ограничиваются этими случаями, что, кромѣ того, можетъ существовать еще много непредвидѣнныхъ поводовъ полезнаго вмѣшательства правительства. Для всѣхъ этихъ непредвидѣнныхъ случаевъ правительственнаго вмѣшательства Милль выставляетъ общій принципъ: государственное вмѣшательство необходимо въ тѣхъ предпріятіяхъ, касающихся общественной пользы, которыя не въ силахъ удовлетворительно осуществить частная предпріимчивость.

Кромѣ этихъ и другихъ поправокъ къ теоріямъ экономистовъ классической школы, Милль ввелъ въ свою систему политической экономіи нѣсколько новыхъ вопросовъ. Онъ впервые разработалъ и привелъ въ связь съ другими вопросами ученіе о различныхъ формахъ землевладѣнія, показалъ важность кооперативныхъ ассоціацій и профессіональныхъ организацій въ дѣлѣ улучшенія быта рабочихъ.

Для того, чтобы составить себѣ надлежащее представленіе о томъ направленіи въ политической экономіи, къ которому принадлежитъ Д. Ст. Милль, надо отличать Милля, какъ экономиста-теоретика, отъ Милля, какъ мыслителя съ опредѣленными общественно-экономическими идеалами. Въ качествѣ экономиста-теоретика онъ является рѣшительнымъ сторонникомъ теоретической системы Рикардо, которому онъ отводилъ послѣ Смита первое мѣсто въ усовершенствованіи экономической науки. Онъ полагалъ, что А. Смитъ только намѣтилъ руководящія начала этой науки, а Рикардо создалъ политическую экономію. Настоящую экономическую науку Милль представлялъ себѣ въ видѣ абстрактной теоретической экономіи, въ стилѣ Рикардо, которая сводитъ экономическія явленія къ небольшому числу главныхъ причинъ или силъ, каковыми въ политической экономіи должны считаться личный хозяйственный интересъ, конкуренція и свобода хозяйственной дѣятельности, какъ необходимое условіе развитія и дѣятельности этихъ силъ. Трактатъ Милля «Основанія политической экономіи», *въ своихъ теоретическихъ частяхъ* въ сущности представляетъ изложеніе основныхъ ученій Смита, исправленныхъ и дополненныхъ на основаніи теоріи Рикардо

и Мальтуса, теорію народонаселенія котораго Милль раздѣляетъ чуть ли не цѣликомъ. Важнѣйшія главы въ этомъ сочиненіи о раздѣленіи труда, о заработной платѣ и поземельной рентѣ, содержатъ въ себѣ изящное изложеніе теорій Рикардо. Въ такомъ видѣ представляется намъ Милль, какъ теоретикъ-экономистъ. Но, какъ философъ и политическій мыслитель, Милль по многимъ вопросамъ оказывается въ лагерѣ оппозиціонномъ классической школѣ. По своимъ взглядамъ на соціальную роль государства онъ очень близко стоитъ къ германскимъ соціальнымъ политикамъ направленія Адольфа Вагнера и Шеффле; напр., въ вопросахъ, о реформѣ частной собственности, объ отчужденіи въ пользу государства, такъ называемаго, незаслуженнаго дохода отъ капитала и земли. Подъ вліяніемъ чартистскаго движенія, Милль сталъ сторонникомъ профессіональной организаціи рабочихъ; въ развитіи рабочихъ союзовъ и кооперативовъ онъ видѣлъ могущественное средство для коренного улучшенія матеріальнаго и соціальнаго положенія рабочаго класса. Этому вопросу посвящена одна изъ лучшихъ главъ его трактата, написанная въ сотрудничествѣ съ его женою, миссъ Тейлоръ. Въ болѣе поздніе годы жизни Милля событія французской революціи 1848 г. привлекли его симпатіи къ соціализму [1]). Въ одной изъ своихъ статей, написанныхъ въ послѣдніе годы его жизни, «онъ говоритъ о томъ, что придетъ время, когда раздѣленіе продукта труда, вмѣсто того, чтобы зависѣть, какъ въ настоящее время, отъ случайности рожденія, будетъ производиться въ полномъ согласіи со вновь выработанными основаніями справедливости». Соціальная проблема будущаго состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, какъ соединить величайшую свободу личности, которая такъ часто подвергалась нарушенію въ различныхъ соціалистическихъ схемахъ, съ общей собственностью на продукты земли и съ равнымъ участіемъ въ благахъ соединеннаго труда [2]).

Въ заключеніе мы должны отмѣтить важныя заслуги Милля по отношенію къ методологіи политической экономіи. Творцы экономической науки А. Смитъ, Рикардо и др. ничего не сдѣлали для объясненія тѣхъ пріемовъ изслѣдованія, которыми они пользовались.

---

[1]) См его автобіографію.

[2]) Д. Ингремъ. Исторія политической экономіи. Переводъ подъ редакціей И. И. Янжула. 1891 г. М. Стр. 194.

Милль пополнилъ этотъ пробѣлъ. Онъ обратилъ вниманіе на коренную особенность общественно-хозяйственныхъ явленій, связанную съ ихъ большою сложностью, сравнительно съ явленіями, изучаемыми въ естествознаніи. Затѣмъ онъ выяснилъ, что, вслѣдствіе сложности соціальныхъ явленій и невозможности пользоваться экспериментомъ, которому естествознаніе обязано своими замѣчательными открытіями, при изслѣдованіи самыхъ важныхъ проблемъ политической экономіи—индуктивный методъ и методы простого наблюденія не приносятъ требуемыхъ результатовъ, а потому конкретно-дедуктивный методъ, или методъ обратной дедукціи, является единственнымъ средствомъ уяснить основные законы народнаго хозяйства. Это именно и есть тотъ методъ, посредствомъ котораго Смитъ и Рикардо установили основныя положенія политической экономіи. Значеніе Милля не исчерпывается тѣмъ положеніемъ, которое онъ занимаетъ въ рядахъ экономистовъ классической школы, какъ методологъ, подведшій научный фундаментъ подъ теоретическую систему этой школы. Въ его «Опытахъ о нѣкоторыхъ нерѣшенныхъ вопросахъ политической экономіи» и въ «Системѣ логики» (1843 г.) (въ которой нѣсколько блестящихъ главъ посвящено методологіи общественныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности) вообще современная система политической экономіи получила свое научное обоснованіе съ точки зрѣнія теоріи познанія и методологіи.

Имя Джона Стюарта Милля въ свое время пользовалось большою извѣстностью какъ въ самой Англіи, такъ и на континентѣ Европы, главнымъ образомъ на основаніи его систематическаго трактата по политической экономіи. Выдающіяся литературныя достоинства этого сочиненія, отличающагося яснымъ и изящнымъ изложеніемъ, въ соединеніи съ широкими гуманитарными идеалами автора, проникнутаго при этомъ особымъ сочувствіемъ къ рабочимъ классамъ,—все это создало большой успѣхъ «Основаніямъ политической экономіи» Милля. Поэтому не удивительно, что это сочиненіе пользовалось въ Англіи широкимъ распространеніемъ, въ качествѣ народнаго изданія, въ рабочей массѣ. Въ Россіи курсъ Милля появился въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ переводѣ Н. Г. Чернышевскаго, снабдившаго его своими примѣчаніями. Внутреннія достоинства книги и та высокая оцѣнка, которую далъ ей Чернышевскій, содѣйствовали ея успѣху въ Россіи, и можно сказать, что русскіе экономисты 60—70 годовъ воспитывались на Миллѣ.

Кернсъ (Cairnes John Elliot 1823—1875) ближе другихъ англійскихъ экономистовъ средины XIX вѣка стоитъ къ Смиту, Рикардо и Д. Ст. Миллю. Онъ написалъ сочиненіе «О нѣкоторыхъ основныхъ началахъ политической экономіи», въ которомъ, въ духѣ пріемовъ Д. С. Милля, подвергъ пересмотру ученія экономистовъ классической школы о цѣнности, трудѣ, капиталѣ и международной торговлѣ, сдѣлалъ цѣлый рядъ поправокъ къ воззрѣніямъ по этимъ предметамъ Рикардо и Милля. Кернсу также принадлежитъ одно изъ лучшихъ въ экономической литературѣ сочиненій по методологіи политической экономіи «Характеръ и логическій методъ въ политической экономіи» (2 изд. 1875 г.).

Примыкая въ основныхъ принципахъ къ методологическимъ воззрѣніямъ Милля, Кернсъ разсматриваетъ политическую экономію какъ абстрактную науку, которая выводитъ свои законы изъ немногихъ началъ или посылокъ. Кернсъ называетъ методъ теоретической экономіи гипотетическимъ, такъ какъ въ основѣ его лежитъ нѣсколько предположеній о томъ, что человѣкъ въ сферѣ хозяйственной дѣятельности руководствуется экономическимъ эгоизмомъ или разсчетомъ, что всякій понимаетъ, въ чемъ заключаются его выгоды и т. п., которыя въ дѣйствительной жизни не всегда или не въ полной мѣрѣ осуществляются. Кернсъ приравниваетъ политическую экономію къ законамъ геометріи и въ этомъ пунктѣ рѣзко расходится съ Миллемъ. Тогда какъ Милль, стараясь сблизить теорію политической экономіи съ экономической дѣйствительностью, установилъ особую стадію дедуктивнаго метода—провѣрки и настаивалъ на необходимости сличенія экономическихъ законовъ съ конкретными явленіями экономическаго быта, Кернсъ находилъ такую провѣрку экономическихъ теорій столь же нецѣлесообразной, какъ если бы математикъ вздумалъ провѣрять правильность теоремъ геометріи реальными измѣреніями угловъ, треугольниковъ и параллелограмовъ, наблюдаемыхъ въ природѣ. Методологическія воззрѣнія Кернса были въ свое время широко использованы Карломъ Менгеромъ въ его ученіи «о точныхъ» (экзактныхъ) законахъ политической экономіи [1]), послужившемъ для него базою для критики недостатковъ исторической школы и увлеченія ея представителей крайнимъ эмпиризмомъ.

[1]) Karl Menger. „Ueber die Methode d. Socialwissenschaft und Nationalokonomie insbesondere“. 1882.

Торнтонъ (William Thomas Tornton 1813—1880). Его главныя сочиненія: 1) «О перенаселеніи и средствахъ противъ него» (1848 г.); 2) «Трудъ и его ложныя требованія и законныя права; его настоящее положеніе и возможное будущее» (1869 г.). Значеніе Торнтона въ наукѣ основывается, главнымъ образомъ, на опроверженіи т. наз. теоріи заработнаго фонда, которая была намѣчена Рикардо и разработана Мальтусомъ, Сеньоромъ и Миллемъ. Послѣдній, убѣдившись доводами Торнтона, впослѣдствіи отказался отъ этой теоріи. *Фаусетъ* (Fawcetts 1833—1884), профессоръ Кембриджскаго университета. Кромѣ многихъ мелкихъ работъ, извѣстенъ въ особенности двумя сочиненіями: 1) «О пауперизмѣ, его причинахъ и средствахъ помочь ему» и 2) «Учебникъ политической экономіи», популярно написанный въ сотрудничествѣ съ его женой. *Джевонсъ* (Jevons, William Stanley 1835—1881), профессоръ Лондонскаго колледжа, авторъ многочисленныхъ сочиненій о денежномъ обращеніи, банкахъ, кризисахъ и кредитѣ. Въ своемъ изслѣдованіи по теоріи политической экономіи, онъ, вопреки предшествующимъ англійскимъ экономистамъ, построяетъ теорію цѣнности на началѣ полезности. Въ экономической литературѣ Джевонсъ извѣстенъ какъ основатель математическаго направленія, примѣнившій въ широкомъ размѣрѣ математическія формулы къ изслѣдованію вопросовъ теоретической экономіи.

Сочиненія экономистовъ классической школы.

Adam Smith. Theory of moral sentiments. 1) Edit. 1759. 1 и 2 Tome. 2) Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations 1776. 2 Tomes in 3) Letter to Mr. Strahan on the last illness of David Hume. 1777. 4) *D. Stewart.* Account of the life and writing of Ad. Smith in Collected works of D. Stewart. Edit. Hamilton. *Адамъ Смитъ.* Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ, перев. П. А. Бибикова. Спб. 1866, въ 2-хъ томахъ. *Адамъ Смитъ.* Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М. 1895, пер. Щепкина. Сокращенное изданіе Солдатенкова. *Адамъ Смитъ.* Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. Сокращенный переводъ М. П. Щепкина и А. А. Кауфмана. 2-е исправл. и дополн. изданіе. Спб. 1908 г. Изд. Прокоповича. *А. Смитъ.* Біографическій очеркъ В. П. Яковенко. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб. 1891. *Bagehot.* Adam Smith as a person in Biographical Studies. 1881. *Leser.* E. Aus der Lebens-

geschichte des Adams Smith. In Untersuchungen zur Geschichte d. Nationalokonomie. *Karl Jentsch.* Adam Smith. Leben und Lehre. Berlin. 1905. *Cliff Lesly.* Собраніе его сочиненій подъ заглавіемъ: Essays in political and moral philosophie. См. статью—Political economy of A. Smith. 1879, стр. 148—166. *Lujo Brentano.* Die classische Nationalokonomie. Lpz. Dunker und Humblot. 1888. Вступительная рѣчь, читанная въ Вѣнскомъ университетѣ. *Husbach.* Die philosophische Grundlagen der von François Quesnay und Adam Smith begrundeten politischen Oekonomie. 1890. Его же. Untersuchungen uber A. Smith und Entwicklung der politischen Oekonomie. 1891.— *Tomas Robert Maltus:* 1) An Essay on the principle of population or a view on its past und present effects on Human Happines. With a Biography and critical Analysis by Bithany. London. 1890. 2) Principles of political economy, considered with a view to their practical applicalion. London. 1820. 3) An Inquiry into the Nature and Progress of Rent and the principles by with it is regulated. 4) Definitions in political economy. *Мальтусъ.* Опытъ о законѣ народонаселенія перев. Бибикова. Спб. 1868, въ 2-хъ томахъ. *Мальтусъ.* Опытъ закона о народонаселеніи. Переводъ И. А. Вернера. Изданіе Солдатенкова. М. 1895 г. *Мальтусъ.* Опытъ закона о народонаселеніи. Сокращ. перев. М. 1908. Изданіе Прокоповича. *Мальтусъ.* Біографическій очеркъ Н. В. Водовозова. Изд. Павленкова Спб. 1895.— *David Ricardo.* 1) On the principes of political economy and taxation. London 1817. 2) High price of bullion, a proof of the depreciation of banknotes. London. 1810. 3) On protection to agriculture. London. 1822. *Сочиненія Давида Рикардо.* Переводъ Н. Зибера. Изд. Пантелѣева. Тоже, переводъ Розанова. *Richard Cobden.* The political writings of Richard Cobden. 2 Tomes. London. 1867. Morley Life of Richard Cobden. London. 1881. *Кобденъ Ричардъ.* Лига борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ. Рѣчи Кобдена въ парламентѣ и на митингахъ, перев. Каменецкой М. 1899 г. *Ричардъ Кобденъ.* Библіотека экономистовъ. М., изд. Солдатенкова. *Чартистское движеніе:* 1) Die social Bewegung in England. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1 Aufl. Lujo Brentano. 2) Sidney Webb. Die britische genossenschaftsbewegung, Ubersetz v. Brentano 1883. Спб. Сидней Веббъ. 1) Исторія кооперативнаго движенія въ Англіи. 2) Исторія тредъюнизма, русск. переводъ.—Н. В. Чайковскій. Чартизмъ 1906. Изд. Распопова.

John Stuart Mill 1) Essays on some unsettled questions of political economy. London. 1844. 2) Principles of political economy with some of their application to social philosophy. 2 vol. London. 1843. 3) Utilitarisme. London. 1862. 4) August Comte and the Positivisme. 1865. 5) System Logic rationative and inductive. London. 1843. *Джонъ Стюартъ Миллъ.* Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. 2-е полное изданіе въ двухъ томахъ, дополн. по послѣднему англ. изданію. Спб. 1873-4 гг. *Д. С. Миллъ.* Система логики. Пер. Лаврова, въ 2-хъ томахъ. 1866. *Torrens Robert:* Essays on money and paper currency 1812. 2) An essay on the external corn trad 1818. 3) Essay on the production of wealth 1821. 4) Wages and combinations. 1834. *Tooke Tomas:* 1) On the corrency in connection with the corn tradets. 1829. 2) A history of prices and of the State ot the circulation from 1723—1856. London. 1838—57 г. Tornton, William Thomas: 1) Overpopulation and its remedy. 1846. 2) On labour its wrongfur clanms and hightful dues; ils actual presens and possible future. 1861. *Cairnes John Elliot:* 1) The Character and logical Method of political economy 1857. Русскій перев. Туганъ-Барановскаго въ изданіи Солдатенкова. М. 1898. 2) Essays of political economy theoretical and applied. 1873. 3) Som leading principles of political economy newly explained. 1874. *Fawsatt Henry:* 1) Manual of political economy. 1863. 2) Pauperisme. Its causes and remedies. 1871. Фаусетъ. Начальныя основанія политической экономіи, русск. пер. М. 1875. Jevons William Stanley: 1) The theory of political economy. 1871. 2) Money and the mechanisme of exchange. 1875. 3) Цѣлый рядъ сочиненій по вопросамъ денежнаго обращенія, о кризисахъ и банкахъ. 4) Джевонсъ Вильямъ Стенли. Политическая экономія, перев. Марковина. Сбп. 1905 г. *Macleod Henry:* 1) Theorie and practice of banking. 2 vol. London 1855—56. 2) The Elements of Political Economy: bein a new system of political economy founded on the doctrin of exchanges, 1858, переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Основанія политической экономіи». Спб. 1865.

Классическая школа во Франціи.

Въ первой трети XIX столѣтія самымъ выдающимся послѣдователемъ Ад. Смита во Франціи былъ Жанъ Батистъ Сэ (Jean Baptiste Say 1767—1832)—авторъ нѣсколькихъ общихъ сочиненій по политической экономіи, пользующихся особенно громкою извѣстностью во Франціи. Сэ не занимали текущіе вопросы международной экономической политики, континентальная система, съ ея блокадой морей и т. п., его вниманіе привлекали тѣ новыя формы и условія хозяйственной дѣятельности, которыя выступали въ экономическомъ быту Западной Европы на смѣну феодальныхъ порядковъ. Свободное соперничество, открывавшее просторъ для проявленія частной иниціативы и самодѣятельности лицъ всѣхъ классовъ общества, съ устраненіемъ опеки и регламентаціи, замыкавшей весь экономическій оборотъ въ предѣлахъ наслѣдственныхъ торговыхъ и промышленныхъ корпорацій, создавали цѣлый экономическій переворотъ, который послѣ французской революціи казался предвозвѣстникомъ всеобщаго возрожденія и ждалъ своего объясненія. Въ началѣ XIX столѣтія этотъ новый хозяйственный порядокъ, извѣстный подъ именемъ капиталистическаго или денежнаго хозяйства, господствовалъ уже въ Англіи и былъ признанъ въ своихъ основахъ законодательствомъ французской революціи и Кодексомъ Наполеона (свобода личности и равенство всѣхъ классовъ общества передъ закономъ). Въ это время Франція, оставаясь земледѣльческой страной, дѣлала быстрые успѣхи въ обрабатывающей промышленности и въ свою очередь переходила къ системѣ крупныхъ предпріятій, съ затратою большихъ капиталовъ, въ особенности въ текстильной индустріи. Въ лицѣ Сэ этотъ новый экономическій строй нашелъ не только своего истолкователя, но и ревностнаго приверженца и апологета. Въ хозяйственной самодѣятельности гражданъ, въ широко проведенномъ раздѣленіи труда и его высокой производительности въ свободномъ соперничествѣ, не стѣсненномъ правительственнымъ вмѣшательствомъ, Сэ видѣлъ общественно-экономическія силы, призванныя обезпечить экономическое благосостояніе современныхъ народовъ и установить полную солидарность ихъ взаимныхъ экономическихъ интересовъ. Вмѣстѣ съ другими представителями клас-

ческой школы, Сэ не придавалъ особенной важности экономическимъ кризисамъ, тогда уже посѣтившимъ Европу и въ особенности вносившимъ большое разстройство въ промышленную жизнь тогдашней Англіи, какъ равно онъ не ожидалъ особыхъ потрясеній для народнаго хозяйства, связанныхъ съ рабочимъ вопросомъ, увѣренный въ томъ, что тѣ же начала свободная конкуренція и личная самодѣятельность, господство которыхъ привело къ созданію капиталистическаго хозяйства, заключаютъ въ себѣ и цѣлительныя средства противъ его недостатковъ (similis similibus curantur). Онъ былъ убѣжденъ, что для устраненія ихъ достаточно доброй предусмотрительности капиталистовъ, предпринимателей и рабочихъ. Требуя отъ правительства только бережливости въ финансовыхъ расходахъ и полнаго невмѣшательства въ народно-хозяйственную жизнь, Сэ питалъ исключительную вѣру въ творческую силу частной инициативы; успѣховъ процвѣтанія народнаго хозяйства онъ ожидалъ прежде всего отъ организаторскихъ способностей землевладѣльцевъ, мануфактуристовъ и торговыхъ предпринимателей. Это убѣжденіе Сэ основывалъ столько же на теоретическихъ выводахъ, сколько и на собственномъ опытѣ, такъ какъ одно время онъ самъ лично выступалъ въ качествѣ организатора одной изъ первыхъ во Франціи бумагопрядильной мануфактуры и съ большимъ успѣхомъ велъ это предпріятіе въ теченіе восьми лѣтъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что уже Адамъ Смитъ поставилъ на прочныя основанія политическую экономію, но онъ оставилъ еще много важныхъ вопросовъ, требовавшихъ своего разрѣшенія. Въ особенности на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о границахъ самой науки и о точномъ опредѣленіи области ея изслѣдованія. Въ Западной Европѣ въ концѣ XVIII вѣка представленіе о самомъ предметѣ политической экономіи и ея задачахъ было довольно неопредѣленно. Французскіе писатели этого времени, если исключить физіократовъ, разсматривали политическую экономію какъ науку чисто практическую о лучшихъ способахъ веденія народнаго хозяйства [1]). Нѣмецкіе ученые, воспитанные въ условіяхъ преподаванія на камералистическихъ факультетахъ, смѣшивали политическую экономію съ наукою объ управленіи и съ полиціей благосостоянія. Главная заслуга Ж. Б. Сэ заключается въ томъ, что онъ установилъ задачи поли-

[1]) См. въ энциклопедіи Дидеро статью Жанъ Жака Руссо „L'economie politique".

тической экономіи и ея предѣлы и провелъ рѣзкую грань между теоретической и прикладной экономіей или экономической политикой. Въ сочиненіяхъ Сэ это составило часть методологической работы въ области политической экономіи, оказавшей вліяніе на научное творчество въ этой области Дж. Ст. Милля. Основные результаты изслѣдованій Сэ составляютъ содержаніе его главнаго сочиненія, изданнаго въ 1803 году: «Трактатъ по политической экономіи или простое изложеніе того, какъ производятся, распредѣляются и потребляются богатства» (Traité d'economie politique etc). Въ этомъ сочиненіи политическая экономія является наукою чисто теоретическою: задача экономиста, какъ ученаго, есть только описательная, онъ долженъ не совѣтовать, но просто наблюдать и анализировать факты экономической жизни. Сэ утверждаетъ, что начала, по которымъ управляются экономическія явленія, не суть дѣло людей, такъ же какъ и законы физики. Какъ и въ физикѣ, въ экономической наукѣ менѣе важно сообщать мелкіе факты, чѣмъ формулировать небольшое число общихъ принциповъ, изъ которыхъ впослѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно вывести болѣе или менѣе длинную цѣпь послѣдствій. Отдѣливъ политическую экономію отъ экономической политики, Сэ доказалъ при этомъ, что изученіе ея столь же необходимо для монархій, какъ и для республикъ. Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, какъ политическая экономія сдѣлалась простымъ изложеніемъ законовъ, управляющихъ экономіей человѣческихъ обществъ, истинные государственные люди поняли, что изученіе ея не можетъ быть для нихъ безразлично. И вотъ, чтобы предвидѣть результаты принимаемой ими мѣры, они принуждены сообразоваться съ принципами этой науки, точно такъ же какъ приходится руководствоваться законами динамики или гидравлики тому, кто хочетъ прочно построить мостъ или плотину.

Сэ, подобно Смиту, считаетъ экономическую цѣнность тѣмъ предмегомъ, которымъ должна заниматься политическая экономія, но кругъ цѣнностей, подлежащихъ разсмотрѣнію въ политической экономіи, съ точки зрѣнія Сэ, является болѣе обширнымъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ это представлялъ себѣ А. Смитъ. Цѣнность, по Сэ, опредѣляется полезностью вещи. Общество занимается производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ цѣнностей. Политическая экомомія, какъ наука, должна разсмотрѣть каждый изъ

этихъ моментовъ экономическаго процесса. Въ связи съ воззрѣніемъ Сэ на цѣнность, понятіе производства у него значительно расширено, по сравненію съ А. Смитомъ. Производить, говоритъ онъ, не значитъ создавать предметы: масса матеріаловъ, изъ которыхъ состоитъ міръ, не можетъ быть ни уменьшена, ни увеличена. Производство состоитъ въ созданіи полезностей и увеличеніи способности вещей отвѣчать нашимъ нуждамъ и удовлетворять нашимъ желаніямъ. Вещь можетъ пріобрѣсти необходимыя намъ полезныя свойства не только отъ тѣхъ преобразованій, которыя мы въ ней производимъ, измѣняя ея форму, но также отъ простого ея перемѣщенія, когда данная вещь не нужна въ одномъ мѣстѣ, но необходима въ другомъ. Въ этомъ смыслѣ всякое перемѣщеніе вещей, хотя бы не сопровождающееся измѣненіемъ ихъ внѣшняго вида, но полезное человѣку, можетъ считаться частью производства. Поэтому нужно отнести къ производству и торговлю, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ доставку продуктовъ отъ производителей къ потребителямъ [1]). Область производства благъ Сэ еще болѣе расширяетъ тѣмъ, что онъ вводитъ понятіе о нематеріальномъ производствѣ. Къ этого рода производствамъ онъ относитъ услуги, оказываемыя обществу врачами, адвокатами и т. п.

Изъ отдѣльныхъ ученій Сэ заслуживаетъ вниманія его *теорія рынковъ* (Teorie des debouches), посредствомъ которой онъ анализировалъ нѣкоторыя стороны явленій цѣны, цѣнности, международнаго обмѣна и доказывалъ вредъ стѣсненій свободы торговли. Въ хозяйственномъ оборотѣ ни одна купля-продажа продуктовъ не можетъ обойтись безъ уплаты опредѣленной суммы денегъ. На самомъ дѣлѣ, говоритъ Сэ, товары покупаются и продаются не на деньги, а на товары, но другого рода. Если какой-нибудь продавецъ матерій скажетъ: въ обмѣнъ на мои продукты, я требую не продуктовъ, а денегъ, то ему не трудно было бы доказать, что покупатель его товара можетъ заплатить ему деньгами, полученными за товары, которые онъ продаетъ въ свою очередь. Ему можно было бы отвѣтить такъ: такой то фермеръ купитъ ваши матеріи, если у него будетъ хорошій урожай, и онъ купитъ ихъ у васъ тѣмъ больше, чѣмъ обильнѣе будетъ его жатва. Но онъ ничего не купитъ, если самъ ничего не произведетъ. Да и сами вы купите у него хлѣба и шерсти лишь на столько, на сколько

[1]) J. B. Say, Traité d'economie politique Paris. Guillaumin. 1841, стр. 62—65.

сработали матеріи. Нельзя, слѣдовательно, говорить: нельзя продать, потому что мало денегъ, а надо сказать такъ: нельзя продать, потому что мало другихъ продуктовъ. Денегъ всегда довольно, чтобы служить обращенію и взаимному обмѣну другихъ цѣнностей, если только эти цѣнности дѣйствительно существуютъ. Очевидно, всякій продуктъ тѣмъ болѣе найдетъ сбытъ, чѣмъ болѣе продуктовъ другого рода произвели его покупщики. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ отрасли производства въ странѣ связаны солидарностью интересовъ: каждая изъ нихъ заинтересована въ процвѣтаніи другихъ и всякая неудача въ одной отрасли народнаго хозяйства наноситъ ущербъ другимъ его отраслямъ. Напримѣръ, неурожай хлѣбныхъ растеній влечетъ за собою уменьшеніе сбыта продуктовъ фабричной промышленности. Такъ какъ въ силу раздѣленія труда всякая страна болѣе или менѣе спеціализируется въ извѣстныхъ областяхъ производства и нуждается въ извѣстнаго рода предметахъ иностраннаго ввоза, то поэтому и цѣлыя націи соединены между собою такою же солидарностью экономическихъ интересовъ. Ввозъ иностранныхъ продуктовъ благопріятенъ продажѣ внутреннихъ продуктовъ, потому что мы не можемъ купить иностранные товары иначе, какъ за продукты нашей промышленности, нашихъ земель и нашихъ капиталовъ, которымъ слѣдовательно торговля доставляетъ сбытъ. Націи платятъ за чужіе продукты только продуктами собственнаго производства, и всѣ законы, воспрещающіе покупать, препятствуютъ въ то же время продажѣ. Отсюда уже само собою вытекаетъ практическій выводъ, который имѣлъ въ виду Сэ — о необходимости полной свободы торговли между народами [1]).

Сочиненія Ж. Б. Сэ [2]) отличаются ясностью и общедоступностью изложенія, превосходнымъ стилемъ и изяществомъ рѣчи. Благодаря этимъ качествамъ своихъ сочиненій, Сэ въ началѣ XIX столѣтія являлся однимъ изъ лучшихъ популяризаторовъ политической экономіи. Европейское образованное общество, для котораго чтеніе трудовъ Адама Смита, Мальтуса, а въ особенности Рикардо, представляло значительныя трудности, охотно знакомилось съ политическою экономіей по сочиненіямъ Ж. Б. Сэ.

---

[1]) Traité d'economie politique. Стр 138—148.

[2]) Кромѣ „Трактата по политической экономіи“, ему принадлежатъ: „Cours d'economie politique pratique“, 1828, и „Cottechisme d'economie politique“, 1848 г

Во Франціи Сэ признается національнымъ экономистомъ-классикомъ. Его сочиненія послужили прототипомъ всѣхъ появившихся съ начала XIX столѣтія во Франціи курсовъ политической экономіи. Къ Сэ примыкаетъ цѣлый рядъ слѣдовавшихъ за нимъ французскихъ ученыхъ—Бланки, Гарнье, Росси, Мишель Шевалье—до извѣстнаго современнаго французскаго экономиста Поля Леруа Больё включительно.

Послѣ Сэ самымъ популярнымъ экономистомъ во Франціи въ первой половинѣ XIX вѣка былъ Фридрихъ Бастіа (Frédéric Bastiat 1801—1850), авторъ сочиненія объ экономическихъ гармоніяхъ (Harmonies économiques, 1850 г.) и объ экономическихъ софизмахъ (Sophismes économiques, 1848 г.).

Съ первыхъ шаговъ своей ученой дѣятельности Бастіа сдѣлался извѣстнымъ какъ ревностный сторонникъ идей манчестерской школы и англійской лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Сначала въ качествѣ писателя, а потомъ и въ качествѣ оратора французскаго законодательнаго собранія 1848 года, Бастіа съ большой энергіей популяризировалъ идеи Брайта, Кобдена, Фосса и другихъ вождей англійской лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Въ своемъ экономическомъ ученіи Бастіа имѣлъ въ виду выразить протестъ противъ ученій протекціонизма и соціализма. Основою всѣхъ экономическихъ воззрѣній Бастіа является его ученіе о господствѣ экономической гармоніи въ современномъ хозяйственномъ быту. Бастіа думаетъ, что личный интересъ, преслѣдуемый каждымъ индивидумомъ въ сферѣ хозяйственной дѣятельности, приводитъ при господствѣ свободной конкуренціи, не къ антагонизму, какъ полагаютъ соціалисты, а къ полной гармоніи хозяйственныхъ отношеній; поэтому Бастіа совѣтуетъ положиться на индивидуальный интересъ и конкуренцію, какъ на двѣ такія силы, которыя въ состояніи вполнѣ обезпечить благосостояніе и прогрессъ общества, при условіи полнаго невмѣшательства въ хозяйственную жизнь народа.

Для защиты института частной собственности противъ соціалистовъ Бастіа построилъ особую теорію поземельной ренты, которую впрочемъ, въ существенныхъ чертахъ, онъ позаимствовалъ у американскаго экономиста Кэри. Рента, какъ экономическое основаніе права собственности, по Бастіа, не есть незаслуженный доходъ землевладѣльца, что слѣдовало изъ теоріи Рикардо, но она представляетъ

возвратъ предварительныхъ затратъ труда и капитала, сдѣланныхъ цѣлымъ рядомъ поколѣній собственниковъ земли для приведенія почвы въ культурный видъ. Полнымъ оптимизмомъ отличаются воззрѣнія Бастіа на вопросъ о народонаселеніи. Вопреки Мальтусу, онъ утверждаетъ, что народонаселеніе имѣетъ стремленіе всегда соразмѣряться съ наличными средствами существованія, которыми располагаетъ само общество; новый контингентъ населенія, по Бастіа, тогда только можетъ народиться, когда для него уже существуетъ готовый запасъ средствъ продовольствія. Бастіа еще извѣстенъ какъ авторъ особой теоріи цѣнности. Онъ опредѣляетъ цѣнность вещей, какъ отношеніе двухъ взаимно обмѣниваемыхъ услугъ, проводя въ доказательство своей теоріи извѣстный примѣръ объ алмазѣ, случайно найденномъ на берегу моря, который нашедшему не стоитъ никакого труда, а тѣмъ не менѣе даетъ возможность ему получить за алмазъ массу другихъ вещей. Въ экономической литературѣ давно признано, что эта теорія Бастіа не имѣетъ научнаго значенія, а во многихъ отношеніяхъ только затемняетъ предметъ, раньше выясненный школою А. Смита. Своей популярности Бастіа былъ обязанъ нестолько научнымъ достоинствомъ своихъ сочиненій, которыя основательно многими экономистами оспариваются, сколько ихъ внѣшнимъ качествамъ, простотѣ и изяществу изложенія, что дѣлало его произведенія доступными для самаго широкаго круга читателей.

Классическая школа въ Германіи.

Среди многочисленныхъ представителей этой школы, въ Германіи въ первой половинѣ XIX столѣтія наиболѣе извѣстны слѣдующіе экономисты: *Pay (Karl Heinrich Rau, 1792—1870)*, авторъ сочиненій «Воззрѣнія въ области политической экономіи» (Ansichten der Volkswirthschaft 1821) и «Учебникъ политической экономіи» (Lehrbuch der politischen Oekonomie, 1826 г.), который долгое время считался лучшимъ курсомъ политической экономіи въ германскихъ университетахъ и выдержалъ 8 изданій. *Тюненъ (J. H. Thunen, 1783—1850).* Его сочиненіе «Изолированное государство» (Der isolirter Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie, 1826 г.),

посвященное вопросамъ сельскохозяйственной и теоретической экономіи, представляетъ крупное явленіе въ экономической литературѣ своего времени. Въ этомъ сочиненіи Тюненъ подробно обсуждаетъ законы, обусловливающіе территоріальное распредѣленіе системъ земледѣлія, сообразно со степенью удаленія ихъ отъ рынка, а также выясняетъ условія, при наличности которыхъ разныя системы сельскаго хозяйства—экстенсивныя и интенсивныя могутъ быть экономически выгодными. Изолированное государство Тюнена представляетъ выдающійся интересъ по примѣненному въ немъ абстрактному методу, которымъ онъ воспользовался для объясненія конкретныхъ явленій сельскаго хозяйства, при чемъ объектомъ изслѣдованія послужило собственное обширное имѣніе Тюнена—Телловъ. Задавшись цѣлію выяснить вліяніе на территоріальное распредѣленіе системъ сельскаго хозяйства рыночныхъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты, качества путей сообщенія и разстоянія отъ рынковъ сбыта, Тюненъ изслѣдуетъ по очередно, въ изолированномъ видѣ, вліяніе каждаго изъ этихъ факторовъ, считая всѣ остальныя условія равными. Въ результатѣ онъ даетъ схему распредѣленія системъ сельскаго хозяйства вокругъ рынковъ сбыта.—*Германъ* (F. Hermann, 1795—1868), авторъ сочиненія «Экономическія изслѣдованія» (Staatswirthschaftliche Untersuchungen, 1832 г.), въ которомъ главы о цѣнѣ, цѣнности и доходѣ до послѣдняго времени представляютъ серьезное научное значеніе. *Мангольдъ (Mangold (1824—1868),* которому принадлежитъ солидная монографія по теоріи прибыли («Lehre von Unternehmergewinn», 1855). *Баумштаркъ (Baumstark Eduard 1807—1889 г.),* издавшій сочиненія Рикардо въ образцовомъ нѣмецкомъ переводѣ (1837 г.), выдержавшемъ нѣсколько изданій. Онъ же выступилъ съ замѣчательнымъ комментаріемъ сочиненій Рикардо (Volkswirthschaftliche Erläuterungen zu Ricardos Grundgesetze der Volkswirthschaft, 1837 г.).

Симонъ де Сисмонди (Simonde de Sismondi 1773–1842).

Мы уже неразъ отмѣчали оптимизмъ большинства представителей классической школы въ ихъ воззрѣніяхъ на установившееся въ Англіи, а частью и на континентѣ Западной Европы, денежное

или капиталистическое хозяйство и ту вѣру, которую питали экономисты-классики къ самымъ основамъ новаго экономическаго строя. А. Смитъ, противопоставляя народное хозяйство новаго времени хозяйству феодальнаго періода, основанному на опекѣ и правительственной регламентаціи, видѣлъ въ экономической свободѣ и конкуренціи ту силу, которая должна привести націи ко всеобщему матеріальному благосостоянію, и это воззрѣніе было господствующимъ среди экономистовъ начала XIX столѣтія. Они полагали, что стоитъ только каждому лицу представить полную свободу хозяйственной дѣятельности и матеріальное благосостояніе общества тѣмъ самымъ будетъ обезпечено. Классическая школа утверждала, что свобода конкуренціи есть та сила, которая вполнѣ можетъ регулировать правильный ходъ экономическаго оборота. Допуская, напримѣръ, что рыночныя цѣны могутъ иногда падать ниже стоимости производства товаровъ, вслѣдствіе сокращенія спроса на нихъ, Смитъ и Рикардо думали, что такое несоотвѣтствіе между рыночными и дѣйствительными цѣнами можетъ продолжаться лишь самое коротное время, такъ какъ, вслѣдствіе свободы выбора занятій, излишняя часть капиталовъ и рабочихъ рукъ быстро получатъ другое назначеніе, будутъ обращены въ другія предпріятія и равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ немедленно будетъ возстановлено. Опытъ послѣдующаго времени заставилъ однако убѣдиться, что несоотвѣтствіе между рыночными и дѣйствительными цѣнами, вслѣдствіе уменьшенія спроса на товары, можетъ сдѣлаться хроническимъ явленіемъ и выразиться въ формѣ довольно продолжительныхъ торговыхъ кризисовъ. Экономическая свобода во всѣхъ ея видахъ, свобода торговли и промысловъ, не стѣсненныя ни какимъ вмѣшательствомъ со стороны правительства, вызвали эксплоатацію слабѣйшей части общества болѣе сильною, со всѣми своими послѣдствіями — пауперизмомъ, обезземеліемъ и т. п. Эти явленія были замѣчены уже и нѣкоторыми экономистами школы А. Смита. Такъ Мальтусъ указывалъ на бѣдственное положеніе нѣкоторыхъ слоевъ англійскаго населенія, хотя онъ утверждалъ, что бѣдность ихъ обусловливается стихійными законами природы, неподчиняющимися человѣческому воздѣйствію, а не является простымъ слѣдствіемъ законовъ распредѣленія и общественныхъ учрежденій свойственныхъ современному историческому періоду.

Систематическое изслѣдованіе главнѣйшихъ отрицательныхъ сторонъ современнаго народнаго хозяйства, основаннаго на свободѣ конкуренціи, принадлежитъ Симону де Сисмонди, автору замѣчательнаго сочиненія «О новыхъ началахъ политической экономіи или о богатствѣ въ его отношеніи къ населенію». (Nouveaux principes d'economie politique ou de la richesse dans les rapports avec la population. 2 vol., 1819).

Въ этомъ сочиненіи Сисмонди, между прочимъ, доказываетъ, что конкуренція дѣйствительно вызвала усовершенствованіе техники производства, увеличила производительность труда и массу производимыхъ продуктовъ, но въ сферѣ распредѣленія продуктовъ привела къ неблагопріятнымъ результатамъ: положеніе всего класса рабочихъ сдѣлалось менѣе обезпеченнымъ, чѣмъ оно было даже при цеховой организаціи производства. Въ то же время раздѣленіе труда, при машинномъ производствѣ, даетъ возможность разложить самые сложные процессы производства на простѣйшія манипуляціи, которыя могутъ выполнять даже неискусныя и слабыя руки дѣтей; поэтому спросъ на взрослыхъ и искусныхъ рабочихъ понижается, и они въ массѣ производствъ замѣняются женщинами и дѣтьми. Вопреки общепринятому тогда мнѣнію, Сисмонди находилъ, что результатомъ дѣтскаго и женскаго труда было не увеличеніе дохода рабочей семьи, а лишь увеличеніе суммы труда, обмѣниваемаго на то же количество продуктовъ потребленія, при чемъ семья приноситъ въ жертву здоровье и будущность своихъ дѣтей. Сисмонди тогда уже обращалъ вниманіе на вредъ чрезмѣрнаго удлиненія рабочаго дня въ фабричномъ производствѣ, безъ соотвѣтствующаго увеличенія заработной платы. Предполагалось, что положеніе рабочаго класса улучшится, если онъ будетъ освобожденъ отъ соблюденія дня отдыха, установленнаго религіей; Сисмонди возражалъ противъ этого взгляда, утверждая, что если бы соблюденіе воскреснаго дня перестало быть обязательнымъ, то рабочіе принуждены были бы истощать себя непрерывнымъ трудомъ за ту же плату, которую они получаютъ и въ настоящее время. Прогрессомъ техники производства можетъ восторгаться, по мнѣнію Сисмонди, только тотъ, кто игнорируетъ печальныя явленія, происходящія въ сферѣ распредѣленія — періодическія вытѣсненія изъ фабрикъ цѣлыхъ массъ рабочихъ, сдѣлав-

шихся излишними вслѣдствіе новыхъ усовершенствованій въ машинахъ, концентрацію производства въ рукахъ наиболѣе богатыхъ промышленниковъ и т. п. Сисмонди при этомъ находилъ, что средневѣковые цехи, регулировавшіе размѣры производства, своими учрежденіями гораздо лучше обезпечивали интересы рабочихъ, чѣмъ современный режимъ свободы оборота.

И въ самомъ производствѣ, по мнѣнію Сисмонди, не все обстоитъ такъ благополучно, какъ это полагали А. Смитъ и его школа. Та же конкуренція, которая по словамъ А. Смита приводитъ къ блестящимъ результатамъ въ ростѣ производства, обусловливаетъ и періодическіе промышленные кризисы, отъ которыхъ страдаютъ всѣ слои населенія страны. Причину кризисовъ Сисмонди видитъ въ томъ, что рабочій классъ почти исключенъ изъ пользованія результатами возрастающей продуктивности его труда. Другими словами, кризисы зависятъ отъ того, что заработная плата остается на одномъ уровнѣ или же возрастаетъ очень слабо, тогда какъ техника даетъ возможность удвоить и утроить количество производимыхъ продуктовъ, не прибѣгая къ увеличенію состава рабочихъ; вслѣдствіе этого бо̀льшая часть продуктовъ, предназначенныхъ для народнаго потребленія, не находитъ сбыта, ибо рабочіе, нуждающіеся въ нихъ, не располагаютъ необходимою покупательною силою для ихъ пріобрѣтенія. Характерной чертой современнаго экономическаго быта является, такимъ образомъ, нарушеніе соотвѣтствія между производствомъ и потребленіемъ.

Сисмонди согласенъ съ Мальтусомъ въ томъ, что ростъ населенія является факторомъ народнаго благосостоянія лишь при пропорціональномъ увеличеніи національнаго дохода; но онъ опровергаетъ предположеніе Мальтуса, что излишекъ населенія происходитъ отъ увеличенія его въ геометрической прогрессіи, тогда какъ продукты земледѣлія возрастаютъ только въ прогрессіи ариѳметической. Сисмонди блестяще доказываетъ, что замѣчаемый періодическій излишекъ населенія зависитъ не отъ стихійныхъ причинъ, а отъ недостатковъ экономической организаціи. Въ древнемъ Римѣ, напр., десятки тысячъ народа не находили работы и страдали отъ голода, въ то время, когда у воротъ города 400,000 морговъ земли оставались необработанными. Въ современномъ индустріальномъ хозяйствѣ введеніе машинъ или замѣна дѣйствующихъ машинъ дру-

ними усовершенствованными, ведетъ къ тому, что часто тысячи рабочихъ лишаются заработка. Такія же послѣдствія имѣютъ и кризисы, обусловливаемые задержкою въ сбытѣ товаровъ. Сисмонди горячо полемизируетъ съ Сэ и Рикардо, которые старались доказать, что изліяніе бо̀льшей части бѣдствій, связанныхъ съ современной экономической организаціей, заключается въ тѣхъ же самыхъ силахъ, на которыхъ она основана—въ преслѣдованіи каждымъ индивидомъ своей выгоды и въ конкуренціи. Рикардо полагалъ, что при дѣйствіи этихъ силъ не можетъ имѣть мѣста продолжительная задержка въ сбытѣ товаровъ или хроническое обезцѣненіе произведеній данной отрасли промышленности, потому что хозяйственный расчетъ заставляетъ промышленниковъ немедленно переводить свои капиталы изъ тѣхъ производствъ, на продукты которыхъ спросъ сократился, въ другія, гдѣ спросъ на продукты возрастаетъ, и такимъ образомъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ скоро возстановляется. Сисмонди показалъ, что при экономическихъ кризисахъ, да и въ обыкновенное время, дѣло происходитъ не такъ просто: промышленники, связанные привычкой, и по другимъ причинамъ, вовсе не могутъ такъ быстро мѣнять родъ занятій, какъ это допускалъ Рикардо, вслѣдствіе чего нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ сплошь и рядомъ принимаетъ хронической характеръ и сопровождается потерею состояній для цѣлыхъ категорій предпринимателей. Допустить, вмѣстѣ съ Рикардо, что производство само по себѣ уже создаетъ потребленіе, значитъ, по мнѣнію Сисмонди, поступать подобно нѣмецкимъ метафизикамъ, которые часто въ своихъ умственныхъ выкладкахъ игнорируютъ *время* и *пространство*.

Указавъ на опасности для общества и трудящихся классовъ, заключающіяся въ развитіи крупной индустріи, въ отдѣленіи труда отъ капитала и земли, Сисмонди усматриваетъ главное средство если не для устраненія, то для смягченія грядущихъ бѣдъ въ соціальномъ законодательствѣ. Онъ приходитъ къ выводу, что вся экономическая жизнь—не только сфера производства, но и распредѣленія благъ—должна быть подвергнута общественному контролю и реформирована согласно интересамъ всего общества, а не отдѣльныхъ его классовъ. «Все, что создано нами, подлежитъ также нашему контролю, а потому власть законодателя даетъ ему право

уничтожать злоупотребленія, являющіяся результатомъ его законовъ. Земельная собственность также должна быть подчинена такому законодательству, которое дѣйствительно имѣло бы результатомъ пользу всѣхъ, такъ какъ только въ интересахъ общей пользы собственность эта признана закономъ». Сисмонди ясно сознавалъ всю глубину соціальной проблемы, заключающейся въ отношеніяхъ между классами владѣющими и неимущими, но его не удовлетворяли ни эксперименты Оуена, ни мечтанія Фурье и утопистовъ. Его идеалъ былъ скромнѣе. «Я желаю, говоритъ онъ, чтобы промышленные капиталы были раздѣлены между большимъ числомъ среднихъ капиталистовъ, а не сосредоточивались въ рукахъ одного человѣка, обладающаго милліонами. Я желаю, чтобы фабричный рабочій имѣлъ впереди надежду и былъ почти увѣренъ въ томъ, что сдѣлается участникомъ предпріятія своего хозяина. Для осуществленія этихъ реформъ я требую лишь медленныхъ и косвенныхъ мѣръ со стороны законодательства, лишь полнѣйшей справедливости въ отношеніяхъ между фабрикантомъ и рабочимъ». Всякій крупный землевладѣлецъ, фермеръ, фабрикантъ, сверхъ обычной заработной платы, едва достаточной для покрытія текущихъ расходовъ рабочей семьи, долженъ, по мнѣнію Сисмонди, обезпечить содержаніе этой семьи на время болѣзни, старости и случаевъ крайней нужды; тогда, можетъ быть, сами предприниматели найдутъ, что имъ выгоднѣе сдѣлать рабочихъ собственниками. Отъ вышеупомянутой обязанности могутъ быть освобождены тѣ, которые согласятся уплачивать вознагражденіе, достаточное для содержанія рабочихъ не только въ зрѣломъ возрастѣ, но и во время старости и болѣзни. Сисмонди указывалъ на несправедливость порядковъ, установившихся въ Англіи, гдѣ собственники и предприниматели, путемъ налога въ пользу бѣдныхъ, возложили обязанность содержанія своихъ рабочихъ въ періодъ упадка ихъ трудоспособности на все общество. Впервые высказанная Сисмонди мысль объ обезпеченіи рабочихъ въ періодъ ихъ болѣзни и потери трудоспособности на средства предпринимателей осуществляется въ европейскихъ государствахъ только въ самое послѣднее время въ разныхъ формахъ страхованія рабочихъ.

Въ сферѣ земледѣлія Сисмонди былъ сторонникомъ мелкой собственности и пропагандировалъ эту форму землевладѣнія въ ту

пору, когда въ литературѣ господствовало мнѣніе о преимуществѣ крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Отмѣченная имъ устойчивость мелкаго землевладѣнія, вслѣдствіе бо́льшей заинтересованности мелкаго хозяина въ валовомъ доходѣ, чѣмъ въ чистомъ, подтверждена сельско-хозяйственнымъ кризисомъ конца XIX столѣтія, отъ котораго гораздо болѣе пострадали крупные собственники, чѣмъ мелкіе.

Однимъ изъ важныхъ условій народнаго благосостоянія Сисмонди считалъ рациональную систему налоговъ. Онъ являлся противникомъ косвеннаго обложенія и считалъ наиболѣе справедливымъ подоходный налогъ, съ освобожденіемъ отъ обложенія доходовъ, не превышающихъ опредѣленнаго минимума средствъ существованія.

Прогрессивныя воззрѣнія Сисмонди въ области экономической политики не оказали вліянія на дѣятельность правительствъ его времени; но они составляютъ важное звено въ исторіи развитія экономической мысли и оказали огромное вліяніе на послѣдующія школы. Несомнѣнно, что Марксъ и Родбертусъ находились подъ сильнымъ вліяніемъ теоретическихъ взглядовъ Сисмонди. Въ особенности замѣчается тѣсное сродство между экономическими теоріями Родбертуса и Сисмонди; у обоихъ экономистовъ мы находимъ тотъ же методъ, то же постоянное сравненіе, при теоретическихъ выводахъ, изолированнаго хозяйства съ общественнымъ, проведеніе строгой грани между частнымъ и народнымъ хозяйствомъ, противопоставленіе дохода отъ труда доходу отъ капитала, одинаковое отношеніе къ причинамъ экономическихъ кризисовъ и къ эволюціи историческихъ формъ хозяйства [1]). Съ другой стороны, прикладная часть воззрѣній Сисмонди (страхованіе рабочихъ, фабричное законодательство и т. д.) вошла въ программу требованій, выставленныхъ школою катедеръ соціалистовъ (Шмоллеръ, Вагнеръ, Гельдъ).

Сисмонди въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ по политической экономіи («О коммерческомъ богатствѣ» 1803 г. и «Картина тосканскаго земледѣлія» 1801 г.) выступалъ какъ послѣдователь Адама Смита. Но послѣ двукратнаго посѣщенія Англіи, гдѣ Си-

[1]) Это вліяніе Сисмонди на школу соціалистовъ подробно прослѣдилъ Антонъ Менгеръ въ сочин: „Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag“. Изд. 2, 1891

смонди былъ свидѣтелемъ постигшаго эту страну тяжелаго экономическаго кризиса, онъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свои экономическія воззрѣнія. Отраженіемъ этой перемѣны и явилось вышеназванное его сочиненіе «О новыхъ принципахъ политической экономіи».

Сисмонди, кромѣ того, былъ авторомъ обширныхъ изслѣдованій по исторіи средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ (въ 16 томахъ), по исторіи Франціи и древняго Рима. Всѣ эти сочиненія пользуются почетною извѣстностью у спеціалистовъ-историковъ.

Литература. Сочиненія Сисмонди 1) De la richesse commerciale ou principes de l'economie politique, 1803. 2) Tableau de l'agriculture toscane 1801. 3) Nouveaux principes d'economie politique, 1819. 4) Etude sur l'economie politique. 5) Русскій переводъ соч. Сисмонди, «Новыя начала политической экономіи» съ предисловіемъ Ефруси, изд. Солдатенкова (Библіотека экономистовъ). М. 1887. *О Сисмонди:* Mignet, «Notice historique sur la vie et les travaux de M. Sismondi» («Memoires de l'Académie des sciences morales et politiques, т. VI, 1850); Elster, «S. de Sismondi» («Conrad's Jahrbuch.», 1887, т. XIV). Б. Ефруси «Соціально-эконом. воззрѣнія Сисмонди» («Русское Богатство», 1896, кн. 7 и 8). В. Левитскій. Сисмонди. Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона. 1900.

Соціализмъ.

Въ то время, когда идеи Адама Смита въ Англіи и на континентѣ западной Европы вошли въ сознаніе образованнаго общества и въ нѣкоторыхъ странахъ получили господство въ направленіи экономической политики въ сторону свободы оборота,—въ экономической литературѣ появляется оппозиціонное направленіе по отношенію къ классической школѣ, извѣстное подъ именемъ соціализма. Соціализмъ возникъ на почвѣ недовольства условіями хозяйственнаго строя новаго времени, установившагося послѣ отмѣны и ликвидаціи феодальнаго режима. Мы уже указывали выше, что ближайшіе приверженцы хозяйства новаго времени, основаннаго на началахъ соперничества и свободы экономическаго оборота, представители классической школы Рикардо, Сэ, Бастіа и другіе, отмѣчали нѣко-

торые его недостатки, но они видѣли возможность ихъ избѣгнуть, не отступая отъ принциповъ соперничества и государственнаго невмѣшательства. Сисмонди первый показалъ, что существуетъ тѣсная органическая связь между такими явленіями, какъ торговые кризисы, пролетаріатъ, и самыми основаніями, на которыхъ зиждется современный строй народнаго хозяйства. Въ то время, какъ Сисмонди, при своемъ отрицательномъ отношеніи ко многимъ сторонамъ капиталистическаго хозяйства, выражавшимся въ экономическихъ кризисахъ, въ несогласованности производства съ потребленіемъ, въ необезпеченности класса рабочихъ и т. п., видѣлъ возможность корректива его недостатковъ въ широкомъ соціальномъ законодательствѣ,—школа, извѣстная подъ названіемъ соціализма, также критически относящаяся къ современной организаціи хозяйства, предлагала его коренную реформу. Она находила, что современное народное хозяйство должно быть въ своихъ основахъ перестроено на совершенно новыхъ началахъ, осуществленіе которыхъ приведетъ къ полному хозяйственному благополучію всѣхъ классовъ общества. Самое названіе соціализма возникло въ смыслѣ противоположности индивидуализму, отличающему школу Адама Смита. Школа Смита, исходя изъ существующаго порядка вещей, полагала, что усовершенствованіе современнаго склада хозяйственныхъ отношеній вполнѣ обезпечивается тѣмъ, что въ немъ организація производства и распредѣленія богатствъ предоставлена свободной дѣятельности лицъ, соперничающихъ между собою въ преслѣдованіи своихъ частнохозяйственныхъ выгодъ. Соціалистическая школа видитъ все зло современнаго хозяйственнаго порядка въ этой частнохозяйственной организаціи производства и распредѣленіи благъ и предлагаетъ замѣнить ее организаціей общественно-хозяйственной.

Общая черта всѣхъ соціалистическихъ ученій заключается въ стремленіи поставить на мѣсто индивидуалистической системы производства и распредѣленія богатствъ, управляемой свободной конкуренціей, такую организацію хозяйственнаго быта, при которой средства и орудія производства, т. е. земля и капиталъ находились-бы не въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго общества, съ тѣмъ, чтобы послѣднее, по опредѣленному плану, само распоряжалось производствомъ и распредѣленіемъ богатствъ. При этомъ общество, какъ представитель хозяйственныхъ интересовъ, должно привести въ извѣстность потреб-

ности народа въ разнаго рода продуктахъ и по разсчету потребностей организовать все производство. Съ устраненіемъ частной собственности, въ хозяйственномъ строѣ, проектируемомъ соціалистами, доходъ отъ владѣнія землею и капиталомъ отпадаетъ и общество, какъ и отдѣльные его члены, будутъ пользоваться только доходами отъ труда. Соціалистическія и коммунистическія системы, сходясь во взглядахъ на организацію производства, различаются между собою въ воззрѣніяхъ на будущую организацію распредѣленія продуктовъ производства. По соціалистическимъ ученіямъ продукты должны распредѣляться пропорціонально труду, заслугамъ и таланту работниковъ, коммунистическія же системы идутъ гораздо дальше, онѣ требуютъ, чтобы продукты распредѣлялись по потребностямъ каждаго, независимо отъ количества труда, прилежанія и таланта, которые данное лицо прилагаетъ къ общественному производству. (Работа по способностямъ и вознагражденіе по потребностямъ).

Мы отмѣтили то мѣсто, которое занимаетъ соціализмъ въ процессѣ историческаго развитія экономическихъ идей. Переходя къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ направленій соціалистическихъ ученій, мы будемъ слѣдовать въ нашемъ изложеніи давно уже установившемуся въ экономической литературѣ дѣленію всѣхъ соціалистическихъ системъ на двѣ категоріи, каковыми являются утопическій соціализмъ и научный соціализмъ.

Утопическій соціализмъ. Сочиненія соціалистовъ-утопистовъ представляютъ характерное явленіе въ исторіи французской экономической литературы первой половины девятнадцатаго столѣтія. Однако появившіеся въ это время во Франціи соціалистическія утопіи или, какъ ихъ иногда называютъ, соціальные романы, посвященные изображенію идеальнаго общественнаго строя, не составляютъ совершенно новаго явленія въ экономической литературѣ. Соціальныя утопіи были извѣстны еще въ древней Греціи, и мы познакомились уже въ этомъ курсѣ съ однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній этого рода—сочиненіемъ Платона «О государствѣ». Въ новое время въ западной Европѣ появился цѣлый рядъ соціальныхъ утопій. Среди нихъ особенно извѣстны «Утопія» Томаса Мора (1516 г.), отъ которой впослѣдствіи получили свое названіе всѣ литературныя произведенія этого рода, затѣмъ «Государство солнца» (1623 г.) доминиканскаго монаха Кампанеллы, «Океанія» англичанина Гар-

рингтона (1656), утопическія произведенія Морелли и Мабли (1748—1753 г.г.). Наконецъ въ первой половинѣ XIX столѣтія мы имѣемъ новый рядъ сочиненій утопическихъ соціалистовъ—Сенъ-Симона, Сенъ-Семонистовъ, Фурье, Кабе и Оуена.

У всѣхъ этихъ утопическихъ сочиненій, принадлежащихъ разнымъ историческимъ эпохамъ и разнымъ народамъ, есть одна общая черта—это радикально-отрицательное отношеніе къ современной имъ исторической дѣйствительности. Творцы плановъ общественнаго переустройства стараются отрѣшиться отъ современныхъ имъ формъ соціально-экономическаго быта и создать совершенно новый строй человѣческой жизни. Появленіе соціальныхъ утопій въ новое время (въ XVI в.) несомнѣнно связано съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ въ Италіи и, въ частности, съ изученіемъ философскихъ сочиненій Платона. По крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ знакомства съ произведеніями послѣдняго были написаны первыя утопіи этого времени Томаса Мора и Кампанеллы. Въ послѣдующемъ же развитіи этого рода литературныхъ произведеній повидимому не существуетъ никакой исторической преемственности. Позднѣйшіе утописты-соціалисты не только не ссылаются на авторитетъ своихъ предшественниковъ и сродныхъ имъ по направленію мысли современниковъ, но каждый изъ нихъ стоитъ особо со своимъ духовнымъ творчествомъ или даже относится отрицательно къ представителямъ однородныхъ умственныхъ теченій, что ставитъ соціальныхъ утопистовъ на одну линію съ религіозными сектами, враждебно относящимися другъ къ другу. Фурье, напримѣръ, отзывался съ презрительнымъ пренебреженіемъ о системахъ Сенъ-Симонистовъ и Оуена. Въ свою очередь Оуенъ не считалъ своими союзниками ни Фурье, ни Сенъ-Симонистовъ и отвергалъ всякое сближеніе съ ними, хотя по существу у него съ ними было много общаго. Но если нельзя установить исторической преемственности въ развитіи утопическихъ системъ новаго времени, то зато при ближайшемъ знакомствѣ съ сочиненіями утопическихъ соціалистовъ несомнѣнно выступаетъ тѣсная связь ихъ съ той эпохой, когда они появились, какъ это нами было уже отмѣчено при изложеніи ученія Платона о государствѣ (см. стр. 55).

Разсматривая сочиненія утопическихъ соціалистовъ первой половины XIX вѣка во Франціи, какъ историческое явленіе, легко можно замѣтить рѣзко выраженную связь ихъ съ условіями хозяй-

ственнаго быта философіи этого времени и съ направленіемъ общественной во Франціи.

Французская революція уничтожила путы средневѣковаго строя, связывавшія человѣческую личность и собственность, провозглашая свободу труда и равенство всѣхъ передъ закономъ; но она не коснулась одного источника неравенства, вытекающаго изъ различія имущественнаго состоянія лицъ. А между тѣмъ, со времени французской революціи экономическія причины получаютъ первенствующее значеніе въ образованіи неравенства общественныхъ состояній. Въ это время, благодаря великимъ техническимъ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ, въ экономическомъ быту главнѣйшихъ народовъ западной Европы происходитъ огромный переворотъ, который создавалъ болѣе глубокое различіе въ экономическомъ состояніи общественныхъ классовъ, чѣмъ то, какое наблюдалось въ средніе вѣка. Съ введеніемъ машинъ и примѣненіемъ крупныхъ капиталовъ въ производствѣ, произошла коренная перемѣна въ отношеніяхъ между хозяйственными классами; увеличилось разстояніе, отдѣляющее лицъ, участвующихъ въ предпріятіяхъ своими капиталами, отъ другого класса лицъ, нанимающихъ свой трудъ. Вмѣсто средневѣковаго сословнаго различія, теперь, подъ внѣшней формой гражданскаго равенства, образовалась глубокая соціальная противоположность между классомъ капиталистовъ-предпринимателей и рабочихъ, при чемъ для послѣднихъ сдѣлался недоступнымъ, за рѣдчайшими исключеніями, переходъ ихъ въ рангъ предпринимателей. Уже такой внимательный наблюдатель хозяйственнаго быта этого времени въ западной Европѣ, какъ Симондъ де Сисмонди находилъ, что цеховая организація промышленности несравненно лучше обезпечивала интересы рабочаго класса, чѣмъ хозяйство новаго времени, основанное на экономической свободѣ. Утопическій соціализмъ во Франціи возникъ на почвѣ недовольства строемъ экономическихъ отношеній, установившимся послѣ французской революціи и связаннымъ съ развитіемъ капиталистическаго хозяйства. Въ глазахъ соціалистовъ-утопистовъ французская революція не оправдала возлагавшихся на этотъ политическій переворотъ ожиданій. Нѣкоторые изъ нихъ выказывали убѣжденія, что революція еще не закончена и ея задача еще не выполнена, разумѣя подъ этой задачей реформу экономическаго быта страны. Въ то же время соціалисты-утописты,

находясь подъ сильнымъ вліяніемъ раціоналистической философіи конца XVIII вѣка, были проникнуты вѣрой во всемогущество человѣческаго разума. Утопическая сторона соціалистическихъ ученій заключалась въ томъ, что основаніемъ для нихъ служили не данныя науки, строющей свои положенія на опытѣ и наблюденіи, а чисто раціоналистическія воззрѣнія французскихъ философовъ конца XVIII вѣка о совершенствѣ прирожденныхъ свойствъ человѣка, гармоніи естественнаго состоянія, о возможности быстраго перевоспитанія человѣчества путемъ перенесенія его въ иную общественную обстановку, о достиженіи наибольшаго счастія человѣчества посредствомъ привлеченія къ дѣлу общественнаго переустройства избранныхъ людей, вдохновленныхъ филантропическими идеями о благахъ человѣчества. Раціоналистическая философія сообщила имъ смѣлый полетъ мысли въ область созданія новыхъ формъ соціальнаго быта. Утопическіе соціалисты полагали, что въ общественной жизни существуетъ скрытый отъ непосвященныхъ людей естественный порядокъ. Открытіе его требуетъ мудрой изобрѣтательности человѣческаго генія. Утописты были убѣждены, что именно они открыли законы соціальнаго механизма; эти законы вѣчны, стоятъ внѣ условій времени и пространства. Ихъ мыслимо осуществить когда угодно во всякій моментъ историческаго движенія, посредствомъ пропаганды и посредствомъ экспериментальныхъ образцовъ новыхъ общественныхъ организацій [1]). Въ ряду соціалистическихъ утопистовъ одинъ Сенъ-Симонъ выдѣляется научнымъ отношеніемъ къ современной экономической дѣйствительности и въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ ставитъ себѣ опредѣленную задачу—выяснить основныя особенности экономическаго быта современной ему Франціи, какъ опредѣленной стадіи въ процессѣ міровой исторіи.

Сенъ-Симонъ (Claude-Henri de Rouvroy Saint Simon 1760–1825 г.). Идеи и направленіе духовнаго творчества Сенъ-Симона такъ тѣсно связаны съ обстоятельствами полной превратностей его личной жизни, что является необходимымъ, раньше чѣмъ излагать содержаніе его воззрѣній, познакомиться съ важнѣйшими фактами изъ его біографіи. Сенъ-Симонъ происходилъ изъ знатнаго и богатаго дворянскаго рода, который велъ свою генеалогію отъ Карла Великаго.

[1]) М. Бернацкій. Очерки по исторіи соціализма. „Современный Міръ“ 1908. Августъ, стр. 54 и др.

Уже въ раннемъ дѣтствѣ онъ отличался энергическимъ характеромъ. Мысль о его знатномъ происхожденіи глубоко запала въ его душу. По пословицѣ «знатность обязываетъ», онъ вѣрилъ, что въ своей жизни непремѣнно долженъ совершить что-нибудь значительное. Будучи шестилѣтнимъ мальчикомъ, онъ приказывалъ своему слугѣ будить его по утрамъ, каждый разъ повторяя слова: «вставайте, графъ, вамъ предстоитъ совершить великія дѣла». Не маловажнымъ обстоятельствомъ въ жизни Сенъ-Симона было то, что въ числѣ лицъ, которымъ было ввѣрено воспитаніе его въ дѣтскомъ возрастѣ, находился извѣстный энциклопедистъ Даламберъ, вдохновенный пропагандистъ идей свободы и раціоналистической просвѣтительной философіи. По своему соціальному положенію Сенъ-Симонъ долженъ былъ поступить на военную службу, для чего представился ему удобный случай. Въ 1777 году вспыхнула война въ Соединенныхъ Штатахъ Америки противъ своей метрополіи за освобожденіе. Франція стала на сторону американцевъ и отправила для помощи возставшимъ противъ Англіи военный корпусъ. Сенъ-Симонъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и отправился въ Америку въ качествѣ офицера французской арміи, гдѣ принялъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Изъ своего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ Америки Сенъ-Симонъ вынесъ глубокую вѣру въ значеніе знанія и индустріи—«какъ двухъ основныхъ двигателей прогресса и цивилизаціи». Находясь въ Америкѣ, онъ предлагалъ вице-королю Мексики проектъ панамскаго канала для соединенія двухъ океановъ. По возвращеніи во Францію, съ чиномъ полковника и орденомъ Цинцината, онъ немедленно оставилъ военную службу и отправился путешествовать по европейскимъ странамъ. При посѣщеніи Испаніи онъ выступилъ съ предложеніемъ передъ испанскимъ королемъ поручить ему прорытіе канала для соединенія Мадрида съ моремъ. Между тѣмъ разразилась французская революція, во время которой всѣ обширныя имѣнія фамиліи Сенъ-Симонъ были конфискованы. Въ моментъ революціи 1789 году Сенъ-Симону было 29 лѣтъ. Революція однако не вовлекла его въ активную борьбу и онъ оставался въ сторонѣ отъ общественнаго движенія въ роли спокойнаго наблюдателя. Въ періодъ самой ожесточенной борьбы партій и общественной смуты Сенъ-Симонъ задался цѣлью нажить состояніе путемъ скупки церковныхъ имуществъ, распродаваемыхъ прави-

тельствомъ. Но это предпріятіе не было для него самостоятельной цѣлью и задумано было съ тѣмъ, чтобы на добытыя этимъ путемъ средства создать научный институтъ, куда, въ качествѣ профессоровъ, предполагалось привлечь всѣ выдающіяся силы страны. И вотъ въ самые страшные годы (1790—1791 г.) правительственнаго террора Сенъ-Симонъ, въ товариществѣ съ прусскимъ посланникомъ въ Англіи, занимается земельной спекуляціей. Этимъ онъ навлекъ на себя подозрѣнія якобинцевъ, былъ посаженъ въ тюрьму и только внезапная смерть Робеспьера спасла его отъ вѣрной смерти. Операціи съ церковными землями принесли нѣсколько милліоновъ франковъ, но Сенъ-Симону, обманутому своимъ компаньономъ, изъ нихъ досталось только 150.000 франковъ. Этой суммы было недостаточно для той грандіозной цѣли, которую онъ задумалъ. Тридцати лѣтъ отъ роду Сенъ-Симонъ принялся за свое образованіе по новому обширному плану, обнимающему всѣ главнѣйшія отрасли естествознанія, включая и медицину. Онъ ставитъ себѣ цѣлью не только изучить весь циклъ человѣческихъ знаній, но и узнать, какое вліяніе оказываютъ эти знанія на самихъ ученыхъ. Онъ старается войти въ личныя сношенія со всѣми выдающимися учеными, артистами и художниками. Для этого онъ въ своемъ домѣ открываетъ блестящій салонъ, который на нѣкоторое время становится центромъ общенія знаменитыхъ представителей парижскаго ученаго міра.

Матеріальныя средства Сенъ-Симона однако быстро истощаются и картина его жизни мѣняется. Онъ остается безъ всякихъ средствъ къ жизни. Одно время онъ пользуется содержаніемъ въ домѣ разбогатѣвшаго бывшаго своего слуги Діара, а послѣ его смерти беретъ мѣсто переписчика бумагъ съ вознагражденіемъ въ тысячу франковъ въ годъ за 9 часовъ дневной работы. Свои научныя работы онъ ведетъ по ночамъ. Его занимаетъ мысль реформировать знаніе, а затѣмъ реформировать общество посредствомъ преобразованій въ области индустріи. Въ это время онъ, въ порывѣ экстаза, издаетъ небольшую брошюру «Письма жителя Женевы къ современникамъ», въ которой онъ, предлагаетъ по подпискѣ образовать общество ученыхъ имени Ньютона изъ математиковъ, философовъ, химиковъ и т. д. Это общество должно создать особый религіозный культъ почитанія Ньютона, съ особымъ въ честь его построеннымъ храмомъ-мавзолеемъ, окруженнымъ лабораторіями, мастерскими и школами. Весь этотъ

проектъ почитанія Ньютона проникнутъ глубокимъ мистицизмомъ. Ньютонъ представляется здѣсь въ видѣ пророка «управляющаго свѣтомъ и жителями всѣхъ планетъ». Письма женевскаго жителя могли вызвать только ироническую улыбку у тѣхъ, кто ими поинтересовался. А между тѣмъ Сенъ-Симонъ пребывалъ въ крайней матеріальной нуждѣ Выбившись изъ силъ, не имѣя средствъ для печатанія своихъ сочиненій, онъ въ отчаяніи рѣшился лишить себя жизни. Но попытка привела къ тому, что онъ только лишился глаза (1823 г.). Этотъ трагическій случай привлекъ къ нему вниманіе его ближайшихъ друзей и нѣкоторыхъ состоятельныхъ лицъ, которые обезпечили его матеріальное положеніе[1]). Въ послѣдніе годы жизни Сенъ-Симонъ издалъ главныя свои сочиненія, посвященныя изложенію его соціальныхъ идей: «Индустріальный катехизисъ» (Cathechisme industriel) и «Новое христіанство» (Nouveau Christianisme). Въ этихъ двухъ изслѣдованіяхъ и въ ранѣе изданномъ имъ сочиненіи «Объ индустріальной системѣ» («Du systeme industriel») содержатся основныя мысли Сенъ-Симона объ общественной реформѣ, которыя волновали его въ теченіе послѣдняго десятилѣтія его жизни. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ ставитъ себѣ задачею слѣдующій вопросъ: въ чемъ состоитъ причина «жалкаго состоянія» современной ему Франціи и въ чемъ должны заключаться тѣ средства, которыми можно вывести французское общество изъ такого состоянія и установить на прочныхъ основаніяхъ порядокъ и благосостояніе этой страны?

Для того, чтобы водворить міръ въ общественной жизни, говоритъ Сенъ-Симонъ, нельзя ограничиться поверхностнымъ анализомъ современнаго общественнаго состоянія, а надо использовать обширныя наблюденія историческаго хода цивилизаціи. Въ процессѣ историческаго развитія народовъ Сенъ-Симонъ видитъ послѣдовательную смѣну трехъ періодовъ—теологическаго, метафизическаго и индустріальнаго. Теологическій періодъ, соотвѣтствующій среднимъ вѣкамъ западно-европейской исторіи, въ политической жизни характеризуется господствомъ военнаго сословія, а въ моральной сферѣ—духовенства. Рыцарство тогда давало военную защиту обществу, а духовенство являлось единственной интеллигенціей, сосредоточивавшей въ себѣ всѣ знанія и моральную силу среднихъ вѣковъ. Метафизическій періодъ, явившійся со времени французской революціи на

[1]) M. E. Hubbard. Saint-Simon Sa vie et ses travaux. Paris. 1857, стр. 1—68.

смѣну предшествующему, отличается тѣмъ, что въ немъ въ духовной сферѣ преобладаютъ философы-метафизики, а въ сферѣ матеріальной и политической—юристы-законовѣды (легисты). Наконецъ въ современномъ періодѣ, который Сенъ-Симонъ называетъ индустріальнымъ, господство принадлежитъ двумъ классамъ: въ хозяйственной дѣятельности промышленнымъ классамъ, а въ области духовныхъ интересовъ—ученымъ. Индустріальный періодъ исторіи и будетъ заключительнымъ, два предшествовавшіе періоды подготовляли его господство.

Глубокій кризисъ, въ которомъ тридцать лѣтъ пребываетъ политическій организмъ Франціи имѣетъ своею основною причиною перемѣну всей соціальной системы. Этотъ кризисъ состоитъ въ переходѣ отъ системы феодальной и теологической къ системѣ индустріальной и научной и онъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока образованіе этой новой системы не вступитъ въ полную силу. Вопросъ объ организаціи индустріально-научной системы, призванной въ современной стадіи цивилизаціи замѣнить отжившій феодальный режимъ, былъ поставленъ на очередь французской революціей, но французская революція пошла по неправильному пути и не выполнила своей настоящей задачи. Прямымъ результатомъ французской революціи явился парламентаризмъ. Парламентская система есть метафизическое созданіе юристовъ и философовъ чуждыхъ положительной наукѣ. Этотъ образъ правленія не открытъ изъ изученія исторіи общественнаго развитія, а придуманъ метафизиками, поставившими себѣ совершенно не научную задачу—изобрѣсти идеальное политическое устройство, выразившуюся такъ характерно въ знаменитой декларации правъ. Такимъ образомъ, осуществленіе индустріально-научной системы выпало на долю XIX вѣка, который и долженъ выступить въ роли организатора этой системы.

Въ чемъ же должны заключаться основы индустріальной системы и какимъ способомъ она можетъ быть проведена въ жизнь?

Въ отличіе отъ феодальной системы, базирующейся на войнѣ и слѣпой вѣрѣ, промышленная система основывается на трудѣ и знаніи. Такъ какъ матеріальное могущество перешло теперь къ хозяйственнымъ классамъ, а духовная сила къ ученымъ, то политическою ареною должны овладѣть дѣятели въ области индустріи и ученые. Торжество новой системы должно выразиться въ томъ,

что управленіе страною будетъ организовано наиболѣе совершеннымъ образомъ для того, чтобы обезпечить процвѣтаніе земледѣлія, торговли и промышленности, при этомъ прямою и единственною задачею новаго экономическаго режима является достиженіе возможно большаго благосостоянія трудящихся и производительныхъ классовъ, которые въ настоящей стадіи цивилизаціи составляютъ истинное общество. Говоря о трудящихся и промышленныхъ классахъ, онъ имѣетъ въ виду всѣ вообще категоріи лицъ, занимающихся хозяйственною дѣятельностью—земледѣльцевъ, фермеровъ, торговцевъ, фабрикантовъ, банкировъ и ученыхъ, какъ въ сферѣ теоретической науки, такъ и прикладного знанія, при чемъ конкретно класса рабочихъ не упоминаетъ, хотя онъ, очевидно, имѣлъ въ виду и его. Вообще, выдвигая особую миссію, къ которой призванъ въ современномъ историческомъ періодѣ индустріальный классъ, Сенъ-Симонъ противополагаетъ интересы этого класса—интересамъ феодальнаго класса, дворянства и духовенства. Организацію индустріально научной системы можетъ осуществить королевская власть въ союзѣ съ промышленными классами. Королевская власть со времени Людовика XI примкнула къ промышленнымъ классамъ. Это и дало ей успѣхъ въ борьбѣ съ феодалами. Но Людовикъ XIV и его преемники измѣнили традиціонной политикѣ французскихъ королей, заключили союзъ съ феодалами, что и привело къ революціи. Съ другой стороны, всѣ крупные безпорядки французской революціи были бы избѣгнуты, если бы индустріальный классъ на призывъ королевской власти избралъ своихъ депутатовъ изъ своей же среды, а не изъ легистовъ и метафизиковъ. Къ этому теперь и надо вернуться, чтобы покончить съ революціей. Итакъ власть и высшее управленіе въ странѣ должны быть переданы въ руки хозяйственныхъ классовъ. Въ составѣ министерства, сформированнаго изъ представителей промышленнаго класса, министромъ финансовъ непремѣнно должно быть лицо, которое раньше не менѣе десяти лѣтъ было промышленникомъ по профессіи, министромъ внутреннихъ дѣлъ—такое же лицо, пробывшее въ роли промышленника не менѣе шести лѣтъ. Наряду съ министромъ финансовъ учреждается совѣтъ промышленниковъ подъ названіемъ «Палаты промышленности». Этотъ совѣтъ, состоящій при министерствѣ финансовъ, будетъ образованъ изъ двадцати пяти лицъ, при чемъ министръ финансовъ является его

членомъ и предсѣдателемъ. Въ составъ этой палаты входятъ четыре сельскихъ хозяина, изъ представителей наиболѣе крупныхъ хозяйствъ, два крупныхъ торговца, два фабриканта, дающихъ занятіе наибольшему числу рабочихъ, и четыре банкира, дѣлающихъ самые крупные обороты. Эти депутаты, въ свою очередь, выбираютъ (кооптируютъ) въ составъ той же палаты 12 другихъ членовъ изъ лицъ, посвящающихъ себя хозяйственной дѣятельности, а именно: шесть землевладѣльцевъ, двухъ торговцевъ, двухъ мануфактуристовъ и двухъ банкировъ. Эта палата по управленію народнымъ хозяйствомъ обсуждаетъ бюджетъ, предлагаемый на ея усмотрѣніе, и утверждаетъ его послѣ измѣненій, какія найдетъ нужными. Всѣ министры имѣютъ право присутствовать въ засѣданіяхъ палаты безъ права рѣшающаго голоса. Какія перспективы связываетъ Сенъ-Симонъ съ этимъ бюджетомъ, на это указываетъ параграфъ его программы, въ которомъ говорится: «Первымъ пунктомъ бюджета расходовъ должно быть обезпеченіе средствъ существованія пролетаріевъ двумя способами, а именно,—доставленіемъ работы здоровымъ и содержанія неспособнымъ къ труду»[1]). Подобно министерству финансовъ, должны быть образованы и другія министерства—внутреннихъ дѣлъ, морское и т. д., съ особыми палатами изъ представителей промышленныхъ классовъ. Весьма характерно то, что хотя Сенъ-Симонъ проявляетъ особую заботу объ улучшеніи участи «бѣднаго и наиболѣе обширнаго класса народа» и видитъ основную задачу правительства въ обезпеченіи интересовъ рабочаго класса, но самые рабочіе не получаютъ представительства въ проектируемыхъ имъ палатахъ промышленности, а защита ихъ интересовъ ввѣрена предпринимателямъ и хозяевамъ.

Управленіе въ реформированномъ государствѣ должны раздѣлить между собою промышленный классъ и ученые; первые вѣдаютъ область матеріальныхъ интересовъ, а вторые—духовную жизнь. Новая духовная власть ученыхъ, которая замѣнитъ господство духовенства, будетъ состоять изъ академій наукъ, существующихъ въ Европѣ. Этой новой духовной власти будетъ принадлежать управленіе народнымъ образованіемъ. Въ основѣ же образованія народныхъ массъ будетъ положена чистая мораль евангельскаго ученія, при чемъ школа должна быть

[1]) Du systeme industriel. Par Henri Saint-Simon. Paris, Chez Antoine Augustin Renouard. 1821 г., стр 76—79

доступна для дѣтей всѣхъ степеней состоянія. Управленіе духовными дѣлами во всѣхъ странахъ Европы должно обезпечить миръ между націями, уменьшить, насколько возможно, налоги и использовать произведенія страны наиболѣе выгоднымъ образомъ. Новая соціальная организація, осуществленная индустріальнымъ классомъ въ сотрудничествѣ съ учеными, имѣетъ быть основана на принципѣ божественной морали: всѣ люди—братья, которые должны взаимно любить и помогать другъ другу [1]).

Свою мысль о значеніи индустріальныхъ классовъ въ современномъ обществѣ Сенъ-Симонъ особенно рѣзко выразилъ въ статьѣ «Парабола». Онъ дѣлаетъ два предположенія: гибель во Франціи сразу трехъ тысячъ лучшихъ художниковъ, ученыхъ и ремесленниковъ и гибель всѣхъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ и администраторовъ, самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ и т. п. Въ первомъ случаѣ нація тяжело почувствовала бы эту утрату, оставшись безъ руководителей и организаторовъ общественной жизни, безъ людей, выполняющихъ самые полезные для народа труды; во второмъ она пролила бы слезы сожалѣнія, но быстро успокоилась бы, потому что ряды погибшихъ легко и скоро пополнились бы новыми претендентами.

Замѣна феодальной системы индустріальной вызвала на историческую сцену эгоизмъ, который, какъ полагаетъ Сенъ-Симонъ, находится въ оппозиціи новой доктринѣ. Въ основу новой системы философіи—должна быть положена филантропія и любовь къ ближнему. Эти идеи гуманизма, торжество которыхъ Сенъ-Симонъ желалъ видѣть въ индустріальной системѣ общественнаго устройства, получили дальнѣйшее развитіе въ его послѣднемъ сочиненіи «О новомъ христіанствѣ» (Nouveau Christianisme). Въ немъ онъ развиваетъ ту мысль, что основная заповѣдь христіанства о любви къ ближнему еще не проникла въ общественную жизнь. Ее не осуществили ни католическая религія, ни протестантизмъ. Католическая религія больше заботилась о созданіи своего политическаго могущества, чѣмъ о проведеніи въ жизнь христіанской морали, она погубила возрожденіе христіанства инквизиціей и поддерживаетъ свое господство надъ массою вѣрующихъ системою мистицизма и макіавелевскихъ ученій. Лютеранство же сосредоточило весь свой рели-

[1]) Du systeme industriel, стр. 295.

гіозный культъ въ проповѣди. Лютеръ не принялъ никакихъ мѣръ для того, чтобы поднять соціальное значеніе христіанской религіи.

Новая религія будетъ имѣть своей задачей организовать все общество на началахъ христіанской морали. Всѣ классы общества при этомъ должны употреблять возможныя усилія къ улучшенію моральнаго и физическаго существованія рабочаго класса, составляющаго огромное большинство населенія, и всѣ соціальныя учрежденія въ странѣ должны быть поставлены такимъ образомъ, чтобы они наиболѣе успѣшно служили этой великой религіозной цѣли. Сама королевская власть, чтобы быть на высотѣ своей задачи, должна употреблять свое вліяніе на то, чтобы содѣйствовать богатымъ въ улучшеніи моральнаго и физическаго существованія бѣдныхъ [1]). Существенная часть научнаго творчества Сенъ-Симона, какъ мы видѣли, посвящена его ученію объ индустріальной системѣ и пропагандѣ скорѣйшаго ея осуществленія въ хозяйственномъ быту Франціи. Въ этой части воззрѣнія Сенъ-Симона ближе стоятъ къ доктринѣ Адама Смита, чѣмъ къ воззрѣніямъ его непосредственныхъ учениковъ—сенъ-симонистовъ. А. Смитъ желалъ, чтобы всѣмъ хозяйственнымъ классамъ была предоставлена полная свобода дѣятельности. Сенъ-Симонъ же является гораздо большимъ сторонникомъ промышленныхъ классовъ: онъ предлагаетъ ихъ поставить во главѣ государственнаго управленія и предоставить классу торговцевъ, фабрикантовъ и банкировъ всю полноту политической власти, въ ущербъ другимъ классамъ общества. И въ своихъ сочиненіяхъ и въ своихъ письмахъ къ королю и промышленникамъ Сенъ-Симонъ призываетъ къ власти и главной политической роли въ странѣ предпринимателей, мануфактуристовъ, торговцевъ и банкировъ, которымъ должны уступить свое мѣсто въ управленіи государствомъ феодальные классы, дворянство и духовенство.

Пропаганда Сенъ-Симономъ «индустріализма» и наступленія господства промышленныхъ встрѣчена была съ большимъ сочувствіемъ французской буржуазіей, которая съ полнымъ основаніемъ могла видѣть въ Сенъ-Симонѣ прямого защитника своихъ интересовъ противъ надвигавшейся реакціи, имѣвшей своей цѣлію возстановить во Франціи прежнее значеніе феодальныхъ классовъ.

---

[1]) Hubbard. Выше цит. см. извлеченія изъ Nouveau christianisme, стр. 265—269; 303 и др.

Въ послѣдніе годы жизни Сенъ-Симонъ все чаще останавливается на мысли объ обезпеченіи рабочаго класса. Наилучшее средство сдѣлать для него добро по его мнѣнію заключается въ томъ, чтобы довѣрить заботу о нихъ собственникамъ промышленныхъ предпріятій, которымъ будетъ предоставлена полная роль въ управленіи государственными дѣлами. Сенъ-Симонъ раздѣлялъ ту точку зрѣнія, что интересы предпринимателей и рабочихъ вполнѣ солидарны [1]).

Однако забота о рабочемъ классѣ не останавливала специальнаго вниманія Сенъ-Симона въ его предсмертной бесѣдѣ со своими учениками, на которую его послѣдователи ссылаются, какъ на духовное завѣщаніе Сенъ-Симона. Въ этой бесѣдѣ онъ многократно повторяетъ окружавшимъ его лицамъ, что религія всегда будетъ занимать видное мѣсто въ жизни человѣка, она только должна быть согласована съ прогрессомъ знанія. Затѣмъ, обращаясь къ своимъ друзьямъ, онъ говорилъ объ ожидаемомъ выходѣ въ свѣтъ задуманнаго ими новаго журнала (Le Producteur), посвященнаго пропагандѣ его идей; при этомъ онъ предвидѣлъ быстрый успѣхъ своихъ послѣдователей: «груша созрѣла, сказалъ онъ, и вы должны ее сорвать»; «черезъ сорокъ восемь часовъ послѣ нашего второго изданія мы будемъ уже партіей». «Запомните, говоритъ онъ, обращаясь къ своему другу Родригу, что для того, чтобы совершить что-либо великое надо быть вдохновленнымъ. Задача трудовъ всей моей жизни заключалась въ томъ, чтобы дать всѣмъ членамъ общества самый большой просторъ для развитія ихъ способностей» [2]). Вдохновеніе, которое ставитъ на видъ своимъ ученикамъ въ своемъ предсмертномъ обращеніи къ нимъ, дѣйствительно занимало видное мѣсто и въ его личной судьбѣ и въ его соціальныхъ проектахъ. Въ состояніи крайней экзальтаціи онъ вѣрилъ, что проектированное имъ «Въ письмахъ жителя Женевы» общество имени Ньютона реформируетъ весь цивилизованный міръ. Только состояніемъ экзальтаціи можно объяснить, наконецъ, его предложенія взять на себя прорытіе панамскаго перешейка и канала отъ Мадрида къ океану—задачи, далеко превышавшія техническія средства того времени, хотя самая идея оказалась вѣрной, и что касается панамскаго канала, то она и осуществлена, но уже въ наше время.

---

[1]) Charles Gide et Ch Rist. Histoire des doctrines economiques. 1909, стр. 242. Примѣчаніе 3.

[2]) Hubbard. Saint-Simon, sa vie et ses travaux. 1857, стр. 108—109.

Сенъ-симонисты. Сенъ-Симонъ въ послѣдніе годы своей жизни собралъ возлѣ себя цѣлый кругъ друзей и учениковъ, которые послѣ его смерти продолжали разрабатывать въ разныхъ направленіяхъ его идеи. Теоріи Сенъ-Симона въ области философіи исторіи о смѣнѣ историческихъ періодовъ, а также его идея о необходимости объединенія разныхъ областей знанія въ одной общей наукѣ (соціологіи) получили свое дальнѣйшее развитіе въ трудахъ знаменитаго основателя позитивной философіи Огюста Конта и замѣтно повліяли на направленіе научнаго творчества другого друга Сенъ-Симона, впослѣдствіи извѣстнаго историка Франціи, Огюстена Тьери. Наряду съ этими учеными, стояла цѣлая группа учениковъ Сенъ-Симона, которые находились подъ исключительнымъ впечатлѣніемъ его мыслей о необходимости обезпеченія матеріальнаго положенія рабочаго класса. Среди этихъ учениковъ самую видную роль въ развитіи доктрины Сенъ-Симона играли—Оленд Родригъ, Анфантенъ и Базаръ, которые и являются основателями новаго ученія сенъ-симонистовъ. Эти лица еще раньше знакомства съ Сенъ-Симономъ, и совершенно независимо отъ него, сами были воодушевлены мыслью о необходимости улучшенія соціальнаго быта Европы, что и привело ихъ къ знакомству съ Сенъ-Симономъ, съ которымъ ихъ сближали настойчивыя исканія въ области общественныхъ проблемъ и склонность къ энтузіазму. Раздѣляя идеи Сенъ-Симона о необходимости обезпеченія бѣднѣйшихъ и трудящихся классовъ общества, сенъ-симонисты пришли къ выводамъ, какихъ не предвидѣлъ самъ ихъ учитель.

Первоначально свои воззрѣнія сенъ-симонисты излагали въ спеціальномъ періодическомъ изданіи (Le Producteur), основанномъ еще при жизни Сенъ-Симона, а затѣмъ выступили съ пропагандой своихъ идей въ цѣломъ рядѣ публичныхъ лекцій въ Парижѣ. Впослѣдствіи эти лекціи были изданы особой книгой подъ заглавіемъ «Ученіе Сенъ-Симона» (Doctrin de Saint-Simon), которое является самымъ полнымъ изложеніемъ воззрѣній сенъ-симонистовъ и своего рода ихъ символомъ вѣры. Ученіе раздѣляется на двѣ части: критическую, въ которой подвергается оцѣнкѣ современное устройство общественной жизни, и законоположительную, гдѣ излагаются основанія и новыя формы для будущей организаціи общества. Въ промышленности, говорятъ сенъ-симонисты, господствуетъ безпорядокъ и анархія. Основной прин-

ципъ, на которомъ покоится современный экономическій бытъ— свобода экономической дѣятельности—предполагаетъ согласіе интереса личнаго съ интересомъ общественнымъ. На самомъ дѣлѣ, въ основѣ современнаго общества лежитъ полный антагонизмъ между интересами класса трудящихся и классомъ, владѣющимъ землею и капиталомъ. Сенъ-Симонъ представлялъ себѣ индустріальный классъ объединеннымъ взаимною солидарностью интересовъ, сенъ-симонисты же видятъ самый крупный общественный антагонизмъ въ отношеніяхъ между двумя категоріями лицъ индустріальнаго класса—капиталистами и рабочими и этотъ антагонизмъ имъ представлялся болѣе глубокимъ и характернымъ для современнаго періода исторіи, чѣмъ та противоположность интересовъ между феодальными классами и буржуазіей, которую выставлялъ на первый планъ Сенъ-Симонъ. Но такой порядокъ не есть окончательная форма отношеній, въ которую укладывается экономическая жизнь общества. Весь ходъ исторіи представляется сенъ-симонистами, какъ «непрерывная серія» прогресса. Въ общественномъ быту этотъ прогрессъ выражается въ усиленіи духа ассоціаціи и въ уменьшеніи духа вражды и антагонизма въ жизни людей. Прогрессъ уменьшенія антагонизма обнаруживается несомнѣннымъ образомъ и въ экономическихъ отношеніяхъ между людьми. До сихъ поръ человѣкъ постоянно эксплоатировалъ человѣка: господа и рабы, патриціи и плебеи, синьоры и крѣпостные, собственники и фермеры—вотъ прогрессивная исторія человѣчества до нашихъ дней. Господинъ древняго міра эксплоатировалъ своего раба и современный владѣлецъ фабрики эксплоатируетъ рабочаго; но очевидно велика разница между той и другой эксплоатаціей: эксплоатація новаго времени мягче и гуманнѣе, нежели эксплоатація временъ древнихъ. Прогрессивный ходъ этихъ отношеній поселяетъ увѣренность, что придетъ время, когда одинъ человѣкъ совсѣмъ не будетъ эксплоатировать другого, но всѣ люди, соединившись въ ассоціаціи другъ съ другомъ, будутъ эксплоатировать внѣшній міръ. Всеобщая ассоціація будетъ основана на принципѣ: всякому по способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ.

Теорію исторической эволюціи сенъ-симонисты прилагаютъ и къ объясненію института частной собственности, которой они вовсе, однако, не являются противниками. Существуетъ, говорятъ они, общій предразсудокъ, что собственность есть фактъ неизмѣнный.

Изучая же исторію, мы видимъ, что законодательство никогда не переставало вмѣшиваться въ организацію собственности: или оно опредѣляло природу предметовъ, которые могли быть усвояемы въ собственность, или регулировало пользованіе собственностью и передачу ея. Такъ первоначально собственность обнимаетъ и вещи и людей; рабъ столько же принадлежитъ господину, какъ лошадь, плугъ и всякое орудіе труда. Законодательство сначала ограничило употребленіе собственности и злоупотребленіе ею тамъ, гдѣ дѣло касалось собственности мыслящей и чувствующей. Подобнымъ же образомъ законодательство вмѣшивалось и во владѣніе собственностью вещественной. Въ особенности замѣтно вмѣшательство его относительно передачи собственности. Сначала собственникъ имѣлъ право располагать собственностью какъ хотѣлъ, потомъ вмѣшался законъ и сдѣлалъ обязательною для собственника передачу собственности дѣтямъ, сначала только старшему сыну (маіоратъ), потомъ всѣмъ дѣтямъ поровну. Это приводитъ къ заключенію, что видоизмѣненія собственности принимаютъ такое направленіе, что она дѣлается достояніемъ все большаго и большаго числа трудящихся лицъ. Сенъ-симонисты раздѣляютъ взглядъ, что собственность есть основаніе общественнаго порядка. Но чтобы институтъ собственности надлежащимъ образомъ выполнилъ свое назначеніе, они желали бы, чтобы собственностью надѣлялись люди, способные достойнымъ образомъ исполнять свое общественное назначеніе. Очередная реформа собственности будетъ заключаться въ уничтоженіи права наслѣдованія, дабы избѣжать того, чтобы собственность не доставалась нерѣдко праздным и безнравственнымъ сыновьямъ наслѣдодателей. Уничтоженіе наслѣдства составляетъ послѣднее звено въ жизни прогрессивныхъ измѣненій, которымъ должна подвергнуться собственность, вслѣдствіе закона всеобщаго прогресса, открытаго Сенъ-Симономъ. Послѣ этой реформы право на собственность будетъ имѣть всякій способный къ труду, ищущій его приложенія. Владѣльцы земель и капиталовъ будутъ только хранителями этихъ инструментовъ труда, ихъ обязанность будетъ состоять въ томъ, чтобы распредѣлить ихъ между рабочими. Разъ собственность будетъ предоставлена въ безмездное пользованіе всѣхъ трудящихся, то при этомъ должны исчезнуть и всѣ виды дохода отъ владѣнія—арендная плата за землю, за наемъ зданій и процентъ на капиталъ. Останется только

доходъ отъ труда. Въ будущемъ обществѣ распредѣленіе собственности и продуктовъ производства будетъ совершаться по новому принципу: каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ. Вопросъ о предпринимательской прибыли, повидимости, въ воззрѣніяхъ сенъ-симонистовъ, оставался открытымъ, такъ какъ въ извѣстномъ отношеніи предпринимательскую прибыль можно разсматривать, какъ одинъ изъ видовъ вознагражденія за трудъ по организаціи и управленію предпріятіемъ. Такимъ образомъ, по воззрѣнію сенъ-симонистовъ, имущественное неравенство должно существовать въ обществѣ, но оно будетъ основываться не на наслѣдственныхъ правахъ и привилегіяхъ, но на различіи способностей и личнаго трудолюбія. Всякій будетъ поставленъ въ обществѣ сообразно своимъ заслугамъ и вознагражденъ сообразно своимъ дѣламъ.

Сенъ-симонисты въ своихъ планахъ общественной реформы коснулись семьи и религіи, которую они высоко ставили, какъ факторъ общественной жизни. Усматривая анархію и хаотическое состояніе во всѣхъ сферахъ жизни, въ народномъ хозяйствѣ, въ наукѣ, семьѣ и т. п., они предполагали урегулировать соціальныя отношенія установленіемъ іерархіи (съ церковными титулами); ими были проектированы іерархи наукъ, іерархи промышленности, іерархи въ области общественной жизни. Убѣжденные въ томъ, что реформа общественной жизни можетъ быть осуществлена путемъ учрежденія общежитій на новыхъ началахъ, сенъ-симонисты подъ руководствомъ Базара и Анфантена, устроили въ Парижѣ общину, которая затѣмъ была перемѣщена въ одинъ изъ дачныхъ раіоновъ Парижа—Менильмонтанъ. Въ этой общинѣ Базаръ являлся проповѣдникомъ, а Анфантенъ іерархомъ и верховнымъ жрецомъ. Сенъ-симонистская община приняла характеръ религіозной секты и послѣ сенсаціоннаго процесса, предъявленнаго къ ней правительствомъ, ликвидировала свои начинанія.

Шарль Фурье (Charles Fourier 1772—1837 г.). Въ то время какъ сенъ-симонисты въ своемъ проектѣ преобразованія народнаго хозяйства требовали реформы правъ собственности на землю и капиталъ, другое направленіе утопическаго соціализма, представленное Фурье, ставило себѣ задачею реорганизацію производства, имѣя въ виду замѣну индивидуалистическихъ предпріятій современнаго историческаго періода—особаго рода трудовыми ассоціаціями.

Шарль Фурье, основатель этого направленія, былъ сыномъ купца. По окончаніи образованія въ средней школѣ онъ поступилъ на службу въ торговое предпріятіе въ качествѣ комми-вояжера, что дало ему возможность побывать по торговымъ дѣламъ въ Германіи, Голландіи и Бельгіи. Въ то же время онъ продолжалъ свое самообразованіе, занимаясь въ свободное время и по ночамъ анатоміей, физикой, химіей, астрономіей и естественной исторіей. Къ своей профессіи торговца онъ быстро охладѣлъ и даже почувствовалъ къ ней отвращеніе послѣ того, какъ въ Марселѣ (1799 г.) онъ получилъ отъ своего патрона порученіе потопить большой грузъ риса, чтобы такимъ образомъ, уменьшивъ запасъ товара, повысить на него цѣну. Оставивъ службу, Фурье отдается занятіямъ, какъ автодидактъ, философскими проблемами, при чемъ его вниманіе поглощаютъ и общіе вопросы мірозданія и реформа общественнаго быта. Результаты своихъ исканій Фурье и изложилъ въ сочиненіяхъ «Теорія четырехъ движеній» (Theorie des quatre mouvements, 1822 г.), «Новый индустріальный и общественный міръ» (Le nouveau monde industriel et sociétaire, 1822 г.) и др. Построенія Фурье въ области астрономіи и космографіи не имѣютъ ничего общаго съ научными изслѣдованіями, они проникнуты мистицизмомъ и представляютъ простую игру фантазіи, которой авторъ далъ полный просторъ, не стѣсняясь тѣмъ, что они противорѣчатъ и даннымъ науки и здравому смыслу. Но мы остановимся только на общественной философіи Фурье, имѣющей своей задачей реформу современнаго ему народнаго хозяйства и общественнаго устройства. Въ основѣ этой части ученій Фурье лежитъ особая теорія человѣческой этики. Фурье находитъ, что бѣдствія современной общественной жизни проистекаютъ оттого, что религія и общественная мораль въ обыденной жизни постоянно противопоставляютъ добрыя влеченія и страсти человѣческой натуры—злымъ и, поощряя первыя, преслѣдуютъ всѣми средствами общественнаго воздѣйствія и репрессіи—вторыя. Съ точки зрѣнія Фурье, эта вѣковая мораль въ корнѣ не вѣрна и является постояннымъ источникомъ человѣческой неурядицы. Вопреки господствующему ученію, Фурье утверждаетъ, что Богъ, надѣливъ человѣка потребностями и страстями, желалъ сдѣлать его счастливымъ. Стало быть нельзя допустить, чтобы эти потребности были зловредны и чтобы тѣ или другія изъ нихъ подавлялись или оставались неудо-

влетвореннымъ. Напротивъ того, удовлетвореніе потребностей и страстей создаетъ гармонію человѣка съ самимъ собою и съ Богомъ. Если же эти же человѣческія страсти и принимаютъ дурное направленіе и приносятъ обществу вредъ, то это зависитъ отъ недостатковъ соціальной организаціи, которая ихъ искажаетъ или вовсе подавляетъ. Надѣляя человѣка страстями и потребностями, Богъ достаточно вооружилъ его для обезпеченія земного счастья, а если человѣчество до сихъ поръ не сумѣло осуществить этой задачи, то это потому, что не была найдена такая форма соціальной жизни, при которой человѣческія влеченія получили бы свое правильное примѣненіе. Всестороннее удовлетвореніе потребностей, говоритъ Фурье, недостижимо для изолированнаго отдѣльнаго существа, для этой цѣли ему нужна организація себѣ подобныхъ. Вся домашняя дѣятельность, домашнее хозяйство. торговля, ремесла, воспитаніе, занятіе искусствами и науками должны выполняться на основѣ общежитія, въ формѣ ассоціаціи или фаланги, въ которой найдутъ свое гармоническое осуществленіе всѣ потребности и страсти или стремленія человѣка. Эта организація, которую Фурье изобрѣлъ и предлагаетъ въ качествѣ цѣлебнаго средства, и есть сельскохозяйственная и домашняя ассоціація, объединенная съ промышленной дѣятельностью. Она должна быть организована на принципѣ спеціализаціи и наиболѣе пріятной смѣнѣ занятій для каждаго участника. Такая ассоціація имѣетъ своей задачей повысить производительность труда, сдѣлавъ ее привлекательнымъ для работниковъ. Привлекательность труда для всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ достигается, во-первыхъ, выборомъ родовъ труда, наиболѣе отвѣчающихъ наклонностямъ даннаго лица, и, во-вторыхъ, частой смѣной занятій. Періоды работъ въ ассоціаціи должны быть очень коротки, такъ что ни одно занятіе не можетъ продолжаться болѣе $1\frac{1}{2}$—2 часовъ. Элементъ соревнованія достигается совмѣстною работою большими группами или серіями, напримѣръ, серіи воздѣлыванія фруктовъ, хлѣбовъ, цвѣтовъ и т. д. Въ фалангѣ всякій, выбирая занятія по своему вкусу, мѣняетъ ихъ нѣсколько разъ въ день. Напримѣръ, лѣтомъ каждый работникъ можетъ посвятить одинъ часъ уходу за животными, два часа занятію садоводствомъ, два часа уборкѣ хлѣба, затѣмъ слѣдуютъ занятія въ огородѣ, въ мануфактурной мастерской, на биржѣ, съ перерывами для отдыха,

принятія пищи и развлеченій. При этомъ для трудовой дѣятельности будутъ использованы въ фалангѣ всѣ хорошія и дурныя наклонности. Напримѣръ, дѣти, склонныя пачкаться въ грязи, будутъ организованы въ особыя дѣтскія орды и банды, предназначенныя для чистки улицъ и уборки нечистотъ. Для того, чтобы избѣжать потери времени отъ частой смѣны занятій и краткости сеансовъ работы, Фурье постарался соотвѣтствующимъ образомъ организовать свою фалангу. Внутри фаланги будетъ находиться особое многоэтажное зданіе—фаланстеръ. Строеніе фаланстера обнесено кругомъ галлереями, которыя зимой отапливаются, а лѣтомъ даютъ освѣжительную прохладу. По длинѣ огромнаго зданія, въ которомъ живутъ 1500—1800 человѣкъ, идутъ колонады, соединяющія всѣ отдѣленія, залы, жилыя помѣщенія и биржу. Крытые переходы дѣлаютъ удобнымъ сообщеніе съ мастерскими, стойлами для скота и т. п. Главное, что достигается такимъ устройствомъ фаланстера—это то, что отъ него близко ко всѣмъ пунктамъ, гдѣ только происходятъ работы въ фалангѣ: черезъ 10-15 минутъ житель фаланги попадаетъ на мѣсто своего занятія.

Помѣщеніемъ всей массы населенія фаланги въ одномъ зданіи, съ общими залами, кухнями и прачечными, Фурье имѣлъ въ виду достигнуть огромной экономіи, такъ какъ сооруженіе такого зданія подъ одной крышей обойдется много дешевле постройки множества отдѣльныхъ домиковъ. Устройствомъ фаланстера для бѣдняковъ обезпечивается жизнь въ дворцахъ, вмѣсто хижинъ. При этомъ фабрики будутъ перенесены изъ городовъ въ деревни, для того, чтобы рабочіе могли пользоваться разнообразіемъ занятій и пріятностями сельской жизни. Лица обоего пола, населяющія фалангу, совершенно уравнены въ правахъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ половъ также примѣненъ принципъ разнообразія. Супружескія пары также легко сходятся и расходятся. При отсутствіи продолжительныхъ семейныхъ союзовъ, дѣти воспитываются сообща лицами, по своей склонности являющимися педагогами, но не отцами и матерями. Матери, впрочемъ, при желаніи, могутъ поступить въ воспитательницы.

Въ фалангѣ сохраняются имущественныя различія; это даже необходимо. Такъ какъ наслажденіе жизнью основано на дѣйствіи контрастовъ, то необходимы и имущественныя различія. Чѣмъ

значительнѣе имущественныя различія, особенности характеровъ, т. е. потребностей, чѣмъ сильнѣе контрасты, тѣмъ лучше для фаланги. Фурье желаетъ въ своей фалангѣ надѣлить капиталъ, трудъ и талантъ такимъ образомъ, чтобы изъ массы продуктовъ, вырабатываемыхъ въ фалангѣ, доставалось труду $^{5}/_{12}$, капиталу $^{4}/_{12}$ и таланту $^{3}/_{12}$ частей дохода. Проектированныя фаланги должны покрыть всю Европу; центръ управленія ихъ будетъ находиться въ Константинополѣ. Что же достигается организаціей, изобрѣтенной Фурье? Установленная въ фалангѣ безпрестанная смѣна занятій и занимающихся лицъ, и вызываемыя этимъ перемѣнныя отношенія взаимнаго влеченія и взаимнаго охлажденія, дадутъ, по мнѣнію Фурье, высшее удовлетвореніе всѣхъ потребностей человѣка. Въ то же время вмѣсто индивидуальной неустойчивой и запутанной конкуренціи періода цивилизаціи, ассоціація установитъ конкуренцію сотрудническую, солидарную, очень упрощенную, основанную на справедливости и гарантіи, а количество бѣдняковъ и капиталистовъ при этомъ сократится въ двадцать разъ. Планомѣрно организованная, согласованная дѣятельность въ одной фалангѣ сотенъ фамилій, какъ утверждаетъ Фурье, будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ, въ противоположность частному хозяйству, огромное сбереженіе въ силѣ, времени, средствахъ и орудіяхъ, а въ результатѣ увеличеніе богатства, и это богатство будетъ во много разъ больше по сравненію съ современнымъ и сдѣлаетъ возможнымъ для бѣднѣйшаго человѣка такое удовлетвореніе потребностей, какое теперь едва ли можетъ доставить себѣ богачъ.

Современная торговля будетъ упразднена. Вмѣсто сотенъ конкурирующихъ и интригующихъ другъ противъ друга купцовъ, съ ихъ рынками и лавками, нуженъ будетъ только одинъ большой складъ товаровъ и соотвѣтственно небольшой персоналъ служащихъ, такъ какъ всѣ внѣшнія купли и продажи будутъ производиться между собою фалангами, на основаніи записей въ книгахъ. Въ предѣлахъ же отдѣльной фаланги не практикуется ежедневныхъ платежей, но каждому члену ея открытъ кредитъ, соотвѣтственно его долѣ состоянія и предполагаемой выручкѣ его труда. Фурье предполагалъ, что придуманныя имъ условія существованія въ фалангѣ будутъ имѣть настолько благопріятное вліяніе на благосостояніе ея жителей, что средняя продолжительность человѣческой жизни

повысится до 140 лѣтъ! Опасность перенаселенія, которая при этомъ могла бы возникнуть, будетъ устранена обработкой новыхъ территорій земного шара и пониженіемъ роста населенія, вслѣдствіе комфортабельной жизни. Фурье былъ увѣренъ, что жизнь въ фаланстерѣ будетъ привлекательной не только для бѣдныхъ, но и для богатыхъ. Послѣдніе въ условіяхъ современной цивилизаціи также не пользуются благосостояніемъ, вслѣдствіе чрезмѣрной роскоши и всякихъ излишествъ, тогда какъ въ фаланстерѣ они найдутъ нормальную обстановку. дающую имъ возможность разумно развивать свои силы и способности, разнообразить и удовлетворять свои потребности. На сооруженіе и организацію одной такой фаланги, по расчету Фурье, требовалось до 4 милліоновъ франковъ и площадь около одной квадратной мили земли. Съ предложеніями о собраніи такой суммы онъ обращался не къ рабочимъ и бѣднякамъ, а къ богатымъ и капиталистамъ и, живя въ Парижѣ, наивно ожидалъ, въ опредѣленный часъ дня, назначенный имъ по объявленію въ газетѣ, что прійдетъ къ нему Ротшильдъ или другой денежный магнатъ съ предложеніемъ капиталовъ на учрежденіе фаланстера.

Исключительная вѣра Фурье въ силу ассоціаціи соединялась съ фанатическимъ убѣжденіемъ въ томъ, что его земледѣльческая фаланга, есть величайшее изобрѣтеніе, открывающее новую эру въ исторіи общественныхъ наукъ и общественнаго благоустройства. Экономическимъ основаніемъ его фаланстера служитъ идея ассоціаціи какъ производительной, такъ и потребительной. Для Фурье сущность соціальнаго вопроса лежала не въ неравенствѣ распредѣленія имуществъ и продуктовъ, а въ недостаточности производства. Фурье былъ убѣжденъ въ томъ, что производство и потребленіе слѣдуетъ организовать по системѣ крупныхъ кооперацій, для избѣжанія массы непроизводительныхъ расходовъ частнаго хозяйства. Въ своемъ фаланстерѣ онъ предполагаетъ достигнуть огромнаго увеличенія производства хозяйственныхъ благъ, съ одной стороны, посредствомъ повышенія производительности труда, каковое должно послѣдовать вслѣдствіе введенія разнообразія и постоянной смѣны занятій, избираемыхъ по личной склонности каждаго работника, а съ другой стороны, привлеченіемъ къ производительной дѣятельности—«паразитарныхъ классовъ» и прежде всего лицъ, занятыхъ въ торговлѣ, услуги которыхъ болѣе ненужны будутъ обществу, а также исполь-

зованіемъ для производительныхъ цѣлей труда прислуги, женщинъ и дѣтей.

Планъ практическаго осуществленія фаланги былъ задуманъ послѣдователями Фурье еще при его жизни. Имѣлось въ виду посредствомъ паевого товарищества, съ капиталомъ въ 1.200,000 франковъ, устроить, пока въ скромныхъ размѣрахъ, фаланстеръ на участкѣ въ 500 гектаровъ, пріобрѣтенномъ въ департаментѣ Сены и Уазы въ 63 верстахъ отъ Парижа, но этотъ планъ разстроился въ самомъ его началѣ.

Въ ряду представителей утопическаго соціализма Фурье выдѣляется наибольшею фантастичностью своихъ построеній. Его фаланстеръ—это цѣлая театральная феерія и пастораль. Въ своемъ планѣ хозяйственной реорганизаціи Фурье старается порвать всякую связь съ условіями современнаго хозяйственнаго быта, создать совершенно новыя формы производственной дѣятельности и человѣческаго общежитія. Но, какъ извѣстно, въ области соціальныхъ отношеній созданіе совершенно новаго является психологическою невозможностью. Мы уже указывали на это, когда говорили о «Государствѣ» Платона (стр. 55). Задавшись цѣлію въ своей «Политеѣ» нарисовать идеальный образъ человѣческаго общества, основаннаго на справедливости, который совершенно не походилъ бы на современное греческое государство, Платонъ на самомъ дѣлѣ воспроизводилъ въ своей утопіи, въ существенныхъ чертахъ, многія формы общественныхъ учрежденій, какія наблюдались въ современной ему Греціи. Тоже произошло и съ Фурье. И онъ построяетъ свой фаланстеръ изъ тѣхъ же элементовъ, которыми характеризуется современное капиталистическое хозяйство и частью даже изъ самыхъ худшихъ. Фаланстеръ Фурье, по многимъ своимъ особенностямъ, напоминаетъ современную большую гостиницу или даже казарму и представляетъ много тѣхъ самыхъ неудобствъ, которыми такъ тяготятся современные обыватели этихъ общежитій.

Наиболѣе поверхностны соображенія Фурье въ области переустройства семьи. По этому вопросу какъ ни фантастичны извѣстныя построенія Платона, но они имѣютъ вѣскія моральныя преимущества передъ взглядами Фурье. Предлагая принудительный подборъ супружескихъ паръ управителями страны въ формѣ строго моногамическаго брака, Платонъ руководился высшимъ государственнымъ

интересомъ—созданія сильной рассы людей и обезпеченія военной защиты государства. Побѣды при Марафонѣ и подвигъ Спартанскаго полководца при Θермопилахъ въ борьбѣ съ персами показали, что, при мужествѣ, силѣ и дисциплинѣ, десятокъ тысячъ грековъ можетъ съ успѣхомъ противостоять сотнямъ тысячъ варваровъ. Только при исключительной мощности малочисленнаго греческаго войска оно могло отстаивать политическое существованіе крохотнаго аѳинскаго государства противъ цѣлаго моря варваровъ. Фурье же въ своихъ соображеніяхъ о легко сходящихся и расходящихся супружескихъ парахъ руководствовался болѣе элементарнымъ мотивомъ—стремленіемъ человѣка къ личному счастью. Въ увлеченіи своимъ планомъ, Фурье въ постановкѣ отношеній между полами въ фаланстерѣ не посчитался ни съ привязанностью матери къ своимъ дѣтямъ (въ чемъ, впрочемъ, повиненъ былъ и Платонъ), ни съ чувствомъ ревности со стороны представителей обоихъ половъ, которое должны были вызывать постоянныя перемѣны въ супружескихъ парахъ.

Какъ, однако, ни фантастиченъ фаланстеръ Фурье, ставшій символомъ всего несбыточнаго, но въ такихъ формахъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія вынашивалась великая идея трудовой и производительной кооперації.

Робертъ Оуенъ (Robert Owen 1771—1858). Въ ряду представителей утопическаго соціализма Робертъ Оуенъ выдѣляется, какъ глубокій практикъ въ области фабричной промышленности, надѣленный качествами крупнаго дѣлового человѣка. Сынъ бѣднаго ремесленника, Оуенъ съ дѣтства долженъ былъ добывать себѣ средства существованія въ качествѣ простого рабочаго. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря своимъ дарованіямъ, онъ достигъ положенія управляющаго большой бумагопрядильной фабрикою, а затѣмъ скоро сдѣлался ея собственникомъ. Фабрика, владѣльцемъ которой оказался Оуенъ, находилась въ маленькомъ шотландскомъ мѣстечкѣ Ланаркѣ и по своимъ внутреннимъ распорядкамъ представляла типичное предпріятіе этого рода конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ ней работало до 1300 взрослыхъ рабочихъ и около 500 дѣтей. Дѣти эти по большей части были взяты изъ рабочихъ домовъ и пріютовъ, частью собраны изъ окрестныхъ деревень. Вся эта масса рабочихъ, до крайности деморализованная бѣдностью и пороками, жила скучено въ грязныхъ фабричныхъ казармахъ и была предметомъ

эксплоатаціи окружающихъ фабрику лавочниковъ и кабатчиковъ. Среди рабочихъ господствовало пьянство и воровство. Оуенъ, ставши владѣльцемъ фабрики, задался цѣлью улучшить матеріальное и моральное состояніе своихъ рабочихъ. Онъ сократилъ рабочій день, устроилъ для своихъ рабочихъ удобныя помѣщенія, закупалъ для нихъ изъ первыхъ рукъ всѣ предметы домашняго обихода, открылъ также при фабрикѣ лавки и склады, гдѣ они могли пріобрѣтать необходимые продукты по своей цѣнѣ, съ небольшими приплатами на покрытіе расходовъ на содержаніе лавокъ. Были также устроены кассы взаимопомощи, а для холостыхъ рабочихъ общія столовыя. Наконецъ рабочіе были привлечены къ участію въ прибыли предпріятія. Особыя старанія Оуенъ прилагалъ къ воспитанію дѣтей, для которыхъ онъ организовалъ превосходныя школы. Образованіе въ школахъ Оуена было поставлено такъ высоко, что бывали случаи, когда ланаркскіе дѣти поступали въ университетъ и оканчивали тамъ курсъ. Въ результатѣ этихъ мѣръ было полное пересозданіе рабочаго населенія фабрики. Достигнувъ извѣстнаго матеріальнаго довольства, рабочіе выдѣлялись среди населенія другихъ фабрикъ своимъ образованіемъ и нравственнымъ развитіемъ.

Улучшеніе быта рабочихъ благотворно отразилось на положеніи дѣлъ самой фабрики; производительность ея сильно возросла, и Оуенъ значительно увеличилъ и свое собственное состояніе. Этотъ замѣчательный опытъ новой постановки быта фабричныхъ рабочихъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія не только въ Англіи, но и за границей. Въ Ланаркъ, которому теперь Оуенъ далъ названіе обновленнаго Ланарка (Нью-Ланаркъ), стекалось много посѣтителей, въ томъ числѣ даже коронованныя особы, чтобы посмотрѣть блестящій опытъ разумнаго согласованія интересовъ рабочихъ съ выгодами предпринимателя.

Съ такимъ успѣхомъ осуществленный опытъ реформы быта рабочихъ на своей фабрикѣ привелъ Оуена къ цѣлому ряду выводовъ и идей, которые онъ изложилъ въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ 1812—1813 году подъ заглавіемъ «Новые виды общества или опыты объ образованіи человѣческаго характера». Въ этомъ сочиненіи онъ оспариваетъ общепринятое положеніе, что человѣкъ самъ образуетъ свой собственный характеръ, и доказываетъ, что характеръ человѣка всегда и безъ всякаго исключенія создается для

него. Самъ же человѣкъ никогда не создаетъ своего характера и даже немыслимо, чтобы онъ когда-либо въ силахъ былъ это сдѣлать. Оуенъ придавалъ огромное значеніе воспитанію и называлъ его вторымъ рожденіемъ. Оуенъ обыкновенно говорилъ, что если бы онъ имѣлъ возможность воспитать дѣтей на всемъ земномъ шарѣ, то онъ измѣнилъ бы весь бытъ человѣческихъ обществъ, введя въ жизнь людей всеобщее братство и солидарность интересовъ. Онъ также утверждалъ, что въ образованіи человѣка участвуетъ не только школа, но общественныя учрежденія, а потому для улучшенія моральнаго состоянія людей должны быть не только приложены старанія къ воспитанію въ школѣ, но и къ воспитанію въ жизни, а для этого должны быть усовершенствованы общественныя учрежденія.

Развивая дальше свою мысль о вліяніи общественныхъ учрежденій на человѣческую личность, Оуенъ приходитъ къ заключенію о необходимости замѣны современной частнохозяйственной организаціи производства трудовыми ассоціаціями на началахъ общественнаго пользованія землею и капиталомъ. У такой активной личности, какъ Оуенъ, мысль быстро переходитъ въ дѣло. Въ 1817 году онъ выступилъ передъ парламентской комиссіей по рабочему вопросу съ предложеніемъ объ устройствѣ «земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень единства и взаимной кооперації» на началахъ общей собственности на землю и капиталъ. Послѣ того какъ этотъ проектъ былъ тамъ отвергнутъ, Оуенъ пытался осуществить его путемъ частной подписки, которая не удалась. Не встрѣчая сочувствія своимъ новымъ идеямъ у себя на родинѣ, Оуенъ уѣзжаетъ въ Соед. Штаты Америки и тамъ, съ небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ, основываетъ кооперативную колонію, подъ названіемъ «Новой Гармоніи». Земля для колоніи была куплена на собственныя средства Оуена, а составъ ея поселенцевъ въ числѣ 1000-1200 человѣкъ образовался преимущественно изъ людей, которые были загнаны туда неблагопріятною судьбою, послѣ того какъ они потерпѣли неудачу на другихъ мѣстахъ и въ другихъ занятіяхъ. Община приступила къ своей дѣятельности сперва на обыкновенныхъ началахъ, по системѣ отдѣльныхъ семейныхъ хозяйствъ, хотя при этомъ былъ устроенъ общій складъ, куда каждый участникъ отдавалъ произведенія своего труда, а оттуда по опредѣленному расчету получалъ то, въ чемъ самъ имѣлъ надобность.

Въ ближайшемъ будущемъ предполагалось пріобрѣсти землю, на которой была учреждена кооперативная община, въ ея полную собственность, а также обзавестись общественнымъ капиталомъ и орудіями производства. Учредивъ свою колонію, Оуенъ уѣхалъ въ Англію, а община очень скоро распалась, не осуществивъ своихъ принциповъ. По возвращеніи въ Англію, Оуенъ неутомимо продолжалъ дѣлать новые соціальные эксперименты. Однимъ изъ такихъ опытовъ былъ устроенный имъ въ Лондонѣ «Народный трудовой банкъ», ставившій себѣ цѣлію избавить рабочихъ отъ зависимости со стороны капиталистовъ. Въ этомъ банкѣ, вмѣсто монеты, примѣнены были особаго рода расчетныя бумажныя деньги, при чемъ за единицу цѣнности былъ принятъ рабочій день. Ремесленники, члены банка, должны были приносить въ его склады свои издѣлія и въ обмѣнъ на нихъ получать или бумажныя деньги, или всѣ необходимые имъ продукты, изготовленные и доставленные въ складъ другими членами. Очень скоро по открытіи банка оказалось, что многіе изъ доставленныхъ на складъ товаровъ вовсе не находили спроса на нихъ, а въ то же время члены, получившіе за свои издѣлія бумажныя деньги, не могли обмѣнять ихъ въ банкѣ на то, что имъ было необходимо, такъ какъ въ складахъ банка недоставало многаго изъ того, что требовалось для потребленія рабочихъ. И это учрежденіе также было недолговѣчно и скоро прекратило свое существованіе (1832 г.).

Хотя Оуенъ, послѣ блестящаго опыта въ Нью-Ланаркѣ, терпѣлъ однѣ неудачи въ своихъ коммунистическихъ начинаніяхъ, но самая его идея кооперації оказалась въ высокой степени плодотворной, принявъ въ Англіи формы потребительныхъ, подсобныхъ и производительныхъ товариществъ. Собственно самъ Оуенъ ни разу не выступалъ устроителемъ кооперативовъ этого рода [1]), ихъ выработалъ практическій смыслъ англійскихъ рабочихъ, находившихся подъ вліяніемъ идей Оуена. Англійскіе рабочіе въ борьбѣ съ нуждой и лишеніями, вызванными промышленными кризисами и безработицей, прибѣгали къ устройству лавокъ для общей закупки предметовъ первой необходимости, организовали товарищества на паяхъ для постройки мукомольныхъ мельницъ и т. п.

[1]) В. Ѳ Тотоміанцъ. Теорія, исторія и практика потребительной кооперації, изд 3. Спб. 1913 г., стр. 37.

Идя въ этомъ направленіи, англійскіе рабочіе и создали потребительныя общества и производительныя товарищества, которымъ извѣстные рочдельскіе піонеры, въ своихъ учрежденіяхъ въ 1844 г., придали окончательныя формы.

Заключеніе объ утопическихъ соціалистахъ. Сочиненія утопическихъ соціалистовъ представляютъ собою въ процессѣ развитія экономической мысли реакцію противъ оптимизма классической школы, признававшей конкуренцію и личный интересъ, при условіяхъ существованія частной собственности на землю и капиталъ, тѣми силами, которыя должны привести къ общему благополучію и солидарности всѣхъ классовъ общества. Утописты не углублялись въ подробный анализъ ученій политической экономіи, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Фурье, были даже недостаточно освѣдомлены въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ, но они подвергли сомнѣнію и критикѣ самыя основы современнаго имъ хозяйственнаго быта, начала—конкуренціи, частной собственности на землю и капиталъ. Они доказывали, что господство свободнаго соперничества, частной хозяйственной организаціи и частной собственности создаетъ анархію въ производственной дѣятельности, вызываетъ антагонизмъ между хозяйственными классами и въ своихъ ученіяхъ, мечтаніяхъ и соціальныхъ экспериментахъ дѣлали усилія открыть новый общественный механизмъ, основанный на гармоніи интересовъ, который долженъ замѣнить исторически сложившійся сложный и самобытный механизмъ экономической организаціи и привести къ общему благосостоянію. Сенъ-Симонъ надѣялся осуществить этотъ новый порядокъ предоставленіемъ господствующаго положенія индустріальному классу, подчинивъ его дѣятельность принципамъ высшей христіанской морали. Фурье и Оуенъ предполагали достигнуть гармоніи экономическихъ отношеній въ современномъ обществѣ—первый организаціей «фаланги и фаланстеровъ», а второй—своихъ «кооперативныхъ деревень». Сенъ-Симонисты искали разрѣшенія той же задачи въ реорганизаціи распредѣленія поземельной собственности, капитала и продуктовъ производства.

Опыты практическаго осуществленія соціалистическихъ общинъ по проектамъ Оуена, Сенъ-Симонистовъ, Фурье и Кабе, послѣ первыхъ

неудачъ, испытанныхъ ихъ авторами, были скоро оставлены. И если послѣ этого появляются въ литературахъ европейскихъ народовъ сочиненія, рисующія въ идиллическихъ краскахъ будущее общество, устроенное на соціалистическихъ началахъ, то авторы ихъ расчитываютъ только на извѣстный литературный успѣхъ своихъ произведеній и вовсе не имѣютъ въ виду дать образецъ общественнаго устройства для практическаго примѣненія его въ жизни. Къ такого рода сочиненіямъ относится, между прочимъ, извѣстное произведеніе «Въ 2000 году» Беллами, а также романъ русскаго писателя Чернышевскаго «Что дѣлать?». Непосредственнымъ практическимъ результатомъ распространенія идей утопическихъ соціалистовъ было широкое кооперативное движеніе, появившееся въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Англіи и во Франціи. При чемъ въ Англіи дѣятельность извѣстныхъ послѣдователей Оуена, Вильяма Купера и Голока (Holioake) выразилась въ созданіи потребительныхъ товариществъ, которыя послѣ успѣшныхъ опытовъ рочдельскихъ піонеровъ (1844 г.) получили колоссальное развитіе и въ настоящее время обслуживаютъ матеріальныя нужды многомилліонной массы англійскихъ рабочихъ [1]). Что касается Франціи, то здѣсь, подъ вліяніемъ ученій сенъ-симонистовъ и Фурье, кооперативное движеніе направилось на учрежденіе производительныхъ товариществъ, которыя, какъ извѣстно, представляютъ собою самую сложную, а потому и наиболѣе трудную для организаціи форму кооперативныхъ учрежденій. Поэтому кооперативное движеніе во Франціи, захватившее собою городскихъ и преимущественно парижскихъ рабочихъ, не имѣло такого успѣха и не пріобрѣло на первыхъ порахъ такой устойчивости, какою отличается развитіе потребительныхъ кооперативовъ въ Англіи. Первыя производительныя товарищества столяровъ и ювелировъ были основаны Бюшезомъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Парижѣ и послужили прототипомъ для многочисленныхъ ассоціацій этого рода въ мелкой промышленности. Изъ возникшихъ въ это время производительныхъ товариществъ немногіе были долговѣчны и большинство изъ нихъ скоро приходило въ разстройство или вынуждено было ликвидировать свои дѣла, но вѣра въ экономическую мощь кооперацiи была такъ сильна, что на мѣсто

[1]) Б. Уэббъ. Кооперативное движеніе въ Англіи. Перев. съ англ. Алексѣевыхъ. 1905 г., стр 57.

закрывшихся снова и снова возникали другія товарищества. Въ 1848 г. во время февральской революціи временное республиканское правительство взяло подъ свое покровительство производительныя ассоціаціи рабочихъ, открывъ для ихъ субсидированія особый кредитъ. Впрочемъ къ этому предмету мы еще вернемся позже, когда рѣчь будетъ итти о государственномъ соціализмѣ.

Дальнѣйшее развитіе идей, высказанныхъ утопическими соціалистами, привело къ двумъ направленіямъ въ исторіи экономической мысли, изъ которыхъ одно получило названіе *государственнаго соціализма,* а другое—научнаго *соціализма.*

Государственный соціализмъ. Мысль о томъ, что государство должно явиться органомъ для осуществленія экономическихъ реформъ, въ духѣ соціализма, впервые была высказана, и развита въ цѣлую программу соціальной политики Луи Бланомъ. Раздѣляя воззрѣнія сенъ-симонистовъ относительно недостатковъ капиталистическаго строя и необходимости реформы частной собственности, а также замѣны частно-хозяйственной организаціи современнаго народнаго хозяйства общественно-хозяйственной организаціей, Луи Бланъ въ своемъ проектѣ соціальной реформы обращается не къ иниціативѣ частныхъ лицъ, какъ это дѣлали въ своихъ предложеніяхъ сенъ-симонисты и Фурье, а призываетъ къ роли соціальнаго реформатора само государство. Въ двухъ своихъ сочиненіяхъ «Объ организаціи труда» (Organisation du travail) и «Соціализмъ и право на трудъ» (Le socialisme. Droit au travail) Луи Бланъ развиваетъ слѣдующія воззрѣнія о соціальной реформѣ, которую онъ считаетъ очередной задачей современнаго государства.

Кореннымъ недостаткомъ капиталистическаго строя Луи Бланъ считаетъ бѣдность и полную необезпеченность рабочаго класса, который получаетъ крайне низкое вознагражденіе за свой трудъ, сравнительно съ существующими цѣнами на предметы первой необходимости. Почему же бѣдность является спутникомъ современной цивилизаціи? Причина бѣдности, отвѣчаетъ Луи Бланъ, заключается въ конкуренціи. Конкуренція вотъ источникъ всякаго зла въ наше время для рабочихъ. Не лучшіе результаты она имѣетъ и для фабрикантовъ, для нихъ она служитъ нерѣдко причиною разоренія, послѣ чего фабрикантъ и самъ попадаетъ въ число пролетаріевъ, а его дѣти и внуки въ число рабочихъ. Чѣмъ же замѣнить кон-

куренцію? Конкуренцію, говоритъ онъ, можно убить только посредствомъ конкуренціи же. Въ настоящее время мелкія производства падаютъ и крупный производитель побѣждаетъ мелкаго. Если мы найдемъ такого капиталиста, котораго состояніе во много разъ будетъ превосходить состояніе другихъ наиболѣе крупныхъ капиталистовъ, то онъ точно также всѣхъ ихъ можетъ удалить съ рынка и достигнуть того, что всѣ ихъ промышленныя заведенія закроются. Такимъ капиталистомъ можетъ быть только государство, котораго средства почти неизмѣримо превосходятъ средства частнаго лица. Вотъ оно то и возьметъ на себя задачу уничтожить конкуренцію въ хозяйственной жизни и на мѣсто ея установить солидарность отношеній. Съ этой цѣлью государство устроитъ общественныя мастерскія во всѣхъ наиболѣе важныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Въ общественныхъ мастерскихъ получатъ занятія всѣ рабочіе, которые представятъ гарантіи своей добропорядочности. Чистый доходъ въ этихъ ассоціаціяхъ будетъ дѣлиться на три части; изъ нихъ первая будетъ распредѣлена поровну между ихъ участниками, вторая предназначена на содержаніе стариковъ и больныхъ, наконецъ третья часть будетъ употреблена на то, чтобы доставить орудія труда тѣмъ, которые пожелали бы присоединиться къ ассоціаціи, и чтобы, такимъ образомъ, ассоціація могла постоянно принимать новыхъ лицъ и безгранично увеличиваться. Капиталисты тоже будутъ приглашены участвовать въ ассоціаціяхъ и получать проценты со своихъ капиталовъ, кромѣ того капиталисты будутъ участвовать въ выгодахъ предпріятія также въ качествѣ рабочихъ. Луи Бланъ разсчитывалъ на мирное и послѣдовательное поглощеніе частныхъ производствъ общественными мастерскими, въ результатѣ чего должно получиться полное преобразованіе всей организаціи производства въ современномъ народномъ хозяйствѣ.

Сочиненіе Луи Блана объ организаціи труда было написано въ 1846 году, а спустя два года, въ періодъ февральской революціи, Луи Блану, очутившемуся въ составѣ членовъ временнаго правительства, представился удобный случай сдѣлать опытъ организаціи промышленныхъ ассоціацій на государственный счетъ. Въ это время во Франціи былъ въ полномъ разгарѣ промышленный кризисъ, дѣла остановились и десятки тысячъ рабочихъ не имѣли занятій и хлѣба. Къ этому моменту и относится попытка Луи Блана

устроить государственныя мастерскія. По его предложенію были организованы на государственныя средства двѣ крупныя ассоціаціи портныхъ и сѣдѣльниковъ, которымъ былъ сдѣланъ огромный заказъ для снабженія арміи военными мундирами и кавалерійскими сѣдлами. Въ первой изъ этихъ ассоціацій, получившей отъ правительства заказъ на сто тысячъ мундировъ, было занято болѣе двухъ тысячъ рабочихъ.

Впослѣдствіи національное собраніе ассигновало особую сумму въ 3 милліона франковъ для пособія другимъ возникающимъ ассоціаціямъ. Съ помощью полученныхъ пособій было основано 45 частныхъ ассоціацій, но сочувствіе къ этой формѣ труда было такъ велико, что и тѣ, которые не получали правительственнаго пособія, все-таки, такъ или иначе, добывали средства и организовались въ ассоціаціи. Всего въ это время было устроено около трехсотъ ассоціацій [1]).

На ряду съ этими начинаніями, временное правительство въ 1848 г. организовало подъ названіемъ «національныхъ мастерскихъ» общественныя работы для голодающихъ и не находившихъ занятій парижскихъ рабочихъ. Устройство и завѣдываніе національными мастерскими поручено было министру публичныхъ работъ Морни. Эти общественныя работы были однако плохо организованы и велись совершенно безпорядочно. Рабочихъ занимали сооруженіемъ укрѣпленій вокругъ Парижа. При чемъ бывало такъ, что, не имѣя опредѣленнаго плана работъ, ихъ заставляли копать землю и выкопанную землю переносить на другое мѣсто, потомъ съ новаго мѣста переносить на старое. Сами рабочіе оскорблялись тѣмъ, что для нихъ не могли пріискать болѣе подходящаго дѣла. Эти общественныя работы, по окончаніи политическаго кризиса, были скоро прекращены. Громадное большинство производительныхъ ассоціацій, образовавшихся во Франціи около 1848 года, скоро пришло въ упадокъ и ликвидировало свои дѣла. На конгрессѣ рабочихъ въ 1876 году въ Парижѣ было установлено, что изъ тридцати парижскихъ ассоціацій, получившихъ пособіе отъ правительства, къ этому году оставалась только одна, а изъ трехсотъ кооперативовъ, основанныхъ безъ пособія правительства, 270 прекратили свою дѣятельность еще въ 1854 году. Тѣ же ассоціаціи, которыя имѣли

[1]) А. А. Исаевъ. Промышленныя товарищества во Франціи и въ Германіи. М. 1879 г., стр. 106 и др. Щегловъ Исторія соціальныхъ системъ. 1889, т. II, стр. 539.

коммерческій успѣхъ, по большей части, превращались въ акціонерныя товарищества, примѣнявшія трудъ наемныхъ рабочихъ.

Неудача, постигшая производительныя ассоціаціи этого времени въ Парижѣ, имѣла свои основательныя причины. Прежде всего эти товарищества учреждались въ періодъ промышленнаго кризиса, когда рынокъ былъ переполненъ и произведенія обрабатывающей промышленности не находили сбыта. При этомъ ассоціаціи составлялись спѣшно, съ неудовлетворительнымъ подборомъ членовъ, часто выражавшихъ готовность вступить въ товарищество только потому, что ихъ привлекало обѣщаніе правительственной субсидіи. Члены новыхъ ассоціацій не были подготовлены къ своей задачѣ, не умѣли дать имъ правильной организаціи, установить надлежащую дисциплину и наблюденіе за качествомъ работы, выпуская на рынокъ товаръ, уступавшій по достоинству произведеніямъ капиталистическихъ предпріятій. Ассоціаціи же, основанныя на собственныя средства, не располагая достаточнымъ капиталомъ, не могли пріобрѣтать машинъ и орудій, требуемыхъ современной техникой производства, а потому и они также производили товары невысокаго качества, которые, при конкуренціи крупныхъ предпріятій, не могли завоевать себѣ репутаціи на рынкѣ. Къ этому надо прибавить, что и въ настоящее время, когда развитіе кооперативовъ въ Западной Европѣ достигло колоссальныхъ размѣровъ, главный успѣхъ достался на долю кредитныхъ и потребительныхъ товариществъ, а производительныя ассоціаціи и теперь признаются труднѣйшимъ для осуществленія видомъ кооперации, получившимъ распространеніе преимущественно въ подсобныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства (молочныя, винодѣльческія и т. п. товарищества) и въ мелкой промышленности.

Что же касается проекта національныхъ мастерскихъ Луи Блана, то мысль о реформѣ капиталистическаго хозяйства посредствомъ устройства государственныхъ производительныхъ ассоціацій впослѣдствіи еще разъ была выдвинута, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, Фердинандомъ Лассалемъ, въ Германіи, но она не встрѣтила сочувствія со стороны видныхъ его современниковъ, представителей научнаго соціализма, Родбертуса и Маркса и была холодно принята княземъ Бисмаркомъ, который въ извѣстныхъ законодательныхъ актахъ о государственномъ страхованіи рабочихъ, проведенныхъ въ жизнь по его иниціативѣ, являлся сторонникомъ политики государственнаго соціализма.

Научный соціализмъ. Выступая съ проэктами соціальной реформы, утопическіе соціалисты, для осуществленія своихъ идеаловъ, не искали опоры въ условіяхъ современнаго капиталистическаго хозяйства, напротивъ, старались возможно полнѣе отрѣшиться отъ современной дѣйствительности и создать, на новыхъ началахъ, такія общественныя организаціи, которыя и должны были послужить основными ячейками новаго соціальнаго строя. Представители научнаго соціализма, воспринявъ отъ утопистовъ ихъ соціальный идеалъ хозяйственнаго устройства, основаннаго на началахъ общественной собственности на землю и капиталъ, были убѣждены, что этотъ строй долженъ наступить, какъ неизбѣжная стадія въ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи народнаго хозяйства. Въ противоположность утопистамъ, которые мало интересовались политической экономіей и не углублялись въ ея детали, представители научнаго соціализма подвергли самому тщательному и полному пересмотру все зданіе политико-экономической науки, въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ классической школы. Всматриваясь въ хозяйственныя отношенія прошлаго и настоящаго времени, они старались опредѣлить дальнѣйшее направленіе эволюціи хозяйственнаго быта и при этомъ усматривали въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ наступленіе соціалистическаго строя, какъ слѣдующей стадіи хозяйственной исторіи.

Творцами научнаго соціализма были два замѣчательные мыслители-экономисты XIX вѣка: Карлъ Родбертусъ-Ягетцовъ (Rodbertus-Jagetzow, 1805—1875 г.) и Карлъ Марксъ. (Karl Marx. 1818—1883 г.). Сходные между собою въ своихъ воззрѣніяхъ на природу современнаго капиталистическаго хозяйства, и рисовавшіе себѣ въ одинаковыхъ чертахъ перспективу будущаго хозяйственнаго строя, эти ученые вмѣстѣ съ тѣмъ представляли полную взаимную противоположность по своему общественному положенію, особенностямъ личнаго характера и условіямъ жизни. Карлъ Марксъ, еврейскаго происхожденія, почти весь періодъ своей научной и литературной дѣятельности провелъ внѣ своего отечества, Германіи, живя въ качествѣ эмигранта въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Отличаясь страстнымъ характеромъ, онъ погружается въ самую гущу рабочаго движенія и становится духовнымъ вождемъ соціалъ-демократической рабочей партіи въ Германіи, для которой онъ выработалъ программу

въ своемъ извѣстномъ коммунистическомъ манифестѣ. Другой авторъ научнаго соціализма, Карлъ Родбертусъ—прусскій помѣщикъ и дворянинъ, вѣрный защитникъ сословныхъ интересовъ дворянства, пользовался большимъ уваженіемъ среди своего сословія. Въ качествѣ политическаго дѣятеля, онъ принадлежалъ къ умѣреннымъ либераламъ-націоналистамъ. Одно время Родбертусъ даже былъ министромъ народнаго просвѣщенія, хотя и занималъ свой постъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Классовыя и сословныя симпатіи и пристрастія не стѣсняютъ однако свободнаго научнаго творчества Родбертуса, когда онъ обращается къ изслѣдованію крупныхъ проблемъ въ современной политической экономіи. Родбертусъ окончилъ историко-филологическій факультетъ въ Грейсфальдѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ римскаго права. Солидное историческое образованіе въ немъ сочеталось съ глубокимъ знаніемъ экономической науки. На ряду съ умѣніемъ владѣть историческимъ методомъ, Родбертусъ отличался огромной обобщающей способностью и исключительною силою абстрактной мысли, которая дала основаніе профессору Адольфу Вагнеру назвать Родбертуса—Рикардо соціалистической школы. Для Родбертуса міровая исторія хозяйственнаго быта представлялась въ видѣ послѣдовательной смѣны извѣстныхъ типовъ соціальнаго строя, повторяющихся въ исторіи каждаго культурнаго народа. Погружаясь въ глубины теоретическаго анализа современнаго капиталическаго хозяйства, Родбертусъ постоянно имѣетъ передъ своимъ умственнымъ взоромъ формы хозяйственныхъ отношеній прошлаго времени, постоянно сопоставляетъ капиталистическое хозяйство съ натуральнымъ «ойкоснымъ» и съ тѣми формами хозяйственной организаціи, какія онъ себѣ рисовалъ съ точки зрѣнія соціалистическаго идеала. Можно говорить объ излишней схематичности построеній Родбертуса въ области исторіи народнаго хозяйства и неполнотѣ самой схемы, въ которой опущенъ феодальный режимъ и муниципальный періодъ хозяйственной исторіи, но надо признать несомнѣнной заслугой Родбертуса выясненіе особенностей современнаго денежнаго хозяйства, какъ особой стадіи въ хозяйственной исторіи, которая однако является неокончательной, а только однимъ изъ этаповъ въ дальнѣйшемъ движеніи исторической жизни.

Первое сочиненіе Родбертуса, подъ заглавіемъ «Къ познанію нашихъ народно-хозяйственныхъ условій» (Sur Erkenntniss unserer

staatswirthschaftlichen Zustande, 1842 г.). содержитъ въ себѣ, въ сжатомъ видѣ, изложеніе идей, которыя болѣе подробно были разработаны во всѣхъ послѣдующихъ его сочиненіяхъ. Мыслями, высказанными въ этой работѣ, онъ предупредилъ на цѣлые пять лѣтъ Маркса, первое сочиненіе котораго (Misère de la philosophie) появилось только въ 1847 году. Въ 1850 году были написаны Родбертусомъ соціальныя письма къ Кирхману (Sociale Briefe an von der Kirchmann). Два послѣднихъ изъ этихъ писемъ были затѣмъ изданы въ 1875 году подъ заглавіемъ «Sur Beleuchtung der Socialen Frage». Въ 1884 г. появилось посмертное изданіе четвертаго письма къ Кирхману, подъ заглавіемъ «Das Kapital». Родбертусу принадлежатъ еще замѣчательныя изслѣдованія о хозяйственномъ бытѣ римлянъ, о поземельномъ кредитѣ и много журнальныхъ статей. Кромѣ того, его частная переписка съ современными экономистами и берлинскими профессорами заключаетъ въ себѣ массу глубокихъ и оригинальныхъ экономическихъ идей. Письма эти изданы послѣ его смерти Адольфомъ Вагнеромъ и Рудольфомъ Мейеромъ.

Экономическія воззрѣнія Родбертуса представляютъ стройную и выдержанную систему, съ основными чертами которой намъ предстоитъ познакомиться.

Адамъ Смитъ видѣлъ въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ господство индивидуализма. Ротбертусъ же доказываетъ, что хотя въ современномъ хозяйствѣ организаторами предпріятій и выступаютъ отдѣльныя лица, дѣйствующія по мотивамъ личнаго расчета, но экономическія отношенія подчиняются общественнымъ законамъ.

По Родбертусу, состояніемъ полнаго индивидуализма характеризуется изолированное, или натуральное, хозяйство. Современное же капиталистическое хозяйство, основанное на общественно-хозяйственномъ раздѣленіи труда, носитъ общественный характеръ, какъ это доказываетъ Родбертусъ на цѣломъ рядѣ фактовъ современнаго экономическаго быта. А. Смитъ, говоритъ онъ, имѣлъ въ виду преимущественно техническое раздѣленіе труда въ предѣлахъ отдѣльной фабрики, поэтому онъ представлялъ себѣ раздѣленіе труда, только съ одной стороны, какъ проявленіе индивидуализма и стремленія къ спеціализаціи занятій. Сущность же раздѣленія труда, какъ доказываетъ Родбертусъ, лежитъ не въ индивидуализмѣ а въ коммунизмѣ послѣдняго. Въ раздѣленіи труда онъ видитъ проявленіе

широкаго хозяйственнаго общенія между людьми, основу связей соединяющихъ извѣстною взаимною зависимостью массы частныхъ предпріятій, не только въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ, но и за его предѣлами, въ міровомъ хозяйствѣ. Раздѣленіе труда поэтому правильнѣе было бы называть общеніемъ труда [1]). Оно есть одно изъ основныхъ отношеній соціальной жизни, въ которомъ одинъ работаетъ для всѣхъ, а всѣ для одного. Общественно-хозяйственное раздѣленіе труда лежитъ въ основаніи дѣленія производства на разныя отрасли—производство сырья, полуфабрикатовъ, фабричныхъ издѣлій и т. п. и, въ то же время, оно является основаніемъ дѣленія общества на хозяйственные классы—земледѣльцевъ, фабрикантовъ, коммерсантовъ и т. д. Желая показать, какъ обнаруживается это общеніе труда въ экономическихъ отношеніяхъ, Родбертусъ останавливается на производствѣ хозяйственныхъ благъ. Обыкновенно, говоритъ онъ, дѣло изображается такъ, что всякій производитъ отдѣльный продуктъ съ начала до конца. Въ дѣйствительности же въ современномъ хозяйствѣ производство почти каждаго продукта подѣлено между цѣлымъ рядомъ предпріятій. Напримѣръ, производство сахара начинается съ выращиванія земледѣльцемъ сахарной свеклы, которая затѣмъ перерабатывается, сначала на сахаро-песочномъ, а потомъ на рафинадномъ заводѣ. Такимъ образомъ, для того, чтобы получить законченную форму такой продуктъ, какъ сахаръ, долженъ перейти черезъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ предпріятій, послѣ чего онъ можетъ еще явиться предметомъ дальнѣйшей переработки на кондитерскихъ фабрикахъ и т. п.

Въ распредѣленіи сработаннаго индивидуалистическій элементъ выступаетъ сильнѣе, такъ какъ здѣсь органомъ распредѣленія выступаютъ отдѣльные предприниматели и каждый работникъ получаетъ свою долю въ продуктѣ въ видѣ уплачиваемой предпринимателемъ заработной платы, но зато самая эта плата нормируется цѣлою совокупностью общественныхъ условій и закономъ рыночныхъ цѣнъ. Кромѣ того, продукты производства никогда не раздѣляются только между одними индивидуумами, но отчасти между ними, а отчасти достаются обществу, государству и другимъ общественнымъ союзамъ, въ видѣ налоговъ.

[1]) Родбертусъ. Капиталъ. Четвертое соціальное письмо къ фонъ Кирхману. Пер. Давыдова, Спб. 1906, стр. 25.

Хозяйственное общеніе индивидуумовъ, созданное раздѣленіемъ труда, налагаетъ на всѣ хозяйственныя понятія, которыя въ изолированномъ, или натуральномъ хозяйствѣ, пребываютъ въ наивысшей индивидуалистической простотѣ,—коммунистическій характеръ... Надъ индивидуальной потребностью, надъ индивидуальнымъ производствомъ, надъ индивидульнымъ доходомъ теперь подымается національная потребность, національное производство, національный доходъ... Эта совокупность новыхъ хозяйственныхъ понятій должна войти въ содержаніе экономической науки [1]).

Соціальная природа народнаго хозяйства обязываетъ къ извѣстнымъ методологическимъ пріемамъ изслѣдованія экономическихъ явленій. Для смитовской школы народное хозяйство было огромнымъ собраніемъ автономныхъ частныхъ хозяйствъ, отдѣльныхъ хозяйственныхъ центровъ, а общество простымъ собраніемъ индивидуумовъ. Современная же политическая экономія должна поставить въ основаніе своихъ ученій—понятіе о національномъ богатствѣ, національномъ капиталѣ и доходѣ, а отдѣльные виды дохода, заработную плату, прибыль и ренту разсматривать, какъ доли въ національномъ доходѣ цѣлыхъ общественныхъ классовъ—капиталистовъ, землевладѣльцевъ и рабочихъ. И политическая экономія, которую Родбертусъ называетъ національной экономіей, отражая въ себѣ общественный характеръ хозяйственныхъ явленій, поэтому является соціальной экономіей [2]).

Въ основаніи ученій Родбертуса въ области теоретической экономіи лежитъ теорія цѣнности, въ которой онъ доказываетъ, что всѣ хозяйственные продукты стоятъ труда и только труда.

Главнѣйшія изслѣдованія Родбертуса относятся къ теоріи распредѣленія. Родбертусъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на бѣдственномъ положеніи рабочаго класса и задался цѣлью выяснить: въ чемъ состоятъ причины этого явленія. Родбертусъ утверждаетъ, что причины его заключаются не въ законахъ производства и не въ абсолютномъ недостаткѣ продуктовъ для удовлетворенія потребностей всѣхъ наличныхъ членовъ общества. Техническія усовершенствованія даютъ возможность неограниченно увеличивать количество продуктовъ до размѣровъ потребленія. По отношенію къ прогрессивному возрастанію

[1]) Капиталъ, стр. 59.
[2]) Капиталъ, стр. 51, 59, 68, 69.

произведеній обрабатывающей промышленности въ экономической наукѣ не существовало сомнѣнія. Что касается земледѣлія, то, какъ извѣстно, Рикардо, Тюненъ и Д. С. Милль доказываютъ, что земледѣльческое производство не допускаетъ такого прогрессивнаго возрастанія производительнести труда, какое они вполнѣ признавали по отношенію къ обрабатывающей промышленности. Рикардо въ своей теоріи поземельной ренты, между прочимъ, утверждалъ, что земледѣльческій трудъ становится все менѣе и менѣе производительнымъ по двумъ причинамъ:—во-первыхъ потому что люди принуждены въ теченіе исторіи переходить отъ обработки лучшихъ къ обработкѣ худшихъ участковъ, а во-вторыхъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда уже не остается не занятыхъ земель, и когда вслѣдствіе этого необходимо для полученія добавочнаго продукта обратиться къ болѣе тщательной обработкѣ однихъ и тѣхъ же участковъ, то тогда затрата добавочнаго количества труда и капитала будетъ давать пропорціонально меньшее количество продукта. Родбертусъ не согласенъ съ обѣими положеніями Рикардо и для опроверженія ихъ выставилъ свою собственную теорію ренты, въ которой доказываетъ, что техническія усовершенствованія даютъ возможность и въ земледѣліи увеличивать производство продуктовъ въ пропорціи съ затратами труда и капитала. Откуда же, однако возникаетъ пауперизмъ и бѣдствія рабочаго класса? Причины этого, по воззрѣнію Родбертуса, заключаются въ условіяхъ распредѣленія дохода въ современномъ народномъ хозяйствѣ. Однѣ и тѣ же причины, какъ думаетъ Родбертусъ, создаютъ и пауперизмъ и періодическіе промышленные кризисы. Если бы рабочій, прилагающій свой трудъ къ производству, получалъ весь продуктъ своего труда, то промышленные кризисы не имѣли бы мѣста, потому что покупательная сила потребителей равнялась бы цѣнности всего произведеннаго продукта. Въ дѣйствительности же, въ современномъ хозяйствѣ рабочій получаетъ изъ всего изготовленнаго имъ продукта только одну его часть, равняющуюся минимуму средствъ существованія и поэтому для него исключена возможность пользованія результатами возрастающей производительности труда. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе постоянныхъ усовершенствованій техники производства, производительность труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сумма продуктовъ національнаго производства, увеличивается, между тѣмъ рабочая плата, хотя она количественно и увеличивается, но постоянно падаетъ, какъ

доля въ національномъ доходѣ. Предположимъ, что рабочій въ данномъ предпріятіи, вырабатывающій, въ теченіе дня, на 6 рублей цѣнностей, за плату въ 2 рубля, вслѣдствіе примѣненія болѣе усовершенствованныхъ машинъ, станетъ производить ежедневно удвоенное количество цѣнностей, на сумму 12 рублей, при чемъ и вознагражденіе за его трудъ повышается до 3 рублей въ день; то ясно, что его заработная плата, хотя при этомъ и увеличилась на 1 рубль, но, какъ доля въ продуктѣ, она несомнѣнно уменьшилась. Прежде она составляла $^1/_3$, а въ послѣднемъ случаѣ она будетъ равняться всего $^1/_4$ цѣнности произведеннаго продукта. Но разъ заработная плата количественно возрастаетъ не въ той самой мѣрѣ, какъ увеличивается производительность труда, то съ теченіемъ времени она будетъ составлять все меньшую и меньшую долю въ національномъ богатствѣ страны. Такимъ образомъ, Родбертусъ утверждаетъ, что въ то время, какъ общая сумма національнаго богатства увеличивается, покупательная сила потребителей продуктовъ національнаго производства, главную массу которыхъ составляетъ рабочій классъ, постоянно уменьшается. Основываясь на этомъ, онъ приходитъ къ слѣдующимъ двумъ выводамъ: 1) что при современныхъ условіяхъ распредѣленія дохода, всякое увеличеніе національнаго богатства должно непремѣнно сопровождаться перепроизводствомъ, затрудненіями въ сбытѣ продуктовъ и промышленными кризисами, и 2) что рабочій классъ ничего, или очень мало, выигрываетъ отъ увеличенія производительности труда и остается на одномъ неподвижномъ уровнѣ благосостоянія. Въ томъ, что рабочіе исключены изъ пользованія выгодами увеличенія производительности труда, а также и въ томъ, что вслѣдствіе этого ихъ покупательная сила по отношенію къ суммѣ народнаго богатства уменьшается, Родбертусъ видитъ всю сущность современнаго соціальнаго вопроса. Изъ такого пониманія соціальнаго вопроса само собою слѣдуетъ, что рѣшеніе его должно заключаться въ возстановленіи соотвѣтствія между покупательною силою рабочаго класса и ростомъ народнаго богатства. Но противъ возможности такого возвышенія покупательныхъ средствъ рабочихъ, какъ извѣстно, возражали экономисты классической школы, которые въ своей теоріи заработнаго фонда, доказывали, что уровень заработной платы предопредѣляется размѣрами предпринимательскаго фонда, т. е. тою частью капитала, которая предназначена на содер-

жаніе рабочихъ (см. стр. 375). Съ точки зрѣнія этой теоріи, заработная плата уплачивается изъ предварительнаго запаса капитала, а не изъ продуктовъ текущаго производства, поэтому ростъ заработной платы имѣетъ одинъ источникъ—увеличеніе запаса капитала, предназначеннаго для производства, и ни въ какой связи не находится съ производительностью труда рабочихъ. Предвидя это возраженіе противъ своей теоріи, Родбертусъ написалъ блестящую критику теоріи фонда рабочей платы, въ которой доказалъ, что заработная плата, подобно прибыли на капиталъ и рентѣ, уплачивается не изъ предварительнаго запаса средствъ производства, а изъ цѣнности произведеннаго уже рабочими продукта и составляетъ только одну часть того, что рабочими уже произведено въ данномъ предпріятіи [1]).

Родбертусъ признавалъ, что законъ рабочей платы, который онъ считалъ причиною пауперизма и кризисовъ, обусловливается современнымъ юридическимъ порядкомъ, существенными особенностями котораго является право частной собственности на землю и капиталъ. Но, въ предположенномъ имъ планѣ соціальной реформы, Родбертусъ находилъ возможнымъ обойтись безъ отмѣны частной собственности, обычно предлагаемой соціалистами. Онъ предлагалъ, чтобы не только былъ оставленъ въ неприкосновенномъ видѣ институтъ частной собственности, но чтобы даже и существующій уровень поземельной ренты и прибыли былъ сохраненъ за землевладѣльцами и капиталистами; предполагаемая имъ реформа заключается въ томъ, что онъ желалъ бы, чтобы все ожидаемое въ будущемъ повышеніе ренты и прибыли поступало въ пользу рабочаго класса и такимъ образомъ рабочій классъ былъ бы, въ широкихъ размѣрахъ, пріобщенъ къ пользованію благами современной цивилизаціи. Родбертусъ расчитывалъ достигнуть этого двумя путями: 1) отмѣной современнаго трудового договора, съ установленіемъ нормальной рабочей платы, при которой рабочій принималъ бы участіе въ чистомъ доходѣ предпріятія и, 2) учрежденіемъ особаго государственнаго банка, съ многочисленными отдѣленіями въ странѣ, къ которому должна перейти функція распредѣленія дохода въ національномъ хозяйствѣ между всѣми участниками производства. Въ этомъ предложеніи Родбертусъ возвращается къ той идеѣ, ко-

[1]) Rodbertus Jagetzow. Zur Erkenntniss unserer Staatswirthschaftlichen Zustände. 1842 г., стр. 13—24.

торая раньше занимала Прудона и Оуена, въ его «трудовомъ банкѣ». По мысли Родбертуса, государство должно явиться посредствующимъ органомъ при распредѣленіи національнаго дохода между рабочими, капиталистами и землевладѣльцами. Для этого оно должно учредить публичные магазины для склада продуктовъ всего національнаго производства и опредѣлять ихъ нормальную цѣну. Взамѣнъ поступающихъ отъ производителей продуктовъ, государственные чиновники будутъ выдавать особенныя расписки—трудовыя деньги, всѣмъ участникамъ производства—капиталистамъ, землевладѣльцамъ, предпринимателямъ и рабочимъ, въ которыхъ будутъ указаны причитающіяся имъ доли въ національномъ доходѣ.

Карлъ Марксъ. Экономическія ученія Маркса въ существенныхъ чертахъ представляютъ много сходства съ ученіями Родбертуса. Но сходство теорій этихъ двухъ замѣчательныхъ представителей соціализма исключаетъ однако всякую мысль о возможности заимствованія однимъ изъ нихъ воззрѣній другого [1]). Оба они совершенно самостоятельными, оригинальными путями пришли къ однимъ и тѣмъ же результатамъ въ своихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ. Оригинальность обоихъ писателей особенно наглядно проявляется и въ ихъ аргументаціи въ пользу высказанныхъ ими идей, и въ самой терминологіи ихъ экономическихъ теорій. Марксъ, напр., называетъ прибавочною цѣнностью то, что Родбертусъ наименовалъ рентой вообще, въ отличіе отъ ренты поземельной. То, что Родбертусъ называетъ нормальной цѣнностью (т. е. среднею цѣнностью вещи, соотвѣтствующей стоимости ея производства), у Маркса обозначается терминомъ общественно-необходимая цѣнность. Позднѣйшей

---

[1]) Сочиненіе Родбертуса „Zur Erkenntniss unserer Staatswirthschaflichen Zustände", въ которомъ онъ изложилъ квинтъ-эссенцію своихъ теорій цѣнности, „ренты вообще", или прибавочной стоимости, а также далъ характеристику капиталистическаго строя, какъ особой исторической формы хозяйства, появилось въ 1842 году. Сочиненіе это въ первые годы, по выходѣ его въ свѣтъ, не было замѣчено въ ученомъ мірѣ, не имѣло успѣха и долгое время лежало на складѣ въ книжномъ магазинѣ Путкамера и Мюльбрехта, въ Берлинѣ. Но въ 1872 году проф. Адольфъ Вагнеръ своей высокой оцѣнкой теоретическихъ воззрѣній Родбертуса привлекъ къ нему вниманіе германскихъ экономистовъ, и только послѣ этого началась широкая популярность послѣдняго, какъ глубокаго экономиста теоретика. Поэтому вполнѣ правдоподобно, что и Карлъ Марксъ, впервые высказавшій въ 1859 году (см. Zur kritik der Politischen Oekonomie) сходныя воззрѣнія по вопросамъ, трактуемымъ Родбертусомъ въ названномъ сочиненіи, также не былъ знакомъ съ этимъ сочиненіемъ до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

научной критикой установлено однако, что одинъ изъ современниковъ Маркса дѣйствительно оказалъ непосредственное вліяніе на его экономическія воззрѣнія, но это былъ не Родбертусъ, а французскій писатель Прудонъ. Въ сочиненіи «Объ экономическихъ противорѣчіяхъ» (Contradictions économiques, 1846 г.) Прудонъ далъ глубокій анализъ капиталистическаго хозяйства, высказавъ цѣлый рядъ мыслей, которыя легли въ основу теоретическихъ построеній Маркса [1]).

Первое сочиненіе Маркса вышло въ свѣтъ въ 1857 году, подъ заглавіемъ «Критика политической экономіи»; главный его трактатъ, доставившій ему міровую извѣстность, «Капиталъ», также носитъ второе заглавіе «Критика политической экономіи». И дѣйствительно, критика политической экономіи классической, или какъ онъ ее обыкновенно называетъ, буржуазной школы и созданіе новой теоріи капиталистическаго хозяйства—составляютъ двѣ задачи, которыя Марксъ выполняетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Въ основѣ его экономической системы, какъ и у Родбертуса, лежитъ теорія

[1]) Въ основѣ всѣхъ современныхъ экономическихъ категорій, говоритъ Прудонъ, лежатъ естественныя противорѣчія. Прудонъ развиваетъ ту мысль, что всѣ формы существующихъ экономическихъ отношеній, вызвавшія развитіе производительныхъ силъ въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ тормазомъ экономическаго развитія и преуспѣванія, что онъ старается доказать по отношенію къ цѣлому ряду экономическихъ институтовъ. Такъ, понятіе цѣнности есть краеугольный камень всего зданія экономической науки. Со времени Адама Смита экономисты различали два рода цѣнности—цѣнность потребительную и мѣновую. Въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся эти двѣ различныя формы цѣнности? Оказывается, что увеличеніе предложенія товаровъ увеличиваетъ общую сумму ихъ полезности, но понижаетъ ихъ рыночную цѣну; уменьшеніе предложенія повышаетъ цѣну, хотя сумма ихъ полезности становится меньше. Слѣдовательно, между мѣновой и потребительной цѣнностью существуетъ внутреннее противорѣчіе. Чѣмъ меньше имѣется въ продажѣ нужныхъ для насъ предметовъ, тѣмъ они дороже. Поэтому скудный урожай часто болѣе выгоденъ для земледѣльца, чѣмъ урожай хорошій; богатство производителей оказывается равносильнымъ бѣдности потребителей.

То же внутреннее противорѣчіе лежитъ въ основѣ другого важнѣйшаго явленія современнаго хозяйства—раздѣленія труда. Специализація труда увеличиваетъ въ громадной степени его производительность и открываетъ человѣчеству широкую дорогу къ накопленію богатства и знанія. Но, съ другой стороны, раздѣленіе труда порабощаетъ рабочаго, дѣлаетъ его пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ капиталиста, увеличиваетъ нищету и невѣжество низшихъ классовъ народа и представляетъ всѣ блага цивилизаціи небольшой кучкѣ избранныхъ. Новое противорѣчіе, которое разрѣшается вторымъ членомъ экономической серіи—машинами. Изобрѣтеніемъ машинъ промышленный геній человѣка протестуетъ противъ раздробленія и специализаціи труда. Дѣйствительно, что такое машина? Это соединеніе въ одномъ цѣломъ тѣхъ инструментовъ, которыми раньше работали нѣсколько рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ введеніе машинъ по своимъ результатамъ прямо противоположно дѣйствіямъ раздѣленія труда. Машина должна уменьшить человѣческій трудъ, понизить цѣны продуктовъ и сдѣлать ихъ болѣе доступными низ-

трудовой цѣнности. По существу это та же теорія А. Смита и Рикардо, но извѣстнымъ образомъ реформированная. Учитывая тотъ фактъ, на которомъ такъ подробно останавливалась классическая школа, что цѣнность товара, опредѣляемая количествомъ трудовыхъ издержекъ, или его естественная цѣна, сплошь и рядомъ не совпадаетъ съ его дѣйствительной, рыночной цѣной, Марксъ даетъ теоріи трудовой цѣнности такую конструкцію, при которой она представляется неуязвимой для возраженій обыкновенно дѣлаемыхъ противъ теоріи цѣнности Рикардо. А именно, Марксъ утверждаетъ, что цѣнность всякаго товара опредѣляется общественно-необходимымъ временемъ его производства или средними условіями производства, среднимъ уровнемъ техники, прилежанія и искусства рабочихъ, въ данной странѣ. Такимъ образомъ, въ его теоріи трудовой цѣнности, являющейся своего рода средней ариѳметической величиной, завѣдомо предрѣшается, что дѣйствительная цѣнность вещи, поступающей на рынокъ, можетъ быть выше и ниже ея рыночной цѣны.

шимъ классамъ населенія, давать толчокъ новымъ техническимъ изобрѣтеніямъ и доставлять человѣку торжество надъ грубыми силами природы. Поэтому машина есть символъ свободы и человѣческаго генія, но тѣмъ самымъ, что машина сокращаетъ трудъ, она уменьшаетъ спросъ на рабочія руки и выбрасываетъ рабочихъ безъ куска хлѣба изъ фабрики на мостовую. Введеніе машиннаго производства понижаетъ заработную плату, вызываетъ промышленные кризисы, избавляетъ капиталиста отъ зависимости отъ рабочаго и дѣлаетъ послѣдняго одушевленнымъ придаткомъ машины. Свободная конкуренція представляетъ собою третью стадію промышленнаго развитія Сотрудничество производителей выгодно для всего населенія, которое, благодаря ему, получаетъ дешевле и лучшаго качества всѣ нужные товары. Свобода такъ же необходима для дѣятельности человѣка, какъ воздухъ для его дыханія; только свободный человѣкъ можетъ достигнуть великихъ результатовъ и въ матеріальной и въ духовной области Но несмотря на всѣ благопріятныя послѣдствія промышленной свободы, она приводитъ къ монополіи, къ порабощенію слабаго сильнымъ. Монополія есть естественный и необходимый результатъ свободы, награды за побѣду въ промышленной борьбѣ, лучшій стимулъ человѣческой энергіи и тѣмъ не менѣе монополія разрушаетъ равенство и потому враждебна всякому прогрессу; она развиваетъ самые дурные инстинкты въ человѣкѣ и ведетъ къ нищетѣ и рабству.

Подобнымъ образомъ Прудонъ разбираетъ послѣдовательно всѣ экономическія категоріи, налоги, торговый балансъ, кредитъ и, наконецъ, собственность и коммунизмъ. Во всемъ онъ находитъ противорѣчія, все кажется ему неудовлетворительнымъ и заслуживающимъ въ одинаковой мѣрѣ порицанія и похвалы.

Наряду съ Прудономъ, противъ котораго Марксъ выступилъ съ рѣзкимъ полемическимъ сочиненіемъ „Misére de la philosophie“, на его научныя работы оказали вліяніе и другіе два современника: Лоренцъ Штейнъ своимъ сочиненіемъ „Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreich“ (1842) и Фридрихъ Энгельсъ, авторъ сочиненія „О положеніи рабочаго класса въ Англіи“ (1845 г.), впослѣдствіи ставшій близкимъ другомъ и сотрудникомъ Маркса.

Центральнымъ пунктомъ экономической системы Маркса является его ученіе о прибыли на капиталъ, или прибавочной стоимости, происхожденіе которой онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Возможность образованія прибавочной стоимости, по Марксу, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что трудъ рабочихъ, какъ и всякій товаръ, продается и покупается на рынкѣ по его стоимости, стоимость же рабочей силы, по которой она покупается предпринимателемъ, равняется количеству труда, необходимаго для производства предметовъ потребленія рабочаго въ теченіе процесса производства. Но, покупая дневной трудъ рабочаго по этой цѣнѣ, предприниматель обыкновенно заставляетъ его работать значительно больше того времени, которое необходимо для воспроизведенія цѣнности предметовъ его содержанія въ теченіе рабочаго дня, а потому весь продуктъ, произведенный рабочимъ послѣ того, какъ онъ уже воспроизвелъ стоимость заработной платы, и составляетъ прибавочную стоимость, поступающую въ собственность предпринимателя. Такъ, напримѣръ, при двѣнадцати-часовомъ рабочемъ днѣ, если стоимость содержанія рабочаго, или заработная плата, воспроизводится имъ въ первые шесть часовъ труда, то весь продуктъ остальныхъ шести часовъ составляетъ прибавочную стоимость капиталиста. Предприниматель обыкновенно старается увеличить прибавочную стоимость черезъ удлиненіе рабочаго дня, но если для этого существуютъ преграды въ законодательствѣ, ограничивающемъ продолжительность дневного труда на фабрикахъ, то для предпринимателя является возможность достигнуть того же результата другимъ способомъ, посредствомъ увеличенія интенсивности труда и повышенія его производительности. Въ сферѣ производства, говоритъ Марксъ, развитіе производительной силы труда имѣетъ цѣлію сократить ту часть рабочаго дня, которую работникъ долженъ работать на себя самого, и вслѣдствіе этого удлинить другую часть рабочаго дня, въ продолженіе которой онъ могъ бы работать даромъ на капиталиста [1]). Такимъ образомъ, средства производства, по Марксу, играютъ въ образованіи прибавочной цѣнности пассивную роль; они только переносятъ на готовый продуктъ свою цѣнность, не создавая новой цѣнности, поэтому Марксъ называетъ ихъ постояннымъ капиталомъ. Напротивъ, рабочая сила, занятая въ процессѣ производства, создаетъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ

[1]) Марксъ. Капиталъ. Русскій перев. Спб. 1872 г., стр. 374.

та, которая была потрачена на пріобрѣтеніе рабочей силы; поэтому эту часть капитала Марксъ называетъ перемѣннымъ капиталомъ.

Подобно Прудону, Марксъ представляетъ себѣ современное хозяйство сплетеніемъ непримиримыхъ противорѣчій. Капиталистическій способъ производства характеризуется тѣмъ, что въ то время, какъ въ немъ земля и капиталъ являются предметомъ индивидуальной собственности, самое производство принимаетъ все болѣе и болѣе общественный характеръ. Продуктъ, созданный на фабрикѣ, есть результатъ коллективной работы многихъ лицъ, но этотъ продуктъ многихъ поступаетъ въ частную собственность одного капиталиста. Это и есть одно изъ коренныхъ противорѣчій капиталистическаго способа производства. По мѣрѣ того, какъ мелкія формы производства, вырабатывающія продукты по заказу потребителей или на мѣстный рынокъ, уступаютъ мѣсто крупнымъ предпріятіямъ, производящимъ продукты на національный и міровой рынокъ, въ народномъ хозяйствѣ пріобрѣтаетъ большое значеніе другое противорѣчіе капиталистическаго способа производства—противорѣчіе между организованностью производства въ отдѣльной фабрикѣ и анархіей производства во всемъ обществѣ. Вслѣдствіе несогласованности объема производства съ емкостью рынка сбыта, является перепроизводство товаровъ, смѣняющееся недостаткомъ продуктовъ на рынкѣ. Въ результатѣ чего возникаютъ періодическіе кризисы, отъ которыхъ жестоко страдаетъ капиталистическое хозяйство. Такимъ образомъ капиталистическій способъ производства приводитъ, съ одной стороны, къ сознанію собственной неспособности къ дальнѣйшему руководительству производительными силами общества, съ другой стороны, эти самыя производительныя силы стремятся съ наростающей силой къ разрѣшенію этого противорѣчія, къ фактическому признанію за ними характера общественныхъ силъ.

Открывая въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ непримиримыя противорѣчія и конфликты, въ противоположность ученію оптимистовъ классической школы о гармоніи интересовъ, Марксъ также радикально расходится съ этой школою и въ другомъ существенномъ пунктѣ. Классическая школа считала современную организацію народнаго хозяйства, основанную на частной собственности и конкуренціи, кульминаціонною точкою, дальше которой не можетъ уже итти соціально-экономическое развитіе. Марксъ же, какъ и Родбертусъ, считаетъ совре-

менное хозяйство голько временной стадіей хозяйственной исторіи. Подобно тому, какъ та историческая форма хозяйства, въ которой предпринимателямъ принадлежало право собственности не только на землю, капиталъ, но и самую личность рабочаго, смѣнилась современнымъ намъ хозяйственнымъ строемъ, при которомъ личность рабочаго является совершенно свободною, точно такъ же этотъ послѣдній типъ хозяйства, въ свою очередь, долженъ преобразоваться въ другой, гдѣ орудія и земля будутъ предметомъ общественнаго пользованія, а каждый членъ общества, въ отдѣльности, будетъ пользоваться только правомъ собственности на доходъ. Признаки перехода современнаго хозяйства къ этому новому типу хозяйственныхъ отношеній Марксъ видѣлъ въ наблюдаемой теперь въ обрабатывающей промышленности побѣдѣ крупныхъ предпріятій надъ мелкими. Онъ утверждалъ, что вытѣсненіе крупными производствами мелкихъ должно обнять всѣ отрасли народнаго хозяйства, въ томъ числѣ и земледѣліе. Мелкое землевладѣніе раздробится въ пыль и на его мѣстѣ водворится господство сплошныхъ латифундій. Дальнѣйшій процессъ развитія капиталистическаго хозяйства Марксъ представлялъ себѣ въ видѣ постоянной концентраціи капиталовъ въ рукахъ все меньшей и меньшей группы капиталистовъ, а съ другой стороны, обнищанія и пролегаризаціи рабочихъ. При чемъ увеличеніе нищеты численно все возрастающаго пролетаріата сопровождается ростомъ организаціи рабочихъ, подъ вліяніемъ условій самого капиталистическаго производства. И когда концентрація капиталистовъ достигнетъ своихъ крайнихъ предѣловъ, тогда, сосредоточенная въ немногихъ рукахъ, частная собственность будетъ экспропріирована въ пользу всего общества.

Въ основѣ соціальной философіи Маркса лежитъ его ученіе объ экономическомъ матеріализмѣ, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ. Соціальный строй и культурная жизнь общества во всей ея сложности, состояніе наукъ, искусствъ и религіозныхъ вѣрованій, въ конечномъ счетѣ, опредѣляются экономическими условіями, которыя являются двигательнымъ факторомъ всей политической и духовной исторіи. Формы производства обусловливаютъ дѣленіе общества на экономическіе классы, а вся исторія есть борьба классовъ. Экономическая структура общества и составляетъ то реальное основаніе, изъ котораго объясняется вся сложная надстройка,

представляющая собою правовыя и политическія учрежденія, равно какъ религіозныя, философскія и этическія воззрѣнія даннаго историческаго періода. Второй существенной идеей соціальнаго матеріализма является характерное воззрѣніе Маркса объ отношеніи дѣйствующаго права къ формамъ экономическаго быта. Право въ представленіи Маркса—это пассивный элементъ человѣческой культуры, лишенный всякаго значенія въ дѣлѣ усовершенствованія формъ экономическаго быта. Каждой опредѣленной ступени производительности труда соотвѣтствуетъ опредѣленная форма правового строя. Пока эта форма даетъ достаточный просторъ для развитія хозяйства, до тѣхъ поръ она не испытываетъ существенныхъ перемѣнъ, но соціальное хозяйство развивается, въ то время какъ правовая форма остается неподвижной. Это рано или поздно приводитъ къ конфликту между хозяйствомъ и правомъ. Существующее право изъ средства развитія становится тормазомъ для хозяйства и препятствіемъ для дальнѣйшаго поднятія производительнаго труда. Конфликтъ разрѣшается измѣненіемъ правовой формы, приспособленіемъ ея къ новымъ матеріальнымъ условіямъ хозяйственнаго труда, къ новой ступени производительности послѣдняго [1]).

Заключеніе о научномъ соціализмѣ. Каждый изъ двухъ творцовъ научнаго соціализма представляетъ оригинальнаго мыслителя, со своей особой манерой научнаго творчества, при чемъ Марксъ, по тому впечатлѣнію, какое онъ произвелъ на современниковъ, своимъ именемъ заслонилъ Родбертуса. Въ то время какъ Родбертуса знаютъ только лица причастные къ наукѣ, имя Маркса получило мировую извѣстность и запечатлѣно существованіемъ цѣлаго направленія, извѣстнаго подъ именемъ марксизма. Какъ ни далеко стоятъ другъ отъ друга по своему соціальному положенію, характеру общественной дѣятельности и особенностямъ научнаго творчества, Родбертусъ и Марксъ, но ихъ экономическія воззрѣнія, съ содержаніемъ которыхъ въ существенныхъ чертахъ мы выше познакомились, представляютъ замѣчательное сходство. Работая одинъ независимо отъ другого, въ различной житейской обстановкѣ, Родбертусъ и Марксъ являются сотрудниками въ созданіи одной общей имъ обоимъ теоріи, получившей названіе научнаго соціализма. Оба писателя, въ своихъ

[1]) М Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. Спб. 1903, стр. 314—316.

изслѣдованіяхъ, заняты были одной и той же задачей пересмотра и критики классической школы, какъ въ ея теоріяхъ, разсчитанныхъ на объясненіе современнаго народнаго хозяйства, такъ и въ ея идеалахъ. Классическая школа видѣла въ современномъ хозяйствѣ господство индивидуализма, ему приписывала всѣ успѣхи въ усовершенствованіи народнаго хозяйства, и разрѣшеніе всѣхъ экономическихъ неурядицъ и недостатковъ экономическаго быта надѣялась найти въ еще большемъ развитіи индивидуализма, полнаго господства котораго она предполагала достигнуть осуществленіемъ политики государственнаго невмѣшательства. Въ противоположность этому, Родбертусъ и Марксъ отмѣчали въ капиталистическомъ хозяйствѣ все возрастающее значеніе началъ общественности и съ большой проницательностью прослѣдили процессъ обобществленія хозяйственной дѣятельности въ такихъ явленіяхъ, какъ раздѣленіе труда, организація производства и показали, что такіе факты современнаго хозяйства, какъ распредѣленіе дохода, въ его основныхъ элементахъ заработной платѣ, прибыли и рентѣ, подчиняется общественнымъ законамъ. Въ противоположность ученію манчестерской школы о невмѣшательствѣ государства, Родбертусъ и Марксъ свой идеалъ будущаго полагали въ подчиненіи всего народнаго хозяйства общественному предопредѣленію, въ такой мѣрѣ, что на мѣсто отдѣльныхъ предпринимателей, частныхъ капиталовъ и индивидуальной собственности, должны быть поставлены: общественная организація производства, общественный капиталъ и общественная собственность на землю. Осуществленіемъ этого плана, по воззрѣніямъ Родбертуса и Маркса, навсегда будутъ устранены экономическіе кризисы и окончательно рѣшенъ рабочій вопросъ. Такъ рисовали себѣ оба представителя научнаго соціализма формы будущаго хозяйства, хотя Родбертусъ говорилъ о немъ, какъ о перспективѣ весьма отдаленнаго будущаго, а Марксъ былъ убѣжденъ, что мы уже находимся чуть ли не наканунѣ преобразованія современнаго хозяйства въ соціалистическое.

Такимъ образомъ, въ то время какъ классическая школа требовала государственнаго невмѣшательства и стремилась обезпечить въ хозяйственной жизни полный просторъ индивидуальной дѣятельности и соперничества, школа соціалистовъ столь же далеко идетъ въ осуществленіи противоположнаго принципа—общественности, въ свою очередь, не оставляя мѣста для индивидуальной иниціативы

и личнаго усмотрѣнія въ будущемъ соціалистическомъ хозяйствѣ, такъ какъ, по соціалистическому идеалу, все народное хозяйство должно быть организовано по предварительному плану и находиться въ общественномъ управленіи, а на мѣсто частныхъ предпринимателей должны стать государственные или общественные чиновники, ведущіе хозяйственныя предпріятія отъ имени общества. И какъ въ концѣ XVIII вѣка во Франціи, въ интеллигентномъ обществѣ преобладали вѣра въ индивидуализмъ и убѣжденіе въ томъ, что осуществленіе гарантій личной свободы принесетъ всеобщее благополучіе, такъ теперь существуютъ общественные круги, вѣрующіе въ соціалистическій идеалъ, которые видятъ въ немъ окончательное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ.

Какъ же этотъ вопросъ о побѣдѣ соціализма надъ индивидуализмомъ въ народномъ хозяйствѣ разрѣшается самой жизнью?

Наблюдаются ли въ современной дѣйствительности показанія приближенія полнаго господства соціализма надъ индивидуализмомъ, какъ это утверждаетъ Марксъ, и въ какомъ направленіи эволюціонируетъ современный хозяйственный бытъ?

Въ дѣйствительности, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій концентрація производства получила широкое развитіе. Она выразилась въ образованіи новыхъ видовъ грандіозныхъ союзовъ капиталистовъ —трестовъ, синдикатовъ, картелей, несуществовавшихъ во времена Маркса. Но при этомъ, однако, наблюдается не сосредоточеніе капитала въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ, а наоборотъ, развитіе крупнаго производства въ промышленности, торговлѣ, транспортѣ совершается при помощи того обобществленія незначительныхъ капиталовъ, которые привлекаются къ крупнымъ предпріятіямъ посредствомъ акціонерныхъ бумагъ и облигацій отъ людей не только большого и средняго, но даже малаго достатка. Хотя мелкое производство и отходитъ въ этихъ областяхъ на задній планъ, тѣмъ не менѣе въ мелкихъ предпріятіяхъ работаетъ теперь не меньше людей, чѣмъ раньше въ эпоху расцвѣта мелкаго производства. Въ сельскомъ же хозяйствѣ, вопреки предсказанію Маркса, мелкое земледѣліе побѣждаетъ крупное[1]). Не прогрессирующее обнищаніе массъ, а наоборотъ, наблюдается ростъ средняго слоя, съ

[1]) См. Эдуардъ Давидъ. Соціализмъ и сельское хозяйство. 1906. В. Левитскій. Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи. 1899, стр. 236—247.

среднимъ доходомъ; при этомъ высшіе слои рабочаго класса переходятъ къ буржуазному образу жизни и заражаются буржуазной психологіей, масса же пролетаріата слѣдуетъ медленно за ними, отъ нея совершенно отстаютъ подонки населенія большихъ городовъ, съ которыми она составляла прежде одно цѣлое. Наряду съ этимъ, острые кризисы часто смѣняются хроническими и все болѣе ясной становится невозможность такого одного общаго «мірового кризиса», на который до конца своей жизни Марксъ и Энгельсъ возлагали надежду [1]).

Если хозяйственная жизнь эволюціонируетъ и не въ томъ направленіи, какое предсказывалъ Марксъ, то остается еще другой вопросъ—желательно ли съ точки зрѣнія общественной этики, чтобы обобществленіе народнаго хозяйства простиралось до полнаго превращенія частныхъ предпріятій въ государственныя или общественныя, чтобы на мѣсто частной собственности была установлена собственность общественная, а все народное хозяйство было изъято изъ сферы индивидуальной инициативы и самодѣятельности и сдѣлалось предметомъ исключительно общественной организаціи. Необходимо припомнить, что то господство индивидуализма, которое нашло свое воплощеніе въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ, несмотря на всѣ отрицательныя стороны послѣдняго, является крупнымъ завоеваніемъ человѣческой культуры. Начала свободы экономическаго оборота, личной инициативы и самодѣятельности, провозглашенные общественной философіей и освободительнымъ движеніемъ конца XVIII вѣка, для своего времени были побѣдою надъ средневѣковой регламентаціей и опекой человѣческой личности и надъ идеей «полицейскаго государства» эпохи западноевропейскаго абсолютизма. Можно ли сказать, что вообще индивидуализмъ въ народномъ хозяйствѣ отжилъ свой вѣкъ и что наступитъ такой моментъ, когда, даже въ извѣстныхъ предѣлахъ, онъ больше не будетъ отвѣчать потребностямъ развивающагося общества?

Старая аргументація Аристотеля, которую онъ приводилъ въ своихъ возраженіяхъ противъ общей собственности въ «государствѣ» Платона, что значеніе частной собственности основывается на идеѣ личности, что безъ частной собственности не можетъ быть свободы личности, остается до сихъ поръ неопровергнутой. Во всякомъ

[1]) Проф. Шульце-Геверницъ. Марксъ или Кантъ? Перев. съ нѣмец. Спб. 1909, стр. 35—36.

случаѣ, споръ между двумя школами, который продолжается и теперь, не привелъ къ разрѣшенію вопроса о границахъ индивидуализма и соціализма въ экономическомъ строѣ. Вѣроятное разрѣшеніе этой проблемы будетъ заключаться не въ замѣнѣ индивидуализма соціализмомъ, а въ извѣстномъ согласованіи этихъ двухъ началъ въ народномъ хозяйствѣ; и можно думать, что устраненіе недостатковъ и несовершенствъ капиталистическаго строя, которые нашли свое яркое освѣщеніе въ сочиненіяхъ соціалистовъ, выразится въ ограниченіяхъ и частичномъ обобществленіи частной собственности и отдѣльныхъ отраслей народнаго хозяйства—какъ государствомъ, такъ и коммунальными органами. Вопросу о томъ, какъ далеко при этомъ долженъ пойти этотъ процессъ обобществленія разныхъ сторонъ народнаго хозяйства, особое вниманіе удѣляютъ современные германскіе соціальные политики, о которыхъ рѣчь будетъ итти на послѣдующихъ страницахъ этого курса.

Изслѣдованія Родбертуса и Маркса относятся къ важнѣйшимъ вопросамъ политической экономіи, къ ученіямъ—о цѣнности, о капиталѣ, о распредѣленіи, о хозяйственныхъ кризисахъ, объ эволюціи формъ промышленности. При чемъ, несмотря на то, что экономическія теоріи обоихъ писателей проникнуты оппозиціей къ классической школѣ, но въ основѣ ихъ лежитъ использованіе научныхъ гипотезъ и метода классической экономіи, съ ея пріемами абстракціи и изолированнаго изученія хозяйственныхъ явленій, внѣ связи ихъ съ другими сторонами общественной жизни. Связь съ классической экономіей выражается также въ томъ, что и Родбертусъ и Марксъ раздѣляютъ теорію «минимума заработной платы» Рикардо, хотя оба отрицательно относятся къ его теоріи диференціальной ренты, при чемъ, въ свою очередь, каждый изъ нихъ въ отдѣльности, выставляетъ теорію абсолютной ренты, утверждающей, что поземельную ренту приносятъ участки всѣхъ степеней плодородія, независимо отъ разстоянія ихъ отъ рынка сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства. Центральнымъ пунктомъ ученій авторовъ научнаго соціализма, конечно, считаются ихъ теоріи—трудовой цѣнности и прибыли (ренты вообще, по Родбертусу, и прибавочной стоимости, по Марксу), основы которыхъ также положены въ ученіяхъ Рикардо и классической школы. При появленіи перваго тома «Капитала» Маркса эти теоріи были встрѣчены, какъ величайшія научныя открытія и

съ такимъ душевнымъ подъемомъ, который напоминалъ энтузіазмъ, съ какимъ въ свое время ученики Кэне относились къ ученію послѣдняго о «produit net». Но съ выходомъ въ свѣтъ II и III томовъ «Капитала», когда выяснилась несогласованность теоріи трудовой цѣнности съ теоріей рыночныхъ цѣнъ и издержекъ капитала, изложенныхъ въ этихъ томахъ, въ нихъ стали открывать большія недочеты. И въ настоящее время одни экономисты, въ томъ числѣ авторы русскихъ курсовъ по политической экономіи, профессора А. А. Исаевъ и В. Я. Желѣзновъ признаютъ теоріи трудовой и прибавочной стоимости наибольшимъ приближеніемъ къ истинѣ, другіе утверждаютъ, что эти теоріи не объясняютъ явленій современнаго экономическаго быта, перефразируя извѣстное выраженіе: «le roi règne, mais il ne gouverne pas»[1]). Наиболѣе существенныя возраженія и поправки къ этимъ теоріямъ внесли—представитель соціалистическаго ревизіонизма Бернштейнъ и австрійская школа экономистовъ, во главѣ съ Бемъ-Баверкомъ. Въ своемъ мѣстѣ, когда рѣчь будетъ итти объ этихъ позднѣйшихъ направленіяхъ въ политической экономіи, мы подробно остановимся на этихъ возраженіяхъ противъ упомянутыхъ теорій научнаго соціализма.

Говоря о сходствѣ воззрѣній двухъ творцовъ научнаго соціализма, мы должны еще отмѣтить характерный для ихъ теорій капиталистическаго хозяйства историзмъ. Для Родбертуса, какъ и для Маркса, исторія хозяйственнаго быта народовъ представлялась въ видѣ смѣны извѣстныхъ типовъ экономическаго строя: натуральнаго и капиталистическаго хозяйства. И этотъ ихъ взглядъ находилъ прямое выраженіе въ конструированіи ими экономическихъ понятій—въ видѣ, такъ называемыхъ, логическихъ и историческихъ категорій—капитала, цѣнности, производства, изъ которыхъ первыя (логическія категоріи) являются экономическими принципами общими для всѣхъ временъ и народовъ, а вторыя характерными только для опредѣленныхъ историческихъ эпохъ. Этотъ историзмъ лежитъ въ основѣ почти всѣхъ теоретическихъ построеній обоихъ экономистовъ, но въ то же время, въ специальной области исторіи хозяйства заслуженною извѣстностью пользуются изслѣдованія Родбертуса о древнеримскомъ хозяйствѣ и очерки Маркса объ эволюціи формъ въ

[1]) Шульце-Гевернитъ. Марксъ или Кантъ? стр. 52.

обрабатывающей промышленности, заключающіяся въ его сочиненіи о «Капиталѣ».

До сихъ поръ мы разсматривали воззрѣнія двухъ представителей научнаго соціализма преимущественно со стороны ихъ сходства. Но Родбертусъ и Марксъ являются авторами и такихъ теорій, которыя свидѣтельствуютъ о характерныхъ особенностяхъ соціальнаго міровоззрѣнія каждаго изъ нихъ и даютъ основаніе провести извѣстную грань между ихъ экономическими ученіями. Въ особенности мы имѣемъ здѣсь въ виду теорію экономическихъ кризисовъ и планъ трудового банка Родбертуса и знаменитую теорію экономическаго матеріализма—Маркса. Теорія экономическихъ кризисовъ, набросанная въ краткихъ соображеніяхъ Родбертусомъ (см. стр. 440), съ перваго момента ея появленія и до сего времени, повидимости, не находила сторонниковъ въ экономической литературѣ. Не можетъ быть сомнѣнія, что кризисы существовали бы и въ томъ случаѣ, если бы устранить то обстоятельство, о которомъ говоритъ Родбертусъ, т. е. если бы трудъ рабочихъ оплачивался по нормамъ, предложеннымъ Родбертусомъ, при широкомъ участіи рабочихъ въ результатахъ прогрессирующей производительности труда. Достаточно, напримѣръ, указать, что неурожаи, охватывающіе значительные раіоны въ странѣ, могутъ вызвать не только острый кризисъ въ сельскомъ хозяйствѣ, но, сокращая покупательную силу земледѣльческаго населенія, одновременно создавать картину перепроизводства въ обрабатывающей промышленности, хотя бы въ послѣдней въ данное время и не наблюдалось расширенія объема производства. Причиной кризисовъ остается все-таки несогласованность производства съ объемомъ потребленія и спроса на товары, въ особенности когда рѣчь идетъ о производствѣ для обширнаго, національнаго или мірового рынка. Къ тому же опытъ экономическихъ кризисовъ показываетъ, что не примѣненіе новыхъ техническихъ усовершенствованій вызываетъ перепроизводство и кризисы, но что успѣшное использованіе новыхъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ наблюдается послѣ наступленія кризисовъ, какъ способъ борьбы съ ними, въ виду стремленія производителей, увеличеніемъ массы продуктовъ, дальнѣйшимъ удешевленіемъ послѣднихъ, обезпечить ихъ сбытъ. Неудовлетворенность результатами этихъ послѣднихъ мѣръ, которыя вызываютъ еще большее обезцѣненіе товаровъ на рынкѣ, какъ

извѣстно, и является одною изъ причинъ образованія въ наше время синдикатовъ, выступающихъ на путь нормировки объема производства, въ соотвѣтствіи съ предполагаемою ими емкостью рынка.

Что касается плана организаціи трудового банка Родбертуса, то онъ показываетъ, что въ этомъ пунктѣ такой крупный мыслитель, какъ Родбертусъ, не эманципировался отъ соціальныхъ утопій своихъ предшественниковъ, Оуэна и Прудона.

Теорія историческаго матеріализма Маркса одно время заняла видное мѣсто въ соціальной литературѣ. Хотя теорія, разсчитанная на то, чтобы свести объясненіе сложныхъ явленій общественной жизни, въ процессѣ ихъ историческаго развитія, къ одной причинѣ—технико-экономическимъ условіямъ производства, не могла найти оправданія въ наукѣ, но, несмотря на это, она оказала огромное вліяніе на успѣхи соціальныхъ изслѣдованій въ наше время, выдвигая на первый планъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ исторіи человѣческой культуры. Заслуга экономическаго матеріализма заключается въ томъ, что онъ привлекъ вниманіе историковъ къ изученію экономическихъ причинъ историческихъ событій. Для исторіи такое усиленное привлеченіе экономическихъ точекъ зрѣнія означало безусловный шагъ впередъ.

Каковы бы ни были ошибки и преувеличенія въ ученіяхъ соціализма и какіе бы новые дефекты ни были открыты въ нихъ послѣдующей научною критикою, но, на основаніи предыдущаго изложенія, мы должны признать за соціалистическою школою огромное значеніе въ исторіи экономической мысли, какъ для теоретической экономіи, такъ и для экономической политики.

Научный соціализмъ сдѣлался впослѣдствіи предметомъ критики двухъ научныхъ направленій въ политической экономіи — германскихъ соціальныхъ политиковъ и соціалистовъ-ревизіонистовъ. Рѣшительную оппозицію по отношенію къ соціализму представляетъ также историческая школа въ Германіи. Разсмотрѣніе этихъ направленій и составитъ предметъ послѣдующихъ частей этого курса.

Литература о соціализмѣ. Сенъ-Симонъ. Saint-Simon. Du système industriel. Paris. Chez Antoine-Augustin Renouard. 1821 г.—Catechisme des industriels. 1823—24.—Nouveau Christianisme. 1825. O. Warschauer. Saint-Simon und der Saint-Simonismus 1892. *Boissier* Saint-Simon. Paris. 1892. Weill. Saint-Simon et son oeuvre. Paris. 1894.

M. Nubbard. Saint-Simon, sa vie et ses travaux. Paris. 1857. *Fourier.* Oeuvres complets, 6 vol. Paris. 1841—45.—Pellarin. Fourier, sa vie et sa theorie. 5 edit. Paris. 1872. *Шарль Фурье.* Его жизнь и ученіе, соч. А. Бебеля. Библіотека «Просвѣщенія», пер. съ нѣм. В. Лаврова. *O. Warschauer.* Fourier. Seine Theorie und Schule. Lpz. 1893. *Сенъ-Симонисты.* Exposition de la doctrine de Saint-Simon. Première année 1824—1829. Deuxième année. 1830. *Bazard et Enfantin.* Religion Simonienne. Lettre a M. le pesident de la Chambres des deputes. 1830. *Robert Owen.* The life of R. Owen, written by himself. London. 1857.—Essays on the formation of Character (New Views of Society) 1812. Тоже русскій пер. Объ образованіи человѣческаго характера. M. 1858. *Lloyd Jones* The life, times and labours of R. Owen. London. 1890. *Helen Simon.* R. Owen, sein Leben und seine Bedeutung fur die Gegenwart. Jena. 1905. *Сидней Веббъ.* Исторія кооперативнаго движенія въ Англіи, пер. Алексѣевыхъ. *Робертъ Овенъ.* Біограф. библіотека Павленкова. *Lounis Blanc.* Organisation du travail. 4 edit. Paris. 1845.—Le Socialisme. Droit au travail. P. 1848.—Appel aux honnetes gens. Paris. 1849.—Histoire des dix annes. *Frdrich Kleinwachter.* Die Staatsromane. (Zur Lehre vom Kommunismus und Socialismus), Wien 1891 г. *Georg Adler.* Geschichte des Socialismus und Kommunismus von Plato bis zur Gegenwart I. Teil. 1899 г. *Lorenz v. Stein.* Der Socialismus u. Communismus des heutigen Frankreichs. Lpz. 1842.—Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich 2 Bd. Lpz. 1850. *Weill.* L'ecole Saint-Simonienne. Paris. 1896. *Д. Щегловъ.* Исторія соціальныхъ системъ. Томъ I. (Сенъ-Симонъ, Сенъ-Симонисты, Оуенъ и др.). Спб. 1891. Томъ II (Л. Бланъ, Фурье, Кабе и др.). Спб. 1889. *М. Бернацкій.* Очерки по исторіи соціализма. Журн. «Современный Міръ». 1908 (?). Августъ, Октябрь и Декабрь. *Rodbertus-Iagetzow.* 1) Zur Erkenntnis unserer staatswirthschaftlichen Zustande. Funf Theoreme. Neubrandenburg und Friedland 1842. 2) Zur Beleuchtung der socialen Frage. (2 und 3 Brief an von Kirchmann. Berlin). 3) Das Kapital (4 sociale Briefe an Kirchmann). Berlin. 1884. Всѣ эти три сочиненія имѣются на русскомъ языкѣ: 1) «Къ познанію нашихъ государственно-хозяйственныхъ отношеній», перев. М. Я. Герценштейна; 2) «Къ объясненію соціальнаго вопроса» (2 и 3 письма къ Кирхману), перев. М. Н. Соболева; 3) «Капиталъ», перев. І. Давыдова, Спб. 1906 г. *Rodbertus.* Zur Erklarung und

Abhulfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes, 2 Aufl. Berlin. 1893. Русскій перев. «О причинахъ нужды землевладѣльцевъ въ кредитѣ и о средствахъ помочь имъ», Спб. 1895. *Kozak.* Rodbertus-Iagetzow Social-okonomische Ansichten. Jena 1882. *Dietzel.* Karl Rodbertus. Darstellung seines Lebens und seine Lehre. Jena 1886—1887. *Karl Marx*:—Miser de la philosophie. Réponse a la philosophie de la misère de M. Proudon. Paris. 1847.—Zur Kritik der politischen Oekonomie. Berlin 1859.—Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie Erstes Buch. Hamburg. 1867.—Das Kapital. Zweites Buch. Hamburg. 1885.—Das Kapital Drittes Buch. 1894. Всѣ эти сочиненія Маркса имѣются въ русскомъ переводѣ: 1) Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М. 1896. Подъ редакціей А. А. Мануилова; 2) Капиталъ, томы: I, II и III, въ двухъ переводахъ Даніельсона и П. Струве; 3) Нищета философіи. Отвѣтъ на «Философію нищеты» Прудона. Одесса. 1905. Указатель обширной литературы о Марксѣ см. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3 Auflage, 6 Band. Jena 1910. *Проф. Шульце-Геверницъ.* Марксъ или Кантъ? Пер. съ нѣмец. Спб. 1909. Въ русской литературѣ обстоятельныя монографіи о Марксѣ, а также и о Родбертусѣ, принадлежатъ профессору Туганъ-Барановскому. См. его «Очерки изъ новѣйшей исторіи Политической экономіи». Спб. 1903, а также «Теоретическія основы марксизма» 1906 г. и нѣмецкое изданіе этого сочиненія «Theoretische Grundlagen des Marxismus». Lpz. 1905.

Протекціонизмъ.

Германія, давшая самыхъ крупныхъ представителей соціалистическаго ученія, со второй четверти XIX столѣтія является страной, въ которой экономическія науки получили широкую и разностороннюю разработку, о чемъ свидѣтельствуетъ возникновеніе цѣлаго ряда новыхъ направленій и школъ въ области экономическихъ наукъ. А именно, со второй четверти XIX столѣтія въ Германіи, наряду съ послѣдователями англійской классической школы, видное мѣсто занимаетъ доктрина протекціонистовъ, а во второй половинѣ того же столѣтія выступаютъ историческая школа и школа соціальныхъ политиковъ.

Развитіе протекціонистическаго ученія было въ значительной мѣрѣ ограженіемъ того экономическаго состоянія, въ которомъ находилась Германія въ началѣ XIX столѣтія. Поэтому мы должны обратить вниманіе на совокупность историческихъ обстоятельствъ, побудившихъ правительства отдѣльныхъ германскихъ государствъ вступить на путь охранительной политики по отношенію къ національной промышленности, такъ какъ въ періодъ той борьбы, которая велась внутри отдѣльныхъ германскихъ государствъ за введеніе таможенныхъ пошлинъ, и сложилась научная теорія протекціонизма.

Дѣло въ томъ, что въ началѣ XIX столѣтія Германія представляла собою чисто земледѣльческую страну: ея индустрія находилась еще въ зачаточномъ состояніи. По окончаніи наполеоновскихъ войнъ, границы германскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Пруссіи, были открыты для свободной международной торговли, а въ то же время на территоріи отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ существовали еще внутреннія таможни, стѣснявшія свободу экономическаго оборота. Германія была наводнена продуктами французской, швейцарской и англійской индустріи, которые подрывали развитіе туземныхъ производствъ. Въ ней въ особенности находили широкій сбытъ издѣлія англійскихъ мануфактуръ и металлургическихъ фабрикъ. Нѣмецкое населеніе могло расплачиваться за эти товары вывозомъ своихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, а между тѣмъ ввозъ германскаго хлѣба въ Англію встрѣчалъ серьезныя препятствія въ англійскихъ хлѣбныхъ законахъ, установившихъ довольно высокую пошлину на ввозимый хлѣбъ. При такихъ условіяхъ среди государственныхъ дѣятелей Германіи и въ кругу германскихъ промышленниковъ возникла мысль о защитѣ отъ англійской конкуренціи посредствомъ таможенныхъ пошлинъ. Осуществленіе этой задачи по отношенію ко всей Германіи встрѣтило препятствіе въ ея политической раздробленности. Германія въ это время, какъ извѣстно, распадалась на цѣлый рядъ отдѣльныхъ государствъ, преслѣдовавшихъ свои партикулярныя выгоды, поэтому принятіе общихъ мѣръ противъ англійской конкуренціи подвигалось довольно медленно. Первой выступила на путь таможенной защиты Пруссія изданіемъ тарифнаго закона въ 1818 году. Въ 1819 году оградила свои границы таможнями Баварія. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1828 г.) къ Баваріи присоединился Вюртембергъ,

въ результатѣ чего образовался Баваро-Вюртембергскій таможенный союзъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ Пруссіи, для таможенной охраны, присоединился Гессенъ. Въ это время, извѣстный впослѣдствіи экономистъ, Фридрихъ Листъ и выступилъ съ чрезвычайно энергичной агитаціей въ пользу образованія изъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ всеобщаго германскаго таможеннаго союза. Эта мысль, которая ранѣе уже имѣла почву въ частныхъ соглашеніяхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, наконецъ получила свое осуществленіе 1 января 1834 года, когда былъ основанъ всеобщій германскій таможенный союзъ, на срокъ до 1842 года, при чемъ было установлено, что, при извѣстныхъ условіяхъ, онъ можетъ быть затѣмъ продленъ еще на 12 лѣтъ. Таможенное объединеніе Германіи оказало огромное вліяніе на развитіе Германской промышленности. Германскіе экономисты, по значенію для будущаго развитія Германіи, ставятъ 1834 годъ образованія германскаго таможеннаго союза на ряду съ 1870—1871 годомъ, когда, подъ вліяніемъ войны съ Франціей, послѣдовало политическое объединеніе Германіи.

Созданію германскаго таможеннаго союза наиболѣе содѣйствовала Пруссія, а иниціатива этого союза принадлежала человѣку необычайной энергіи и большого таланта Фридриху Листу, которому принадлежатъ заслуги научнаго обоснованія протекціонистической теоріи. Фридрихъ Листъ родился въ 1789 году въ Рейтлингенѣ, вольномъ городѣ Швабіи. Съ 1817 по 1819 г. Листъ былъ профессоромъ въ Тюбингенскомъ университетѣ. Оставивъ профессорскую каѳедру, Листъ началъ усиленную агитацію въ пользу промышленнаго объединенія Германіи. Съ этой цѣлію онъ основалъ «Германское общество торговли и промышленности» и издавалъ «Органъ нѣмецкой промышленности и торговли». Въ качествѣ члена Вюртембергскаго парламента, онъ неустанно выступалъ передъ правительствомъ съ разными ходатайствами отъ имени своихъ избирателей. Въ то же время онъ велъ агитацію для организаціи парламентской оппозиціи, за что былъ исключенъ изъ парламента и присужденъ къ тюремному заключенію. Но вскорѣ, подъ условіемъ выселенія изъ Германіи, онъ былъ выпущенъ на свободу и переѣхалъ въ Соединенные Штаты Америки, гдѣ успѣлъ пріобрѣсть большое состояніе и сдѣлаться владѣльцемъ богатыхъ каменноугольныхъ копій. Въ 1830 г. Листъ вернулся въ Европу, въ качествѣ американскаго консула въ

Гамбургѣ, но это назначеніе было опротестовано по требованію вюртембергскаго правительства. Тогда Листъ, послѣ поѣздки на короткое время въ Америку, поселился въ 1832 г., въ качествѣ американскаго консула, въ Лейпцигѣ. Пребывая въ Германіи, Листъ послѣдніе годы своей жизни занимался литературными работами, посвященными пропагандѣ его идей и велъ агитацію въ пользу проведенія желѣзныхъ дорогъ: подъ его руководствомъ было организовано общество для постройки желѣзной дороги отъ Лейпцига до Дрездена. Листъ умеръ въ 1846 г.

Главное сочиненіе Листа «Національная система политической экономіи» (Das nationale System der Politischen Oekonomie) появилась въ 1841 г.[1]). Въ этомъ сочиненіи Листъ выступилъ рѣзкимъ противникомъ ученія Адама Смита о свободѣ торговли. Листъ самъ разсказываетъ, что онъ сначала былъ ревностнымъ сторонникомъ этого ученія Смита, но личный опытъ, почерпнутый имъ изъ наблюденій надъ промышленною жизнью народовъ, привелъ его къ убѣжденію въ ложности этого ученія. Адамъ Смитъ, по мнѣнію Листа, совершенно игнорируетъ націю и ея истинные интересы, онъ занимается исключительно мѣновыми цѣнностями безъ всякаго отношенія къ настоящимъ и будущимъ интересамъ народа, оцѣнивая всѣ хозяйственныя явленія съ точки зрѣнія выгодъ торговаго класса. Вся система Смита представляется Листу частно-хозяйственной экономіей. Изъ нея мы можемъ видѣть, какъ сложились бы хозяйственныя отношенія, если бы не существовало ни государства, ни націй, съ ихъ особенными интересами.

Исходнымъ пунктомъ ученія Листа служитъ понятіе о націи. Нація, по воззрѣнію Листа, занимаетъ средину между отдѣльнымъ человѣкомъ и человѣчествомъ. Она есть самостоятельный организмъ, соединенный тысячами матеріальныхъ и духовныхъ связей. Единство языка, литературы, происхожденія, исторіи, нравовъ, привычекъ, законовъ, учрежденій и идеаловъ отличаютъ одну націю отъ другой. Благосостояніе индивидуумовъ зависитъ отъ счастья и благосостоянія націи. Подобно тому, какъ отдѣльный человѣкъ, только благодаря націи и въ нѣдрахъ націи, достигаетъ умственнаго образованія,

---

[1]) Современныя нѣмецкія изданія этого сочиненія выходили подъ редакціей и съ предисловіемъ Eheberg'a (см. 7 изд Stuttgart, 1883 г.). Русскій переводъ изданъ въ 1891 г, подъ ред Трубникова.

производительной силы, благосостояния и безопасности, такъ и цивилизація человѣчества невозможна иначе, какъ при посредствѣ цивилизаціи и развитія націи. Поэтому первою задачею правительства должно быть поддержаніе экономическаго развитія націи, хотя бы для этого приходилось жертвовать временными интересами значительнаго числа частныхъ лицъ. Что касается матеріальнаго богатства націи, то оно состоитъ не въ обладаніи большимъ количествомъ мѣновыхъ цѣнностей, какъ утверждалъ А. Смитъ, а во всестороннемъ развитіи ея производительныхъ силъ. Подъ производительными силами Листъ понимаетъ личную свободу, физическое и духовное развитіе ея гражданъ, заботливость о будущемъ націи, процвѣтаніе наукъ и искусствъ, политическую независимость, земледѣльческую, мануфактурную и торговую промышленность. Для матеріальнаго благосостоянія націи требуется прежде всего равномѣрное развитіе земледѣльческой, мануфактурной и торговой промышленности. Но забота правительства должна быть направлена въ особенности на развитіе мануфактурной промышленности, такъ какъ эта отрасль народнаго хозяйства является однимъ изъ самыхъ могучихъ рычаговъ національнаго развитія. Она не только вліяетъ на поднятіе экономическихъ силъ торговли и земледѣлія, но въ сильной мѣрѣ содѣйствуетъ развитію наукъ, искусствъ, свободы и національной независимости страны. Чисто земледѣльческое государство, говоритъ Листъ, всегда находится въ состояніи неподвижности, застоя и экономической зависимости отъ другихъ націй, которыя получаютъ у нея земледѣльческіе продукты въ обмѣнъ на свои фабрично-заводскіе издѣлія.

Каждая нація въ своемъ развитіи проходитъ пять ступеней: 1) періодъ занятія охотою; 2) періодъ пастушескій; 3)—земледѣльческій; 4)—земледѣльческо-мануфактурный и 5)—земледѣльческо-мануфактурно-торговый. На государствѣ лежитъ обязанность соотвѣтствующей системою мѣръ облегчать переходъ отъ одной изъ этихъ стадій хозяйственнаго развитія къ другой. Для экономической политики ни свобода экономическаго оборота, ни покровительство и огражденіе промышленности не представляютъ абсолютныхъ средствъ; онѣ имѣютъ только относительное значеніе. Въ одно время правительство можетъ достигать означенной цѣли системою полнаго невмѣшательства, въ другое время путемъ покровительства и тщательной

опеки въ отношеніи національнаго хозяйства. Такъ, пока страна находится на степени патріархально-земледѣльческаго быта, она должна открывать свободный доступъ ввозу иностранныхъ товаровъ. При богатствѣ страны и ея первобытномъ состояніи, свободный ввозъ иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ и вывозъ ея земледѣльческихъ продуктовъ является самымъ дѣйствительнымъ средствомъ развить производительныя силы націи, заставить земледѣльцевъ и аристократію интересоваться промышленностью и возбудить въ ея купцахъ спящій духъ предпріимчивости. Но когда возникнутъ собственныя фабрично-заводскія предпріятія въ странѣ, то, чтобы дать возможность окрѣпнуть національной промышленности, правительство должно оградить ее отъ конкуренціи болѣе развитыхъ странъ посредствомъ таможенныхъ тарифовъ и такимъ образомъ перейти къ покровительственной системѣ.

Хотя охранительныя пошлины на нѣкоторое время и возвышаютъ цѣну продуктовъ обрабатывающей промышленности, за то потомъ, вслѣдствіе внутренняго соперничества, эти продукты подешевѣютъ. Сколько потребители, вслѣдствіе тарифовъ, проигрываютъ отъ вздорожанія товаровъ, столько же народъ выигрываетъ въ производительныхъ силахъ, которыя даютъ ему возможность на будущія времена производить огромное количество цѣнностей. Эта временная потеря потребителей составляетъ только плату за промышленное воспитаніе народа.

И только послѣ того, когда національная обрабатывающая промышленность разовьется до той степени совершенства, на которой находится промышленность другихъ странъ, государство должно опять перейти къ системѣ свободы торговли. Итакъ конечною цѣлію экономической политики государства, по Листу, должно быть развитіе промышленности и производительныхъ силъ страны до той степени, когда она могла бы спокойно вступить на путь свободнаго соперничества съ другими націями.

Историческая школа.

Историческая школа въ политической экономіи, происхожденіе которой относится къ сороковымъ годамъ прошлаго столѣтія, возникла подъ вліяніемъ воззрѣній исторической школы

въ правовѣденіи. Представители этой послѣдней Савиньи, Пухта и Эйхгорнъ смотрѣли на право, какъ на одну особенную сторону жизни народа, неразрывно связанную съ другими сторонами народнаго быта, заключающимся въ нравахъ, обычаяхъ, искусствѣ, религіи и языкѣ. Историческая школа экономистовъ также исходила изъ того воззрѣнія, что народно-хозяйственныя явленія находятся въ тѣсной, органической связи и взаимодѣйствіи со всѣми другими сторонами общественной жизни и потому могутъ быть объяснены только въ этой связи. Другое положеніе, изъ котораго исходила эта школа, заключается въ томъ, что и явленія хозяйственнаго быта, и явленія хозяйственной мысли, или экономическія теоріи, разсчитанныя на ихъ объясненіе, не представляютъ собою чего-нибудь законченнаго, а находятся въ процессѣ непрерывнаго измѣненія, поэтому они могутъ быть поняты не иначе, какъ путемъ историческаго изслѣдованія ихъ происхожденія и развитія. Вообще задачу экономическаго изслѣдованія историческая школа сводила исключительно къ объясненію связи экономическихъ явленій съ историческимъ прошлымъ и совокупностью условій культурной жизни народа того времени, къ которому относятся данныя экономическія явленія. При такомъ взглядѣ на задачу экономической науки, историческая школа относилась отрицательно къ абстрактному методу классической школы. Вопреки этой школѣ, она доказывала, что изученіе хозяйственныхъ явленій въ изолированномъ видѣ, отдѣльно отъ правовой, религіозной и политической жизни народа, не можетъ привести къ какимъ-либо реальнымъ результатамъ. Съ своей стороны, она настаивала на необходимости историко-статистическаго или, какъ она его называетъ, реалистическаго метода и не допускала возможности иначе, какъ этимъ методомъ достигнуть изученія современной экономической дѣйствительности.

Уже извѣстный намъ Фридрихъ Листъ высказывалъ воззрѣнія, близкія къ ученію исторической школы. Своими изслѣдованіями онъ побудилъ нѣмецкихъ экономистовъ къ изученію исторіи хозяйственнаго быта, изъ исторіи онъ заимствовалъ большую часть своихъ доказательствъ въ пользу необходимости покровительственной системы и народнаго воспитанія въ экономической жизни.

Основателемъ исторической школы является лейпцигскій профессоръ *Вильгельмъ Рошеръ* (Wilhelm Roscher 1817—1894)

Въ 1843 году Рошеръ издалъ программу лекцій по историческому методу (Grundris zur Vorlesungen uber die Saatswirtschaft nach geschichtlichen Methode), въ которомъ онъ въ слѣдующихъ 4-хъ пунктахъ изобразилъ сущность историческаго метода: 1) Политическая экономія, съ точки зрѣнія историческаго метода, должна изобразить, что различные народы въ хозяйственномъ отношеніи думали, что чувствовали, къ чему стремились, чего достигали, а если достигали, то чему обязаны своимъ успѣхомъ; 2) народы не представляютъ собою только теперь живущихъ индивидуумовъ, поэтому, кто желаетъ изслѣдовать народное хозяйство, не можетъ ограничиться наблюденіемъ лишь современныхъ хозяйственныхъ условій; 3) трудность отличить въ огромной массѣ явленій существенное и постоянное, вынуждаетъ насъ сравнивать между собою въ хозяйственномъ отношеніи всѣ народы, о которыхъ мы можемъ имѣть какія-либо данныя, поэтому общіе законы хозяйственныхъ явленій могутъ быть выведены изъ сравнительнаго изученія быта и исторіи всѣхъ народовъ; 4) сущность историческаго метода заключается въ томъ, что онъ разсматриваетъ всѣ хозяйственныя учрежденія, какъ имѣющія относительное значеніе. Согласно этому воззрѣнію политическая экономія должна обратить особенное вниманіе на объясненіе того, почему извѣстныя хозяйственныя учрежденія, съ измѣненіемъ историческихъ условій, изъ полезныхъ превращаются въ общественное зло (Wie und varum aus Vernunft Unsien aus Wohlthat Plage geworden ist).

Въ качествѣ экономиста, Рошеръ только отчасти отдалъ свой трудъ изслѣдованіямъ по исторіи народнаго хозяйства и исторіи экономическихъ ученій. Изъ сочиненій въ этой области въ особенности представляетъ большую научную цѣнность его «Исторія политической экономіи въ Германіи» (Geschichte der Nationalokonomik in Deutschland. 1874). Рошеръ придавалъ особенное значеніе изученію экономической жизни древнихъ народовъ, въ виду того, что ихъ развитіе представляется намъ, во всякомъ случаѣ, въ вполнѣ законченномъ видѣ. Самъ онъ, кромѣ цѣлаго ряда очерковъ хозяйственнаго быта Греціи, посвятилъ спеціальную монографію Ѳукидиду (Leben, Werk und Zeitalter des Thukydides, 1842), у котораго, по его словамъ, онъ, въ отношеніи хозяйственныхъ вопросовъ, больше поучился, чѣмъ у кого-либо изъ новыхъ экономистовъ. Большая часть многочислен-

ныхъ сочиненій Рошера относится къ прикладной политической экономіи. Въ ряду этихъ сочиненій заслуженною извѣстностью пользуется его «Политическая экономія земледѣлія» (Nationalokonomie des Ackerbaues und der Verwanden Urproductionen 1859), переведенная на русскій языкъ, которая можетъ считаться классическимъ произведеніемъ по сельскохозяйственной экономіи.

Нужно замѣтить, что вообще Рошеръ является послѣдователемъ рекомендуемаго имъ историческаго метода только въ своихъ чисто историческихъ изслѣдованіяхъ, въ общемъ же своемъ трактатѣ по теоретической экономіи (Die Grundlagen der Nationalokonomie, 1854), выдержавшемъ множество изданій. Рошеръ вполнѣ сходится со Смитомъ и Рикардо, какъ въ пріемахъ научныхъ изслѣдованій, такъ и въ общихъ выводахъ. Такъ, между прочимъ, онъ стоитъ за государственное невмѣшательство и предоставленіе возможно большей экономической свободы, въ интересахъ развитія личной иниціативы и самодѣятельности въ обществѣ. Все то новое, что онъ вноситъ въ область теоретической экономіи, заключается въ массѣ историческихъ и статистическихъ экскурсовъ и примѣчаній, которыми онъ снабдилъ разные отдѣлы экономическихъ теорій.

На ряду съ Рошеромъ, другимъ выдающимся поборникомъ исторической школы и индуктивнаго метода въ политической экономіи былъ *Карлъ Книсъ* (Karl Knies, 1821—1895). Книсъ въ 1853 году написалъ сочиненіе «Политическая экономія съ точки зрѣнія историческаго метода» (Die politische Oekonomie vom Standpuncte der geschichtlichen Methode), въ которомъ онъ обстоятельно изложилъ свои воззрѣнія на науку о народномъ хозяйствѣ, ея задачи, систему и методъ. Сущность взглядовъ Книса, выраженныхъ въ этомъ сочиненіи, заключается въ слѣдующемъ. Историческая точка зрѣнія является единственно правильной, не только при изслѣдованіи хозяйственнаго быта и экономическихъ ученій прошлаго. Она также есть единственно вѣрная и въ примѣненіи къ изученію современныхъ теорій народнаго хозяйства. Вообще экономическія теоріи должны быть разсматриваемы не иначе, какъ только со стороны ихъ развитія и измѣненія во времени. Историческое изслѣдованіе имѣетъ своею прямою задачею по отношенію къ каждой данной экономической теоріи выяснить причины ея подготовленія и возникновенія, а равно ея связь со всѣми явленіями даннаго періода общественной жизни,

вытекающими изъ условій мѣста, времени, національныхъ особенностей даннаго народа и т. п. Книсъ при этомъ упрекаетъ школу А. Смита въ томъ, что она вовсе не обращала вниманія на условія историческаго развитія хозяйственныхъ ученій, а потому смотрѣла на свои теоріи, какъ на абсолютныя и неизмѣнныя истины, которыя одинаково примѣнимы къ объясненію явленій хозяйственнаго быта народовъ прошлаго, настоящаго и будущаго времени. Въ противоположность такому воззрѣнію, экономическія теоріи имѣютъ значеніе только для той данной эпохи, на фактахъ которой онѣ основываются.

Вообще экономическія теоріи, по Кнису, должны быть построены индуктивнымъ методомъ, на фактахъ конкретнаго хозяйства даннаго народа. При изученіи народнаго хозяйства по историческому методу, въ противоположность абстрактному методу классической школы, нужно обращать вниманіе на всѣ стороны жизни народа. На первомъ мѣстѣ должно стоять изслѣдованіе территоріи, на которой живетъ народъ. Географическія и топографическія особенности данной мѣстности, островное или горное положеніе страны, высота надъ уровнемъ моря и распредѣленіе рѣчной системы—все это основные факторы, которые опредѣляютъ родъ хозяйственной дѣятельности народа. Во-вторыхъ, должны быть изслѣдованы національныя особенности даннаго народа, нравы и обычаи въ сферѣ его матеріальной и духовной дѣятельности. Въ-третьихъ, экономистъ долженъ также обратить вниманіе на характеръ государственныхъ учрежденій страны, отъ которыхъ въ значительной мѣрѣ зависитъ складъ экономическихъ отношеній и направленіе хозяйственной дѣятельности народа. Наконецъ, должна быть изучена самая религія даннаго народа, а въ частности организація церковныхъ учрежденій, которыя оказываютъ несомнѣнное вліяніе на хозяйственную жизнь страны. Книсъ при этомъ указываетъ на то вліяніе, какое, въ свое время, оказалъ на хозяйственный бытъ народовъ переходъ отъ язычества къ христіанству. Даже особенности отдѣльныхъ христіанскихъ религій замѣтно отражаются на матеріальномъ благосостояніи народа. Книсъ при этомъ приводитъ часто наблюдаемый фактъ, что въ Германіи населеніе католическихъ приходовъ отличается меньшей матеріальной обезпеченностью и бо́льшею отсталостью, по сравненію съ живущими рядомъ съ ними протестантскими общинами.

Густавъ Шмоллеръ (Gustav Schmoller, род. 1838 г.), нынѣ здравствующій, извѣстный германскій экономистъ и самый выдающійся изъ современныхъ представителей исторической школы, является авторомъ третьяго методологическаго сочиненія, написаннаго въ защиту ученій этой школы, изданнаго въ 1874 году подъ заглавіемъ «О нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ права и народнаго хозяйства» (Uber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtshaft). Раздѣляя взгляды Рошера и Книса, Шмоллеръ въ этомъ сочиненіи, съ своей точки зрѣнія, старается обосновать коренную задачу исторической школы. Новое направленіе, говоритъ онъ, стремится доказать, что народное хозяйство стоитъ въ тѣсной связи съ правомъ, моралью, обычаями даннаго общества и на данной стадіи развитія. Онъ доказываетъ, что то общее, которое связываетъ отдѣльныя единичныя хозяйства въ одно цѣлое, не заключается только въ государствѣ, но лежитъ глубже: это общность языка, исторіи, воспоминаній, обычаевъ, нравовъ, идей, это міръ общихъ чувствъ, представленій и господство однородныхъ идей, большее или меньшее согласіе всѣхъ психологическихъ стремленій. Изъ этихъ однородныхъ психологическихъ основъ вырастаетъ объективно осуществляющійся общій порядокъ жизни; это то, что греки называютъ «этосъ», т. е. кристализовавшееся въ правѣ, въ обычаяхъ и въ морали духовно-нравственное самосознаніе, которое оказываетъ вліяніе на всѣ хозяйственныя дѣйствія общества. «Этосъ» захватываетъ всѣ естественныя дѣйствія человѣка, т. е. тѣ, которыя онъ обязанъ выполнить по свойствамъ своей природы и потребностей, и придаетъ ему опредѣленный образъ. Черезъ «этосъ» или нравы, человѣкъ создаетъ въ природѣ новый міръ—міръ культуры. И къ этому міру культуры принадлежитъ также и народное хозяйство. По инстикту человѣкъ ѣстъ, нравы побуждаютъ его ѣсть въ опредѣленное время, съ извѣстными формами и орудіями. Холодъ заставляетъ его одѣваться, нравы создаютъ одежду, моду, всѣ виды болѣе изящнаго и благороднаго потребленія. По инстикту человѣкъ ищетъ себѣ самку, нравы создаютъ бракъ и семью. Руководимый чувствомъ голода, дикарь убиваетъ звѣря, нравы отдаютъ убитое животное въ его исключительную собственность, и такъ создается частная собственность и наслѣдованіе. Безъ прочно сложившихся нравовъ не можетъ быть ни рынковъ, ни обмѣна, ни денежнаго оборота, ни раздѣленія труда, ни кастъ, ни рабовъ, ни государственнаго общенія.

Хозяйственная организація каждаго народа находитъ свое главнѣйшее выраженіе въ его этическихъ нормахъ, хозяйственныхъ обычаяхъ и экономическомъ правѣ. Въ ряду большихъ этическихъ организмовъ, какъ то—семьи, общинъ, церкви, государство является важнѣйшимъ, обусловливающимъ существованіе другихъ и господствующимъ надъ ними. Какъ органъ экономическаго законодательства, государство является самымъ могущественнымъ проводникомъ этическихъ началъ въ хозяйственную жизнь. Современное государство имѣетъ своей миссіей, путемъ этизированія экономическихъ отношеній, устранить возникающіе конфликты и его дѣятельность должна выразиться въ осуществленіи соотвѣтствующихъ соціальныхъ реформъ. Расходясь съ классической школой въ ея отношеніи къ государственной дѣятельности въ области народнаго хозяйства, Шмоллеръ выступилъ какъ безусловный противникъ «британской догматики» и абстрактнаго, дедуктивнаго метода. Оставаясь послѣдовательнымъ до конца, Шмоллеръ порываетъ всякую связь съ классической теоріей политической экономіи и въ своемъ курсѣ, много лѣтъ читанномъ имъ съ каѳедры и вышедшемъ въ отдѣльномъ изданіи (Grundriss der Allgemeine Volkswirthschaftslehre 1900 г., въ двухъ томахъ), онъ дѣлаетъ опытъ построенія теоретической политической экономіи на психологическихъ и историческихъ началахъ. Въ дѣйствительности, этотъ курсъ представляетъ рядъ цѣнныхъ соціологическихъ очерковъ по исторіи семьи, собственности, экономическихъ предпріятій, общественнаго раздѣленія труда и т. п., имѣющихъ очень мало общаго съ теоретической экономіей. Шмоллеру принадлежитъ рядъ капитальныхъ работъ по исторіи хозяйственнаго быта Германіи. Особенно пользуются извѣстностью его изслѣдованія по исторіи цеховъ, мелкой промышленности и хозяйственной исторіи Пруссіи XVII—XVIII вѣка. Его экономическій семинаръ при Берлинскомъ университетѣ, въ теченіе трехъ десятилѣтій, былъ разсадникомъ, изъ котораго вышло много извѣстныхъ теперь германскихъ экономистовъ.

Историческая школа въ свое время получила широкое распространеніе въ Германіи. Въ ряду ея видныхъ представителей были Бруно Гильдебрандъ, Георгъ Гансенъ и др.

При оцѣнкѣ значенія исторической школы въ политической экономіи необходимо отмѣтить ея односторонность. Школа эта, раз-

сматривающая политическую экономію, какъ науку о законахъ развитія народнаго хозяйства и какъ экономическую политику, совершенно исключала изъ системы экономическихъ знаній — теоретическую экономію, науку получившую права гражданства, со времени методологическихъ изслѣдованій Дж. Ст. Милля. При чемъ одни изъ предстаивителей школы (Рошеръ и Книсъ), хотя и заявляли себя принципіальными противниками абстрактнаго метода Рикардо, но фактически, въ своихъ теоретическихъ трудахъ, подчиняются пріемамъ и методу классической школы, другіе же, какъ Шмоллеръ, отрицая теоретическую экономію въ стилѣ классической школы, вкладываютъ въ эту науку соціологическое и историческое содержаніе. Отношеніе исторической школы къ теоретической экономіи нашло основательную оцѣнку въ сочиненіи Карла Менгера «О методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности» (1882 г.). Учитывая неправильный взглядъ исторической школы на теоретическую экономію, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ признать и ея большую заслугу для науки. Она привлекла вниманіе ученыхъ къ изученію исторіи хозяйства и ввела въ систему экономической науки изслѣдованіе современнаго хозяйственнаго быта народовъ, сдѣлавъ такимъ образомъ прикладную политическую экономію существенною частью отечествовѣденія. Въ этомъ смыслѣ, въ трудахъ исторической школы политическая экономія является національной экономіей. Въ самой Германіи, подъ вліяніемъ историческаго направленія, главныя научныя силы обратились къ всестороннему изученію практическихъ вопросовъ германскаго землевладѣнія, промысловъ, положенія рабочаго класса и т. п. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ этой школы въ Германіи была преобразована оффиціальная германская статистика, устроены образцовые въ мірѣ статистическія бюро, въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ и Берлинѣ. Вліяніе исторической школы въ политической экономіи, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, сказалось и на нашей литературѣ. Не говоря уже объ изслѣдованіяхъ нашихъ экономистовъ, посвященныхъ вопросамъ русскаго народнаго хозяйства, появившихся въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ исторической школы,—наша земская статистика возникла при непосредственномъ содѣйствіи ученыхъ (А. И. Чупровъ, В. И. Орловъ, А. А. Исаевъ, Н. А. Каблуковъ, Вернеръ и др.), которые во время своего пребыванія въ Германіи познакомились

съ Имперскимъ статистическимъ бюро въ Берлинѣ и его знаменитымъ директоромъ Энгелемъ. Земская статистика, по оригинальности и точности пріемовъ изслѣдованія, основанная на подворной переписи, является нашимъ чисто-національнымъ дѣломъ. Въ ней положенъ фундаментъ нашей національной экономіи.

Соціально-политическое направленіе.

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Германіи наблюдается параллельное существованіе нѣсколькихъ направленій въ области политической экономіи. Наряду съ классической школой, въ литературѣ и на университетскихъ каѳедрахъ вліятельное положеніе заняли также представители исторической школы, а въ то же время пріобрѣтаютъ большую извѣстность сочиненія Родбертуса и Маркса. Но еще ранѣе, въ шестидесятыхъ годахъ, соціалистическія идеи послѣднихъ были использованы человѣкомъ выдающихся дарованій, отличающимся исключительной энергіей агитатора, Лассалемъ для поднятого имъ германскаго рабочаго движенія. Корни этого движенія лежали въ крупныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ хозяйственномъ бытѣ страны. Германія, оставшаяся до половины прошлаго столѣтія чисто земледѣльческой страной, въ это время становится ареной чрезвычайно быстраго развитія фабрично-заводской промышленности. Колоссальный ростъ этой промышленности имѣлъ свою крайне неблагопріятную сторону для рабочихъ, въ видѣ чрезмѣрнаго удлиненія рабочаго дня, привлеченія на фабрики цѣлой массы женщинъ и дѣтей, въ особенности для работы въ текстильной индустріи. Рабочіе при этомъ встрѣтились на фабрикахъ и съ дурною санитарною обстановкой, съ кризисами и безработицей. Въ то же время, подъ напоромъ конкуренціи крупныхъ предпріятій, масса мелкихъ производствъ въ обрабатывающей промышленности должна была ликвидировать свои дѣла и много бывшихъ мелкихъ предпринимателей и ремесленниковъ попадали на фабрики въ качествѣ простыхъ рабочихъ. Лассаль чрезвычайно искусно объединилъ всѣ недовольные слои рабочаго класса въ требованіи для нихъ всеобщаго избирательнаго права. Другимъ пунктомъ политической программы рабочаго движенія, поднятаго Лассалемъ, былъ предложенный имъ

планъ устройства производительныхъ рабочихъ ассоціацій на средства правительства. Это послѣднее предложеніе представляло прямое сходство съ извѣстнымъ уже намъ проектомъ «національныхъ мастерскихъ» Луи Блана. Стоя на точкѣ зрѣнія государственнаго соціализма и призывая на помощь рабочимъ правительство, Лассаль встрѣтился съ противоположной агитаціей его выдающагося современника Шульце-Делича, который отстаивалъ принципы государственнаго невмѣшательства, личнаго почина и самодѣятельности рабочихъ, и съ такой же убѣдительностью доказывалъ, что вѣрный способъ обезпеченія своего матеріальнаго положенія рабочіе найдутъ только въ коопераціяхъ—кредитныхъ, потребительныхъ и производительныхъ, устроенныхъ ими же и безъ всякой правительственной помощи.

Лассаль выступилъ противъ Шульце-Делича съ рѣзкимъ памфлетомъ [1]), въ которомъ доказывалъ несостоятельность принциповъ школы экономической свободы, а также и практической программы кооперативнаго движенія, намѣчаемаго Шульце-Деличемъ.

Въ конечномъ результатѣ, агитація Лассаля привела къ образованію «Всеобщаго германскаго союза рабочихъ», изъ котораго и развилась впослѣдствіи «Соціалъ-демократическая партія» въ Германіи; дѣятельность же Шульце-Делича, нашедшая затѣмъ энергичныхъ преемниковъ, въ лицѣ Дункера и Макса Гирша, послужила основою мощнаго развитія нѣмецкихъ кооперативовъ.

Въ атмосферѣ этихъ общественныхъ движеній, при существованіи въ Пруссіи старыхъ традицій полицейскаго государства и государственнаго вмѣшательства въ соціальную жизнь, и возникло соціально-политическое направленіе въ экономической наукѣ. Базой, на которой обосновалось соціально-политическое направленіе была оппозиція огромнаго большинства нѣмецкихъ экономистовъ противъ классической школы и соціализма. Соціальные политики, заняли среднее положеніе между индивидуализмомъ классической школы и соціализмомъ. Ученію о свободѣ оборота они противопоставляли дѣятельную роль государства въ формѣ экономическаго законодательства; признавая соціальную революцію и соціальный катаклизмъ, какъ средство разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ, въ духѣ Маркса, простою фантазіей, школа соціальныхъ политиковъ видѣла един-

[1]) F. Lassal. Herr Bastiat—Schulze von Delitsch. 1864 г.

ственный дѣйствительный путь для осуществленія общественныхъ идеаловъ въ соціальныхъ реформахъ со стороны государства и открывала послѣднему широкія перспективы въ дѣлѣ «этизированія» общественныхъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ уже раньше высказывались отдѣльные ученые, Фридрихъ Ланге въ своемъ «рабочемъ вопросѣ», (1865 г.), Шеффле въ сочиненіи «Капитализмъ и соціализмъ», Нассе и др., но въ 1872 г. на съѣздѣ въ Эйзенахѣ, собранномъ спеціально для обсужденія соціальнаго вопроса, была выработана въ вышеуказанномъ смыслѣ программа сторонниковъ соціальной политики государства, возлѣ которой объединились большинство профессоровъ политической экономіи нѣмецкихъ университетовъ, а также руководители главныхъ статистическихъ бюро Германіи и нѣкоторые видные представители парламента. На съѣздѣ были отвергнуты программы соціалистовъ и фритредеровъ и избранъ третій путь для рѣшенія соціальнаго вопроса, заключающійся въ соціальномъ законодательствѣ. Предводители противной партіи фритредеровъ, которымъ воззрѣнія соціальныхъ политиковъ казались лишь новой формой соціализма, назвали ихъ въ насмѣшку «катедеръ-соціалистами», каковое названіе сохранилось за ними и теперь въ экономической литературѣ.

Подъ названіемъ соціальныхъ политиковъ на эйзенахскомъ съѣздѣ объединилась обширная группа нѣмецкихъ профессоровъ самыхъ различныхъ направленій и оттѣнковъ, но сходившихся въ отрицательномъ положеніи къ крайнему экономическому индивидуализму и либерализму манчестерской школы. Изъ нихъ одни очень близко стояли къ исторической школѣ и почти сливались съ нею, какъ напримѣръ, Шмоллеръ и извѣстный редакторъ коллективнаго курса политической экономіи Шёнбергъ; другіе, какъ Луйо Брентано, видѣли главное средство для осуществленія соціальныхъ реформъ въ профессіональныхъ организаціяхъ рабочихъ, выступающихъ на защиту своихъ интересовъ противъ представителей капитала, и находили, что капиталистическій строй даетъ достаточно средствъ рабочему для отстаиванія своихъ интересовъ, на почвѣ личной самодѣятельности. Наконецъ, третья группа соціальныхъ политиковъ, въ лицѣ Шеффле и Адольфа Вагнера, ближе стояла къ научному соціализму, въ особенности къ воззрѣніямъ Родбертуса, и, по своимъ основнымъ тенденціямъ, можетъ быть отнесена къ государственнымъ соціалистамъ.

Образованное экономистами этого направленія «Общество соціальной политики» (Verein für Socialpolitik) въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій издало цѣлый рядъ капитальныхъ изслѣдованій по вопросамъ хозяйственнаго быта Германіи и народнаго хозяйства другихъ странъ земного шара.

Въ ряду представителей соціально-политическаго направленія, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ особеннаго вниманія воззрѣнія весьма извѣстнаго экономиста и финансиста Адольфа Вагнера, (Adolph Wagner, род. 1835 г.), какъ по оригинальности его критическаго взгляда на соціализмъ, такъ и по опредѣленности его соціально-политической программы.

Въ 1876 году Адольфъ Вагнеръ выпустилъ въ свѣтъ свой курсъ подъ заглавіемъ «Общее или теоретическое ученіе о народномъ хозяйствѣ» (Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre). Хотя этотъ курсъ былъ имъ изданъ подъ видомъ передѣлки учебника политической экономіи Рау, но по существу Вагнеръ воспользовался системою Рау для того, чтобы высказать собственныя оригинальныя воззрѣнія по вопросамъ теоретической экономіи, въ особенности въ области морфологіи народнаго хозяйства. Характерно то, что Вагнеръ взялъ за основу своихъ построеній учебникъ экономиста классической школы, что свидѣтельствуетъ о томъ, что Вагнеръ не имѣлъ въ виду порывать связь съ классической экономіей и что отличаетъ Вагнера отъ большинства представителей соціально-политическаго направленія.

Вагнеръ доказываетъ, что частно-хозяйственная организація народнаго хозяйства, которую только и имѣли въ виду соціалисты въ своей критикѣ современнаго хозяйства и буржуазной экономіи, составляетъ только одну, хотя и самую значительную, но не единственную систему экономическихъ отношеній, на которой построено современное народное хозяйство. Эта частно-хозяйственная система, основанная на началѣ личнаго интереса и конкуренціи отдѣльныхъ предпринимателей, обнимающая отношенія частныхъ хозяйствъ между собой, находитъ свое необходимое дополненіе, какъ въ сферѣ производства, такъ и въ сферѣ распредѣленія, въ такъ называемой, принудительной общественно-хозяйственной системѣ (Zwangs-Gemeinwirtchaftliche System), основанной на началѣ общаго интереса. Органами общественно-хозяйственной системы служатъ: государство

и ему подчиненные общественные союзы—провинціи, земства, уѣзды, городскія и сельскія общины. Такъ, современное государство беретъ на себя организацію чисто хозяйственныхъ предпріятій, которыя служатъ общей пользѣ. Сюда относится постройка и эксплуатація казенныхъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, каналовъ, почтъ и телеграфовъ. Иногда эта дѣятельность государства распространяется на сферу кредита (государственные банки), землеустройства и т. п. Города также являются собственниками такихъ общественныхъ предпріятій, какъ водопроводъ, газовое и электрическое освѣщеніе, канализація, трамвайное сообщеніе и т. д.

Но несравненно болѣе широкое примѣненіе имѣетъ принудительная общественно-хозяйственная система въ области распредѣленія: сюда въ значительной степени относится вся организація государственныхъ, земскихъ и городскихъ финансовъ. Разнообразные виды налоговъ, въ конечномъ счетѣ, падаютъ въ разныхъ пропорціяхъ на прибыль, ренту и заработную плату и значительно видоизмѣняютъ частно-хозяйственное распредѣленіе благъ. Характерною чертою многихъ формъ финансоваго хозяйства общественныхъ органовъ является отсутствіе эквивалентности между тѣми пожертвованіями, которыя несетъ каждый плательщикъ налоговъ и тѣми услугами, которыми онъ пользуется, какъ членъ государства отъ разныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій, обслуживаемыхъ на финансовыя средства народа. Государство можетъ дѣлать затраты на народное образованіе, страхованіе рабочихъ, больницы, значительно превышающіе тѣ средства, которыя оно собираетъ путемъ обложенія заинтересованныхъ въ этомъ слоевъ населенія, покрывая эти расходы изъ обложенія доходовъ зажиточныхъ классовъ, изъ налоговъ на землю, капиталъ, прибыль и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ налоги, совершенно освобождающіе отъ обложенія доходы людей малаго достатка, напр. прусскіе и англійскіе подоходные налоги, исключающіе изъ обложенія доходы лицъ, непревышающіе опредѣленной нормы.

Такимъ образомъ Вагнеръ открываетъ въ системѣ удовлетворенія государственныхъ и общественныхъ потребностей изъ общаго бюджета тяготѣніе, въ извѣстной мѣрѣ, къ коммунистическому принципу: каждый платитъ государству въ мѣру своихъ средствъ, а пользуется государственными учрежденіями, существующими на счетъ государ-

ственнаго бюджета, въ объемѣ своихъ потребностей (народныя школы, пенсіи рабочимъ, больницы).

Наконецъ, принудительная общественно-хозяйственная система выражается въ тѣхъ ограниченіяхъ, которыя вноситъ государство въ область частнохозяйственныхъ отношеній, основанныхъ на частной собственности и конкуренціи, и въ регулированіи распредѣленія собственности и національнаго дохода. Государство, въ данныхъ условіяхъ мѣста и времени, вступаетъ на путь аграрныхъ реформъ, облегчаетъ доступъ къ пріобрѣтенію земель матеріально необезпеченнымъ классамъ общества, издаетъ акты объ обязательномъ страхованіи рабочихъ, занятыхъ въ частныхъ предпріятіяхъ, и т. п. Вагнеръ при этомъ указываетъ на такіе институты, созданные государствомъ, какъ право на существованіе и право на трудъ. Право на существованіе находитъ свое выраженіе въ обязательномъ призрѣніи лицъ, независимо отъ своей воли лишенныхъ средствъ существованія, какъ-то: сиротъ, физически и душевно больныхъ, негрудоспособныхъ, стариковъ. Право на трудъ получаетъ свое осуществленіе въ организаціи государствомъ общественныхъ работъ для безработныхъ, для сельскаго населенія въ періоды неурожаевъ и т. п.

Обѣ названныя системы, частно-хозяйственная и общественно-хозяйственная находятъ свое дополненіе въ третьей, такъ называемой, каритативной системѣ (Caritative System), или системѣ добровольной общественной благотворительности. Въ этой сферѣ люди дѣйствуютъ или по религіознымъ мотивамъ, или въ силу общественнаго интереса, гуманности и любви къ ближнему, любви къ наукамъ и искусствамъ. При этомъ лица, посвящающіе себя этого рода дѣятельности, отдаютъ безмездно свой трудъ, или свои матеріальныя средства, на созданіе учрежденій для призрѣнія бѣдныхъ, а также больницъ, школъ, народныхъ университетовъ, музеевъ, библіотекъ и т. п. Благотворительными учрежденіями пользуются лица, неуспѣвающіе въ борьбѣ за существованіе, слабые, больные, старики, которымъ частно-хозяйственная система производства и распредѣленія не въ состояніи обезпечить необходимыя средства существованія. При чемъ пользованіе благотворительными учрежденіями является или совершенно безплатнымъ или соединено съ небольшимъ вознагражденіемъ. Источникомъ средствъ для содержанія этихъ учрежденій служатъ прибыль, рента или даровой

личный трудъ болѣе состоятельныхъ классовъ общества. Такимъ образомъ Вагнеръ имѣлъ въ виду показать, что распредѣленіе дохода на заработную плату, прибыль и ренту не есть окончательное, что вообще распредѣленіе хозяйственныхъ благъ не оканчивается въ частнохозяйственной системѣ, а выходитъ далеко за ея предѣлы и находитъ свое дополненіе въ общественной и карпитативной системѣ.

Ад. Вагнеръ посвятилъ нѣсколько главъ своего сочиненія критикѣ недостатковъ частно-хозяйственной системы и свободной конкуренціи. Сущность этихъ критическихъ воззрѣній заключается въ слѣдующемъ. Хозяйственная дѣятельность, основанная на конкуренціи, есть дарвиновская борьба за существованіе. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ системы конкуренціи выражается въ томъ, что лица, соперничающія въ хозяйственной дѣятельности, надѣлены неодинаковыми средствами борьбы, поэтому дѣти, старики, люди менѣе одаренные природою и слабые, при строгомъ проведеніи принципа борьбы за существованіе, должны быть побѣждены болѣе сильными элементами населенія. Но и среди лицъ одинаково физически и морально одаренныхъ отъ природы, побѣда однихъ надъ другими обусловливается неравенствомъ экономическихъ условій, при которыхъ они конкурируютъ между собою; лица, участвующія въ производствѣ своими капиталами, побѣждаютъ рабочихъ, ничего не имѣющихъ, кромѣ своей трудовой силы. Отсюда однимъ изъ неизбѣжныхъ слѣдствій существованія свободной конкуренціи должна быть побѣда представителей капитала надъ представителями труда и побѣда большого капитала надъ малымъ, т. е. крупныхъ предпріятій надъ мелкими. Кромѣ того, конкуренція нерѣдко дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на промышленные классы. Предприниматели, желающіе конкурировать дешевизной товаровъ, иногда прибѣгаютъ къ фальсификаціи товаровъ, къ разсчитанному обману покупателей въ вѣсѣ и мѣрѣ, къ фиктивнымъ аукціонамъ и распродажамъ. Но эти вредныя стороны конкуренціи представляются только, какъ тенденціи, не всегда проявляющіяся въ полной мѣрѣ. На самомъ дѣлѣ частно-хозяйственная система и конкуренція не приносятъ всего того вреда, который онѣ могли бы принести, такъ какъ онѣ встрѣчаютъ значительныя ограниченія со стороны паралельно съ ними существующихъ системъ общественно-принудительной и карпитативной,

которыя съ одной стороны ограничиваютъ свободу конкуренціи въ пользу слабыхъ элементовъ общества, а съ другой стороны, смягчаютъ ея послѣдствія.

Вопреки соціалистамъ, Вагнеръ признаетъ за частно-хозяйственной системой, основанной на принципѣ конкуренціи и частной собственности, не только одни недостатки. Онъ указываетъ въ конкуренціи такія благопріятныя стороны, вслѣдствіе которыхъ онъ считаетъ ее безусловно необходимою въ системѣ народнаго хозяйства. Представляя извѣстные недостатки по отношенію къ распредѣленію благъ, свободная конкуренція является незамѣнимой въ сферѣ производства, какъ сила, стимулирующая постоянный прогрессъ техники производства. А именно, стремленіе къ возможно большему сбереженію расходовъ на производство заставляетъ предпринимателей прибѣгать къ примѣненію новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій. Другой элементъ частно-хозяйственной системы, личный интересъ, руководящій всѣми дѣйствіями предпринимателей, по мнѣнію Вагнера, представляетъ незамѣнимый стимулъ образованія и роста національнаго капитала. Но если даже пренебречь этими выгодными сторонами, которыя предоставляетъ свободная конкуренція, то уничтоженіе частно-хозяйственной системы, основанной на институтѣ частной собственности и личной самодѣятельности, было бы нежелательнымъ въ виду послѣдствій для индивидуальной свободы. Съ отмѣной частно-хозяйственной системы и подчиненіемъ всего народнаго хозяйства общественно-принудительной организаціи, какъ этого желали соціалисты, человѣкъ на каждомъ шагу своей хозяйственной дѣятельности былъ бы подчиненъ общественной волѣ и въ сферѣ народнаго хозяйства не осталось бы больше мѣста для проявленія индивидуальной свободы. Итакъ Вагнеръ полагаетъ, что частно-хозяйственная система, несмотря на всѣ ея недостатки, является въ современномъ хозяйствѣ условіемъ свободы человѣческой личности и успѣховъ производства, а потому существованія ея въ строѣ народнаго хозяйства необходимо признать вполнѣ цѣлесообразнымъ. Что же касается недостатковъ этой системы, то они уже и теперь, въ значительной мѣрѣ, устраняются или смягчаются общественно-хозяйственной и карритативной системой. Хотя то, что достигнуто теперь относительно ограниченія вредныхъ сторонъ частно-хозяйственной системы представляется еще не столь значительнымъ, но оно вполнѣ

опредѣляетъ тотъ путь, по которому должны направляться экономическія реформы. Эти реформы должны заключаться въ расширеніи сферы общественно-принудительной системы на счетъ частно-хозяйственной и индивидуалистической, или, другими словами, эти реформы должны состоять преимущественно въ огосударствленіи (Verstaatlichung), совершенномъ изъятіи нѣкоторыхъ производствъ и предпріятій изъ частно-хозяйственной сферы и переходѣ ихъ въ руки государства, или же въ извѣстной регламентаціи частныхъ предпріятій и подчиненіи ихъ требованіямъ общественныхъ интересовъ. На путь такой экономической политики вступили уже многіе европейскія государства. По соображеніямъ народно-хозяйственной выгоды, современныя государства взяли въ свои руки желѣзно-дорожное хозяйство и другіе пути сообщенія, почты, телеграфы и телефоны, извѣстные роды банковыхъ учрежденій и т. п. Съ другой стороны, соціальная политика государства по отношенію къ народному хозяйству, соціальное законодательство относительно рабочихъ (страхованіе рабочихъ, опредѣленіе продолжительности рабочаго дня для взрослыхъ, женщинъ и дѣтей) и нѣкоторыя формы государственныхъ налоговъ и расходовъ расчитаны или на ограниченіе отрицательныхъ сторонъ частно-хозяйственной дѣятельности, руководимой соперничествомъ, или на ослабленіе ея неблагопріятныхъ послѣдствій въ сферѣ распредѣленія хозяйственныхъ благъ.

Но государство, при такомъ расширеніи сферы его вмѣшательства, должно коснуться своими ограниченіями главнѣйшихъ институтовъ экономическаго оборота, частной собственности, свободы договора, а также права наслѣдственнаго и завѣщательнаго. Но всякое ограниченіе, вносимое въ эти институты, противорѣчитъ установившимся юридическимъ догмамъ. Вагнеръ предвидѣлъ эти возраженія и, примыкая къ новой школѣ въ юриспруденціи Іеринга, онъ доказываетъ, что понятія объ абсолютной личной свободѣ, объ абсолютной собственности—чисто метафизическія, несуществующія въ дѣйствительности. Не говоря уже о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя встрѣчала личная свобода въ періоды рабства и крѣпостного права, и въ эпоху политическаго и юридическаго равенства свобода личности ограничивается массою институтовъ, въ интересахъ общественной пользы. Къ такого рода ограниченіямъ несомнѣнно должны быть отнесены принудительное отчужденіе земель для государственныхъ и обще-

ственныхъ надобностей (напр. подъ желѣзныя дороги), современная всеобщая обязательная воинская повинность, обязательное народное образованіе, обязательное страхованіе рабочихъ и цѣлый рядъ ограниченій свободы договора, представляемыхъ современнымъ фабричнымъ и санитарнымъ законодательствомъ.

Какое же оправданіе имѣютъ за себя ограниченія свободы личности въ современномъ хозяйственномъ быту? Всѣ эти ограниченія, говоритъ Вагнеръ, созданы въ видахъ общественныхъ интересовъ. Независимо отъ исторической измѣняемости института частной собственности, разные объекты собственности—земля, капиталъ, доходъ имѣютъ различное экономическое значеніе и недостатокъ догматическихъ опредѣленій собственности заключается въ томъ, что они всѣ эти различные объекты подводятъ подъ одно понятіе. Точка зрѣнія политической экономіи, говоритъ Вагнеръ, состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать эти правовые институты съ точки зрѣнія цѣлесообразности.

Въ системѣ экономическихъ воззрѣній Вагнера характерно то положеніе, которое онъ занялъ по отношенію къ праву. Соціалисты, въ особенности Карлъ Марксъ, Энгельсъ и ихъ послѣдователи и сторонники экономическаго матеріализма, смотрѣли на современный юридическій порядокъ, какъ на прямое препятствіе къ осуществленію ихъ идеаловъ. Поэтому въ ихъ программу входила полная отмѣна современнаго юридическаго порядка и ликвидація высшаго органа этого порядка—государства. Вагнеръ. Шеффле и другіе сторонники соціально-политическаго направленія, въ противоположность соціалистамъ школы Маркса, смотрятъ на современный юридическій порядокъ, въ связи съ прогрессомъ правовыхъ воззрѣній, какъ на опору для будущихъ народно-хозяйственныхъ реформъ. Исходя изъ значительной роли въ хозяйственной жизни современнаго государства, Вагнеръ сводитъ всю сущность соціально-экономическихъ реформъ къ расширенію сферы государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь, къ огосударствленію (Verstaatlichung), гдѣ это будетъ требоваться по условіямъ мѣста и времени, нѣкоторыхъ отраслей народно-хозяйственнаго производства и къ широкому вмѣшательству государства въ сферу распредѣленія національнаго дохода отъ производства.

Экономическія воззрѣнія А. Вагнера встрѣтили отрицательное отношеніе со стороны соціалистическихъ писателей, и со-

стороны представителей доктрины свободы экономическаго оборота, которые, какъ напримѣръ, извѣстный глава французской кооперативной школы Шарль Жидъ, видятъ въ программѣ соціальной политики А. Вагнера простое отраженіе политическихъ успѣховъ Пруссіи и германской государственности въ концѣ XIX вѣка. Эта точка зрѣнія находитъ свое основаніе въ томъ, что самъ Вагнеръ, какъ общественный дѣятель, принадлежалъ къ прусской консервативно-клерикальной партіи и былъ большимъ сторонникомъ князя Бисмарка и его политики.

Разсматривая теоретическія воззрѣнія Вагнера по существу, независимо отъ его политическихъ симпатій и практической дѣятельности, мы должны признать за нимъ весьма значительныя заслуги въ области изслѣдованія морфологіи современнаго хозяйства. Кромѣ того, «Курсъ политической экономіи» Вагнера имѣетъ важное значеніе, какъ опытъ научнаго обоснованія принциповъ соціально-экономической политики государства.

Литература относительно исторической школы и соціально-политическаго направленія.

Roscher Wilhelm. De historicae doctrinae apud Sophistas maiores vestigiis. 1838.—Grundriss zur Vorlesung uber die Staatswirthschaft 1843. — Ansichten der Volkswirthschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte. 1861. — Geschichte der Nationaloekonomik in Deutschland. 1908. — Grundlage der Nationalokonomie, 24 изд. 1906. Тоже, русск. перев. «Начала народнаго хозяйства». М. 1860.—Nationalokonomie des Ackerbaues und der verwandten Urproductionen. 1859. Тоже, русск. перев. Щепкина и Циммермана: Наука о народномъ хозяйствѣ въ отношеніи къ земледѣлію и къ другимъ отраслямъ первоначальной промышленности. 1 отдѣл. 1869 и 2 отдѣл. М. 1870 г.—Nationalokonomie des Handels und Gewerbefleisses. 1818. *Knies Karl.* Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. 1853. Новое изданіе 1883 г., подъ заглавіемъ «Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte.—Geld und Credit». 1873-1979 г. *Schmoller Gustav.* Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe in 19. Jahrhund. 1870. Über einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirthschaft 1875.—Die Schriften von

K. Menger und W. Dilthey zur Methodologie der Staats- und Socialwissenschaften. 1883.—Ueber einige Grundfragen der Socialpolitik und Volkswirthschaftslehre. 1904. —Grundriss der allgemeinen Volkswirthschaftslehre. 1900. Густавъ Шмоллеръ. Библіотека экономистовъ, изд. Солдатенкова, М. 1902. *Bruno Hildebrand.* Xenophontis und Aristotelis de ekonomia publica doctrinae illustratae 1845. — Die Nationalokonomie der Gegenwart und Zukunft. 1848. Тоже, русск. перев. «Политическая экономія настоящаго и будущаго». Спб. 1860. Для оцѣнки значенія исторической школы: Menger Karl. Die Irthumer des Historismus in der deutschen Nationalokonomie. Его же. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Перев. подъ редакц. Гурьева. Спб. 1894. В. Левитскій. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. Ярославль. 1890. Н. А. Миклашевскій. «Исторія политической экономіи». Юрьевъ, 1909. Туганъ-Барановскій. «Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи». Спб. 1903. Н. Х. Бунге. Очерки по исторіи экономической литературы. Спб. 1895.—*Brentano Lujo.* Die Arbeiter-Gilden der Gegenwart. 1871—1872.— Gewerkvereine im Verhaltniss zur Arbeitsgesetzgebung.—Arbeitsversicherung gemass der heutigen Wirthschaftsordnung. 1879.—Ueber das Verhaltniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung. 1876. Русск. перев. Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Спб. 1895. *Wagner Adolph.* Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre mit Benutzung von Rau's Grundsatze der Volkswirthschaftslehre. Grundlegung Theil. 1879.—Grundlegung der Politischen Oekonomie. 1893. in 2 Theilen., представляетъ часть коллективнаго курса политической экономіи. «Lehr- und Handbuch der Polit. Oekonomie», изданнаго въ сотрудничествѣ съ Бухенбергеромъ, Бюхеромъ и Дитцелемъ.—Theoretische Socialokonomik. Erste Abteilung. 1907.—Rede uber die sociale Frage. Berlin, 1872.—Die Abschaffung des privaten Grundeigenthums. 1870. *Schaffle Albert.* Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft. 1873.—Kapitalismus und Socialismus 1870.—Quintessenz des Socialismus. 1875. *М. В. Бернацкій,* Теоретики государственнаго соціализма въ Германіи и соціально-политическія воззрѣнія князя Бисмарка. Спб. 1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе. Страницы

Введеніе. Историческія науки о народномъ хозяйствѣ. Предметъ и задача исторіи народнаго хозяйства и исторіи экономическихъ ученій Взаимодѣйствіе между явленіями хозяйственнаго быта и хозяйственной мысли Періоды въ исторіи политической экономіи главныя стадіи исторіи народнаго хозяйства. Пособія по исторіи политической экономіи . . . 1

Древній міръ.

Очеркъ исторіи хозяйственнаго быта Греціи Важность изученія экономическаго быта и экономическихъ ученій древней Греціи. Греческое хозяйство патріархальнаго періода. Первоначальный типъ греческаго хозяйства. (Oikenwirthschaft) Характеристика ойкоснаго или домашняго хозяйства по Одиссеѣ и Иліадѣ Гомера 12

Торгово-промышленный періодъ въ исторіи хозяйства древней Греціи. Разложеніе домашняго хозяйства. Аѳинское государство. Развитіе торговыхъ сношеній. Метеки и вольноотпущенники. Происхожденіе и численный составъ рабовъ. Ихъ положеніе. Характеръ экономическаго законодательства въ древней Греціи. Сущность экономическихъ реформъ Солона Развитіе крупной промышленности и торговли послѣ Солона. Рабскій трудъ и трудъ свободныхъ рабочихъ. Банки и кредитныя операціи. 20

Государственное хозяйство Аѳинъ. Богатые и бѣдные и соціальный вопросъ въ Аѳинскомъ государствѣ. Заключеніе. Литература по исторіи древне-греческаго хозяйства 36

Экономическія ученія въ Греціи. Ѳукидидъ Ксенофонтъ. Взглядъ его на земледѣльческій и ремесленный трудъ. Экономическія ученія Платона, заключающіяся въ его сочиненіяхъ „О государствѣ“ и „О законахъ“. Отношеніе утопическихъ воззрѣній Платона къ современной ему дѣйствительности 46

Экономическія ученія Аристотеля. О цѣли соединенія людей въ общество. Ученіе о рабахъ, мѣновомъ хозяйствѣ и деньгахъ Взглядъ Аристотеля на собственность и семейный союзъ. Оцѣнка экономическихъ воззрѣній Аристотеля въ современной литературѣ. Литература по исторіи экономическихъ ученій въ древней Греціи 57

Очеркъ хозяйственнаго быта Римлянъ. Общій характеръ римскаго хозяйства. Положеніе рабовъ. Господство натуральнаго хозяйства. Тенденціи развитія мѣнового хозяйства въ періодъ мірового господства Рима. Положеніе землевладѣнія и аграрное законодательство въ Римѣ. Происхожденіе неравномѣрнаго распредѣленія поземельной собственности, въ связи съ завоевательной политикой римскаго государства. Причины обезземеленія мелкихъ пахарей. Образованіе крупныхъ латифундій. Аграрные законы Гая Лицинія Столона и Люція Секстія. Аграрные законы Гракховъ Экономическое законодательство Юлія Цезаря . 66

Стран.

Экономическое положеніе римскаго государства въ періодъ его мірового господства Римскіе дѣловые люди коммерсанты и откупщики и ихъ финансовыя операціи Земледѣліе и сельское хозяйство въ латифундіяхъ 88

Возрожденіе мелкаго землевладѣнія—колонатъ. Законодательство о немъ Юстиніана Теоріи о происхожденіи колоната—Родбертуса-Ягетцова, Фюстель де Куланжа и проф Ростовцева 102

Состояніе экономическихъ знаній въ Римѣ. Сочиненія: „Scriptores de re agraria“ et „Scriptores de re rustica“ Катонъ старшій, Варронъ, Колумелла, Цицеронъ и Сенека. Литература по исторіи хозяйственнаго быта и экономическихъ воззрѣній римлянъ 112

Средніе вѣка.

Связь среднихъ вѣковъ съ древнимъ періодомъ исторіи. Вліяніе культурнаго наслѣдства греко-римскаго періода на характеръ соціальныхъ отношеній у народовъ западной Европы въ средніе вѣка. Культурная роль католической церкви 125

Общій характеръ среднихъ вѣковъ и средневѣковаго хозяйства въ особенности. Два періода въ исторіи средневѣковаго хозяйства, гранью между которыми является возникновеніе городовъ, какъ центровъ развитія обрабатывающей промышленности и торговли. Феодализмъ, какъ система аграрныхъ отношеній. Періодъ подготовленія феодализма. Прекарное владѣніе и преобразованіе типа поземельной собственности. Процессъ феодализаціи земельныхъ отношеній. Бенефиціи, феоды и цензуальныя земли. Иммунитеты и организація средневѣковой юрисдикціи. Общій типъ феодальнаго хозяйства. Характеристика господскаго двора. 131

Обрабатывающая промышленность въ средніе вѣка Цеховая организація ремесленнаго труда. Происхожденіе цеховъ. Выгодныя стороны цеховой организаціи для своего времени. Вырожденіе цеховой организаціи и отрицательныя стороны послѣдней, въ періодъ ея упадка . . 157

Происхожденіе и развитіе городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли Города, какъ укрѣпленные пункты (Burg) и города, какъ средоточія торговли и промысловъ. Возникновеніе рынковъ сбыта въ королевскихъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Первоначальный сельскій характеръ городскихъ поселеній. Возникновеніе городовъ, какъ центровъ обрабатывающей промышленности и торговли. Первоначальный составъ городского населенія. Аристократическіе роды Зависимое населеніе городовъ и его постепенное освобожденіе. Городскія вольности и пріобрѣтеніе правъ землевладѣнія зависимыми элементами населенія. Три стадіи въ эволюціи городской земельной собственности Вліяніе преобразованія въ землевладѣніи на строй городского управленія. Демократизація послѣдняго. Три типа городовъ въ отношеніи ихъ управленія. 170

Экономическая политика средневѣковыхъ городовъ. Односторонее преслѣдованіе городами своихъ интересовъ, въ ущербъ деревнямъ. Пріемы меркантилистической политики. Законодательство о складочныхъ мѣстахъ и путяхъ сообщенія. Союзы торговцевъ для внутренней и иностранной торговли: гильдіи и ганзы. Вліяніе на развитіе торговыхъ сношеній роста королевской власти и крестовыхъ походовъ. Литература исторіи средневѣковаго хозяйства 181

Стран.

Экономическія воззрѣнія въ средніе вѣка. Подчиненіе экономическихъ ученій точкамъ зрѣнія теологіи. Два цикла экономическихъ воззрѣній католическихъ теологовъ. Отношеніе ученій Евангелія и первыхъ отцовъ церкви къ хозяйственной дѣятельности и къ богатству. Историческій смыслъ и значеніе Евангельскихъ воззрѣній на хозяйственную жизнь. Почему эти воззрѣнія находили для себя благопріятную почву въ западной Европѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ. Преобразованіе теологической доктрины въ отношеніи экономическихъ воззрѣній во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Ѳома Аквинскій. Вліяніе на его экономическія ученія Аристотеля. Основы экономическихъ взглядовъ Ѳомы Аквинскаго. Его ученіе о цѣнѣ. Взглядъ его на процентныя ссуды, торговлю и собственность. Экономическія воззрѣнія католическихъ теологовъ конца среднихъ вѣковъ. Грацианъ и экономическія воззрѣнія, заключающіяся въ corpus juris canonici. Литература по исторіи экономическихъ воззрѣній въ средніе вѣка 188

Новое время (отъ XV до половины XVIII вѣка).

Коренныя перемѣны въ складѣ хозяйства народовъ западной Европы въ началѣ новаго періода исторіи Система меркантилизма. Муниципальный періодъ въ исторіи меркантилизма. Государственный періодъ въ исторіи меркантилизма. Меркантилистическая политика въ итальянскихъ городахъ-республикахъ (Венеція). Меркантилизмъ въ Испаніи. Меркантилистическая политика въ Англіи. Меркантилизмъ во Франціи 208

Главнѣйшіе писатели меркантилистическаго направленія. Сторонники теоріи денежнаго баланса. Вильямъ Стаффордъ, Миссельденъ. Главнѣйшіе представители теоріи торговаго баланса: въ Англіи—Томасъ Менъ, Джемсъ Стюартъ, въ Италіи—Антоніо Серра и Джиновези, во Франціи—Монкретьянъ и др Заключеніе о меркантилистической системѣ. Литература по исторіи меркантилистической политики и исторіи меркантилистическихъ ученій 254

Писатели, представлявшіе собою реакцію противъ меркантилизма: Вильямъ Петти, Додлей Нортъ. Французскіе экономисты-финансисты: Буагильберъ и Вобанъ 266

Школа физіократовъ. Связь ученій физіократовъ съ условіями экономическаго быта и съ умственнымъ теченіемъ во второй половинѣ XVIII вѣка во Франціи. Основныя положенія физіократической доктрины. Франсуа Кэне, Тюрго и Гурне (Жанъ Винсентъ). Значеніе физіократической школы. Главнѣйшія сочиненія физіократовъ и литература по исторіи физіократической школы 275

Крупныя перемѣны въ строѣ англійской промышленности въ теченіе XVIII в. и направленіе экономической мысли въ Англіи въ послѣднія десятилѣтія, предшествующія появленію сочиненія Адама Смита „О богатствѣ народовъ“. Писатели по экономическимъ вопросамъ этого времени Берклей, Туккеръ, Кантильонъ и Локкъ. Давидъ Юмъ, какъ непосредственный предшественникъ А. Смита 294

Новѣйшее время (съ половины XVIII до конца XIX вѣка).

Адамъ Смитъ. Его біографія. А. Смитъ, какъ наблюдатель современной ему экономической жизни и методы изслѣдованія въ его сочиненіи „О богатствѣ народовъ“. Очеркъ основныхъ воззрѣній А. Смита.

Стран.

Прикладная часть сочиненія „О богатствѣ народовъ“. Общая оцѣнка значенія этого сочиненія. Отношеніе А. Смита къ ученію физіократовъ. 306

Послѣдователи А. Смита Томасъ-Робертъ Мальтусъ. Давидъ Рикардо 338

Англійская политика свободной торговли и манчестерская школа. Общественное движеніе противъ хлѣбныхъ законовъ. Ричардъ Кобденъ и Джонъ Брайтъ. Ученіе о свободѣ экономическаго оборота въ редакціи манчестерской школы. Чартистское движеніе и его вліяніе на экономическую доктрину 361

Главнѣйшіе представители классической школы въ Англіи въ первой половинѣ XIX столѣтія Джонъ Стюартъ Милль Отношеніе его къ ученіямъ А Смита. Главнѣйшія идеи, выдвинутыя въ его сочиненіи „Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи“. Поправки, сдѣланныя Д. С. Миллемъ, въ теоріяхъ классической школы. Д. С. Милль, какъ экономистъ-теоретикъ. Его воззрѣнія въ области экономической политики. Значеніе Милля въ области методологіи политической экономіи Кэрнсъ, Тортонъ и друг. Сочиненія экономистовъ классической школы 371

Классическая школа во Франціи. Жанъ Батистъ Се. Фридрихъ Бастіа. Классическая школа въ Германіи 385

Симондъ де Сисмонди. Особое положеніе, занятое имъ среди современныхъ ему экономистовъ. Сочиненіе Сисмонди „О новыхъ началахъ политической экономіи“ и отмѣченныя въ немъ главнѣйшія отрицательныя стороны капиталистическаго хозяйства. Требованія, предложенныя Сисмонди, по отношенію къ соціальному законодательству Вліяніе Сисмонди на представителей научнаго соціализма и на Родбертуса въ особенности 393

Соціализмъ Общія характерныя черты соціалистическихъ ученій и отношеніе соціализма къ классической школѣ. Утопическій соціализмъ и его характерныя особенности. Связь утопическаго соціализма первой половины XIX вѣка съ условіями хозяйственнаго быта и съ направленіемъ общественной философіи этого времени во Франціи. Сенъ-Симонъ. Сенъ-симонисты. Шарль Фурье. Робертъ Оуенъ. Заключеніе объ утопическихъ соціалистахъ 400

Кооперативное движеніе, какъ практическій результатъ широкаго распространенія идей утопическихъ соціалистовъ. Государственный соціализмъ. Луи Бланъ и кооперативное движеніе во Франціи 429

Научный соціализмъ. Черты, отличающія научный соціализмъ отъ утопическаго. Творцы научнаго соціализма Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ Историческій элементъ въ его научномъ творчествѣ въ области теоретической экономіи. Объ общественномъ характерѣ экономическихъ явленій, въ противоположность индивидуализму классической школы. Главнѣйшія экономическія воззрѣнія Родбертуса. Его ученія о причинахъ экономическихъ кризисовъ и пауперизма. Его практическіе выводы. Карлъ Марксъ. Сходство экономическихъ теорій Маркса и Родбертуса и оригинальность обоихъ экономистовъ. Вліяніе на Маркса идей Прудона и Лоренца Штейна. Основныя экономическія ученія Маркса. Теорія трудовой цѣнности. Теорія прибавочной стоимости. Теорія кризисовъ и обнищанія. Экономическій матеріализмъ. Оцѣнка отдѣльныхъ экономическихъ теорій Родбертуса и Маркса. Общее заключеніе о научномъ соціализмѣ 435

Стран.

Протекціонизмъ. Историческія условія возникновенія протекціонистической политики въ Германіи. Фридрихъ Листъ и его „Національная система политической экономіи". 458

Историческая школа въ политической экономіи Ея творцы и главные представители: Вильгельмъ Рошеръ, Карлъ Книсъ и Густавъ Шмоллеръ. Недостатки исторической школы и ея заслуги. 463

Соціально-политическое направленіе. Положеніе, занятое имъ по отношенію къ соціализму и къ ученіямъ классической школы. Неоднородный составъ экономистовъ, представляющихъ собою соціально-политическое направленіе Шеффле и Адольфъ Вагнеръ. Экономическія воззрѣнія А Вагнера и коррективъ, дѣлаемый имъ по отношенію къ научному соціализму Его взглядъ на структуру современнаго народнаго хозяйства. Частно-хозяйственная, общественно-принудительная и карритативная системы. Оцѣнка положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ частно-хозяйственной системы и возраженія противъ предполагаемой соціалистами ея отмѣны 471

Оглавленіе . . . . . I—V

Алфавитный указатель именъ VII

Алфавитный указатель

именъ, съ обозначеніемъ страницъ, на которыхъ они встрѣчаются.

Абель, 285.
Августинъ Блаженный, 277.
Августъ Октавій, 87
Агирій, 38
Adler Georg, 457.
Азаревичъ, проф, 123.
Алкивіадъ, 32
Альбертъ Великій, 196
Алексѣй, Импер Визант, 229.
Анакреонъ, 65.
Анфантенъ, 415, 418, 457
Аполлодоръ Лемносскій, 46.
Аристофанъ, 40, 42, 43, 55.
Аристотель, 15, 37, 41, 44, 45, 55—66, 189, 191, 195, 196, 202, 213, 292, 452.
Аркрайтъ, 298, 299.
Арнольдъ, 10, 178, 180, 188
Атилла 129, 170

Бауеръ Стефанъ, 283.
Бастіа, 335, 391, 392
Baumann I, 207.
Базаръ, 415, 418, 457
Баумштаркъ, 383.
Беджготъ (Bagehot), 383
Беконъ Веруламскій, 209, 212.
Бэкъ (Boeck), 24, 27, 45
Below Georg, 188.
Бенвенунто Челлини, 250.
Берклей, 301.
Бернардинъ св, 204, 207
Белохъ 22, 24, 36, 45.
Беллами, 430.
Бланки, 11, 227, 242, 252
Боденъ, 212
Бернацкій М., 405, 457, 458, 482.
Бодо, аббатъ, 285, 294.
Беклей, 308.
Бибиковъ, 314
Бокль, 313
Брутъ, 87.
Brentano Lujo, 188, 384, 473, 482.
Brants, 207
Брайтъ Джонъ, 364, 366, 367, 391.
Буагильберъ, 269, 270—275, 277, 359.
Бузескулъ В П, проф., 24, 29, 35, 41, 43, 45, 66.
Буасье Гастонъ, 124, 456.
Буль Генрихъ, 123.
Бунге Н. Х, 11
Бюхеръ (Bucher) Карлъ, 10, 43, 187, 482.
Buchssenschutz, 23, 27. 45
Бюшезъ, 430.

Вагнеръ Адольфъ, 380, 436, 473—482.
Валентъ, Импер Виз., 104.
Валентинъ, Импер. Визант, 104.
Варронъ, 68, 96, 98, 100, 106, 114, 117, 118, 119, 124.
Warschauer O, 456, 457
Васко-де-Гама, 209.
Вэббъ (Уэбъ) Сидней, 384, 430, 457
Weber Max, 46, 74, 123.
Weil, 457
Вильде, 163
Вильсонъ, 364
Виноградовъ П., проф., 123, 135, 187, 265.
Виноградскій, 350.
Виппер Р, проф. 46. 91, 93, 95, 121, 123
Вобанъ, маршалъ, 7, 269, 272—277
Вольфъ, 211, 227
Вольтеръ, 277, 278, 286, 292.

Гансъ де-Генрихъ, 204.
Hanauer l'abbe, 146, 187.
Гарденбергъ, 338.

Hauser, 188
Hasbach, 294, 384
Габиній, 88.
Гансенъ Г., 469.
Hegel Karl, 188.
Гезіодъ, 15, 18.
Гельвецій, 309
Генрихъ III Англ., 234
Генрихъ IV Англ., 239.
Генрихъ IV король франц., 249.
Генрихъ VI англійскій, 245.
Гершензонъ М. О., 304.
Геліокь, 430.
Гете, 2
Германъ, 393.
Гейстербергъ, 107, 123.
Гетчесонъ, 305, 307, 313
Гибинсъ, 229, 285, 296.
Guirad Paul, 46
Гильдебрандъ Бруно, 9, 469. 481.
Гіеро, 46
Гиггсъ, 294
Гомеръ, 17, 46.
Hoffmeister, 73, 123.
Гольбахъ, 309.
Горацій, 35, 96, 122.
Гракхъ Гай, 86.
Гракхъ Тиберій, 81—84.
Граціанъ, 265.
Гревсъ И М., 73, 123, 187.
Гуго Гроцій, 278.
Гурне, 286, 288, 289, 290
Гусаковъ А. Г., проф., 73.
Густавъ III, король шведскій, 286.

Д'Аламбергъ, 283, 286, 293.
Давидъ Эдуардъ, 451.
Демосфенъ, 32, 38.
Джевонсъ, 383, 385.
Джиновези, 259
Дживелеговъ, А., 11, 188
Джонсонъ, 337.
Denis Hector, 11, 307, 309.
Дидеро, 387.
Dietzel, 458, 482
Duhring, 11.
Dureau de la Male, 123.
Дюпонъ де-Немуръ 285, 286, 293.

Eberstadt 188
Eisenhardt H., 11.
Елизавета, Королева англійская, 226, 236, 241, 295, 339.

Ефруси Б., 40
Жакобъ, 229.
Жиль де-Ромъ, 204.
Gide Charles et Rist, 11, 294, 334
Jourdin, 207.

Gierke O., 188.
Girard de E., 207.

Зомбартъ Вернеръ, 166, 188.
Зоненфельсъ, 211.

Иванюковъ И И., проф., 11.
Ientsch Karl, 309, 337, 384.
Инама-Штеннегъ, 10, 134, 136, 186.
Ингремъ (Ingram), 333, 380.
Иппократъ, 41.
Iung Iulius, 127.
Ирминонъ (l'abbe Irminon), 147, 153, 154, 187.
Исаевъ А А., проф., 433, 470.

Кабе, 403, 429.
Каблуковъ Н. А., проф., 470
Кампанелла, 402.
Капри Гуго, 250.
Кантильонъ, 286, 288, 301.
Карлейль, 368.
Карлъ IX франц., 248.
Карлъ Великій, 131, 137, 138, 158.
Карлъ V, 226, 227, 232.
Карлъ Фридрихъ Баденскій, 286.
Карѣевъ, проф., 46, 187, 294, 368
Каресъ Паросскій, 46.
Кассій Спурій, 79.
Кассій, 87
Катонъ старшій, 67, 68, 77, 88, 89, 94, 96, 99, 114—124.
Катуллъ, 95
Kautz I., 10, 266.
Каутскій, 187.
Квинтиліанъ, 96, 361.
Кейнесъ, 5
Кенингемъ, 127, 187, 230, 236, 242, 265, 292
Кефалъ, 33
Кернсъ, 382, 385.
Kleinwachter F., 457.
Клифъ-Лесли, 308, 313, 333, 384.
Клеонъ, 32.
Клоккъ, 259.
Книсъ К. 466, 467, 481.

Кобденъ Ричардъ, 364, 366, 367, 384, 391.
Ковалевскій М. М., проф., 135, 137, 139, 187, 256, 294.
Колумбъ, 209, 227.
Кольберъ, 248—254, 276, 282.
Константинъ Великій, 103, 104.
Contzen, 206.
Кортесъ, 227.
Контъ Огюстъ, 415
Кромвель, 242.
Крижаничъ Юрій, 259.
Косса Луиджи, 8, 11, 255, 265, 288.
Кондорсе, 345.
Кромптонъ, 298, 299.
Крассъ, 90, 92, 94
Ксенофонтъ, 25, 34, 38, 39, 44, 47, 48, 65, 66, 120 182, 292.
Кулишеръ І. М., 299.
Курціусъ Эрнестъ, 28, 31.
Кэне Франсуа, 7, 211, 282—286, 292, 293, 304, 309, 335.
Кэри, 391.

Labart J H., 188
Лавеле Эмиль, 134
Ламондъ Елизавета, 256.
Ланге Ф., 473
Лассаль Фердинандъ, 434, 471, 472.
Лебедевъ А. С., 187
Лежандръ, 289.
Левитскій В Ф., 10, 187, 350, 400, 451, 482
Левченковъ, 304.
Levasser, 188.
Лезеръ, проф., 256, 265, 383.
Леопольдъ, Импер. Австрійскій, 286.
Леонардо-да-Винчи, 250.
Летронь, 285, 294.
Liebig Justus, 350.
Линкольнъ, 31.
Лициній Столонъ, 79, 80.
Листъ Фридрихъ, 9, 460—464.
Ливій Титъ, 92, 212.
Лисій, 40.
Ловеттъ, 369.
Lloyd Iones, 457.
Локкъ, 301.
Лукуллъ, 90, 98
Лукрецій Карлъ, 95, 96.
Лупусъ св., 129
Луи Бланъ, 431, 432, 434, 457.
Луцилій, 122
Людовикъ XIV, 248, 249, 257, 272, 276, 410
Людовикъ XV, 287.
Лютеръ, 413.
Люцій Секстій, 79.

Мабли, 403.
Маклеодъ, 373, 383
Маккуллохъ, 361, 372.
Макіавелли, 212.
Мальтусъ Робертъ, 329, 338—352, 376, 380, 384
Мальтусъ Даніель, 341, 383, 396.
Манлій Капитолійскій, 79.
Майценъ, 134, 187
Мануиловъ А А., проф., 458.
Mascher, 188
Марксъ Карлъ, 9, 65, 268, 399, 435, 443—456, 458
Марій, 90.
Марковъ, И., 304
Мауреръ, 139, 155, 163, 186
Менъ Томасъ, 259—263.
Менгеръ Антонъ, 399.
Менгеръ Карлъ, 8, 382, 470, 482.
Менъ Генри, 16, 19, 134.
Мейеръ Эдуардъ, 43, 45, 65
Мейеръ Морицъ, 11.
Мербекъ Вильямъ, 195.
Мерсье де ла Ревіеръ, 285, 286
Миклашевскій А. Н., проф., 4, 288, 482.
Милль Джонъ Стюартъ, 6, 8, 62, 329, 349, 371—383, 385, 388, 470.
Милль Джемсъ, 371
Мирабо старшій, 283—286, 293.
Миссельденъ, 255, 258, 259.
Модестовъ, В И., 119, 124
Монкретьянъ, 259, 262, 263.
Моръ Томасъ, 402.
Морелли, 403.
Mumenhof, 188.

Necker J., 265.
Неронъ, 94
Neymarck, 265
Nitsch, 187
Норть Додлей, 268, 269, 306.
Nubbart, 457.
Ньютонъ, 407, 414.
Niz, 207.
О'Бріанъ, 365.
О'Коннеръ, 369.

Онкенъ 66, 124, 252, 254, 294
Орезмъ Николай, 204
Орловъ, В И, 470.
Оуенъ Робертъ, 340, 345, 369, 403, 425—429, 430, 456, 457.

Павелъ Апостолъ, 190, 192.
Палладій, 68.
Пастеръ, 350.
Пассіонъ, 36.
Петръ Великій, 226.
Периклъ, 26, 33, 37, 38, 43, 55.
Петти Вильямъ, 267, 268, 359.
Pelham Henry, 123.
Pellarin, 457.
Pigeonneau, 186.
Пизарро, 227.
Питъ старшій, 31
Питъ младшій, 337
Pohlmann Robert, 66.
Платонъ, 41, 43, 44, 45, 49—57, 63, 65, 66, 113, 189, 213, 402, 403, 424.
Плиній старшій, 68, 94, 102, 107, 119.
Помпей, 85, 90, 92.
Помяловскій И В, 124.
Поль Льюисъ, 298.
Посошковъ, 259
Прентль, 337
Прудонъ, 444—445, 456, 458.
Пуфендорфъ, 211, 305, 307.

Рау, 392.
Рене де-Бирягъ, 248.
Рикардо Давидъ, 268, 271, 338, 352—361, 376, 379—384, 390—393, 397, 453
Ришелье 248, 250.
Ричардъ II Англійскій, 230, 245, 246.
Родбертусъ-Ягетцовъ, 9, 15, 43, 45, 68, 93, 105, 106, 111, 123, 399, 434, 435, 443, 444, 447, 449, 450, 453—458, 473.
Роджерсъ Торольдъ, 265.
Робертсъ, 299.
Робеспьеръ, 407.
Робіа де ла Джероламо, 250.
Родригъ, 414
Ростовцевъ, проф, 92, 108, 109, 122.
Рошеръ Вильгельмъ, 45, 265, 464—464—466, 481.
Руллъ Публій Сервилій, 85
Руссо Жанъ-Жакъ, 277, 278, 314, 341.

Сальвіоли, 93.
Сарто Андрей де ла, 250.
Секендорфъ, 259
Сенека, 122, 124, 189
Сенъ-Перави, 285.
Синьоръ Нассау, 372.
Се Жанъ Батистъ, 335, 386—391, 397.
Сенъ-Симонъ, 377, 403, 405—417, 429, 456, 457.
Серра Антоніо, 259, 261—263.
Сисмонди Симондъ де, 9, 377, 393—400, 401, 404.
Simon Helen, 457.
Скаржинскій, 288.
Смитъ Адамъ, 3, 7, 211, 228, 243, 247, 263, 271, 272, 287, 288, 301—338, 351, 352, 357, 358, 361, 371, 374, 376, 379, 380—383, 387, 389, 396, 400, 413, 437
Соболевъ М. Н., проф, 457.
Сократъ, 49, 50, 65.
Солонъ, 26—32, 43.
Спенсеръ Гербертъ, 348.
Стаффордъ Вильямъ, 255—258.
Стевартъ Дугальдъ, 335, 383.
Струве П., 294.
Stieda, 188.
Стюартъ Джемсъ, 259, 262.
Сулла, 90.
Сципіонъ Эмиліанъ, 83.
Сюлли, 248

Тейлоръ мистрисъ, 380.
Тойнби, 223, 243, 246, 247, 265, 299.
Томпсонъ, 364.
Торренсъ, 372, 385.
Торнтонъ, 382, 385.
Тотоміанцъ В. Ѳ., 428.
Траянъ, 87.
Туганъ-Барановскій М. И., проф., 368, 385, 449, 458, 482.
Туккеръ, 286, 288, 301, 306.
Тукъ, 372, 385.
Тьери, 415.
Тюненъ, 271, 392, 393.
Тюрго, 286—292, 294, 309, 337.

Уаттъ Джемсъ, 299, 310, 311.
Уолесъ, 345.

Фаусетъ, 383, 385.
Фергюсонъ, 306.

Fischendorf, 187.
Fleischmann, 123.
Филиппъ II, Испанск Король, 228, 239.
Флакъ Валерій, 88.
Форміонъ, 36.
Фоксъ, 364, 366, 391.
Francott Henri, 34, 46.
Франклинъ, 342.
Фурье Шарль, 403, 418—425, 429, 457.
Funck, 207

Хлодвигъ, 128.
Харгривсъ, 298, 299.

Цезарь Юлій, 68, 86, 87, 88, 90.
Цицеронъ, 71, 91, 96, 119, 120, 121.
Цина, 95.

Чайльдъ, 286, 288
Чайковскій Н., 384.
Чернышевскій Н. Г., 335, 381, 430.
Чичеринъ Б, 304.
Чупровъ А. И., 236, 265, 312, 470.
Schanz, 239, 265.

Шекспиръ Вильямъ, 256.
Scheel v. H., 124.
Шеффле, 380, 473, 482.
Шмоллеръ Густавъ. 188, 212, 211, 265, 468, 469, 481.
Шопенгауеръ, 49.
Schönberg, 188.
Штейнъ, прусск министръ, 338.
Штейнъ Лоренцъ, 457.
Шульце Геверницъ, 452, 454.
Шульце Деличъ, 472.
Шрандеръ, 959.

Щегловъ Д, 66, 457.
Щепкинъ, 481.

Эйлеръ, 343.
Энгельсъ Фридрихъ, 445, 452.
Esslen Joseph, 350.

Ювеналъ, 122.
Юмъ Давидъ, 7, 301—309, 337, 341.
Юстиніанъ Великій, 103, 104.
Юсти, 211.

Яковенко В И., 334.
Янжулъ И. И., академикъ, 11, 233, 258, 265.

Ѳедоровичъ, 11.
Ѳемистоклъ, 35.
Ѳома Аквинскій, 196—204.
Ѳукидидъ, 44, 46, 66, 189.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строки.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
147	3 снизу	Politique	Polyptyque
148	1 „		
154	1 „		
277	13 „	Вальтеръ	Вольтеръ
292	21 сверху	Anales	Analyse
294	16 снизу	Н. Струве	П. Струве
299	15, 16 сн.	Уайтомъ	Уаттомъ (Watt)
308	1 снизу	въ Фарнеѣ,	въ Фарнеѣ
352	9, 10, 11 сн.	явленій жизни которыхъ вовсе не замѣчали предшествующіе экономисты, открывающихъ новыя стороны въ хозяйствѣ	явленій, открывающихъ новыя стороны въ хозяйствѣ, которыхъ вовсе не замѣчали предшествующіе экономисты
404	1 сверху	хозяйственнаго быта философіи этого времени и съ направленіемъ общественной во Франціи.	хозяйственнаго быта и съ направленіемъ общественной философіи этого времени во Франціи
415	4 снизу	общественней	общественной
449	14 „	Ротбертусъ	Родбертусъ

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.